Статьи Билла У.
для журнала «Грейпвайн»

Язык Сердца

ЯЗЫК СЕРДЦА

Статьи Билла У. для журнала «Грейпвайн»
Корпорация «АА Грейпвайн»
Нью-Йорк

Некоторые из статей Билла У. для журнала «Грейпвайн» (или отрывки из них) включены в брошюры АА, одобренные Конференцией. Статья «Проблемы помимо алкоголя» перепечатана как отдельная брошюра, кроме того, отрывки из статьи публикуются в виде листовки. Все статьи брошюры «Традиции АА: как они развивались» изначально были опубликованы в журнале «Грейпвайн» и приведены в первой части данной книги.

Авторские права принадлежат корпорации
«АА Грейпвайн», а/я 1980, NY 10163-1980, Нью-Йорк,
Грэнд Сэнтрал Стэйшн. © 1988 г.

Все права защищены.

Второе издание
2005 г.

Выражаем искреннюю благодарность за разрешение на публикацию следующих материалов:

Письмо Вильяму Уилсону от К.Г. Юнга от 30 января 1961 г. Авторские права принадлежат издательству Принстонского университета, Принстон, Нью-Джерси. © 1963 г. Перепечатано с разрешения владельца прав.

Отрывки из книг «АА взрослеет» (авторские права защищены, © 1985 г.) и «Двенадцать Принципов всемирного обслуживания» (авторские права защищены, © 1985 г.) опубликованы с разрешения корпорации «Всемирные службы АА».

Каталожная карточка Библиотеки Конгресса № 88-71930
ISBN 0-933685-33-5
Напечатано в США.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие *(от Лоис У.)*.....

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: 1944-1950 гг......

Раздел 1: формирование Традиций.....

Скромность – курс на хорошие отношения с общественностью *(август 1945 г.)*.....

«Правила» опасны, но единство необходимо *(сентябрь 1945 г.)*.....

Рождение Большой Книги *(октябрь 1945 г.)*.....

Традиция, рожденная из нашей анонимности *(январь 1946 г.)*.....

Наша анонимность – вдохновение и безопасность *(март 1946 г.)*.....

Двенадцать рекомендуемых пунктов Традиций АА *(апрель 1946 г.)*.....

Безопасное использование денег *(май 1946 г.)*.....

Политика в отношении пожертвований *(июнь 1946 г.)*.....

Индивидуум и АА как коллектив *(июль 1946 г.)*.....

Член АА – кто он? *(август 1946 г.)*.....

Будет ли когда-нибудь в АА личностная система управления? *(январь 1947 г.)*.....

Опасности связи АА с другими проектами *(март 1947 г.)*.....

Клубы в АА *(апрель 1947 г.)*.....

Надлежащая госпитализация: одна острая потребность *(май 1947 г.)*.....

Нехватка денег оказалась благом для АА *(июнь 1947 г.)*.....

Последние семь лет сделали АА самообеспечиваемым *(август 1947 г.)* .....

Мемфисская речь о важности Традиций *(октябрь 1947 г.)* .....

Регистрация юридических лиц: употребление и злоупотребление *(ноябрь 1947 г.)* .....

Традиция Первая *(декабрь 1947 г.)* .....

Традиция Вторая *(январь 1948 г.)* .....

Традиция Третья *(февраль 1948 г.)* .....

Традиция Четвертая *(март 1948 г.)* .....

Традиция Пятая *(апрель 1948 г.)* .....

Традиция Шестая *(май 1948 г.)* .....

Традиция Седьмая *(июнь 1948 г.)* .....

Традиция Восьмая *(июль 1948 г.)* .....

Традиция Девятая *(август 1948 г.)* .....

Традиция Десятая *(сентябрь 1948 г.)* .....

Традиция Одиннадцатая *(октябрь 1948 г.)* .....

Традиция Двенадцатая *(ноябрь 1948 г.)* .....

Просьба и извинение *(декабрь 1948 г.)* .....

Предложение ко Дню благодарения *(ноябрь 1949 г.)* .....

Раздел 2: Дополнительные статьи этого периода .....

Комментарии к идеям мистера Уайли *(сентябрь 1944 г.)* .....

Неизбежный результат *(октябрь 1944 г.)* .....

Письмо к матери алкоголика *(декабрь 1944 г.)* .....

Ох уж эти таблетки... *(ноябрь 1945 г.)* .....

Авантюра с изданием книги обернулась разочарованием *(июль 1947 г.)* .....

А можно мы тоже вступим в АА? *(октябрь 1947 г.)* .....

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: 1950-1958 гг. .....

Раздел 1: Возмужание АА .....

Мы приближаемся к зрелости *(октябрь 1949 г.)* .....

Мы повзрослели *(сентябрь 1950 г.)* .....

АА – не большой бизнес *(ноябрь 1950 г.)* .....

Ваш Третий Завет *(декабрь 1950 г.)* .....

Служить – значит жить *(июнь 1951 г.)* .....

Служение заставляет пульс АА биться *(ноябрь 1951 г.)* .....

Видение завтрашнего дня *(январь 1952 г.)* .....

Наше последнее великое решение *(июнь 1954 г.)* .....

Письмо группам *(июль 1954 г.)* .....

Значение Сент-Луиса *(апрель 1955 г.)* .....

Как росли всемирные службы АА. Часть 1 *(май 1955 г.)* .....

Как росли всемирные службы АА. Часть 2 *(июнь 1955 г.)* .....

Что такое Третий Завет? *(июль 1955 г.)* .....

Хранитель АА: наша Конференция по общему обслуживанию *(апрель 1958 г.)* .....

Раздел 2: Будем дружелюбными с нашими друзьями .....

Психиатры *(июль 1957 г.)* .....

Врачи *(август 1957 г.)* .....

Священники *(сентябрь 1957 г.)* .....

Пресса, радио, телевидение *(октябрь 1957 г.)* .....

На фронтах борьбы с алкоголизмом *(март 1958 г.)* .....

Раздел 3: Дополнительные статьи этого периода .....

Привет Канаде *(май 1951 г.)* .....

Знакомьтесь: попечители-неалкоголики
(ноябрь 1951 г.) .....

Немного истории: происхождение Двенадцати Шагов
(июль 1953 г.) .....

Еще немного истории: сестра Игнатия и Доктор Боб
(февраль 1954 г.) .....

Йельская переписка Билла У. *(февраль 1978 г.)* .....

Почему Анонимные Алкоголики анонимны
(январь 1955 г.) .....

О деньгах *(ноябрь 1957 г.)* .....

Проблемы помимо алкоголя *(февраль 1958 г.)* .....

Проявим благоразумие – практическое и духовное
(август 1958 г.) .....

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: 1958-1970 гг. .....

Раздел 1: Во всех наших делах .....

Величайший из всех даров *(декабрь 1957 г.)* .....

Следующий рубеж: эмоциональная трезвость
(январь 1958 г.) .....

Сделайте одиннадцатый шаг *(июнь 1958 г.)* .....

Язык сердца *(«АА сегодня»)* .....

Бог как мы его понимаем: дилемма безверия
(апрель 1961 г.) .....

Смирение на сегодня *(июнь 1961 г.)* .....

Проблема честности *(август 1961 г.)* .....

Проблема страха *(январь 1962 г.)* .....

Что такое принятие *(март 1962 г.)* .....

Когда вступает в дело сила воли *(май 1962 г.)* .....

Духовные переживания *(июль 1962 г.)* .....

Переписка Билла У. и Карла Юнга *(январь 1963 г.)* .....

Доктор Юнг, доктор Силкуорт и АА
(январь 1968 г.) .....

Раздел 2: Взгляд в будущее .....

Лидерство в АА как извечная насущная потребность
(апрель 1959 г.) .....

Общение в АА преодолевает все барьеры
(октябрь 1959 г.) .....

Двадцать пять лет спустя *(март 1960 г.)* .....

Что такое свобода в АА? *(май 1960 г.)* .....

Не усложнять – но как? *(июль 1960 г.)* .....

АА завтра *(«АА сегодня»)* .....

Наши заграничные первопроходцы
(октябрь 1960 г.) .....

Свобода под богом: выбор за нами *(ноябрь 1960 г.)* .....

Образ грядущего *(февраль 1961 г.)* .....

Дальние рубежи *(октябрь 1961 г.)* .....

Снова на распутье *(ноябрь 1961 г.)* .....

Ответственность – наша тема *(июль 1965 г.)* .....

Руководство всемирной деятельностью АА
(январь 1966 г.) .....

Первое Всемирное собрание по обслуживанию
(октябрь 1969 г.) .....

Раздел 3: Дополнительные статьи этого периода .....

Противоядие от страха: благоразумие, доверие и вера
(ноябрь 1959 г.) .....

Наши критики могут быть нашими благодетелями *(апрель 1963 г.)* .....

Послание от Билла *(май 1964 г.)* .....

Традиция самообеспечения АА *(октябрь 1967 г.)* .....

Рождественское обращение *(декабрь 1970 г.)* .....

МЕМОРИАЛЬНЫЕ СТАТЬИ .....

Анна С. *(июль 1949 г.)* .....

Доктор Боб: дань восхищения *(январь 1951 г.)* .....

Он продолжал верить (Билл Д.) *(ноябрь 1954 г.)* .....

Доктор А. Вейзе Хаммер *(май 1957 г.)* .....

Отцу Эду: с Богом! *(июнь 1960 г.)* .....

В память об Эбби *(июнь 1966 г.)* .....

Памяти Гарри *(июль 1966 г.)* .....

Сестре Игнатии *(август 1966 г.)* .....

«Я стою у дверей» (Сэмюэл Шумейкер) *(февраль 1967 г.)* .....

Бернард Б. Смит *(октябрь 1970 г.)* .....

СТАТЬИ О ЖУРНАЛЕ «ГРЕЙПВАЙН» .....

Редакционная статья: «Образ грядущего» *(июнь 1944 г.)* .....

«Грейпвайн»: прошлое, настоящее, будущее *(июль 1945 г.)* .....

Что такое наш «Грейпвайн»? *(декабрь 1946 г.)* .....

Зеркало АА *(ноябрь 1950 г.)* .....

«Грейпвайн» и мы с вами *(июнь 1957 г.)* .....

Давайте читать – и благодарить Бога *(октябрь 1958 г.)* .....

Письмо к годовщине *(июнь 1959 г.)* .....

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ .....

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогие друзья!

Как вам, возможно, известно, Билл на протяжении долгих лет довольно много писал для журнала «Грейпвайн». Это было для него способом поделиться опытом, силой и надеждой со всем Содружеством.

На мой взгляд, чудесно, что теперь эта обширная работа снова будет доступна – особенно для бесчисленного множества членов АА, пришедших в Содружество со времени первой публикации этих статей. Надеюсь, они найдут их полезными.

С признательностью,

Лоис.

Введение

В книге «Язык сердца» впервые собраны практически все статьи, написанные для журнала АА «Грейпвайн» Биллом У., со-основателем Содружества Анонимных Алкоголиков. Хоть несколько его статей и были переизданы в виде брошюр и книг, или же повторялись в более поздних выпусках журнала, но никогда ранее они не публиковались вместе в одном издании.

«Грейпвайн» возник в июне 1944 года как местный информационный бюллетень благодаря личным стараниям шестерых членов АА из Нью-Йорка, которых беспокоило, как им казалось, «отсутствие полного понимания» между окрестными группами. Шесть редакторов рассылали бюллетень всем известным группам США и Канады, а также бесплатно распространяли его среди членов АА в вооруженных силах (шла Вторая мировая война). Скоро «Грейпвайн» функционировал уже на общенациональном уровне. В 1945 году голосованием групп он стал главным журналом всего Содружества, а с январского выпуска 1949 года он известен как международный журнал Анонимных Алкоголиков.

Начиная с самого первого выпуска тогда еще восьмистраничного бюллетеня, Билл У. был его частым соавтором, увлеченным активистом и редактором-консультантом на протяжении многих лет. Невзирая на напряженный график поездок и обширную переписку, Биллу вечно не хватало времени, чтобы откликнуться на все многочисленные и разнообразные запросы Содружества, которое было еще в процессе формирования, и «Грейпвайн» стал для него идеальным средством общения с членами и группами АА, взывающими к его проницательности и опыту. В более чем ста пятидесяти статьях, написанных на протяжении двадцати шести лет, Билл описывал трудоемкий процесс развития АА методом проб и ошибок, результатом которого стали духовные принципы Выздоровления, Единства и Служения, а также формулировал свое

видение того, каким может стать Содружество.

Когда нынешние редакторы журнала «Грейпвайн» начали обдумывать, как бы сгруппировать статьи Билла в логичные разделы, задача сначала показалась сложнейшей, однако в итоге оказалось, что это не так. На деле они сами встали на свое место – главным образом благодаря тому, что Билл мыслил и работал очень целенаправленно. Хронологически статьи распределены по трем частям в соответствии с первостепенными заботами АА, о которых Билл размышлял и писал в течение каждого из периодов. Далее в каждой части статьи подразделяются в зависимости от значимости их предмета. Краткие вступления к каждой из частей обрисовывают главные события и веяния в АА, побудившие Билла сосредоточиться на определенном аспекте жизни Содружества; в некоторых местах одно-два вводных предложения задают контекст конкретной статьи. В конце книги приведены мемориальные статьи (написанные в знак признания заслуг нескольких друзей АА из числа неалкоголиков, а также Доктора Боба и Билла Д., «анонимного алкоголика номер три»); Приложение содержит семь статей с размышлениями Билла о самом журнале «Грейпвайн».

Хотя замышлялось сделать доступным читателю все написанное Биллом для журнала, некоторые материалы в книгу все-таки не включены из соображений объема. Серия его статей о Традициях, написанных в 1952 и 1953 годах, позже была опубликована в книге «Двенадцать Шагов и Двенадцать Традиций» и потому в данном сборнике не повторяется; в книге «АА взрослеет» приведены еще две статьи из «Грейпвайн», также не вошедшие в сборник; одна статья публиковалась в журнале дважды, а здесь фигурирует только один раз. Вырезаны все короткие (по полстраницы) обращения Билла к членам Содружества по случаю Рождества и Дня благодарения, кроме его последней статьи для журнала – рождественского послания в декабре 1970 года. Также опущено несколько его

кратких заметок (памятные посвящения сотрудникам Бюро общего обслуживания и объявление о переезде Бюро на новое место).

Поскольку данный сборник представляет собой исторический документ, следует упомянуть о некоторых его чертах. Во-первых, повторение: изначально статьи печатались в периодическом издании, и Билл не мог быть уверен, что каждый из читателей знаком с предыдущим выпуском. Поэтому он часто повторял идеи и иллюстрации, и эти повторения сохранены, чтобы обеспечить целостность его работ. Во-вторых, некоторые из материалов уже устарели. Например, ряд идей о Традициях, высказанных в самых ранних статьях, в свете более позднего опыта оказались несостоятельными; однако ради исторической точности ранние версии не редактировались. И последнее: Билл был человеком своего времени, и некоторые из читателей могут встретить здесь незнакомые им обороты речи и термины, или же их могут ошарашить выражения, которые сегодня считались бы неподобающими. И опять-таки оригинальный язык автора сохранен (за исключением нескольких замен, не повлекших за собой переписывания), ведь любое изменение формулировок могло бы привести к искажению смысла.

В книге «АА взрослеет» приведено самое цитируемое описание журнала «Грейпвайн» устами Билла: «АА Грейпвайн» освещает идеи и действия АА во всем мире. Это как бы ковер-самолет, переносящий нас из одного удаленного уголка, где есть АА, в другой; журнал стал замечательным средством отображения современных идей и текущего опыта». Редакция «Грейпвайн» надеется, что неподвластные времени наработки Билла У., записанные в 40, 50 и 60 годы 20 века, будут служить зеркалом для членов АА 80-х годов и позже, напоминая нам о том, как было раньше; зафиксировавшие произошедшее и его причины; и, наконец, озаряя настоящее мудростью опыта первых тридцати лет Содружества.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: 1944-1950 гг.

Летом 1944 года Содружество Анонимных Алкоголиков переживало феноменальный рост. Лидерство в АА все еще находилось, главным образом, в руках его основателей. Был лишь один крошечный офис в Нью-Йорке, где Билл У. с несколькими помощниками изо всех сил пытались поспеть за чрезвычайно быстрым притоком новых членов – почти непосильная задача. Благодаря статье Джека Александера, опубликованной в газете «Сэтедэй Ивнинг Пост» в 1941 году, число членов АА к концу года выросло с двух до восьми тысяч. К 1950 году это число превысило девяносто шесть тысяч человек, а количество групп подскочило с пяти сотен в 1944 до трех с половиной тысяч в 1950 году. Вслед за этим всплеском в развитии самого Содружества многие неалкоголики из медицинских и религиозных кругов, а также средств массовой информации узнавали об АА как о выходе для алкоголиков, кажущихся безнадежными, и шумно требовали информации и ответов о методике АА.

Поток писем, устремившийся в маленький штаб Содружества, вкупе с опытом, по крупицам собранным в результате посещения групп по всей Северной Америке, прояснили для Билла и других членов-основателей те принципы, которые, по-видимому, должны были укрепить общее единство, как и те, что часто вели к конфликтам. Столкнувшись с бурным разрастанием АА и проблемами внутри и вне его, Билл прекрасно осознавал: новое Содружество легко может пойти ко дну под грузом собственного успеха – если только не разработать некий свод направляющих принципов и эффективную политику общения с широкой публикой.

В статьях первой части этого сборника Билл описал накопленный опыт и предложил на рассмотрение Содружества набор практических ориентиров. Апогеем этих знаковых статей стала публикация в апрельском выпуске 1946 года «Двенадцати рекомендуемых пунктов Традиций АА», теперь известных как развернутая форма Двенадцати Традиций.

Раздел 1: формирование традиций

Скромность – курс на хорошие отношения с общественностью *(август 1945 г.)*

За те недолгие годы, что АА находится в поле зрения общественности, сотни тысяч слов написаны о Содружестве в газетах и журналах. В последнее время к этим каналам связи добавились радиокомментарии, а иногда и радиотрансляции, спонсируемые Анонимными Алкоголиками. И едва ли хоть одно слово критики или насмешки прозвучало в наш адрес! Пускай порой наша деятельность освещается в не очень-то возвышенном ключе, нам вряд ли стоит на это жаловаться. В конце концов, пьянство – дело не особо благородное!

Бесспорно, у нас есть все основания испытывать огромную благодарность за то, что множество журналистов, редакторов, священнослужителей, врачей – самые разные наши друзья – продолжают продвигать наше дело с таким сочувствием и энтузиазмом. Прямым результатом их стараний стал приход в АА тысяч алкоголиков. Это хороший результат, и даже чудесный, с учетом того, сколько ошибок мы могли бы допустить и как сильно могли бы запутаться, если бы придерживались иной стратегии – например, если бы участвовали в спорах о «сухом законе». Может, мы даже рассорились бы с нашими добрыми друзьями – представителями религий и медицины. Но ничего такого не произошло. Слава Богу, нам невероятно везет!

Все это выглядит как замечательная история успеха – однако, на наш взгляд, нам не с чем себя поздравлять. Ветераны АА, которым известен весь ход событий, единодушны во мнении: тут явно прослеживается вмешательство некоего высшего разума, иначе мы никак не смогли бы избежать такого множества опасностей и ни за что бы не наладили столь дружеских отношений с миллионами людей во внешнем мире.

Тем не менее, история хранит свидетельства как о расцвете, так и о крахе энного числа многообещающих благих начинаний – политических, религиозных, социальных. Некоторые из них выработали свой ресурс, но большая часть зачахла преждевременно. Что-то неправильное или нездоровое внутри них всегда проявлялось снаружи. Это вредило их отношениям с общественностью, их развитие останавливалось, и они застревали в мертвой точке или же распадались.

Восхваление личностей, чрезмерная гордость, снедающее честолюбие, склонность к саморекламе, фанатичная самоуверенность, одержимость деньгами или властью, нежелание признавать ошибки и учиться на них, самодовольство, ленивая беспечность – эти и многие другие обыденные разновидности пороков очень часто одолевают целые движения и отдельных людей.

Как личности мы, члены АА, много страдаем от точно таких же изъянов и ежедневно должны признавать их у себя и бороться с ними в собственной жизни, чтобы оставаться трезвыми и успешными, но в наши отношения с общественностью подобные замашки проникают редко. И все же однажды это может случиться. Не стоит говорить: «Нет, такое невозможно!»

Читавшие июльский выпуск «Грейпвайна» были поражены и отрезвлены историей Вашингтонского движения. Трудно поверить, что около века назад газеты нашей страны восторженно писали о ста тысячах алкоголиков, помогающих друг другу сохранять трезвость, а к настоящему времени следы этого благого начинания исчезли уже настолько, что лишь немногие из нас вообще слышали о нем.

Давайте пробежимся по статье о вашингтонцах и выделим некоторые фразы. «Массовое собрание в 1841 году в городском парке Нью-Йорка собрало четыре тысячи слушателей. Выступающие стояли на перевернутых бочонках

из-под рома». «Триумфальные парады в Бостоне. Знаменитый Фэнел-Холл набит битком». (Чрезмерная самореклама – самолюбование? В любом случае, очень похоже на обычное поведение алкоголиков, не правда ли?) «Политики жадно следили за стремительным ростом числа членов движения… и способствовали крушению местных групп в попытках собрать голоса». (Опять-таки похоже на личные амбиции, а также ненужное участие групп в спорных делах; в то время острым политическим вопросом была отмена рабства). «Вашингтонцы были уверенны в себе… они презирали старые методы». (Может, слишком самоуверенны? Они не умели учиться у других и принялись состязаться с прочими организациями в своей сфере – вместо того, чтобы с ними сотрудничать).

Как и у АА, у вашингтонцев изначально была лишь одна задача: «Занимались только исправлением пьяниц и считали, что их не касается, употребляют ли алкоголь другие люди, которым он вредит мало». Но позднее этот принцип получил следующее развитие: «Среди более старых местных организаций были расхождения во мнениях: одни хотели оставить вино и пиво, другие требовали законодательного запрета алкоголя – в пылком стремлении привлечь новых членов они взялись за многих неумеренно пьющих людей, не обязательно алкоголиков». (Таким образом, первоначально четкое и простое предназначение групп начало распыляться на бесплодные споры и противоречивые цели).

И еще: «Некоторые [из местных групп вашингтонцев] использовали свою казну для финансирования собственных публикаций. Не было никакой общей стратегии в отношении редактуры. Редакторы местных газет грызлись с редакторами антиалкогольных изданий». (Очевидно, что проблемы возникали не столько из-за самого факта выпуска местных публикаций, сколько из-за отказа вашингтонцев придерживаться своей изначальной цели, избегая конфликтов с кем бы то ни

было, а также из-за того, что в отношении связей с общественностью у них явно отсутствовала общенациональная политика или традиция, которой готовы были бы следовать все члены сообщества).

Мы уверены: если бы наши предшественники-вашингтонцы могли вернуться на землю, то были бы рады увидеть, что мы учимся на их ошибках. Они не сочли бы наши наблюдения бессмысленной критикой. Живи мы в их время, мы могли бы совершить те же самые ошибки. Возможно, сейчас мы уже начинаем повторять некоторые из них.

По этой причине нам нужно все время пристально вглядываться в себя самих, чтобы быть уверенными в том, что внутренне мы всегда будем достаточно сильны и целеустремлены для правильного общения с внешним миром.

А есть ли политика по связям с общественностью у АА? Достаточно ли она хороша? Ясны ли ее главные принципы? Будет ли она соответствовать меняющимся условиям грядущих лет?

Теперь, когда общественное внимание к нам быстро растет, многих членов АА волнуют эти вопросы. В сентябрьском выпуске журнала я постараюсь вкратце осветить, какова наша тактика в отношениях с общественностью в настоящее время, как она сформировалась и в чем, с точки зрения ветеранов АА, ее можно было бы усовершенствовать, чтобы лучше справляться с нашими новыми, более острыми проблемами.

Так давайте всегда будем готовы извлекать из опыта уроки!

«Правила» опасны, но единство необходимо
(сентябрь 1945 г.)

Есть ли у Анонимных Алкоголиков политика по связям с общественностью? Соответствует ли она нашим потребностям в настоящем и будущем?

Хоть она у нас и не имеет точной формулировки, но, несомненно, уже частично сложилась. Как и все остальное в АА, эта политика выработана методом проб и ошибок. Никто ее не изобретал, никто не вводил никаких правил и ограничений. И, надеюсь, такого никогда не будет, потому что от правил и ограничений нам, по-видимому, пользы мало. Они редко срабатывают.

Чтобы мы функционировали по правилам, кому-то пришлось бы их придумать, а затем, что еще труднее, заставить нас их соблюдать. Часто кто-то из нас действительно пытается вводить правила. В результате инициаторы обычно расходятся во мнениях насчет того, какими должны быть эти самые правила. А когда дело доходит до навязывания некоего «закона»... все вы знаете, что тогда бывает. Когда мы пытаемся настаивать на каких-либо ограничениях, пусть даже разумных, то почти всегда выводим других из равновесия настолько, что теряем в их глазах всякий авторитет. Поднимается крик: «Долой диктаторов! Отрубить им головы!» Комитет за комитетом, «лидер» за «лидером» с обидой и удивлением обнаруживают: в делах нашего Содружества *человеческая власть* редко когда работает долго и эффективно, какой бы справедливой и благодушной она ни была. Алкоголики (даже оборвыши) в глубине души – ярые индивидуалисты, истинные анархисты.

Конечно, никто не утверждает, что эта наша черта – чистое достоинство. В свои первые годы в АА каждый из нас часто испытывает острое желание взбунтоваться против чужой власти. Знаю, и у меня так было, и пока не могу сказать, что все

прошло. Я тоже выступал как создатель правил, регулировщик чужого поведения. Я тоже бессонными ночами лелеял свое «раненное» эго, мучаясь вопросом: как другие, чью жизнь я стараюсь наладить, могут быть такими неразумными и совсем не думать о «бедном мне»? Сейчас мне очень забавно вспоминать о таких случаях. Но я также чувствую и благодарность, ведь на этом опыте я узнал: управлять другими людьми меня толкала та же самая эгоцентричность, которая закипала в моих товарищах по АА, когда они сопротивлялись управлению!

Читатель не из среды АА может воскликнуть: «Но ведь будущее этих людей в серьезной опасности! Ни организованности, ни правил, ни власти?! Это же анархия, пороховая бочка, атомная бомба, которая непременно взорвется! Какие там отношения с общественностью! Если у них нет авторитетов, то как вообще может существовать какая-то там политика? Именно это упущение привело вашингтонских алкоголиков к краху сотню лет назад. Их движение разрослось до ста тысяч членов, но потом, без эффективной политики и власти, распалось. Они ссорились друг с другом и, в конце концов, заработали себе дурную репутацию в обществе. Разве эти Анонимные Алкоголики – не такие же пьяницы-анархисты? Как они рассчитывают преуспеть там, где провалились вашингтонцы?»

Хорошие вопросы. А есть ли у нас ответы? Конечно, нам никогда не следует быть чрезмерно самоуверенными, но есть причины полагать, что они у нас есть, потому что в АА, по всей видимости, действуют силы, которые мало проявлялись среди наших собратьев по несчастью в 40 годах 19 века.

Во-первых, наша программа ориентирована на духовность. Большинство из нас нашли в себе достаточно смирения, чтобы поверить в Бога и положиться на Него. Мы обрели это смирение, когда взглянули в лицо тому факту, что алкоголизм – смертельная болезнь, перед которой мы бессильны как личности. Вашингтонцы же, напротив, считали пьянство

всего лишь укоренившейся привычкой, которую можно побороть силой воли через обеты вкупе с взаимной поддержкой в понимающем сообществе бывших алкоголиков. Очевидно, что они мало думали о личностных изменениях и совсем не думали о духовном перерождении.

Впрочем, взаимопомощь и обеты действительно принесли им много пользы. Но этого было недостаточно: у каждого из них эго все еще бушевало по всем направлениям, кроме алкоголя. Кончилось тем, что вашингтонцев уничтожили эгоистичные усилия, лишенные подлинного смирения, не имеющие высшей силы для служения и мало учитывающие, что для алкоголика наказанием за чрезмерное своеволие становится смерть.

Задумываясь о будущем, мы, Анонимные Алкоголики, должны постоянно спрашивать себя: всегда ли тот *дух*, который связывает нас вместе в нашем общем деле, будет сильнее личных амбиций и желаний, разделяющих нас? Пока позитивные устремления преобладают, наше единство нерушимо. К счастью, до сих пор связующие тенденции среди нас гораздо мощнее тех, что могли бы разрушить АА. Несмотря на то, что каждый отдельный член Содружества обладает практически полной свободой личности и не испытывает на себе никакого давления со стороны других, нам все-таки удалось достичь удивительного единства в важнейших аспектах.

К примеру, Двенадцать Шагов программы АА мы никому не навязываем насильно. Они не подкреплены какой бы то ни было человеческой властью. Тем не менее, мы тесно сплотились вокруг них, потому что содержащиеся в них истины спасли нам жизнь и открыли дверь в новый мир. Наш опыт показывает, что эти универсальные истины работают. Анархия отдельного алкоголика уступает их воздействию. Он обретает трезвость и мало-помалу приходит к полному согласию с нашими простыми принципами. В конце концов,

эти истины начинают управлять его жизнью, и он продолжает жить уже под их властью, сильнейшей из всех известных – *властью его собственного довольного согласия*. Им управляют не люди, а принципы, истины и, как сказало бы большинство из нас, Бог.

Кто-то может спросить: «Какое все это имеет отношение к политике АА по связям с общественностью?» Бывалый член АА ответил бы: «Самое прямое». Хоть опыт и показывает, что в АА невозможно создать и внедрить никакую полноценную политику, а уж тем более – эффективно привести ее в действие силой человеческой власти, нам все же придется выработать определенную линию поведения и подкрепить ее единственным известным нам авторитетом – общего понимания и повсеместного, если не единодушного, согласия. Добившись этого согласия, мы можем быть уверены в себе самих. Тогда члены АА повсюду будут применять эту стратегию автоматически, как нечто само собой разумеющееся. Но для начала нам нужно четко определиться с основными ее принципами, которые должны быть тщательно проверены в испытаниях нашего опыта.

В будущих статьях я постараюсь проследить развитие наших взаимоотношений с общественностью с самого первого дня, когда общество обратило на нас внимание. Благодаря этому мы увидим, чему опыт уже научил нас. Таким образом, у каждого члена АА будут реальные предпосылки для конструктивного мышления по этому, крайне важному, вопросу, по которому серьезные ошибки для нас недопустимы. Мы просто не можем позволить себе неразумный подход к этой проблеме в будущем.

Впрочем, есть одна оговорка. Линия поведения отличается от непреложной истины, поскольку может меняться сообразно изменчивым условиям. Однако базовые принципы, на которых она зиждется, остаются абсолютно неизменными. К примеру, наша стратегия может основываться на Двенадцати

Шагах, при этом оставаясь умеренно гибкой в плане способов и методов своего применения.

В этой связи я искренне надеюсь, что тысячи членов АА начнут усердно размышлять над нашим курсом в отношениях с общественностью, ведь данный вопрос становится для нас чрезвычайно важным. В итоге истинные ответы должны родиться из наших обсуждений, разнообразных мнений, каждодневного опыта и общего согласия.

Как ветеран АА я могу попробовать упорядочить факты и помочь вам проанализировать уже накопленный опыт. Может быть, я даже могу предложить некоторые полезные идеи на будущее. Но на этом все. Будет ли у нас четкая эффективная политика по связям с общественностью – это, в конечном итоге, зависит от всех нас, а не от меня одного!

Рождение Большой Книги *(октябрь 1945 г.)*

В недавних статьях внимание акцентировалось на том факте, что в АА все еще формируется стратегия взаимоотношений с общественностью и что отсутствие четкой разумной стратегии может нанести нам серьезный ущерб.

Первые три года существования АА о связях с общественностью никто и не задумывался. То было время «полета вслепую», когда мы лихорадочно искали принципы, через которые смогли бы оставаться трезвыми и помогать тем немногочисленным алкоголикам, кто присоединялся к нам и хотел того же. Мы были целиком поглощены жизненно важной проблемой собственного выздоровления. Общались мы исключительно с глазу на глаз. Мы даже не договорились, как будет называться наше движение! И литературы у нас не было вообще.

К осени 1937 года в наших рядах насчитывалось порядка сорока выздоровевших алкоголиков. Один из нас был трезв три года, еще один – два с половиной, многие – по году и более. Поскольку все мы прежде считались безнадежными случаями, такой стаж трезвости выглядел значительным. Мы начинали осознавать, что действительно «что-то нашли». Мы больше не были сомнительным экспериментом. *Оказалось, что алкоголики могут сохранять трезвость – возможно, множество алкоголиков!* Некоторые из нас всегда цеплялись за этот шанс, и теперь мечта стала реальностью. Если смогли выздороветь сорок алкоголиков, то почему не смогут четыреста, четыре тысячи, даже сорок тысяч?

Как только нами овладело это захватывающее убеждение, весь ход мыслей у нас коренным образом изменился. Это был праздник для нашего алкоголичного воображения. По темпераменту большинство из нас – торгаши, пропагандисты, и потому мы начали бахвалиться, прямо-таки заливаясь петухом. Вагон выздоравливающих нас бы не устроил – мы замахнулись на астрономические числа, заявляя: «Несомненно, это

зарождение одного из величайших медицинских, религиозных и социальных начинаний всех времен! Мы покажем врачам и священникам, как надо действовать!» Миллион алкоголиков в Америке, многие миллионы по всему миру! Нам нужно всего лишь подарить трезвость всем этим мужчинам и женщинам (и внушить им веру в Бога), а там уж они и все общество преобразуют. Только представьте – совершенно новый мир, и управляют им бывшие пьяницы!

Реклама? Само собой! Миллионы слов! Деньги? Конечно же! Естественно, понадобятся миллионы долларов. Решить вопрос с рекламой и деньгами – да пара пустяков, нужно лишь провести энергичную пропагандистскую кампанию среди американских магнатов и редакторов. Разве они смогут устоять, когда увидят, что мы предлагаем? Только взгляните на нас, алкоголиков! И кое-кто из нас действительно заходил настолько далеко. Осенью 1937 года некоторые члены АА кричали о Содружестве с куда большим энтузиазмом и пылом, чем любой ярмарочный зазывала. Помню, немалую долю этого шума производил я сам!

А теперь давайте представим, что активисты того раннего периода истории АА не утихомирились. Предположим, наша линия поведения во взаимоотношениях с общественностью осталась целиком в их руках. Предположим, им удалось собрать миллионы долларов и наводнить страну пропагандой АА и бурными призывами. В таком случае мы не только потеряли бы своих лучших друзей – религию и медицину, но и непременно дискредитировали бы себя в глазах тех самых людей, достучаться до которых стремимся больше всего – в глазах алкоголиков, мужчин и женщин. Крупные суммы денег означали бы обширный штат профессиональных врачей и «благотворителей» из числа членов АА, а пропагандисты в сочетании с деньгами обязательно приводили бы к шумихе на всевозможные темы – от «сухого закона» до коммунистической России. А изнутри наше Содружество, если бы оно все

еще существовало, раздирали бы политические разногласия и религиозные противоречия. С вашингтонцами так и случилось. Так кто же до сей поры нас от этого спасает?

Люди, которые спасли нас тогда и уберегли от множества неприятностей в последующие годы – как раз тот класс личностей, который раздражает большую часть членов АА. *Это наши консерваторы.* Они – те, кто говорит: «не торопитесь», «надо подумать», «давайте не будем так делать». Среди алкоголиков они встречаются нечасто, но у нас, в АА, поблизости всегда находится несколько таких людей, и они явно ниспосланы нам провидением. Их часто обвиняют в том, что они мешают прогрессу (иногда это и вправду так), но все равно они – бесценный ресурс. Они помогают нам, остальным, спуститься с небес на землю; заставляют нас считаться с реальным опытом; предвидят опасности, которые большинство из нас беззаботно проигнорировало бы. Иногда их консерватизм чрезмерен, и они бывают «настороже во благо Содружества» без всякой на то нужды. Зная, что перемены не обязательно прогресс, они инстинктивно им противятся. Консерваторы всегда избегают необратимых шагов и часто уклоняются от окончательных решений там, где отступить нельзя. Они держатся подальше от неприятностей, заботясь о том, чтобы никогда в них не попадать.

Я всегда буду помнить первое обсуждение наших взаимоотношений с общественностью, которое состоялось в 1937 году в Акроне. Пропагандисты думали только о том, как бы донести радостную весть о нашем выздоровлении до миллионов алкоголиков – и желательно сразу. Стоит только этого добиться – и Бог сделает все остальное, говорили они. Однако консерваторы считали, что у Бога так дела не делаются. Они с мощным напором начали доказывать, что у Иисуса Христа не было ни пресс-секретарей, ни газет, ни брошюр, ни книг ничего, кроме устной речи, чтобы передавать духовность от человека к человеку, от группы к группе. Почему же мы

должны отходить от его примера? Мы что, собираемся заменить личный пример рекламной шумихой? Потворствовать публичному прославлению отдельных личностей вместо того, чтобы функционировать тихо, смиренно и анонимно?

Это были хорошие вопросы, заставившие нас, пропагандистов, остановиться и подумать. Мы вынуждены были признать, что в принципе консерваторы во многом правы, но все равно считали, что их советы невыполнимы для простых смертных, а значит – нецелесообразны. На это консерваторы возражали, что, хоть пропагандисты и выстроили множество успешных предприятий, но почти всегда доводили построенное до банкротства, если слишком долго оставались у руля. Пропагандисты же (в том числе я) в ответ вопрошали их: как наши «неторопливые» смогут спокойно спать по ночам, зная, что за три долгих года у нас появилось всего лишь три маленькие группки, что в Америке миллионы алкоголиков, мрущих как мухи, и что в радиусе каких-нибудь ста метров от того места, где сидим мы, находятся, возможно, сотни людей, которые могли бы выздороветь, если бы им было известно то же, что и нам? И неужели алкоголикам Калифорнии придется ждать, пока спасительные идеи АА дойдут до них, передаваемые только из уст в уста. И разве нет серьезного риска, что наши действенные методы будут грубо искажаться, если их не изложить на бумаге и не облечь в книжную форму? И, если мы не зафиксируем свои открытия письменно, не начнут ли журналисты наглеть и высмеивать АА, что было бы губительно? Мы соглашались с тем, что следует соблюдать всемерную осторожность, и все-таки настаивали, что нам нужна собственная книга, некоторая публичность.

Такова была суть дискуссии, в результате которой было принято решение издать книгу «Анонимные Алкоголики». Это привело к публичному освещению нашей деятельности, основанию Совета попечителей (Фонда АА) и созданию нью-йоркского Центрального бюро (теперешнего Бюро общего

обслуживания), куда алкоголики и их близкие могут обращаться за литературой и непосредственной помощью. Наше стремительное и, по всей видимости, здоровое развитие за прошедшие несколько лет убедительно продемонстрировало мудрость тех первых решений.

Вывод очевиден. Если бы эти важнейшие вопросы были оставлены всецело на усмотрение пропагандистов вроде меня, то мы непременно пустились бы во все тяжкие и все испортили бы. А если бы этими вопросами занимались одни лишь консерваторы, то, вероятно, мало кто из нынешних членов АА вообще узнал бы о существовании Содружества. Тысячи людей оставались бы несчастными, многие уже были бы мертвы.

Похоже, здоровую политику могут выработать только консерваторы и пропагандисты вместе. Для получения правильных ответов вполне можно положиться на их переговоры – конечно, если в них не замешаны личные амбиции и обиды. Другого пути для нас нет.

Рассказав вам, как был сделан наш первый шаг в сфере связей с общественностью, в следующих статьях я хочу поведать о свежем опыте АА в этом отношении и подчеркнуть, что нам нужно и впредь придерживаться принципов скромности, анонимности и верности единственной цели – нести идеи АА алкоголикам, которые хотят выздороветь.

Традиция, рожденная из нашей анонимности
(январь 1946 г.)

В будущем принцип анонимности, несомненно, станет частью наших жизненно необходимых Традиций. Уже сегодня мы ощущаем его практическую ценность. Но что еще важнее, мы начинаем осознавать, что слово «анонимные» имеет для нас огромное духовное значение. Мягко, но настойчиво оно напоминает нам о том, что мы всегда должны ставить принципы выше личностей; что мы отказались от личной славы на публике; что наше движение не только проповедует смиренную скромность, но и практикует ее. Не приходится сомневаться и в том, что поддержание анонимности во взаимоотношениях АА с общественностью уже оказало огромное влияние и на нас самих, и на миллионы наших друзей вне Содружества. Анонимность уже стала фундаментом всей нашей общественной политики.

То, как эта идея возникла и как она нами завладела, – интересный эпизод истории АА. В годы, предшествующие изданию книги «Анонимные Алкоголики», у нашего сообщества не было названия. Тогда наши основные принципы выздоровления еще только испытывались, и по ним возникали разногласия; безымянные, бесформенные, мы были просто кучкой пьяниц, наощупь бредущих по тропинке, которая, как мы надеялись, должна была стать дорогой к свободе. Затем, убедившись, что движемся в верном направлении, мы решили написать свою книгу и через нее поведать другим алкоголиках о наших идеях. Взявшись за дело, мы изложили в ней суть своего опыта. Книга родилась из тысяч часов дискуссий. Она поистине представляет собой коллективный голос, сердце и разум тех из нас, кому выдалось быть пионерами АА в первые четыре года.

Приближался день публикации книги, а мы все ломали голову над подходящим названием. Было рассмотрено не

менее двухсот вариантов. Одним из наших основных занятий стало выдумывание названий и голосование по ним на собраниях. Сумбурные споры и обсуждения, в конце концов, сузили выбор до пары названий. «Выход есть» или «Анонимные Алкоголики»? Группы Акрона и Нью-Йорка в последний момент проголосовали, и с небольшим перевесом победил вариант «Выход есть». Но прямо перед отправкой в печать кто-то предположил, что, возможно, уже есть другие книги с этим названием. Тогда один из наших первых «одиночек» (добрый старина Фитц М., тогда живший в Вашингтоне) отправился в библиотеку Конгресса, чтобы это выяснить, и обнаружил двенадцать книг, уже названных так. Узнав об этом, мы содрогнулись при мысли о том, что станем тринадцатым «Выходом», и остановились на «Анонимных Алкоголиках». Так появилось название у нашей книги опыта и у самого нашего движения, а также, как мы теперь начинаем понимать, Традиция, исполненная величайшего духовного смысла. Поистине, неисповедимы пути Господни!

В книге «Анонимные Алкоголики» принцип анонимности упоминается всего три раза. В предисловии к первому изданию говорится: «Поскольку большинство из нас – бизнесмены и специалисты, некоторые не смогли бы продолжать заниматься своим делом в случае огласки...»; затем: «Мы настоятельно просим, чтобы каждый член Содружества, высказываясь на тему алкоголизма перед широкой публикой устно или письменно, не называл своего имени, а представлялся просто «одним из членов АА»; и, наконец: «Прессу мы тоже убедительно просим соблюдать это условие, иначе нам будет нанесен серьезный вред».

После выхода нашей книги в 1939 году появились сотни групп АА, и каждая задается вопросами: «Насколько анонимными нам полагается быть? И вообще, какой смысл в этом самом принципе анонимности?» При этом каждая группа останавливается во многом на собственной интерпретации.

Вполне естественно, что среди нас наблюдаются большие расхождения во мнениях. Что именно подразумевает наша анонимность и как далеко она должна заходить – эти вопросы остаются нерешенными.

Хоть мы уже и не так страшимся клейма алкоголизма, как раньше, но еще встречаются отдельные люди, для которых их принадлежность к АА – тема крайне щекотливая. Кто-то приходит под настоящими именами, другие же берут с нас клятву соблюдать глубочайшую секретность. Они боятся, что их связь с Анонимными Алкоголиками разрушит их бизнес или навредит социальному статусу. На другом конце шкалы мнений находятся те, кто заявляют, что анонимность – скорее ребячество, чепуха. Они считают своим прямым долгом кричать о собственном членстве в АА на каждом углу. Кроме того, они отмечают, что в Содружестве есть и знаменитости, в том числе национального уровня. Так почему бы нам не извлекать выгоду из их известности, как делала бы любая другая организация?

Между двумя этими крайностями множество оттенков мнений. Некоторые группы, особенно новые, ведут себя как секретные общества. Они не желают, чтобы об их деятельности знали даже друзья; не допускают на свои собрания ни священников, ни врачей, ни даже собственных жен. Что до приглашения журналистов – и думать забудьте! Другие группы полагают, что вся округа должна знать об Анонимных Алкоголиках как можно больше. Они не называют имен в печати, но используют любую возможность прорекламировать свою работу. Иногда они проводят публичные или полупубличные собрания, на которых члены АА выступают под своими именами. Часто на такие мероприятия приглашают в качестве ораторов врачей, священников, чиновников. Время от времени кто-то из членов АА отказывается от анонимности вовсе. Их имена, фото, личная деятельность фигурируют в прессе. Порой они подписывают своим именем статьи с рассказом о собственном членстве в АА.

Таким образом, хоть и очевидно, что большинство из нас верят в важность анонимности, наша практическая реализация этого принципа значительно разнится.

Конечно, каждый отдельный человек и группа должны иметь привилегию и даже право решать вопрос с анонимностью по своему усмотрению. Однако, чтобы делать это с умом, мы должны понимать: этот принцип полезен практически для всех нас, и от его соблюдения может зависеть будущая безопасность и эффективность АА. Осознавая это, каждому нужно будет определить для себя, где провести черту – в какой степени применять принцип в собственных делах и как далеко лично ему заходить в раскрытии своей анонимности, чтобы не навредить Содружеству в целом.

Главный вопрос таков: где установить грань, за которой исчезают личности и начинается анонимность?

По сути, в каждодневных контактах с людьми лишь немногие из нас анонимны. Мы раскрываемся на этом уровне, потому что думаем, что нашим друзьям и коллегам следует знать об АА и о том, что Содружество дало нам. К тому же, мы хотим избавиться от страха перед разоблачением своего алкоголизма. Журналистов мы настойчиво просим не озвучивать личную информацию о нас, но часто выступаем под настоящими именами на полупубличных собраниях. Нам хочется впечатлить слушателей, показав, что мы больше не боимся говорить о своей болезни при ком угодно. Ну, и то хорошо. Но если мы рискнем превысить этот лимит, то наверняка утратим принцип анонимности навсегда. Если любой член АА будет чувствовать себя вправе обнародовать свое имя, фото и историю, то в Содружестве быстро вспыхнет эпидемия нарушений личной анонимности, которые, вероятно, уже не будут иметь вообще никаких пределов. Так не должны ли мы провести грань именно здесь, перед самым мощным средством привлечения?

Если бы меня попросили обрисовать Традицию об анонимности, она могла бы выглядеть так:

1. Каждый отдельный член АА должен иметь право сохранять личную анонимность в такой степени, в какой ему угодно. Его товарищам по Содружеству следует уважать его желания и помогать ему поддерживать тот статус, какой он хочет иметь.
2. В свою очередь, отдельному члену АА следует уважать позицию своей группы по вопросу анонимности. Если группа хочет быть более анонимной, чем он, ему следует вести себя так же, как остальные, пока взгляды группы не изменятся.
3. За исключением крайне редких случаев, Содружеству АА по всей стране следует соблюдать традицию: ни один из нас не должен обнародовать свое имя и фото (в контексте его деятельности в АА) через какие бы то ни было средства массовой информации. Разумеется, это не мешает ему свободно пользоваться собственным именем в любой другой общественной деятельности – при условии, что он не будет раскрывать свою принадлежность к АА.
4. Если в силу некой экстраординарной причины, подразумевающей благо для всего Содружества, кто-то из членов АА сочтет желательным полностью отказаться от личной анонимности, ему следует это делать, только посоветовавшись со старшими членами группы. Если он собирается объявить о своем членстве в АА на всю страну, с этим вопросом следует обратиться в наше Центральное бюро.

Конечно, я ни в коей мере не считаю эти утверждения правилами или нормами – это просто рекомендации, которые кажутся здоровыми Традициями на будущее. В конечном счете, каждый член АА будет руководствоваться своей совестью.

Разработать четкую Традицию об анонимности у нас получится только нашим обычным путем: методом проб и ошибок,

долгих дискуссий, коллективного решения и общего согласия.

Чтобы стимулировать дальнейшие обсуждения, мне хотелось бы в одном из ближайших выпусков журнала привести обзор нашего опыта в вопросах анонимности. Не сомневаюсь, в итоге мы обязательно найдем верные ответы.

Наша анонимность – вдохновение и безопасность
(март 1946 г.)

Обсуждая с вами проблему анонимности в одном из предыдущих выпусков «Грейпвайна», я старался подчеркнуть ряд моментов: что для нас, членов АА, анонимность имеет огромное духовное значение; что этот принцип следует соблюдать как часть наших жизненно важных Традиций; что, поскольку у нас еще нет четко сформулированной политики, случается путаница в плане того, что подразумевать под анонимностью; что в этой связи нам необходима абсолютно ясная Традиция, которую все члены АА чувствовали бы себя обязанными соблюдать. Я также внес некоторые предложения, которые после дальнейших обсуждений, как я надеюсь, могли бы лечь в основу нашей общенациональной политики в отношении анонимности. Вот что было предложено:

1. Каждый отдельный член АА должен иметь право сохранять личную анонимность в такой степени, в какой ему угодно. Его товарищам по Содружеству следует уважать его желания и помогать ему поддерживать тот статус, какой он хочет иметь.
2. В свою очередь, отдельному члену АА следует уважать позицию своей группы по вопросу анонимности. Если группа хочет меньше выделяться в округе, чем он, ему следует вести себя так же, как остальные, пока взгляды группы не изменятся.
3. За исключением крайне редких случаев, Содружеству АА по всей стране следует соблюдать традицию: ни один из нас не должен обнародовать свое имя и фото (в контексте его деятельности в АА) через какие бы то ни было средства массовой информации. Однако это не мешает ему свободно пользоваться собственным именем в любой другой общественной деятельности – конечно, при условии, что он не будет раскрывать свою принадлежность к АА.

4. Если в силу некой экстраординарной причины кто-то из членов АА сочтет желательным отказаться от личной анонимности на местном уровне, ему следует это делать, только посоветовавшись со своей группой. Если же он собирается объявить о своем членстве в АА на всю страну, с этим вопросом следует обратиться в наш главный Штаб.

Если эти рекомендации или их вариации будут приняты в качестве нашей общенациональной политики, каждый член АА захочет больше узнать о том опыте, который у нас уже есть, и о том, что сейчас думает о проблеме анонимности большинство ветеранов Содружества. Поэтому задача этой статьи – ознакомить всех с нашим коллективным опытом.

Во-первых, я убежден: большинство из нас согласилось бы, что сама идея анонимности – вещь разумная, потому что поощряет алкоголиков и их близких обращаться к нам за помощью. Все еще боясь клейма алкоголизма, они воспринимают нашу анонимность как гарантию того, что их проблемы останутся в секрете – образно говоря, что скелет алкоголизма не выберется из их шкафа и не будет бродить по улицам.

Во-вторых, политика анонимности – защита для нашего дела. Она не позволяет нашим, так называемым, основателям и лидерам становиться личностями широко известными, которые в любой момент могут запить и навредить репутации АА. И не надо говорить, что такого не может случиться – это возможно.

В-третьих, почти каждый газетчик, пишущий о нас, больше всего жалуется на то, что трудно писать статьи, не упоминая имен. Однако он быстро забывает об этих сложностях, когда понимает: перед ним группа людей, не ищущих никакой выгоды для себя. Вероятно, он впервые в жизни сталкивается с организацией, не желающей славы для отдельных ее членов. И даже если он по натуре циник, эта явная искренность мгновенно превращает его в друга АА. Поэтому и написание статьи

становится для него не рутинной работой, а дружеским жестом. Статья полна энтузиазма, потому что сам репортер чувствует воодушевление. Часто спрашивают: как Анонимным Алкоголикам удается добиться такого огромного количества превосходных отзывов? По-видимому, все дело в том, что практически каждый, кто о нас пишет, становится сторонником, а порой и ярым приверженцем АА. И разве основная заслуга в этом не принадлежит нашей политике анонимности?

В-четвертых, почему широкая публика столь благосклонна к нам? Просто потому, что мы несем выздоровление множеству алкоголиков? Едва ли это единственная причина. Как бы средний американец ни был впечатлен нашими результатами, наш образ жизни интригует его еще больше. Он устал от навязчивой рекламы, демонстративной пропаганды и вопящих общественных деятелей, а наши спокойствие, скромность, анонимность действуют на него освежающе. Вполне возможно, что благодаря этому он почувствует, как рождается некая великая духовная сила и в его собственную жизнь входит что-то новое.

Итак, раз анонимность уже принесла нам столько пользы, то нам, несомненно, следует и дальше ее соблюдать, превратив ее в общенациональную политику АА. Столь ценная для нас сейчас, в будущем она может стать просто бесценным активом. *В духовном смысле анонимность подразумевает отказ от личной славы как инструмент общенациональной политики.* Я уверен: мы поступим правильно, если сохраним этот действенный принцип, и мы должны преисполниться решимости никогда им не пренебрегать.

А теперь о практическом применении принципа. Поскольку мы объявляем каждому новичку об анонимности нашего Содружества, то, разумеется, должны поддерживать анонимность новичка так долго, как ему будет угодно – ведь, когда он прочел о нас и пришел, мы взяли на себя именно это обязательство. Даже если он желает называться вымышленным

именем, мы должны заверить его, что это позволительно. Если ему не хочется обсуждать свою проблему ни с кем, даже с другими членами АА, мы должны уважать и это желание. Правда, большинству новичков абсолютно без разницы, кто что знает об их алкоголизме; но есть и такие, кого это очень волнует. Так давайте же всячески оберегать их, пока у них это не пройдет.

Бывают и проблемы с новичками, которые слишком быстро отказываются от анонимности. Такой человек спешит поделиться доброй вестью об АА со всеми своими друзьями. Если группа его не предупредит, он может даже броситься в редакцию какой-нибудь газеты или взяться за микрофон, чтобы поведать свою историю всему миру. При этом он склонен рассказывать всем и каждому самые сокровенные подробности своей личной жизни – и скоро обнаруживает, что в этом отношении слишком уж прославился! Нам следует посоветовать ему не торопиться, сначала прочно стать на ноги и уж, потом разглагольствовать об АА перед каждым встречным. Также нужно сказать ему, что никто из нас и не думает освещать деятельность АА, пока не заручится одобрением своей группы.

Далее, существует проблема анонимности группы. По всей вероятности, группе, как и отдельному члену АА, нужно осторожно нащупывать дорогу, пока не наберется сил и опыта. Не следует слишком поспешно приводить посторонних и устраивать открытые собрания. Но и этот первоначальный консерватизм может быть чрезмерным. Некоторые группы годами избегают любой публичности и устраивают собрания исключительно для алкоголиков. Такие группы, как правило, развиваются медленно. У них наблюдается застой, потому что поступает недостаточно свежей энергии. В своем стремлении сохранить секретность они забывают о своем долге по отношению к другим местным алкоголикам, даже и не слышавшим, что в округе есть группа АА. Но, в конце концов,

эти бессмысленные предосторожности дают трещину: на некоторые собрания начинают допускать родных и близких алкоголиков; время от времени, возможно, приглашаются священнослужители и медики; группа обращается за помощью в местную газету...

В большинстве мест – хотя и не везде – члены АА обычно выступают под собственными именами на публичных и полупубличных мероприятиях. Это делается с целью впечатлить аудиторию тем, что мы больше не страшимся клейма алкоголизма. Однако, если присутствуют газетчики, их настоятельно просят не указывать в репортажах имена выступающих алкоголиков. Таким образом, принцип анонимности соблюдается с широкой публикой, и в то же время мы предстаем как группа алкоголиков, не боящихся признаться нашим друзьям в том, что мы были глубоко больными людьми.

Итак, на практике принцип анонимности, по-видимому, сводится вот к чему. С одним очень важным исключением, вопрос о том, как далеко заходить каждому отдельному члену или группе АА в раскрытии своей анонимности, остается целиком на усмотрении этого человека или группы. Исключение же таково: все группы и отдельные лица должны чувствовать себя обязанными не называть своих настоящих имен, когда пишут о себе как о членах АА или дают интервью в этом качестве. Почти все из нас считают, что, кроме крайне редких случаев, именно здесь и следует проводить грань анонимности. *Нам не следует раскрывать себя перед широкой публикой.*

За всю историю Содружества лишь горстка членов АА отказывалась от анонимности перед лицом общественности. Некоторые из таких случаев были непреднамеренными, несколько – совершенно неуместными, один-два – явно обоснованными. Наверное, редкая политика обходится без того, чтобы иногда через нее переступали во имя общего блага. И все же любой, кто собирается нарушить свою анонимность,

должен поразмыслить о том, что может создать прецедент, в конечном итоге могущий уничтожить ценный принцип. Исключения должны быть немногочисленными, нечастыми и тщательно обдуманными. Нам ни в коем случае не следует допускать, чтобы какие-либо соображения прямой выгоды поколебали нашу решимость соблюдать эту по-настоящему важную Традицию.

Каждому члену АА для прочной трезвости необходима большая скромность и смирение. Раз так, эти же добродетели необходимы и Содружеству в целом. Если мы будем достаточно серьезно относиться к принципу анонимности, то он всегда будет гарантировать движению Анонимных Алкоголиков эти блестящие качества. Наша политика по связям с общественностью должна основываться, главным образом, на привлекательности и лишь изредка, а то и вовсе никогда на пропаганде.

Двенадцать рекомендуемых пунктов Традиций АА
(апрель 1946 г.)

Никто не изобретал Содружество Анонимных Алкоголиков – оно выросло само. Путь проб и ошибок породил богатый опыт. Мало-помалу мы усваивали эти уроки и принимали их сначала как линию поведения, а затем – как Традицию. Процесс еще идет, и, мы надеемся, не прекратится никогда. Если бы мы вдруг слишком закостенели, буква могла бы уничтожить дух. Мы могли бы сами себя загнать в ловушку узких правил и запретов, вообразив, что все уже решено раз и навсегда. Возможно, мы бы даже начали предлагать алкоголикам принять наши жесткие ограничения или же уйти. Дай Бог, чтобы такого не случилось, и мы никогда не подавляли прогресс!

Тем не менее, уроки нашего опыта очень-очень многочисленны, как все мы уже убедились. Первым письменным свидетельством опыта АА стала книга «Анонимные Алкоголики». Она посвящена нашей первейшей проблеме – освобождению от алкогольной зависимости. В ней приводятся личные истории пьянства и выздоровления различных людей, а также изложены те священные древние принципы, которые подарили нам чудесное возрождение. После издания книги в 1939 году число членов АА выросло с сотни человек до двадцати четырех тысяч. Прошло уже семь лет, семь лет обширного опыта в направлении следующего грандиозного начинания АА – решения проблемы нашей совместной работы и жизнедеятельности. Сегодня это основной предмет беспокойства для нас. Будущее Содружества будет в безопасности только в том случае, если нам удастся найти решение и придерживаться его впредь.

Поскольку собственная беда больше нас не сковывает, нашей самой насущной заботой должно стать будущее Анонимных Алкоголиков: как поддерживать среди нас такое

мощное единство, чтобы ни слабость отдельных людей, ни напряжение и распри этого неспокойного времени не навредили общему делу? Мы знаем, что Содружество должно существовать и дальше – иначе, за редким исключением, мы и наши собратья по несчастью во всем мире обязательно возобновим безнадежное путешествие в небытие.

Почти любой член АА мог бы перечислить проблемы наших групп. Они связаны, главным образом, с нашими взаимоотношениями – как друг с другом, так и с внешним миром. Они затрагивают связь каждого из нас со своей группой, связь группы с Содружеством в целом, а также место АА в современном обществе – этом бушующем море, где человек вынужден искать себе тихую гавань или потерпеть крушение. Остро стоит и вопрос об основной структуре АА и нашем подходе к всегда насущным проблемам – лидерства, денег и власти. Будущее может сильно зависеть от того, что мы думаем и как поступаем касательно спорных вещей, как смотрим на свои отношения с общественностью. Несомненно, вся судьба АА будет опираться на то, что мы сейчас решим по этим опасным проблемам!

Мы подходим к сути нашего разговора. Итак: достаточно ли у нас теперь опыта, чтобы сформулировать четкие установки по этим насущнейшим вопросам? Можем ли мы назвать основные принципы, могущие вырасти в жизненно важные Традиции, которые будут жить в сердце каждого члена АА благодаря его собственной глубокой убежденности и общему согласию его товарищей? Вот в чем вопрос! Возможно, полных решений для всех своих затруднений мы не найдем никогда, но я уверен: по крайней мере, мы достигли точки, откуда можем разглядеть общие очертания Традиций, которые, если Бог даст, станут эффективной защитой от разрушительного влияния времени и обстоятельств.

Действуя по упорному настоянию моих старых друзей по АА, а также исходя из убеждения, что общее согласие среди

нас стало возможным, я осмелюсь озвучить предложения по формулировке Традиции о взаимоотношениях Анонимных Алкоголиков – «Двенадцать пунктов для обеспечения нашего будущего»:

Опыт АА говорит нам, что:

1. Каждый член Содружества Анонимных Алкоголиков – лишь часть огромного целого. АА должно продолжать жить, иначе большинство из нас неминуемо погибнет. Поэтому на первом месте стоит наше общее благополучие; однако сразу после него идет благополучие индивидуальное.
2. В делах наших групп есть лишь один высший авторитет – любящий Бог, воспринимаемый нами в том виде, в котором Он может предстать в нашем групповом сознании.
3. Нам следует принимать всех страдающих алкоголизмом. Поэтому мы не можем отказывать никому из тех, кто желает излечиться. Членство в АА никогда не должно связываться с денежными соображениями или с умением приспосабливаться. Любые два-три алкоголика, собравшиеся вместе с целью поддержания трезвости, могут называть себя группой АА.
4. В том, что касается ее собственных дел, каждая группа АА не несет ответственности ни перед кем, кроме своей совести. Но когда ее планы затрагивают интересы других групп, с ними необходимо советоваться. Ни одной группе, региональному комитету или отдельному члену АА никогда не следует предпринимать какие-либо действия, могущие сильно повлиять на АА в целом, не посоветовавшись с попечителями Фонда АА [теперешнего Совета по общему обслуживанию]. В таких вопросах наше общее благо важнее всего.
5. Каждая группа Анонимных Алкоголиков должна быть духовным объединением, *имеющим лишь одну главную цель* – нести наши идеи тем алкоголикам, которые все еще страдают.

6. Проблемы, связанные с деньгами, собственностью и властью, легко могут отвлечь нас от нашей основной духовной цели. Поэтому мы полагаем, что любая собственность, имеющая значительную стоимость и действительно полезная для АА, должна принадлежать какой-либо посторонней компании и управляться самостоятельно; тем самым мы отделяем материальное от духовного. Группа АА как таковая никогда не должна заниматься предпринимательством. Такие вспомогательные для АА учреждения, как клубы и больницы, предполагающие владение обширной собственностью и участие в администрировании, должны быть отделены от АА настолько, чтобы при необходимости группы АА могли свободно от них отстраниться. Управлять ими должны исключительно те люди, которые их финансируют – будь то члены АА или же нет. В наших клубах предпочтительнее руководители, принадлежащие к АА. Однако больницы и другие места, где алкоголику помогают восстановить здоровье, должны функционировать независимо от АА и управляться медиками. Группа АА может сотрудничать с кем угодно, но при этом не должна связывать себя ни с кем.
7. Группы АА должны существовать исключительно на добровольные пожертвования своих членов. Мы полагаем, что каждой группе следует быстрее достичь этого идеала; что любые общественные кампании по сбору денежных средств с использованием имени АА крайне опасны; что в большинстве случаев неразумно принимать от кого-либо крупные подарки или пожертвования, предполагающие какие-либо обязательства. Кроме того, мы с большой тревогой наблюдаем за группами, которые продолжают накапливать средства сверх разумного резерва без какой-либо конкретной пользы для АА. Наш опыт неоднократно предостерегал: вернее всего наше духовное наследие могут

разрушить бесплодные споры из-за собственности, денег и власти.

8. Сообщество Анонимных Алкоголиков должно всегда оставаться непрофессиональным объединением. Под профессионализмом мы подразумеваем консультирование алкоголиков за плату. Но мы можем нанимать алкоголиков для выполнения работ, для которых в ином случае пришлось бы задействовать неалкоголиков. Такие специальные услуги вполне могут оплачиваться. Однако наша личная работа по Двенадцатому Шагу никогда не должна быть оплачиваемой.
9. Каждая группа АА нуждается в как можно более простой организационной структуре. Обычно предпочтительнее, чтобы люди на руководящих должностях сменялись по очереди. Маленькая группа может выбрать себе секретаря, большая группа – свой комитет с меняющимся составом, а группы крупной метрополии – собственный центральный комитет, который часто нанимает секретаря на полную ставку. Попечители Фонда АА – по сути, наш комитет по общему обслуживанию. Они – хранители наших Традиций; они получают добровольные пожертвования членов АА, на которые содержат главный Штаб АА и нашего генерального секретаря в Нью-Йорке. Группы поручили им заниматься нашими глобальными связями с общественностью; они также обеспечивают успешное функционирование нашего главного печатного издания – журнала «Грейпвайн». Все эти наши представители должны руководствоваться духом служения, ибо истинные лидеры в АА – всего лишь облеченные доверием опытные люди, служащие всему Содружеству. Их должности не дают им настоящей власти. Общее уважение – вот залог их полезности.
10. Ни одна группа или член АА не должны высказываться по спорным вопросам, не связанным с деятельностью

АА – в частности, касательно политики, антиалкогольных реформ, различных религиозных направлений – *так, чтобы подразумевалось отношение к ним АА*. Группы Анонимных Алкоголиков никому не противостоят. По подобным вопросам они вообще не могут выражать каких бы то ни было мнений.

11. Наши отношения с внешним миром должны отличаться скромностью и анонимностью. Мы считаем, что АА следует избегать сенсационной рекламы. В контактах с общественностью нам следует руководствовать принципом привлекательности, а не пропаганды. Нам нет нужды хвалить самих себя. Мы полагаем, что лучше предоставить нашим друзьям рекомендовать нас другим.
12. И последнее: мы, Содружество Анонимных Алкоголиков, верим, что принцип анонимности имеет огромное духовное значение. Он напоминает нам, что нужно ставить принципы выше личностей и что мы должны практиковать подлинное смирение. Это необходимо для того, чтобы дарованные нам великие блага никогда нас не испортили и чтобы мы постоянно с благодарностью размышляли о Том, кто ведет всех нас.

Хочу подчеркнуть: хоть эти принципы и изложены в утвердительной форме, это всего лишь предложения на будущее. Мы, Анонимные Алкоголики, никогда не выказывали энтузиазма по отношению к каким-либо проявлениям личной власти. Может, и хорошо, что так. Поэтому я предлагаю вам эти рекомендации не как авторитетные заявления одного человека или как некие догмы, а, скорее, как первую попытку обрисовать тот общий идеал, к которому нас уверенно ведет Высшая Сила на протяжении прошедших десяти лет.

P.S. Чтобы поспособствовать свободному обсуждению, в будущих статьях я собираюсь подробно рассмотреть Двенадцать Пунктов Традиций.

Безопасное использование денег *(май 1946 г.)*

Какую роль играют деньги в АА – позволяют много добиться или же представляют собой корень всего зла? Эту загадку мы все еще не разрешили. Никто не претендует на то, что знает ответ целиком. Где заканчивается правильное употребление денег и начинается злоупотребление ими – эту точку «духовного пространства» ищем все мы. Редкая проблема групп доставляет вдумчивым членам АА столько же беспокойства, как эта. Каждый из них спрашивает: «Как нам относиться к добровольным пожертвованиям, наемному труду, профессионализму, дарам извне?»

В первые годы существования АА проблем с деньгами у нас не было. Мы собирались у кого-нибудь дома, а жены делали нам бутерброды и кофе. Если кто-то из нас желал дать денег своему собрату-алкоголику, то давал – это было сугубо его личное дело. У группы не было общих средств, а значит, не было и сопутствующих затруднений. Нужно отметить, что многим ветеранам АА хотелось бы, чтобы мы могли вернуться в те дни безмятежной простоты. Зная, что ссоры из-за материальных вещей сокрушили дух многих благих начинаний, члены АА часто думают, что слишком крупные суммы денег могут стать злом и для нас.

Но что толку желать невозможного? Деньги *уже* вошли в жизнь АА, и мы *определенно настроены* на разумное их использование. Никто не стал бы всерьез размышлять о закрытии наших клубов и помещений для собраний ради категорического отказа от денег. Опыт показывает, что эти объекты нам очень нужны, поэтому мы должны принять любые связанные с ними риски.

Но как свести риски к минимуму? Каким образом традиционно ограничить употребление денег так, чтобы они не могли поколебать духовный фундамент, на который целиком и полностью опирается жизнь каждого члена АА? Сегодня

это наша насущная проблема. Так давайте же вместе окинем взором основные аспекты нашего финансового положения и постараемся выявить в них существенное и несущественное, разумное и безвредное, а также лишнее и потенциально опасное.

Взять, к примеру, добровольные пожертвования. Каждый член АА бросает деньги «в шляпу» на оплату аренды помещения для собраний или клуба, на содержание местного или общенационального центра обслуживания. Конечно, не все из нас верят в пользу клубов, не все видят нужду в офисах обслуживания, но справедливо будет сказать, что подавляющее большинство считает эти службы необходимыми. Если их работа организована эффективно, а о расходах докладывается должным образом, то мы только рады регулярно оказывать им поддержку – разумеется, ясно осознавая, что эти пожертвования ни в коей мере не являются условием для членства в Содружестве. Сейчас такое использование наших денег встречает широкое одобрение, и можно утверждать, с некоторыми оговорками, что нет особых опасений насчет ужасных будущих последствий.

И все же определенное беспокойство возникает – главным образом, в связи с нашими клубами, местными центрами обслуживания и общенациональными штабами. Так как обычно у них есть наемные работники и их функционирование подразумевает толику администрирования, иногда мы подозреваем, что можем завязнуть в бюрократизме или того хуже – докатиться до открытой профессионализации АА. Надо сказать, эти сомнения порой не лишены оснований; но у нас уже накоплено достаточно опыта, чтобы развеять большую их часть.

Во-первых, представляется несомненным, что нам не стоит трепетать перед своими клубами, местными центрами или общим штабом в Нью-Йорке. Это всего лишь вспомогательные учреждения; они не могут по-настоящему контролировать

АА и управлять нами. Если вдруг любое из них станет неэффективным или чрезмерно властным, то решить проблему будет несложно. Средний член АА просто перестанет оказывать финансовую поддержку, пока обстоятельства не изменятся. Поскольку принадлежность к Содружеству *не зависит от взносов или пожертвований*, мы всегда можем «принять специальные службы или отказаться от них». Они всегда должны служить нам хорошо, иначе им придется выйти из дела. Никого из нас не принуждают их финансировать, поэтому они не могут диктовать нам условия и не могут надолго отклониться от основного курса Традиций АА.

В прямом соответствии с принципом «прими или откажись» наметилась обнадеживающая тенденция – регистрировать такие специальные службы отдельно, если они подразумевают значительные финансы, собственность и управление. Группы АА все больше осознают, что они – духовные образования, а не деловые предприятия. Конечно, маленькие клубы часто остаются незарегистрированными, потому что деловой аспект у них присутствует лишь символически. Однако по мере бурного роста клуба местные группы обычно решают, что разумно будет оформить его как отдельный от них объект. *Тогда финансирование клуба становится скорее делом отдельных лиц, чем группы АА*. Но если клуб также предоставляет секретаря для центрального офиса, который обслуживает всю округу, то, по-видимому, будет честно, если эти специфические затраты возьмут на себя местные группы, ведь секретарь служит им всем, даже если сам клуб – нет. Наше развитие в крупных центрах АА четко показывает: хотя местным группам или их центральному комитету надлежит оплачивать услуги секретаря для своего округа, они не обязаны финансировать клубы. Не все в АА заинтересованы в работе последних, поэтому обеспечивать их деньгами должны, главным образом, те из нас, кому эти клубы нужны или кому нравится сама идея. Впрочем, таких людей среди

нас большинство. Однако большинство не должно вынуждать меньшинство поддерживать ненужные ему клубы.

Само собой, некоторую помощь клубы получают благодаря проводимым в них собраниям. Когда там устраиваются крупные мероприятия регионального масштаба, собранные пожертвования обычно делятся между клубом и региональным комитетом – естественно, с щедрым поощрением клуба, ведь это он предоставляет помещение. Подобная же договоренность возможна между клубом и конкретной группой, которая желает пользоваться им для собраний или развлечений. В общем, совет директоров клуба ведает его финансовым обеспечением и общественной жизнью, в то время как проблемы собственно АА остаются в ведении самих местных групп. Такое разделение сфер деятельности не является общепринятым правилом – оно лишь предлагается как вариант, хорошо соответствующий современным тенденциям.

Большой клуб или центральный офис обычно имеет одного или нескольких наемных сотрудников. Так что насчет них – не превращают ли они АА в профессию? По этому поводу разгораются жаркие споры всякий раз, когда клуб или комитет разрастается настолько, что начинает нуждаться в оплачиваемом труде. Всех нас терзала куча смутных мыслей на эту тему, и я хочу в числе первых в этом сознаться.

Причина наших смутных мыслей – как обычно, страх. Для каждого из нас идеал АА, как бы мы сами ни были от него далеки – великолепное совершенство. Ведь именно Сила большая, чем мы сами, вытянула нас из зыбучих песков на безопасный берег! Малейший помысел об искажении нашего идеала, не говоря уже об обмене его на деньги, для большинства из нас – нечто невообразимое. Поэтому мы все время настороже – а не зарождается ли среди нас класс наемных лекарей или миссионеров? Но в АА, где каждый – лекарь и миссионер по собственной воле, нет никакой нужды платить

кому-либо за обычную работу по Двенадцатому Шагу, наш чисто духовный труд. Я полагаю, что любой страх достоин сожаления, но, признаюсь, даже рад, что мы проявляем такую бдительность в этом важнейшем вопросе.

И все-таки есть один принцип, который, думаю, поможет честно разрешить нашу дилемму. Суть его вот в чем. Уборщик может мести пол, повар – готовить еду, смотритель здания – не пускать беспокойных пьяных, секретарь – заниматься офисными делами, редактор – выпускать газету. И все это, я уверен, ничуть не означает профессионализации АА. Если бы мы не выполняли эту работу сами, то нам все равно пришлось бы нанять для нее неалкоголиков. Мы ведь не стали бы просить кого-то из неалкоголиков постоянно делать такие вещи бесплатно! Так почему же некоторые из нас, зарабатывающих хорошие деньги вне Содружества, ожидают, что их товарищи по АА будут целыми днями служить уборщиками, поварами и секретарями? Зачем им бесплатно делать работу, которой не пожелали заняться остальные? И, если уж на то пошло, почему они должны получать у нас меньшую плату, чем получали бы за сходный труд в иных местах? И что с того, если, исполняя свои служебные обязанности, они параллельно проделывают и некоторую работу по Двенадцатому Шагу? Представляется ясным, что принцип таков: мы можем в адекватном размере оплачивать особые услуги, но ни в коем случае не саму деятельность по Двенадцатому Шагу.

Так как же можно превратить АА в профессию? Да легко и просто – к примеру, я мог бы арендовать себе офис и повесить на дверь табличку: «Билл У., врач Содружества Анонимных Алкоголиков. Тариф – 10 долларов в час». Вот это и было бы явное лечение алкоголизма за плату. При этом я бы, безусловно, спекулировал на имени АА, совершенно не профессиональной организации, ради расширения своей медицинской практики. Вот этодействительно была бы профессионализация АА – да еще какая! Это было бы вполне законно, но едва ли этично.

Означает ли это, что мы должны критиковать врачей как класс – даже членов АА, решивших посвятить себя медицине? Ни в коей мере. Никому не следует рекламировать себя как врача из АА. Поскольку мы – организация сугубо непрофессиональная, такое просто невозможно. Подобного искажения фактов не может позволить себе никто из нас. Теннисист, становясь профессионалом, должен отказаться от статуса любителя; так и члены АА, становящиеся врачами, должны перестать афишировать свою принадлежность к Содружеству. Думаю, лишь немногие из АА будут работать в сфере лечения алкоголизма; но никто из них не должен чувствовать себя отступником – особенно если это обученные соцработники, психологи, психиатры. При этом они, разумеется, ни в коем случае не должны заявлять о своем членстве в АА публично или создавать у людей ощущение, что в рядах АА есть отдельный класс таких специалистов. Именно здесь все мы должны установить пределы допустимого.

Политика в отношении пожертвований
(июнь 1946 г.)

Обсуждая эту тему на страницах «Грейпвайна» в прошлом месяце, мы сделали следующие наблюдения:

1. Использование денег в АА – крайне важный вопрос. Мы должны внимательно следить за тем, чтобы их употребление не перешло в злоупотребление.
2. Содружество уже настроилось на рациональное использование денег – ведь мы и не помышляем об отказе от офисов, помещений для собраний и клубов АА только лишь ради избавления от финансов вообще.
3. Сегодня наша реальная проблема состоит в том, чтобы установить разумные традиционные ограничения в использовании денег, тем самым сведя к минимуму риск вреда от них.
4. Добровольные пожертвования или дары членов АА должны быть нашим главным, а со временем – единственным источником финансирования; такое самообеспечение всегда будет гарантировать, что наши клубы и офисы не отобьются от рук – ведь мы легко сможем прекратить их финансировать, если они не будут служить нам хорошо.
5. Мы уяснили, что те особые службы, которые требуют значительных финансов и администрирования, как правило, разумно регистрировать отдельно; группа АА – духовное образование, а не коммерческое предприятие.
6. Мы должны любой ценой избегать профессионализации АА; обычная работа по Двенадцатому Шагу никогда не должна оплачиваться; члены АА, занимающиеся лечением алкоголизма, не должны спекулировать на своей принадлежности к Содружеству; такого явления как «бизнес АА» не существует и существовать не должно.

7. Тем не менее, мы можем привлекать членов АА для работы за плату – при условии, что у них будут должностные обязанности за рамками обычной работы по Двенадцатому Шагу. К примеру, мы, несомненно, можем нанимать секретарей, смотрителей и поваров, не превращая их в профессионалов АА.

В продолжение дискуссии о профессионализме: члены АА часто обращаются за советом к местному сообществу АА или в наш Фонд и рассказывают, что им предлагают работу в смежных сферах деятельности. Больницы хотят иметь медсестер и докторов из АА, клиникам нужны соцработники из АА, университеты приглашают нас работать в области антиалкогольного просвещения на недискуссионной основе, а промышленные предприятия просят нас порекомендовать им членов АА на должности кадровиков. Можем ли мы принимать такие предложения, действуя как частные лица? Большинство из нас не видит препятствий для этого.

Все сводится вот к чему. Имеем ли мы право лишать общество той пользы, какую могут принести наши особые знания по проблеме алкоголизма? Стоит ли нам, несмотря на то, что мы могли бы стать отличными медсестрами, врачами, соцработниками и деятелями антиалкогольного просвещения, говорить обществу, что мы не можем взять на себя такую миссию из страха перед профессионализацией АА? Это определенно было бы надуманной и даже смехотворной отговоркой. Безусловно, ни одному члену АА не следует препятствовать в такой работе из-за его принадлежности к Содружеству. Ему нужно лишь избегать «лечения по АА» и любых действий и слов, могущих навредить АА в целом. А в остальном он должен иметь такую же возможность взяться за эту работу, как и любой неалкоголик, который в противном случае занял бы его место и, может быть, работал бы вдвое хуже. Насколько мне известно, в наших рядах еще есть несколько барменов. И хотя эта работа, по очевидным причинам, не относится к

рекомендуемым занятиям, я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь возмущался, что эти немногочисленные люди профессионализируют АА за счет своего очень специфического знания баров!

Когда-то мы считали, что Содружество должно иметь собственные больницы, пансионаты и профилактории. Сегодня мы убеждены, что нам не следует иметь ничего подобного. Даже наши клубы, хоть они и часть АА, в некоторой степени обособлены. Практически все мы сходимся во мнении, что лечебные и профилактические учреждения должны быть вне АА – и управляться медиками. Госпитализация – безусловно, работа докторов, которым, конечно, могут помогать частные лица и местная общественность. Это не входит в функции АА (в том, что касается администрирования и собственности). Мы повсеместно сотрудничаем с больницами. Многие из них предоставляют нам особые привилегии и рабочие условия. Некоторые с нами консультируются. Другие нанимают медсестер и санитаров из числа членов АА. Такое взаимодействие почти всегда эффективно. Но ни одно из этих заведений не именуется «больницей АА».

У нас также есть некоторый опыт с пансионатами и вытрезвителями, которые не связаны с АА и управляются медиками, но администрированием и финансированием их занимаются члены АА. Какие-то из этих начинаний стали успешными, какие-то – крайне неудачными. С одним-двумя явными исключениями, наихудшей схемой из возможных оказывалась та, при которой группы АА, с общими деньгами и под групповым руководством, брались за «вытрезвление» людей. Вопреки ожиданиям, такие «больницы АА» – по-видимому, наименее обещающие предприятия из всех. Группа, организующая нечто подобное, обычно обнаруживает, что приняла лишние обязательства и обрекла себя на душераздирающие распри. Поскольку это групповой проект, с ним не получится «принять или отказаться». Или приходится прикрыть его

вовсе, или он остается ссадиной на теле группы. Эти эксперименты ярко продемонстрировали: группе АА всегда нужно быть духовным образованием, а не коммерческим предприятием. Лучше делать одну вещь прекрасно, чем две – плохо!

А как насчет пожертвований и выплат в пользу АА из внешних источников? Было время, когда мы отчаянно нуждались в небольшой помощи извне, и мы ее получили. Мы всегда будем благодарны преданным друзьям, чей вклад сделал возможным создание Фонда и Центрального бюро АА и публикацию книги «Анонимные Алкоголики». Несомненно, каждому из них уготовано место в раю. Они удовлетворили нашу острейшую потребность – ведь в те дни мы, члены АА, были очень немногочисленны и бедны!

Но времена изменились. Теперь в наших рядах насчитывается более двадцати четырех тысяч человек, чей совокупный доход за этот год, должно быть, составляет миллионы. Поэтому среди нас распространяется сильнейшее чувство, что Содружество должно обеспечивать себя самостоятельно. Большинство из нас считают, что обязаны АА жизнью и потому думают, что нам следует самим оплачивать весьма скромные расходы нашего движения. Они спрашивают: разве не пора уже пересмотреть господствующую идею о том, что алкоголик *всегда* человек, которому нужно помогать, и, как правило, деньгами? Они говорят товарищам по АА: давайте больше не будем брать у общества, а вместо этого будем ему давать! Мы больше не беспомощны и не безденежны. Если бы можно было уже завтра публично заявить, что каждая группа АА стала полностью самообеспечиваемой, то, вероятно, ничто иное не вызвало бы большей доброжелательности в наш адрес. Пусть щедрая общественность жертвует деньги на исследования по проблеме алкоголизма, больничное лечение и антиалкогольное просвещение – эти сферы действительно нуждаются в финансировании. Но не мы. Мы уже не нищие. Мы можем и должны оплачивать собственные расходы.

Разумеется, едва ли стоит считать нарушением этого принципа случай, когда друг-неалкоголик приходит на собрание и бросает «в шляпу» доллар. Также сомнительно, что нам следует отказываться, если родственник алкоголика присылает нам пять долларов, желая внести свою скромную лепту в благодарность за выздоровление близкого. Возможно, с нашей стороны было бы некрасиво отклонить его дар.

Однако нас беспокоят не эти маленькие знаки признательности – проблема в крупных пожертвованиях, особенно таких, которые подразумевают будущие обязательства. Кроме того, есть сведения, что состоятельные люди завещают АА деньги, так как думают, что, если бы у нас было много денег, то мы нашли бы им применение. Следует ли нам разубеждать их? Вдобавок уже было несколько тревожных попыток публичного сбора средств от имени Анонимных Алкоголиков. Большинство из нас отлично представляет, к чему мог бы привести такой курс действий. Нам частенько предлагают деньги как сторонники «сухого закона», так и его противники. Опасность здесь очевидна, ведь мы должны держаться в стороне от этого злополучного противостояния. Бывает также, что родители алкоголика, которых переполняет благодарность, хотят пожертвовать в нашу пользу крупную сумму. Рационально ли это? Пойдет ли это во благо самому алкоголику? Иногда богатый член АА желает внести крупное пожертвование. Хорошо ли это будет для него и для нас? Не будем ли мы чувствовать себя в долгу у него, и не будет ли он сам, особенно если это новичок, считать, что купил себе билет до заветной конечной станции – трезвости?

Мы ничуть не сомневаемся в искренней щедрости всех этих людей. Но разумно ли будет взять эти дары? Я разделяю мнение большинства ветеранов АА: за редким исключением, принятие крупных пожертвований из любых источников – выбор очень сомнительный и почти всегда опасный. Борющийся с трудностями клуб может остро нуждаться в дружеском подарке или займе; но даже если и так, то в долгосрочной

перспективе, возможно, будет лучше, если мы будем «жить по средствам». Мы никогда не должны допускать, чтобы немедленные преимущества, какими бы привлекательными они ни были, заставляли нас закрыть глаза на то, что мы, может быть, создаем пагубный прецедент на будущее. Препирательства из-за денег и собственности слишком часто сокрушали даже лучших людей, чем мы, темпераментные алкоголики!

Теперь я с глубочайшей благодарностью и удовлетворением могу рассказать вам о свежей резолюции, принятой нашим комитетом по общему обслуживанию – попечителями Фонда АА, которые выступают хранителями нашей общенациональной казны. По принципиальным соображениям они только что официально заявили, что будут отклонять все дары, влекущие за собой малейшие обязательства – прямые и косвенные. Помимо этого, Фонд АА не будет принимать поступления ни из каких коммерческих источников. Многие читатели уже знают, что за последнее время несколько кинокомпаний обращались к нам с предложением снять фильм об АА. Естественно, поднимался и вопрос о деньгах. Но наши попечители – и я думаю, они абсолютно правы – решили занять следующую позицию: у АА нет ничего для продажи; все мы хотим избежать любого намека на коммерцию; в общенациональном масштабе Содружество теперь будет самообеспечиваемым при любых обстоятельствах.

На мой взгляд, это чрезвычайно важное для нашего будущего решение – громадный шаг в верном направлении. Когда такой подход к деньгам распространится по всему Содружеству, тогда мы, наконец, обойдем золотой, соблазнительный, но всегда коварный риф под названием «материализм».

В ближайшие годы Анонимные Алкоголики должны будут пройти решающее испытание своего благополучия и успеха. Думаю, это окажется самой трудной проверкой. И если мы ее выдержим, то ни время, ни обстоятельства не смогут нас поколебать. Наша судьба будет в безопасности!

Индивидуум и АА как коллектив *(июль 1946 г.)*

Возможно, Анонимные Алкоголики – новая форма объединения людей. Первый из наших Двенадцати Пунктов Традиций АА гласит: «Каждый член Содружества Анонимных Алкоголиков – лишь часть огромного целого. АА должно продолжать жить, иначе большинство из нас неминуемо погибнет. Поэтому на первом месте стоит наше общее благополучие; однако сразу после него идет благополучие индивидуальное». Это – обычное для любого сообщества признание того факта, что иногда индивидуум должен ставить интересы ближних выше его собственных невоздержанных желаний. Если бы отдельный человек ничем не жертвовал ради общего блага, то не было бы никакого общества – лишь буйство своеволия, анархия в худшем смысле слова.

Однако третий пункт Традиций АА выглядит как открытый призыв к анархии, и кажется, что он противоречит первому: «Нам следует принимать всех страдающих алкоголизмом. Поэтому *мы не можем отказывать никому* из тех, кто желает излечиться. Членство в АА *никогда не должно связываться с денежными соображениями или с умением приспосабливаться. Любые два-три алкоголика, собравшиеся вместе с целью поддержания трезвости, могут называть себя группой АА»*. Здесь явно подразумевается, что алкоголик принадлежит к АА, если сам об этом заявляет; что мы не можем отказать ему в членстве, не можем требовать от него ни гроша, не можем навязывать ему свои убеждения и методы; что он может пренебрегать всем тем, за что мы ратуем, и все равно оставаться членом АА. По сути, эта наша Традиция несет в себе принцип прямо-таки фантастической независимости для индивидуума: выходит, что при наличии хоть малейшей заинтересованности в трезвости даже самый аморальный, самый антисоциальный, самый трудный алкоголик может собрать вокруг себя несколько родственных душ и объявить нам, что возникла новая группа

АА. Эти опасные личности, пусть и настроенные против Бога, против медицины, против нашей программы выздоровления и даже друг против друга, все равно являются группой АА, *если считают себя ею!*

Наши друзья-неалкоголики порой восклицают: «Говорите, у вас в АА разумное социальное устройство? Должно быть, это шутка! Нам кажется, что ваша Третья Традиция так же надежна, как Вавилонская башня. В первом пункте вы прямо заявляете, что общее благополучие стоит на первом месте. А потом, в третьем пункте, открытым текстом объявляете каждому члену АА, что никто не станет его останавливать, даже если он будет думать и делать что ему угодно! Правда, во втором пункте туманно упоминается некий *высший авторитет*, «любящий Бог, воспринимаемый нами в том виде, в котором Он может предстать в нашем групповом сознании». При всем уважении к вашим взглядам, со стороны этот момент выглядит несколько непрактичным. В конце концов, весь современный мир – печальная история о том, как большинство людей утратило разум и не может найти свой путь. И тут появляетесь вы, алкоголики (к тому же люди нестабильные, вы сами это признаете!) и мягко говорите нам: 1) АА – это чудесный социализм, чрезвычайно демократичный; 2) АА – это еще и диктатура, ведь его члены подчиняются благой Божьей власти; и, наконец, 3) АА настолько индивидуалистично, что ваша организация не может поддерживать дисциплину в собственных рядах, даже если ее члены ведут себя неправильно или придерживаются неверных убеждений».

Затем наши друзья продолжают: «Итак, нам кажется, что в вашем сообществе Анонимных Алкоголиков есть и демократия, и диктатура, и анархия – и все это функционирует одновременно. Как же могут уживаться вместе те самые явления, конфликты между которыми разрывают на части современный мир? Но ведь мы знаем, что АА работает! Значит, вы, ребята, как-то подстроились под эти мощные силы. Так ска-

жите нам, если сможете: что объединяет АА? Почему ваше Содружество не распадается? Если каждый член АА обладает личной свободой, которая может привести к разнузданности, то почему ваше сообщество не разваливается? По идее, должно бы, но этого не происходит!»

Когда наши друзья из внешнего мира, озадаченные этим парадоксом, читают нашу Первую Традицию, они склонны упускать из виду крайне важное утверждение: «АА должно продолжать жить, иначе большинство из нас неминуемо погибнет».

Эти суровые слова имеют огромный смысл для каждого члена Содружества. Абсолютно верно, что ни одна группа АА не может принуждать алкоголика жертвовать деньги, выполнять Двенадцать Шагов программы и соблюдать Двенадцать Традиций; но со временем каждый из нас оказывается просто вынужден делать все это. Истина такова, что всех нас все еще подстерегает тиран, имя которому – алкоголь. Он коварен и безжалостен; его оружие – страдания, безумие и смерть. Как долго бы мы ни оставались трезвыми, он всегда стоит у нас за спиной, только и ожидая возможности возобновить свою разрушительную деятельность. Подобно агенту гестапо, он вечно угрожает каждому в АА мучениями и гибелью – если, конечно, этот человек не готов отказаться от эгоизма и часто ставить благополучие Содружества выше своих личных планов и амбиций. Очевидно, никто не может заставить алкоголиков держаться вместе, живя счастливой и плодотворной жизнью. Но зеленый змий может – и часто заставляет!

Для иллюстрации расскажу вам кое-что. Как-то раз мы составили длинный список наших кажущихся неудач в первые годы. Всех алкоголиков из списка активно приобщали к АА. Большая часть ходила на собрания по нескольку месяцев. Но потом все они начинали увиливать и исчезали. Некоторые заявляли, что они – не алкоголики. Другие не могли смириться с нашей верой в Бога. Многие сильно разобиделись на товарищей. Анархисты в душе, они не могли

подстроиться под наше сообщество. А поскольку оно тоже не подстраивалось под них, они уходили. *Но лишь на время.* Годы спустя многие из наших так называемых «неудач» возвращались, зачастую становясь замечательными членами АА. Мы никогда за ними не бегали – они возвращались сами. Заметив такого вернувшегося, я всегда спрашиваю, почему он снова к нам присоединился, и неизменно получаю ответ вроде этого: «При первом же контакте с АА я узнал, что алкоголизм – это болезнь, душевная одержимость, принуждающая нас пить, вкупе с телесной аллергией, обрекающей нас на сумасшествие или смерть, если мы не завяжем. Я также узнал, что АА помогает от этого – по крайней мере, некоторым алкоголикам. Но тогда мне не нравились методы АА, я терпеть не мог некоторых встреченных там алкоголиков и к тому же все еще носился с идеей, что смогу завязать самостоятельно. Однако после еще нескольких лет жуткого пьянства, которое я, как оказалось, не мог контролировать, я сдался. И вернулся в АА, потому что мне некуда было больше идти, ведь все остальное я уже перепробовал. Теперь я знал, что должен действовать быстро: принять Двенадцать Шагов программы выздоровления, перестать ненавидеть собратьев-алкоголиков и занять место среди них, став крошечной частичкой огромного целого – сообщества Анонимных Алкоголиков. Все свелось к одному простому вопросу – «сделать или умереть». Мне придется смириться с принципами АА – иначе смерть. Больше никакой анархии мне не надо. Я снова с вами!»

Этот пример демонстрирует, почему мы должны держаться вместе – ведь поодиночке мы погибнем. Все мы – актеры в жестокой драме, где смерть служит суфлером для тех, кто запинается. Можно ли вообразить более действенную дисциплинарную меру, чем эта?

Тем не менее, история необузданного пьянства показывает: мало кто из алкоголиков исправился только лишь из страха. Для того, чтобы сплотить нас, анархистов, нужно гораздо

больше, чем просто страх. Несколько лет назад, выступая в Балтиморе, я много разглагольствовал об ужасных страданиях, которые мы пережили. Должно быть, моя речь сильно отдавала жалостью к себе и самолюбованием. Я неоднократно называл опыт нашего пьянства огромным бедствием, страшным горем. После мероприятия ко мне подошел священник-католик и добродушно заметил: «Я слышал, как вы говорили, что считаете свое пьянство большим несчастьем. Но мне кажется, что в вашем случае оно – *большое счастье*. Разве не именно благодаря этому ужасному опыту вы преисполнились смирения настолько, что смогли обрести Бога? Разве страдания не раскрыли ваши глаза и сердце? Все те возможности, которые у вас есть сегодня, все эти чудесные переживания, которые вы называете «АА», берут начало в тяжких мучениях прошлого. На самом деле в вашем случае это было вовсе не горе, а огромное счастье! Вы, члены АА – привилегированный народ!»

Это простое, но мудрое замечание затронуло меня до глубины души и стало поворотным моментом в моей жизни. Оно заставило меня задуматься о своих взаимоотношениях с товарищами по АА, как никогда прежде. Я задался вопросом о собственных мотивах. Зачем я вообще приехал в Балтимор? Только лишь ради аплодисментов и похвал сотоварищей? Кто я здесь – учитель или проповедник? Не воображаю ли я себя великим борцом за мораль? Поразмыслив, я со стыдом признался себе, что присутствовали все эти мотивы, и что я за чужой счет получаю довольно эгоистичное удовольствие от этого визита. Но неужели это все? Неужто у меня не было лучшего мотива, чем естественная жажда славы и похвалы? Разве моя поездка не была вызвана более важной и острой потребностью, чем эта? И тогда меня осенило. За своим мелким детским тщеславием я разглядел руку Того, чья сила намного превышает мою! Того, кто старается меня трансформировать; Того, кто, если я Ему позволю, сможет отбросить

мои менее достойные желания и заменить их более правильными устремлениями. И, если у меня будет достаточно смирения, через них я смогу обрести душевный покой.

В тот момент я четко понял, по каким причинам должен был бы поехать в Балтимор на самом деле. Я должен был бы поехать туда в счастливом убеждении, что балтиморцы нужны мне даже больше, чем я им; что мне нужно разделить с ними их тяготы и радости; что мне нужно ощутить свою близость с ними, влившись в их сообщество; что, даже если они упорно воспринимают меня как своего учителя, мне все равно следует чувствовать себя их учеником. Я осознал, что жил слишком обособленно, слишком в стороне от товарищей по АА, и к тому же был глух к внутреннему голосу. Вместо того чтобы приехать в Балтимор как простой посредник, передающий опыт другим, я явился как со-основатель Анонимных Алкоголиков. Подобно торговому агенту на деловой встрече, я носил значок со своим именем, чтобы все его видели. Но насколько лучше было бы, если бы вместо самодовольства я чувствовал *благодарность* – за то, что когда-то пережил мучения алкоголизма; за то, что чудо исцеления было ниспослано мне свыше; за привилегию служить другим алкоголикам; за братские узы, связывающие меня с ними все теснее в нашей товарищеской атмосфере, какую за всю историю человечества знали лишь немногие сообщества. Правду сказал тот священник: «Ваше горе стало вашим большим счастьем. Вы, члены АА – привилегированный народ!»

Мой балтиморский опыт не уникален. У каждого из нас есть такие духовные вехи в жизни – моменты прозрения, сближающие человека с его товарищами и Создателем. Цикл развития всегда один и тот же. Сначала мы приходим в АА, потому что иначе можем погибнуть. Потом полагаемся на Содружество и его философию в надежде, что они избавят нас от пьянства. Затем мы склонны какое-то время опять полагаться на самих себя, стремясь к счастью через

влияние и признание. Наконец, какой-нибудь инцидент – возможно, серьезная неудача – открывает наши глаза еще шире. И тогда, усваивая новый урок и *действительно принимая его*, мы выходим на новый уровень – более правильного мышления и поступков. Жизнь приобретает более тонкий смысл. Мы видим проблески новых для нас реальностей; мы постигаем особый вид любви, который убеждает нас, что давать – это большее счастье, чем получать. Вот некоторые из причин, почему мы думаем, что Содружество Анонимных Алкоголиков – возможно, новая форма общественного устройства.

Каждая группа АА – тихая гавань. Но ее границы всегда стережет наш тиран – алкоголь. Подобно людям на плоту Эдди Рикенбэкера, мы, живущие в гавани АА, держимся друг за друга с целеустремленностью, редко понятной внешнему миру. Анархия индивидуализма улетучивается, эгоизм ослабевает, и демократия становится реальностью. Мы начинаем познавать истинную свободу духа. Среди нас растет понимание того, что все хорошо и что каждый из нас может целиком положиться на Того, кто с любовью руководит нами изнутри – и сверху тоже.

Член АА – кто он? *(август 1946 г.)*

В первом издании книги «Анонимные Алкоголики» приводится краткое утверждение касательно членства в АА: «Единственное условие для членства в АА – честное желание бросить пить. Мы не связаны ни с каким определенным вероисповеданием, сектой или религиозным направлением и никому себя не противопоставляем. Мы просто хотим помочь тем, кто страдает». Таким был наш настрой в 1939 году, когда книга вышла в свет.

После того были самые разнообразные эксперименты с условиями для принятия в АА. Соответствующих правил, которые вводились (и чаще всего нарушались!) группами, была целая уйма. Пару лет назад Центральное бюро обслуживания попросило группы составить и прислать списки своих условий для членства. Получив списки, на которые ушло много листов бумаги, мы проанализировали их все и после недолгого размышления над этой кучей правил пришли к поразительному выводу: если бы все эти ограничения одновременно действовали повсюду, то присоединиться к нам было бы невозможно практически ни для кого из алкоголиков! Порядка девяти из десяти наистарейших и наилучших членов Содружества ни за что бы не попали в АА!

Некоторые из нас были бы слишком обескуражены предъявляемыми требованиями. Большинство ветеранов было бы отвергнуто, поскольку они слишком часто срывались, имели слишком низкие моральные качества и, помимо алкоголизма, страдали еще и психическими расстройствами. Или же – хотите верьте, хотите нет – потому что они не принадлежали к так называемому «лучшему классу общества». Нас, старичков, могли бы исключить за нежелание читать книгу «Анонимные Алкоголики» или из-за отказа наставника поручиться за нас как за достойных кандидатов. И так далее,

и тому подобное. По прошествии времени довольно забавно вспоминать, как наши «достойные» алкоголики порой пытались судить «менее достойных». Только представьте себе – один алкоголик судит другого!

Рано или поздно большинство групп принимается изобретать правила. Впрочем, это вполне естественно, ведь когда группа быстро растет, она сталкивается с кучей проблем. Попрошайки начинают попрошайничать; члены группы напиваются и иногда даже приглашают других выпивать вместе; люди с психическими расстройствами впадают в депрессию или в приступе паранойи конфликтуют с товарищами по группе; сплетники сплетничают и в порыве правдолюбия разоблачают местных волков и Красных Шапочек; новички утверждают, что они вовсе не алкоголики, но продолжают ходить на собрания; «срывные» пользуются честным именем АА, чтобы устроиться на работу; кто-то отказывается принимать все Двенадцать Шагов программы; другие заходят еще дальше, заявляя, что «разговоры о Боге» – ненужная чепуха. Такая обстановка пугает наших консервативных, послушных программе членов, и они думают: «Это возмутительное положение дел нужно контролировать, иначе АА неминуемо будет разрушено!» Они держатся начеку во благо нашего движения!

И тогда в группе наступает стадия правил и ограничений. С энтузиазмом принимаются уставы, нормы и кодексы; комитеты наделяются полномочиями отсеивать нежелательных кандидатов и применять меры воздействия к нарушителям. Тут берутся за дело ветераны группы, теперь облеченные властью. Бунтарей выкидывают наружу, во тьму; респектабельные любители осуждать других швыряют камни в так называемых «грешников». Что касается последних, они либо упорно остаются в группе, либо уходят и образуют новую, собственную. А может, вливаются в более толерантную и близкую им по духу толпу местных пьяниц. Ветераны группы

быстро обнаруживают, что правила и ограничения не очень-го эффективны. Чаще всего попытки их навязывания вызывают в группе такие распри и нетерпимость, что вскоре становится ясно: создавшееся положение вредит жизни группы сильнее, чем самое плохое из того, что когда-либо делал ей самый плохой ее член.

Через какое-то время страх и нетерпимость угасают, и группа выживает – целая и невредимая. Это становится хорошим уроком для всех. На самом деле лишь очень немногие из нас до сих пор опасаются, что новички могут нанести ущерб репутации или эффективности АА. Те, кто срываются, попрошайничают, скандалят, страдают психическими расстройствами, бунтуют против нашей программы, пользуются именем АА в своих интересах – все эти люди редко вредят группе продолжительное время. Кое-кто из них становятся нашими самыми уважаемыми и любимыми товарищами. Кое-кто продолжает испытывать наше терпение, но все-таки сохраняет трезвость. Другие же покидают нас. Сейчас мы видим в таких людях не столько угрозу, сколько своих учителей. Они заставляют нас развивать в себе терпение, толерантность и смирение. Мы, наконец, поняли: они – всего лишь люди более больные, чем остальные в группе, и мы, порицая их, превращаемся в ханжей, чья ложная праведность вредит духовности группы еще больше.

Любого ветерана АА прямо-таки передергивает при воспоминании о тех, кого он некогда осуждал; о тех, кому он уверенно предрекал, что они никогда не обретут трезвость; о тех, кого, по его мнению, следовало выкинуть из АА ради блага нашего движения. Теперь, когда некоторые из этих самых лиц трезвы вот уже много лет и даже, возможно, входят в число его лучших друзей, ветеран думает: «Что, если бы все осуждали этих людей так же, как прежде я? Что, если бы АА захлопнуло свои двери у них перед носом? Что бы с ними сталось тогда?»

Вот почему мы все меньше и меньше осуждаем новичка. Если алкоголь стал *для него* неконтролируемой проблемой, и *он* хочет исправить ситуацию, то нам этого достаточно. Нам безразлично, тяжелый у него случай или легкий, высоких он моральных качеств или низких, страдает он иными осложнениями или нет. Двери АА широко распахнуты, и если он войдет в них и начнет хоть что-нибудь делать со своей проблемой, то он будет считаться членом Содружества Анонимных Алкоголиков. Он ни на что не подписывается, ничего не обещает, а мы ничего от него не требуем. Он присоединяется к нам, как только заявит об этом. Сегодня в большинстве групп ему даже нет нужды признавать себя алкоголиком. Он может присоединиться к АА, если есть хотя бы подозрение, что он может быть алкоголиком, что у него уже, возможно, проявляются фатальные симптомы нашей болезни.

Конечно, такое положение вещей наблюдается в АА не повсеместно. Условия для членства все еще существуют. Если кто-то постоянно приходит на собрания пьяным, его могут выводить из помещения; мы также можем попросить кого-нибудь забрать его. Но в большинстве групп он может прийти снова уже завтра, если будет трезв. Его могут вышвырнуть из клуба, но никто не подумает вышвыривать его из АА. Он – член Содружества до тех пор, пока утверждает это. Хоть это широкое определение члена АА еще и не принято всеми нами до единого, на сегодняшний день оно все же представляет собой главное направление мысли в нашем Содружестве. Мы не хотим никого лишать шанса на исцеление от алкоголизма. Мы хотим принимать как можно больше людей и никого не исключать.

Может статься, эта тенденция сигнализирует о чем-то более глубоком, чем просто о перемене отношения к вопросу о членстве. Возможно, она означает, что мы перестаем бояться яростных эмоциональных бурь, которые порой сотрясают

мир алкоголиков; возможно, она говорит о нашей уверенности в том, что любой шторм сменится штилем – умиротворением, которое будет отличаться невиданной доселе степенью понимания, сочувствия и терпимости.

Будет ли когда-нибудь в АА личностная система управления? *(январь 1947 г.)*

Ответ на этот вопрос – почти наверняка, «нет». Таков ясный вердикт нашего опыта.

Для начала, каждый член АА – индивидуум, которому из-за своего алкоголизма редко удавалось управлять самим собой. Никому другому тоже не удавалось контролировать его тягу к алкоголю и его стремление гнуть свою линию. Родственники, друзья, начальники, врачи, священники, судьи испокон веков пытались обуздать алкоголиков, и они практически всегда терпели полное поражение, когда пробовали чего-то добиться путем принуждения. И все же нами можно руководить, на нас можно воздействовать; приходя в АА, мы охотно подчиняемся Божьей воле. Поэтому неудивительно, что единственная истинная власть в АА – власть духовного принципа. Личной власти у нас в Содружестве нет.

Наш неразумный индивидуализм (если хотите, эгоцентризм) был, разумеется, главной причиной, почему все мы потерпели в жизни крах и взялись за бутылку. Когда мы не могли заставить других поступать сообразно нашим планам и желаниям, мы пили. Когда другие пытались принуждать к этому нас самих, мы тоже пили. И теперь, хоть мы и трезвы, у нас все еще сильны пережитки тех наклонностей, которые заставляли нас сопротивляться любой власти. Вероятно, это один из ключей к пониманию, почему у нас в АА нет личностного управления: никаких членских взносов, никаких правил и ограничений, никаких требований о соблюдении принципов, никакой власти одних людей над другими. Хоть наше отвращение к повиновению и нельзя назвать чистой добродетелью, но оно надежно гарантирует нам свободу от доминирования отдельных личностей в какой бы то ни было форме.

И все же факты говорят, что большинство из нас в собственной жизни следует Двенадцати рекомендуемым Шагам

к выздоровлению. Но мы делаем это по своей воле, так как предпочитаем исцеление смерти. Затем мы мало-помалу осознаем, что духовная основа жизни – самая лучшая, и соблюдаем принципы АА, потому что хотим этого.

Подобным же образом большинство групп АА в итоге начинает охотно следовать «Двенадцати пунктам Традиций для обеспечения нашего будущего». Группы хотят избежать споров о посторонних вещах, таких как политика, реформы, религия; они сосредоточиваются на единственной цели – помогать алкоголикам выздороветь; они все больше рассчитывают на самообеспечение, а не на пожертвования извне; они все упорнее настаивают на скромности и анонимности в отношениях с общественностью. Группы придерживаются этих традиционных принципов по той же самой причине, по какой отдельные члены АА руководствуются Двенадцати Шагами. Группы понимают, что в противном случае распадутся, и вскоре обнаруживают, что верность нашим Традициям и следование опыту АА – фундамент для более счастливой и эффективной групповой жизни.

Нигде в АА не видно установленной человеческой власти, которая могла бы заставлять группы делать что-либо. К примеру, некоторые группы избирают себе лидеров; но даже наделенный такими полномочиями человек быстро усваивает, что всегда может вести других личным примером или путем убеждения, но не должен командовать, иначе на следующих выборах его могут отстранить.

Большая часть групп АА вообще не выбирает лидеров, а ведение своих несложных дел предпочитает поручать комитетам с меняющимся составом. Члены таких комитетов неизменно рассматриваются как слуги; они уполномочены только служить и ни в коем случае не командовать. Каждый комитет просто реализует желания своей группы, как он их понимает, и все. Впрочем, бывало, что комитеты пытались воздействовать на непокорных членов группы, изобретали мелкие

правила и ограничения или же ставили себя как судей морального облика товарищей; но я не знаю ни одного примера, когда подобные, казалось бы, уместные устремления имели бы сколь-либо продолжительный эффект – кроме, разве что, полной замены состава комитета!

Безусловно, я могу утверждать все это с абсолютной уверенностью – ведь я тоже пробовал управлять АА. И каждый раз, когда я энергично принимался за это дело, меня заставляли замолчать криками – притом такими громкими, что несколько раз казалось, что меня вот-вот выгонят совсем!

Сидя в офисе нашего Центрального бюро, я часто наблюдаю за потоком личных, групповых и межгрупповых проблем, стекающихся сюда. В последнее время этот прилив такой мощный, что каждое утро на нас обрушивается лавина писем, в которых обязательно обнаруживается хотя бы одна острейшая проблема из того или другого уголка мира. Центральное бюро по обслуживанию АА превратилось в горячую точку – на деле, настолько горячую, что новый «кризис» каждый день уже становится здесь привычным явлением.

Раньше я испытывал искушение по каждой такой проблеме занять твердую позицию, пустить в ход все свое влияние и авторитет, писать заблудшим группам и отдельным людям пылкие письма с указаниями... В такие моменты я был уверен, что АА нуждается в сильной управляющей руке – например, в ком-то вроде меня!

Проведя несколько лет в попытках руководить Содружеством, мне пришлось отказаться от этой идеи – она просто не работала. Мое деспотичное давление собственным авторитетом всегда вызывало замешательство и сопротивление. Если я принимал чью-либо сторону в споре, то одни радостно меня цитировали, а другие ворчали: «Да кем себя возомнил этот диктатор?» А если я остро критиковал кого-нибудь, то в ответ обычно получал двойную порцию

критики. Личное влияние никогда не оправдывало ожиданий. Вижу, мои старые друзья по АА улыбаются – они вспоминают времена, когда тоже ощущали мощный позыв «спасти движение АА» от той или иной опасности. Но те дни, когда они изображали из себя «фарисеев», уже позади. Простые истины: «Тише едешь – дальше будешь» и «Живи и давай жить другим» – приобрели для них и для меня глубокий смысл. Таким вот манером каждый из нас и узнает, что в АА можно быть только слугой.

Мы, сотрудники Центрального бюро, уже давно поняли, что можем лишь оказывать ряд незаменимых услуг. Мы можем предоставить информацию и литературу; обычно можем сказать, каково мнение большинства членов АА о наших насущных проблемах; можем помочь новым группам начать, давая советы, когда нас попросят; можем следить за общими отношениями АА с общественностью и иногда выступать посредниками при затруднениях. Точно так же и редакторы нашего ежемесячного журнала «Грейпвайн» считают себя всего лишь зеркалом сегодняшней жизни и мыслей АА. Служа исключительно в этом качестве, они не могут ни командовать, ни пропагандировать. Так и попечители Фонда АА (нашего главного служебного комитета) знают, что они просто опекуны, гарантирующие эффективную работу Центрального бюро и «Грейпвайна», а также хранители нашей общей казны и Традиций – одним словом, лишь смотрители.

Совершенно очевидно: даже здесь, в самом центре АА, может существовать лишь центр обслуживания – опекуны, редакторы, секретари и так далее. Каждый из них, разумеется, выполняет особую, нужную функцию, но ни один не наделен властью управлять Содружеством.

Не сомневаюсь, что на будущее таких служебных центров – международных, национальных, городских, окружных – будет вполне достаточно. Мы не собьемся с пути, если будем

избегать любого угрожающего накопления богатства и роста личного влияния в этих центрах. Несмотря на то, что богатство и власть лежат в основе многих достойных объединений, мы, члены АА, теперь отлично понимаем: эти вещи – не для нас. Мы уже уяснили: что одному полезно, другому – смерть. Верно ведь? Тогда не будет ли с нашей стороны правильнее вместо этого частично придерживаться братских идеалов ранних францисканцев? Так пусть же все мы – попечители, редакторы, секретари, сторожа, повара и просто члены АА – всегда будем помнить о том, как мало значат богатство и власть по сравнению с огромной ролью нашей атмосферы братства, любви и служения.

Опасность связи АА с другими проектами
(март 1947 г.)

Наш опыт в АА вызывает ряд важных вопросов, которые еще не разрешены. Во-первых, следует ли Содружеству как таковому браться за сторонние сферы деятельности – госпитализацию, научные исследования, недискуссионное просвещение по проблеме алкоголизма? Во-вторых, может ли член АА, действуя исключительно как частное лицо, с полным правом привносить свой особый опыт и знания в эти сферы? В-третьих, если член АА все-таки займется этими аспектами глобальной проблемы алкоголизма, то на каких условиях ему следует работать?

В наших группах можно услышать самые разнообразные мнения по этим вопросам. По большому счету, прослеживается три направления мысли: «делать все», «делать кое-что» и «не делать ничего».

Среди нас есть люди, которые очень боятся, что другие организации собьют нас с толку или будут нами пользоваться, и потому хотят, чтобы АА было строго закрытой корпорацией. Они готовы оказывать любое возможное давление, чтобы не позволять никому из членов АА, будь то отдельные лица или группы, принимать какое бы то ни было участие в борьбе с глобальной проблемой алкоголизма – кроме, конечно же, работы непосредственно в рамках АА. Им видится призрак Вашингтонского движения алкоголиков вековой давности, которое распалось отчасти из-за того, что его члены публично выступали за отмену рабства, «сухой закон» и тому подобное. Эти наши товарищи по Содружеству уверены, что мы любой ценой должны сохранять свое изолированное положение и держаться исключительно сами по себе, если хотим избежать таких опасностей.

Далее, среди нас есть те, кто хочет, чтобы мы «делали все» для решения глобальной проблемы алкоголизма – когда

угодно, где угодно и как угодно! В своем энтузиазме они не только считают возлюбленное Содружество панацеей для пьяниц, но и полагают, что у нас есть ответы для всех и вся, кто соприкасается с алкоголем. Они убеждены, что АА должно открыто предоставлять свое имя и финансовую поддержку важным научным, лечебным и образовательным проектам. Видя, что АА нынче часто попадает в газетные заголовки, они утверждают, что нам следует свободно позволять другим организациям извлекать пользу из нашей широкой известности. Они говорят: «Почему бы нам, членам АА, не выступать перед публикой открыто? Можно было бы легко привлечь миллионы человек к благому делу борьбы с алкоголизмом!» Иногда мысли этих подвижников затуманены желанием сделать себе карьеру. Но я уверен, что большинство из тех, кто рассуждает с таким беззаботным энтузиазмом, просто переполнены восторгом и зачастую еще и остро ощущают ответственность перед обществом.

Итак, у нас есть энтузиасты и сверхосторожные, желающие «делать все» и «не делать ничего». Но средний член АА уже не так беспокоится по этому поводу, как раньше. Он знает, что из жара и дыма скоро возникнет свет – сложится грамотная стратегия, приемлемая для всех, и, если она пройдет проверку временем и окажется разумной, то станет Традицией АА.

Порой я боялся, что у АА никогда не будет действенной политики. Мой страх не утихал и тогда, когда мои собственные взгляды менялись совершенно непоследовательно, бросаясь из одной крайности в другую. Однако мне следовало иметь больше веры. Теперь свет нашего опыта уже достаточно силен, чтобы мы видели дорогу яснее и были способны с большей определенностью сказать, что мы можем и чего никак не можем сделать в плане участия в просвещении, научных исследованиях и тому подобных начинаниях.

Например, мы можем решительно утверждать, что ни Содружеству в целом, ни отдельной группе не следует

заниматься никакой иной деятельностью, кроме непосредственной деятельности АА. Наши группы не могут поддерживать и финансировать любые другие движения, какими бы хорошими они ни были, или же вступать с ними в союз; мы не должны связывать имя АА с другими организациями, занимающимися проблемой алкоголизма, чтобы у общественности не создавалось впечатления, что мы отказались от своей единственной цели. Мы должны заботиться о том, чтобы наши товарищи по Содружеству и друзья из других организаций не упоминали имени АА при публичном освещении своей деятельности и при обращении к общественности для сбора средств. В противном случае единство Содружества неизбежно окажется под угрозой, а ведь сохранение единства – бесспорно, наша величайшая обязанность перед собратьями по несчастью и перед обществом вообще. Нам думается, что опыт уже сделал эти принципы очевидными.

Теперь мы подходим к более спорному вопросу. И все-таки мы должны честно спросить себя: не следует ли некоторым из нас, выступая как частные лица, делиться своим особым опытом с другими направлениями по проблеме алкоголизма? Не будет ли это оплатой нашего долга перед обществом? И можно ли это сделать, не вмешивая АА как таковое?

На мой взгляд, стратегия «ничего не делать» сейчас уже совершенно немыслима. Отчасти потому, что члены АА, я уверен, могут работать в других неконфликтных организациях, занятых проблемой алкоголизма, если будут соблюдать ряд простых предосторожностей, чтобы не подвергать Содружество опасности. Отчасти потому, что у меня сложилось глубокое убеждение: делать меньше – это означало бы лишить все остальное общество того ценнейшего вклада, который мы почти наверняка могли бы внести. Конечно, АА должно стоять для нас на первом месте; и все же мы не только члены Содружества, но и граждане мира. Кроме того, мы, как и наши добрые друзья-медики, морально обязаны делиться своими знаниями со всеми.

Поэтому мне кажется, что некоторые из нас должны прислушаться к зову других движений. А тем, кто прислушается, нужно только всегда помнить, что они – члены АА, и в этой новой сфере действовать исключительно как частные лица. Это подразумевает, что им следует сохранять анонимность в общении с прессой; если случится выступать перед широкой публикой – не представляться людьми из АА; при обращении к общественности для сбора пожертвований и в целях пропаганды – не упоминать о своей принадлежности к АА.

Эти простые принципы поведения, если их применять добросовестно, быстро рассеют все обоснованные и необоснованные страхи, которые владеют сейчас многими членами АА. На такой основе Содружество в целом сможет оставаться свободным от обязательств, но при этом дружелюбным по отношению к любому неконфликтному движению, стремящемуся вписать более светлую страницу в темные анналы алкоголизма.

В заключение скажу еще кое-что. Несколько лет назад я думал, что АА могло бы ограниченно, с осторожностью поддерживать своим авторитетом избранные сторонние начинания. Одним из таких был очень многообещающий просветительский проект. Преподаватели Йельского университета, спонсирующего Национальный комитет по антиалкогольному просвещению, спросили у меня, можно ли им нанять члена АА и можно ли будет этому человеку нарушить свою анонимность ради этой особой цели. Я ответил, что они, конечно, могут привлечь к своему делу одного из нас, и что его участие никак нельзя будет считать профессионализацией АА, ведь он будет трудиться в совершенно иной сфере, и что если член АА может лучше исполнять функции просветителя, то почему нет? Тот факт, что это была достаточно разумная стратегия, никогда особо не оспаривался – чего нельзя сказать о моем ответе насчет раскрытия анонимности, на которое я тогда дал согласие.

Со временем выяснилось, что такой курс действий ошибочен. Предложенную должность занял один мой хороший друг по АА. Он раскрыл свою анонимность, и поначалу эффект был положительный. Благодаря этому деятельность Содружества получила широкую огласку, и к нам пришло много новичков. А благодаря просветительской работе общественность как никогда раньше осознала, что алкоголизм – болезнь и что его жертвам можно помочь. В общем, дела шли отлично.

Но с недавних пор началась некоторая путаница. Из-за активной популяризации проекта, в процессе которой он связывался с именем АА, люди склонны думать, что все Содружество занялось антиалкогольным просвещением. А когда наше имя стало ассоциироваться в глазах общественности с кампанией по сбору пожертвований, то замешательство усилилось. Некоторые из жертвующих полагали, что делают это для АА, а друзья говорили им, что Содружество денег не собирает. Так что отрицательные последствия нарушения анонимности в долгосрочной перспективе начинают перекрывать его кратковременную пользу. С опытом это стало ясно не только мне, но и моим друзьям из Йельского университета и просветительского комитета, и теперь они, полностью соглашаясь, пытаются исправить ситуацию.

Естественно, я всей душой надеюсь, что наш промах не нанесет ущерба ни работе комитета, ни вовлеченным в нее людям. В конце концов, все мы учимся и растем именно таким вот путем проб и ошибок.

Подведу краткий итог. Я довольно-таки уверен, что по отношению к посторонним проектам у нас выработается следующая политика: АА не спонсирует проекты в других сферах деятельности, но, если они конструктивны и неконфликтны, то члены Содружества вольны участвовать в них и не подвергнутся критике, если будут выступать исключительно как частные лица и избегать упоминания имени АА. Возможно, это будет правильно. Попробуем так?

Клубы в АА *(апрель 1947 г.)*

Идея клубов уже стала частью АА. Десятки таких гостеприимных гаваней могут похвастаться долгими годами полезной службы, а новые создаются каждый месяц. Если бы мы хоть завтра провели голосование о нужности клубов, то значительное большинство членов АА громко ответило бы: «Да!» Тысячи человек засвидетельствовали бы, что без клубов им было бы труднее оставаться трезвыми в свои первые месяцы в АА, и что для них в любом случае всегда желательны легкое общение и теплая дружба, которые дают им клубы.

С точки зрения большинства, мы могли бы считать, что клубы пользуются всеобщим одобрением и что без них нам не обойтись; мы могли бы воспринимать их как ядро АА – своего рода «тринадцатый шаг» нашей программы выздоровления, без которого остальные двенадцать просто не работали бы. Порой энтузиасты клубов ведут себя так, будто и, правда, думают, что мы могли бы справиться со своими алкогольными проблемами с помощью одной лишь клубной жизни. Они склонны больше полагаться на клубы, чем на программу АА.

Но есть среди нас и те, кому клубы совершенно не нужны, и это достаточно устойчивое меньшинство. Они не только утверждают, что общественная жизнь клубов часто отвлекает внимание их членов от программы, но и заявляют, что клубы, на деле, тормозят прогресс АА. Они указывают на опасность того, что клубы превратятся просто в места для сборищ и даже «притоны»; подчеркивают, что уже возникают споры по вопросам финансирования клубов, управления ими и личной власти в них; боятся «инцидентов», могущих навредить нашей репутации. Короче говоря, они проявляют бдительность. «Долой клубы!» – говорят они.

Вот уже несколько лет мы нащупываем золотую середину. Вопреки опасениям, вполне сложилось мнение, что тем членам АА, кто нуждается в клубах, следует их иметь. Так что

по-настоящему нас волнует не вопрос о том, быть ли клубам или нет. Проблема в другом: как нам развить их положительные стороны, как уменьшить известные отрицательные и как позаботиться о том, чтобы в далеком будущем их недостатки не перевесили достоинств.

Из наших четырех крупнейших центров АА два одобряют клубы и два – нет. Случилось так, что я живу в том, где клубы одобряются. Самый первый клуб АА возник именно в Нью-Йорке. Возможно, наш опыт здесь был не самым лучшим, но он мне известен, и я воспользуюсь им с целью обрисовать те принципы и проблемы, которые нам нужно обсудить; это будет не модель для подражания, а, скорее, иллюстрация развития среднего клуба.

На заре существования АА мы собирались у кого-нибудь дома. Люди приезжали издалека – не только ради самого собрания, но и для того, чтобы потом часами сидеть, попивая кофе с пирожными и охотно разговаривая по душам. Алкоголики и их семьи слишком долго были одиноки.

Со временем нам стало тесно в домах. Разбиваться на множество маленьких группок мы не хотели и потому принялись искать более просторное помещение. Сначала мы разместились в мастерской одного швейного предприятия, затем арендовали зал в Стейнвэй-Холле. Это позволяло нам быть всем вместе во время собрания. Потом мы продолжали общение в кафетерии, но чего-то не хватало. Здесь не было уютной домашней атмосферы. «А давайте-ка заведем себе клуб!» – сказал кто-то.

Так мы и сделали: арендовали интересное местечко, бывший клуб художников и иллюстраторов на 24-й западной улице. Какой это был восторг! Договор аренды подписали два наших ветерана. Мы красили и вычищали помещение. У нас появился дом! Чудесные воспоминания о днях и ночах в том первом клубе останутся у нас навсегда.

Но нужно признать, что не все воспоминания о нем такие восторженные. Развитие приносило с собой затруд-

нения – «болезнь роста», как мы это теперь называем. И какими же серьезными они тогда казались! «Диктаторы» буйствовали; пьяные валились на пол или мешали собранию; «руководящие комитеты» пытались назначать своими преемниками друзей и, к собственному разочарованию, обнаруживали, что даже трезвыми пьяницами невозможно «руководить». Иногда мы с трудом наскребали денег на арендную плату; картежники отвергали любые рекомендации поговорить с новыми людьми; секретари конфликтовали между собой. Из соображений аренды мы зарегистрировали клуб как юридическое лицо, и у нас появились своеобразные «чиновники». Но кому следовало руководить клубом – этим «управляющим» или же периодически сменяющемуся комитету АА?

Вот такие у нас были проблемы. Оказалось, что использование денег, необходимость как-то организовывать работу клуба, скученность и тесное общение в нем создают ситуации, которых мы не ожидали. Конечно, клубная жизнь по-прежнему приносила нам много радости – но и, безусловно, имела свои отрицательные стороны. Стоило ли все это такого риска и хлопот? Ответом было «да», и клуб на 24-й улице продолжал работать; сегодня его занимают моряки АА. Вдобавок в этом округе у нас есть еще три клуба, и есть планы основать четвертый.

Само собой, наш первый клуб приобрел известность как «клуб АА». Арендующая его корпорация именовалась «Анонимные Алкоголики Нью-Йорка». И только позже мы осознали, что вмешали в свою затею весь штат Нью-Йорк, и недавно исправили промашку. Разумеется, наша корпорация должна бы была охватывать только 24-ю улицу. По всей стране клубы создавались в основном так же, как и наш. Поначалу мы видим в них главные заведения АА, но затем опыт неизменно приводит к изменению их статуса – весьма желательному изменению, как мы теперь считаем.

Например, изначально в клубе Манхэттена собирались люди со всей округи и даже из Нью-Джерси. Через какое-то время в ближайших пригородах образовались десятки групп, которые подыскали себе более удобные места для встреч. А наши друзья из Джерси завели себе собственный клуб. В эти отдаленные от нас группы, зародившиеся в Манхэттенском клубе, начали приходить сотни людей, не привязанных к Манхэттену ни соображениями удобства, ни наклонностями, ни воспоминаниями о былом. У них были свои друзья среди местных членов АА, свои удобные места для собраний. Клуб Манхэттена их не интересовал.

Это очень задевало нас, нью-йоркцев. Ведь мы же их взрастили – так почему они нами не интересуются? Нас озадачивало, почему они отказываются считать Манхэттенский клуб центром АА в этом округе. Разве в клубе не проводятся общие собрания с участием ораторов из других групп? И еще у нас ведь есть секретарь – наемный сотрудник, который принимает телефонные звонки с просьбами о помощи и организует больничное лечение, обслуживая все группы региона! Мы считали, что возникшие группы должны бы оказывать финансовую поддержку нашему клубу – ведь порядочные дети должны заботиться о своих «родителях»! Но эти наши призывы были бессмысленны. Хотя многие из членов пригородных групп лично жертвовали деньги клубу на 24-й улице, сами группы не присылали ни гроша.

Тогда мы решили зайти с другой стороны. Если пригородные группы не хотят содержать наш клуб, то, может быть, согласятся хотя бы оплачивать услуги наемного секретаря? Ведь она действительно трудится для всего региона! Безусловно, это была разумная просьба. Однако она тоже не принесла результата. Люди просто не могли мысленно отделить «регионального секретаря» от Манхэттенского клуба. Поэтому долгое время нужды региона, общие проблемы АА и дела клуба представляли собой запутанный финансово-психологический клубок.

Затем этот узел начал медленно развязываться, так как мы начали понимать, что клубами должны заниматься только те из нас, кому эти клубы нужны и кто желает оплачивать их содержание. Мы осознали следующее: ведение дел клуба – чистый бизнес, и он должен быть зарегистрирован как отдельное юридическое лицо под другим именем – например, «Алано»; управляющие клубом должны заведовать исключительно деловыми аспектами клуба; группа АА как таковая не должна принимать активного участия в управлении каким-либо бизнес-проектом. Сумбурный опыт научил нас: когда периодически сменяющийся комитет АА пытается руководить клубной корпорацией или когда корпорация пытается руководить делами групп, собирающихся в клубе – сразу же возникают трудности. Единственный найденный нами способ избежать их – это *отделять материальное от духовного*. Если группа АА желает пользоваться данным клубом, то пусть она платит за аренду помещения или делится получаемыми на собраниях пожертвованиями с администрацией клуба. Маленькой группке, открывающей свой первый клуб, это может казаться глупой затеей, ведь сначала члены группы и члены клуба – одни и те же люди. И все-таки рекомендуется поскорее разделиться, сделав клуб самостоятельным юридическим лицом, потому что это позволит избежать путаницы в будущем, когда в округе начнут образовываться другие группы.

Часто звучат вопросы: «Кто выбирает управляющих делами клуба? Есть ли разница между членами клуба и членами АА?» Бывает по-разному, поэтому мы пока не можем дать четкого ответа. Но самые разумные рекомендации, по-видимому, таковы: любой член АА должен чувствовать себя вправе пользоваться обычными привилегиями любого клуба, независимо от того, вносит ли он регулярные добровольные пожертвования или нет. При этом, если он регулярно жертвует деньги в пользу клуба, он должен также иметь право голоса

на деловых совещаниях, где избираются управляющие клубной корпорацией. Если придерживаться этих принципов, то все клубы будут открыты для всех членов АА, но заведовать их делами будут только те, кто достаточно заинтересован, чтобы регулярно делать пожертвования. В этой связи можно вспомнить, что в АА нет обязательных членских взносов; но, разумеется, следует добавить, что, поскольку клубы превращаются в отдельные частные предприятия, то по желанию их членов они могут функционировать по-другому.

Эволюция клубов также показывает, что обычно они остаются главными центрами деятельности АА только в маленьких населенных пунктах. В больших же городах клубы, изначально создаваясь как главные местные центры АА, зачастую переезжают в более крупное помещение, а потом в еще более крупное, намереваясь удержать в своих стенах общие собрания для всего региона. Но, в конце концов, обстоятельства рушат эти планы.

Обстоятельство номер один: растущее АА прорвет стены любого клуба. Рано или поздно общие собрания придется переносить в еще более просторный зал – клуб просто не вместит всех. Когда мы замышляем купить или построить большой клуб, нам следует трезво поразмыслить над этим фактом. А второе обстоятельство, по всей видимости, смещает большинство клубов с «центровой позиции», особенно в крупных городах. Речь идет о нашей сильной тенденции к тому, чтобы общими проблемами АА в городских округах ведали центральные или межгрупповые комитеты. Рано или поздно каждый регион осознает: такие вещи, как межгрупповые собрания, организация больничного лечения, связи с местной общественностью, центральный офис для общения с прессой и информационной работы – это вещи, в которых заинтересован каждый член АА, независимо от того, нужны ли ему клубы или нет. И, поскольку это сугубо дела Содружества, для их ведения необходимо избирать и финансировать специальный комитет.

Как правило, группы региона оказывают финансовую поддержку таким поистине «центральным» образованиям. Даже если клуб достаточно просторен для межгрупповых совещаний, и они все еще в нем проводятся, региональный центр активности все равно будет смещаться к межгрупповому комитету и его общезначимой деятельности. Таким образом, клубы остаются явно в стороне – где, по мнению многих, им и надлежит быть. Ими руководят и активно их поддерживают те из нас, кто нуждается в этих клубах, а остальные могут принять их или же оставить в покое.

Если эти принципы будут в полной мере применяться к нашим клубам, то у нас будет возможность наслаждаться их теплой атмосферой, но в любой момент отказаться от них, если там станет слишком уж жарко. Тогда мы будем воспринимать клуб как ценный инструмент взаимопомощи и при этом, что еще важнее, навсегда сохраним обычную группу АА как первичное духовное объединение, откуда проистекает наша основная сила.

Надлежащая госпитализация: одна острая потребность *(май 1947 г.)*

Несмотря на то, что, в общем, программа АА эффективна, нам зачастую нужна помощь дружественных организаций вне Содружества. Особенно это справедливо в отношении госпитализации. Большинство из нас считают, что свободный доступ в больницы и прочие реабилитационные заведения граничит с абсолютной необходимостью. Конечно, многие алкоголики как-то переживают запои без медицинской помощи, и некоторые из нас придерживаются мнения, что лучший метод – резкая «завязка»; однако куда большая часть членов АА полагает, что у новичка, страдающего алкоголизмом в тяжелой форме, будет гораздо больше шансов добиться успеха, если на начальной стадии он пройдет хорошее больничное лечение. Действительно мы видим много случаев, когда выздоровление алкоголика, по-видимому, было бы совершенно невозможным без помощи медиков – настолько затуманен его рассудок, даже когда он временно трезв.

По сути, госпитализация призвана не столько избавить потенциального новичка от страданий протрезвления, сколько привести его в состояние наибольшей восприимчивости к программе АА. Лечение проясняет его разум, унимает дрожь; пока он в больнице, его контролируют, и все знают, где и когда его можно навестить. Кроме того, в большинстве клиник обстановка чрезвычайно способствует положительному первому впечатлению об АА. Сам факт, что алкоголик оказался в больнице, наполняет его осознанием всей серьезности своего положения. Если он поступил на лечение добровольно (по возможности, так и должно быть), то обычно рассматривает госпитализацию как реальное начало своей трезвости. Этим он как бы ставит «точку» в своем пьянстве. Это признание того, что ему нужна помощь, что его пьянство стало неконтролируемым, что он не может справиться в

одиночку. Довольно часто именно больничное лечение прекрасно расчищает ему путь к принятию нашего важнейшего Первого Шага: «Мы признали свое бессилие перед алкоголем, признали, что мы потеряли контроль над собой».

С каждым годом мы все острее осознаем громадную важность правильного представления нашей программы каждому потенциальному члену, который хотя бы чуть-чуть готов нас выслушать. Многие из нас считают это нашей величайшей обязанностью перед ним, а неудачную попытку – огромным упущением. Разница между эффективным и неэффективным подходом может означать жизнь или смерть для тех, кто ищет нашей помощи. Мы видели отличных кандидатов, которые, получив от нас лишь краткую и поверхностную информацию, продолжали, спотыкаясь, брести к могиле; в то же время бывало, что алкоголики, казавшиеся безнадежными, получив от нас заботливое внимание, обретали трезвость сразу же или возвращались позже, чтобы ее обрести.

Лучше всего мы можем помочь алкоголику именно в больничных стенах. Среди групп АА все шире распространяется идея «наставничества». Для каждого новичка назначается более-менее стабильный член АА, чьим подопечным он становится на короткий период знакомства с нашим образом жизни. Наставник помогает договориться о лечении, приводит новичка в больницу, часто его навещает и следит за тем, чтобы его также посещали другие члены АА, чей опыт может быть особенно полезен. При таком подходе кандидат еще до своего первого похода на собрание получает мощную дозу АА и хорошую предварительную демонстрацию того, на что похоже наше Содружество. В больнице у него есть время трезво обдумать свое положение, почитать литературу АА и обменяться впечатлениями с другими алкоголиками, проходящими через то же самое. Сравните это с частыми случаями, когда без госпитализации наставнику приходится «протрезвлять» подопечного на дому или тащить его в полубессознательном состоянии

на собрание, где новичок получает массу сумбурных впечатлений или беспочвенных предубеждений. Да, у многих из нас первый контакт с АА состоялся при таких же неблагоприятных обстоятельствах, и мы все равно остались в Содружестве; но, вероятно, многие при таком неудачном знакомстве с АА не остаются – и это люди, которые могли бы присоединиться к нам, если бы им обеспечили надлежащее больничное лечение и наставляли их должным образом.

Итак, исходя из нашего теперь уже громадного опыта, можно сделать выводы: госпитализация во многих случаях обязательна, а также, поскольку она создает отличную почву для эффективной работы наставника, желательна даже в менее серьезных ситуациях, если при контакте кандидаты пьяны или их сознание затуманено – ведь в больнице у них определенно больше шансов на выздоровление.

До недавнего времени лишь немногие больницы охотно принимали алкоголиков. Мы почти никогда по-настоящему не выздоравливали; нами было трудно управлять, мы мешали другим пациентам; нас считали скорее грешниками, чем больными; к тому же, как класс мы были ненадежны в финансовом плане. Обычно руководство больницы говорило, притом обоснованно: «Зачем возиться с пьяницами? Мы еле управляемся с реально больными людьми, которым на самом деле можем помочь. Протрезвлять пьяниц – явная потеря времени и денег».

К счастью, сейчас отношение к нам меняется, потому что и медикам, и обществу становится ясно: истинный алкоголик – по-настоящему больной человек, какой бы сомнительной личностью он ни был. Столетия отчаяния, когда не верилось, что проблемным пьяницам можно еще как-то помочь, сменились надеждой. Теперь АА и другие организации доказывают, что выздоровление возможно для сотен тысяч алкоголиков и что подходящее больничное лечение может и должно играть важнейшую роль в этом процессе.

Несмотря на то, что наметилась правильная тенденция, значительных результатов она пока не принесла. За исключением немногих счастливчиков, большинство групп АА противятся этой идее. Бесплатная или хотя бы недорогая госпитализация для алкоголиков все еще встречается прискорбно редко. Каждой группе приходится делать все возможное в этой ситуации.

Давайте же оценим, что сегодня общедоступно и какие отношения нам лучше развивать с существующими заведениями. Также давайте рассмотрим, что нам следует делать для обеспечения лучших условий госпитализации.

Немало членов АА лежало в государственных психиатрических лечебницах, и лечение там было гораздо лучше, чем многие думают. Но факт остается фактом: средний руководитель психбольницы все равно предпочитает иметь дело с душевнобольными, ведь обычно они какое-то время остаются стабильными, и к тому же врачи ощущают, что действительно могут как-то им помочь – опекой либо лечением. А средний алкоголик, если только он окончательно не потерял рассудок – настоящая головная боль. Доставленный в больницу в невменяемом состоянии, он вскоре снова становится вменяемым – по крайней мере, с юридической точки зрения – и поднимает шум, требуя его выпустить. Только лишь для того, чтобы вернуться через считанные недели или даже дни. Неудивительно, что обычно в таких лечебницах не любят алкоголиков!

Впрочем, теперь, когда многие из нас выходят из психбольниц навсегда, их руководство повсеместно начинает идти навстречу. Во многих заведениях алкоголиков, которые способны и хотят выздороветь, помещают в отдельную палату, а не смешивают с душевнобольными. Допускаются визиты членов АА, в стенах больниц проходят собрания. Конечно, нельзя использовать психбольницы только лишь как обычные вытрезвители; но теперь их врачи

действительно зачастую готовы принимать пациентов с менее выраженными симптомами душевных расстройств, чем раньше – при условии, что они и ближайшая группа АА считают выздоровление возможным. Кроме того, доктора чаще соглашаются принимать перспективных пациентов на куда более короткое время и досрочно выписывать тех, у кого наблюдается хороший прогресс в АА. Так что любая группа, у которой поблизости имеется психбольница с многообещающими пациентами-алкоголиками, как правило, может наладить такие же плодотворные отношения с ее руководством. Но *никогда* не стоит пытаться указывать медикам, как им вести дела в лечебнице! Мы не должны винить ни одного доктора, который еще не видел АА в действии, за его скептицизм. Давайте будем помнить, что у него, вероятно, есть веская причина для такого мнения!

Что касается государственных больниц в крупных городах, опыт у нас был разный. Обычно здесь мы сталкиваемся с упорным нежеланием принимать наших перспективных кандидатов даже на несколько дней – если они, конечно, не в бреду, не в припадке сумасшествия и не ранены. Врачи считают, что не имеют права тратить драгоценные койко-места на протрезвление заурядных пьяниц. Но по мере того как такие больницы узнают о том, что мы приносим выздоровление значительному числу их завсегдатаев, их настрой становится более оптимистичным, и они начинают с нами сотрудничать. Нам дозволяется навещать пациентов, перспективных кандидатов соглашаются подержать в больнице несколько дней. Такие взаимоотношения развиваются медленно. Чтобы больница предоставляла нам какое-то особое обхождение, она должна быть абсолютно убеждена в том, что АА несет выздоровление достаточно многим пациентам. Поскольку услуги государственных больниц в основном бесплатны или весьма недороги, мы слишком часто злоупотребляем своими привилегиями. Мы склонны просить особого обращения для

сорвавшихся, которые в настоящий момент и не думают прекращать пьянствовать; мы часто настаиваем на том, чтобы навещать пациентов в любое время и с любым числом посетителей; мы любим хвастать, что АА – единственное средство от алкоголизма, и тем самым вызываем неудовольствие усердных медсестер и врачей, которые в ином случае, возможно, были бы рады нам помогать. Но эти вполне естественные ошибки обычно исправляются, и, в конце концов, мы налаживаем с больницами дружеские, четко обозначенные отношения, которыми в крупных центрах АА зачастую ведают наши межгрупповые бюро обслуживания или комитеты по сотрудничеству с лечебными учреждениями.

Во многих частных изоляторах и вытрезвителях мы пользуемся прекрасными привилегиями. Иногда, конечно, ситуация бывает и противоположной. Время от времени мы наблюдаем попытки использования алкоголиков в интересах заведения: слишком много успокоительных, слишком много порций спиртного «для завязки», слишком длительные и дорогостоящие курсы лечения, намерение злоупотреблять именем АА в коммерческих целях и т.д. Однако эти тенденции постепенно исчезают. Даже те, кто испытывают искушение позволить себе лишнее, осознают, что сотрудничество с АА в долгосрочной перспективе более выгодно, чем отказ от него. Но всегда надо помнить, что в целом в таких заведениях к нам относятся хорошо; в некоторых работают наши самые добрые друзья. Я не могу забыть, что первый врач, который проявил к нам серьезный и плодотворный интерес, до сих пор трудится в частной лечебнице для алкоголиков; и что первый психиатр, разглядевший возможности АА и имевший храбрость продвигать наши идеи в своем профессиональном сообществе, является сотрудником частного изолятора. Когда такие великолепные заведения предлагают нам дружеское сотрудничество, мы обязательно должны отвечать тем же.

Услуги многих частных клиник и изоляторов в силу необходимости слишком дороги для среднего алкоголика. Государственных больниц слишком мало, а психиатрические лечебницы и религиозные заведения доступны редко. Поэтому средней группе АА проблематично найти места, где потенциальных новичков можно было бы госпитализировать на несколько дней за скромную плату. Из-за этой настоятельной потребности некоторые группы соблазнились идеей основать собственные вытрезвители, наняв управляющих из АА, медсестер и приходящего врача. И там, где это делалось при прямом содействии самой группы, затея почти всегда выходила боком, ведь тогда группа оказывалась втянутой в бизнес – притом такой, о каком мало кто в АА знает хоть что-нибудь. Слишком много конфликтов, слишком много поваров – что, как известно, портит еду. Обычно в результате мы отказываемся от этой идеи, потому что вынуждены неохотно признать, что группа АА – прежде всего духовное объединение, и чем меньше дел ей приходится вести, тем лучше. Продолжая эту тему, следует отметить, что практически все схемы групп по оплате больничных счетов товарищей по АА или финансовому поручительству за них также оказывались неудачными. Проблема не только в том, что многие из этих клиентов остаются невыплаченными – в группе всегда возникают споры из-за того, кто из кандидатов заслуживает такой помощи в первую очередь.

В других случаях группы, ведомые острой потребностью в медицинской помощи, начинают общественные кампании по сбору средств на создание местных «больниц АА». Но эти старания почти всегда заканчиваются ничем. Такие группы намереваются не только ввязаться в больничный бизнес, но и финансировать свои предприятия, выпрашивая у общественности деньги от имени Анонимных Алкоголиков. Моментально возникают самые разнообразные сомнения, и проекты сворачиваются. Консервативные члены АА

осознают, что коммерческие начинания и сбор средств при поддержке Содружества по-настоящему опасны для всех нас. Если бы эти методы стали обычной практикой, то ограничения исчезли бы, и пропагандисты – из АА и извне – получили бы полную свободу.

Поиски недорогих и понимающих лечебных учреждений привели к появлению еще одного класса заведений. Речь идет о пансионатах и вытрезвителях, управляемых отдельными членами АА под соответствующим надзором медиков. Такие проекты проявили себя куда лучше, чем руководимые группами. Как и можно было ожидать, их успешность напрямую зависит от организационных способностей и добросовестности возглавляющего заведение члена АА. Если он человек компетентный и ответственный, то возможен отличный результат; в противном же случае проект сворачивается. Поскольку такие предприятия не привязаны к группе и не отмечены именем АА, то их можно принять или отказаться от них. Управление подобным заведением всегда сопряжено со специфическими сложностями. Руководящему члену АА трудно установить достаточно высокие тарифы, чтобы предприятие обеспечивало сносный уровень жизни ему самому. Если он это делает, люди склонны говорить, что он «превращает АА в профессию» или «наживается на АА». И хотя зачастую это полная чушь, это все-таки огромное препятствие. Однако, несмотря на трудности, значительное число таких пансионатов и вытрезвителей активно работает и, по-видимому, может работать до тех пор, пока они управляются разумно, не носят имени АА и не занимаются публичным сбором средств под маркой предприятия АА. Правда, когда заведением руководит член АА, мы порой бездумно злоупотребляем этим: спихиваем туда алкоголиков, лишь бы только от них избавиться; обещаем оплатить счета и не оплачиваем... Любой член АА, которому удается успешно управлять одним из подобных «центров для алкоголиков», заслуживает

поздравлений. Это тяжкий и часто неблагодарный труд – который, впрочем, может приносить ему чувство глубокого духовного удовлетворения. Может быть, именно поэтому так многие из нас хотят попробовать!

Часто встает вопрос, что делать с алкоголиком в тяжелом состоянии, если больницы недоступны. Во-первых, мы должны по возможности вызвать доктора. В помощь доктору следует уточнить, как долго пил наш алкоголик и особенно – принимал ли он много успокоительного. Мы, дилетанты, ни в коем случае не должны прописывать какие бы то ни было успокоительные препараты – это сугубо дело доктора.

Иногда члены АА по очереди круглосуточно дежурят подле человека с тяжелым похмельем, пытаясь его протрезвить. Порой получается, но обычно пациент вместо протрезвления упорно стремится опьяниться снова. Время от времени нам приходится прибегнуть к отчаянному средству – поместить алкоголика в тюрьму, особенно если он буйствует. Но при крайней необходимости терпение, убеждение и помощь доктора, как правило, достигают цели – если пациент действительно постарается. Если же нет, то мы едва ли можем что-то для него сделать, кроме как позволить ему пить, пока не надоест.

Среди членов АА активно обсуждаются достоинства различных методов лечения. На самом деле, единственное, что нас волнует в плане лечения – это чтобы руководящий им доктор понимал алкоголиков.

Наметились и еще две многообещающие перспективы для хорошей, недорогой госпитализации – это два вида больниц общего типа, которые продолжают открывать нам свои двери. Еще на заре истории АА католические больницы в нескольких городах на Среднем Западе увидели нашу нужду и приняли нас к себе независимо от вероисповедания. Их пример подвигнул другие религиозно ориентированные заведения поступать так же, и за это мы неописуемо благодарны.

В последнее время и другие частные и получастные общие больницы начали проявлять большую заинтересованность в нашем деле. Иногда они даже отводят для нужд АА отдельные палаты, принимают алкоголиков исходя лишь из наших рекомендаций, предоставляют нам щедрые привилегии в плане посещений и устанавливают весьма умеренные тарифы. Уже действующие договоренности такого рода очень устраивают и больницы, и нас, поэтому следует ожидать, что вскоре будет функционировать множество подобных схем. При этом мы не участвуем в управлении больницей, а лишь получаем особые привилегии в обмен на наше сотрудничество.

Можно с уверенностью сказать, что будущее выглядит радужным. На подходе гораздо более широкие возможности для госпитализации, основанные на четком понимании того, что мы – больные люди, для лечения которых можно сделать многое. Мы должны быть благодарны и признательны за работу сторонних организаций, которые усиленно помогают нашему движению, возвращающему людей к жизни. Органы власти штатов, округов, городов, крупные университеты агитируют за наше дело, а различные больничные и прочие ассоциации умело им в этом содействуют. По традиции АА никогда не оказывает никакого политического или пропагандистского давления; но мы можем, действуя как частные лица, сообщать о нашей острой потребности в достаточной госпитализации всем, кого это может заинтересовать. При этом, конечно, подчеркивая: хоть мы, члены АА, и считаем, что госпитализация – в первую очередь медицинская проблема и заниматься ею должны врачи и местная общественность, но мы хотели бы с ними сотрудничать всеми возможными путями.

Нехватка денег оказалась благом для АА
(июнь 1947 г.)

Тысячи недавних членов АА спрашивают: «Что такое этот Фонд АА? Какую роль он играет в Содружестве? Кто его создал? Почему мы посылаем туда деньги?»

Большинство наших товарищей, поскольку их группы часто контактируют с нью-йоркским Штабом, считают последней своего рода общей службой для всего АА. Кроме того, они каждый месяц читают «Грейпвайн» и знают, что это наш главный ежемесячный журнал. Однако они едва ли знают хоть что-нибудь об истории Фонда АА, его взаимосвязи с этими важнейшими службами и Содружеством в целом.

Так вот, немного истории. В первые годы своего существования Содружество Анонимных Алкоголиков даже еще не носило этого имени. К концу 1937 года мы анонимные, а точнее – безымянные, состояли всего лишь из трех маленьких кучек алкоголиков: первой группки в Акроне, штат Огайо; второй группки в Нью-Йорке; и нескольких человек в Кливленде, где позже сформировалась третья группа. Во всех трех городах насчитывалось, по-моему, всего человек пятьдесят. Уже остался позади самый ранний период становления АА, когда мы с Доктором Бобом встретились в Акроне весной 1935 года. Мы начинали обретать уверенность, что нам есть что предложить тысячам других алкоголиков, которые еще не знают никакого решения для своей проблемы. Но как же нам известить их, как распространить хорошие новости? Вопрос был животрепещущим.

Осенью 1937 года Доктор Боб и я созвали небольшое совещание, на котором в ходе бурной дискуссии был разработан план. Позже выяснилось, что план этот примерно на треть был правильным и на две трети неправильным – всем нам знакомый метод проб и ошибок. Поскольку развитие тех самых первых групп было процессом медленным

и трудным, мы полагали, что новые группы могут создавать только закаленные ветераны. Несмотря на имевшиеся опасения, нам казалось неизбежным, что двум десяткам стабильных членов нашего общества придется отложить личные дела и отправиться в другие города для основания новых центров АА. Хоть нам и не нравилась эта идея, но представлялось, что мы все-таки должны ввести в действие команду миссионеров АА – по крайней мере, на время. Также было ясно, что миссионерам с семьями нужно будет на что-то жить. А значит, думали мы, потребуются деньги – и довольно много!

Но это было еще не все. Мы полагали, что нужно открыть больницы АА в Акроне и Нью-Йорке – городах, которые считались нашими двумя «Мекками». Мы были уверены, что в этих больницах можно будет охватывать первоклассной медицинской помощью и мощной духовностью целые толпы алкоголиков, которые потянутся со всех концов страны, как только услышат волшебное слово «исцеление». У многих недавних членов АА до сих пор есть такие фантазии; вот и мы, ветераны, грезили тем же самым. К счастью, ни мечты о больницах АА, ни мечты о массовом миссионерстве не сбылись. Если бы они тогда воплотились в жизнь, Содружество неизбежно разрушилось бы – мы бы моментально его профессионализировали.

Была у нас и третья мечта – издать книгу нашего опыта, сегодня известную под названием «Анонимные Алкоголики». Мы были уверены, что, если не зафиксировать наш опыт выздоровления на бумаге, наши принципы и методы вскоре будут искажены, и нас, возможно, будут высмеивать в прессе. Кроме того, разве мы не должны были хотя бы выпустить книгу для тех алкоголиков, которые не смогут добраться до наших больниц или кого не обработают наши передовые отряды миссионеров? Как все знают, мечта о книге АА на самом деле сбылась, в отличие от других двух.

Но в 1937 году ситуация выглядела так, будто нам обязательно нужны значительные суммы денег. Я жил в Нью-Йорке, где их, предположительно, много; возможно, именно поэтому мне поручили заняться сбором средств, чтобы наше безымянное движение могло заиметь выездных работников, больницы и книги. Нам казалось, что это будет совсем нетрудно. Разве у нас (в горделивых мечтах) уже не появились зачатки одного из величайших социальных, медицинских и духовных достижений всех времен? И разве все мы, алкоголики, не прирожденные коммерсанты? И разве я не работал в деловом центре Нью-Йорка? Уж для такого дела, как наше, найти деньги будет проще простого!

Однако нас ждало глубочайшее разочарование. Вскоре выяснилось, что состоятельных людей пьяницы интересуют мало. А что до нашего грандиозного плана сколотить из них взводы, роты и батальоны – это ведь чистая фантастика! Люди говорили нам, что с алкоголиками и поодиночке-то трудно справиться – так зачем же создавать в каждом населенном пункте организованное полчище пьяниц? Не лучше ли благотворителям жертвовать свои деньги на что-то более конструктивное – например, на лечение туберкулеза и рака? Или, может быть, вкладывать их в дело профилактики алкоголизма? А очередная попытка спасти безнадежно спившихся просто не может увенчаться успехом! Такие ответы мы получали на свои просьбы о помощи.

И вот однажды, когда нами уже овладело отчаяние, произошло судьбоносное событие. Это был один из тех важнейших поворотных моментов в истории АА, которых мы видели столь много, что никто не может назвать их случайностью. Я беседовал со своим родственником-доктором в его кабинете, в типичной для алкоголика манере стеная о том, как мало нас, бедных пьяниц, ценят люди, особенно богатые, и в десятый раз жалуясь, что нам необходимо быстрее найти деньги, иначе дело плохо. Терпеливо

слушая меня, родственник внезапно сказал: «А у меня идея! Был у меня знакомый по имени Дик Ричардсон, и он был как-то связан с Рокфеллерами. Но это было сто лет назад. Интересно, работает ли он еще у них? Позвоню-ка я и выясню!» Удивительно, как мелкие события порой меняют нашу судьбу! Ни я, ни он тогда и не подозревали, что один лишь телефонный звонок откроет для АА целую новую эру и приведет к появлению Фонда АА, книги «Анонимные Алкоголики» и нашего Центрального бюро обслуживания!

Через два дня после того звонка мы с родственником уже сидели в офисе Рокфеллеров и беседовали с Виллардом («Диком») Ричардсоном. Этот наиприятнейший человек стал первым в ряду людей, не бывших ни алкоголиками, ни медиками, которые поддержали нас в самый трудный период и без чьей мудрости и самоотдачи движения АА могло бы просто не быть. Выслушав нас, наш новый друг сразу же проявил понимание и незамедлительно перешел к действию, предложив устроить встречу с участием кого-то из наших собратьев-алкоголиков и его самого с несколькими друзьями.

Вскоре, одним зимним вечером 1937 года, эта встреча действительно состоялась в Рокфеллер-центре. На ней присутствовали Дик Ричардсон, А. Ле Рой Чипмэн (теперь известный как «Чип»), Альберт Скотт, Фрэнк Амос, мой родственник Леонард Стронг. Из Акрона приехали Доктор Боб и Пол С. Также прибыло полдюжины бывших нью-йоркских пьяниц в сопровождении доктора Вильяма Д. Силкуорта – самого первого врача, ставшего энтузиастом нашего дела, который и так уже оказал нам неизмеримую помощь и поддержку. Естественно, мы, алкоголики, были в восторге. Уж теперь-то, думали мы, наши финансовые затруднения закончатся! Если решение наших проблем в деньгах, то мы, несомненно, обратились как раз по адресу!

После того как все представились, каждый алкоголик повелал свою личную историю. Эти рассказы горячо подтверждал наш пылкий друг доктор Силкуорт. А затем мы (конечно же, с приличествующей неохотой!) подняли вопрос о деньгах. Казалось, слушатели поражены нашими историями выздоровления, поэтому мы осмелились подробно осветить свою острую потребность в больницах, выездных работниках и книге, попутно дав понять, что на это нужны деньги – и довольно много.

И тогда в судьбе АА наступил еще один поворотный момент. Председатель собрания Альберт Скотт (ныне покойный), человек очень деловой и очень духовный по натуре, высказался по существу дела так: «Я глубоко взволнован услышанным. Я вижу, что до сих пор ваш труд был грандиозным проявлением доброй воли – один алкоголик лично помогал другому чисто из любви к этому делу. И это прекрасная форма раннего христианства! Но не боитесь ли вы, что внедрение больниц и наемных выездных работников изменит всю картину? Может быть, нам следует быть очень осторожными и *не делать ничего такого*, что могло бы привести к возникновению в ваших рядах класса *профессионалов* или *имущих?*»

То были великие слова для АА, и мы, присутствовавшие на встрече алкоголики, признали их ценность. Разочарованные тем, что наша надежда на весомую финансовую помощь начала увядать, мы все-таки сознались, что часто испытываем схожие опасения. Но что же нам тогда делать? Ведь на формирование всего трех групп ушло целых три года! Мы же знаем, что можем предложить новую жизнь тем, кто ежегодно тысячами умирают и сходят с ума! Должны ли мы ждать, пока наши идеи распространятся, передаваемые только лишь из уст в уста и при этом безнадежно искажаемые? В конце концов, наши друзья согласились, что нужно что-то делать. Тем не менее, они продолжали настаивать, что наше движение никогда не следует профессионализировать. Это и задало тон

наших отношений с этими доброжелательными людьми на все последующие годы. Правда, они так и не обеспечили нас крупными суммами денег. Но каждый из них щедро и долго вкладывался в наше дело – и лишь немногим в АА известно, в какой степени.

Ясно видя, что мы должны распространять свои идеи более быстрыми темпами, они предложили нам осторожно поэкспериментировать на маленьком пансионате в Акроне. Им мог бы руководить Доктор Боб, который, как-никак, был медиком. И вот в начале 1938 года Фрэнк Амос, потратив свое личное время (затраты оплатили его соратники), отправился в Акрон, чтобы все выяснить, и вернулся, полный энтузиазма. Он полагал, что следует вложить в центр для алкоголиков тридцать тысяч долларов. Наш друг Дик Ричардсон показал доклад Фрэнка мистеру Джону Д. Рокфеллеру-младшему, который сразу выказал доброжелательный интерес. Однако мистер Рокфеллер также выразил озабоченность тем, чтобы не профессионализировать наше сообщество. Тем не менее, он дал нам определенную сумму, которая, впрочем, составила примерно одну шестую часть той суммы, которую предлагал выделить Фрэнк. Его дар поступил к нам весной 1938 года и помог нам с Доктором Бобом продержаться тот крайне трудный год. Без этих денег мы не смогли бы продолжать активную деятельность. И все же в финансовом плане наше зарождающееся движение в весьма значительной степени вынуждено было обходиться собственными ресурсами – как и должно было быть, хоть тогда это и казалось трудным. У нас так и не было ни выездных работников, ни больниц, ни книги.

Именно эти события и привели к образованию Фонда АА. Потребность в книге, где описывался бы наш опыт выздоровления, обострилась как никогда. Если бы она появилась, то множество алкоголиков и их близких – возможно, тысячи – могли бы начать обращаться к нам за помощью. А для того,

чтобы разбираться с этими запросами, обязательно нужен был бы своего рода центральный офис. Это было совершенно очевидно.

Для этих более здравых целей наши друзья предложили основать фонд, куда желающие могли бы вносить пожертвования без уплаты налогов. Мы, алкоголики, очень долго обсуждали с ними этот новый проект, на что уходили бесчисленные часы их делового времени. Фрэнк Амос и доброжелательно настроенный юрист Джон Э.Ф. Вуд, приложили уйму усилий к сочинению первоначального договора об учреждении фонда. Юрист никогда ничего подобного не видел. Мы настаивали, что в фонде должно быть два класса попечителей – алкоголики и неалкоголики. Но он вопрошал: *кто* вообще такой алкоголик с юридической точки зрения? А если он бросил пить, то остается ли он алкоголиком? И зачем два класса попечителей? Это, по словам нашего юриста, было неслыханно! Мы объяснили, что хотим, чтобы наши друзья тоже участвовали. И потом – а если вдруг все попечители-алкоголики вдруг разом запьют, то кто будет распоряжаться деньгами? В конце концов, когда было преодолено множество препятствий такого рода, был учрежден Фонд АА. В нем было четыре попечителя-неалкоголика и три попечителя-алкоголика, которые могли назначать себе преемников. Фонд обладал полномочиями делать что угодно, и у него было все кроме денег!

Последние семь лет сделали АА самообеспечиваемым *(август 1947 г.)*

Я никогда до конца не пойму, каким образом наши книга и бюро продержались лето 1939 года. Уверен, мы бы не выжили, если бы не настоящая жертва Берта Т., одного из первых членов АА в Нью-Йорке. Он занял нашей существовавшей тогда книжной компании «Воркс Паблишинг» тысячу долларов, полученные через подписание векселя, обеспеченного его собственным бизнесом. За этим подвигом веры последовало еще два удачных события, что позволило нам кое-как протянуть тот год. Осенью 1939 года журнал «Либерти» опубликовал статью о нас, за которой последовал поток обращений и некоторое количество заказов на книгу «Анонимные Алкоголики». Благодаря этим скудным доходам от нее наше маленькое Центральное бюро продолжало функционировать. А потом вышла целая серия статей в кливлендской газете «Плэйн Дилер», что положило начало мощному развитию АА в регионе и вызвало небольшое повышение спроса на нашу книгу.

Не сидели без дела и наши друзья из Рокфеллер-центра. В феврале 1940 года Дик Ричардсон сообщил нам, что мистер Джон Д. Рокфеллер-младший следит за нашими успехами с острым интересом и желает устроить обед в пользу Анонимных Алкоголиков, чтобы вдохновить своих друзей нашими идеями. В наших глазах это было потрясающее везение.

Обед состоялся в марте 1940 года. Пришло много друзей мистера Рокфеллера; за каждый столик для гостей усадили по одному члену АА. Доктор Гарри Эмерсон Фосдик, превосходно отозвавшийся о нашей книге, говорил об АА с духовной точки зрения. Доктор Фостер Кеннеди, знаменитый невролог, изложил позицию медицины. Нас, алкоголиков, тоже попросили выступить. В завершение вечера мистер Нельсон Рокфеллер, объяснив, что его отец не смог прийти из-за болезни,

сказал, что за всю свою жизнь отец редко когда видел явления более волнующие и многообещающие, чем Содружество Анонимных Алкоголиков, и что он хотел, чтобы его друзья разделили с ним этот опыт.

Несмотря на то, что на обеде присутствовали люди очень богатые, о деньгах говорили мало. Собравшиеся выразили надежду, что скоро АА станет самообеспечиваемым; однако было высказано предположение, что до той поры нам может потребоваться небольшая финансовая помощь. После этого мероприятия мистер Рокфеллер написал каждому из гостей личное письмо, где поведал о своих ощущениях насчет АА и отметил, что сделал скромное пожертвование в нашу пользу. К каждому письму была приложена распечатка речей выступавших на обеде, а также экземпляр книги «Анонимные Алкоголики». Получив письмо мистера Рокфеллера, многие из его гостей внесли пожертвования в Фонд АА.

Этот так называемый «список гостей Рокфеллера» с тех пор был почти единственным источником «посторонних» денежных пожертвований в пользу Фонда. Эти дары поступали около пяти лет – в период с 1940 года по 1945 год – и в среднем составляли три тысячи долларов в год. Этот доход Фонд делил между мной и Доктором Бобом, чтобы у нас была возможность уделять АА значительную часть своего времени в этот сложный период. А не так давно попечители Фонда написали жертвователям из «списка гостей Рокфеллера», что очень благодарны им за помощь, но больше в ней нет необходимости, так как теперь в Фонд АА поступает достаточно пожертвований от групп и доходов от книги «Анонимные Алкоголики», а на мои и Доктора Боба личные нужды хватает авторских гонораров за книгу.

Конечно же, устроенный мистером Рокфеллером обед примечателен не только полученными благодаря ему деньгами. В то время нам в равной степени необходимо было благосклонное отношение общественности; нам нужно было,

чтобы кто-нибудь открыто высказал свое мнение об Анонимных Алкоголиках. По-моему, мистер Рокфеллер, сделав это, проявил огромную мудрость и смелость – учитывая тот факт, что мы тогда были очень немногочисленны и не особо уверены в себе самих и что совсем недавно общество знало нас как обычных пьяниц.

Эффект от того обеда был мгновенным. О нем написали во всех газетах, и сотни алкоголиков и их близких бросились покупать книгу. Наше маленькое Центральное бюро наводнили просьбы о помощи. Скоро его пришлось перенести из Нью-Джерси в Нью-Йорк, на Веси-стрит. Рут Хок получила расчет и тотчас стала нашим первым общенациональным секретарем. Книг продавалось достаточно, чтобы обеспечивать функционирование бюро. Так прошел 1940 год – дебют Анонимных Алкоголиков на национальном уровне.

Годом позже «Сэтедэй Ивнинг Пост» поручила Джеку Александеру написать о нас статью. На тот момент благодаря обеду мистера Рокфеллера и серии статей в кливлендской газете «Плэйн Дилер» число членов АА подскочило примерно до двух тысяч. Наши кливлендцы доказали, что даже маленькая группка при нужде может быстро и успешно принять множество новичков, и развенчали миф о том, что АА всегда должно развиваться медленно. Из округи Акрона и Кливленда наше движение начало распространяться дальше, на Средний Запад – в Чикаго и Детройте. На востоке оно уже разгоралось в Филадельфии; теплилось в Вашингтоне и Балтиморе; первые искры вспыхивали западнее – в Хьюстоне, Лос-Анджелесе и Сан-Франциско. В Акроне и Нью-Йорке развитие продолжалось. Особую гордость у нас вызывал Литл-Рок, штат Арканзас, где все началось без личного контакта с АА, а лишь посредством книг и писем из Центрального бюро. Местная группа стала первой из так называемых «групп по переписке», которые теперь стали

обыденным явлением по всему миру. Уже тогда у нас завязалась переписка со многими алкоголиками-одиночками, позже создавшими свои группы.

Невзирая на такой прогресс, приближающаяся статья в «Сэтедэй Ивнинг Пост» нас беспокоила. Наш кливлендский опыт вселял уверенность, что немногочисленные уже существующие группы смогут выстоять под напором широкой популярности; но что мы сможем сделать, когда тысячи писем с криками о помощи завалят наш крошечный нью-йоркский офис, где тогда было всего три сотрудника – Рут Хок, машинистка и я? Как трое человек могут справиться с ожидаемыми тысячами отчаянных запросов? Конечно, статья в «Пост» вызовет рост продаж книги, но этого будет мало, чтобы совладать с такой чрезвычайной ситуацией. Нам нужно больше офисных сотрудников – и быстро! Иначе придется выбрасывать душераздирающие мольбы в мусорную корзину!

Мы осознали, что должны впервые обратиться к группам за помощью. У Фонда до сих пор не было денег, кроме тех трех тысяч в год от участников «обеда с Рокфеллером», которые помогали Доктору Бобу и мне держаться на плаву. К тому же, кое-кто из кредиторов и учредителей нашей книжной компании «Воркс Паблишинг» опять начинали волноваться.

Итак, двое попечителей-алкоголиков принялись объезжать группы АА и разъяснять возникшую нужду. Они делились со слушателями следующими идеями: финансирование нашего Центрального бюро – прямая обязанность групп; отвечать на письменные запросы – необходимая помощь в нашей работе по Двенадцатому Шагу; нам, членам АА, следует самостоятельно оплачивать эти офисные расходы и больше не полагаться на благотворительность извне или скудные доходы от продажи книги. Кроме того, попечители предложили следующее: сделать Фонд постоянным хранилищем для средств групп; Фонд будет тратить все

поступающие от групп средства исключительно на нужды Центрального бюро; каждый месяц Бюро будет предъявлять Фонду счета на прямые расходы Бюро, связанные с АА; все пожертвования групп должны быть абсолютно добровольными; любая группа будет получать от нью-йоркского офиса одинаковое обслуживание – независимо от того, вносит она пожертвования в Фонд или нет. По тогдашним оценкам, если бы каждая группа посылала Фонду по одному доллару на каждого члена группы в год, то этого хватало бы на содержание нашего офиса без помощи извне. При такой договоренности Бюро дважды в год обращалось бы к группам за деньгами, одновременно отчитываясь о своих тратах за предыдущий период.

Наши двое попечителей, Гораций С. и Берт Т., вернулись не с пустыми руками. Большинство групп, теперь четко понимая ситуацию, начало делать пожертвования в Фонд АА для покрытия расходов Центрального бюро и продолжает по сей день. Благодаря этой практике наша Традиция о самообеспечении прочно укоренилась. Так мы и подготовились к статье в «Сэтедэй Ивнинг Пост», за которую сегодня благодарны тысячи членов АА.

Колоссальный приток новичков быстро заложил фундамент для сотен новых групп, и вскоре они начали консультироваться у Центрального бюро по поводу трудностей роста; таким образом, нашему служебному Штабу пришлось иметь дело не только с просьбами отдельных людей, но и с проблемами групп. Тогда офис начал публиковать список всех существующих групп АА, а также снабжать путешествующих членов АА списками потенциальных новичков в городах, где групп нет. Нас начали навещать люди из других мест, с которыми мы раньше не виделись; так формировалась сегодняшняя обширная сеть личных контактов между сотрудниками нашего Центрального бюро обслуживания в Нью-Йорке и группами АА по всему миру.

1941 год стал выдающимся годом для растущего Содружества. Это было начало нашего грандиозного развития. Центральное бюро обрело в лице групп надежную опору; мы начали отказываться от идеи о необходимости благотворительности извне в пользу идеи самообеспечения. И последнее, но не менее важное: наш Фонд начал функционировать по-настоящему. К тому времени его попечители, связанные с Центральным бюро в силу его ответственности за расходование средств групп и с книжной компанией «Воркс Паблишинг» – на правах частичного владения, уже стали, сами того не осознавая, хранителями Анонимных Алкоголиков – как в плане финансов, так и в плане Традиций. Наше Содружество стало организацией общенационального масштаба.

Фонд АА продолжает эволюционировать и поныне – незаметно, но успешно. Несколько лет назад попечители устроили официальную аудиторскую проверку всей деятельности Фонда и компании «Воркс Паблишинг» с самого начала. Была введена эффективная система учета, и регулярные проверки превратились в обычай.

Примерно к 1942 году стало очевидно, что Фонду следует приобрести полное право собственности на «Воркс Паблишинг», выкупив акции у оставшихся подписчиков компании. Требовалось несколько тысяч долларов, и, разумеется, средства групп нельзя было расходовать на это. Поэтому попечители, на этот раз возглавляемые нашим старым другом Чипом, снова обратились к мистеру Рокфеллеру и его «списку гостей», которые охотно ссудили Фонду нужную сумму, чтобы он получил полные права на нашу Книгу (то есть компанию «Воркс Паблишинг»). Тем временем компания, теперь частично освобожденная от необходимости содержать Центральное бюро, смогла полностью расплатиться с собственными кредиторами. Позже, когда попечители предложили выплатить долг Фонда из доходов от продажи книги, некоторые из тех, кто ссудили нам деньги, согласились взять обратно лишь

часть суммы, а некоторые вообще ничего не взяли. Наконец-то мы со всеми рассчитались! Это событие ознаменовало собой конец наших финансовых затруднений.

Последние несколько лет принесли Содружеству феноменальный успех. Почти каждый американец знает об АА. По-видимому, весь остальной мир тоже скоро о нас узнает – ведь члены Содружества посещают другие страны, а наша литература переводится на другие языки. На сегодня в нашем служебном Штабе двенадцать сотрудников, но вскоре потребуется двадцать – из-за невероятных темпов развития АА и его появления во все большем числе стран. Наш генеральный секретарь, известный тысячам людей под именем «Бобби», теперь служит АА всего мира. В совете Фонда осталось трое из первоначальных попечителей, чей вклад в дело АА просто неизмерим. На ежеквартальных совещаниях мы видим новые лица, и каждый так же жаждет служить Содружеству, как и первый состав совета. Наш национальный ежемесячный журнал «Грейпвайн», возникший три года назад, занял свое место в ряду общих служб Штаба АА и уже почти окупается. Из доходов книжной компании «Воркс Паблишинг» Фонд накапливает разумный финансовый резерв на будущее. Сейчас он превышает стоимость содержания Штаба в течение целого года, но при этом лишь не намного выше очень скромной суммы – по доллару от каждого члена АА в год. Два года назад попечители выделили из средств книжной компании сумму, которая позволила нам с женой выплатить залог за наш дом и сделать кое-какой необходимый ремонт. Кроме того, Фонд предоставил мне и Доктору Бобу авторские гонорары за книгу «Анонимные Алкоголики», по десять процентов каждому – наш единственный доход из источников АА. Мы оба очень довольны и глубоко за это благодарны.

Этот рассказ об управлении делами Содружества в его младенческий период подводит нас к настоящему – 1947 году – с непрерывным развитием АА и многообещающей системой обслуживания.

Мемфисская речь о важности Традиций
(октябрь 1947 г.)

Выступая 19 сентября на третьем ежегодном Юго-восточном региональном съезде АА в Мемфисе, штат Теннесси, Билл У. обратился ко всем членам Содружества с настоятельной просьбой стремиться к смирению перед лицом успеха и к единству перед лицом славы и в этой связи проанализировал Двенадцать рекомендуемых для АА Традиций.

Отметив, что успех АА может «вскружить голову и создать серьезные проблемы», Билл напомнил членам Содружества, что «мы, алкоголики, никак не выжили бы, если бы не милость Божья».

Вот ключевые моменты его речи, изложенной журналу «Грейпвайн» накануне мемфисского съезда.

«Несколько лет назад Доктор Боб и я, как и другие, много путешествовали и выступали перед группами АА во всех уголках страны. Поразительный рост Содружества тогда еще только начинался, и были сомнения, что мы сможем так быстро расширить свою деятельность. Кучки членов АА, значительно удаленные друг от друга, начинали неуверенно, зачастую находясь слишком далеко от первых немногочисленных групп, чтобы получать от них весомую помощь. Многим приходилось полагаться исключительно на литературу и переписку.

Чтобы удовлетворить эту, как нам казалось, крайнюю нужду, некоторые из нас, у кого была такая возможность, объезжали новые группы. Мы хотели лично поделиться опытом и вдохновением с тысячами приходящих в Содружество, которые все еще чувствовали себя неуверенно; хотели, чтобы они ощутили себя частью растущего целого; хотели, чтобы они поняли, что АА не зависит от географии и будет работать для них в любых условиях. Мы хотели поспособствовать здоровому развитию и атмосфере единения. Поэтому некоторые из нас много путешествовали.

Времена изменились. Как всем известно, с тех пор прогресс АА превзошел наши самые смелые ожидания. За себя и Доктора Боба скажу: мы считаем, что нам, ветеранам, больше не нужно играть ведущую роль, как было раньше. К счастью, лидеры в АА начинают периодически сменяться, и это вещь здоровая. Кроме того, наша литература, щедрая пресса и тысячи новых путешественников несут идеи АА во все уголки мира.

И все же остается проблема – *серьезная* проблема, и члены Содружества будут ожидать, что мы, старички, местами будем участвовать в ее решении. Речь идет о проблеме, собственно, *успеха*. Успех, который всегда кружит голову, иногда может заставить нас забыть, что каждый из нас живет на волосок от смерти и что мы вовсе не выжили бы, если бы не милость Божья. Вино забвения может заставить нас вообразить, что Анонимные Алкоголики – *наш* успех, а не *Божья* воля. Та самая злокачественная опухоль, которая прежде разъедала наши личности, может возобновить свою разрушительную деятельность уже на групповом уровне. Ложная гордость могла бы привести нас к противоречиям, притязаниям на власть и славу, стычкам из-за собственности, денег и личного авторитета. Если бы эти пороки время от времени не атаковали нас, мы не были бы людьми.

Именно поэтому многие из нас сегодня считают главной проблемой Анонимных Алкоголиков следующую: каким образом мы как движение можем сохранить смирение – и свое единство – перед лицом того, что мир называет великим триумфом? Возможно, решение совсем рядом. Нам нужно лишь адаптировать и применить к жизни наших групп те самые принципы, на которых каждый из нас выстроил собственное выздоровление. Если смирение может убрать тягу к алкоголю, то оно же, несомненно, может стать для нас и противоядием от опьянения успехом».

Затем Билл подробно разъяснил Двенадцать Пунктов Традиций, впервые опубликованные в 1946 году в его статье апрельского выпуска «Грейпвайна»:

«Два года назад мои старые друзья настоятельно просили меня попытаться подытожить наш опыт общей жизни и работы, сформулировав четкие принципы группового поведения, которые к тому времени уже родились из напряженного десятилетия проб и ошибок. И тогда я, руководствуясь духом наших исходных Двенадцати Шагов и держась строго в рамках убедительно доказанного на практике, в порядке эксперимента предложил «Двенадцать пунктов для обеспечения нашего будущего» – Традицию о взаимоотношениях Анонимных Алкоголиков (недавно подкорректированную в свете более позднего опыта):

«Опыт АА говорит нам, что:

1. Каждый член Содружества Анонимных Алкоголиков – лишь часть огромного целого. АА должно продолжать жить, иначе большинство из нас неминуемо погибнет. Поэтому на первом месте стоит наше общее благополучие; однако сразу после него идет благополучие индивидуальное.
2. В делах наших групп есть лишь один высший авторитет – любящий Бог, воспринимаемый нами в том виде, в котором Он может предстать в нашем групповом сознании.
3. Нам следует принимать всех страдающих алкоголизмом. Поэтому мы не можем отказывать никому из тех, кто желает излечиться. Членство в АА никогда не должно связываться с денежными соображениями или с умением приспосабливаться. Любые два-три алкоголика, собравшиеся вместе с целью поддержания трезвости, могут называть себя группой АА – конечно, при условии, что как группа они не входят в какую-либо другую организацию.

4. В том, что касается ее собственных дел, каждая группа АА не несет ответственности ни перед кем, кроме своей совести. Но когда ее планы затрагивают интересы других групп, с ними необходимо советоваться. Ни одной группе, региональному комитету или отдельному члену АА никогда не следует предпринимать какие-либо действия, могущие сильно повлиять на АА в целом, не посоветовавшись с попечителями Фонда АА [теперешнего Совета по общему обслуживанию]. В таких вопросах наше общее благо важнее всего.
5. Каждая группа Анонимных Алкоголиков должна быть духовным объединением, *имеющим лишь одну главную цель* – нести наши идеи тем алкоголикам, которые все еще страдают.
6. Проблемы, связанные с деньгами, собственностью и властью, легко могут отвлечь нас от нашей основной духовной цели. Поэтому мы полагаем, что любая собственность, имеющая значительную стоимость и действительно полезная для АА, должна принадлежать какой-либо посторонней компании и управляться самостоятельно; тем самым мы отделяем материальное от духовного. Группа АА как таковая никогда не должна заниматься предпринимательством. Такие вспомогательные для АА учреждения, как клубы и больницы, предполагающие владение обширной собственностью и участие в администрировании, должны принадлежать посторонним компаниям и быть отделены от АА настолько, чтобы при необходимости группы АА могли свободно от них отстраниться. Следовательно, эти учреждения не должны использовать имя АА. Управлять ими должны исключительно те люди, которые их финансируют. В наших клубах обычно предпочтительнее руководители, принадлежащие к АА. Однако больницы и другие места, где алкоголику помогают

восстановить здоровье, должны функционировать независимо от АА и управляться медиками. Хотя группа АА может сотрудничать с кем угодно, такое сотрудничество никогда не должно доходить до установления организационных связей, а также явной или скрытой поддержки. Группа АА не должна связывать себя ни с кем.

7. Группы АА должны существовать исключительно на добровольные пожертвования своих членов. Мы полагаем, что каждой группе следует быстрее достичь этого идеала; что любые общественные кампании по сбору денежных средств с использованием имени АА крайне опасны; что неразумно принимать от кого-либо крупные подарки или пожертвования, предполагающие какие-либо обязательства. Кроме того, мы с большой тревогой наблюдаем за группами, которые продолжают накапливать средства сверх разумного резерва без какой-либо конкретной пользы для АА. Наш опыт неоднократно предостерегал: вернее всего наше духовное наследие могут разрушить бесплодные споры из-за собственности, денег и власти.

8. Сообщество Анонимных Алкоголиков должно всегда оставаться непрофессиональным объединением. Под профессионализмом мы подразумеваем консультирование алкоголиков за плату. Но мы можем нанимать алкоголиков для выполнения работ, для которых в ином случае пришлось бы задействовать неалкоголиков. Такие специальные услуги вполне могут оплачиваться. Однако наша обычная работа по Двенадцатому Шагу никогда не должна быть оплачиваемой.

9. Каждая группа АА нуждается в как можно более простой организационной структуре. Предпочтительнее, чтобы люди на руководящих должностях сменялись по очереди. Маленькая группа может выбрать себе секретаря, большая группа – свой комитет с меняющимся

составом, а группы крупной метрополии – собстве ный центральный или межгрупповой комитет, которь часто нанимает секретаря на полную ставку. Поп чители Фонда АА – по сути, наш комитет по общем обслуживанию. Они – хранители наших Традиций; ої получают добровольные пожертвования членов АА, і которые мы содержим Бюро общего обслуживания Нью-Йорке. Группы поручили им заниматься нашим глобальными связями с общественностью; они так обеспечивают успешное функционирование наше главного печатного издания – журнала «Грейпвайн Все эти наши представители должны руководств ваться духом служения, ибо истинные лидеры в АА всего лишь облеченные доверием опытные люди, сл жащие всему Содружеству. Их должности не дают и настоящей власти; они не командуют. Общее уважені – вот залог их полезности.

10. Ни одна группа или член АА не должны высказывать по спорным вопросам, не связанным с деятельность АА – в частности, касательно политики, антиалкогол ных реформ, различных религиозных направлені – так, чтобы подразумевалось отношение к ним А Группы Анонимных Алкоголиков никому не прот востоят. По подобным вопросам они вообще не мог выражать каких бы то ни было мнений.
11. Наши отношения с широкой общественностью должн отличаться личной анонимностью. Мы считаем, что А следует избегать сенсационной рекламы. Наши имен и фото как членов АА не должны озвучиваться и пу ликоваться прессой. В контактах с общественность нам следует руководствоваться принципом привлек тельности, а не пропаганды. Нам нет нужды хвали самих себя. Мы полагаем, что лучше предостави нашим друзьям рекомендовать нас другим.

12. И последнее: мы, Содружество Анонимных Алкоголиков, верим, что принцип анонимности имеет огромное духовное значение. Он напоминает нам, что нужно ставить принципы выше личностей и что мы должны практиковать подлинное смирение. Это необходимо для того, чтобы дарованные нам великие блага никогда нас не испортили и чтобы мы постоянно с благодарностью размышляли о Том, кто ведет всех нас.

Подведу итог: у АА действительно есть решение для проблем тысяч алкоголиков, которым еще предстоит прийти к нам. Но есть одно условие. Мы должны любой ценой сохранить свое единство в главном; его нужно сделать нерушимым. Без постоянного единства едва ли возможно стойкое исцеление для кого бы то ни было. Таким образом, наше будущее однозначно зависит от введения и соблюдения в группах АА здравых Традиций. Главные вещи должны всегда стоять на первом месте: впереди успеха должно идти *смирение*, а впереди славы – *единство*.

Регистрация юридических лиц: употребление и злоупотребление *(ноябрь 1947 г.)*

Многие группы АА пишут нашему нью-йоркскому офису унылые письма, спрашивая, как им разобраться с бесконечными затруднениями, возникающими в связи с регистрацией и финансированием клубов, вытрезвителей, образовательных проектов и тому подобного. Честно говоря, *эти группы жалеют, что вообще ввязались в бизнес.*

После неуклюжего старта такие сложности порой трудно преодолеть. И все же, если мы с умом используем уже полученный опыт, наши новые группы легко смогут избежать этих проблем роста. Цель моей статьи – суммировать наш опыт в вопросах такого рода.

Сначала давайте вспомним те части Двенадцати Пунктов Традиций АА, где прямо говорится о статусе юридических лиц и их финансировании.

Традиция Шестая гласит: «...Поэтому мы полагаем, что любая собственность, имеющая значительную стоимость и действительно полезная для АА, *должна принадлежать какой-либо посторонней компании и управляться самостоятельно;* тем самым мы отделяем материальное от духовного... Группа АА как таковая никогда не должна заниматься предпринимательством... Клубы и больницы должны принадлежать посторонним компаниям... быть отделены от АА настолько, чтобы при необходимости группы АА могли свободно от них отстраниться... Следовательно, эти учреждения не должны использовать имя АА... Управлять ими должны исключительно те люди, которые их финансируют... Больницы и другие места, где алкоголику помогают восстановить здоровье, должны функционировать *независимо* от АА и управляться медиками... Группа АА может сотрудничать с кем угодно, но такое сотрудничество никогда не должно доходить до установления организационных связей, а также

ной или скрытой поддержки...»

В Седьмой Традиции после слов о том, что группам желательно как можно быстрее стать полностью самообеспечиваемыми, говорится: «...любые общественные кампании по сбору денежных средств с использованием имени АА крайне опасны – проводят ли их группы, клубы, больницы или иные сторонние организации... неразумно принимать от кого-либо крупные подарки или пожертвования, предполагающие какие-либо обязательства... Мы с большой тревогой наблюдаем за группами, которые продолжают накапливать средства сверх разумного резерва без какой-либо конкретной пользы для АА... Вернее всего наше духовное наследие могут разрушить бесплодные споры из-за собственности, денег и власти».

Вот наши базовые принципы. Кроме этого, рекомендуется внимательно перечитать четыре статьи из этой книги [см. страницы 24, 46, 51, 43] – о деньгах, клубах, больницах и сторонних организациях, в которых описан наш прошлый опыт в этих сферах. Там четко изложены основы нашей Традиции «про деньги и управление», а также в общих чертах обрисовано, каким должен быть юридический статус любого полезного нам или смежного предприятия.

Ну а какой именно тип регистрации подходит лучше всего? Какое название должно носить такое юридическое лицо? Чем должен ограничиваться его круг деятельности? Кто должен быть в числе его пайщиков (владельцев)? Как его следует финансировать? Многие члены АА пишут нам с просьбой предоставить им образец устава для подобной организации. Но, поскольку конкретные цели групп, местные условия и законы могут значительно разниться, со стороны Штаба, вероятно, было бы неразумно пытаться выполнять эти просьбы. Любой хороший юрист справится с этим делом куда лучше нас, если ясно дать ему понять, что нам нужно и чего следует избегать.

Однако на многочисленные обращения мы хотим отв тить как можно более определенно. Далее приведены типи ные вопросы, задаваемые группами, и наши четкие ответ Конечно, их не следует воспринимать как окончательные и идеальные, равно как и считать правилами, ограничения или требованиями. Но они могут помочь в трудных ситу циях.

1. *Следует ли группе АА как таковой регистрировать в качестве юридического лица?*

Нет. Некоторые группы это делают, но потом обыч жалеют.

2. *Следует ли группе АА как таковой браться за управл ние клубом, больницей или каким-либо исследовател ским, просветительским или реабилитационным зав дением?*

Мы уверены, что нет. Опыт учит нас, что этого нужно изб гать. Группа АА должна оставаться духовным объедин нием.

3. *Ну а как же клубы? Они ведь так близки к АА! Не сд лать ли для них исключение? Почему они не должн носить имя АА и управляться самой группой?*

Раньше мы думали, что так можно. Если группа маленькая с трудом снимает себе комнату, вполне естественно называ это место «клубом АА». На словах большинство клубов д сих пор именуются «клубами АА». Но когда в округе мно членов Содружества и, возможно, несколько групп, то не вс людей в них будут интересовать клубы. Поэтому ведение д местных клубов должно стать функцией тех, кто лично вн сит вклад в их содержание, и в официальном их названии н следует упоминать АА. Людям, вкладывающимся в клуб, сл дует избрать управляющих. Тогда другие члены Содруже ства смогут принять идею клуба или отказаться от нее. Клуб часто регистрируются под похожими названиями – вро «Алано» или «Алканон». Но более далеким от АА заведения

таким как пансионаты и вытрезвители, которыми заведуют отдельные члены Содружества, не следует использовать подобные названия.

4. *Наша группа все-таки зарегистрировала свой клуб отдельно, и мы наделили всех членов группы правом голоса в его делах. А теперь управляющие клубом конфликтуют с периодически сменяющимся комитетом нашей группы. Клубные управляющие пытаются руководить и клубом, и группой; комитет группы тоже пытается руководить клубом. Что нам с этим делать?*

Вполне естественные сложности. Ситуации поможет, если клубные управляющие осознают, что их единственная обязанность – обеспечивать нормальную работу клуба, то есть исключительно деловые операции. Они лишь владеют недвижимостью или арендуют ее, организуют ее охрану и уборку, собирают деньги путем ежемесячных индивидуальных взносов, а также получают арендную плату от казначеев групп, которые проводят в клубе свои собрания. Обычно это щедрая порция денег, бросаемых «в шляпу». Каждой группе следует иметь небольшую казну, на средства которой группа платит за любую форму использования местного клуба. Это позволяет избежать путаницы между деньгами группы и средствами клуба. При таких условиях клуб не оказывает особого влияния на группу, и наоборот. Вопросами, имеющими отношение сугубо к АА, занимается комитет группы. А общественной жизнью клуба ведают разные люди: иногда это клубные управляющие, иногда комитет группы, иногда – специальный комитет.

Часто членство в клубе путают с членством в АА. В некотором смысле это одно и то же, так как практически все клубы открывают свои двери для любого желающего его посещать члена АА, если он ведет себя достаточно прилично.

Однако мы начинаем думать, что в плане *управления клубом* следует разграничивать клубные привилегии, право голоса в делах клуба и членство в АА. Каждый член Содружества,

Однако на многочисленные обращения мы хотим отв тить как можно более определенно. Далее приведены типи ные вопросы, задаваемые группами, и наши четкие ответ Конечно, их не следует воспринимать как окончательные и идеальные, равно как и считать правилами, ограничения или требованиями. Но они могут помочь в трудных ситу циях.

1. *Следует ли группе АА как таковой регистрировать в качестве юридического лица?*

Нет. Некоторые группы это делают, но потом обыч жалеют.

2. *Следует ли группе АА как таковой браться за управл ние клубом, больницей или каким-либо исследовател ским, просветительским или реабилитационным зав дением?*

Мы уверены, что нет. Опыт учит нас, что этого нужно изб гать. Группа АА должна оставаться духовным объедин нием.

3. *Ну а как же клубы? Они ведь так близки к АА! Не сд лать ли для них исключение? Почему они не должн носить имя АА и управляться самой группой?*

Раньше мы думали, что так можно. Если группа маленькая с трудом снимает себе комнату, вполне естественно называ это место «клубом АА». На словах большинство клубов д сих пор именуются «клубами АА». Но когда в округе мно членов Содружества и, возможно, несколько групп, то не вс людей в них будут интересовать клубы. Поэтому ведение д местных клубов должно стать функцией тех, кто лично вн сит вклад в их содержание, и в официальном их названии н следует упоминать АА. Людям, вкладывающимся в клуб, сл дует избрать управляющих. Тогда другие члены Содруже ства смогут принять идею клуба или отказаться от нее. Клуб часто регистрируются под похожими названиями – вро «Алано» или «Алканон». Но более далеким от АА заведения

таким как пансионаты и вытрезвители, которыми заведуют отдельные члены Содружества, не следует использовать подобные названия.

4. *Наша группа все-таки зарегистрировала свой клуб отдельно, и мы наделили всех членов группы правом голоса в его делах. А теперь управляющие клубом конфликтуют с периодически сменяющимся комитетом нашей группы. Клубные управляющие пытаются руководить и клубом, и группой; комитет группы тоже пытается руководить клубом. Что нам с этим делать?*

Вполне естественные сложности. Ситуации поможет, если клубные управляющие осознают, что их единственная обязанность – обеспечивать нормальную работу клуба, то есть исключительно деловые операции. Они лишь владеют недвижимостью или арендуют ее, организуют ее охрану и уборку, собирают деньги путем ежемесячных индивидуальных взносов, а также получают арендную плату от казначеев групп, которые проводят в клубе свои собрания. Обычно это щедрая порция денег, бросаемых «в шляпу». Каждой группе следует иметь небольшую казну, на средства которой группа платит за любую форму использования местного клуба. Это позволяет избежать путаницы между деньгами группы и средствами клуба. При таких условиях клуб не оказывает особого влияния на группу, и наоборот. Вопросами, имеющими отношение сугубо к АА, занимается комитет группы. А общественной жизнью клуба ведают разные люди: иногда это клубные управляющие, иногда комитет группы, иногда – специальный комитет.

Часто членство в клубе путают с членством в АА. В некотором смысле это одно и то же, так как практически все клубы открывают свои двери для любого желающего его посещать члена АА, если он ведет себя достаточно прилично.

Однако мы начинаем думать, что в плане *управления клубом* следует разграничивать клубные привилегии, право голоса в делах клуба и членство в АА. Каждый член Содружества,

Остерегайтесь заемов и пожертвований, предполагающ какие-либо обязательства, вовлечение в политику или в как бы то ни было споры. Также очевидно, что публичный сб средств с использованием имени АА *в самом деле* опасен.

9. А что насчет вытрезвителей – как ими управлять?

Мы считаем, что группам АА не следует браться за такие нач нания. А вот отдельные члены Содружества иногда отлично этим справляются, если избегают публичного сбора средств рекламы с упоминанием имени АА. Заведения для восстано ления здоровья алкоголиков должны быть исключительно ча тными – и финансироваться также на частной основе.

10. Как группе АА следует относиться к «сторонним» пр ектам – просветительским, исследовательским и том подобным?

Никак. Участие в них – личное дело каждого. Не нужн отговаривать от этого отдельных членов Содружества конечно, если они будут осторожны с именем АА.

11. Мы осознаем, что текущая схема функционирован нашего клуба (или больницы) в кое-чем расходится общепринятой практикой. Но у нас пока не было из-з этого особых проблем. Должны ли мы изменить наш схему в соответствии с Традициями?

Это решать только вам. Если текущая схема работает пр восходно, то менять ее сейчас, возможно, не стоит. Если ж на местном уровне есть серьезные возражения, то, возможн полезно было бы попробовать применить эти принцип эффективность которых доказана нашим обширным опы том.

12. Какая именно форма организационной структур обычно лучшая?

В большинстве регионов и стран есть особые формы, кот рые называются по-разному – некоммерческими корпор циями, благотворительными организациями и т.п. Поручит вашему юристу выбрать наиболее подходящую, разъясни

ему важность некоторых моментов. Если это вообще возможно, имя Анонимных Алкоголиков не следует упоминать в названии вашего юридического объекта (поскольку это имя должно быть единоличной собственностью Содружества в целом). В качестве цели организации укажите всего одну простую цель, а ее деятельность ограничьте всего одним местом или адресом. Не пытайтесь регистрироваться от лица целого региона или страны, иначе члены АА из соседних населенных пунктов вполне могут возмутиться.

Эта статья была написана, чтобы помочь смягчить многочисленные трудности, возникающие по всему АА в связи с клубами, больницами и «сторонними проектами». Приведенные выше принципы ни в коей мере не являются непогрешимыми, но все-таки они сложились на основе обширного реального опыта. Мы очень надеемся, что они будут полезны группам наших новых групп. Возможно, они способны предотвратить множество естественных, но мучительных ошибок, которые так часто совершали мы, ветераны АА.

Традиция Первая *(декабрь 1947 г.)*

Вся программа АА надежно опирается на принцип смирения – иными словами, объективное восприятие. Среди прочего это подразумевает, что нам нужно верно соотносить себя с Богом и ближними своими; что каждый из нас должен видеть себя в истинном свете – «малой частью огромного целого». Если мы будем воспринимать товарищей таким образом, то в наших группах будет царить гармония. Вот почему Традиция АА уверенно утверждает: «Наше общее благополучие стоит на первом месте».

Кто-то спросит: «Означает ли это, что в АА отдельный человек не особо важен? Что группа поглощает его и господствует над ним?»

Нет, не похоже, чтобы было так. Возможно, на земле нет сообщества, которое сильнее, чем АА, пеклось бы о личном благополучии своих членов и сильнее стремилось бы наделить индивидуума как можно большей свободой убеждений и действий. В Содружестве Анонимных Алкоголиков нет слова «должен». Лишь немногие группы наказывают кого-то за несоответствие своим требованиям. Мы можем что-то рекомендовать, но никого не заставляем. Соблюдение или несоблюдение любого принципа АА остается целиком на совести индивидуума – он единственный судья собственного поведения. Мы очень буквально руководствуемся древним изречением: «Не суди!»

Однако кто-то возразит: «Но если АА не имеет полномочий руководить собственными членами и группами, то как оно вообще может быть уверено, что общее благополучие действительно стоит на первом месте? Как организация может управляться без системы управления? И если каждый может творить что ему угодно, то как же у вас не воцарится анархия?»

По-видимому, все дело в том, что в реальности мы, члены АА, не можем творить что угодно, хоть над нами и нет сдерживающего человеческого авторитета. Фактически наше общее

благополучие защищено мощными средствами. Как только какое-либо действие начинает серьезно угрожать общему благу, групповое мнение мобилизуется, чтобы напомнить нам об опасности, и мы испытываем угрызения совести. Если человек продолжит гнуть свою линию, он может настолько утратить душевное равновесие, что напьется, и взбучку ему устроит уже алкоголь. Групповое мнение укажет ему на то, что он сбился с пути, а собственная совесть будет говорить, что он в корне не прав и что, если он зайдет слишком далеко, зеленый змий вынесет ему настоящий приговор. Вот так мы и усваиваем, что в делах, глубоко затрагивающих группу в целом, «наше общее благополучие стоит на первом месте». Тогда бунтарство утихает и начинается сотрудничество, потому что так нужно: мы сами себя дисциплинируем.

В итоге мы сотрудничаем, потому что действительно хотим этого, понимая, что без прочного единства не будет АА, а без АА продолжительная трезвость для любого из нас вряд ли возможна. Тогда мы охотно отставляем в сторону личные амбиции, которые могут навредить АА, и смиренно признаем, что мы лишь «малая часть огромного целого».

Традиция Вторая *(январь 1948 г.)*

Рано или поздно каждый член АА начинает полагаться на некую Силу, превышающую его собственную. Он обнаруживает, что Бог, как он Его понимает, – не только источник силы, но и указатель *верного направления*. Благодаря осознанию, что теперь ему доступна часть этого неисчерпаемого ресурса, его жизнь становится совершенно иной. Его душу наполняет новое для него ощущение защищенности; он испытывает неведомое доселе чувство цели и предназначения. В конце каждого дня он анализирует свои ошибки и жизненные перипетии. Благодаря повседневному опыту он узнает, какие изъяны характера у него еще остаются, и все сильнее желает, чтобы Бог избавил его от них. Так он улучшает свой сознательный контакт с Богом.

Любая группа АА проходит через тот же самый цикл развития. Мы начинаем понимать: каждая группа, как и каждый отдельный человек – сущность особая, не совсем такая, как другие. Хотя в основном все группы АА схожи, в каждой своя особенная атмосфера, и каждая находится на собственной специфической стадии развития. Мы считаем, что любая группа обладает сознанием – коллективным сознанием ее членов. Повседневный опыт информирует и обучает это сознание. Группа начинает осознавать свои изъяны, и постепенно они устраняются или смягчаются. По мере продолжения этого процесса возрастает способность группы выбирать верное направление в своих делах. Путь проб и ошибок порождает групповой опыт, а скорректированный опыт перерастает в обычай. Когда же практика убедительно докажет, что ставший обычаем подход к делу – наилучший, из этого обычая формируется Традиция АА. Так Высшая Сила действует через ясное групповое сознание.

Мы смиренно надеемся и верим, что наши развивающиеся Традиции – действительно Божья воля в отношении нас.

Многие люди приходят к мысли, что Анонимные Алкоголики – в каком-то смысле новая форма человеческого общества. При обсуждении нами Первой Традиции подчеркивалось, что в АА нет никакой принудительной власти в лице людей. Ввиду того что каждый член АА, в силу необходимости, обладает чувствительным и отзывчивым сознанием, и к тому же, стоит лишь ему оступиться, как алкоголь сам его жестоко наказывает, мы не видим особой нужды вводить правила и ограничения. Хоть порой нас и заносит на поворотах, мы начинаем больше полагаться на долговременную стабильность самой группы. В том, что касается ее собственных дел, коллективное сознание группы со временем почти наверняка докажет свою полную надежность. В итоге групповое сознание будет куда более верным ориентиром в делах группы, чем решения любого отдельного ее члена, сколь бы хорошим и мудрым он ни был. Это поразительно и почти невероятно, но в Содружестве Анонимных Алкоголиков это факт. Поэтому мы можем спокойно обойтись без наставлений и наказаний, которые кажутся такими необходимыми другим обществам. И нам нет нужды так уж сильно зависеть от озарений наших лидеров. Благодаря тому, что лидеров в служении у нас реально можно менять, в АА царит такая демократия, которая редко где еще возможна. Может статься, в этом отношении мы в значительной степени уникальны.

Вот потому-то мы, Анонимные Алкоголики, и уверены: есть лишь один высший авторитет – «любящий Бог, как он выражает себя в нашем групповом сознании».

Традиция Третья *(февраль 1948 г.)*

Третья Традиция – поистине масштабное утверждение, охватывающее широкий спектр явлений. Кто-то может подумать, что оно слишком идеалистично, чтобы быть практичным. Эта Традиция говорит каждому алкоголику мира, что он может стать членом АА и оставаться им *до тех пор, пока сам так заявляет*. Короче говоря, в Содружестве нет никаких условий для членства.

Почему это так? Наш ответ прост и разумен. Даже в целях самозащиты мы не хотим воздвигать даже малейшего барьера между собой и нашим собратом-алкоголиком, который все еще страдает. Мы знаем, что общество требует от него соблюдения его законов и условностей. Однако сущность его болезни – в том факте, что он не способен или не готов повиноваться законам человеческим и Божьим. Если уж на то пошло, больной алкоголизмом – мятежный нонконформист. Мы очень хорошо это понимаем, ведь каждый член АА когда-то сам был бунтарем. Поэтому мы не можем предлагать ему встретиться на полпути. Мы должны войти в ту темную пещеру, где он скрывается, и показать ему, что понимаем его. Мы осознаем, что он слишком слаб и растерян, чтобы преодолевать препятствия. Если мы будем возводить барьеры, он может уйти и погибнуть. Тем самым мы можем лишить его бесценной возможности выздороветь. Так что, когда он спрашивает: «А какие у вас требования?», мы радостно отвечаем: «Да никаких!» Когда же он недоверчиво переспрашивает: «Но ведь непременно должны быть вещи, которые я обязан делать или в которые обязан верить?», мы моментально отвечаем: «В АА нет слова «обязан»! Тогда он может с ехидцей спросить: «И во сколько мне все это обойдется?» Но мы со смехом ответим: «Нисколько! У нас нет членских взносов». И нашего друга быстро покидают сомнения и дух бунтарства. У него открываются глаза, и он видит новый мир дружбы и понимания. Он, потерпевший крах

идеалист, обнаруживает, что его идеал теперь – не просто мечта. После многих лет одиноких поисков она, наконец, показалась на горизонте. Внезапно перед его взором предстает реальность Содружества Анонимных Алкоголиков, которое говорит: «Мы можем дать тебе нечто бесценное – если только ты захочешь это принять». И ничего более. Но для нашего нового друга это все. Так он сразу становится одним из нас.

И все-таки наша Традиция о членстве содержит одно важнейшее условие, связанное с использованием имени Анонимных Алкоголиков. Мы считаем, что любые двое или трое алкоголиков, собравшиеся вместе с целью поддержания трезвости, могут называть себя группой АА – при условии, что как группа они не входят в какую-либо другую организацию. Здесь наша цель ясна и недвусмысленна: по очевидным причинам мы хотим, чтобы имя Анонимных Алкоголиков упоминалось только в связи с прямой деятельностью АА. Невозможно представить, чтобы хоть кому-то из членов Содружества понравилось бы наблюдать образование «сухих» групп АА, «пьяных» групп АА, республиканских групп АА или коммунистических групп АА. И лишь немногие хотели бы, чтобы наши группы принадлежали к определенным религиозным течениям. Мы не можем позволять другим движениям, какими бы достойными они ни были, использовать наше имя – даже косвенно. В противном случае мы бы оказались безнадежно скомпрометированы и разобщены. Мы считаем, что Содружество должно предлагать свой опыт всему миру, чтобы люди извлекали из него всю возможную пользу. Но только не из нашего имени! Это мы утверждаем с абсолютной определенностью.

Так давайте же мы, члены АА, решим для себя, что всегда будем принимать всех и никогда никого не будем исключать, предлагая всем желающим все то, чем обладаем – кроме собственного имени! Так пусть же все барьеры сравняются с землей, а наше единство сохранится! Даруй нам, Боже, жизнь долгую и полезную!

Традиция Четвертая *(март 1948 г.)*

Четвертая Традиция – специфическое применение общих принципов, уже сформулированных в Традициях Первой и Второй. В Первой говорится: «Каждый член Содружества Анонимных Алкоголиков – лишь часть огромного целого. АА должно продолжать жить, иначе большинство из нас неминуемо погибнет. Поэтому на первом месте стоит наше общее благополучие; однако сразу после него идет благополучие индивидуальное». А во Второй Традиции сказано: «В делах наших групп есть лишь один высший авторитет – любящий Бог, воспринимаемый нами в том виде, в котором Он может предстать в нашем групповом сознании».

Удерживая в памяти эти принципы, давайте рассмотрим Четвертую Традицию внимательнее. Ее первое предложение гарантирует каждой группе АА автономию на местном уровне. Касательно собственных дел группа может принимать любые решения и придерживаться каких угодно подходов. Никаким общим или межгрупповым органам не следует покушаться на эту главную привилегию. Мы считаем, что так и должно быть, даже если группа в своих действиях порой совершенно пренебрегает нашими Традициями. Например, группа АА может, если пожелает, нанять проповедника и платить ему из доходов от работы своего ночного клуба. И хотя столь абсурдные действия группы не влезали бы ни в какие рамки Традиций, ее «право быть неправой» не должно нарушаться. Мы уверены, что эта наивысшая привилегия должна быть предоставлена каждой группе, причем безо всяких опасений. Мы знаем, что всем нам знакомый метод проб и ошибок в итоге отметет как проповедника, так и ночной клуб. Можно быть абсолютно уверенным, что те тяжелые болезни роста, которые неизменно следуют за любым радикальным отклонением от Традиций АА, вернут заблуждающуюся группу на верный путь. У группы АА нет

необходимости действовать по принуждению какой-либо человеческой власти, стоящей выше ее членов. Их личного опыта, мнения окружающих групп и подсказок Бога через групповое сознание будет достаточно. Тяжкие страдания нас уже этому научили. Поэтому мы можем с уверенностью сказать каждой группе: «Вы не несете ответственности ни перед кем, кроме собственной совести».

Только, пожалуйста, примите во внимание один важный момент: такая крайняя свобода в помыслах и действиях применима *только к собственным делам группы*. Вполне оправданно эта Традиция продолжает: «Но когда ее планы затрагивают интересы других групп, с ними необходимо советоваться». Очевидно, что, если бы отдельный член АА, группа или региональная служба могли бы предпринимать действия, серьезно влияющие на благополучие Анонимных Алкоголиков в целом или серьезно мешающие окружающим группам, то это была бы уже вовсе не свобода. Это была бы уже вседозволенность, анархия, а не демократия.

Вот поэтому мы, члены АА, повсеместно одобрили принцип консультаций. Это означает, что, если отдельная группа АА хочет предпринять какие-то действия, которые могут затронуть соседние группы, она с ними советуется. Или консультируется с региональным комитетом, если таковой имеется. Аналогично, если какая-то группа или региональная служба хочет предпринять действия, затрагивающие Содружество в целом, они консультируются с попечителями Фонда Анонимных Алкоголиков, которые, по сути, являются нашим всеобщим комитетом по обслуживанию. Например, ни одна группа или интергруппа не может свободно, без консультаций, начать какую-нибудь общественную кампанию, способную сказаться на АА в целом. Не может она и представить все Содружество, печатая и распространяя материалы, претендующие на роль стандартной литературы Анонимных Алкоголиков. Естественно, точно такие же принципы

относятся и ко всем аналогичным ситуациям. И хотя формального принуждения поступать таким образом не существует, все масштабные затеи обычно сверяются со Штабом АА.

Эта мысль четко сформулирована в последнем предложении Четвертой Традиции: «В таких вопросах наше общее благо важнее всего».

Традиция Пятая *(апрель 1948 г.)*

«Всяк сверчок, знай свой шесток», гласит старая поговорка. Да, это банально, но зато очень верно для нас, Анонимных Алкоголиков. Нам крайне необходимо придерживаться принципа: лучше делать хорошо что-то одно, чем делать многое, но плохо.

Именно потому, что теперь нам предельно ясно, что лишь выздоравливающий алкоголик способен многое сделать для алкоголика больного, на всех нас легла огромная ответственность – обязанность настолько великая, что ее можно назвать священной. Ибо для нас, людей, страдающих алкоголизмом, исцеление – вопрос жизни и смерти. Поэтому Содружество Анонимных Алкоголиков не может, не смеет отклоняться от своей главной цели.

Соблазнов поступать по-другому будет великое множество. Наблюдая за становлением хороших программ в антиалкогольной сфере, мы будем испытывать сильное искушение позволить им пользоваться именем и репутацией Анонимных Алкоголиков; как движение мы будем испытывать желание финансировать и поддерживать другие организации. Если наши сегодняшние успехи продолжатся, то люди начнут утверждать, что АА – качественно новый образ жизни и даже, может быть, новая религия, способная спасти мир. Нам будут говорить, что наш прямой долг – показать современному обществу, как ему следует жить.

Ах, как привлекательны могут быть эти проекты и идеи! Как лестно было бы предположить, что именно мы, возможно, избраны воплотить в жизнь старинное мистическое обещание: «И последние станут первыми»... Фантастика, скажите вы; однако некоторые из наших доброжелателей уже начинают говорить подобное.

К счастью, большинство из нас убеждены, что подобные рассуждения опасны, что все это – заманчивые компоненты кружащего голову вина, на каждой бутылке которого

красуется надпись «Успех!» Так давайте же не будем слишком увлекаться этим коварным напитком и не будем забывать, что мы живы лишь Божьей милостью, а время этой жизни дано нам взаемы; что анонимность лучше бурных аплодисментов; что как движению нам лучше быть бедными, чем богатыми. И давайте размышлять, все больше укрепляясь в убеждении, что сможем оставаться на высоте, только если будем придерживаться главной духовной цели АА – нести наши идеи алкоголикам, которые все еще страдают от алкоголизма.

Традиция Шестая *(май 1948 г.)*

Шестая из наших Двенадцати Традиций считается столь важной потому, что она подробно разъясняет отношение движения АА к деньгам и собственности.

Эта традиция, по сути, заявляет, что накопление денег, собственности, а также нежелательная личная власть, так часто порождаемая материальным богатством, влекут за собой ряд серьезных опасностей, против которых группа АА всегда должна быть начеку.

А еще Шестая Традиция призывает группы никогда не заниматься коммерцией и не предоставлять имя и денежные средства АА никаким «сторонним» организациям, какими бы хорошими те ни были. Настоятельно выражается мнение, что даже клубам не следует носить имя АА, что они должны регистрироваться отдельно, а управлять ими должны отдельные члены АА, которым так нужны или симпатичны клубы, что они готовы поддерживать их финансово.

Соблюдение этой Традиции позволит нам отделить духовное от материального, ограничить деятельность АА единственной целью и гарантировать, что, какими бы богатыми мы ни стали как частные лица, само Содружество всегда будет оставаться бедным. Многолетний опыт, вне всякого сомнения, доказывает верность этих принципов. Для нас они стали абсолютными, непреложными истинами.

Слава Богу, пока что нас, членов АА, не удавалось вовлечь во всякого рода религиозные или политические споры, которые наполняют современный мир смятением. Однако нам следует признать, что мы часто страшно ссорились по поводу денег, собственности и того, как ими распоряжаться. Деньги, если их много, всегда плохо сказывались на жизни группы. Стоит лишь какому-нибудь доброжелателю подарить группе АА значительную сумму – и мы «срываемся с цепи». И проблемы не исчезают до тех пор, пока группа как-нибудь

не избавится от этих самых денег. И такое наблюдается прак тически повсеместно.

«Но разве это не признание в собственной слабости?» - говорят наши друзья. – «Ведь другие организации делают с помощью денег массу добрых дел. Почему же АА не може делать то же самое?»

Конечно, мы, члены АА, первыми сказали бы, что благо дарь большим деньгам множество прекрасных организаций делает много хорошего. В таких начинаниях деньги обычно играют первостепенную роль; там они жизненно важны. Но не в АА. В нашем случае деньги – вещь далеко не главная. Даже в небольших количествах они – не более чем досадная необходимость, нечто такое, без чего нам хотелось бы обойтись вообще.

Почему так? Ответ прост: деньги нам не нужны. Сущность деятельности АА сводится к общению одного алкоголика с другим – сидя на бордюре тротуара, у кого-нибудь дома, на собрании... Важно не место, а донесение идей; важен разговор, а не подаяние. В этом наша работа. Место, где можно встретиться и поговорить – вот почти все, что нужно АА. Ну, еще несколько небольших офисов, несколько секретарей за столами и несколько долларов с человека в год – сумма, которая легко покрывается добровольными пожертвованиями. Траты и впрямь пустяковые!

Сегодня группа АА отвечает своим доброжелателям: «Расходы у нас незначительные. Мы прилично зарабатываем и можем с легкостью их оплатить. А раз деньги нам не нужны, да мы их и не хотим, то зачем с ними связываться, рискуя нажить неприятности? Уж лучше останемся бедными. Но все равно спасибо вам!»

Традиция Седьмая *(июнь 1948 г.)*

Если рост Содружества продолжится, то совокупный доход членов АА вскоре достигнет невероятной суммы в четверть миллиарда долларов в год. И это прямой результат их членства в АА! Оставаясь трезвыми, мы теперь имеем эти деньги; пьяными мы бы их не имели.

По сравнению с этим общие расходы АА – сущая ерунда.

Например, Бюро общего обслуживания сегодня обходится нам в полтора доллара в год на одного члена Содружества. Фактически нью-йоркский офис просит эту сумму у групп дважды в год, поскольку не все из них вносят пожертвования в его пользу. Но даже в этом случае сумма на одного члена АА крайне мала. Если он живет в крупном городе, где совершенно необходим офис интергруппы, чтобы справиться с потоком обращений и организацией госпитализации, то он жертвует (или, может быть, ему следовало бы жертвовать) приблизительно пять долларов в год. Чтобы его собственная группа могла оплачивать аренду помещения, а также, возможно, кофе с пирожными, он может бросать «в шляпу» долларов двадцать пять в год. А если он состоит в клубе, это может быть долларов пятьдесят. Если же он выписывает журнал «Грейпвайн», то выкладывает еще два с половиной доллара.

Таким образом, выясняется, что член АА, по-настоящему выполняющий свои обязанности перед группой, в среднем вносит долларов пять в месяц. В то же время его личные доходы могут составлять от двухсот до двух тысяч долларов в месяц и это непосредственный результат того, что он *не пьет*.

Кто-то возразит: «Но наши друзья хотят дать нам денег на обустройство нового клубного помещения. Мы маленькая, молодая группа. Большинство из нас все еще бедствует. Как быть тогда?»

Уверен, что такой группе сейчас же ответил бы целый хор голосов членов АА: «Да, мы отлично знаем, что вы испытываете. Мы и сами когда-то собирали деньги. Мы даже делали

это публично, считая, что сможем сделать массу хорошего на деньги посторонних людей. Однако мы обнаружили, что такие деньги прямо-таки жгут руки, порождая немыслимые споры. Они просто не стоили того! Вдобавок из-за них возник прецедент, который вызвал у многих людей соблазн использовать драгоценное имя Анонимных Алкоголиков в целях, отличных от целей Содружества. Небольшой дружеский заем, который ваша группа действительно намерена вернуть, вряд ли причинит большой вред; но мы убедительно просим вас хорошенько подумать, прежде чем попросить даже самого доброжелательного друга сделать крупное пожертвование. Скоро вы будете в состоянии начать платить за себя сами. Для каждого из вас эти дополнительные расходы не превысят стоимости одной бутылки хорошего виски в месяц. И вы будете бесконечно рады, оплачивая эти небольшие расходы самостоятельно».

Итак, поразмыслив надо всем этим, любой из нас вполне может сказать себе: «Да, мы, члены АА, были когда-то для всех обузой. Мы стремились только брать. Теперь же, когда мы трезвы и, Божьей милостью, стали ответственными гражданами мира, почему бы нам не изменить ситуацию и не начать с благодарностью отдавать? Самое время!»

Традиция Восьмая *(июль 1948 г.)*

По всему миру члены АА работают по Двенадцатому Шагу с тысячами потенциальных новичков каждый месяц. Тысячами из них остаются в Содружестве после первого же знакомства с нами; кроме того, опыт показывает, что большая часть остальных возвращается к нам позже. Практически не организованный и совершенно не профессионализированный, этот мощный духовный поток перетекает от исцелившихся алкоголиков к больным. Один алкоголик говорит с другим – только и всего.

Могут ли эти колоссальные личные усилия, от которых зависят человеческие жизни, когда-либо стать профессиональными или хотя бы организованными? Однозначно – нет. Редкие попытки профессионализировать непосредственную работу по Двенадцатому Шагу неизменно терпели неудачу, причем быстро. Сегодня ни один член Содружества не смирится с мыслью об оплачиваемых «врачах АА» или «организаторах АА». К тому же ни одному из нас не нравится, когда ему указывают, как ему работать с собственным подопечным. Нет, этот бурный животворный поток нельзя перекрывать плотиной платных благотворителей или профессионалов. Анонимные Алкоголики никогда не должны обрывать собственные жизненные артерии. Мы все как один уверены в этом.

Но как же тогда быть с теми, кто обслуживает нас полный рабочий день в ином качестве – считать ли поваров, уборщиков и оплачиваемых офисных секретарей «профессионалами АА»?

Поскольку у нас еще не сложилось четкого мнения об их работе, мы частенько думаем и действуем так, словно они таковыми и являются. Их труд создает легкое впечатление профессионализации, поэтому нередко слышны слова о том, что они «наживаются на АА» или «превращают АА в профессию». Нам кажется, что, раз эти люди берут у Содружества деньги, значит, они уже не совсем такие, как остальные члены АА. Порой мы заходим еще дальше и недоплачиваем

им за труд, полагая, что они должны охотно «вкалывать» ради Содружества и за малую плату.

Так вот: не слишком ли мы страшимся профессионализма? Если этот страх станет чересчур сильным, то, пожалуй, никто, кроме святых или некомпетентных работников, трудиться для АА не сможет. Учитывая, что наш запас святых невелик, в итоге у нас наверняка остались бы лишь менее квалифицированные сотрудники, чем нужно.

Мы начинаем понимать, что наши немногочисленные оплачиваемые сотрудники выполняют лишь те задачи по обслуживанию, с которыми не могут постоянно справляться наши добровольцы. А главное – эти ребята не работают по Двенадцатому Шагу. Они лишь делают возможной нашу более обширную и эффективную работу по нему. Секретари в своих кабинетах – ценный ресурс в плане налаживания контактов, распространения информации и связей с общественностью. Вот за что им платят, и ни за что больше. Они помогают нести добрые вести об АА во внешний мир и сводят нас с потенциальными новичками. Это не «терапия АА», а просто куча очень нужной, но часто неблагодарной работы.

Поэтому давайте в необходимых моментах пересмотрим свое отношение к людям, которые трудятся в наших специальных службах. Давайте относиться к ним как к соратникам по Содружеству, а не как к наемным помощникам; давайте платить им достойно; и, что важнее всего, давайте не будем вешать на них ярлыки профессионализма. Кроме того, давайте постараемся четко различать «организацию движения АА» и создание небольшого числа важнейших контактно -информационных служб при разумном деловом подходе. Как только мы сделаем это, все придет в норму. Тогда около миллиона алкоголиков, которые все еще страдают, продолжат осуществлять тот прорыв, который мы, шестьдесят тысяч членов АА, уже сделали.

Пожмем же руку нашим «служакам» – они этого заслуживают!

Традиция Девятая *(август 1948 г.)*

Как можно меньше организованности – таков наш всеобщий идеал. Никаких вступительных или членских взносов, никаких навязываемых кому-либо правил, а просто один алкоголик, несущий выздоровление другому – в сущности, вот чего мы желаем, так ведь?

Но как лучше всего реализовать этот простой идеал? Часто вот вопрос нас озадачивает.

Например, есть среди нас люди, выступающие за простоту. Они приходят в ужас от любой организованности и говорят нам, что АА становится слишком сложным. Они считает, что деньги лишь создают трудности, комитеты лишь вызывают разногласия, выборы лишь приводят к политиканству, оплачиваемый труд лишь плодит профессионалов, а клубы лишь балуют тех, кто срывается. «Давайте снова вернемся к кофе с пирожными возле уютных каминов!» – призывают они. – «А если нам на пути попадутся какие-нибудь алкоголики, то мы о них позаботимся. И этого достаточно. Простота – вот он, ответ!»

Диаметрально противоположна такой безмятежности позиция «пропагандиста» АА. Предоставленный самому себе, он начал бы «палить изо всех пушек и трубить во все трубы» на каждом углу. Миллионы долларов для алкоголиков, огромные больницы АА, легионы оплачиваемых организаторов, специалисты по рекламе, вооруженные самыми современными средствами массового информирования – вот мечта нашего пропагандиста. «Так точно, сэр!» – отчеканит он. – «Мой двухлетний план предусматривает один миллион членов АА к концу 1950 года!»

Со своей стороны, я рад, что у нас есть и консерваторы, и энтузиасты. Они многому нас учат. Консерватор наверняка присмотрит за тем, чтобы движение АА не стало слишком заорганизованным. А энтузиаст будет нам постоянно

напоминать о нашей неимоверной ответственности перед новичками и теми сотнями тысяч алкоголиков по всему свету, которые еще не слышали об АА.

Естественно, мы будем придерживаться надежного, безопасного срединного пути. АА всегда яростно сопротивлялось идее о какой бы то ни было общей организационной структуре. При этом, как ни парадоксально, мы всегда энергично настаивали на организации определенных *специальных служб* – в основном, тех, что абсолютно необходимы для эффективной и обширной работы по Двенадцатому Шагу.

К примеру, если группа АА выбирает секретаря или переизбираемый комитет; если регион формирует интергруппу; если мы создаем фонд, центральный офис или журнал «Грейпвайн» – все это организованность ради обслуживания. Книги и брошюры АА, наши помещения для собраний и клубы, наши вечеринки и региональные ассамблеи – все это тоже обслуживание. Кроме того, мы не можем обеспечить себе хорошие связи с больницами, должным образом наставлять новичков и наладить добрые отношения с общественностью, положившись лишь на волю случая. Для того, чтобы позаботиться обо всем этом, приходится назначать людей, притом иногда оплачивая их труд. Они служат нам по-особому. Но ни одна из этих специальных служб еще не организовывала и не профессионализировала нашу духовную и общественную деятельность – сам великий поток АА. А вот помощь нашей программе выздоровления была оказана огромная. Хоть это служение и важно, его объем совсем мал по сравнению с нашими основными усилиями.

Когда эти факты и различия проясняются, мы с легкостью отбрасываем свои страхи перед вредоносной заорганизованностью и опасным богатством. Как движение мы будем оставаться в разумной степени бедными, ибо наши расходы на обслуживание мизерны.

С такой подстраховкой мы, вне всяких сомнений, продолжим улучшать и расширять наши жизненно важные специальные службы, эффективнее распространять идеи АА, строить для себя лучшее и более многочисленное Содружество, и, даст Бог, обеспечим Анонимным Алкоголикам долгую жизнь и полное единство.

Традиция Десятая *(сентябрь 1948 г.)*

Большинство из нас считает Содружество Анонимных Алкоголиков несокрушимым, как Гибралтарская скала. Нам нравится верить, что вскоре АА будет не менее известным и незыблемым, чем это историческое место. Мы тешим себя этим приятным убеждением, потому как пока еще не случалось ничего такого, что могло бы его поколебать. Мы рассуждаем так: мы должны держаться вместе, иначе умрем. И потому воспринимаем сохраняющееся единство нашего движения как нечто само собой разумеющееся.

Но стоит ли? Хоть Бог и одарил нас великими милостями, а связывающие нас узы любви и необходимости сильнее, чем в большинстве обществ, разумно ли предполагать, что эти великие дары и отличительные качества автоматически останутся при нас навсегда? Вероятно, если мы будем этого достойны, то они и дальше будут радовать нас. Так что реально вопрос вот в чем: как всегда оставаться достойными наших нынешних благословений?

С этой точки зрения Традиции АА – именно те взгляды и методы действия, с помощью которых мы как движение можем заслужить долгую и полезную жизнь. В этом плане нет ничего важнее Десятой Традиции, ибо в ней речь идет о разногласиях – серьезных разногласиях.

Совсем недавно на другом конце света из-за религиозных распрей погибли миллионы людей. Еще миллионы погибли из-за политических конфликтов. И это еще не конец. В мире чуть ли не каждый записался в реформаторы. Каждая группа, общество и нация говорит остальным: «Вы должны делать так, как говорим вам мы, а не то...» Политические раздоры и принудительные реформы достигли небывало высокого уровня. А пламя религиозной вражды, похоже, вечно.

Мы с вами такие же люди, как и все прочие. Так как же можно быть уверенными, что мы всегда останемся невосприимчивы к этим опасностям? Вероятнее всего, это не в наших

шах. Со временем мы столкнемся со всеми из них. Убежат от них мы не сможем, да и не надо пытаться. Если такая проблема встанет перед нами, то, я уверен, нам следует взглянуть ей в лицо с готовностью и без опаски. Это будет решающим испытанием, которое покажет, чего мы стоим.

Наша лучшая защита? Несомненно, она заключается в формировании Традиции об отношении к серьезным спорам настолько сильной, что ни слабость отдельных людей, ни напряженность и раздоры этих смутных времен не смогут причинить вреда Анонимным Алкоголикам. Мы знаем, что АА должно продолжать жить, иначе многие из нас и наших собратьев-алкоголиков по всему свету наверняка продолжат безнадежный путь в небытие. Этого ни в коем случае не должно случиться.

До сих пор нам, словно благодаря какому-то глубокому и непреодолимому инстинкту, удавалось избегать серьезных конфликтов. Не считая незначительных и безвредных трудностей роста, в наших рядах царит мир. А благодаря тому, что мы до сих пор придерживались своей единственной цели, весь мир относится к нам одобрительно.

Так дай нам, Боже, мудрости и стойкости, чтобы и впредь сохранять нерушимое единство!

Традиция Одиннадцатая *(октябрь 1948 г.)*

Не иначе как само Провидение заботится об отношениях Анонимных Алкоголиков с общественностью. Хотя нам уже пошел второй десяток лет, едва ли хоть слово критики или насмешки в адрес АА было произнесено за все это время. Каким-то образом нас минуют все болезненные медицинские и религиозные споры, и у нас есть хорошие друзья среди сторонников и противников сухого закона, среди левых и правых. Как и в большинстве обществ, у нас порой возникают скандалы, но только не на публике. Со всего света мы получаем только проявления искренней симпатии и открытого восхищения. Наши друзья в средствах массовой информации превзошли себя. Каждому ясно, что так нас недолго и испортить. Наша репутация уже гораздо лучше, чем мы сами!

Бесспорно, эти необыкновенные дары несут в себе глубокое предназначение. Едва ли кто-то усомнится, что его смысл – дать знать каждому алкоголику на свете, что АА действительно ему подойдет, если только у него достаточно желания обрести свободу. Поэтому наши послания через общественные каналы никогда всерьез не искажались, да и жгучего дуновения предубежденности тоже никогда не ощущалось.

Хорошие взаимоотношения с общественностью – это спасательные тросы, протянутые алкоголикам, которые еще нас не знают. В будущем рост Содружества наверняка будет зависеть от количества и прочности этих тросов. Один серьезный прокол во взаимоотношениях с общественностью в любой момент может отвратить от нас тысячи людей, обрекая их тем самым на гибель. Это воистину вопрос жизни и смерти!

В том, что касается грядущего, у АА нет более серьезной задачи, чем наилучшим образом сохранить жизненно важные дружеские отношения со всем окружающим миром. Успех будет во многом зависеть от верных принципов, мудрой бдительности и глубочайшей личной ответственности со стороны каждого из нас. Никак не меньше. В противном

случае из-за нашего недостаточного внимания наш собрат может снова впасть в отчаяние.

Итак, Одиннадцатая Традиция охраняет наши спасательные тросы, объявляя, что нам не нужно расхваливать самих себя; что будет лучше, если рекомендовать нас будут друзья; и что вся наша политика во взаимоотношениях с общественностью, в отличие от общепринятого подхода, должна основываться на *привлекательности* наших идей, а не на пропаганде. Ударные методы не для нас – никаких рекламных агентов, никаких пропагандистских приемов, никаких известных имен. Слишком велик риск. Быстрые результаты всегда будут иллюзорными, потому как легкие и короткие пути к известности могут порождать постоянные обязательства, связывающие нам руки.

По этой причине мы все больше делаем упор на принципе личной анонимности в контактах с общественностью. И просим друг друга быть в этом плане в наивысшей степени ответственными. Как движение мы прежде испытывали искушение с выгодой использовать имена наших известных в обществе товарищей, оправдывая это тем, что другие организации так и делают – даже самые хорошие. Как частные лица мы иногда полагали, что публичное озвучивание наших имен продемонстрировало бы наше личное мужество перед лицом позора и потому придало бы журнальным статьям и газетным заметкам силу и убедительность.

Но теперь это уже не так соблазнительно, как раньше. Мы начинаем четко осознавать, что даже ради самых достойных целей ни одному члену АА не следует представляться таковым перед широкой общественностью, чтобы не создавать опасных прецедентов, которые побуждали бы и других делать то же самое, но уже не в столь достойных целях.

Мы видим, что, раскрывая свою анонимность в средствах массовой информации, каждый из нас может с легкостью передать ценное имя АА какой-нибудь посторонней организации или вовлечь его в какие-нибудь споры.

Таким образом, у нас складывается своеобразный кодекс чести, согласно которому ни один член АА не позволяет себе некоторые действия, чтобы не уводить Содружество в сторону от его главной цели и не вредить нашим отношениям с общественностью, а значит, не уменьшать шансы на выздоровление для страдальцев, которым еще предстоит к нам прийти.

Миллионам алкоголиков, пока еще не слышавшим об АА, мы всегда должны говорить: «Приветствуем вас – и добро пожаловать! Будьте уверены, мы никогда не дадим ослабнуть тем спасательным тросам, которые вам бросили, и, даст Бог, сохраним добрые отношения с общественностью».

Традиция Двенадцатая *(ноябрь 1948 г.)*

Можно сказать, что анонимность – духовная основа всех остальных наших Традиций и надежный ключ к ним. Она символизирует благоразумие и, что еще важнее, стремление держаться в тени. Истинная забота о новичке, желающем скрыть свое имя; жизненно необходимая защита от публичного злоупотребления именем Анонимных Алкоголиков; постоянное напоминание каждому из нас о том, что принципы важнее личных интересов – таков широкий спектр действия этой всеобъемлющей традиции. В ней мы видим фундамент безопасности нашего Содружества; на более глубоком духовном уровне она ведет нас к еще большему самопожертвованию.

Окинув Двенадцать Традиций даже беглым взглядом, любой человек тут же убедится, что основная их идея – «жертвование чем-либо». В каждой Традиции отдельного члена или группу АА просят чем-то поступиться ради нашего общего благополучия. Первая Традиция просит нас ставить общее благо выше личных желаний. Вторая Традиция просит нас слушать Бога, который может говорить через групповое сознание. Третья Традиция требует, чтобы мы принимали в АА *каждого* алкоголика. Четвертая Традиция подразумевает, что мы должны отказаться от идеи централизованной власти или управления. Однако каждой группе рекомендуется широко консультироваться с другими по вопросам, затрагивающим нас всех. Пятая Традиция ограничивает деятельность группы АА одной-единственной задачей – донесением наших идей до других алкоголиков. Шестая Традиция указывает на разлагающее влияние денег, собственности и личной власти и просит нас свести эти влияния к минимуму путем отдельной регистрации наших особых служб и отдельного управления ими. Также она предостерегает нас от естественного соблазна вступать в альянсы и поддерживать другие движения. Седьмая Традиция гласит,

что нам лучше самим оплачивать свои счета; что не следует принимать крупные пожертвования и те, что влекут за собой обязательства; и что общественный сбор средств с упоминанием имени Анонимных Алкоголиков безусловно опасен. Восьмая Традиция отвергает профессионализм в нашей работе по Двенадцатому Шагу, при этом гарантируя немногочисленным наемным работникам наших служб несомненный статус любителей. Девятая Традиция просит нас отказаться от мыслей об обширной организационной структуре: достаточно необходимого для эффективной работы наших особых служб, и не более того. Эта Традиция дышит демократией; наши лидеры заняты служением и периодически сменяются; наши немногочисленные должности ни в коей мере не облекают занимающих их людей произвольной личной властью – они наделены правами *служить, а не управлять*. Десятая Традиция – выразительный ограничитель серьезных разногласий; она умоляет каждого из нас остерегаться вовлечения АА в лихорадку реформаторских, политических и религиозных раздоров. Одиннадцатая Традиция просит нас остерегаться сенсационности в отношениях с общественностью и предупреждает, что нам не нужно превозносить самих себя. Личная анонимность на уровне СМИ – настоятельная необходимость; так мы избегаем западни тщеславия и искушения связать АА с другими движениями через раскрытие анонимности. Двенадцатая Традиция, проникнутая духом смиренной анонимности, очевидным образом охватывает все предыдущие одиннадцать.

Двенадцать пунктов Традиций АА – ничто иное, как особое применение духа Двенадцати Шагов в жизни наших групп и в отношениях с обществом в целом. Шаги исцеления способны сделать каждого отдельного члена АА целостной личностью, единой с Богом, а Двенадцать пунктов Традиций – объединить нас друг с другом и сделать одним целым с окружающим миром. Наша цель – единство.

Мы верим, что Традиции АА надежно скреплены мудрыми принципами доброты, благодарности и смирения. Не забыли мы и о благоразумии. Так пусть же эти добродетели всегда сопровождают нас в наших размышлениях, и пусть Анонимные Алкоголики служат Богу в счастливом единении так долго, как Ему будет нужно.

Просьба и извинение *(декабрь 1948 г.)*

В результате моих недавних выступлений в прессе появились репортажи, в которых называется мое полное имя.

Поскольку две из Двенадцати Традиций АА подчеркивают огромную важность сохранения личной анонимности в контактах с прессой, я, естественно, крайне смущен и обеспокоен тем фактом, что стал объектом таких нарушений. Я пока не знаю, как именно и почему произошли эти ошибки – ведь я полагал, что против них были приняты соответствующие предосторожности. Возможно, частично причина в том, что я не предупредил репортеров, присутствовавших на тех конкретных мероприятиях.

Как бы то ни было, я считаю, что все члены АА имеют право на эти разъяснения и мои искренние извинения.

Пресса повсеместно сотрудничает с нами в плане поддержания анонимности, если мы объясняем, что в ней заключается жизненно важная защита для движения АА. Поэтому я настойчиво прошу все группы АА внимательно следить за сохранением моей анонимности при любых будущих выступлениях; а сам я, разумеется, постараюсь соблюдать куда большую осторожность.

Давайте всегда будем придерживаться этого важнейшего принципа!

Предложение ко Дню Благодарения *(ноябрь 1949 г.)*

У нас возникла идея: АА могло бы сделать Неделю Благодарения временем для собраний и размышлений, посвященных Традициям Анонимных Алкоголиков. Друг, который это предложил, расскажет вам, почему считает идею хорошей. Я всем сердцем соглашаюсь с его словами и надеюсь, что вы тоже согласитесь.

До АА нам, алкашам, иногда удавалось добиться сомнительного состояния, именуемого «периодом трезвости». И лишь Бог и протрезвевший пьяница по-настоящему знают, как мрачна и пуста эта мнимая добродетель. В чем причина? Она известна любому члену АА: в жизни алкоголика ничто не заменило алкоголь, и в его душе по-прежнему борьба и разлад. И тут появляются Двенадцать Шагов к выздоровлению, которые меняют саму его личность. Измученный алкоголик чувствует себя так, будто заново родился, и теперь говорит, что ощущает себя цельным. Мы отлично понимаем, что он имеет в виду: он описывает состояние внутренней гармонии, единства собственной личности. Мы знаем, что он должен работать над поддержанием этого состояния, ведь без него он не выживет.

А разве для Содружества в целом не действует тот же самый принцип? Разве не является фактом, что наибольшая опасность грозит алкоголику именно тогда, когда он воспринимает свою трезвость как нечто само собой разумеющееся? И раз непрестанное соблюдение разумных принципов – вопрос жизни и смерти для него, то разве это не в равной степени справедливо и для группы АА, и для всего нашего обширного Содружества?

Тем не менее, многие из нас до сих пор принимают единство Анонимных Алкоголиков как должное. По-видимому, мы забываем, что все современное общество пребывает в опасном и заразном состоянии «сухого запоя». Очевидно, мы считаем, что настолько отличаемся от других людей, что нас

разобщенность затронуть не может. Наше единство выглядит как дар небес, которым члены АА будут наслаждаться вечно и безо всяких усилий.

У меня нет намерения критиковать такой взгляд на вещи, ведь он вполне естественен. Он проистекает из того факта, что ни одному обществу в период становления не была ниспослана более чудесная защита от соблазнов и нежелательных происшествий, чем нашему. У нас бывали мелкие неприятности, но ничего достаточно серьезного, чтобы испытать наши окрепшие силы. Так что неудивительно, что мы немного самодовольны и расслаблены. Конечно же, не нужно воспринимать как проявление страха или маловерия предсказание о том, что нам еще, возможно, предстоит куда более долгий период испытаний. Если мы хорошенько обдумаем ситуацию, простое благоразумие и дальновидность именно это нам и скажут.

Двенадцать Традиций Анонимных Алкоголиков – плод нашего общего опыта жизни и совместной работы. Они – приложение принципов Двенадцати Шагов к деятельности и безопасности наших групп. В Традициях говорится о наших взаимосвязях с внешним миром и друг с другом, а также о нашем отношении к власти и славе, имуществу и деньгам. Традиции избавляют нас от соблазнительных альянсов и крупных разногласий; они позволяют ставить принципы гораздо выше личных амбиций. И, в знак отказа от этих амбиций, они настаивают, чтобы мы сохраняли личную анонимность перед лицом общественности – ради защиты АА и в доказательство того, что наше Содружество намерено практиковать подлинное смирение.

В целях информирования широкой публики и наставления новичков Двенадцать Традиций только что были сформулированы в очень сжатой «краткой форме», которую, как мы надеемся, люди будут так же часто читать и так же хорошо понимать, как Двенадцать Шагов к выздоровлению. В таком

случае наши текущие проблемы роста уменьшатся, и мы начнем накапливать для себя солидную страховку на будущие годы.

Итак, разве неуместно будет отвести Неделю Благодарения для обсуждения практической и духовной ценности наших Традиций? Этими благоразумными усилиями мы укрепим свою веру в будущее и покажем, что достойны и дальше получать тот бесценный дар гармонии, который Господь в мудрости своей так щедро ниспосылал Содружеству Анонимных Алкоголиков в важнейшие годы его становления.

Раздел 2: Дополнительные статьи этого периода

В статье под заголовком «Филип Уайли втыкает небольшую шпильку в самодовольство» известный писатель заявляет, что он – алкоголик, который «завязал сам», и упоминает психиатрию и другие научные ресурсы в качестве факторов, помогающих ему оставаться трезвым. Далее следует ответ Билла.

Комментарии к идеям мистера Уайли *(сентябрь 1944 г.)*

Статья Филипа Уайли в этом выпуске «Грейпвайна» заставит любого члена АА полюбить этого человека. Почему? Да потому что он настолько алкоголик! К тому же ни от кого не ускользнет, что автор по натуре щедр и самоотвержен. Позабыв о собственном положении в свете, он не заботится о том, что может подумать общество; он жертвует своей *репутацией*, чтобы показать нам свою *личность*. Этот путешественник, самостоятельно нащупывавший дорогу во мраке, теперь рассказывает, как добрел в безопасное место. Большего мужества и желать не приходится. Мистер Уайли может стать членом АА в тот самый день, когда заявит об этом!

В нашем Содружестве любой человек традиционно имеет неограниченное право на собственное мнение по абсолютно любому вопросу. Его не заставляют соглашаться с кем-либо; если ему угодно, он может не соглашаться ни с кем вообще. Многие члены АА так и делают во время своих «сухих запоев». Поэтому ни одному из нас не стоит волноваться, если он не может полностью согласиться с поистине вдохновляющими рассуждениями мистера Уайли. Скорее имеет смысл поразмыслить о том, что путей к исцелению множество, и любая история или теория о выздоровлении из уст

прошедшего такой путь, несомненно, содержит значительную долю правды. Статья мистера Уайли подобна горе свежих фруктов. Возможно, нам стоит последовать совету домохозяйки, которая говорит: «Съедим, сколько *сможем*, а что не сможем – *законсервируем!*»

Больше всего мое внимание привлекло его упоминание о духовном опыте «по Юнгу», порожденном, по-видимому, «научно-психологической техникой». Какой находкой это стало бы для нас, ежедневно сражающихся с новичками-циностиками! Если бы мы только могли дать такому новичку нужную дозу этой «трансцендентной идеи» и покончить с борьбой! Тогда нам не пришлось бы томиться в ожидании, пока новичок заставит свой разум открыться настолько, чтобы принять хотя бы возможность существования некой Силы, могущественнее себя.

Впрочем, мистер Уайли, придерживаясь широких взглядов, отмечает: не столь важно, что именно приводит к трансформирующему духовному переживанию – главное, чтобы оно сработало для данного человека. Так или иначе, алкоголик должен увидеть себя в достаточно объективном свете, чтобы усмирить свои страхи и отринуть ложную гордость. Если он сможет это сделать посредством собственного интеллекта, а впоследствии сможет и выстроить структуру своей жизни на основе «трансцендентной идеи» – отлично! Однако большинство членов АА сочли бы такой метод совершенно неподходящим. Они подумали бы, что искреннее смирение и вера в величие Божье – куда более сильное лекарство. АА полагается непосредственно на чувства и веру, в то время как научно-интеллектуальный мир старательно избегает этих ресурсов. И все-таки более интеллектуальные техники иногда срабатывают для тех, кто, возможно, никогда не смогли бы принять более сильную дозу. Вдобавок, когда мы чрезмерно гордимся своими достижениями, они напоминают нам, что АА не владеет монополией на возвращение алкоголиков к жизни.

По сути, стало очевидным, что мир науки теперь ценит наши методы больше, чем мы – его методы. В этом плане его сторонники начинают учить *нас* смирению.

Вот какими словами наш друг, доктор Гарри Тьебу, психиатр, завершает свой доклад «Основные приемы Анонимных Алкоголиков» перед Американской психиатрической ассоциацией: «Мне кажется, урок для психиатров ясен: хоть мы и занимаемся эмоциональными проблемами, но как группа, стремящаяся быть разумной, слишком уж не доверяем эмоциям. Когда приходится ими пользоваться, нам неловко и немножко стыдно, и мы всегда оправдываемся перед коллегами, если заподозрим, что у них есть причины считать наши методы слишком эмоциональными. А тем временем другие, менее связанные традициями, идут дальше и добиваются результатов, нам недоступных. Для нас, предположительно непредубежденных ученых, крайне важно проявлять дальновидность и здраво оценивать деятельность других в нашей сфере. Возможно, у нас куда более зашоренный взгляд на вещи, чем мы думаем». И опять-таки повторим его слова: «Религиозный, или духовный опыт – это *акт отказа от надежды на собственное всемогущество*».

Мы, члены АА – люди, вроде как, отказавшиеся от *всего* своего «всемогущества». Так что я уверен, что статью мистера Уайли будут читать с интересом и вниманием, которых он заслуживает!

Неизбежный результат *(октябрь 1944 г.)*

Кто-то сказал: «Учитывая, насколько вы можете развиться и скольким людям принести выздоровление, я думаю, что в итоге побочные результаты деятельности АА окажутся шире самого АА».

Теперь мы повсюду слышим подобное – от самых разных людей. Врачи подумывают о применении наших методов в лечении других нервнобольных; священники размышляют, не сможет ли наш скромный пример вдохновить их прихожан; бизнесмены считают, что мы хороши как управляющие персоналом, и видят проблеск новой производственной демократии; деятели просвещения видят силу в нашем бесконфликтном способе представления истины; а наши друзья с легкой завистью говорят: «Жаль, что мы не алкоголики – нам тоже нужно АА!»

К чему бы все эти волнения? Уверен, они означают, что мы неожиданно стали чем-то гораздо большим, чем просто выздоровевшими алкоголиками и членами АА. Общество начинает надеяться, что мы будем использовать во всех сферах жизни чудесный опыт своего случившегося почти в одночасье возвращения из ужасной страны Небытие.

Да, мы снова стали гражданами мира. А мир этот – безумный, измотанный и сомневающийся. Он боготворил собственную самостоятельность – и это его подвело. Мы, члены АА, прежде делали то же самое, и такая философия подвела и нас. Так что наш пример выздоровления, возможно, может и чем-то помочь. Как частные лица мы несем определенную ответственность – может статься, даже *двойную.* Возможно, нас ожидает некий неизбежный результат.

Вот пример. Недавно к нам пришел доктор Э.М. Джеллинек из Йельского университета и сказал: «Как вам известно, Йель спонсирует программу общественного просвещения по проблеме алкоголизма абсолютно недискуссионного характера. Поэтому нам необходимо сотрудничество большого числа

членов АА – ведь просто немыслимо вести подобный просветительский проект без вашего опыта, рвения и помощи!»

Итак, когда был сформирован Национальный комитет по антиалкогольному просвещению (теперь это Национальный совет по алкоголизму), его исполнительным директором стала Марти М. – один из наших старейших и лучших товарищей. Как член АА она интересуется нами точно так же, как и раньше – Содружество остается ее страстью. Но как сотрудник спонсируемого Йелем Национального комитета она заинтересована и в просвещении широкой публики насчет алкоголизма. Полученный в АА опыт прекрасно подготовил ее для этой должности в другой организации. Общественное антиалкогольное просвещение – ее призвание.

Но можно ли члену АА заниматься такой работой? Сначала Марти и сама задавалась этим вопросом. Она спросила у друзей по Содружеству: «А не будут ли ко мне относиться как к профессионалу АА?» На что ей ответили: «Марти, если бы ты пришла к нам с предложением стать врачом, чтобы напрямую продавать АА клиентам-алкоголикам, то мы, да и все остальные, конечно, назвали бы это профессионализмом. Но Национальный комитет по антиалкогольному просвещению – совсем другое дело. Ты будешь применять свои природные способности и опыт АА в совершенной иной сфере. На наш взгляд, это никак не повлияет на твой статус в Содружестве. А что если бы ты стала соцработником, менеджером по персоналу, управляющей пансионата для алкоголиков или даже священнослужителем? Разве кто-нибудь сказал бы, что своей деятельностью ты превращаешь АА в профессию? Разумеется, нет!»

А потом ее друзья продолжили: «Тем не менее, мы надеемся, что Содружество как таковое никогда не будет отклоняться от своей единственной цели – помогать другим алкоголикам. *Как организация* мы не должны выражать никакого мнения по другим вопросам, кроме исцеления проблемных

границ. Эта очень разумная общенациональная политика уже избавила нас от кучи бессмысленных хлопот и, несомненно, предотвратит несчетное множество сложностей в будущем. И все же, хотя само АА должно всегда иметь лишь одну цель, мы в равной степени убеждены: *для отдельно взятого члена Содружества не должно быть никаких ограничений, кроме собственной совести.* Он должен иметь полное право выбирать, каких взглядов придерживаться и чем заниматься вне АА. И если он сделает хороший выбор, товарищи по АА всегда это одобрят. Марти, мы думаем, что в твоем случае будет именно так. Твоим реальным спонсором будет Йельский университет, но мы уверены: куда бы ты ни отправилась, ты будешь встречать горячую личную поддержку тысяч членов АА. Все мы будем думать о том, насколько больше шансов будет у этого нового поколения потенциальных алкоголиков благодаря твоей работе и как многое в свое время могло бы сложиться иначе у нас самих, если бы наши родители по-настоящему понимали природу алкоголизма!»

Лично я считаю, что друзья Марти дали ей мудрый совет, четко различая узкий круг деятельности самого АА и широкие горизонты, открытые отдельному члену Содружества, который действует по собственной инициативе. По всей вероятности, они правильно провели грань между тем, что считается у нас профессионализмом и непрофессионализмом.

Уважаемая мама «Д.»!

Не могу выразить, как глубоко затронуло мою душу Ваш письмо в журнал «Грейпвайн» о своем сыне-алкоголике!

Каких-то десять лет назад моя собственная мать, прожи многие годы в отчаянном замешательстве, потеряла всяку надежду. К тому моменту я, давно уже ставший проблем ным пьяницей, дошел до ручки. Один превосходный докто мрачно произнес: «Навязчивая тяга к пьянству, быстро ус губляющаяся – безнадежен». Мой случай этот доктор опись вал примерно так:

«У Билла есть скрытые дефекты личности... эмоционал ная сверхчувствительность, ребячливость, чувство соб твенной неполноценности. Это очень реальное чувств усиливается его детской чувствительностью; именно такс положение дел и порождает в нем ненасытную, ненормал ную жажду самодовольства и успешности в чужих глаза Он до сих пор остается ребенком и хочет невозможного. Н невозможное, похоже, ему недоступно!

Открыв для себя алкоголь, он нашел в нем нечто горазд большее, чем находят люди нормальные. Для него спиртно – не просто способ расслабиться; оно приносит ему осв бождение – освобождение от внутреннего конфликта. Ем кажется, что алкоголь дарит свободу его беспокойному дух

Взглянув на вещи таким образом, мы, нормальные, може представить себе, как эта неконтролируемая привычка поро перерастает в настоящую одержимость – как и произошло случае Билла. Как только он достигает точки одержимост алкоголь затмевает все остальное. Поэтому теперь он выгля дит полнейшим эгоистом и аморальной личностью. Он буде лгать, жульничать, воровать и делать что угодно ради своег пьянства. Разумеется, окружающие шокированы и уж саются, потому что считают его действия умышленным Но это далеко не так. Истинный портрет Билла таков: он

шенстве и силе рухнули. Сейчас, став жертвой своей одер мости, он – просто маленький мальчик, который плачет с в темной чужой комнате и мучительно ждет, пока мама – Бог – придет и зажжет свет».

Должен Вам признаться, мама «Д.», что, возможно, нек рые из этих слов в уста доктора вложил я сам. Но это и жизнь алкоголика, которой я жил.

Были ли у меня изъяны характера в период алкоголиз Конечно. Был ли я тогда больным человеком? Да, очень б ным!

Я не знаю, в какой степени лично я был повинен в собст ном пьянстве. Однако я не склонен целиком прикрыва мыслью о том, что был просто болен. В ранние годы пьян и, несомненно, имел некоторую свободу воли. И этой во и пользовался плохо – к огромному горю моей матери и численного множества других людей. Из-за этого мне оч стыдно.

Возможно, Вы немного знаете меня и слышали о том, десять лет назад ко мне пришел один друг, сам выздоро ший от алкоголизма, и принес с собой *свет*, который в и вывел меня из западни.

Я уверен, что для Вас и Вашего сына тоже обязател настанет такой день!

Всегда Ваш,

Билл У.

Ох уж эти таблетки... *(ноябрь 1945 г.)*

Морфин, кодеин, хлоралгидрат, фенобарбитал, секонал, нембутал, амитал – эти и подобные препараты убили множество алкоголиков. Я сам тоже когда-то едва не убил себя хлоралгидратом. Мои наблюдения и опыт не уникальны – многие ветераны АА могут убедительно и с жаром высказаться на тему таблеток.

За исключением редких попыток суицида, никто не принимает таблетки в ожидании смерти. Множеству алкоголиков во времена пьянства они приносили благословенное облегчение от похмельных мучений.

Некоторые из нас, сохраняя абсолютную трезвость много месяцев или даже лет, приобретают привычку принимать седативные средства для борьбы с бессонницей или легкой нервной раздражительностью. У меня сложилось впечатление, что кое-кто из нас таким образом год за годом пытается убегать от проблем – точно так же, как в начале своего пьянства. Однако опыт слишком часто показывает, что даже «контролируемый» любитель таблеток может выйти из-под контроля. И тогда его жизнь начинают отравлять те же самые безумные самооправдания, которые прежде сопровождали его пьянство. Он думает, что, если таблетки помогают от бессонницы, то могут помочь и от чувства тревоги.

А теперь пару слов о применении морфина медиками. Иногда врач-терапевт, не зная, что его пациент уже принимает барбитураты, делает ему укол морфина. Так умер один мой друг. Он был трезв около трех лет, а потом у него случился эмоциональный кризис. Таблетки привели к алкоголю, а их сочетание – к еще большему количеству таблеток. Доктор обнаружил у него проблемы с сердцем и сделал укол. Через несколько часов этого прекрасного друга не стало. У другого моего близкого друга, тоже не пившего три года,

также наступила черная полоса – таблетки и алкоголь. Через три недели такой диеты однажды вечером его поместили в психиатрическую клинику, и никто не сказал доктору о препаратах, которыми уже был перегружен его организм. Чтобы «облегчить» состояние пациента, ему сделали укол кодеина, и он умер еще до рассвета.

Ближе к концу моего собственного пьянства я пережил тревожный опыт. Для избавления от ужасного похмелья мне прописали хлоралгидрат. Доктор предупредил, чтобы я строго придерживался указанной дозы. Однако я завладел пузырьком и, пока жена спокойно спала рядом, вытащил его из-под матраса и проглотил все содержимое. Тогда я едва не умер. Мораль такова: если доктор оправданно прописывает седативный препарат, не давайте алкоголику весь пузырек!

По сути дела, наших друзей-медиков редко стоит винить в страшных результатах лечения, которые так часто имеют место среди нас. Алкоголики слишком легко могут купить эти опасные таблетки; а добыв их, пьяница склонен их принимать совершенно бездумно. Иногда его друзья, не в силах видеть его страдания, с самыми благими намерениями дают ему таблетки. Это крайне опасная вещь!

Также опасно давать мучающемуся алкоголику выпить, если он уже принял таблетки. Много лет назад у меня был такой опыт. В нашем городе был один алкаш, назовем его Слим. Он наконец-таки согласился лечь в больницу. По пути туда он выпил – но совсем немного, по сравнению со своей обычной нормой. И вот, не успели мы дойти до больницы, как язык у Слима внезапно начал сильно заплетаться, и он потерял сознание. Мне пришлось позвать носильщика, чтобы помочь погрузить его в такси. Я совершенно не понимал, что происходит – ведь обычно он мог осилить пару бутылок за день и остаться на ногах. Когда мы прибыли в больницу, Слим все еще лежал на сиденье, и я не мог сдвинуть его с

места. Навстречу вышел наш добрый друг доктор Силкуорт и заглянул в такси. Ему хватило одного взгляда, и он спросил меня: «У парня проблемы с сердцем?» Я уверенно ответил: «Да он здоров, как бык – сам так говорит. Но я не понимаю, почему он так быстро опьянел. Я ведь дал ему выпить совсем чуть-чуть!» Доктор достал стетоскоп. Потом, повернувшись ко мне, он сказал: «Не было особого смысла привозить сюда этого человека – долго он не протянет. Что он еще принимал, кроме спиртного?» Потрясенный, я ответил: «Ничего, насколько я знаю...»

Санитар с величайшей осторожностью внес Слима внутрь. Доктор снова достал стетоскоп, послушал и покачал головой: «Этот бедняга уже много дней накачан барбитуратами. Когда ты дал ему алкоголя, пусть и немного, это активизировало весь накопившийся в его организме запас седативных. Видишь, как он посинел? Его сердце не работает по-настоящему – оно просто трепещет. Я даже не могу сосчитать пульс».

Доктор бросился к телефону и позвонил жене Слима. К моему ужасу, она подтвердила, что он уже дней десять принимал большие дозы амитала. Доктор мягко сказал ей, что ей лучше поскорее приехать, иначе может быть поздно. Потом он вызвал для консультации знаменитого кардиолога и тоже попросил его поторопиться. Слима отнесли наверх и положили на постель. Прибыл вызванный известный специалист. Как только он прослушал Слима, его лицо стало очень серьезным, и он, выведя нас в коридор, сказал, что пропишет лечение, но не думает, что мой друг доживет до утра. Доктор Силкуорт согласился с ним.

Пока все это происходило, я молился так, как никогда раньше. Когда оба доктора вынесли Слиму смертельный приговор, я сказал им о своих молитвах и объяснил, насколько мог бодро, что читал книгу доктора Алексиса Карреля «Человек. Неизвестное», в которой говорится, что молитва способна

называть чудесные исцеления. Знаменитый кардиолог удалился, а мы с доктором Силкуортом спустились вниз, чтобы подождать, пока доставят прописанные лекарства. Наконец, посыльный принес из аптеки две ампулы. Доктор посмотрел на них и сказал, что ненавидит их давать, потому что они очень сильнодействующие. Затем мы поднялись наверх и тут, выйдя из лифта, увидели человека, идущего по коридору и беспечно попыхивающего сигаретой. «Привет, ребята!» окликнул нас Слим. – «А чем я здесь, по-вашему, должен заниматься?»

Никогда не забуду, какое облегчение и изумление отразилось на лице доктора, когда он быстро прослушал сердце Слима. Потом, посмотрев на меня, он сказал: «Сейчас сердце парня в норме, а пятнадцать минут назад я не мог сосчитать пульс. А ведь я считал, что отлично знаю сердца алкоголиков! Но ничего подобного я не видел никогда в жизни! Просто не могу этого понять!» Никто не может сказать, какое чудо спасло Слима. Через несколько дней он вышел из больницы без каких-либо дурных последствий случившегося.

Что касается меня, я усвоил полученный тогда урок. Никаких больше таблеток без предписания доктора – это не для меня. Нет уж, спасибо!

Авантюра с изданием книги обернулась разочарованием *(июль 1947 г.)*

Летом 1938 года мы выпрашивали у зажиточных людей пожертвования, чтобы наполнить свои новые большие закрома – Фонд АА. И опять-таки мы столкнулись со странным безразличием к судьбе алкоголиков. Это никому не было интересно. Насколько помню, мы не собрали ни гроша и весьма приуныли, думая, что Провидение явно от нас отвернулось. Скромная сумма, пожертвованная мистером Рокфеллером, заканчивалась, и было похоже на то, что зимой мы будем бедствовать. Не будет ни книги, ни офиса... «Что толку в Фонде АА без денег!» – жаловались мы.

К тому времени имелись наброски, которые теперь стали первыми двумя главами книги «Анонимные Алкоголики». Наш друг Фрэнк свел нас с известным издателем, который предложил возможность предварительной выплаты мне авторского гонорара, чтобы мы закончили книгу. Мы были в восторге – пока не осознали, что, если я потрачу значительную часть гонорара во время написания книги, у нас еще долгое время может не быть никаких денежных поступлений. Кроме того, мы поняли, что мой десятипроцентный гонорар не покроет офисных расходов на обработку запросов о помощи, которые обязательно начнутся после выхода книги в свет. К тому же коммерческий издатель, стремящийся к крупным продажам, возможно, рекламировал бы книгу не так, как нам бы хотелось.

Эти размышления привели нас к типичной фантазии алкоголика! Почему бы не издать книгу самим? И хотя почти все, кто был хоть немного знаком с издательским делом, говорили нам, что дилетанты чаще всего терпят фиаско, это нас не смущало. «На этот раз все будет иначе!» – отвечали мы. Мы уже выяснили, что чистая сумма издержек на печать книги – лишь доля ее розничной цены; к тому же один популярный

национальный журнал предложил опубликовать статью о нас, когда книга будет готова. Это стало решающим доводом. Как же мы можем потерпеть неудачу? Мы уже видели, как книги продаются сотнями тысяч, и деньги так и плывут в руки!

Итак, мы развернули бурную деятельность. Я и один товарищ по АА поспешно организовали компанию «Воркс Паблишинг». Мой друг Хэнк П. купил в магазине канцтоваров пачку акционерных сертификатов, и мы с ним начали продавать их собратьям-алкоголикам и вообще любому, кто соглашался их купить по льготной цене – двадцать пять долларов за акцию. Наша уверенность была, должно быть, безграничной. Мало того, что мы продавали акции на книгу по исцелению пьяниц – сама книга еще даже не была написана. Удивительно, но мы все-таки распродали акций на четыре с половиной тысячи долларов – алкоголикам Нью-Йорка, Нью-Джерси и их друзьям. Ни один из сорока девяти первоначальных подписчиков не вложил больше трехсот долларов. Почти все выплачивали свои взносы помесячно, так как были слишком бедны, чтобы сделать это сразу – за исключением, конечно же, наших добрых друзей из Рокфеллер-центра.

С подписчиками на ценные бумаги компании «Воркс Паблишинг» у нас была договоренность, что они получат свои деньги обратно с первых доходов от продаж книги, а также, что Фонд АА получит десятипроцентный авторский гонорар, который я мог бы получить от издателя. Что касается акций компании, одной третью их владели сорок девять подписчиков, внесших наличные; еще одной третью – мой друг Хэнк; и еще одной третью – я. Мы также заняли две с половиной тысячи долларов у Чарльза Б. Таунса, владельца знаменитой на всю страну больницы для алкоголиков. Ему, настоящему другу, пришлось ждать годы, чтобы получить свои деньги обратно.

Однако, как любому было понятно, все у нас шло хорошо – все, кроме написания и продажи самой книги! Но надежд

было много. Новые финансовые поступления позволили нам содержать маленький офис в Нью-арке, штат Нью-Джерси. Там я начал диктовать текст книги нашему первому национальному секретарю Рут Хок. Полные оптимизма, мы представляли себе, как деньги потекут к нам рекой, стоит лишь книге выйти. Более того, мы ожидали, что книга кардинально изменит ситуацию и поможет финансировать наш бедствующий Фонд – что, как ни странно, действительно произошло годы спустя.

Наконец, настал апрель 1939-го. Книга была готова. Вошедшие в нее истории исцеления предоставили Доктор Боб и его собратья из Акрона, а также ньюйоркцы и ньюджерсийцы; одна поступила из Кливленда, еще одна – из Мэриленда. Главы книги зачитывались и обсуждались на собраниях. Я считал себя автором текста, пока не обнаружил, что я лишь посредник в столкновении разных мнений. После бесконечных голосований по поводу названия для этого труда было решено озаглавить книгу «Выход есть». Но Фитц М., наш собрат-алкоголик из Мэриленда, выяснил в библиотеке Конгресса, что это название уже носят аж двенадцать книг. Естественно, нам не хотелось, чтобы наша книга стала тринадцатой! Так что вместо этого она получила заглавие «Анонимные Алкоголики». Тогда мы еще не знали, что таким же будет и имя самого нашего движения – имя, благодаря своему подтексту смирения и скромности подарившее нам драгоценный духовный принцип анонимности.

И вот пять тысяч экземпляров книги уже лежали на складе типографии – не считая тех, которые мы радостно раздавали. Каждый акционер и каждый автор историй получили по книге бесплатно. Газета «Нью-Йорк Таймс» опубликовала хорошую рецензию. Тогда мы бросились в редакцию популярного национального журнала, обещавшего нам статью, чтобы сообщить, что у нас все готово. Мы уже прямо-таки видели, как наши книги распродаются вагонами!

И какое же горькое разочарование нас ожидало! В редакции нам вежливо сказали, что девять месяцев назад совсем забыли известить нас о том, что решили не печатать о нас никаких материалов. Редакторы пришли к выводу, что пьяницы – слишком уж спорная тема! Это сокрушительное известие нас шокировало. Все движение Анонимных Алкоголиков могло купить не более сотни книг, ведь у нас насчитывалась лишь сотня членов. А мы вдобавок еще и раздали семьдесят девять книг бесплатно! Что же нам было делать с тысячами остальных? Что сказать типографии, чей счет наполовину оставался неоплаченным? А как же тот заем в две с половиной тысячи долларов и те сорок девять подписчиков, которые вложили в акции «Воркс Паблишинг» четыре с половиной тысячи? Как сообщить им эту ужасную новость? Как сказать им, что, поскольку у нас не получается с рекламой, мы не сможем продать книги? Да уж, боюсь, эта книжная авантюра была очень алкогольической!

Так наша замечательная книга «Анонимные Алкоголики» обанкротилась сразу же после появления на свет. Некоторые из кредиторов забеспокоились; дошло до того, что в нашем офисе в Нью-арке появился шериф. Учредители оказались в крайне трудном положении – в финансовом плане и не только. Дом в Бруклине, где жили мы с женой, перешел к банку, и мы разместились в летнем лагере, который одолжил нам друг по АА Гораций С. с семьей. У моего друга Хонка дела шли не лучше. Наши перспективы определенно выглядели мрачными. У нас до сих пор было всего три действующих группы, и вдобавок появились: книга-банкрот; не оплачиваемый, но преданный секретарь; крошечное Центральное бюро, которое в любой момент могло вынужденно закрыться; и, наконец, Фонд без гроша. Вот такие результаты были у нас после четырех лет существования Содружества.

А можно мы тоже вступим в АА? *(октябрь 1947 г.)*

Дорогие члены АА!

У нас с Доктором Бобом есть одна проблема, и нам хочется искренне поделиться ею с вами.

На самом деле, у Содружества множество «основателей» – мужчин и женщин, без чьего особого вклада АА, возможно, никогда бы не возникло. Но каким-то образом получилось, что титул «основателей», похоже, приклеился в основном ко мне и Доктору Бобу. Может быть, причина в недостаточной распространенности информации о ранних днях АА. Такое отношение хоть и подталкивает членов Содружества несколько отделять нас от общей массы собратьев, но очень трогает нас обоих. Безусловно, у нас больше причин быть благодарными, чем у кого-либо в мире. Однако мы начинаем спрашивать себя, не навредит ли АА такое избыточное внимание к нашей особе в долгосрочной перспективе. Разумно ли так выделять «основателей»?

Возможно, наше Содружество станет новым видом человеческого общества. АА может оказаться в неизвестной пока степени способным функционировать на основе силы собственных фундаментальных принципов, а не власти или вдохновения отдельных лидирующих индивидуумов. Таким образом, целое может стать важнее любой из его частей, а неизменные единство и успех могут зависеть, по большей части, от Бога в нашем понимании, действующего через сердца тысяч людей, а не единиц.

В глубине души я считаю, что мы, члены АА, начали ощущать эту радужную перспективу. У нас наблюдается ряд знаков и предвестников уникального будущего: растущая убежденность в том, что активное лидерство должно быть переходящим, поочередным; в том, что каждая группа в собственных делах должна руководствоваться исключительно своей совестью; в том, что наши комитеты и советы – на

самом деле наши слуги, а не чиновники; в том, что нам как движению следует оставаться бедными, тем самым избегая рисков растлевающего богатства; в том, что отдельные члены АА должны оставаться анонимными перед широкой публикой. Такие принципы однозначно оставляют мало места для авторитетного лидерства.

Кто-то скажет: «Но как же нам реализовать этот замысел, когда большинству обществ приходится в значительной степени полагаться на систему управления, деньги и широко известных лидеров, обладающих мощным личным влиянием?» Невероятно, но на наших глазах эти мечтания начинают воплощаться. Невзирая на то, что мы все так же опасаемся крупных денежных накоплений и личной славы под именем Анонимных Алкоголиков, наше Содружество продолжает расти без тех факторов, подчас нестабильных, от которых так часто зависит успешность других человеческих начинаний.

Почему же у нас это получается? Потому что мы – сверхлюди? Едва ли! Мы далеко не лучше среднего человека и, безусловно, куда более уязвимы. Наша групповая сила, похоже, странным образом проистекает из нашей индивидуальной слабости, которая потенциально остается всегда. Мы – алкоголики. Хоть мы и выздоровели, но для нас всегда существует вероятность новой личной катастрофы. Каждый из нас знает: чтобы не запить снова, ему нужно поддерживать в себе высокую степень честности, смирения и терпимости. Для нас пить – значит, умереть, а любить Бога и ближних – значит, жить.

В таких суровых условиях невозможное становится возможным. Когда жизнь каждого члена АА буквально зависит от его неэгоистичного служения другим, а ложная гордость, жалость к себе и нездоровое своекорыстие почти наверняка нещадно караются зеленым змием, ему нужен лишь самый минимум придуманных людьми правил и вдохновляющих

лидеров, чтобы удержаться на верном пути. К тому же он не склонен продолжать пагубные для единства АА действия долгое время. Ведь он отлично знает, что нам, членам АА, приходится держаться вместе, чтобы не погибнуть поодиночке! Поначалу он ведет духовную жизнь, потому что так надо, но вскоре начинает ее вести, потому что так хочет. Таковы поистине судьбоносные обстоятельства, в которых мы все очутились; именно поэтому мы начинаем видеть в АА новые ценности. В своих рядах мы ощущаем *царство духовности*, которое мало затрагивают такие отвлекающие факторы, как богатство или своекорыстный эгоцентризм.

В этом свете давайте взглянем на Доктора Боба и меня иначе. Похоже, чем больше растет АА, тем больше люди склонны подчеркивать нашу личную роль в его создании и функционировании. Наш статус остается чем-то исключительным. Чуть ли не все другие ветераны АА уже давно отошли на задний план, где, если доверие к ним еще сохраняется, с ними часто консультируются. По общему согласию они стали неофициальными тренерами, кладезями обширного опыта, к которым обращаются в трудных ситуациях. А кузницу этих ценных кадров теперь обслуживают новые команды, которые тоже сыграют свою роль и уйдут со сцены. Мы думаем, что так и должно быть.

Доктор Боб и я считаем, что этот здравый подход должен быть применим и к нам. Мы не видим веской причины делать из «основателей» исключение. Чем дольше мы, ветераны, занимаем центральное место на сцене АА, тем более рискованные создаем прецеденты для высоко персонализированного и неизменного лидерства. Но разве это не та самая вещь, которой нам следует старательно избегать ради будущего АА? Разумеется, мы с Доктором Бобом не собираемся игнорировать всю ответственность, все еще лежащую на нас. Напротив, сегодня наша главная миссия, по всей вероятности, в том, чтобы помочь Содружеству выработать здоровые

традиции. Но как мы можем, к примеру, отстаивать традиционный принцип ротации в служении, одновременно допуская убеждение, будто мы сами должны оставаться постоянными исключениями? Конечно, не можем!

Взять, например, мою личную ситуацию. Как вы знаете, в последнее время мое здоровье улучшилось, и я собираюсь на крупную региональную конференцию. И сразу же начали приходить теплые, но очень настойчивые приглашения выступить на мероприятиях по всей Северной Америке. Поскольку большинство членов АА по натуре – коммивояжеры, давление на меня просто колоссально.

Чудесно чувствовать, что ты так нужен людям! Однако эти просьбы ставят меня в крайне сложное положение. Говоря откровенно, как я могу выступить на десяти юбилейных вечерах и отказаться от девяноста таких же? Как мне подготовить специальные аудиозаписи или телефонные речи для всех этих мероприятий? Как ответить на все письма, которые я получаю? Как дать совет сотням отдельных людей и групп насчет их особых проблем? Это физически невозможно! И даже если бы я каким-то образом мог все это осилить и тем самым неопределенный срок оставаться центром дел АА, то было бы это наилучшим вариантом для Содружества в долгосрочной перспективе? Уверен, вы согласитесь, что нет.

Так что наша с Доктором Бобом общая проблема сводится к следующему: нам придется как-то решить, для выполнения каких конкретных немногих задач в АА мы с ним все-таки особенно подходим, и сосредоточиться на них, насколько позволит здоровье.

Что касается меня, я считаю, что мне следует гораздо больше писать: статьи для «Грейпвайна», брошюры, а может, и новую книгу на важнейшую тему – о единстве АА. Эти материалы должны давать много информации о наших развивающихся Традициях и центре общего обслуживания АА, о котором мало что известно. Также мне хотелось бы время

от времени присутствовать на самых крупных региональных мероприятиях, чтобы обсудить эти вопросы с как можно большим числом членов Содружества.

В течение следующих двух-трех лет желательно бы расширить базу нашего нью-йоркского центра общего обслуживания, чтобы можно было проводить ежегодное совещание с участием иногородних членов АА, попечителей Фонда, команды Центрального бюро АА и редакции журнала «Грейпвайн», которое называлось бы Конференцией по общему обслуживанию Анонимных Алкоголиков. Помочь организовать такую конференцию – это будет серьезной задачей, ради которой нам, может быть, потребуется посетить целый ряд крупных центров АА по всей стране.

Из соображений блага для всего Содружества нам кажется, что эти задачи – самое необходимое, чем мы должны заняться. Уверен, если мы будем стараться реализовать эти проекты полностью, то едва ли сможем делать что-то еще. Для успеха нам нужно будет иметь настоящую свободу решений и поменьше отвлекающих факторов. Поэтому мы просим вашего чистосердечного сотрудничества.

Хоть нам с Доктором Бобом и предстоят эти задания, мы хотим признаться вам в своем потаенном желании: как отдельным членам АА нам частенько хочется просто прийти и побыть среди вас, как все остальные, без особого внимания к нашей персоне. Конечно, мы желаем, чтобы у нас навсегда сохранилось чувство глубокой радости от того, что нам выпало быть в числе инициаторов нашего движения; но все-таки мы надеемся, что вы начнете думать о нас всего лишь как о ветеранах АА, а не «основателях».

Так можно мы тоже вступим в АА?

Всегда ваш,

Билл.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: 1950-1958 гг.

1950 год ознаменовался двумя знаковыми событиями в жизни Содружества Анонимных Алкоголиков: в июле на Первом международном съезде в Кливленде были приняты Двенадцать Традиций АА, а шестнадцатого ноября умер Доктор Боб.

В последующие пять лет Билл как со-основатель сосредоточил свою энергию, главным образом, на обеспечении будущего АА путем укрепления структуры его обслуживания. В 1950 году они с Лоис провели полтора месяца в Европе и навестили группы АА в нескольких странах. Европейское Содружество процветало; однако обнаруженные Биллом расхождения в методах АА разных стран укрепили его уверенность в необходимости структуры, которая позволила бы Содружеству выстоять. Он вернулся в Северную Америку, убежденный, что нужно сделать литературу АА доступной, поощрять лидерство на местах и расширять службы.

В этих целях Билл, как он сам пишет в книге «АА взрослеет», «заручившись одобрением попечителей и Доктора Боба, объездил страну с планом насчет Третьего Завета...» В апреле 1951 года состоялась первая Конференция по общему обслуживанию; это стало началом пятилетнего экспериментального периода, закончившегося в июле 1955 года, когда на двадцатом юбилейном съезде в Сент-Луисе ответственность за всемирное обслуживание АА, которую до той поры несли на своих плечах ветераны, была передана в руки Содружества в целом.

Раздел 1: Возмужание АА

Мы приближаемся к зрелости *(октябрь 1949 г.)*

Анонимным Алкоголикам четырнадцать лет, но никто не считает, что мы только вступаем в пору юности. Напротив – мы приближаемся к зрелости. Поэтому наши проблемы и обязанности как Содружества растут. Становится ясно, что мы не сможем вечно оставаться неуязвимыми для страшного давления, раздирающего на части современное общество. Подобно другим человеческим сообществам, мы, без сомнения, будем испытывать соблазн вмешаться в серьезные споры. Возможно, кто-то из нас будет искать славы и богатства за счет Анонимных Алкоголиков. Мы будем чувствовать искушение нападать на тех, кто нападает на нас; жаждать объединиться с могущественными друзьями; желать создавать законы, тем самым вмешиваясь в политику... Трудно будет оставаться нейтральными в конфликте науки и религии; возможно, кому-то захочется, чтобы АА разделилось на сектантский манер. А по мере роста популярности АА нам обязательно будут предлагать опасные крупные дары в денежной форме, и мы можем забыть о своей решимости оставаться бедными. Вполне возможно, что эти проблемы станут критическими в период зрелости АА – уже сейчас видны их проблески.

Тем не менее, я горячо убежден, что Анонимные Алкоголики переживут все бедствия и испытания временем – до тех пор, пока мы нужны Богу. Моя вера в наше будущее основана на неоспоримых фактах нашего опыта.

Во-первых, мы тихонько наблюдаем чудо выздоровления восьмидесяти тысяч человек и видим, что каждому из нас милостивый Бог даровал возможность достичь невозможного. В жизни каждого из нас гармония безоговорочно возобладала над прежним хаосом. Это дар Божий лично нам, но

мы, несомненно, можем ожидать такой же гармонии и для всего Содружества, если будем этого достойны.

Во-вторых, мы уверены: в мире не меньше миллиона алкоголиков, которые могли бы присоединиться к АА уже завтра, если бы только знали о нашей деятельности. Мы остро осознаем, что любая серьезная разобщенность среди нас может мгновенно разочаровать десятки тысяч людей, которые снова впадут в отчаяние. Поэтому богатство, власть и общественные дискуссии, одинаково ведущие к расколу, не для нас. Слишком многие люди из «миллиона тех, кто еще о нас не знают» неминуемо погибли бы из-за этого.

Вот почему наша Пятая Традиция гласит: «Каждая группа Анонимных Алкоголиков должна быть духовным объединением, *имеющим лишь одну главную цель* – нести наши идеи тем алкоголикам, которые все еще страдают».

До тех пор, пока мы благодарны за то, что выпало на нашу долю, и пока эта Традиция о единственной высокой цели неизгладимо запечатлена в наших сердцах, за судьбу АА можно быть спокойными, ведь тогда мы достойны милости Божьей.

Мы повзрослели *(сентябрь 1950 г.)*

На праздновании пятнадцатой годовщины АА все поняли что мы повзрослели. В этом не могло быть ни малейшего сомнения. Семь тысяч человек – члены АА, их родные и близкие – провели три вдохновляющих, почти фантастических дня в гостях у наших добрых хозяев в Кливленде.

Ведущей темой нашей Конференции была благодарность; основная идея заключалась в четком осознании того, что теперь мы все сплотились как один по всему миру. Как никогда прежде, мы подтвердили, что посвятим свою деятельность единственной цели – нести идеи АА миллионам тех, кто еще о нас не знает. И, утвердив Традиции Анонимных Алкоголиков, мы попросили Бога, чтобы наша совершенная гармония, милостью Его, сохранялась до тех пор, пока мы Ему нужны.

Что именно мы делали в эти дни? У нас было много разных собраний. Например, собрание с участием медиков. Наш самый первый большой друг доктор Силкуорт не смог приехать, но вместо него замечательно выступил его коллега из нью-йоркской больницы Никербокер, доктор Мейер Тексон, рассказавший о том, какие отношения лучше всего наладить с нами больнице общего профиля. Свои утверждения он подкреплял подробным описанием того, как за последние четыре года в их больнице пять тысяч алкоголиков получили поддержку наставников, были обработаны и отпущены под крыло АА, и все это – к великому удовлетворению всех заинтересованных сторон, включая саму больницу, чья администрация восхищена результатами и особенно рада тому, что ее скромные счета неизменно оплачиваются. Пять тысяч пьяниц действительно платят по своим счетам – это же неслыханно! Затем доктор Тексон немного поведал нам о том, как в больнице Никербокер понимают болезнь под названием «алкоголизм»; он сказал, что это определенное расстройство личности, сопровождающееся физической тягой. Это, несомненно,

показалось большинству из нас разумным. Вдобавок доктор Тексон хорошенько припугнул потенциальных «срывных», упомянув об опасности для их печени. Он сказал, что этот терпеливый орган при продолжении пьянства непременно заболеет циррозом. Кроме того, он сообщил нам и кое-что абсолютно новое о соленой воде: по его словам, в организме каждого сорвавшегося алкоголика огромная солевая недостаточность, отсюда и жажда еще большего количества спиртного. Получается, стоит лишь накачать пациента соленой водой – и он утихомирится. Само собой, мы подумали: «Так почему бы не подсадить всех пьяниц на соленую воду вместо выпивки? Тогда можно было бы одним махом решить проблему алкоголизма во всем мире!» Но это была уже наша идея, а не доктора Тексона. А ему – огромное спасибо!

Теперь о собрании, посвященном производственным вопросам. Его вели члены АА Джейк Х. из металлургической компании «Ю-Эс Стил» и Дэйв М. из химической компании «Дюпон». А завершил заседание мистер Луи Зельтцер, редактор газеты «Кливленд Пресс», сорвавший бурные аплодисменты. Джейк как сотрудник «Ю-Эс Стил» рассказал, что его компания действительно думает об АА – и это были только хорошие слова. Джейк отметил нашу колоссальную коллективную способность зарабатывать, которая ежегодно приносит нам от четверти до половины миллиарда долларов. Вместо того чтобы сидеть на шее у общества и действовать ему на нервы, мы теперь, по большей части, стали первоклассными работниками, которые за год повышают благосостояние нашей страны в среднем на четыре тысячи долларов каждый. Дэйв М., кадровый работник компании «Дюпон», уделяющий особое внимание проблеме алкоголизма в ней, поведал нам о том, что «новый взгляд» на серьезное пьянство изменил для компании и ее сотрудников всех рангов. По словам Дэйва, его компания очень верит в АА. Но, бесспорно, самым волнующим на промышленном семинаре стало выступление редактора

Луи Зельтцера, который говорил как работодатель, гражданин и газетчик-ветеран. Это было чуть ли не самое трогательное выражение полнейшего доверия к АА, когда-либо слышанное нами. Это было, можно сказать, даже слишком хорошо, потому что подтекст речи мистера Зельтцера немного нас встревожил. Как же мы, уязвимые алкоголики, сможем соответствовать его огромным надеждам на наше будущее? Мы призадумались – может быть, репутация АА уже намного превосходит наши реальные качества?

Потом было замечательное заседание на тюремную тему. Наш большой друг Надзиратель (Клинтон) Даффи поведал поразительную историю пятилетнего существования нашей первоначальной группы в тюрьме Сен-Квентин. Его выступлению предшествовала трогательная прелюдия: мы прослушали одну аудиозапись, предназначенную для скорой трансляции по радио, с захватывающим рассказом о реальном инциденте из жизни АА за решеткой. Некий заключенный-алкоголик тяжело воспринимал свое заточение и проявлял удивительную изобретательность в плане поиска и употребления алкоголя. Вскоре его изобретательность перешла все границы. В тюремной малярной мастерской он обнаружил многообещающую жидкость, которой поделился с товарищами-алкоголиками. Но это был смертельный яд, и в последующие ужасные часы несколько из этих людей умерли. Растущее число жертв взволновало всю тюрьму. Тех, кто еще был жив, могло спасти только быстрое переливание крови. Члены тюремной группы АА моментально вызвались добровольцами и весь остаток той долгой ночи отдавали себя так, как никогда раньше. До того АА не пользовалось там особой популярностью, но теперь моральный дух тюрьмы поднялся до невиданного уровня и остался таким. Многие из выживших присоединились к АА. Так, первая тюремная группа добилась признания; Содружество пришло в Сен-Квентин, чтобы остаться.

Затем выступил Надзиратель Даффи. Очевидно, что мы, вольные, ничего не знаем о том, как в тюрьме сопротивляются любой пропаганде. В Сен-Квентине и заключенные, и сотрудники были настроены крайне скептически. Они думали, что АА – должно быть, какая-то афера, ну или безумная секта. К тому же администрация возражала: зачем искушать судьбу, беспорядочно смешивая заключенных с вольными людьми, особенно женщинами-алкоголичками? Ведь тогда начался бы полный кавардак! Но наш друг Надзиратель Даффи, почему-то глубоко верящий в АА, настоял на своем. И до сего дня на собраниях не было нарушено ни одно тюремное правило – несмотря на то, что сотни заключенных посещали сотни собраний практически безо всякого надзора. И единственный сочувствующий им охранник, сидящий на последнем ряду, едва ли нужен.

Надзиратель Даффи добавил, что сегодня большинство тюремных властей в США и Канаде разделяют его отношение к Анонимным Алкоголикам. Прежде восемьдесят процентов условно-досрочно освобожденных алкоголиков приходилось отлавливать и возвращать за решетку. Теперь же многие исправительные заведения докладывают, что эта цифра составляет уже половину или даже треть прежней. Чтобы встретиться с нами в Кливленде, Надзиратель Даффи преодолел две тысячи миль. Вскоре мы поняли, почему: он приехал, потому что он – великий человек. И вот опять мы сидели и удивлялись, насколько наша репутация превзошла наши реальные качества.

Само собой, мы, мужчины, не могли присутствовать на собрании женщин-алкоголичек. Но мы не сомневаемся, что они изыскивали способы борьбы с уничижительным клеймом, которым все еще отмечены бедные женщины, пристрастившиеся к бутылке. Возможно, наши дамы также беседовали о том, как удерживать на почтенном расстоянии время от времени появляющегося страшного серого волка. Но нет –

сестра по АА, записывающая эту статью, твердо заверил меня, что ничего такого не обсуждалось. По ее словам, то было чудесное, весьма конструктивное собрание. Присутствовало порядка пятисот женщин. Подумать только – а ведь АА просуществовало целых четыре года, прежде чем нам удалось подарить трезвость хотя бы одной женщине! Да уж жизнь алкоголички – не сахар.

Не остались без внимания и другие особые категории страдальцев – наемные секретари интергрупп, рядовые повседневные секретари, команда нашей редакции и супруги алкоголиков, которых порой называют нашими «забытыми людьми». Уверен, секретари пришли к выводу, что, хотя порой их и недооценивают, они все равно наслаждаются каждой секундой своего труда. К каким решениям пришли редакторы – этого я не узнал. Однако, судя по их впечатляющей работе все эти годы, вполне вероятно, что они выработали много отличных идей.

Все сошлись во мнении, что собрание жен (и мужей) алкоголиков стало настоящим откровением. Кое-кто вспоминал, как Анна С. в акронский период становления АА была закадычной подругой и советчицей для расстроенных жен. Она четко понимала, что алкоголизм – проблема семейная. Тем временем мы, члены АА, из кожи вон лезли, чтобы тысячами протрезвлять приходящих к нам пьяниц, а наши славные жены в этой чудовищной суматохе казались совершенно потерянными. Во многих новых местах проводились только закрытые собрания; все выглядело так, будто АА превращается в нечто эксклюзивное. Но в последнее время эта тенденция сходит на нет. Наши супруги все больше применяют Двенадцать Шагов к собственной жизни. Доказательством служит проводимая ими работа по Двенадцатому Шагу с супругами новичков, а также специальные собрания для жен, теперь появляющиеся повсюду. В Кливленде они пригласили на свое собрание нас, алкоголиков, и многие скептики из АА

покидали его в убеждении, что нашим «забытым» действительно есть что сказать. Как сказал один алкаш, «глубокое понимание и духовность, которые я ощутил на собрании жен – то было нечто сверхъестественное!»

Впрочем, кливлендская Конференция состояла не из одних лишь собраний. Взять, к примеру, тот банкет. Или лучше сказать, банкеты? Изначально программа мероприятия предусматривала столько гостей, чтобы заполнить Радужный зал отеля Картер. Однако пришло гораздо больше народу. Вскоре зал был переполнен, и пришлось расчистить для нахлынувших участников банкета кафетерий и буфет отеля. Было приглашено два оркестра, а наши прекрасные артисты обнаружили, что им придется отыграть свои роли дважды – и на первом этаже, и на втором. Никто не был пьян, но надо было слышать, как пели эти члены АА! Их переполняла радость – почему бы и нет? Но все-таки наше настроение серьезно омрачилось, когда мы провозглашали тосты за отсутствующих. Сначала нам напомнил о тех, кто не с нами, тот член АА с Маршалловых островов, который, будучи там совсем один, все же утверждал, что в его группе трое членов, а именно – «Бог, книга «Анонимные Алкоголики» и он сам». Первый отрезок его пути в Кливленд в семь тысяч миль длиной завершился на Гавайях, откуда он с величайшей осторожностью и соответствующим охлаждением привез кипу цветочных гирлянд, которыми знамениты эти острова. Одну из гирлянд прислали больные проказой члены АА с острова Молокаи – те изолированные члены Содружества, которые всегда будут одними из нас, но никогда не будут с нами.

Тяжело нам было и при мысли о Докторе Бобе, который тяжело болен и один дома. Поднимали тост и за другого члена АА, который больше всего на свете хотел присутствовать в Кливленде на праздновании нашего совершеннолетия. К несчастью, он так и не попал на собрание, посвященное Традициям – сердечный приступ унес его накануне вечером

перед собранием и праздничным банкетом. Но постепенно веселое настроение победило, и мы танцевали до полуночи. Мы знали: отсутствовавшие хотели бы, чтобы так и было.

Семь тысяч человек собралось в кливлендском концертном зале ради собрания, посвященного Традициям, которое большинство из нас считали кульминацией Конференции. Шестеро ветеранов, прибывшие издалека – например, из Бостона и Сан-Диего – великолепно описали те годы опыта АА, которые и привели к формулированию наших Традиций. Затем меня попросили подытожить их, что я и сделал следующим образом:

«Во всех вопросах, затрагивающих единство АА, наше общее благополучие должно стоять на первом месте; в АА нет человеческой власти и лишь один высший авторитет – Бог, говорящий с нами через групповое сознание; наши руководители – лишь облеченные доверием слуги, которые не управляют нами; любой алкоголик может стать членом АА, если заявит об этом – мы никого не исключаем; каждая группа АА может вести собственные дела как пожелает – при условии, что это не вредит окружающим группам; у нас, членов АА, лишь одна цель – нести наши идеи тем алкоголикам, которые все еще страдают; следовательно, мы не можем оказывать поддержку, финансирование или предоставлять имя Анонимных Алкоголиков любой другой организации, какой бы достойной она ни была; Содружеству как таковому следует оставаться бедным, чтобы проблемы, связанные с деньгами, собственностью и престижем не отвлекали нас от нашей единственной цели; мы должны обеспечивать себя сами и быть готовы оплачивать свои небольшие расходы самостоятельно; АА должно всегда оставаться непрофессиональным объединением, а обычная работа по Двенадцатому Шагу не должна оплачиваться; Содружеству никогда не следует обзаводиться системой управления, однако мы можем создавать ответственные советы и

итеты для обеспечения более эффективного информирования и наставничества, и эти службы могут нанимать работников для выполнения особых задач; наша политика во взаимоотношениях с общественностью должна основываться на привлекательности наших идей, а не на пропаганде – пусть лучше нас рекомендуют наши друзья; во всех наших контактах с прессой, радио и кино следует строго соблюдать личную анонимность, так как это наилучшая защита от соблазнов власти и личных амбиций; и, наконец, анонимность перед лицом широкой общественности – духовный ключ ко всем нашим Традициям, всегда напоминающий нам, что нужно ставить принципы выше личностей и что мы должны практиковать подлинное смирение. Это необходимо для того, чтобы дарованные нам великие блага никогда нас не испортили и чтобы мы постоянно с благодарностью размышляли о Том, кто ведет всех нас».

Итак, суммировав идеи Традиций, я спросил, если ли у присутствующих какие-либо возражения касательно формулировок. Не услышав ответа, я предложил принять Двенадцать Традиций АА. Тогда вся толпа поднялась как один, и это было впечатляюще. Так завершился тот чудесный час, когда мы, Анонимные Алкоголики, взяли за руку собственную судьбу.

Воскресным утром мы слушали четырех членов АА, говоривших о своем понимании духовного аспекта Содружества. Оргкомитет Конференции, думая, что кто-то пойдет в церковь, а кто-то поздно встанет после банкета, никак не предполагал, что в этом мероприятии примут участие многие. Однако к тому времени прихожане уже закончили молитвы, и вряд ли кто-то еще оставался в постели. Зал кливлендского отеля заполнился за час до выступления ораторов. Сотни людей, которые не могли пробраться ближе, битком набились в коридоры и главный вестибюль. Тем, кто опасается, что Содружество теряет интерес к духовным вопросам, следовало бы это увидеть.

Когда объявили минуту молчания, толпа затихла. Затем появились выступающие. Все они тщательно подготовились и говорили от души. Не припоминаю собрания АА, где внимание было бы более полным, а самоотдача – более глубокой. И все-таки кое-кто подумал, что эти превосходные ораторы в своем энтузиазме неумышленно создали небольшую проблему. Было ощущение, что их мысль слишком далеко заходит в направлении религиозного сравнения, философии и интерпретации, в то время как мы, члены АА, в силу давно укоренившейся традиции всегда оставляли подобные вопросы исключительно избранной отдельным индивидуумом вере. Один из присутствующих поднялся и высказал предупреждение. Слушая его, я думал: «Какой удачный поворот! Как же хорошо мы помним, что АА никогда не следует считать религией! Как же твердо мы настаиваем на том, что членство в АА не должно зависеть ни от каких конкретных убеждений, и что наши Двенадцать Шагов не содержат никаких религиозных догматов, кроме веры в Бога, *как Его понимает каждый из нас!* И как же старательно мы впредь будем избегать любых ситуаций, могущих привести нас к дебатам о личных религиозных убеждениях!» Все мы почувствовали: то было великое воскресное утро.

После полудня мы направились в кливлендский конференц-зал. Большим событием стало появление Доктора Боба. До того момента мы думали, что он, серьезно больной, никак не сможет приехать. Еще раз его увидеть – для нас, семи тысяч собравшихся, это стало переживанием, которым мы всегда будем дорожить. Он говорил десять минут сильным, уверенным голосом и оставил нам великое наследие, которое, несомненно, поможет нам развиваться. Это был завет человека, остающегося трезвым с десятого июня 1935 года, который привел к успеху нашу первую группу, а в последующие пятнадцать лет оказал медицинскую помощь и преподнес жизненно важные идеи АА четырем тысячам страдальцев в

авной больнице Святого Фомы в Акроне – колыбели Анонимных Алкоголиков. Простота, самоотверженность, упорство, преданность – такими, как мы помнили, были отличительные черты того характера, который Доктор Боб так умело привил многим из нас. А я с благодарностью вспоминал о том, что за все годы нашей дружбы между нами не было произнесено ни одного сердитого слова. Вот о чем мы думали, пока смотрели на Доктора Боба.

Затем я в течение часа пытался подвести итог всему сказанному. Но что можно было добавить к тому, что все мы увидели, услышали и почувствовали за эти три чудесных дня? Мы с облегчением четко поняли, что АА никогда не станет чем-то показным или большим бизнесом; что изначальное смирение и простота Содружества в очень значительной степени сохранились; и что мы не забываем о том, что наше возлюбленное Содружество – успех Божий, а не наш.

В подтверждение этих слов я рассказал о развертывании замысла АА, которое мы с Лоис наблюдали на одном нашем далеком плацдарме – в Норвегии. А началось все с одного члена АА, который послушался голоса собственной совести и продал все, что имел.

Джордж, американец норвежского происхождения, пришел к нам в Гринвиче, штат Коннектикут, пять лет назад. Его родители – дома, в Норвегии – ничего о нем не знали уже лет двадцать. Он начал им писать и рассказывать о своей недавно обретенной свободе. Но в ответ пришли очень тревожные вести. Семья сообщала, что его единственный брат в отчаянном положении и вот-вот потеряет все из-за алкоголя. Что тут можно было поделать? Наш парень из Гринвича долго беседовал с женой, и вместе они приняли решение продать свой маленький ресторанчик – все, что у них было – и отправиться в Норвегию, чтобы помочь его брату. Через несколько недель они уже прилетели в Осло и поспешно бросились с аэродрома в город, а потом – двадцать пять миль вниз по фьорду

туда, где жил страдающий брат. Да, он действительно был в жалком состоянии – но, к сожалению, это было ясно всем кроме него самого. Он не собирался связываться с каким-то там АА – что это еще за американская чепуха? И почему это он – алкоголик? Конечно же, нет! Разумеется, парень из Гринвича и раньше слышал такие возражения, но теперь знакомые аргументы принять было трудно. Возможно, он продал все, что имел, за бесценок первому встречному. Джордж настаивал на своем, насколько осмеливался, но, в конце концов, пришел к выводу, что все бесполезно. Тогда, преисполнившись решимости все равно основать в Норвегии группу АА, он начал обходить священников и врачей Осло. Но толку не было – никто из них не предложил ему ни одного потенциального кандидата. Впав в горькое уныние, они с женой подумали, что им пора возвращаться в Коннектикут.

И тут вмешалось Провидение. Бунтующий брат удрал и впал в один из своих периодических грандиозных запоев, а потом, отчаянно мучаясь от похмелья, воззвал к нашему парню из Гринвича: «Братец, расскажи мне еще раз об Анонимных Алкоголиках! Что я должен делать?» Тогда Джордж заново, как можно проще рассказал ему историю АА, а закончив, записал для него на полузабытом норвежском перевод маленькой брошюрки, изданной группой города Уайт-Плейнс, что в штате Нью-Йорк. В ней, само собой, были изложены наши Двенадцать Шагов. После этого коннектикутская семья улетела обратно домой. А брат-норвежец, который сам был наборщиком, начал размещать крошечные объявления в газетах Осло, где объяснял, что он – выздоровевший алкоголик, желающий помочь другим. Наконец, у него появился первый кандидат. Услышав рассказ об АА и прочитав брошюру, он тоже мгновенно обрел трезвость, и двое будущих основателей местного Содружества разместили еще больше объявлений.

Через три года мы с Лоис приземлились на том самом аэродроме и узнали, что в Норвегии уже сотни членов АА,

притом стабильных. Ребята из Осло успели распространить наши живительные идеи и в других норвежских городах, и эти новые маяки вспыхнули ярким светом. Все было именно так – очень просто и очень таинственно одновременно.

В завершение нашей исторической конференции показалось уместным зачитать отрывок из одиннадцатой главы книги «Анонимные Алкоголики». Вот эти слова, которые мы увозили с собой, разъезжаясь по домам: «Положитесь на Бога, как вы понимаете Его. Признайте собственные недостатки перед Ним и перед своими товарищами. Очиститесь от обломков прошлого. Делитесь с другими тем, что вы узнали, и присоединяйтесь к нам. Мы будем с вами, объединенные Духовным Братством, и вы, конечно, встретите многих из нас на нашем общем нелегком Пути к Счастью. Да благословит вас Господь и да хранит вас ныне и присно».

АА – не большой бизнес *(ноябрь 1950 г.)*

Наступает праздник Благодарения, а вместе с ним – Неделя Традиций. И я никогда не чувствовал себя более счастливым.

Наши Традиции прописаны на бумаге. Но сначала они были запечатлены в наших сердцах. Ведь каждый из нас знает, – думаю, на уровне инстинкта, – что Содружество не принадлежит нам, и мы не можем обходиться с ним, как нам вздумается. Мы – просто смотрители, чья задача – сохранить духовную сущность Содружества; мы должны сохранить его в целостности для тех, кто придет после нас и кому будет нужно то, что так щедро было даровано нам.

Мы рано выучили свой урок о деньгах. Мы страшились организации, боясь застыть и уничтожить самих себя как движение! В то же время на нас легла моральная и человеческая ответственность – сделать так, чтобы наша программа была доступна всем, кто в ней нуждается. А таких людей приходило к нам все больше и больше.

Да, нам не хватало денег, а служением необходимо было заниматься. Тем не менее, мы решили, что никогда не позволим ни финансовым проблемам, ни управлению насущными делами Содружества заслонить собой наши духовные цели. Многие из нас на собственном опыте убедились в ценности завета того самого любящего Бога, чья мудрость показала нам: один безнадежный, трясущийся пьяница, роющийся в кармане в поисках монетки, чтобы позвонить и попросить помощи, важнее любой «организации», которая у нас когда-либо будет или в которой мы когда-либо будем нуждаться!

В прошлом июле в Кливленде семь тысяч членов АА высказали свое одобрение Двенадцати Традициям Анонимных Алкоголиков. Мы взяли собственную судьбу в свои руки. Анонимные Алкоголики повзрослели.

Три из этих Традиций определяют, для выполнения каких задач служит Содружество Анонимных Алкоголиков, а также устанавливают нашу коллективную ответственность за это

служение – как в плане управления, так и в финансовом отношении. Кроме того, Традиции гласят, что наши облеченные доверием слуги никогда не будут управлять нами, а всегда будут непосредственно подчинены тем, кому служат.

В прошлом месяце я обратился к вам, членам Содружества АА, со срочной просьбой. Я просил вас взять на себя полную финансовую ответственность за обеспечение функционирования Штаба АА – Фонда и его нью-йоркского Бюро общего обслуживания АА. Мы, сотрудники Штаба, восхищены результатом. Группы, которые до этого никогда не оказывали нам финансовой поддержки, теперь стали это делать. Пожертвования вносят новые группы, очень маленькие группы и даже группы при учреждениях, на самом деле не несущие никаких обязательств. Если так будет продолжаться и дальше, то испытываемый нашим Штабом дефицит средств уйдет в прошлое. Я никогда ранее не чувствовал такого воодушевления при мысли о будущем наших служб. Проявляемые вами щедрость и ответственность создают подходящую обстановку для объявления той новости, которая у меня есть для вас.

На протяжении двенадцати лет мы с Доктором Бобом, горячо поддерживаемые нашими замечательными друзьями, стояли на страже вашего Штаба. Мы хранили для вас эти ценные активы – ваше Бюро общего обслуживания, вашу книгу «Анонимные Алкоголики», ваш главный журнал «Грейпвайн», ваши связи с общественностью, ваши общие фонды. И мы никогда не просили вас брать на себя прямую ответственность за них. Однако времена изменились. Теперь Анонимные Алкоголики выросли. Основатели Содружества не бессмертны. Мы не сможем вечно быть вашими хранителями.

Итак, настал час, когда вы должны взять все это в свои руки. Мы просим вас тщательно следить за этими ценностями, ведь будущее Анонимных Алкоголиков может во многом зависеть от того, как вы будете продолжать наше служение, дарующее жизнь.

Предвидя, что вы с радостью возьмете на себя эту новую ответственность, попечители, Доктор Боб и я предлагаем созвать Конференцию по общему обслуживанию Анонимных Алкоголиков – орган, состоящий из представителей от штатов и провинций, которые будут ежегодно заседать вместе с попечителями нашего Фонда, традиционно направляющими нас. Мы долго обдумывали подробный план реализации этих грандиозных нововведений и скоро представим его вам.

Анонимные Алкоголики *действительно* достигли совершеннолетия. И это великое Благодарение!

Оригинальной статье предшествовало следующее примечание: «Это предложение о создании «Конференции по общему обслуживанию Анонимных Алкоголиков» – небольшого органа, состоящего из делегатов от штатов и провинций, который, собираясь ежегодно, взял бы на себя прямую ответственность за руководство Штабом АА по общему обслуживанию в Нью-Йорке».

Ваш Третий Завет *(декабрь 1950 г.)*

Мы, старшие члены АА, завещаем вам, более молодым, эти три Завета: Двенадцать Шагов к выздоровлению, Двенадцать Традиций, а теперь еще и общие службы Анонимных Алкоголиков. Двумя из Заветов вы владеете уже давно. Благодаря Двенадцати Шагам мы выздоравливаем от алкоголизма; благодаря Двенадцати Традициям – достигаем примечательного единства.

Однажды придет день, когда нас с Доктором Бобом не станет; поэтому мы хотим завещать членам АА Третий Завет. Мы с нашими друзьями храним его для вас с 1938 года. Этот Завет заключается в общих службах Штаба Анонимных Алкоголиков, куда входят Фонд АА, Книга АА, журнал «Грейпвайн» и Бюро общего обслуживания АА. Именно эти основные службы позволяют нашему сообществу функционировать и развиваться.

Выступая от имени всех Анонимных Алкоголиков, мы с Доктором Бобом просим вас, членов АА, взять на себя руководство этими службами и тщательно охранять их. В будущем рост и даже само выживание Анонимных Алкоголиков может зависеть от того, насколько разумно вы будете управлять этими каналами служения.

Позвольте немного истории. Двенадцать лет назад с помощью наших замечательных друзей мы с Доктором Бобом сформировали Штаб для нашего Содружества, тогда еще никому неизвестного. Вскоре после того мы передали эту функцию Фонду, который был организован как небольшой совет попечителей, преданных нашему делу. Совет состоял из алкоголиков и наших друзей-неалкоголиков; в настоящее время в него входит пятнадцать человек. Весной 1938 года, когда возник наш Фонд, АА было всего три года. У нас было лишь пятьдесят членов. Книга «Анонимные Алкоголики» тогда существовала лишь в замысле. В то время никто не мог предугадать всего величия того дара, которым начало вознаграждать нас Провидение.

За прошедшие двенадцать лет к пятидесяти первым членам АА прибавилось еще сто двадцать тысяч. Содружество распространяется по всему миру. Религия и медицина, одобрив наши идеи, подняли нас из той пропасти между ними, куда мы попали ранее. Врагов у нас нет, а друзей наших не счесть. Тысячи наших групп, подобно сверкающим коралловым островам, тянутся ввысь из алкогольного моря. Это просто чудо, ниспосланное Богом!

В ранний период становления АА, который был довольно-таки лихорадочным, совет Фонда, не замечаемый многими, тихо выполнял важнейшую функцию в формировании и распространении нашего любимого сообщества. Действуя через наше Бюро общего обслуживания, книгу «Анонимные Алкоголики», а позже – и журнал «Грейпвайн», Фонд нес прямую ответственность за половину всего нашего роста и эффективности – как в качественном, так и в количественном отношении. Этот факт не подлежит сомнению.

Представим, что на протяжении всех этих лет у нас не было бы таких служб. Что было бы сейчас с Содружеством без Книги АА и нашей стандартной литературы, которую Штаб в настоящее время выпускает по три тонны в месяц? Что если мы предоставили бы своим отношениям с общественностью развиваться по воле бездумного случая? Что если ни на кого не была бы возложена обязанность поощрять хорошее освещение нашей деятельности и отрицательно реагировать на плохое? Что если не было бы точной информации об АА? Что если наши тонкие и такие важные отношения с медициной и религией зависели бы только от удачи? Как бы сегодня жили тысячи членов АА, если бы Бюро общего обслуживания не отвечало на их отчаянные письма и не направляло бы их туда, где можно получить помощь? (За последний год нью-йоркское бюро ответило на двадцать восемь тысяч разнообразных писем). А в каком состоянии сейчас были бы сотни групп АА в отдаленных

районах, если бы Бюро не положило им начало путем переписки и не направляло туда людей? Как бы мы справлялись без всемирного справочника групп? А что насчет тех групп в двадцати восьми странах, которые настойчиво требуют переводов, доказанного опыта и поддержки? Издавали бы мы Книгу АА в Осло (Норвегия) и Лондоне (Англия)? А как же члены-одиночки в открытом море и в дальних уголках земного шара, заключенные, пациенты психиатрических лечебниц, ветераны на службе и в больницах? Как жило бы Содружество без журнала «Грейпвайн», этого зеркала жизни АА и главного форума письменного самовыражения? Как мы благодарны тем секретарям, редакторам-добровольцам и нашим друзьям-попечителям, кто все эти годы несли свою вахту, заботясь о ведении основных дел нашего Содружества! Если бы не все это, чего бы достигли Анонимные Алкоголики? Вы, должно быть, уже догадались. Мы не достигли бы ничего, это уж точно.

Итак, благодаря Шагам мы обрели трезвость, благодаря Традициям – достигли единства, а благодаря службам нашего Штаба – получили возможность функционировать как сообщество.

Тем не менее, кто-то может сказать: «Разумеется, Фонд должен продолжать свою работу. Конечно же, мы будем оплачивать эти небольшие расходы. Но почему бы нам просто не предоставить ведение этих дел Доктору Бобу, Биллу и их друзьям, попечителям? Так ведь было всегда. Почему же теперь они беспокоят нас этими проблемами? Давайте не будем усложнять АА». Это хорошие вопросы. Однако сегодня ответы на них в корне отличаются от тех, что были раньше.

Давайте взглянем в лицо следующим фактам.

Во-первых, Доктор Боб и Билл – всего лишь простые смертные; они не смогут жить вечно.

Во-вторых, их друзья, попечители, практически неизвестны движению АА.

В-третьих, в будущем наши попечители никак не смогут выполнять своих функций без прямых указаний самого Содружества. Кто-то должен направлять их. Кто-то или что-то должно занять место Доктора Боба и Билла.

В-четвертых, детство Анонимных Алкоголиков позади. Выросшее, повзрослевшее Содружество имеет полное право и прямую обязанность взять на себя непосредственную ответственность за его собственный Штаб.

В-пятых, очевидно, что, если Фонд не будет прочно связан с обслуживаемым им движением посредством представителей от штатов и провинций, то в будущем Штаб неизбежно потерпит крах. Когда не станет ветеранов Фонда, он, функционируя в изоляции, не сможет пережить ни одной серьезной ошибки или тяжелого конфликта. Первый же шторм разрушит его. А возродить его будет непросто. Возможно, он так и не сможет восстановиться. Ведь, если он будет оставаться в изоляции, у него не будет ресурсов для возрождения. И тогда он, как шикарный автомобиль без бензина, окажется беспомощен.

В-шестых, существует еще одна серьезная опасность: в целом Анонимные Алкоголики как движение никогда не переживали тяжелого кризиса. Однако настанет день, когда нам придется с ним столкнуться. Человеческая природа такова, что мы не можем ожидать, что нас не коснется беда. И как же наши отдаленные ото всех попечители, не имеющие ни прямой поддержки со стороны остального Содружества, ни достоверных сведений об общем мнении членов АА, смогут справиться с опасной чрезвычайной ситуацией? Этот зияющий пробел в текущей структуре АА определенно привел бы к фиаско. Доверие к Фонду было бы подорвано. Члены Содружества повсюду говорили бы: «По какому праву попечители выступают от нашего имени? И откуда им знать, что они правы?» Если спасательные якоря служб АА будут спутаны и рассоединены, что станется с миллионами тех, кто

не знает о существовании Содружества? Тысячи людей будут продолжать страдать и погибать из-за того, что мы позабыли о важности предусмотрительности. Этого нельзя допустить.

Вот почему попечители и мы с Доктором Бобом предлагаем вам созвать Конференцию по общему обслуживанию Анонимных Алкоголиков. Вот почему нам срочно нужна ваша непосредственная помощь. Наши основные службы должны продолжать свою работу. И мы считаем, что Конференция по общему обслуживанию сможет стать тем органом, который это обеспечит.

Служить – значит жить *(июнь 1951 г.)*

Наша первая Конференция по общему обслуживанию Анонимных Алкоголиков собралась в Нью-Йорке в апреле 1951 года. В ней приняли участие тридцать семь делегатов из США и Канады, а также сотрудники и попечители Штаба общего обслуживания АА. У Конференции была лишь одна цель - служить АА во всем мире.

Это волнующее утверждение теперь несет в себе глубокое значение для всех, кто там присутствовал. Мы пришли к убеждению, что будущее АА обеспечено. Мы обрели уверенность в том, что Содружество сможет существовать, пока Бог нуждается в нем.

Почему это до глубины души тронуло каждого участника Конференции? Думаю, по двум причинам. Прежде всего, мы впервые услышали голос группового сознания Анонимных Алкоголиков. Кроме того, мы осознали так четко, как никогда ранее, насколько опасной может в реальности стать «вера без труда». Итак, групповое сознание АА впервые услышало собственный громкий призыв к служению.

Чтобы эта мысль стала более понятна, давайте окинем беглым взглядом отдельного члена АА. Одна только вера не спасает его. Ему приходится действовать, делать что-то. Он должен *нести* свои идеи другим, *применять* принципы АА во всех своих делах. В противном случае он срывается, слабеет и гибнет. А теперь взглянем на группу АА. Может ли голая вера, одна лишь приверженность правильным принципам и здоровым традициям, сделать так, чтобы группа функционировала? Ни в коем случае. Каждая группа АА как таковая тоже должна действовать, что-то делать. Она должна служить своей цели, иначе она тоже ослабеет и распадется.

Теперь делегаты нашей Конференции получили возможность применить этот принцип в масштабах всего Содружества. Они смогли разглядеть нечто гораздо большее, чем

отдельный член АА и его конкретная группа. В момент озарения они приняли суровый факт: Анонимные Алкоголики *как целое* должны продолжать функционировать, иначе их вполне может постигнуть обычное наказание за веру без действия. Это – разрушение. Исчезла удобная иллюзия, что если каждая группа АА будет заботиться исключительно о собственных делах, то Бог вознаградит нашу недальновидность, целиком взяв на себя защиту Содружества как единого целого – включая наш Штаб, наши связи с общественностью и благополучие миллионов алкоголиков, не знающих об АА. Делегаты осознали: это означает вера без труда и без ответственности, чего не должно быть. Конечно же, всегда будет необходима большая работа и большая ответственность многих. Нужно, чтобы каждый член АА внес свой небольшой вклад в Содружество в целом.

Наше повзрослевшее Содружество должно начать заботиться о собственных важнейших службах; нельзя бездумно предоставлять их заботе изолированного, неизвестного и неподдерживаемого совета попечителей. Необходимо, чтобы сами Анонимные Алкоголики хорошо понимали, какую работу выполняют наши Фонд и Штаб, и оказывали им прямую поддержку. Делегаты Конференции осознали очевидность всего этого. Когда вы в следующий раз встретите участника Конференции, представляющего ваш регион, то можете услышать нечто вроде:

«Спасибо, что послали меня в Нью-Йорк. Я провел во всемирном Штабе АА три дня. Наши попечители, Бюро общего обслуживания и люди из «Грейпвайн» буквально вывернули это место наизнанку, чтобы мы, делегаты, смогли разглядеть его прошлое, настоящее и будущее. И то, что мы увидели и ощутили, было просто поразительно.

Внезапно мы прочувствовали АА как единое целое. Нашим глазам открылось Содружество, сплоченное исключительным единством, которому нет конца – всемирная общность, в тысячи раз большая, чем отдельная группа АА.

И тогда мы осознали, что это чудо стало возможным благодаря преданному служению немногих. Тех самых сотрудников Штаба, десятилетний и даже более продолжительный труд которых позволил нам собрать на отдаленных полях громадный урожай – сто двадцать тысяч наших собратьев по несчастью, которые обрели безопасность под кровлей нашего Содружества и горячее уважение всего мира. Наши невидимые слуги, трудящиеся в Фонде, проделали всю эту работу по просьбе Доктора Боба и Билла.

Однако теперь они говорили нам, делегатам: «Скоро вы должны будете протянуть нам руку помощи. Вот службы АА, вот наши Традиции. Помогите нам вести эти дела. Времена изменились; мы, старики, не бессмертны. Это и есть ваш Завет служения. Примите его сейчас и тщательно храните».

Картина Конференции в тот воскресный день, когда мы собрались в последний раз, навсегда останется драгоценным воспоминанием в анналах АА, ведь на этом историческом собрании все мы услышали голос Анонимных Алкоголиков. Он произнес: «Служить АА – значит жить. Мы с радостью принимаем Третий Завет и постараемся тщательно хранить его и использовать с мудростью. Да поможет нам Бог сохранить наш Завет служения».

В тот знаменательный час факел Служения перешел из наших рук, рук ваших старших товарищей, в ваши руки; он перешел к каждому грядущему поколению тех детей ночи, сумрак которых волей Божьей рассеется в сообществе Анонимных Алкоголиков на протяжении многих лет света, которые нам, без сомнения, уготовила судьба.

Служение заставляет пульс АА биться
(ноябрь 1951 г.)

На плите закипает кофейник; в больнице трезвеет отчаявшийся страдалец; Штаб АА распространяет идеи Содружества. Спасательные круги нашего служения охватывают семь морей. Все это символизирует АА в действии. А действие – это волшебное слово Анонимных Алкоголиков. Каждый акт служения АА ежедневно доказывает, что «материальная деятельность» может приносить великолепные духовные плоды.

Когда-то все собрания АА проходили у кого-нибудь дома. Тогда не было никаких комитетов, и никто не вкладывал ни цента. У нас даже не было названия, а об основателях никто и не слышал. Все было очень просто.

Однако у нас все же была одна форма «служения», и притом весьма ценная. Пока мы, алкоголики, толпились в какой-нибудь гостиной, все еще боясь, что наша новая программа может не сработать, наши жены пекли для нас пирожные и варили крепкий кофе. И тот положительный настрой, который они излучали, расчищал нам путь, облегчая наш груз сомнений. Так их любезное служение с самого начала заставляло биться пульс АА.

Постепенно собрания разрастались. Наши гостиные больше не могли их вмещать, и мы вынуждены были перебраться в залы для общественных мероприятий. Поскольку нам редко предоставляли помещения бесплатно, нам приходилось платить за их аренду. Арендодателей ничуть не интересовали духовные преимущества групповой бедности. Поэтому кто-нибудь пускал по кругу шляпу, и мы по собственному желанию бросали в нее деньги. Мы знали, что без этого не сможем проводить собрания и функционировать как группа. Нам пришлось, хоть и неохотно, выучить урок: арендная плата необходима для обеспечения трезвости – нашего духовного богатства, самой нашей жизни.

В результате процесса внесения арендной платы в АА появилось первое «должностное лицо». Человек, выбранный нами для передачи шляпы, вскоре стал нашим казначеем. Затем возникла необходимость отвечать на телефонные звонки, писать письма, заказывать и распространять литературу. Тогда появилась должность, известная сейчас как «секретарь группы». Некоторое время спустя перед нами встали новые задачи – давать интервью газетам, беседовать со священнослужителями и медиками, организовывать работу в больницах, устраивать банкеты. Это нельзя было поручать кому угодно. Для выполнения этих обязанностей нужен был некто, специально назначенный. Этот «некто» и стал председателем группы по обслуживанию.

Разумеется, все это было весьма хлопотным, так как нарушало наше спокойствие, порой такое непрочное. Среди нас начались споры; звучали мрачные прогнозы по поводу нашего будущего, и все жаждали вернуться в гостиные. Но мы этого не сделали, потому что не могли. Мы поняли, что нам нужны служебные комитеты, иначе Содружество не сможет успешно функционировать или даже и вовсе распадется. На деле, нам *необходимо было сформировать свои службы, чтобы сохранить простоту АА*.

Мы рано узнали, что больницы не любят алкоголиков. Мы были для них шумными помехами, которые увиливали от оплаты счетов и редко поправлялись. Тем не менее, мы быстро поняли, что у многих алкоголиков может не быть реального шанса попробовать программу АА, если они не пройдут лечение в больнице. Так что же нам было делать?

Сначала мы занялись «лечением методом сокращения количества выпиваемого» на дому. Однако вместо того чтобы «сокращать количество выпиваемого», наши новые клиенты обычно начинали выпивать больше и возвращались обратно в бары. Некоторые группы пытались организовывать «больницы АА» с докторами по вызову. Но это означало зайти

слишком далеко; так наши группы оказались непосредственно вовлеченными в серьезный бизнес. Все эти ранние попытки потерпели провал. В конце концов, мы усвоили, что каждой группе АА следует в первую очередь быть образованием духовного характера, а не коммерческой структурой. Затем отдельные члены АА вместе со своими друзьями начали создавать интернаты и приюты для алкоголиков как частные заведения. Это работало гораздо лучше; тем не менее, этого было недостаточно.

Наконец, медики пришли к нам на помощь. Соглашаясь с выводом, который дался нам с таким трудом – о том, что врачевание должно быть делом врачей, – они начали помогать нам налаживать контакты в больницах. Наши первые попытки сотрудничать с городскими больницами часто приводили к разрушительному смятению. Кто угодно спонсировал кого угодно, и те самые больничные счета по-прежнему не оплачивались. Самоуверенные члены АА указывали докторам, как им вести дела больницы. Эта беззаботная беспорядочность в наших отношениях с больницами отнюдь не способствовала поддержанию простоты Содружества. Общая путаница продолжалась до тех пор, пока некоторые больницы прямо не заявили городским группам: необходимо назначить ответственных членов АА, с которыми больницы смогут иметь дело на постоянной основе, иначе ничего не получится – ведь сотрудничать в условиях анархии невозможно.

Содружество начало осознавать, что групповая ответственность должна простираться гораздо дальше порога зала для собраний, где мы бываем только по вторникам и четвергам. В противном случае новый человек, подходящий к нашей двери, может не воспользоваться своим шансом на спасение и погибнуть.

Медленно и крайне неохотно группы в густонаселенных районах пришли к пониманию того, что им придется формировать различные объединения, открывать небольшие

офисы, оплачивать услуги секретарей, работающих полный день. Поднялся ужасный шум. Для многих членов АА все это означало деструктивную организацию, политику, профессионализм, крупные затраты, правящий бюрократизм и систему управления. «Поверьте, – спорили они, – местный центральный офис обойдется членам городских групп АА центов по пятьдесят с человека в месяц. А это, черт возьми, может превратиться в подушный налог – и как же тогда наша Традиция, где говорится об отсутствии членских взносов?»

Конечно же, эти преувеличенные страхи так и не материализовались. Сейчас у нас много хороших межгрупповых объединений, существующих за счет добровольных пожертвований. У новичков теперь больше шансов получить помощь, больницы довольны. Офис одного крупного объединения спонсировал и поместил на лечение семь тысяч алкоголиков. Расторопные службы, проводящие интервью и отвечающие на телефонные звонки, сажают семена выздоровления в душах тысяч других людей. Выпускаются справочники с информацией о собраниях местных групп, налаживаются связи с общественностью, устраиваются региональные мероприятия и обеды. Мы пришли к убеждению, что нельзя бездумно предоставлять ведение таких дел любому, кому вдруг захочется дать интервью или же распечатать пачку визиток и листовок. Одним словом, интергруппы занимаются в своих регионах теми видами служения, которые не смогли бы осуществлять отдельные члены или группы АА. Они объединяют регионы; они заставляют биться пульс АА.

К 1937 году некоторые из нас осознали, что Содружеству нужна стандартизированная литература. Нам необходима была книга. Наша программа, существовавшая тогда лишь в устной форме, могла быть искажена. Среди нас могли возникнуть разрушительные разногласия по поводу основополагающих принципов АА. И тогда наши отношения с общественностью, безусловно, были бы совершенно испорчены.

Не зафиксировав свои знания на бумаге, мы не смогли бы выполнять свои обязательства перед алкоголиками, которые еще не слышали о нас.

Однако не все были согласны с этим; многих такое предложение страшно напугало. Их тревожило то, что на это потребовались бы деньги; они также опасались ожесточенных споров из-за авторства, гонораров, прибыли, цен и содержания самой книги. Некоторые искренне полагали, что этот внешне безрассудный проект разнесет наше маленькое сообщество на кусочки. «Давайте не создавать себе проблем, давайте не усложнять», – повторяли они.

Да, мы действительно яростно спорили в ходе подготовки и распространения пресловутой Большой Книги. Фактически на то, чтобы шум по этому поводу утих, потребовалось пять лет. Если кто-то из членов АА думает, что ветераны, составлявшие Большую Книгу, в период работы над ней прогуливались в белых одеждах, предаваясь безмятежной медитации, то он крупно ошибается. То вдохновение, которое, по словам читателей, наполняет эту книгу, могло проникнуть в нее только милостью Божьей!

Но посмотрим теперь, что происходило дальше. За текущий 1951 год было выпущено двести тысяч экземпляров книги «Анонимные Алкоголики». Они молчаливо распространяют наши идеи по всему миру, освещая путь практически каждому новому члену, приходящему в Содружество. Несомненно, Большая Книга – главная опора нашего единства. Она невероятно *упростила* нашу задачу. Несмотря на то, что определенная часть ее подготовки была очень «материальной» работой, те муки, в которых она рождалась, на деле, помогли нашему сообществу обрести форму и успешно функционировать. А духовные плоды этого – в отношении трезвости, счастья, веры – не поддаются никакому описанию.

Те формы служения, которые осуществляет Штаб, дают АА возможность функционировать как единое целое. Они хранят

наши Традиции, выпускают нашу основную литературу. Они заботятся о наших общих отношениях с общественностью, тем самым устанавливая правильные связи между нами и внешним миром. Они служат посредниками, когда у нас возникают трудности; они направляют нашу политику. Поэтому это незаменимое служение – главные спасательные круги АА для миллионов тех, кто о нас еще не знает.

Именно этот мировой центр служения представляет собой основное наследство, передаваемое по нашему недавно объявленному Третьему Завету. И именно на основе этого Завета служения Конференция по общему обслуживанию Анонимных Алкоголиков – представительный орган, состоящий из делегатов от штатов и провинций – в апреле этого года взяла на себя управление и руководство этими основными делами АА.

Данное событие ознаменовало передачу ответственности за наши всемирные службы из рук Доктора Боба, наших друзей и моих собственных вам – членам Содружества Анонимных Алкоголиков. Старательно поддерживайте и храните эти ценности; жизнь и благополучие миллионов людей и даже само выживание АА могут во многом зависеть от того, насколько хорошо вы будете выполнять свои новые обязанности.

Давайте же сделаем так, чтобы наши службы пользовались уважением; давайте считать, что они так же важны, как Двенадцать Шагов и Двенадцать Традиций АА. Давайте забудем о своем страхе перед чрезмерной организованностью; давайте помнить, что Содружеству как целому нельзя придать организационную структуру, но что при этом мы должны организовать и поддерживать свои специальные службы таким образом, чтобы Содружество могло функционировать. Давайте забудем о тех страхах, которые обуревали нас на заре существования АА – перед профессионализмом, накоплением богатства, системой управления. Мы уже на собственном опыте, теперь еще и подкрепленном Традициями, убедились в том, что подобное зло вряд ли постигнет нас.

А самое главное, давайте изменим свое прежнее отношение к деньгам. Благодаря своей трезвости члены АА коллективно зарабатывают огромные суммы – их доход составляет полмиллиарда долларов в год. Неужели мы не можем мудро, благодарно и смиренно вложить крошечную долю этого громадного дохода в те жизненно важные службы, которые заставляют пульс АА биться? Думаю, можем и должны. Ведь на примере собственной жизни мы видим, как трезвость приносит деньги, а на примере служб АА – как небольшое количество денег приносит бесчисленные духовные дивиденды. Давайте снова обдумаем все это.

Благодаря нашим Двенадцати Шагам мы выздоравливаем, благодаря Двенадцати Традициям – обретаем единство, а через наш Третий Завет – Служение – пронесем идеи АА сквозь все коридоры будущего. И в этом я чувствую счастливую уверенность.

Видение завтрашнего дня *(январь 1952 г.)*

Ясное видение завтрашнего дня приходит только после реалистичного взгляда на день вчерашний. Вот почему мы, члены АА, проводим самоанализ; вот почему этот выпуск журнала «Грейпвайн» наводит нас на размышления о великих событиях 1951 года. Это наш самоанализ за год.

Любой член Содружества согласится, что за этот период мы прожили фантастические двенадцать месяцев, которые повлияют на всю нашу дальнейшую судьбу.

На мой взгляд, величайшим из этих событий было принятие Содружеством своего Третьего Завета – Завета служения. Наше повзрослевшее сообщество впервые обрело возможность узнать собственное мнение, взять на себя руководство своими основными делами и обязательство хранить Традиции АА. Кроме того, Третий Завет ознаменовал наш однозначный отказ от мелких детских споров в пользу гораздо более зрелого и искусного управления делами АА. Над собором нашего духа прочно закрепился шпиль служения. Над великим фундаментом этого собора, символизирующим выздоровление, и над его защитными стенами, обозначающими наше единство, шпиль служения АА устремился ввысь, маня к себе миллионы тех, кто еще не знает о нас. Последняя работа по формированию структуры была завершена. Мы считаем, что в этом и заключалось скрытое значение первой Конференции по общему обслуживанию Анонимных Алкоголиков, которая собралась в апреле прошлого года в Нью-Йорке.

Однако великие события свалились на нас и из внешнего мира. Никогда ранее столько теологов, философов, социологов, работодателей и политологов не вступали в контакт с Анонимными Алкоголиками, чтобы выяснить, как можно было бы совместить принципы и структуру АА с их сферой размышлений и работы. Никогда ранее столько почтенных священнослужителей не заявляли, что Двенадцать Шагов АА

можно применять для решения почти любых проблем, какие только могут возникнуть у человека.

Во всем мире усилилась атака на проблему алкогольной зависимости; всем известная Всемирная организация здравоохранения развернула активную деятельность в этом направлении. В Северной Америке штаты и провинции стали выделять крупные суммы на нужды больниц и клиник, а также на образовательные мероприятия. Появились новые лекарства, облегчающие самые различные страдания алкоголиков – от дрожи в руках до неврозов. И во всех этих предприятиях Анонимные Алкоголики неизменно получали лестные отзывы. Одна крупная компания, занимающаяся страхованием жизни, «Метрополитэн», своими рекламными материалами дала крупномасштабное одобрение деятельности Содружества. Мы ни в коей мере не могли поддерживать какие-либо из этих инициатив, но зато с радостью сотрудничали с некоторыми из них и были благодарны за все.

Интерес общественности достиг своего апогея в весьма примечательном выпуске журнала «Фортьюн», вышедшем в феврале 1951 года. Прямо посередине номера красовались тысячи добрых слов об АА. Статья была многозначительно озаглавлена «Уникальный американский феномен». Она стала пользоваться такой популярностью, что наш Фонд сделал десятки тысяч ее перепечаток.

1951 год завершился еще одним ярким событием. Мир науки в лице Американской общественной ассоциации здравоохранения выразил Анонимным Алкоголикам свое полное одобрение, прогремевшее как сенсация. 30 октября прошлого года сцену исторического оперного театра Сан-Франциско заполнили ведущие специалисты в области медицины и общественные деятели. Именно там Содружество АА было награждено знаменитой премией Ласкера, которая, по оценкам многих, равноценна Нобелевской премии. Мы не только получили хорошие рекомендации за наш успех в решении проблемы алкоголизма. Комментарий к премии прозвучал, на деле, как

пророчество. Его заключительные слова были такими: «Возможно, настанет день, когда историки укажут на АА как на общество, достигшее гораздо большего, чем просто значительная доля успеха в решении проблемы алкоголизма и связанного с ним позорного клейма; может быть, они назовут Содружество Анонимных Алкоголиков великим начинанием в социальных изысканиях, выковавшим новый инструмент социального воздействия – новый метод лечения, основанный на родстве общих страданий, обладающий огромным потенциалом для несметного числа иных болезней человечества».

Таковы были волнующие события 1951 года – одного из самых прекрасных вчерашних дней в истории АА.

Любой член АА, который обдумает эти поразительные события, наверняка смиренно воскликнет: «Поистине чудны дела твои, Господи!» Если вдруг кем-то из нас овладеет искушение предаться мечте о том, что Содружество становится великим и могущественным или же что ему суждено спасти мир, то этому человеку хорошо бы перечитать предисловие к Традициям АА, где мы видим такие слова: «Если каждый из нас как член АА сможет отказаться от общественной славы и отвергнуть желание личной власти; если мы как движение будем настаивать на том, чтобы оставаться бедными..., если мы будем упорно отклонять любые предложения о вступлении в какие-либо политические, сектантские или иные объединения, то избежим внутренней разобщенности и негативного отношения общества; если как движение мы будем оставаться духовным объединением, занимающимся *исключительно* донесением своих идей до наших товарищей по несчастью..., только тогда мы сможем успешно выполнять свою задачу».

По сути, это означает молитву: «Не введи нас в искушение». Так пусть же нас ничто не испортит!

Только пока мы будем подобным образом смиренно размышлять о великом вчера нашего Содружества, Бог будет ниспосылать нам видение завтрашнего дня.

Наше последнее великое решение *(июнь 1954 г.)*

В следующем году, то есть 10 июня 1955 года, мы будем праздновать двадцатый день рождения АА. Но это еще не все. В следующем году наше сообщество примет, я верю, последнее великое решение, связанное с его окончательной формой и сущностью.

В чем же именно заключается это важнейшее решение?

В апреле этого года Конференция по общему обслуживанию АА собралась в Нью-Йорке для своего четвертого и последнего экспериментального заседания.

Большинству из нас известно, что эта Конференция – инструмент, посредством которого, как мы надеемся, Анонимные Алкоголики всего мира вскоре смогут взять на себя полноценное руководство и управление своими общими службами и основными делами – всеми теми жизненно важными направлениями служения, которые долгое время концентрировались вокруг нашего Фонда, Бюро общего обслуживания, а также служб, занимающихся публикацией, т.е. Издательства АА и журнала «Грейпвайн».

В рамках четырехлетнего эксперимента по управлению Содружеством через его собственное групповое сознание делегаты ото всех штатов и провинций США и Канады встречались с нашими попечителями и сотрудниками нью-йоркских служб, чтобы определить, могут ли Анонимные Алкоголики как единое целое действительно функционировать в этом качестве, смогут ли они сейчас твердо взять в собственные руки Третий Завет на все будущие времена.

Мы, те, кто в волнении наблюдал, как наша юная Конференция делает свои первые шаги и как она обретает форму, сущность и силу, сегодня совершенно уверены в ней. Мы верим, что наша Конференция, если она будет надежно связана с подобными же конференциями во всех отдаленных уголках земли, может *абсолютно точно* гарантировать нам выживание, единство и функционирование АА по всему миру. Мы

глубоко убеждены, что этот новый маяк служения способен пережить любые шторма и опасности, которые могут подстерегать нас в будущем. Мы впервые чувствуем уверенность в том, что Содружество в безопасности.

Именно поэтому величайшим событием 1955 года станет наше решение сделать новорожденную Конференцию по общему обслуживанию постоянной частью жизни АА. Этот бесповоротный шаг будет означать завершение формирования структуры АА – Выздоровление, Единство, а теперь еще и Служение. Это событие ознаменует собой тот день, когда мы, перед лицом Бога и всего мира, объявим о том, что мы повзрослели и берем на себя всю меру ответственности.

И тогда наш третий и последний Завет – Завет служения – перейдет от ветеранов, таких как Доктор Боб и я, к вам, Анонимным Алкоголикам настоящего и будущего.

Вот какое безгранично глубокое значение будет иметь 1955 год, день нашей двадцатой годовщины, час последнего решения АА.

Да будет воля Божья такова для всех нас. Аминь.

Письмо группам *(июль 1954 г.)*

Участники недавно прошедшей Конференции по общему обслуживанию после вдумчивого обсуждения проголосовали за отмену всех скидок, предоставляемых группам США и Канады на Большую Книгу и книгу «Двенадцать Шагов и Двенадцать Традиций».

Это решение было принято подавляющим большинством голосов – шестьдесят восемь против семи – и представляет собой точное отражение мнения Содружества. Затем было предложено, чтобы я написал для вас эту статью и рассказал, почему Конференция сочла эту меру столь необходимой.

Опыт нашего Штаба на протяжении пятнадцати лет с момента его основания определенно говорит – на деле, просто кричит, – что у Фонда всегда должен быть под рукой *значительный резервный фонд наличных средств* на случай часто возникающего дефицита, возможного экономического кризиса или жестокой инфляции, гарантирующий функционирование наших всемирных служб при любых условиях.

И это отнюдь не теория. В первые два года работы Штаба общего обслуживания все его расходы оплачивались за счет дохода от книг и брошюр. Затем в 1941 году группы начали брать на себя затраты Штаба путем добровольных пожертвований. Тем не менее, взносы от групп покрывали все его расходы только пять лет из тринадцати, прошедших после 1941 года. Было два случая, когда резервы Фонда, накопленные из дохода от литературы, буквально спасли Штаб от закрытия или, по меньшей мере, жесткого урезания предоставляемых им услуг.

Я помню период, когда группы не покрывали порядка двух тысяч долларов из расходов Штаба в месяц. В то же самое время «Грейпвайн» терял по тысяче долларов в месяц. Убытки держались на таком уровне почти два года. И только благодаря резервным средствам Фонда, собранным из дохода

от литературы, деятельность журнала не прекратилась полностью. Кроме того, без резерва резко сократился бы объем услуг Бюро общего обслуживания, и это как раз в то самое время, когда наше стремительно растущее Содружество нуждалось в еще большем их количестве, никак не меньшем.

Конечно, сегодня наше финансовое положение гораздо лучше – благодаря Конференции по общему обслуживанию, деятельности ее делегатов и членов комитетов и вашему более глубокому осознанию потребностей наших служб. По итогам прошлого года доходы журнала «Грейпвайн» немного превысили расходы. Благодаря увеличению пожертвований от групп счета Бюро общего обслуживания были оплачены почти полностью.

И все же общая нехватка средств составила около десяти тысяч долларов – ввиду того, что именно этой суммы не хватило, чтобы покрыть затраты на проведение Конференции по общему обслуживанию за счет пожертвований, внесенных группами специально для этой цели.

И снова, несмотря на недавнее улучшение ситуации, именно доход от книг и брошюр позволил все-таки провести Конференцию.

Эти факты нашей истории показывают, что необходимо постоянно иметь надежный резервный фонд. Эти деньги гарантируют работу всемирных служб АА, что бы ни случилось.

В связи с тем, что в последние годы наблюдается возрастание расходов и инфляции, средств нашего резервного фонда *в настоящее время хватит лишь на покрытие девятимесячных рабочих расходов* Бюро общего обслуживания.

С учетом изменчивости того времени, в которое мы живем, Конференция пришла к выводу, что такой уровень резервных средств чрезвычайно низок и очень ненадежен. Ее участники осознали, что даже уменьшение пожертвований от групп и продаж литературы всего лишь на 15-20% снова поставит нас в опасное положение.

Отсюда и решение Конференции приостановить действие всех скидок на литературу до тех пор, пока резерв Фонда не достигнет суммы, которой хватило бы на покрытие оперативных расходов Бюро общего обслуживания на протяжении, по меньшей мере, двух-трех лет.

Это означает, что теперь Издательство АА будет продавать группам США и Канады Большую Книгу по цене три доллара пятьдесят центов, а книгу «Двенадцать Шагов и Двенадцать Традиций» – по цене два доллара семьдесят пять центов. Было прямо оговорено, что Фонд должен помещать эти дополнительные средства в свой резерв в сберегательном банке. Если в течение следующих нескольких лет размер резервного фонда достигнет трехсот тысяч долларов, то, по договоренности делегатов, группам снова будут предоставляться скидки. Стоит только призадуматься о грандиозных размерах и сфере деятельности АА, как эти самые триста тысяч долларов начинают казаться очень маленькой суммой – это постоянное вложение всего лишь двух долларов от каждого члена Содружества, чтобы оно никогда и ни при каких условиях не распалось в самом своем центре.

Принятие Конференцией этой меры дало мне чувство безграничного удовлетворения и облегчения, ведь оно означает, что ваш Штаб будет защищен от кризисов и бедствий.

Я надеюсь, что все группы осознают настоятельную потребность в накоплении такого защитного резерва и в то же время в полной мере продолжат вносить добровольные пожертвования, которыми оплачиваются текущие расходы нашего Бюро общего обслуживания.

Тысяча благодарностей всем вам!

Значение Сент-Луиса *(апрель 1955 г.)*

Следующим летом будет двадцать лет с тех пор, как я впервые увидел Доктора Боба – двадцать лет с тех пор, как вспыхнула та искра, которой суждено было превратиться в Содружество Анонимных Алкоголиков, и с тех пор, как «Группа Акрона номер один» обрела форму и содержание.

В июле этого года мы празднуем свою годовщину в Сент-Луисе – все те из нас, кто сможет туда приехать. Может, десять тысяч человек, а может, двадцать. А все те, кто не сможет, несомненно, будут присутствовать там духовно и обязательно разделят с нами эти волнующие, полные значения часы, читая отчеты об этом событии.

Празднование в Сент-Луисе будет не просто очередной годовщиной. На то есть очень веская причина: за всю будущую историю АА больше не будет другого такого события, как это.

Как и во время всех предыдущих годовщин, мы будем благодарить Бога за свое освобождение от оков; мы отдадим дань благодарности тем своим близким и дорогим людям, которые были рядом с нами, пока в нашей душе царил мрак; мы с благодарностью вспомним тех друзей из внешнего мира, чьи идеи, доброжелательность и усердный труд во многом помогли превратить Содружество в то, чем оно является сегодня. Мы будем приветствовать друг друга с теплотой, которую редко можно встретить. Мы будем обмениваться опытом, а также признаем, что у нашего сообщества есть свои недостатки, и попросим Бога показать нам, как их исправить. Мы будем размышлять над значением нашей короткой, но захватывающей истории, и, чувствуя уверенность благодаря вере, примем все, что уготовило нам Провидение. Все это мы будем делать в Сент-Луисе.

Однако мы также сделаем кое-что, чего никогда нельзя будет повторить. Мы объявим, что детство и юность нашего сообщества остались в его невероятном, похожем на чудо

прошлом; что наше Содружество достигло совершеннолетия; что теперь мы предлагаем членам АА взять в свою собственность и под свою полную ответственность наше наследие, оставшееся нам от ранних лет существования АА – жизненно важные заветы Выздоровления, Единства и Служения. Единство и функционирование нашего сообщества больше не будет зависеть от его родителей, старейшин или основателей. В этом и будем заключаться уникальное значение Сент-Луиса.

И это значит, что все мы – АА как одно целое – теперь совершенно готовы взять в свои руки всю опеку над Традициями АА, которые гарантируют наше единство в будущем, а также в полной мере отвечать за всемирные службы, которые обеспечивают наше функционирование как Содружества и служат нашими главными спасательными тросами для миллионов людей по всему миру, все еще нуждающихся в АА.

Возможно, это звучит туманно, абстрактно и несбыточно. Но это не так. Основная идея проста и практична. В жизни любой семьи приходит время, когда родители должны сказать своим сыновьям и дочерям: «Вы уже взрослые; вот ваше наследство. Распоряжайтесь им по своему усмотрению. Мы будем наблюдать за вами, помогать, но мы не должны больше решать за вас, действовать за вас и защищать вас. Отныне вы отвечаете за собственную жизнь и благополучие. Так возьмите же свою судьбу в свои руки. И да пребудет с вами Божья любовь». Все знают, что хороший родитель должен это сделать. В определенный момент все родители должны просто «отпустить ситуацию и оставить ее на волю Бога». Именно это мы, ветераны, и предложим вам в Сент-Луисе. По крайней мере, я планирую это сделать, так как верю, что такое решение будет здоровым, своевременным и правильным.

На великой сцене зала в Сент-Луисе вы увидите избранных вами представителей – членов Конференции по общему обслуживанию Анонимных Алкоголиков. Среди них вы также

увидите попечителей АА и сотрудников наших всемирных служб. А когда настанет последний час нашего съезда, я от имени всех ветеранов ...

Но что же это я? Не буду портить сюрприз.

Надеюсь, что мы с Лоис встретимся с вами в Сент-Луисе!

Следующие три статьи содержат первоначальную версию исторического раздела «Руководства по обслуживанию АА». Отрывки, в которых приводятся устаревшие факты, больше не включаемые в это руководство, здесь сохранены в качестве исторических сведений.

Как росли всемирные службы АА
Часть 1 *(май 1955 г.)*

Когда-нибудь будет написана история Анонимных Алкоголиков. Только тогда большинство из нас до конца осознают, каково значение общенациональных и международных служб для нашего сообщества, как трудно было их создавать и как важно сохранить их в будущем.

Однажды в 1937 году в доме Доктора Боба в Акроне мы с ним подвели итог почти трехлетнего труда. Мы впервые поняли, что массовое выздоровление алкоголиков возможно. Тогда у нас было две маленькие, но крепкие группы, в Акроне и Нью-Йорке, плюс отдельные члены АА в других местах. Как же эти немногочисленные выздоровевшие могли рассказать миллионам алкоголиков по всему миру свою великую новость? Вот в чем был главный вопрос.

Мы с Доктором Бобом немедленно встретились с восемнадцатью членами группы Акрона в доме Т. Генри Вильямса, нашего надежного друга-неалкоголика. Некоторые люди из акронской группы все еще считали, что нам следует по-прежнему передавать свои идеи устно; однако большинство пришло к выводу, что теперь нам нужны собственные больницы с персоналом, услуги которого оплачивались бы, а самое главное – книга для других алкоголиков, в которой разъяснялись бы наши методы и их результаты. Для этого потребовалась бы значительная сумма денег – может быть, много миллионов. Тогда мы не знали, что миллионы способствовали бы распаду нашего Содружества даже в большей мере, чем полное отсутствие денег. Итак, группа Акрона поручила мне отправиться в Нью-Йорк, чтобы добыть денег. По приезде домой я обнаружил, что нью-йоркская группа полностью одобряет эту идею. Несколько из нас сразу же взялись за дело.

Через моего шурина, доктора Л.В. Стронга-младшего, мы наладили контакт с мистером Виллардом С. Ричардсоном,

другом и давним компаньоном семьи Рокфеллеров. Мистер Ричардсон сразу же загорелся и заинтересовал нашими идеями группу своих друзей. Зимой 1937 года в офисе Джона Д. Рокфеллера-младшего состоялось совещание. На нем присутствовали мистер Ричардсон со своей группой, доктор Вильямс Д. Силкуорт, алкоголики из Акрона и Нью-Йорка и мы с Доктором Бобом. После долгого обсуждения мы убедили своих новых друзей в том, что нам срочно нужны деньги, и притом много.

Один из них, некий мистер Фрэнк Амос, вскоре предпринял поездку в Акрон с целью изучить местную группу. (Между прочим, Фрэнк до сих пор остается другом и попечителем Анонимных Алкоголиков). Он вернулся с Запада с очень оптимистичным докладом о ситуации в Акроне, резюме которого мистер Ричардсон быстро представил Джону Д. Рокфеллеру-младшему. Это было в начале 1938 года. Несмотря на то, что мистер Рокфеллер был очень впечатлен, он отказался вложить в наше дело крупную сумму, так как побоялся, что это будет способствовать профессионализации АА. Тем не менее, он пожертвовал пять тысяч долларов. Эти деньги ушли на содержание Доктора Боба и меня на протяжении 1938 года. Нам было еще далеко до больниц, проповедников, книг и больших денег. В то время наше положение казалось очень трудным; однако это был, вероятно, один из лучших периодов за всю историю АА.

Несмотря на взгляды мистера Рокфеллера, мы возобновили свои попытки убедить его друзей в нашей вопиющей потребности в деньгах. В конце концов, они согласились, что нам действительно нужно больше денег – хотя бы для того, чтобы создать учебник по нашим методам и опыту.

Это решение привело к формированию весной 1938 года так называемого Фонда АА. Первый совет попечителей состоял из трех наших новых друзей – мистера Ричардсона, мистера Амоса и доктора Л.В. Стронга. Анонимных

Алкоголиков представляли Доктор Боб и один член нью-йоркской группы. Пользуясь списком потенциальных жертвователей, который предоставили нам наши новые друзья, мы, алкоголики Нью-Йорка, начали просить деньги. Поскольку Фонд АА, действуя на благотворительных началах, не платил налогов, мы думали, что богатые будут вносить обильные пожертвования. Однако ничего подобного не происходило. После нескольких месяцев выпрашивания мы не смогли добыть ни цента. Что же нам было делать дальше?

В конце весны 1938 года я написал черновик того, что сейчас представляет собой первые две главы книги «Анонимные Алкоголики». Мимеографические копии этого материала использовались как часть проспекта, с помощью которого мы проводили свою бесплодную операцию по сбору средств. На собраниях Фонда, которые проводились почти каждый месяц, наши друзья-неалкоголики выражали нам свое сожаление по поводу безуспешности этих действий. Около половины из пяти тысяч долларов, выделенных мистером Рокфеллером, пошли на оплату по закладной на дом Доктора Боба. Остальная сумма, поделенная между нами, разумеется, должна была скоро истощиться. Перспектива открывалась определенно невеселая.

Затем Фрэнк Амос вспомнил о своем давнем друге Юджине Эксмане, который был редактором по религиозным материалам в издательстве «Харперз». Он направил меня в это издательство, и я показал мистеру Эксману две главы нашей планируемой книги. К моему восторгу мистер Эксман был впечатлен. Он сделал мне предложение: издательство могло бы ссудить мне полторы тысячи долларов в счет авторского гонорара, чтобы мы закончили работу над книгой. В нашем тогдашнем бедственном положении полторы тысячи казались кучей денег.

Тем не менее, наш энтузиазм в отношении этого предложения быстро ослаб. После завершения книги мы остались бы должны издательству «Харперз» полторы тысячи долларов.

И если, как мы надеялись, Содружество обрело бы широкую известность, то, как бы мы смогли нанять помощников, чтобы отвечать на поток запросов – может быть, тысячи!

Была еще одна проблема, причем серьезная. Права собственности на книгу «Анонимные Алкоголики», которая должна была стать основным текстом АА, оказались бы в чужих руках. Было очевидно, что нашему сообществу следует самостоятельно владеть своей литературой и издавать ее. Ни один издатель, каким бы хорошим он ни был, не должен владеть нашим лучшим активом.

Однако, как только эта идея была озвучена, со всех сторон началось сопротивление. Нам говорили, что непрофессионалам не следует лезть в издательское дело, так как они практически никогда не добиваются в нем успеха. Тем не менее, некоторые из нас по-прежнему придерживались иного мнения. Мы выяснили, что затраты на издание книги формируют лишь часть розничной цены. Если бы наше сообщество разрасталось, то росли бы и продажи литературы. А при такой высокой норме прибыли у нас, несомненно, появились бы реальные деньги. (Естественно, мы предпочли забыть обо всех остальных серьезных затратах, связанных с выпуском и распространением книг!) Споры продолжались. Однако оппозиция потерпела поражение, так как у Фонда не было денег, и мы понимали, что их появление не предвидится. Это и стало решающим доводом.

Итак, двое из нас – я с одним другом – принялись за дело. Мы купили пачку пустых акционерных сертификатов и написали на них «Издательство «Воркс Паблишинг», номинальная стоимость 25$». Затем я и мой друг Хэнк П. предложили нью-йоркским алкоголикам и их друзьям приобрести доли в новом издательском предприятии. Но они лишь смеялись в ответ. «Кто же согласится купить долю в прибыли от еще ненаписанной книги!» – говорили они.

Как бы то ни было, нам нужно было убедить этих нерешительных покупателей, поэтому мы обратились в журнал «Ридерз Дайджест» и рассказали его главному редактору историю нашего зарождающегося сообщества и его предполагаемой книги. Ему очень понравилась наша идея, и он пообещал, что весной 1939 года, когда мы намеревались закончить подготовку книги, журнал опубликует статью об АА, в которой обязательно упомянет новую книгу.

Этот был тот самый аргумент в пользу продаж, который нам и был нужен. С такой рекламой будущее издание должно было распродаваться вагонами. Как же мы могли проиграть? Алкоголики Нью-Йорка и их друзья быстро изменили свое отношение к акциям «Воркс Паблишинг». Они начали покупать их главным образом, в рассрочку. Наш самый крупный акционер внес триста долларов. Всего мы собрали сорок девять вкладчиков. В течение следующих девяти месяцев они внесли около четырех с половиной тысяч долларов. Кроме того, мы получили заем в размере двух с половиной тысяч у Чарльза Б. Таунса, владельца той больницы, куда я так часто попадал. Благодаря этому мы с Хэнком, а также наш секретарь, которую звали Рут, продержались до окончания работы над книгой.

Рут печатала, а я медленно диктовал главы текста для новой книги. Много месяцев подряд на собраниях групп Нью-Йорка и Акрона велись ожесточенные споры по поводу этих черновиков и того, что следует в них включить. Я гораздо больше играл роль арбитра, чем автора. Тем временем алкоголики Акрона и Нью-Йорка, а также пара человек из Кливленда начали писать свои личные истории – всего двадцать восемь. На Западе Доктору Бобу очень помогал придавать этим историям форму один член Содружества, который был газетчиком; а в Нью-Йорке мы с Хэнком продолжали подгонять наших авторов-любителей.

Когда книга уже близилась к завершению, мы нанесли визит главному редактору журнала «Ридерз Дайджест» и

попросили опубликовать обещанную статью. Он озадаченно взглянул на нас, силясь вспомнить, кто мы такие. А потом сообщил нам сокрушительную новость. Он рассказал нам, как много месяцев назад представил наше предложение на рассмотрение редколлегии журнала и как оно было отвергнуто. Через слово извиняясь, он признался, что напрочь забыл известить нас об этом. Это был просто шок для нас.

Между тем, мы уже оптимистично заказали пять тысяч экземпляров новой книги, главным образом в долг. Типография тоже надеялась на журнал «Ридерз Дайджест». Теперь на их складе вскоре должно было оказаться пять тысяч книг и ни одного покупателя.

Наконец, в апреле 1939 года книга вышла в свет. Мы добились публикации рецензии на нее в «Нью-Йорк Таймс», а доктор Гарри Эмерсон Фосдик предоставил нам другую рецензию, действительно очень хорошую. Однако ничего не произошло. Книгу совершенно не покупали. Мы были по уши в долгах. В офисе в Неварке, где мы работали, появился шериф; хозяин продал дом, где мы с Лоис жили. Мы с ней оказались на улице и были вынуждены воспользоваться милосердием нашим друзей из АА. Мы думали, что типография, «Корнуолл Пресс», возможно, завладеет правами собственности на книгу. Однако ее глава Эдвард Блэкуэлл не собирался делать ничего подобного. Совершенно необъяснимым образом он продолжал верить в нас. Но некоторые алкоголики, купившие акции книги, не разделяли его веры. Иногда они использовали крепкие выражения, которые были ничуть не лестными. Вот в таком плачевном состоянии пребывало наше издательское начинание.

Я никогда до конца не пойму, как нам удалось продержаться лето 1939 года. Хэнку пришлось найти себе работу. Полная веры Рут принимала в качестве платы за свои услуги доли в прибыли от нашего призрачного издательского предприятия. Один друг из АА предоставил нам свой летний домик,

другой – свою машину. Мы усердно старались завербовать издателей журналов, чтобы они напечатали хоть что-нибудь о нашем сообществе и его новой книге.

Первый прорыв случился в сентябре 1939 года. Журнал «Либерти Мэгэзин», который тогда возглавлял наш будущий большой друг Фултон Оурслер, опубликовал статью под названием «Алкоголики и Бог», написанную неким Моррисом Марки. Реакция была незамедлительной. На нас свалилось около восьмисот писем от алкоголиков и их семей. Руг ответила каждому, прилагая к своим письмам листовки с информацией о нашей новой книге. И постепенно она начала продаваться. Затем кливлендская газета «Плэйн Дилер» опубликовала серию статей об Анонимных Алкоголиках. Сразу после этого число членов местных групп подскочило с дюжины до многих сотен. Мы продали еще больше книг. Так мы потихоньку продвигались вперед, через этот полный риска год.

От мистера Рокфеллера не было никаких вестей с начала 1938 года. Однако в феврале 1940 года он дал о себе знать самым неожиданным образом. Его друг мистер Ричардсон появился на одном собрании наших попечителей, сияя широкой улыбкой, и заявил, что мистер Рокфеллер хочет устроить обед для Анонимных Алкоголиков. Внушительный список приглашенных включал весьма известных людей. Мы подсчитали, что их общая ценность составляет не менее миллиарда долларов. Мистер Ричардсон рассказал, что Джон Д. Рокфеллер-младший с глубоким удовлетворением наблюдал за нашими успехами и теперь хочет протянуть нам руку помощи. Уж теперь-то у нас больше не будет проблем с деньгами – так мы тогда подумали.

Обед состоялся в следующем месяце в клубе Лиги профсоюзов Нью-Йорка. Доктор Гарри Эмерсон Фосдик выступил с хвалебной речью в наш адрес; то же самое сделал доктор Фостер Кеннеди, выдающийся невролог. Затем мы с

Доктором Бобом вкратце рассказали присутствующим об АА а алкоголики из Акрона и Нью-Йорка, вразброс сидевшие за столами среди именитых гостей, отвечали на вопросы. Видя, что собравшиеся относятся к нам со все возрастающей теплотой и интересом, мы подумали: вот оно, наши денежные проблемы решены!

И тогда поднялся мистер Нельсон Рокфеллер, чтобы выступить от имени своего отца, который был болен. По его словам, его отец был очень доволен, что присутствующие на обеде гости своими глазами увидели многообещающее начало нового сообщества Анонимных Алкоголиков. Нельсон отметил, что его отец редко проявлял к чему-либо больший интерес. Но очевидно, что, поскольку АА – начинание на основе одной только доброй воли, где один человек несет хорошие новости другому, сообществу требуется лишь немного денег или даже не требуется вовсе. После этой реплики мы упали духом. Когда мистер Нельсон Рокфеллер закончил свою речь, все эти капиталисты, стоившие миллиард, встали и вышли, не оставив нам ни доллара.

На следующий день мистер Рокфеллер письменно обратился ко всем, кто присутствовал на обеде, и даже к тем, кто не присутствовал. Он снова подтвердил, что проявляет большой интерес к АА и совершенно уверен в нашем успехе. И снова подчеркнул, что нам требуется лишь немного денег или даже не требуется вовсе. И, наконец, в самом конце письма он мимоходом упомянул, что жертвует в пользу Анонимных Алкоголиков тысячу долларов!

Когда широкая публика прочла в прессе рассказы об устроенном мистером Рокфеллером обеде, многие бросились в книжные магазины, чтобы купить книгу «Анонимные Алкоголики». Попечители Фонда упрашивали присутствовавших на обеде сделать нам пожертвования. Зная о размере вклада мистера Рокфеллера, эти люди поступали соответствующим образом. К нам поступило около трех тысяч

долларов – пожертвование, которое, как показало будущее, мы просили и получали каждый год на протяжении еще четырех лет.

Только гораздо позже мы осознали, что мистер Рокфеллер действительно сделал для нас. Рискуя стать посмешищем, он на глазах всего мира взялся устроить рекламную акцию ради крошечного сообщества алкоголиков, борющихся за выживание. Ради этих неизвестных ему людей он поставил себя в рискованное положение. Проявляя мудрую экономию в плане денежных пожертвований, он щедро отдавал самого себя. Именно тогда Джон Д. Рокфеллер спас нас от опасностей управления собственностью и профессионализма. И это лучшее, что он мог для нас сделать.

В результате число членов АА резко подпрыгнуло, достигнув к концу 1940 года примерно двух тысяч человек. Мы с Доктором Бобом начали получать по тридцать долларов в неделю каждый из пожертвований, что поступили благодаря тому обеду. Это очень облегчило нам жизнь. Я и Лоис поселились в маленькой комнатушке в первом клубе АА, что находился в Нью-Йорке по адресу: 24-я Уэст-стрит, 334S.

Что было лучше всего, благодаря возросшим продажам книги стало возможным создание национального штаба АА. Мы переехали из дома 75 на Уильямс-стрит, что в Нью-Арке, штат Нью-Джерси, где была написана книга «Анонимные Алкоголики», в Нью-Йорк, в дом 30 по Весэй-стрит, что немного севернее района Уолл-стрит. Мы заняли скромный офис из двух комнат прямо напротив центрального почтамта на Черч-стрит. Там нас уже ждал знаменитый абонентский ящик 658, готовый принять тысячи отчаянных писем, которые вскоре стали в него поступать. Именно в этот период Рут Хок стала первым национальным секретарем АА, а я превратился в своего рода подручного для Штаба.

На протяжении всего 1940 года наш нью-йоркский офис, борющийся за выживание, существовал исключительно на

доход от продажи книги. Буквально каждый цент этих денег шел на оплату работы, выполняемой здесь для АА. На каждую просьбу о помощи мы отвечали теплым письмом, предназначенным именно для обратившегося. Когда алкоголики или их семьи продолжали проявлять интерес, мы продолжали переписываться с ними. Благодаря таким письмам и книге «Анонимные Алкоголики» начали образовываться новые группы АА.

Что еще более важно, у нас появились списки потенциальных членов во многих городах и городках США и Канады. Эти списки мы передавали коммивояжерам из АА, являющимся членами уже существующих групп. Мы постоянно поддерживали связь с этими путешествующими посланниками, и они организовывали еще больше новых групп. Чтобы еще более облегчить их задачу, мы стали публиковать справочники с информацией о собраниях групп АА.

Потом у нас неожиданно появился новый вид деятельности. Поскольку зарождающиеся группы виделись со своими путешествующими спонсорами лишь в течение очень ограниченного периода времени, они начали обращаться в наш нью-йоркский офис, чтобы мы помогли им в решении их бесчисленных проблем. Тогда мы начали через переписку делиться с ними опытом старших центров АА. Немного позже, как мы вскоре увидим, это стало основной нашей деятельностью.

Тем временем некоторые из акционеров нашего издательства забеспокоились. Они жаловались, что вся прибыль от продажи книги уходит на обеспечение работы нашего офиса. Так, когда же они получат свои деньги обратно, и получат ли вообще? Кроме того, мы должны были найти способ вернуть мистеру Таунсу его две с половиной тысячи. Мы также понимали, что книга «Анонимные Алкоголики» должна стать собственностью всего Содружества. А на тот момент ею владели: на треть – сорок девять акционеров, на треть – мой друг Хэнк, и еще на треть – я.

В качестве первого шага мы устроили аудиторскую проверку своего издательства «Воркс Паблишинг» и легально зарегистрировали его. Мы с Хэнком подарили свои доли в нем Фонду АА. Эти доли мы получили за оказанные нами услуги. Однако сорок девять других акционеров вложили настоящие деньги. Нужно было выплатить причитающееся им и мистеру Таунсу наличными. Но откуда же нам было взять на это денег?

Помощь, в которой мы так нуждались, пришла в лице мистера А. Лероя Чипмэна, который также был другом и партнером мистера Джона Д. Рокфеллера. Незадолго до того он стал одним из попечителей Фонда. Он убедил мистера Рокфеллера, двоих его сыновей и некоторых из гостей, присутствовавших на знаменитом обеде, ссудить Фонду восемь тысяч долларов. Из этой суммы мы сразу же отдали долг мистеру Чарльзу Б. Таунсу, погасили некоторые мелкие долги, а также полностью расплатились с сорока девятью изначальными акционерами по номинальной стоимости их долей, которые они затем передали Фонду. Двумя годами позже возросшая прибыль от продаж книги «Анонимные Алкоголики» позволила нам погасить весь заем. Впечатленные этой многозначительной демонстрацией финансовой ответственности мистер Рокфеллер, его сыновья и некоторые из участников того самого обеда вернули Фонду половину суммы, которую нам ссужали.

Вот такие сделки потребовались для того, чтобы книга «Анонимные Алкоголики» перешла в собственность всего нашего сообщества. Теперь Анонимные Алкоголики через Фонд стали владельцами своего главного учебника, с которым связано лишь одно обязательство – выплачивать авторский гонорар Доктору Бобу и мне. Поскольку доход от продаж книги все еще оставался единственным источником финансирования Фонда, попечители, что вполне естественно, взяли на себя управление делами нашего офиса на Весэй-стрит. Уже тогда структура всемирного обслуживания АА начала обретать форму и сущность.

Весна 1941 года принесла нам ошеломительный успех. «Сэтедэй Ивнинг Пост» решила написать об Анонимных Алкоголиках. Эта задача была поручена Джеку Александеру, ее знаменитому автору. Только что закончив статью о рэкете в Джерси, Джек занялся нами с несколько насмешливым настроем. Но вскоре он, хоть и не был алкоголиком, стал одним из «новообращенных» нашего Содружества. Работая с утра до ночи, он провел с нами целый месяц. Мы с Доктором Бобом, а также ветераны самых первых групп Акрона, Нью-Йорка, Кливленда, Филадельфии и Чикаго провели с ним огромное количество времени. Прочувствовав АА до мозга костей, Джек написал статью, которая потрясла алкоголиков и их семьи по всей стране. Она была размещена на передней полосе «Сэтедэй Ивнинг Пост» от 1 марта 1941 года.

А потом был настоящий потоп. Через абонентский ящик 658 наш нью-йоркский офис буквально завалили отчаянные просьбы о помощи от алкоголиков и их семей. Мы получили их около шести тысяч. Поначалу мы рылись в этой куче писем, наугад извлекая оттуда отдельные, и при этом то смеялись, то плакали. Как можно было ответить на такое ужасающее количество душераздирающих писем? Было ясно, что я и Рут ни за что не справимся с этим сами. Формальных писем было бы недостаточно. На каждое нужно было дать понимающий ответ, предназначенный специально автору конкретного письма.

И тогда в старом нью-йоркском клубе на 24-й Стрит появились добровольцы с печатными машинками. Они ничего не знали о том, как продавать книгу АА через почту и, что вполне естественно, дрогнули перед лицом такой лавины корреспонденции. Из этой чрезвычайной ситуации был возможен лишь один выход – нанять помощников на полный рабочий день. Однако дохода от продажи книги ни за что бы не хватило на оплату их услуг. И опять перед нами встал вопрос – откуда взять деньги?

Может быть, помогут сами группы АА? Хотя раньше мы никогда ни о чем их не просили, это было, несомненно, их дело, и ничье больше. Предстояло проделать огромный объем работы по Двенадцатому Шагу, и притом быстро. Эти крики о помощи не должны были оказаться в корзине для мусора. Мы должны были добыть денег.

Итак, мы рассказали группам, в чем проблема, и они откликнулись. Для *добровольных пожертвований* была установлена норма в один доллар с человека в год. Попечители Фонда согласились взять на себя заботу об этих средствах, помещая их на специальный банковский счет и выделяя исключительно для рабочих нужд офиса АА. Несмотря на то, что первые сборы не совсем оправдали ожидания, их оказалось достаточно. Наш офис нанял двоих оплачиваемых сотрудников, и через несколько недель мы наверстали упущенное время.

Однако это было только начало. Скоро булавки на карте, что висела на стене у нас в офисе, показывали, что группы АА растут как грибы. У большинства из них не было совершенно никого, кто, обладая соответствующим опытом, мог бы указывать им верное направление. Их тревоги и проблемы были бесчисленны. Попрошайки попрошайничали, одинокие тосковали, комитеты ссорились, новые клубы сталкивались с неожиданными трудностями, ораторы разглагольствовали, группы раскалывались, их члены превращались в профессионалов и распродавали копии нашей книги, целые группы иногда напивались, связи с общественностью на местах были беспорядочными – таким был наш поистине пугающий опыт.

Затем стала распространяться захватывающая история о том, что Фонд, нью-йоркский офис и книга «Анонимные Алкоголики» – не более чем очередное мошенничество, жертвой которого по глупости стал Джон Д. Рокфеллер. Это был предел.

До этого мы думали, что уже доказали, что наше Содружество действительно помогает алкоголикам обретать трезвость; но в этих новых нереальных условиях мы определенно еще не могли доказать, что алкоголики могут работать вместе или хотя бы оставаться трезвыми.

Как же Анонимные Алкоголики могли сохранить свою целостность и функционировать дальше? Таковы были вопросы, волновавшие нас во времена юности АА. Потребовалось еще десять лет опыта, чтобы получить на них те точные ответы, которые мы знаем сегодня.

Как росли всемирные службы АА
Часть 2 *(июнь 1955 г.)*

В начале 1941 года в нашем Содружестве было две тысячи членов, а к концу – уже восемь тысяч. Это была мера огромного влияния знаменитой статьи в «Сэтедэй Ивнинг Пост». Однако это было лишь начало, за которым последовали бесчисленные тысячи просьб о помощи от отдельных людей и растущих групп со всего мира, продолжающие поступать в Штаб общего обслуживания по сей день.

Такой феноменальный рост Содружества принес с собой еще одну проблему, причем очень важную. Оказавшись в центре внимания всей нации, мы должны были начать крупномасштабное общение с широкой публикой. Недоброжелательность со стороны общественности могла замедлить и даже остановить развитие АА. В то же время энтузиазм и доверие с ее стороны могли привести к такому увеличению числа членов Содружества, о котором мы раньше лишь мечтали. Та самая статья в «Сэтедэй Ивнинг Пост» это уже доказала. Проблема была не только серьезной, но и весьма деликатной. Промахи, вызывающие предубеждение против нас, могли стоить кому-то жизни. Необходимо было выработать и ввести в действие тщательно продуманную политику по связям с общественностью.

Наибольшую важность должны были иметь для нас отношения с медициной и религией. Мы ни при каких обстоятельствах не должны были вступать в соревнование ни с тем, ни с другим. Если бы мы выглядели как новая религиозная секта, с нами точно было бы покончено. Если бы мы перенесли свою деятельность в сферу медицины как таковой, результат был бы тот же самый. Поэтому мы начали старательно подчеркивать тот факт, что АА – *образ жизни*, не конфликтующий ни с чьими религиозными убеждениями. Мы говорили докторам, как сильно нуждаемся в больничном лечении, и твердили

психиатрам и работникам вытрезвителей о преимуществах сотрудничества с нами. Мы утверждали, что во все времена религия должна оставаться сферой деятельности священнослужителей, а медицинскую практику должны вести врачи. А мы, неспециалисты, лишь служили необходимым связующим звеном.

Такой подход, которого мы с тех пор придерживаемся на протяжении многих лет, принес очень радующие результаты. Сегодня мы пользуемся безоговорочной поддержкой почти всех религиозных течений. Большинство практикующих медиков, действительно понимающих сущность АА, направляют к нам своих пациентов-алкоголиков. Члены АА часто выступают на религиозных мероприятиях и перед медицинскими ассоциациями. И наоборот, представители медицины и религии часто присутствуют на больших открытых собраниях АА.

Как бы ни были важны медицина и религия, они – лишь часть общей сферы отношений с общественностью.

Как наилучшим образом сотрудничать с прессой, радио, кино, а позднее – и телевидением? Что делать с работодателями, которым нужна помощь особого рода? Каким должен быть правильный подход к сфере образования, исследовательской сфере, а также реабилитационной – как частной, так и общественной? Что ответить тюрьмам и больницам, желающим иметь в своих стенах группы АА? Что говорить членам АА, которые занимаются работой в некоторых из этих областей и испытывают искушение публично использовать имя АА в целях рекламы или получения выгоды? Что говорить или делать, если Содружество подвергнется публичной эксплуатации, поношению или атаке извне? Необходимо было найти верные ответы и действенные решения для всех этих вопросов и проблем, как и для многих других. В противном случае Анонимные Алкоголики пострадали бы.

Процесс поиска правильных ответов на все эти головоломки был длительным. В результате многих проб и ошибок, порой перемежавшихся болезненными промахами, возникли наиболее эффективные подходы и приемы. Важнейшие из них сегодня сформулированы в Традициях АА. Стопроцентная анонимность при контактах с общественностью, отказ от использования имени АА в поддержку иных начинаний, какими бы благородными они ни были, отказ от выражения одобрения посторонним движениям и от вступления в какие бы то ни было объединения, одна цель для всего Содружества Анонимных Алкоголиков, отсутствие профессионализации, отношения с общественностью, основанные на принципе привлечения, а не пропаганды – эти уроки, как и другие, дались нам с трудом.

Итак, наш совет попечителей и Штаб стали основным центром, вокруг которого формировались Традиции АА. К 1945 году наши связи с общественностью, прежде хаотичные, упорядочились. Лидеры нашего сообщества постоянно обращались в нью-йоркский офис с просьбой поделиться с ними опытом в этом отношении и дать соответствующие рекомендации. Эта деятельность велась столь успешно, что средний член АА всегда принимал как должное наши отличные взаимоотношения с общественностью. Это было естественно, ведь наши службы были в основном невидимы для рядовых членов Содружества. Тем не менее, Анонимные Алкоголики, безусловно, во многом обязаны своим невероятным развитием этой самой невидимой общественной работе служб.

До этого момента в истории наших служб мы с вами уже видели Фонд, книгу «Анонимные Алкоголики», разработку брошюр АА, ответы на множество просьб о помощи, удовлетворенную потребность групп в советах по их проблемам, начало наших чудесных взаимоотношений с широкой общественностью – и все это становилось частью растущих служб для всего мира АА. Наконец-таки наше сообщество действительно начало функционировать *как единое целое*.

Однако период с 1941 года по 1945 год принес еще больше значительных усовершенствований. Наш офис переехал с Весэй-стрит в дом 415 по Лексингтон-авеню, что прямо напротив знаменитого Большого центрального вокзала. Наш почтовый адрес стал таким: а/я 459, Гранд Сентрал Эннекс, Нью-Йорк. Мы приняли решение о переезде из-за острой необходимости обслуживать многочисленных членов АА, проезжающих через Нью-Йорк. Как только мы разместились неподалеку от центрального вокзала, нас стали осаждать толпы визитеров, которые только тогда начали рассматривать Анонимных Алкоголиков как сообщество всемирного масштаба. Это были только первые из тысяч членов АА, их родных, друзей, духовников, докторов и работодателей, которые с тех пор посетили наш нью-йоркский Штаб.

В 1941 году Рут ушла из офиса в связи с предстоящим замужеством, оставив на всем сообществе отпечаток своей преданности нашему общему делу. Ее обязанности в Штабе стала выполнять Бобби Б., которая в течение последующих десяти лет благодаря своему безграничному трудолюбию познакомилась с бесчисленными тысячами членов АА. Ее служение сыграло важнейшую роль в то волнующее время юности АА, когда никто не был уверен, что Содружество сможет успешно функционировать или хотя бы просто не распасться.

Вскоре расширение сообщества Анонимных Алкоголиков достигло потрясающих масштабов. Мы полным ходом двигались вперед, распространяя идеи АА в Канаде, на зависимых территориях США, а также во многих других странах. Развитие АА за рубежом поставило перед нами целый ряд новых дилемм, которые необходимо было решить. Каждый новый осваиваемый нами плацдарм должен был пройти период продвижения вслепую, а затем – период миссии первопроходцев, подобному тому, как было у нас в США. Мы сталкивались с языковыми барьерами, поэтому все больше нашей литературы переводилось на другие языки.

Кроме того, наши зарубежные друзья высказывали новые, совершенно особые сомнения. Может быть, АА – штука для ники, от которой не будет толку в Ирландии, Англии, Голландии, Скандинавии, Австралии и странах Тихоокеанского бассейна? Ведь, если их страны так отличаются друг от друга, значит, алкоголики в них тоже должны быть совершенно разными! Поэтому они спрашивали нас – а будет ли Содружество работать в их культурах?

И снова мы прибегли к активной переписке. Иногда нам помогали члены АА из Америки, которые могли переводить для нас. Мы отыскивали и инструктировали членов АА, собирающихся в зарубежные поездки. Благодаря всему этому мы постепенно продвигались вперед. Однако, прежде чем мы действительно обрели уверенность в том, что Содружество способно пересечь любые барьеры расстояний, рас, религий и языков, прошло много времени. Как бы то ни было, сегодня карта АА показывает, что Содружество функционирует в пятидесяти двух странах, включая зависимые территории США. Это достаточное доказательство. Теперь мы знаем: со временем у каждого алкоголика в мире будет такая же возможность оставаться живым и счастливым, как и у нас в Америке. Поэтому обслуживание зарубежных групп стало одним из основных направлений нашей деятельности несмотря на то, что до той поры мы едва ли рассматривали эту проблему в таких масштабах. Даже если бы Штаб АА никогда не занимался ничем иным, одна только эта работа многократно окупила бы его.

Из-за стремительного роста АА Штабу также необходимо было расти. В связи с увеличившимися пожертвованиями от групп и подскочившими продажами литературы нам вскоре потребовался бухгалтер на полный рабочий день. В офисе появились ряды папок. Указатель групп начинал напоминать телефонную книгу какой-нибудь сельской местности. Мы стали привлекать и других сотрудников из числа алкоголиков.

По мере того, как они распределяли между собой работу, началось формирование отделов. Сегодня их в офисе довольно много – это отделы по группам, по зарубежным связям и связям с общественностью, по Конференции АА и управлению офисом, почтовый, упаковочный, бухгалтерия, отдел стенографии, а также специальная служба по работе с тюрьмами и больницами.

Впрочем, нашему офису, к счастью, не было необходимости разрастаться столь же стремительно, как само Содружество. Если бы он рос в том же темпе, его счета ни за что бы не были оплачены. Содружество становилось таким огромным, что у нас не было никакой возможности информировать о своей деятельности всех его членов. По этой причине многие группы вовсе нам не помогали. Пожертвования поступали менее чем от половины из них. Мы постоянно испытывали дефицит средств, который, в силу удачного стечения обстоятельств, компенсировался доходом от продажи Большой Книги – книги «Анонимные Алкоголики». Она не только спасала алкоголиков, но и не раз спасала Штаб!

1944 год ознаменовался еще одним нововведением грандиозной значимости. В Гринвич-Виллидж – по всей вероятности, на чердаке – несколько литературно образованных и по-журналистски настроенных членов АА начали выпускать ежемесячное издание, которому дали название «Грейпвайн». Это был отнюдь не первый бюллетень или журнал АА местного масштаба. Однако с самого начала он делался так хорошо, что приобрел общенациональную популярность. Через какое-то время этот журнал стал зеркалом, отражающим мысли и действия Содружества всей страны. Это был как бы ковер-самолет, на котором любой из нас мог перемещаться от одного отдаленного форпоста АА к другому. Он стал чудесным инструментом для обмена мыслями и опытом.

Однако через определенное время создатели журнала обнаружили, что дергают тигра за хвост. Подбирать материал и редактировать статьи всегда было удовольствием. Но у них не хватало сил лизать кучу почтовых марок и рассылать тысячи копий.

Тогда основатели журнала обратились в Фонд и попросили нас взять эти обязанности на себя. Попечители поинтересовались у групп, желают ли они сделать «Грейпвайн» своим национальным журналом, и услышали в ответ твердое «да». Журнал тут же был зарегистрирован как «АА Грейпвайн, Инкорпорэйтид». В состав его редколлегии из пяти членов, помимо редакторов, вошли двое попечителей Фонда. Острая нехватка средств была компенсирована за счет резервных сумм Фонда. Конечно же, были наняты сотрудники, необходимые для выполнения конкретных задач. Несмотря на это, редакторы и их преемники по сей день продолжают служить на своем посту на волонтерских началах, без какой-либо оплаты их услуг. Через десять лет количество подписчиков журнала со всех концов света подскочило до тридцати тысяч. Так возникла и развивалась еще одна всемирная служба Штаба.

К 1945 году Штаб выполнял гигантский объем работы, так как необходимо было путем переписки выступать в роли посредника и давать рекомендации для решения проблем групп. Переписка с большинством крупных центров АА велась столь активно, что папки, в которых хранилась соответствующая корреспонденция, достигали шести дюймов в толщину. Казалось, в этот период нам писал буквально каждый участник каждого спора, возникающего в какой бы то ни было группе.

Основные идеи Традиций Анонимных Алкоголиков возникли главным образом из-за этой переписки, а также из-за нашей развивающейся общественной деятельности. В конце 1945 года один хороший друг АА предложил упорядочить всю эту массу опыта, изложив ее в виде набора общих

принципов. Эти принципы должны были быть сформулированы просто и предлагать проверенные решения любых проблем АА, связанных с совместным существованием и работой внутри Содружества, а также с нашими отношениями с внешним миром. Такой кодекс принципов мог быть составлен только тогда, когда мы пришли бы к достаточной уверенности относительно позиции Содружества по вопросам членства, автономии групп, единственности цели, отказа от одобрения посторонних движений, профессионализации, общественных дискуссий и анонимности в ее нескольких аспектах. Разумеется, подобный свод традиций не должен был бы превращаться в правила или закон. Тем не менее, он мог бы служить надежным ориентиром для наших попечителей, сотрудников Штаба, а особенно – для групп АА, которые сталкиваются с серьезными проблемами. Поскольку мы, сотрудники Штаба, находились в центре деятельности АА, мы и должны были взяться за эту работу. И я принялся за дело с помощью своих товарищей по Штабу. Появившиеся в результате Традиции Анонимных Алкоголиков впервые были опубликованы в апрельском выпуске журнала «Грейпвайн» за 1946 год в своей так называемой «развернутой форме». Позднее я написал еще несколько статей, которые содержали подробное разъяснение Традиций. Они были опубликованы в последующих выпусках журнала.

Тем временем наш Фонд предпринял еще одно многозначительное действие, которое вскоре было зафиксировано в Традициях АА. В 1945 году мы написали мистеру Рокфеллеру и гостям знаменитого обеда 1940 года о том, что более не нуждаемся в их финансовой помощи. Мы с Доктором Бобом будем жить на авторские гонорары от книги, а расходы Офиса общего обслуживания будут покрывать пожертвования от групп. С того самого дня, когда мы провозгласили свое самообеспечение, Штаб АА упорно отказывается от пожертвований извне.

Первый прием, оказанный Традициям нашим сообществом, был интересным и забавным. Реакция была, мягко говоря, смешанной. Только группы, испытывающие огромные трудности, восприняли Традиции серьезно. Со стороны некоторых последовало негодование, особенно со стороны групп, у которых были длинные списки «защитных» правил. Многие отнеслись к Традициям с безразличием. Некоторые из наших «интеллектуалов» громко кричали о том, что Традиции не отражают ничего, кроме моих собственных надежд и страхов по отношению к Анонимным Алкоголикам.

Поэтому я начал много путешествовать и рассказывать о новых Традициях. Поначалу люди из вежливости внимательно слушали меня; впрочем, нужно признать, что некоторые все же засыпали во время моих ранних разглагольствований. Но через какое-то время я получал письма примерно такого содержания: «Билл, мы будем очень рады, если ты приедешь и выступишь перед нами. Пожалуйста, рассказывай нам о том, где ты прятал свои бутылки, и о том своем невероятном духовном опыте, подобном озарению. Только, Бога ради, не говори больше об этих проклятых Традициях!»

Однако со временем все изменилось. Всего лишь пять лет спустя несколько тысяч членов АА, собравшиеся в рамках Кливлендского съезда 1950 года, объявили: Традиции АА, к тому времени изложенные в известной сейчас краткой форме, представляют собой платформу, на которой наше Содружество сможет наилучшим образом функционировать и сохранять свое единство на все грядущие времена. Они поняли, что Двенадцать Традиций окажутся столь же необходимыми для жизни нашего сообщества, как Двенадцать Шагов – для жизни каждого его члена. Кливлендский съезд пришел к выводу, что Традиции АА – ключ к единству, успешному функционированию и даже выживанию для всех нас.

Конечно же, я осознавал, что не являюсь подлинным автором Традиций. Я всего лишь отобразил те принципы, которые уже были выкованы на тысячах наковален группового опыта АА. Также было ясно, что формирование этих жизненно важных принципов стало возможным благодаря Штабу АА, его попечителям и сотрудникам. Если бы не было Штаба, который поставил наши проблемы в центр внимания, Двенадцать Традиций Анонимных Алкоголиков никогда бы не были написаны.

К тому времени Содружество стало пользоваться еще большей благосклонностью в мире медицины. Две из крупнейших медицинских ассоциаций Америки сделали беспрецедентную вещь. В 1944 году Медицинское сообщество штата Нью-Йорк пригласило меня прочесть доклад на его ежегодном собрании. После моего выступления трое из множества присутствующих докторов встали и выразили свое глубочайшее одобрение услышанному. Это были: доктор Гарри Тьебу, лучший друг АА из числа психиатров; доктор Керби Кольер, еще один наш друг-психиатр и один из первых сторонников АА; доктор Фостер Кеннеди, прославленный на весь мир невролог. Затем само это медицинское сообщество пошло еще дальше, позволив нам опубликовать мою речь и рекомендации трех докторов в форме брошюры. С тех пор множество ее экземпляров расходится по всему миру, неся врачам уверенность в том, что методы АА рациональны с медицинской точки зрения.

В 1949 году Американская психиатрическая ассоциация сделала то же самое. Я выступил с докладом на ее ежегодном собрании в Монреале. Моя речь была напечатана в «Американском журнале по психиатрии», и нам разрешили опубликовать ее в виде брошюры под названием «Сообщество Анонимных Алкоголиков». Это очень улучшило нашу репутацию среди психиатров. Эти медицинские брошюры особенно хорошо служат иностранным группам, так как позволяют им сэкономить целые годы, которые потребовались нам в Америке на то, чтобы убедить медиков в ценности АА.

Говоря о медицине, следует упомянуть о той роли, которую играет Штаб в отношении больничного лечения.

Все мы знаем, что многие больницы неохотно идут на то, чтобы принимать нас для кратковременного лечения, предоставлять нашим спонсорам необходимые привилегии в плане посещения и сотрудничать с нашими региональными межгрупповыми объединениями.

На протяжении 40-х годов две больницы все же шли навстречу этим насущным потребностям, являя собой блестящий пример сотрудничества медицины и АА. В больнице Святого Фомы в Акроне Доктор Боб, чудесная сестра Игнация и работники больницы заведовали отделением для алкоголиков. К тому времени, когда Доктор Боб ушел из жизни в 1950 году, это отделение успело помочь пяти тысячам алкоголиков. Нью-йоркская больница Никербокер предоставила нам отделение, которым руководил наш первый друг-медик, доктор Вильям Дункан Силкуорт; помогала ему одна рыжеволосая медсестра из АА, теперь известная как Тэдди.

К 1954 году нью-йоркская интергруппа направила в больницу Никербокер десять тысяч алкоголиков. Большинство из них прошли через это отделение на пути к свободе. Именно в этих двух больницах и именно благодаря этим людям были разработаны лучшие методики комбинирования медицины и АА.

Поскольку необходимое больничное лечение было и остается одной из главнейших проблем АА, нью-йоркский Штаб делится с группами всего мира этим первым опытом сотрудничества с больницами, а также опытом множества последующих достижений. Это – еще одна важнейшая форма служения.

В это же время росло одобрение нашей деятельности со стороны общественности. Ничто так не способствовало этому, как наши друзья из числа представителей прессы, радио, а позже – и телевидения. Задолго до этого офис Штаба стал подписчиком нескольких пресс-служб. Записи Штаба

продолжали подпитываться все новыми журнальными статьями и нескончаемым потоком газетных сообщений. Авторы материалов просили нас проверить их черновики; членам АА помогали анонимно выступать по радио и телевидению. Голливуд хотел делать фильмы о нас. Организация контактов с общественностью стала как никогда более важной задачей нью-йоркского офиса. Один Бог знает, сколько жизней было спасено благодаря этому, сколько тысяч алкоголиков и их семей избежали долгих лет горя!

Приблизительно в этот период появилась серьезная угроза нашему долговременному процветанию. Члены АА начали сплошь и рядом нарушать свою анонимность – как правило, с самыми благими намерениями. Впрочем, иногда они хотели использовать имя АА в целях пропаганды и поддержки иных движений. Другие просто хотели видеть свои имена и фотографии в прессе. Они думали: если их сфотографируют с губернатором, это действительно поможет АА. (Раньше я тоже грешил этим). Но, в конце концов, мы разглядели страшную опасность, угрожающую АА в случае, если все наши активисты будут раскрывать свою анонимность при контактах с общественностью. Многие из них уже делали это.

Итак, Штаб принялся за дело. Мы обращались к каждому нарушителю с письменными увещеваниями – разумеется, доброжелательными. Кроме того, примерно раз в два года мы рассылали почти всем каналам прессы и радио письма с разъяснениями, почему членам АА не следует раскрывать свою анонимность перед широкой публикой. Мы также добавляли, что Содружество не просит ни у кого денег – мы содержим себя сами.

За несколько лет число нарушителей анонимности на общественном уровне сократилось до минимума; так Штаб начал выполнять еще одну ценную функцию.

Чтобы заниматься служением по всем этим важнейшим направлениям, которые все развивались, нашему офису также

необходимо было расширяться. В 1950 году мы переехали в дом 141 по 44-й Ист-стрит, тоже неподалеку от центрального вокзала. В настоящее время Генри Г., по прозвищу «Сделай-это-сейчас», служит в качестве управляющего Штабом неполный рабочий день. Пятерых замечательных сотрудников офиса – Хелен, Либ, Мэриэн, Ив и Энн – видели и слышали тысячи человек во время их выездных выступлений, которые часто проходят в рамках крупных региональных съездов. Что касается служебного персонала Штаба, двенадцать неалкоголиков, воодушевляемые Грейс и Дэннис, занимаются рутинными делами офиса – бухгалтерией, архивом, стенографированием. Внешней частью офиса заправляет энтузиастка Долорес, служащая секретарем в приемной. Здесь посетители видят стены, покрытые секционными картами, которые показывают всемирный размах нашего Содружества. На стойке стоит «Крылатая Победа» – символ знаменитой премии Ласкера, которая была вручена Анонимным Алкоголикам Американской общественной ассоциацией здравоохранения в 1951 году.

Редакция журнала «Грейпвайн» находится на том же самом этаже. Здесь, редакторы-добровольцы под предводительством Дона Г. встречаются с Луизой, нашим главным редактором, которая работает полный рабочий день, а также с ее ассистентом Сарой, чтобы каждый месяц успевать выпускать журнал вовремя. А ниже – аренда там стоит дешевле – находится большое помещение, где Китти и ее сотрудники заботятся о тридцати тысячах подписчиков журнала и об удовлетворении их потребностей, в том числе – жалоб.

За три квартала от главного офиса у нас имеется внушительных размеров чердачное помещение, откуда происходит отправка всех наших посылок и корреспонденции. Шесть деловитых молодых людей заняты исключительно этим. В прошлом году они отправили около сорока тысяч книг и сотни тысяч брошюр, многие из которых – переиздания и новинки.

Также они отправили примерно тридцать тысяч писем и бюл-летеней и сделали огромное количество мимеографических копий. Как и три других наших офиса, это место оснащено наилучшим современным оборудованием – ведь оно здесь просто необходимо!

Вдоль одной из сторон длинной упаковочной комнаты рас-положены полки, доходящие до самого потолка. На них лежат в коробках тонны старых папок нашего Штаба, накопленных еще с былых времен, когда офис находился на Весэй-стрит. В этих коробках спрятана вся всемирная история АА, только и ждущая, когда ее разберут. По сути, мы уже два года как занимаемся этим. В отгороженном угловом кабинете возле этих папок у меня теперь есть два без устали работающих помощника в деле исследования истории Анонимных Алко-голиков— Эд и Нэлл. Надеюсь, настанет день, когда я смогу изложить ее в письменном виде. Как бы то ни было, теперь можно быть уверенными, что история АА не будет искажена. В этом состоит новейшее из основных направлений нашего служения.

С финансовой точки зрения весь массив наших служб, фун-кционирующих в настоящее время, может кому-то показаться крупным предприятием. Но если мы подумаем о размерах и масштабах АА сегодня, то увидим, что это отнюдь не так. К примеру, в 1940 году у нас был один оплачиваемый работник на каждую тысячу членов АА, в 1947 – один на каждые три тысячи членов. Сегодня один оплачиваемый работник Штаба обслуживает шесть тысяч членов АА. Поэтому можно быть уверенными, что Содружество не будет обременено дорогос-тоящей бюрократической обслуживающей структурой.

А вот другая иллюстрация того, как, на деле, малы мас-штабы нашего Штаба – как с физической точки зрения, так и с финансовой. У одного моего друга по АА есть гараж, заправка и небольшое автомобильное предприятие в одном провинциальном городке. Его здание имеет сотню футов и

шину и пятьдесят – в ширину; общая его площадь приблизительно равняется площади Штаба. Его выставочное помещение вмещает лишь две машины. Его механики производят ремонт позади здания, а перед ним находятся четыре бензоколонки. Это едва ли можно назвать крупным бизнесом.

Тем не менее, друг говорит мне, что благодаря торговле машинами, топливом и ремонту его предприятие каждый год получает и тратит больше денег, чем весь всемирный Штаб АА, «Грейпвайн», Издательство АА и Бюро общего обслуживания АА вместе взятые.

Следовательно, наш Штаб тоже вряд ли можно назвать крупным предприятием. Гараж моего друга обслуживает население небольшого городка, в то время как Штаб АА обслуживает сто пятьдесят тысяч членов Содружества и почти шесть тысяч групп. И это служение, если осуществлять его хорошо, будет продолжать играть решающую роль в борьбе между болезнью и здоровьем и даже между жизнью и смертью для несметного числа алкоголиков и их семей, которые еще не нашли АА. Так что давайте положим конец всем этим разговорам о больших затратах и большом бизнесе в нью-йоркском Штабе!

Когда мы впервые открылись на Весэй-стрит, нам требовалось по одному доллару на каждого члена АА, чтобы выполнять всю работу. Но в то время доллар стоил доллар. Теперь же он равняется лишь пятидесяти центам. Если бы все, кто является членами АА в настоящее время, действительно ежегодно присылали нам по доллару каждый, у нас бы все равно было достаточно средств для обеспечения функционирования Штаба, невзирая на обесценивание доллара. Мы также могли бы оплатить все затраты на проведение Конференции по общему обслуживанию. Однако нам все же приходится обращаться к группам, вносящим пожертвования, с просьбой, чтобы *каждый их член давал по два доллара в год* – по той причине, что, к сожалению, только около половины групп

АА оказывают хоть какую-то финансовую поддержку своему всемирному Штабу. Фактически, добровольных пожертвований групп хватало на полную оплату затрат нашего офиса лишь пять лет из последних пятнадцати. Дефицит средств в остальные десять лет приходилось покрывать за счет резерва Штаба, сформированного из дохода от продажи литературы. Наше Содружество так быстро разрослось, что средний его член потерял связь со Штабом и не понимает, какие функции он выполняет. Поэтому я очень надеюсь, что эта обрисованная мной картина, а также та огромная работа, которую сейчас ведут делегаты Конференции и члены комитетов, будут достаточно наглядными, чтобы вызвать у тех, кто не вносит пожертвований, желание постоянно помогать Штабу. На самом деле, я уверен, что так и будет.

До 1951 года существованию нашего Штаба непрерывно угрожала еще одна опасность, притом даже более серьезная. Пока эта угроза нависала над нами и соответствующая проблема не была решена, вся наша структура всемирного обслуживания могла однажды потерпеть полный крах.

Опасность была в следующем. Во времена детства и юности АА наш совет попечителей, все члены которого были моими друзьями и друзьями Доктора Боба, нес всю меру ответственности за ведение служб АА – служб, которым Содружество обязано не менее чем половиной своих масштабов и во многом – своим единством. К 1945 году некоторые из нас пришли к выводу, что необходимо надежно связать совет попечителей, фактически никому не известный, с самим Содружеством. Лишь незначительная часть членов АА знала, кто такие их попечители. Главным связующим звеном между Штабом и всем нашим движением были мы с Доктором Бобом. А ведь мы не бессмертны! Совет попечителей превратился в изолированный остров посреди Содружества, которое раскинулось на территории пятидесяти двух стран. Поэтому мы начали дискутировать на тему того, что желательно бы иметь

какой-либо совещательный орган из членов АА. Или же, возможно, нам нужно нечто более крупное – конференция, участников которой избирало бы само Содружество. Эти люди могли бы ежегодно проверять работу Штаба, и попечители должны были бы отчитываться перед ними. Такой орган стал бы сознанием, руководящим всей нашей всемирной деятельностью.

Однако эта идея вызвала упорные возражения, и несколько лет ничего не происходило. Говорили, что это начинание будет дорогостоящим, а что еще хуже – может ввергнуть АА в разрушительную политическую борьбу в связи с избранием делегатов для конференции. Эти аргументы были весомыми. По этой причине проект завис до 1948 года. К тому времени пожертвования от групп и близко не покрывали расходов растущих служб АА. «Грейпвайн» терял по тысяче долларов в месяц, а нехватка пожертвований на покрытие расходов офиса достигала пугающей величины – две тысячи долларов каждый месяц.

Потом Доктор Боб заболел, смертельно заболел. Наконец, в 1950 году попечители, подталкиваемые беспощадной логикой ситуации, поручили Доктору Бобу и мне разработать тот план, о котором идет речь в этой брошюре. Это был план о проведении Конференции по общему обслуживанию АА – план, благодаря которому наше сообщество могло взять на себя полную и постоянную ответственность за ведение своих наиболее важных дел.

Что такое Третий Завет? *(июль 1955 г.)*

Наш Двенадцатый Шаг – о распространении идей АА представляет собой основное направление служения в Содружестве; это – первостепенная цель и главная причина нашего существования. Следовательно, АА – не просто набор принципов, а сообщество алкоголиков в *действии*. Мы должны нести идеи АА другим, иначе сами зачахнем, а те, до кого мы не донесли истину, погибнут.

Служением в АА может быть *что угодно*, если оно помогает нам достучаться до своих собратьев по несчастью – от собственно выполнения Двенадцатого Шага до телефонного звонка за десять центов и чашки кофе, а на национальном и международном уровне – до Штаба АА по общему обслуживанию. Совокупность *всех* этих форм служения и составляет наш Третий Завет.

Служение происходит в комнатах для собраний, клубах, больницах и офисах интергрупп; оно означает издание, распространение брошюры, книги и – хорошую репутацию почти в любом смысле. Для него требуются комитеты, делегаты, попечители и конференции. Также не стоит забывать, что для него нужны добровольные денежные пожертвования.

Эти направления служения, независимо от того, занимаются ли ими отдельные члены АА, группы, регионы или же Содружество в целом, совершенно необходимы для нашего существования и роста. Устранив их, мы ни в коей мере не упростим АА. Тем самым мы бы лишь усложнили и запутали ситуацию.

Поэтому по любой форме служения мы задаем только один вопрос: «Действительно ли она необходима?» Если ответ да, то мы должны поддерживать ее, иначе не сможем выполнить свой долг перед теми, кто ищет АА.

Наиболее важный, но при этом хуже всего понимаемый, вид служения в АА включает в себя службы, которые позволяют нам функционировать как единое целое, а именно: Бюро

общего обслуживания АА, Издательство АА, «Грейпвайн», а также совет попечителей АА, недавно переименованный в Совет по общему обслуживанию Анонимных Алкоголиков. Всемирное единство нашего Содружества, а во многом – и его развитие с самых ранних дней, зависят непосредственно от этого средоточия дарующей жизнь деятельности, которое с 1938 года находится в Нью-Йорке.

До 1950 года этими общими службами занимались лишь несколько ветеранов АА, несколько наших друзей-неалкоголиков и мы с Доктором Бобом. На протяжении всего раннего периода существования АА мы, ветераны, были самоназначенными попечителями Анонимных Алкоголиков.

Наконец, мы осознали, что Содружество повзрослело и что оно готово и способно взять на себя эту ответственность. Была также и другая веская причина для перемен. Поскольку мы, ветераны, не можем жить вечно, новые попечители были бы практически неизвестны группам АА, которые в настоящее время разбросаны по всему свету. Без прямой связи с Содружеством будущие попечители никак не смогли бы успешно функционировать в своем качестве.

Это означало, что нам необходимо было сформировать конференцию, представляющую всех членов АА, которая ежегодно встречалась бы с нашими попечителями в Нью-Йорке, тем самым неся прямую ответственность за хранение Традиций АА и ведение наших основных дел в плане служения. В противном случае работа нашего практически неизвестного совета попечителей и слишком плохо понимаемого Штаба однажды непременно потерпела бы крах.

Предположим, что будущие попечители, действуя абсолютно самостоятельно, совершили бы серьезный промах. Предположим, что, не имея прямой связи с Содружеством, они попытались бы действовать от лица всех нас в трудный или кризисный период. Как бы они могли это делать без прямого руководства со стороны всего Содружества в целом?

В этом случае крушение наших главных служб было бы неи бежным. А если бы в таких обстоятельствах наши всемирны службы действительно развалились, то разве их можно был бы восстановить?

В 1950 году попечители и мы с Доктором Бобом, наконе поняли, что больше нельзя идти на такой ужасающий рис Нужно было обязательно построить прямую связь межд нами и АА.

Эти выводы и привели к формированию Конференции по общему обслуживанию Анонимных Алкоголиков – органи состоящего приблизительно из семидесяти пяти избран ных делегатов от штатов и провинций США и Канады. С 1951 года делегаты на пробной, экспериментальной осно начали ежегодно участвовать в заседаниях Конференции в Нью-Йорке вместе с нашими попечителями и сотрудника Штаба общего обслуживания.

Конференция по общему обслуживанию Анонимных Алкоголиков оказалась чрезвычайно успешным начинанием. Е достижения за четырехлетний испытательный период вполн убедительны.

Поэтому мы, ветераны АА, теперь совершенно готовы пере дать основные дела Анонимных Алкоголиков в руки этог проверенного, испытанного органа на постоянной основе.

Итак, начиная с нашей двадцатой годовщины в 1955 году, Третий Завет всемирного обслуживания будет принадлежат всем членам АА, чтобы они хранили его, пока Содружество, волей Божьей, существует.

РОЖДЕНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Сказать, что хорошо бы иметь Конференцию по общему обслуживанию – это одно; было гораздо труднее разработать план для успешного воплощения этой идеи в жизнь. Стоимость проведения такой конференции рассчитать было легко. Даже если бы издержки составили по двадцать тысяч долларов на каждую ежегодную сессию, это означало бы лишь дополнительных пятнадцать центов от каждого члена АА, и затраты стоили бы того. Кто из нас не дал бы этих денег ради уверенности в том, что в какой-либо будущий период острой нужды или кризиса Содружество не распадется в самом своем центре?

Но как нам пресечь деструктивную политику со всей ее обычной борьбой за престиж и тщеславием? Сколько потребуется делегатов и из каких мест? А когда они прибудут в Нью-Йорк, то как будут связаны с советом попечителей? Каковы будут их реальные полномочия и обязанности? Каким бы ни был этот план, он должен был быть достаточно разумным, чтобы хорошо себя проявить с первой попытки. Нельзя было допускать крупных промахов, могущих привести к фиаско.

Держа в уме эти весомые соображения, а также некоторые опасения, я принялся за работу над проектом плана. Мне очень в этом помогала Хелен Б., одна из сотрудниц Штаба.

Хотя в дальнейшем Конференцию, возможно, следовало расширить, чтобы в ней принимал участие весь мир, мы посчитали, что первые делегаты должны быть только от США и Канады. Каждому штату и провинции было бы позволено прислать по одному делегату. Те же из них, где численность членов АА велика, могли бы прислать дополнительных представителей. Чтобы обеспечить преемственность в работе Конференции, делегатов можно было бы разделить на составы. Первый состав, избранный на два года, был бы приглашен для участия в Конференции 1951 года – первого года ее проведения. Второй состав, избранный также на два года,

принимал бы участие в Конференции 1952 года. Впоследствии ежегодно избирался бы один состав делегатов, а другой уходил бы в отставку. Это обеспечило бы ротацию Конференции. Избрание членов комитетов и делегатов от штатов и провинций могло бы происходить в крупных центрах каждого штата и каждой провинции. Или же, в целях экономии, такие ассамблеи представителей групп могли бы проводиться в рамках ежегодных съездов штата или провинции.

Но как представители групп смогут избирать своих членов комитетов и делегатов без ужасающих трений политического характера? Мысль о том, что ветераны многих групп препираются между собой, а интергруппы ссорятся, вселяла в нас трепет. Затем нас осенило. Мы вспомнили, что обычные проблемы во время выборов зачастую возникают из-за выставления личных кандидатур – либо из числа всех членов собрания, либо из числа членов комитета, сформированного где-то в кулуарах. Другая основная причина неприятностей – маленький разрыв в количестве набранных голосов между кандидатами, так как в таких ситуациях ведутся горячие споры. При этом почти всегда остается многочисленное неудовлетворенное меньшинство.

Итак, мы разработали схему избрания членов комитетов из числа участников групповых ассамблей путем письменной жеребьевки, без какого бы то ни было выставления личных кандидатур. Затем ассамблея могла бы избрать из числа членов сформированного комитета делегата для участия в Конференции в Нью-Йорке. Однако, без сомнения, это был бы самый напряженный момент! Что можно сделать, чтобы снизить неизбежный накал страстей? С этой целью было условлено, что для избрания делегата необходимо две трети голосов. Если он получит такое большинство голосов, то никто не будет особо противиться. А если разрыв между кандидатами будет небольшим, то что тогда? Можно положить в шляпу бумажки с именами двоих ведущих кандидатов, набравших

наибольшее количество голосов, или же трех должностных лиц комитета, или даже всех членов комитета, и вытянуть одно имя. Победитель этой безболезненной лотереи и стал бы делегатом. Поскольку все ведущие кандидаты были бы хорошими, мы благодаря такому методу в любом случае получили бы отличных делегатов.

Но что будут делать делегаты, оказавшись в Нью-Йорке? Мы полагали, что они захотят обладать реальной властью. Итак, в уставе, составленном для самой Конференции, было оговорено, что делегаты могут давать прямые указания попечителям двумя третями голосов. И даже простое большинство голосов будет чрезвычайно авторитетной рекомендацией. Соответственно, для попечителей стало бы традицией представлять кандидатуры всех потенциальных членов совета Конференции для одобрения. Это позволило бы Конференции иметь весомый голос при избрании попечителей.

Вместе с временным планом финансирования Конференции мы изложили эти идеи и подробную методику их применения в брошюре под названием «Третий Завет». Затем мы разослали около пятидесяти тысяч экземпляров брошюры группам и попросили их сформировать ассамблеи для избрания членов комитетов и делегатов.

С одобрения Доктора Боба я агитировал всю страну в пользу плана Третьего Завета, выступая перед большими аудиториями из членов АА и наблюдая, как ассамблеи избирают своих делегатов в более чем двух дюжинах штатов и провинций.

И как же хорошо я помню ту первую нашу пробу в Бостоне! Ирландцы появились в полном составе. К нашему изумлению, ход выборов был спокойным, как мельничный пруд, невзирая на то, что многократные жеребьевки никак не приводили к избранию кого-либо в делегаты двумя третями голосов. В конце концов, ассамблея устроила жеребьевку среди всех членов комитета, и в результате из шляпы выскочил отличный делегат! Все были довольны и

счастливы; напряжение спало. Если уж ирландцы смогли это сделать без драки, значит, могут и все остальные. Именно тогда мы увидели первый проблеск, показавший, что Содружество начало переход от узкопартийной политики к истинно искусному управлению делами.

Во всех остальных пунктах происходило во многом то же самое. Около трети избранных делегатов были настоящими ветеранами. Остальные – активистами АА со стажем трезвости от четырех до восьми лет. Подавляющее большинство делегатов было избрано путем голосования двумя третями голосов. Лишь несколько избраний было произведено путем жеребьевки, как в Бостоне; при этом не возникало никакого недовольства. Это весьма и весьма обнадеживало.

Первая Конференция была назначена на апрель 1951 года. Прибыли делегаты. Они осматривали Штаб, с подвала до чердака, знакомились с его служебным персоналом, а также с попечителями. В тот вечер мы устроили для них вводную сессию под названием «О чем вы думаете?» Во время нее мы отвечали на множество разнообразных вопросов. Делегаты начали чувствовать себя как дома, обрели уверенность. Мы воспряли духом, увидев столь быстрое понимание и возросшее доверие с их стороны. Мы все до единого ощущали, что происходит что-то грандиозное. Напряженные заседания Конференции следовали одно за другим. Делегаты исследовали наши финансы буквально под микроскопом. После заслушивания докладов совета попечителей и всех служб следовали активные, но душевные дискуссии по многим вопросам, касающимся политики АА. Попечители вынесли на рассмотрение Конференции несколько собственных серьезных проблем.

Чувствуя, что все слишком вежливы друг с другом, мы организовали нечто под названием «ящик жалоб». Хотите – верьте, хотите – нет, но туда были брошены только очень хорошие вопросы, и никто ни из-за чего не бесился!

Так шло заседание за заседанием – утром, днем, вечером. Делегаты рассмотрели несколько сложнейших вопросов, по поводу которых у нас в Штабе были сомнения; иногда они давали советы, прямо противоположные нашим выводам. И практически во всех случаях мы видели, что они правы. Они убедительно, как никогда раньше, доказали правильности Второй Традиции АА: групповое сознание совершенно точно может выступать в качестве единственного авторитета и надежного ориентира Анонимных Алкоголиков.

Никто из присутствовавших на первой Конференции ни за что не забудет ее последнего заседания. Мы знали, что невозможное произошло, что теперь Содружество никогда не надломится в самой середине и что Анонимные Алкоголики наконец-то надежно защищены от любых кризисов, которые может принести будущее.

Возвращаясь домой, делегаты уносили с собой это убеждение.

Осознавая нашу потребность в деньгах и больших продажах литературы, некоторые из них все же несколько чрезмерно подчеркивали эту необходимость; другие чувствовали некоторое разочарование, удивляясь, почему их товарищи по АА не загораются этими идеями так же, как они. Они просто забывали, что их товарищи не видели Конференцию своими глазами, как они. Но при этом они, как здесь, так и дома, произвели гораздо более сильное впечатление, чем казалось им самим. Интерес огромного числа групп АА начал усиливаться, и этот процесс продолжался на протяжении всех четырех лет, когда проводились последующие Конференции.

Посреди этого волнующего развития событий Конференция пришла к выводу, что Фонд АА следует переименовать в Совет по общему обслуживанию Анонимных Алкоголиков. Так и было сделано. Слово «фонд» подразумевало благотворительность, покровительство и, возможно, большие деньги.

Содружество же не желало иметь ничего из этого; отныне мы собирались взять на себя всю меру ответственности и самостоятельно оплачивать собственные расходы.

Наблюдая за всеми этими изменениями, я пришел к полному убеждению, что Анонимные Алкоголики наконец-то в безопасности – даже от меня.

Почти вся последняя дюжина лет моей жизни была вложена в построение нашего Штаба. Мое сердце – здесь, и оно навсегда здесь останется. Настолько важен для меня Штаб АА. Поэтому, когда в Сент-Луисе для меня настанет час передать вам этот последний великий актив наследия АА, я не буду чувствовать ни малейшей грусти из-за того, что больше не должен быть вашим слугой в Штабе. Напротив, я буду радоваться тому, что Анонимные Алкоголики повзрослели и, посредством своей великой Конференции, могут уверенно взять свою судьбу в собственные руки.

Итак, мои дорогие друзья, вы прочли мой последний отчет перед вами о всемирных службах Анонимных Алкоголиков.

Хранитель АА: наша Конференция по общему обслуживанию *(апрель 1958 г.)*

Каждый член АА хочет обеспечить себе выживание после алкоголизма, а затем – собственное духовное благополучие. Именно так и должно быть. Кроме того, он хочет сделать все от него зависящее ради выживания и благополучия своих собратьев-алкоголиков. Поэтому он, естественно, жизненно заинтересован в постоянстве существования и благополучии самого Содружества.

В своей группе каждый добросовестный член АА глубоко ощущает это. Получив чудо трезвости, он знает: Провидение ожидает ото всех нас, что мы будем трудиться и расти, выполняя свою роль в поддержании дарованных нам благ в полноценном состоянии. Пожизненного чуда – не требующего ни усилий, ни ответственности с нашей стороны – просто нет в Божественном плане. Мы все понимаем, что цена как личного, так и группового выживания – готовность и жертва, одительность и работа.

То, что справедливо в отношении каждого члена и каждой группы АА, должно быть справедливо и в отношении Содружества в целом. Тем не менее, многие из нас никогда не размышляли над этим не требующим доказательств утверждением; между тем, оно этого заслуживает. Мы склонны считать само собой разумеющимся, что Анонимные Алкоголики как целое будут существовать вечно – а значит, от нас не требуется никакого особого внимания или вклада. Возможно, половина членов и групп АА, кроме случающихся время от времени проблесков гордости за размеры и масштабы Содружества, до сих пор проявляют мало активной заботы о нашем общем благополучии. Это вовсе не пренебрежение с их стороны. Они просто не видят такой необходимости.

На то есть две веские причины. Одна из них – в том, что Содружество как единое целое никогда не попадало в беду.

Вторая заключается в том, что до недавнего времени маленькая группа ветеранов АА, выступающих в роли родителей, заботилась о решении проблем всего нашего сообщества и оберегала его от опасностей, особо не советуясь с его членами по таким вопросам.

У нас никогда не было ни одной проблемы, которая затронула бы всех нас. Широкая общественность нами восхищается, наши друзья нас любят. Религия и медицина – на нашей стороне. Никто всерьез нас не эксплуатирует. Мы избегаем общественных споров. Политическая борьба, ведущаяся во всем мире, нас не коснулась. У нас даже не было ни одной по-настоящему серьезной семейной ссоры. В то время как члены и группы АА познали чуть ли не всю возможную глубину несчастья, Содружество в целом никогда его не испытывало. И это – чудо нашего двадцатитрехлетнего существования.

Неудивительно, что столько членов АА искренне верят, что с Содружеством просто не может ничего случиться!

Конечно, нужно чувствовать глубочайшую благодарность за то, что мы на протяжении столь долгого времени избавлены от бед, на которые обречены все народы и сообщества. Но мы определенно не можем предполагать, что этот феномен Божественной милости продлится вечно. Лично я думаю, что ему и не следует столько длиться. Мы не сможем называть себя «взрослыми», пока не научимся успешно бороться со всеми теми искушениями и проблемами, которые неизменно тревожат любую крупную группировку мужчин и женщин. Это будет для нас полезно – я уверен, даже очень полезно.

Однажды нам, возможно, придется противостоять огромному давлению, которое может направить на нас склонный к разрушению мир, переживающий это самое безумное и опасное столетие в истории рода человеческого. Нам как Содружеству нужно будет всегда приносить любые необходимые жертвы ради обеспечения единства, служения и выживания

АА *в любых обстоятельствах*. Вот почему я сейчас пишу вам о Конференции по общему обслуживанию АА – хранителе нашего будущего.

До недавнего времени мы вели себя как все еще юная семья. У этой семьи, как и у всех семей, есть родители. Это так называемые ветераны и организаторы АА. Мне посчастливилось стать одним из них. С ранних дней существования Содружества мы, его родители, беспокоились о его будущем благополучии больше, чем о чем бы то ни было еще. На местах мы, ветераны, заботились обо всех делах АА; до самого последнего момента мы с Доктором Бобом, благодаря огромной помощи со стороны верных друзей из числа алкоголиков и неалкоголиков, делали то же самое на национальном и международном уровне.

Как родители АА, мы должны были следить за тем, чтобы наш растущий выводок был защищен от самого себя и от внешнего мира. Нашей семье очень рано пришлось завести себе принципы, по которым следует жить, и обучаться им. Добрые вести об АА нужно было распространять повсеместно, чтобы мы росли как количественно, так и качественно. Таковы были наши обязанности.

В 1937 году мы с Доктором Бобом начали понимать, что мы должны делать. Мы знали, что необходимо иметь учебник, содержащий принципы и методы АА. Другие ветераны согласились с этим. К 1939 году, пользуясь поддержкой многих людей, мы издали Большую Книгу – «Анонимные Алкоголики». Это положило конец всем сомнениям о методах АА. Триста тысяч Больших Книг, находящихся сегодня в обращении, образуют фундамент выздоровления, на котором стоит все наше Содружество.

Затем мы осознали, что АА необходима известность – широкая известность, и при том правильного сорта. И мы начали работать над этой проблемой. Может быть, половина сегодняшних членов АА обязаны своей жизнью и

благополучием тем усилиям по информированию о Содру жестве, которые предпринимались в прессе и иных СМИ.

С 1940 года по 1950 год нас осаждали всевозможные прс блемы групп, в высшей степени пугающие. Из этого опыт были выкованы Двенадцать Традиций АА – те самые Тради ции, которые теперь защищают нас от самих себя и от вне шнего мира. Этот труд, для которого потребовалось неве роятно много переписки и опыта, в конце концов, привел возникновению целого ряда новой литературы, посвященно: единству и служению АА. Под влиянием этого наше Содру жество окрепло.

Весть об АА начала распространяться по всему миру, итоге проникнув в семьдесят стран. Это принесло кучу новы проблем, а также необходимость издавать литературу АА н многих языках. Кроме того, нужно было нести наши идеи больницы и тюрьмы, одиночкам и людям в дальнем плава нии, которые тоже нуждались в помощи. Нужно было, чтоб спасательные якоря АА были доступны везде. Содружеств был необходим ежемесячный журнал. Сегодня «Грейпвайн каждый месяц несет наши идеи сорока тысячам своих под писчиков и бесчисленным тысячам других людей.

Таковы были всемирные обязанности и привилегии роди телей АА. Мы сделали все, что могли, чтобы защитит Содружество, чтобы оно развивалось без помех. Не беспо коя растущее семейство этими важнейшими вопросами, мы действовали по принципу «родителям виднее». В ранние дн существования АА это было так просто! Тогда было слишком преждевременно взваливать всю ответственность на плеч всего Содружества.

С самого начала мы с Доктором Бобом пришли к выводу, чт нам самим нужна помощь особого рода. Поэтому мы обрати лись с такой просьбой к некоторым неалкоголикам, предан ным нашему делу. Вместе с ними мы сформировали попечи тельский орган для Анонимных Алкоголиков. Он был созда

и 1938 году и назван Фондом АА (теперь он переимен
и Совет по общему обслуживанию АА). В 1940 году н
попечители приобрели права на книгу «Анонимные Алк
лики» и взяли на себя всю ответственность за общие фо
Содружества, его офис всемирного обслуживания, журн
связи с общественностью.

Этому попечительскому органу, состоящему из алкого
ков и неалкоголиков, принадлежит большая часть засл
превращении нашего всемирного Штаба в то, чем он я
ется сейчас. Я очень рад, что в этом выпуске журнала «Г
ивайн» имеются фотографии двух из наших выдающи
неалкоголиков-председателей Совета – людей, благо
чьей стойкости мы выстояли на протяжении долгого п
ода труда и опасностей. Глядя на лица Леонарда Харрис
и Бернарда Смита, вы можете увидеть, что это за люди.
нашем новом учебнике истории, «АА взрослеет», вы мож
прочесть, что эти и другие подобные им люди сделали
нас в первопроходческие времена АА, когда разворачива
живая драма Содружества.

На протяжении 1948 года мы, сотрудники Штаба АА, п
жили страшный удар. Доктора Боба поразила изнуряю
болезнь, которая медленно вела к смертельному исходу.
этой причине наши дела оказались в состоянии жестокого
иса, ведь нам пришлось взглянуть в лицо тому факту, что в
раны – родители нашего сообщества – не смогут жить веч

Нас охватили дурные предчувствия, так как мы осозн
как ненадежны существующие на тот момент связую
нити между нашим Штабом и обслуживаемым им огр
ным развивающимся Содружеством. Конечно, у нас был
маленький совет попечителей. Но едва ли хоть один член
из тысячи смог бы назвать имена хотя бы половины из ни
офисе Штаба были Бобби, Энн и Шарлотта. Еще были Док
Боб и я. И эта горсточка людей была практически *единст*
ным связующим звеном со всемирным сообществом АА!

Тем временем тысячи членов АА спокойно занимались своими делами. Об общих проблемах Содружества они знали мало или же вовсе ничего. Они смутно полагали, что Бог – возможно, с незначительной помощью Доктора Боба и моей – будет и дальше все улаживать. Поэтому они пребывали в абсолютном неведении относительно реального положения вещей и существующего ужасного потенциала для полного развала АА.

Это была мучительная дилемма. Содружеству как таковому – Содружеству *в целом* – необходимо было каким-то образом взять на себя всю полноту ответственности. Без сомнения, группам необходимо было избирать многочисленных делегатов и ежегодно присылать их в Нью-Йорк, чтобы они совещались с попечителями и давали им указания. Только таким путем можно было положить конец все усиливающейся изоляции попечителей от самого нашего движения. Только такой орган во время любого будущего кризиса смог бы принимать решения, обязательные к исполнению.

Когда мы впервые предложили свою схему проведения совместной Конференции с участием попечителей и делегатов, по всей стране начался недовольный ропот. На первый взгляд казалось, что семейство АА просто не желает брать на себя эту новую, неожиданную ответственность. Для членов Содружества слова о «делегатах АА» означали лишь политиканство, трения и путаницу. «Давайте не будем усложнять!» – восклицали они.

Однако через пару лет агитации и просветительской работы наше сообщество ясно осознало, что чрезмерная простота его раннего периода не может длиться и дальше. В семействе необходима была прямая ответственность, иначе Содружество распалось бы в самом своем центре. Ветеранов, отцов и основателей нужно было освободить от их щекотливого положения, заменив их делегатами. Другого выхода не было. Нашей семье нужно было «повзрослеть», иначе ее ждало суровое наказание.

Итак, мы пригласили около семидесяти пяти делегатов из США и Канады. Вместе с попечителями и сотрудниками Штаба и журнала «Грейпвайн» эти делегаты образовали Конференцию по общему обслуживанию Анонимных Алкоголиков. К тому времени наступил 1951 год.

Вначале это был чистой воды эксперимент. Если бы он сработал, это означало бы, что Содружество АА действительно «достигло совершеннолетия» и теперь может управлять собственными делами. Через Конференцию – свой представительский орган – оно смогло бы стать хранителем собственного будущего и защитником собственных спасательных кругов служения.

Наша Конференция действительно оказалась успешным начинанием. Благодарение Богу, ее результаты превзошли все наши ожидания. По окончании ее пятилетнего экспериментального периода мы уже знали, что она может стать постоянной частью АА.

В июле 1955 года, во время празднования двадцатой годовщины АА, я выступил перед участниками великого съезда в Сент-Луисе. Стоя среди все уменьшающейся группы ветеранов, я от их имени передал судьбу Содружества в руки его избранных представителей – делегатов Конференции по общему обслуживанию Анонимных Алкоголиков. И я не могу припомнить более счастливого дня в своей жизни. Через зияющую пропасть был перекинут мост, и Содружество наконец-то оказалось в безопасности.

Некоторые до сих пор спрашивают: будет ли семейство АА направлять на Конференцию наилучших делегатов? Будем ли мы продолжать выбирать способных и мудрых попечителей? Будут ли члены АА поддерживать своих делегатов, попечителей и сотрудников Штаба, предоставляя им достаточно денежных средств и выражая достаточно интереса и понимания?

Для меня эти вопросы уже не актуальны. История АА показывает: когда у нас возникает какая-либо острая потребность, она всегда удовлетворяется. В этом отношении я совершенно уверен, что наша история будет повторяться. Я ничуть в этом не сомневаюсь.

Помимо этого, я считаю, что мое собственное влияние в Штабе должно продолжать сокращаться. Посредством Конференции Содружество теперь обладает всей полнотой власти и ответственности. Родитель, засидевшийся на своем месте, только мешает росту собственных отпрысков. А этого я не должен делать. Скоро я займу подобающее мне место – в стороне, откуда я буду подбадривать вас, более молодых, кто продолжит мое дело. Теперь наше семейство окончательно повзрослело, и оно должно твердо напомнить мне об этом, если я когда-либо почувствую искушение снова взять ответственность на себя.

В силу этих неоспоримых причин, друзья мои, будущее принадлежит вам. Возьмите на себя эти новые обязанности охотно, ничего не боясь, и милость Божья непременно пребудет с вами.

Раздел 2: Будем дружелюбными с нашими друзьями

Психиатры *(июль 1957г.)*

Это было много лет назад. Мы тогда налаживали свои первые контакты с психиатрическими лечебницами. Одной из них было некое заведение в Нью-Джерси, где лечились двое алкоголиков, которые нашли АА и прожили в трезвости полгода. Ранее оба они были признаны безнадежными. Но, несмотря на необычные методы АА, психиатры этой больницы ничуть не были впечатлены.

Вскоре одна активная группа АА, собрания которой проходили неподалеку, начала донимать больницу просьбами разрешить ей посещать пациентов. Члены этой группы хотели безотлагательно нести добрые вести об АА всем алкоголикам в этом заведении. Доктора же вовсе не были уверены, что это будет правильно.

И все же они действовали довольно-таки осторожно, так как тому было много причин.

«Хорошо, – сказал тогда комитет АА. – А почему бы вам, докторам, не посетить наше собрание?» Двое из психиатров той лечебницы сочли это прекрасной идеей и заявили, что на следующей неделе отправятся навестить нью-йоркскую группу АА.

В это время мы, ньюйоркцы, собирались, кажется, в зале Стейнвэй-Холла. Услышав о предполагаемом паломничестве докторов из Нью-Джерси, мы пришли в восторг. Наконец, настал вечер, когда должно было состояться собрание. Но в промежутке память сыграла со мной злую шутку: я совершенно забыл об этих психиатрах. Как только собрание началось, в зале, лучезарно улыбаясь, появились члены АА из Нью-Джерси и проскользнули в задний ряд. Но даже это напоминание не подстегнуло мою память. У меня опре-

деленно не было ни малейших причин предполагать, что за углом меня поджидает один из величайших конфузов в моей жизни – он же один из наилучших ее уроков.

Первый оратор, выступивший на собрании, рассказал прекрасную историю – ужасающую, но в то же время вдохновляющую. Стояла такая тишина, что можно было услышать, как муха пролетела. Это было просто потрясающе.

Затем слово взял Джек. Он рассказал, как некогда был восходящей звездой киноиндустрии и получал скромный гонорар в размере пятидесяти тысяч долларов в год. Джек, способности которого все нахваливали, считал, что это – только начало. Но потом демон спиртного начал мешать его карьере. Его обеспокоенная студия нашла для него психиатра. Джек неохотно полечился какое-то время. Результат был нулевым; на помощь были призваны другие психиатры. Однако масштабы эгоизма, обид и пьянства Джека оставались столь же огромными. Он катился все дальше вниз и, в конце концов, вылетел из киноиндустрии, что ничуть не удивительно. И вот теперь он – член АА, трезвый уже много месяцев.

Тем не менее, скоро стало очевидно, что психиатры все еще остаются одним из его излюбленных объектов для недовольства. Джек, по сути, винил их в своем падении. Прекрасно зная, что в комнате находятся двое представителей этой профессии, он увидел в этом шанс, какой выпадает раз в жизни. Теперь-то *он* мог высказать все, что думает, а они вынуждены будут молча проглотить это!

Итак, Джек принялся за психиатрию и все с ней связанное. Он был превосходным оратором и обладал большим талантом циничного юмора, который в точности отвечал его текущей цели. Он буквально растерзал своих нескольких психиатров на части, одного за другим. А потом напал на всю их профессию в целом, их теории, их философию. Он называл их «копателями рыбных червей». Рассуждая обо всем этом, Джек был невероятно забавен. Несмотря на то, что его речь

на девять десятых состояла из фантазий и абсурда, это был истинный шедевр шоуменства. Его аудитория корчилась от смеха. Я подумал, что никогда не смеялся так долго и много. Наконец, Джек сел на свое место, сопровождаемый бурными аплодисментами.

После собрания члены АА из Джерси протиснулись к трибуне. Они выглядели мрачными и расстроенными – и определенно чувствовали себя так. Их представитель, слабо бормоча, представил наших «почетных гостей» – двух психиатров!

Я ощутил отвратительную тошноту в районе солнечного сплетения. И тут Джек, явно крайне довольный собой, подошел к нам и сердечно хлопнул одного из наших гостей по спине со словами: «Ну что, доктор, здорово я вам сейчас задал, а?» Это была последняя капля. Я готов был умереть от стыда.

Однако, двое психиатров приняли этот удар с улыбкой. Они настаивали на том, что собрание было чрезвычайно полезно для них. В конце концов, заявили они, специалисты их профессии должны уметь время от времени выдерживать небольшое поддразнивание. Речь Джека показалась им очень забавной и поучительной.

Это была просто изумительная демонстрация дружбы и понимания. В таких сложных условиях эти жертвы злословия подставили другую щеку. Они встретили тираду Джека с вежливостью, добротой, положительным настроем и даже благодарностью. Это был урок терпения, терпимости и христианского милосердия, который я, надеюсь, никогда не забуду.

Я при первой возможности затащил обоих докторов в уголок и начал извиняться. На самом деле, я просто унижался. Тогда один из них взглянул на меня и сказал: «Не думай об этом, Билл. Ты, конечно, и сам видишь, что *некоторые* алкоголики хуже умеют приспосабливаться к окружающей обстановке. Мы прекрасно это понимаем!»

Через месяц этот исключительный доктор раскрыл двери своей больницы для визитеров из АА, и в ее стенах начала формироваться группа. С тех пор психиатры постоянно сотрудничают с АА. И я осмелюсь утверждать, что зачастую такое удачное положение дел складывается благодаря пониманию и терпимости с их стороны, а не с нашей.

Приведу еще два примера. В 1949 году Американская психиатрическая ассоциация попросила меня выступить с докладом об АА перед ее ежегодным собранием. Пойдя еще дальше, психиатры опубликовали мой доклад в своем официальном журнале и позволили АА перепечатать оттуда этот материал и издать его в форме брошюры для широкой публики. Один этот благородный поступок с тех пор приносит нашему Содружеству неописуемую пользу. Недавно в Лос-Анджелесе был проведен опрос с целью выяснить, как психиатры в этом городе и округе относятся к АА. Мне сообщили, что они относятся к нам прекрасно: девяносто девять процентов из них – за нас!

Разумеется, в этом небольшом рассказе есть кое-какие преувеличения. Сегодня множество членов АА очень дружелюбно настроены по отношению к психиатрии, и, вне всякого сомнения, множество психиатров, ничего о нас не знающих или же видевших лишь промахи АА, все еще против нас. Но это к делу не относится. Я просто веду к тому, что нам, членам АА, следует стараться в любых условиях быть дружелюбными со всеми.

А что же стало с моим старым другом Джеком? К сожалению, у него не получилось выздороветь, хотя он очень старался. Он умер три года назад от алкоголизма.

Возможно, Джек так и не смог понять, что такое истинное дружелюбие.

Врачи *(август 1957 г.)*

Недавно я смотрел по телевидению, как Американская медицинская ассоциация на своем съезде проводила церемонию инаугурации своего нового президента. На первый взгляд это могло показаться обыденным мероприятием, и я чуть не переключился на какой-то примитивный детектив. Теперь же я очень рад, что не сделал этого, ведь эти доктора подарили мне в высшей степени памятный и волнующий час.

Новый президент ассоциации встал, чтобы выступить с речью в связи с собственной инаугурацией. Однако он мало говорил о медицине как науке. К моему удивлению, он нацелил свое выступление – точно так же, как часто делаем мы на собраниях АА – непосредственно на новичков, то есть, в этом случае, молодых врачей, только начинающих практику. Он сказал им, что ни один врач, какой бы хорошей не была его научная подготовка, не сможет пойти далеко до тех пор, пока не научится создавать у больных ощущение, что он по-человечески понимает их. Он также отметил, что каждый истинный доктор должен быть глубоко преданным своему делу и обладать глубочайшей верой. Такова была тема его выступления, а говорить он умел. Он определенно «доносил идеи», и я увидел – до того мне редко приходилось это видеть – что мы, Анонимные Алкоголики, вовсе не имеем монополии на выполнение Двенадцатого Шага.

На съезде были отмечены заслуги нескольких выдающихся служителей своему делу. Одним из них был некий непрофессионал, ведущий огромную работу среди инвалидов страны. Этот человек доказал тысячам страдальцев, что им не обязательно продолжать быть эмоционально или духовно ущербными и что они всегда могут заниматься какой-нибудь полезной и прибыльной работой. Указывая на то, что жалость к себе – первостепенный недуг инвалидов, он привел слова перса, у которого не было туфель: «Я плакал, потому что у меня не было туфель, пока не увидел человека, у которого

не было ног!» Сияющий улыбкой человек за трибуной знал, о чем говорит, ведь у него у самого не было ног – он уже много лет ходил на протезах. Было очевидно, что опорой ему служат преданность своему делу, сила духа и вера. Именно за это Американская медицинская ассоциация подарила ему столь многозначительное признание.

Это собрание медиков с его духовной направленностью заставило меня задуматься. Я остро осознал, что врачевание – главным образом духовная профессия и что подавляющее большинство врачей, на самом деле, выбирают для себя эту сферу деятельности, чтобы служить ближним своим.

Мы, члены АА, склонны оценивать самих себя и Содружество по высшему разряду. Но, когда мне на ум приходят имена некоторых докторов – докторов, которые посвятили себя нашему делу во времена становления АА, я задаюсь вопросом, многие ли из нас действительно могли бы сравниться с ними в смирении и самоотверженности.

Взять хотя бы моего доктора, Вильяма Д. Силкуорта. В нашем учебнике истории, «АА взрослеет», который скоро выйдет в свет, я нарисовал его словесный портрет; часть его звучит так:

«Оглядываясь назад, на те первые сцены в Нью-Йорке, мы часто видели среди них доброго маленького доктора, который любил алкоголиков – Вильяма Дункана Силкуорта, тогдашнего главного врача нью-йоркской больницы Чарльза Б. Таунса и того самого человека, который, как мы теперь понимаем, во многом был одним из основателей АА. От него мы узнали, какова природа нашей болезни. Кроме того, он снабдил нас инструментами, позволяющими усмирить раздутое алкогольное эго – теми сокрушительными фразами, которыми он описывал нашу болезнь: *одержимость разума*, заставляющая нас пить, и *телесная аллергия*, обрекающая нас на сумасшествие и смерть. Без этих незаменимых паролей методы АА никогда не

работали бы. Доктор Силкуорт научил нас возделывать черную землю безнадежности, на которой с тех пор расцветают цветы каждого духовного пробуждения в нашем Содружестве. В декабре 1934 года, после того, как я пережил внезапный, ошеломляющий духовный опыт, этот человек науки скромно сидел подле моей кровати и уверял меня: «Нет, Билл, у тебя не галлюцинации. Что бы это ни было, тебе лучше ухватиться за это; это ведь гораздо лучше, чем то, что было у тебя всего час назад». Это были великие слова для будущих Анонимных Алкоголиков! Кто другой мог бы их произнести?

Когда я хотел поработать с алкоголиками, он вел меня к ним прямо в своей больнице, рискуя собственной профессиональной репутацией.

После шести месяцев моих тщетных попыток добиться трезвости хоть какого-нибудь пьяницы доктор Силкуорт снова напомнил мне о наблюдении профессора Вильяма Джеймса: духовный опыт, ведущий к истинному перерождению, почти всегда основан на бедствиях и крахе. «Перестань проповедовать им, – сказал доктор Силкуорт. – Лучше сначала расскажи им о суровых медицинских фактах. Это может смягчить их в глубине души, чтобы у них появилась готовность *сделать что-нибудь* для выздоровления. Тогда они, возможно, примут твои морально-психологические идеи и даже Высшую Силу».

Четырьмя годами позже доктор Силкуорт помог превратить мистера Чарльза Б. Таунса, владельца больницы, в большого энтузиаста АА и убедил его ссудить нам две с половиной тысячи долларов для начала подготовки книги «Анонимные Алкоголики» – сумма, которая, кстати, позднее возросла более чем до четырех тысяч. Затем добрый доктор, как наш единственный на тот момент друг-медик, смело написал введение к нашей книге. Оно по сей день составляет ее часть, и мы намереваемся навсегда оставить его в ней.

Возможно, ни один доктор никогда не уделит столько преданного внимания стольким многим алкоголикам как доктор Силкуорт. По оценкам, за всю жизнь он видел их сорок тысяч – поразительная цифра. Он умер в 1951 году, но за предыдущие годы, работая в тесном сотрудничестве с АА и нашей энергичной рыжеволосой медсестрой Тэдди, он помог почти десяти тысячам алкоголиков в одной только нью-йоркской больнице Никербокер. Никто из тех, кого он лечил, никогда не забудут этот опыт; большинство из них сегодня трезвы.

Так что доктор Силкуорт провел «работу по Двенадцатому Шагу» с сорока тысячами алкоголиков. Тысячи из них он терпеливо лечил задолго до АА, когда шансы на выздоровление были невелики. Однако он всегда верил, что когда-нибудь выход будет найден. Он никогда не уставал от пьяниц и их проблем. Будучи человеком болезненным, он при этом никогда не жаловался на усталость. На протяжении большей части своей карьеры он едва зарабатывал себе на жизнь. Он никогда не искал известности; наградой для него была его работа. В последние годы жизни он не следил за состоянием своего сердца и потому умер во время работы – прямо среди нас, алкоголиков, и притом обутый.

Кто из членов АА может похвастаться такими же достижениями как доктор Силкуорт? Кто обладает такой же силой духа, верой и преданностью своему делу?

Поэтому двадцать три года спустя, после того как доктор Силкуорт лечил меня в последний раз, я, увидев, услышав и ощутив ту духовность, что царила на этом великом собрании Американской медицинской ассоциации, поблагодарил Бога за таких докторов – одну из замечательнейших групп друзей, которые только могут быть у АА.

Священники *(сентябрь 1957 г.)*

Каждая река начинается с источника. Так было и с АА. Сначала был источник, который изливался из одного священника – доктора Сэмюэла Шумейкера. В 1934 году он начал учить нас тем принципам и подходам, которые позже расцвели буйным цветом в Двенадцати Шагах выздоровления АА.

Если для пьяниц существовала живая вода, то это была она. Мы взяли чашу благодати, которую протянул нам Сэм, и испивали из нее, не забывая передавать ее другим. Наша благодарность восходит к тому, чья благодать вечно наполняет чашу, и к Сэму, который первым предложил ее нам.

Но у рек должны быть притоки, иначе они не смогут ни далеко протянуться, ни широко раскинуться. Все углубляющийся духовный поток, который несет нас, членов АА, к лучшему будущему, теперь имеет мириады притоков – ручейков, которые питают главное течение жизни всего нашего Содружества. Наиболее многочисленные и необходимые из этих ручейков преданности и служения всегда проистекали от наших друзей из числа священников.

Позвольте мне проиллюстрировать это. Немногие знают, что первостепенной фигурой в формировании первоначального Совета попечителей АА – органа, которому суждено было стать хранителем всемирных служб АА – был священник. Я имею в виду Вилларда С. Ричардсона, друга и партнера семьи Рокфеллеров. В 1937 году мы обратились к мистеру Ричардсону с просьбой помочь нам найти много денег для нашей работы в АА. Но вместо этого он помог нам найти самих себя. Во многом именно благодаря его доброте и пониманию, преданности и усердному труду был образован первый совет попечителей АА и начато создание Большой Книги. Его вклад в наше дело был неоценим. Один Бог знает, чем наши сегодняшние семь тысяч групп обязаны «Дяде Дику» Ричардсону, священнику.

На собрании, которое состоялось на обеде, устроенном Рокфеллером в 1940 году, появилось другое духовное лицо. Это был никто иной как доктор Гарри Эмерсон Фосдик. Выступая в качестве главного оратора из числа присутствовавших неалкоголиков, доктор Фосдик стал первым человеком религии, который перед лицом широкой публики выразил свое горячее одобрение нашим идеям. Я часто задаюсь вопросом, сколько понимания, любви и мужества потребовалось с его стороны, чтобы совершить этот благородный поступок. Мы тогда были лишь маленькой кучкой так называемых «экс-алкоголиков», никому, по сути, неизвестной. Я до сих пор содрогаюсь при мысли о том, как веселилась бы вся Америка, если бы двое-трое из нас показались пьяными под прожектором того знаменитого обеда! Священник Фосдик ради нас поставил себя в очень рискованное положение. Мы всегда будем помнить это.

С тех пор уж точно сотни, а может, даже тысячи наших друзей-священнослужителей шли и идут ради нас на риск. Они организуют проведение наших собраний в подвальных и общественных помещениях. Никогда не вмешиваясь в наши дела, они садятся в задних рядах, объясняя, что пришли в АА, чтобы учиться. А когда настает воскресенье, они произносят проповеди о нас. Они направляют к нам потенциальных новых членов и восхищаются нашими успехами. Когда мы порой просим их выступить перед нами, они неизменно извиняются за малую эффективность собственной работы с алкоголиками. Это, безусловно, проявление смирения... быть может, чрезмерного.

Они всегда на высоте, когда дело касается терпения и терпимости. Разумеется, вскоре они узнают, что мы, члены АА, хоть и трезвы, но все равно можем иногда быть напыщенными, первоклассными мастерами рационализации. Мы также можем быть легкомысленными и безответственными. Они вежливо выслушивают, как мы рассказываем (и

косвенной форме) о том, что наше сообщество превосходит все остальные! Изредка они слышат на собраниях истории и выражения, способные заставить покраснеть практически любого. Однако они ни слова на это не говорят и даже бровью не ведут. Они спокойно воспринимают сумасбродную сторону АА – иногда с терпением, достойным Иова. Они знают, что мы действительно стараемся развиваться, и хотят помочь нам.

Эти волнующие, длительные проявления доброты со стороны наших друзей из сферы религии заставляют многих из нас размышлять: «Подумать только, сколько для нас сделали эти священники и проповедники! А сделали ли мы хоть что-нибудь для них?» В самом деле, хороший вопрос.

Несмотря на то, что следующее, строго говоря, не относится к АА, я не могу не упомянуть, что священники сделали для многих из нас лично. Некоторые члены АА говорят: «Мне не нужна религия, потому что АА и есть моя религия». По сути, я и сам раньше был такого мнения.

Тем не менее, по прошествии некоторого количества лет, на протяжении которых я придерживался этого простого и удобного подхода, я, наконец, открылся навстречу вероятности того, что и за пределами АА могут существовать источники духовного познания, мудрости и уверенности. Я вспомнил о том, что проповедник Сэм, вероятно, внес большой вклад в тот важнейший духовный опыт, который был моим первым даром веры. Он также научил меня тем принципам, благодаря которым я смог выжить и идти вперед. Содружество дало мне духовный дом и атмосферу, где меня радушно принимают и где я могу заниматься полезным делом. Это, конечно же, было просто замечательно.

Однако, в конце концов, я обнаружил, что мне нужно нечто большее. Содружество – что абсолютно правильно – не пытаюсь ответить на все мои вопросы, сколь бы важными они мне ни казались. Подобно любому подростку, я начал спра-

шивать себя: «Кто я? Откуда я взялся? Какова моя задача здесь? Каков истинный смысл жизни? Когда меня похоронят, продолжу ли я жить или нет? Куда я отправлюсь отсюда, если такое место вообще есть?» Ни наука, ни философия, по-видимому, не могли дать мне убедительных ответов. Естественно, я начал искать в других направлениях, и, думаю, добился некоторого успеха.

Все еще побаиваясь священников и их теологии, я, тем не менее, наконец, обратился к ним – туда, откуда происходит Содружество Анонимных Алкоголиков. Я думал: если они смогли научить меня принципам, благодаря которым я мог выздороветь, то, возможно, они теперь смогут больше рассказать мне о том, как расти в плане понимания и веры.

Хотя моя трезвость пришла легко, взросление оказалось совсем нелегким. Мне всегда очень трудно давались эмоциональный и духовный рост. Я упорно занялся поисками самопонимания, а также лучшего познания Бога и его намерений в отношении меня. Поразмыслив, я решил, что священники должны являться воплощением накопленной мудрости веков в вопросах моральных и теологических. Поэтому я начал заводить с ними дружеские связи – на этот раз, чтобы слушать, а не спорить.

К счастью, я могу сказать, что один из этих священников стал для меня наилучшим другом, учителем и советчиком, какого я только мог желать. Многие годы я нахожу в отце Эде (Доулинге) значительную часть благодати и понимания, благодаря которым я теперь могу расти – пусть даже и очень медленно. Он – прекраснейший из известных мне живых примеров высокой духовности. Он часто направлял мои стопы обратно на верную дорогу, когда без его поддержки я мог бы сойти с нее, уйдя в какой-либо неопределенный сухой запой. Примечательно, что за все эти годы он ни разу не попросил меня присоединиться к его церкви.

Поэтому я с глубочайшим чувством напоминаю о долге

АА перед священниками: без их работы во имя нашего блага Содружество никогда бы не родилось; почти все из используемых нами принципов происходят от них. Мы частично сделали своим достоянием их пример, веру и убеждения. Мы, члены АА, почти в прямом смысле обязаны им своей жизнью, благосостоянием и спасением, которое обрел каждый из нас.

Без сомнения, это огромный долг!

Пресса, радио, телевидение *(октябрь 1957 г.)*

Шло лето 1939 года. За несколько месяцев до того наше Содружество алкоголиков, в котором тогда насчитывалось всего сто членов, издало книгу под названием «Анонимные Алкоголики». Но больше ничего не произошло. Наши книги – пять тысяч экземпляров – кучей лежали на складе напечатавшей их типографии «Корнуэл Пресс», и ни одна не была продана...

Статья в журнале «Ридерз Дайджест», на которую мы возлагали большие надежды, – она могла бы рассказать широкой публике о нас и нашей книге, – так и не была опубликована. Охваченные паникой мы бросались от одного национального журнала к другому, умоляя о помощи. Но все было тщетно. «Воркс Паблишинг», маленькая компания, которую мы создали, чтобы запустить предприятие по изданию книги, потерпело банкротство, как и все мы. Казалось, что нам некуда больше обратиться.

Но Провидению было виднее. Как раз в то время, когда мы достигли этого нового дна, Фултону Оурслеру, тогдашнему редактору журнала «Либерти», нанес визит журналист-фрилансер по имени Моррис Марки. От Чарли Таунса, владельца больницы, постоянным клиентом которой я некогда был, журналист наслушался восторженных отзывов об АА, о которых и поведал Оурслеру – одному из самых проницательных из виденных мной людей. Редактор мгновенно разглядел потенциальные возможности АА и сказал: «Моррис, для тебя есть задание. Принеси сюда эту историю, и в сентябре мы ее опубликуем».

Это были слова первого друга АА из числа представителей прессы. Этим словам было суждено спасти обанкротившуюся книгу; кроме того, они означали, что широкая публика впервые услышит об Анонимных Алкоголиках.

Как и было обещано, в журнале «Либерти» была опубликована статья Морриса Марки «Алкоголики и Бог». Результаты были немедленными и потрясающими. В редакцию

«Либерти» поступило более восьмисот настойчивых просьб о помощи. Мы старательно отвечали на каждое письмо, не забывая прилагать к ответу бланк заказа книги. Скоро начали приходить заказы; благодаря последующим письмам от нашего маленького офиса на Весэй-стрит, а также разъездам членов АА, стали появляться новые группы.

Другие охотники за новостями не замедлили последовать примеру Оурслера. Месяцем позже вдохновляемый публикой редактор кливлендской газеты «Плэйн Дилер» дал журналисту Элрику Б. Дэвису задание писать об АА. После этого много дней подряд ведущей темой газеты были заметки об АА, в общем, и об АА в Кливленде, в частности.

Помимо этих заметок, публиковались редакционные статьи, которые, по сути, призывали: «Содружество АА – хорошее, и оно работает. Идите же и попробуйте». За этим снова последовал поток обращений. Крошечная группа АА Кливленда была буквально завалена ими. Но она благополучно выжила, и за несколько месяцев число ее членов подскочило до нескольких сотен. Анонимные Алкоголики вошли в 1939 год, имея в своих рядах менее сотни человек, а к концу того же года Содружество насчитывало уже более восьмисот членов.

В феврале 1940 года мы получили другой мощный толчок к развитию, на этот раз – благодаря знаменитому обеду мистера Рокфеллера, на котором он представил нас своим друзьям и показал АА всему миру. И снова пресса сделала свое дело. Теперь уже много газет, включая бульварные, говорили о нас хорошие вещи, а великие средства проводной связи разносили рассказы о нас по всему миру. За год число членов АА возросло с восьмисот до более, чем двух тысяч.

Весной 1941 года эта же драма разыгралась в гораздо более крупном масштабе. Мистер Кертис Бок, владелец газеты «Сэтедэй Ивнинг Пост», увидел АА за работой в Филадельфии и настоял, чтобы его редакторы поручили Джеку Александеру написать о нас. Когда выпуск со статьей Джека

вышел в свет, нас затопил поток обращений, подобный Ниагаре. Через два года Содружество насчитывало уже десять тысяч членов.

Рассказав нашу историю американской публике, эти маленькая группа наших первых друзей в прессе за короткий четырехлетний период стократно расширила ряды АА, превратила АА в организацию общенационального масштаба и заложила фундамент, на котором наше сообщество с тех самых пор так бурно растет.

Сегодня список друзей АА из числа представителей прессы, радио и телевидения содержит множество имен. Наш Штаб является подписчиком обширной пресс-службы. Каждую неделю масса их бюллетеней графически изображает нам историю того, что сказали и сделали эти друзья. Это нескончаемый, все расширяющийся поток живительной крови, которую они закачивают в наши всемирные артерии.

В то время как устная речь и личный контакт привлекли в Содружество множество новичков, мы никогда не должны забывать о том, что шансы на выздоровление для большинства из нас появились благодаря нашим друзьям из СМИ – мы прочли об АА, или, может, услышали, или увидели. Вот почему в АА сейчас насчитывается двести тысяч активных членов.

Иногда мы слышим, как члены Содружества жалуются, что пресса использует нас ради сенсаций и выгоды. Они говорят: «Эти журналисты хорошо зарабатывают на таких историях, а владельцы газет получают свою прибыль. В конце концов, что в этом такого особенного? Они просто поступают так, как им и положено».

Однако большинство из нас осознают, что такие утверждения даже наполовину не отражают правды.

Практически каждый журналист и редактор из числа наших знакомых делают гораздо больше, чем требует их профессиональный долг или естественное стремление написать сенсационную статью.

Много лет назад мы попросили всех представителей СМИ уважать анонимность членов АА. Это была просьба об огромном одолжении, ведь средний репортер не может представить своей работы без использования полных имен и фотографий. Тем не менее, когда мы объяснили причину своей анонимности – что мы не должны допускать развитие «звездной болезни» среди нас – они сразу же разобрались в ситуации. С тех пор они из кожи вон лезут, чтобы удовлетворять наши потребности, несмотря на огромное искушение опубликовать имена тех членов Содружества, которые известны всей стране. Бывали случаи, когда такие члены АА сознательно нарушали свою анонимность, но это редко происходило по вине прессы. На самом деле, редакторы часто сдерживают порывы чрезмерно активных членов нашего сообщества, которые хотели бы сделать факт своего членства общеизвестным.

Относясь к АА с неиссякаемым энтузиазмом, многие из наших друзей Содружества пошли еще дальше. Они лично посвятили себя нашему делу. К примеру, Джек Александер стал попечителем АА и очень помог решению наших проблем с литературой, а также никогда не упускал возможности хорошо отозваться о нас устно или письменно.

Наши отношения с Фултоном Оурслером менее известны. Он – великолепнейший пример личной преданности делу Анонимных Алкоголиков.

В 1944 году было решено, что АА следует завести свой ежемесячный журнал. К этому времени Фултон уже видел работу АА вблизи. Один человек, который был ему хорошо знаком, постиг замечательного выздоровления. Как только Фултон услышал о нашем проекте по созданию журнала, он сразу же предложил свои услуги и, хоть и не был алкоголиком, стал членом редколлегии «Грейпвайн» и одним из его основателей. Он тратил собственные деньги на организационные расходы, давал советы, сканировал рукописи и написал для одного из

первых выпусков журнала статью под названием «Алкоголики – очаровательные люди». [Правильный заголовок звучал так: «Очаровательные – вот слово для алкоголиков»]. После этого мы подшучивали над ним по поводу этого заголовка, и он, бывало, с усмешкой говорил, что следовало назвать статью «*Некоторые* алкоголики – очаровательные люди!»

В последующие годы я очень хорошо узнал нашего друга Фултона. Я никогда не видел более занятого человека. Во сколько бы он ни лег спать, ничто менее серьезное, чем воспаление легких, не могло помешать ему прийти в свой кабинет к пяти утра и писать там до одиннадцати. Но это было только начало его дня; его бесчисленные друзья и виды деятельности занимали его время до позднего вечера. Я тоже порой задерживал его до полуночи.

В то время Содружество переживало шторма своего юношеского периода. Наш Штаб только обретал форму и сферу ответственности. Мы нуждались в совете, особенно по вопросам отношений с общественностью, и я часто обращался за этим к Фултону. Именно в этот период он стал главным редактором «Ридерз Дайджест», где его полезность для нас вскоре отразилась в широком освещении нашей деятельности, которое начал осуществлять журнал.

Затем настал момент, когда мы захотели, чтобы Фултон стал одним из попечителей АА. Зная о его огромной загруженности, я крайне неохотно попросил его об этом. Но мои сомнения были напрасны – как только я поднял этот вопрос, его лицо оживилось, и он воскликнул: «О, конечно же! Так когда мне приступать?» Фултон не мог присутствовать на всех наших совещаниях, но он всегда был доступен. Помню, как один раз я ворвался к нему посреди рабочего дня и попросил помочь нам с Голливудом, где наши дела с одним кинопродюсером застопорились. Он тут же бросил всю свою работу и взялся за междугородний телефон. Через час он перезвонил мне и сообщил, что все улажено и нам больше нет нужды беспокоиться.

За несколько месяцев до его смерти мы с ним вместе провели еще один вечер. Тогда-то он и рассказал мне, что для него значат Анонимные Алкоголики. Он с большим смирением описал свою прежнюю жизнь как время горделивого агностицизма и упражнений в софистике, которые завели его в тупик. Затем он поведал о том, как его глубоко затронул пример АА; о том, как он, в конце концов, присоединился к выбранной им церкви; о том, как влияние Содружества и церкви вдохновило его написать о Библии в «Величайшей истории из всех рассказанных». А потом сказал, что сделал для АА лишь часть того, что Содружество сделало для него, исалкоголика.

Наш опыт отношений с этими людьми, а также с огромным множеством других мужчин и женщин из числа представителей прессы, радио и телевидения ясно показывает нам, что значила их преданность нашему делу. Сегодня почти в каждом городе, где развивается сообщество АА, мы видим наших друзей из СМИ, идущих по стопам Джека Александера и Фултона Оурслера.

Так давайте же будем вечно благодарны всем таким агентам доброй воли. И давайте всегда быть достойными их дружбы.

На фронтах борьбы с алкоголизмом *(март 1958 г.)*

Говорят, что в Америке четыре с половиной миллиона алкоголиков. До настоящего времени Анонимные Алкоголики помогли обрести трезвость, возможно, где-то двум стам пятидесяти тысячам из них. Это значит – примерно одному из двадцати, или пяти процентам из всех. Конечно, это прекрасное начало, полное значения и надежды для тех, кто еще страдает. Однако эти цифры показывают, что мы сделали всего лишь приличных размеров насечку на огромном стволе этой всемирной проблемы человеческого здоровья. Миллионы людей до сих пор больны, и еще миллионы скоро заболеют.

Эти факты об алкоголизме должны давать нам богатую пищу для размышлений и вескую причину для смирения. Безусловно, мы можем испытывать благодарность за любые учреждения и методы, пытающиеся решить проблему алкоголизма – независимо от того, относятся ли они к сфере медицины, религии, образования или научных исследований. Мы можем непредвзято относиться ко всем таким начинаниям и сочувствовать провалам тех из них, которые опрометчивы. Мы можем помнить о том, что само Содружество АА на протяжении ряда лет действовало методом проб и ошибок. Как отдельные его члены, мы можем и должны сотрудничать с подобными движениями, сулящими успех – пусть даже небольшой.

Кроме того, мы не должны позволять своим особым убеждениям и предрассудкам быть сильнее нашего здравого смысла и доброжелательности. К примеру, многие из нас думают, что алкоголизм – главным образом, духовная проблема. Поэтому мы уделяем мало внимания биохимикам, которые хотели бы убедить нас в том, что алкоголики пьют по большей части потому, что их терзают нарушения обмена веществ. Подобным же образом мы склонны горячиться, когда психиатры,

отмахиваясь ото всех вопросов добра и зла, настаивают, что истинная проблема алкоголика всегда кроется в невротических компульсивных реакциях, приобретенных им в невинном детском возрасте из-за того, что заблуждающиеся родители воспитывали его плохо приспособленным к жизни. А когда работники социальной сферы говорят, что подлинные причины алкоголизма следует искать в несовершенстве социальной среды, мы упрямо отвечаем: «Да какая, вообще, разница, в чем причина? В АА алкоголиков излечивают, и не влезая во все это».

Точно так же некоторые из нас, членов Содружества, осуждают любые попытки лечения какими-либо методами, кроме наших. Мы указываем определенным клиникам и комитетам на то, что они мало чего добились; мы жалуемся, что власти штатов и провинций зря тратят огромные суммы. Мы с жаром поносим каждое экспериментальное лекарство, которое плохо действует. Мы умаляем значение попыток представителей религии помочь нам, алкоголикам. Мы уверены, что надлежащая образовательная работа по проблеме алкоголизма – штука хорошая; но при этом мы склонны считать, что наше сообщество косвенным образом делает большую часть этой работы.

Это может показаться исповедью в грехах АА, и частично это действительно так. Кроме того, я признаюсь, что и сам периодами придерживался многих из этих взглядов и предубеждений, зачастую недальновидных. Но поспешу добавить, что сказанное мною в гораздо большей степени относится к прошлому Содружества, чем к его настоящему.

Сегодня огромное большинство членов АА приветствуют любой новый луч света, который только может пролиться на загадочный, непонятный недуг алкоголиков. Нас не особо волнует, откуда берутся новые ценные знания – из пробирки, с кушетки психиатра или же из исследований социологов. Мы рады любому виду просвещения, который дает

широкой публике верную информацию, изменяя ее давно и прочно укоренившееся отношение к алкоголику. Мы все больше рассматриваем тех, кто трудится на общей ниве алкоголизма, как своих попутчиков на дороге, ведущей из тьмы к свету. Мы понимаем, что вместе можем добиться того, чего никогда не смогли бы добиться, если бы действовали по отдельности и конкурировали между собой.

Должен признать, что я, озабоченный Содружеством и его делами, слишком мало задумываюсь о глобальной алкогольной проблеме. Но у меня все же есть некоторое представление о ней, которым мне хотелось бы поделиться с вами.

Возьмем эти четыре с половиной миллиона алкоголиков Америки. В каком они сейчас положении? Что для них делается и что могло бы делаться? А как же будущее поколение – еще четыре миллиона, которые пока еще дети и подростки? Помимо того, что может сделать АА, неужели они тоже должны пасть жертвами алкоголизма?

Начнем с самого низа пирамиды. Наши психиатрические лечебницы заполнены пациентами с нарушениями работы мозга и глубокой психопатией. Время от времени некоторые из них выходят оттуда, но таких немного. Большинство уходят безвозвратно, и для них нет лучшей надежды, чем тот свет. Однако более тщательное исследование их состояния может дать нам дополнительные знания, которые позволят предотвратить такой же плачевный исход для других людей, приближающихся к критической точке. В тюрьмах тоже находится огромное число алкоголиков. Они или непосредственно по вине алкоголя ввязывались в переделки, из-за которых и угодили за решетку, или же вынуждены были пить, чтобы совершать преступления, к которым они имеют компульсивные наклонности. В таких ситуациях явно необходимы исследования – медицинские, психиатрические, социологические. Анонимные Алкоголики не могут выполнить эту работу, но другие уже успешно начали ее.

В каждом большом городе есть своя канава. Число так называемых «бродячих» алкоголиков, без сомнения, равняется нескольким сотням тысяч. Некоторые из них в таком тяжелом состоянии, что им прямая дорога в психиатрическую лечебницу. Остальные – огромное число мужчин и женщин – задают работу полиции, судам, тюрьмам и больницам. Их страдания невыразимы; однако обществу также наносится колоссальный ущерб – даже если учитывать одни только денежные потери. Множество таких людей, еще официально не признанных психбольными, обречены безнадежно скитаться. Можно ли с этим что-нибудь поделать? Со всей вероятностью – да. Возможно, этих страдальцев можно поселить на фермах, где, живя на своего рода «карантинной» ограниченной территории, они могут работать, чтобы содержать себя, улучшить состояние своего здоровья и избавить города, где они слонялись, от крупных затрат и хлопот. Благодаря этому и иным подобным экспериментам для бродяг появляется гораздо больше надежды на лучшее. Отдельные члены АА помогают этой работе, но большая часть труда и денег должна идти из других источников.

А что же с миллионами алкоголиков, которые не попали в тюрьму, психбольницу или канаву? Нам говорят, что таких подавляющее большинство. В настоящее время Содружество АА, по-видимому, представляет собой лучший шанс на выздоровление для них. Но тогда почему эти миллионы людей еще не пришли к нам? Или почему они не пытаются вылечиться иными методами?

Любой член АА может дать вам быстрый и очень точный ответ: «Они не готовы; они не знают, насколько больны на самом деле. Если бы знали, то толпами шли бы в лечебницы точно так же, как если бы у них был диабет или рак». Следовательно, проблема в следующем: как показать им факты, которые убедят их, что они тяжело больны.

По всей вероятности, лучшее решение заключается в *просвещении* – в школах, медицинских колледжах, среди священнослужителей и работодателей, в семьях и среди широкой публики. С колыбели до могилы пьяница и потенциальный алкоголик должен быть окружен истинным, глубоким пониманием и непрерывающимся заграждением информации фактами о его болезни, ее симптомах и ее чрезвычайной серьезности. Почему, прежде чем узнать, что он глубоко болен, алкоголик должен ждать, пока ему стукнет пятьдесят пять, и он будет в ужасающе искалеченном состоянии, в то время как достаточное просвещение соответствующего рода могло бы убедить его в этом в тридцать или тридцать пять?

История показывает, что, невзирая на их отдельные заслуги, ни проповедование, ни морализаторство, ни иные попытки исправления никогда не производили большого впечатления *на алкоголиков в целом. Зато информирование об их болезни*, основанное на фактах, за последние несколько лет дало многообещающие результаты. Уже сейчас мы видим, что приход множества молодых людей в АА – прямое следствие того, что в последнее время информация об этой болезни стала более распространенной.

Мы, члены АА, проделали большую работу по такому информированию, но наши друзья вне Содружества сделали еще больше. В итоге, в настоящее время, может быть, полмиллиона алкоголиков США пытаются выздороветь – или, по крайней мере, всерьез об этом задумываются – либо самостоятельно, либо путем реального лечения. Возможно, эта предположительная цифра завышена, но она ничуть не фантастична. Надлежащее просвещение об алкоголизме – и гораздо большее количество такого просвещения на всех уровнях обязательно даст свои плоды.

Результаты этого просвещения проявятся не только в числе лечащихся людей; еще больше пользы оно может принести в плане профилактики. Для этого необходимо основанное

на фактах информирование, должным образом преподносимое детям и подросткам – как дома, так и в школе. Раньше в рамках такого просвещения зачастую рассматривалась скорее аморальность пьянства, чем сама болезнь под названием «алкоголизм».

Мы, члены АА, можем говорить об этом с большой убежденностью. Большинство наших детей пребывали в эмоциональном замешательстве из-за нашего поведения в пьяном виде и, несомненно, плохо умели приспосабливаться к окружающей обстановке. Многие из них должны были бы к настоящему времени превратиться в проблемных пьяниц. Но этого не произошло. Алкоголизм, или потенциальный алкоголизм, редко встречается среди детей, чьи родители – члены АА. При этом мы никогда не запрещаем им пить и не читаем нотаций, если они пьют. Они просто узнают из того, что видели и слышат, следующее: алкоголизм – жуткая вещь, и, если они будут пить, их шансы заболеть алкоголизмом равняются одному к пятнадцати. Большая часть из них не пьет вовсе. Другие употребляют алкоголь умеренно. Остальные, попав в несколько серьезных передряг, находят в себе силы завязать – и вскоре делают это. По-видимому, это – наилучшее проявление профилактического информирования.

Следовательно, очень даже возможно широко применять многие из таких подходов и методов АА в воспитании любых детей.

Так кто же должен заниматься всей этой просветительской работой? Очевидно, это задача и общественных объединений, и специалистов. Отдельные члены АА могут помогать им; однако Содружество как таковое не может и не должно принимать в этом непосредственное участие. Поэтому мы должны положиться на иные организации, наших друзей вне АА и их готовность вкладывать в это дело много денег и усилий – денег и усилий, которые, как никогда прежде, направят алкоголика на путь лечения и предотвратят развитие

алкоголизма у миллионов предрасположенных к нему детей, которые в противном случае пойдут по дороге, так хорошо известной нам.

Как покажет следующий исторический эпизод, за пределами АА достигнуты значительные, многообещающие успехи в сферах научных исследований, лечения, реабилитации и просвещения. Мне довелось быть свидетелем возникновения современных методов в этих областях. Вот что я видел.

Я хорошо помню доктора Х.В. Хаггарда из Йельского университета. В 1930 году – за четыре года до того, как я обрел трезвость – этот прекрасный врач задавался вопросом: в чем заключается болезнь алкоголиков? Он хотел начать исследования по этой проблеме. Поначалу это был главным образом лабораторный проект, задачей которого было выяснить, какова химическая природа болезни. Эта идея так забавляла некоторых его коллег, что выделения средств на эти цели из фонда Йеля ожидать не приходилось. Но доктор Хаггард был человеком, у которого было призвание. Он вложил в проект собственные деньги и попросил своих личных друзей поступить так же. В итоге проект был запущен, и доктор Хаггард начал работу над ним вместе со своим коллегой, доктором Хендерсоном.

Позже в 1937 году прославленный физиолог доктор Энтон Карлсон и группа заинтересованных ученых сформировали вспомогательный орган – Исследовательский совет по проблеме алкоголя. Это было начинание более общего характера. Некоторые из нас, первых членов АА в Нью-Йорке, посещали их совещания; иногда мы делали это, чтобы их подбодрить, а иногда, должен признаться, чтобы поглумиться над ними. (Ведь в то время Содружество АА считало, что имеет монополию на исцеление алкоголиков!)

Вскоре Исследовательский совет привлек к своей работе ходячую электростанцию – доктора Е.М. Джеллинека. Он не был доктором медицинских наук, зато был доктором чуть ли не всего остального. Для того чтобы узнать об алкоголиках

все, ему достаточно было лишь поднять на поверхность фоновые знания, полученные им из книг. Несмотря на то, что он был чудом науки, он пользовался громадной популярностью среди алкоголиков. Мы называли его «сухим алкоголиком», потому что он великолепно вписывался в наш круг. Даже прозвище у него было обворожительное – его отец-венгр окрестил его «Банки», что по-венгерски означает «маленькая редиска». «Маленькая редиска» немедленно взялся за дело.

Через какое-то время Банки и доктор Хаггард объединили свои силы и в 1940 году начали издавать «Ежеквартальный журнал исследований по проблеме алкоголя», в котором публиковались статьи, охватывающие все поле соответствующих исследований. Так доктор Джеллинек стал партнером и близким товарищем доктора Хаггарда.

В 1943 году доктор Хаггард и Банки организовали Йельскую школу исследований по проблеме алкоголя. Они считали, что лаборатория и технический журнал далеко не продвинутся, если не будет найдена более широкая аудитория. Была выдвинута идея о том, что в этой школе должны быть представлены все, кто сталкивается с алкоголиками или проблемой алкоголизма.

На первые заседания собиралась до странности разношерстная толпа. Я хорошо помню почтенного мистера Колвина, который некогда помогал правительству США воплотить в жизнь сухой закон. На противоположном полюсе находились определенные представители алкогольной промышленности. Посередине были разрозненные кучки священников, соцработников, судей, полицейских, сотрудников исправительных учреждений, работников сферы образования, а также некоторое количество алкоголиков. У каждого был свой меч, нуждающийся в заточке, и собственные железные убеждения. Сторонники сухого закона и его противники избегали разговаривать друг с другом. Каждая из фракций хотела, чтобы мы, алкоголики, согласились с ней. Это очень льстило нам;

однако мы естественным образом заняли независимую позицию и не соглашались практически ни с кем!

Доктору Хаггарду и доктору Джеллинеку предстояло навести порядок в этом бескомпромиссном сборище. Защитников алкоголя нужно было убедить в том, что от проблемы алкоголизма нельзя отмахиваться; их оппонентам же необходимо было доказать, что не следует запугивать каждого употребляющего алкоголь, размахивая перед ним изъязвленной печенью. А членам АА нужно было показать гигантские масштабы общей алкогольной проблемы и поставить их перед лицом того факта, что они, по всей вероятности, не смогут одним махом вылечить от алкоголизма весь мир. Итак, школа привела результаты своих исследований, все остальные добавили то, что знали – или думали, что знали, – и Банки, в конце концов, показал нам, что мы должны рассматривать реальные факты в совокупности и при том быть дружелюбно настроенными по отношению друг к другу. Действовал он дипломатично. Возможно, это и было самым началом всестороннего гибкого подхода к алкогольной проблеме в Америке.

В следующем 1944 году произошло два знаменательных события. Йельская группа исследователей открыла клинику, чтобы иметь в своем распоряжении много живых алкоголиков, которых можно было бы изучать и лечить в экспериментальном порядке. Здесь Рэй Маккарти, первый администратор клиники, начал испытывать разработанный группой метод на своей первой партии алкоголиков.

Затем за дело взялась Марти. Будучи одним из ранних членов АА, она понимала, что необходимо изменить отношение общественности и что люди должны знать: алкоголизм – это болезнь, и алкоголикам можно помочь. Марти разработала план создания организации, которая вела бы активную общественно-просветительскую работу и формировала гражданские комитеты по всей стране. Она рассказала об этом плане мне. Я отнесся к нему с энтузиазмом, но пришел к выводу,

что необходима научная поддержка; поэтому мы направили план Банки, и он встретился с нами. Он сказал, что план хорош и что время пришло, и согласился со мной, что Марти именно тот человек, который и должен этим заниматься.

Получив финансирование от неутомимого доктора Хаггарда и его друзей, Марти принялась выполнять свою грандиозную задачу. Мне не хватит этой статьи, чтобы подробно описать все огромные достижения Марти и ее товарищей в рамках организации, сегодня называющейся Национальным советом по алкоголизму. Но я могу выразить здесь свое убеждение в том, что ни одна другая отдельно взятая организация не сделала так много в плане общественного просвещения, открытия лечебных учреждений и запуска всевозможных конструктивных проектов. Национальный совет по алкоголизму пережил достаточно трудностей в процессе своего становления; зато сегодня результаты его работы говорят сами за себя.

В 1945 году доктор Селден Бэкон, известный социолог, был назначен председателем первой программы, финансируемой за счет средств штата – Комиссии по алкоголизму штата Коннектикут. Это первое начинание такого рода явилось прямым результатом работы доктора Бэкона и Йельской группы. С тех пор наш друг Селден прикладывает всю свою безграничную энергию и тончайшее понимание своей профессии к оказанию помощи алкоголикам. Несомненно, он – один из лучших из имеющихся у нас авторитетов в социальном отношении.

Мне очень хотелось бы назвать имена многих других преданных друзей тех ранних первопроходческих времен и рассказать вам о них. Затем по их стопам пошли другие, и сегодня таких людей великое множество. И я шлю всем им вечную благодарность Анонимных Алкоголиков.

Их объединенные усилия, часто вдохновляемые членами АА, принесли богатые результаты общего характера. В настоящее время четыре университета используют модели Йельской школы. Для алкоголиков открыты двери трех тысяч обществен-

ных и частных больниц. В промышленности происходит переворот в отношении работодателя к его работникам-алкоголикам. Исправительные учреждения, полиция и судьи воспряли духом. Гражданские комитеты, насчитывающие множество членов, борются с общей проблемой на местах. В более чем тридцати штатах США и в большинстве провинций Канады действуют лечебные и реабилитационные программы. Многие объединения священников проводят просветительскую работу среди своих коллег. Широкой общественности предоставляется информация из области психиатрических исследований и лечения. Приверженцы пробирок, полные надежд, трудятся в своих лабораториях. Американская медицинская ассоциация официально объявила алкоголизм хронической болезнью и образовала собственный комитет по алкоголизму. Медицинские учебные заведения начинают включать в свою учебную программу этот предмет. Всемирная организация здравоохранения, воодушевляемая Банки, разносит эти хорошие новости по всему миру. Совершенствуются школьные учебники. Что касается общего просвещения, то пресса, радио и телевидение ежедневно выплескивают целые потоки его. И все это произошло за те двадцать восемь лет, что прошли с момента, когда доктор Хаггард первым решил выяснить, в чем заключается болезнь алкоголиков.

Каждый из этих первопроходцев на общем фронте борьбы с алкоголизмом великодушно скажет, что, если бы не живое доказательство выздоровления в лице Анонимных Алкоголиков, они не смогли бы продолжать свою работу. Содружество АА было для них путеводной звездой надежды и помощи, которая заставляла их идти вперед.

Так давайте же трудиться бок о бок со всеми этими многообещающими проектами, чтобы ускорить выздоровление миллионов людей, которые еще не нашли выхода. Этим разнообразным начинаниям не нужна наша особая поддержка; им нужна только рука помощи в ситуациях, когда мы, действуя как частные лица, можем протянуть ее.

Раздел 3: Дополнительные статьи этого периода

Привет Канаде *(май 1951 г.)*

Наши поздравления и благодарность Канаде! Лучшего сообщества АА просто не найти. Наше обширное Содружество обладает странным качеством: оно везде одинаковое, но при этом везде разное. Мы, члены АА, чрезвычайно похожи друг на друга в пределах одного региона или нации. Разумеется, так и должно быть.

Когда путешествующие члены АА возвращаются из Канады, все они рассказывают, что увозят оттуда гораздо больше, чем привнесли туда.

Кроме того, мы никогда не забудем, что именно благодаря Канаде Семейные группы АА (теперь именуемые Семейными группами Ал-Анон) достигли своего текущего замечательного уровня успеха и пользуются горячей поддержкой со стороны тех из нас, кто прошлым летом слышал их выступление в Кливленде. И никогда не потускнеют яркие воспоминания о том дне в Монреале, когда мы с Лоис услышали, как Молитву Всевышнему читают на французском и английском – то было наше первое двуязычное собрание.

Мы неизмеримо благодарны за наших верных друзей от Галифакса до Ванкувера. Они всегда одинаковы; это все такие же преданные труженики на огромной фабрике сегодняшнего АА – и завтрашнего тоже!

Знакомьтесь: попечители-неалкоголики
(ноябрь 1951 г.)

Почему в состав совета Фонда Анонимных Алкоголиков входят восемь попечителей-неалкоголиков? Чем они занимаются, а главное – как они туда попали? На эти часто задаваемые вопросы существуют великолепные ответы.

Вот как все началось. В 1937 году мы решили, что нам нужно много денег. Мы подумывали о том, чтобы заняться больничным лечением и заиметь своего рода проповедников АА, услуги которых оплачивались бы. Но с еще большей определенностью нам необходимо было издать свою книгу. Поскольку у нас самих таких денег не было, нам пришлось посмотреть вокруг. Эти потребности – как реальные, так и вымышленные – заставили нас заняться поисками неалкоголиков, у которых деньги были. Ну, или которые могли достать их для нас.

Многие слышали мой рассказ о том, как через моего шурина доктора Леонарда В. Стронга мы познакомились с мистером Виллардом С. Ричардсоном – одним из замечательнейших друзей АА. В период становления Содружества мы испытывали крайнюю нужду в деньгах и уверенно полагали, что это многообещающее знакомство, ведь он был близким другом и товарищем мистера Джона Д. Рокфеллера-младшего. Он сразу же живо заинтересовался нами. Мы были уверены, что наши денежные проблемы решены. Но Провидению было угодно, чтобы это было не так. Однако мистер Ричардсон быстро собрал компанию неалкоголиков, которые немедленно заразились его энтузиазмом по отношению к нашему начинанию. Эти первые друзья АА – Дик Ричардсон, Леонард Стронг, Фрэнк Амос, А. Лерой Чипмэн, Альберт Скотт – обязательно займут важнейшее место в любой будущей книге об истории Анонимных Алкоголиков.

Впрочем, поначалу они нас довольно-таки разочаровывали: эти люди не были так уж уверены в том, что нам нужны крупные суммы денег. Еще больше придерживался такой позиции мистер Джон Д. Рокфеллер-младший, с которым мы вступили в контакт несколько позже. Тогда мы едва ли догадывались, что мудрость наших новых друзей вскоре спасет Анонимных Алкоголиков от профессионализма и опасностей большого богатства.

Тем не менее, к весне 1938 года большинство наших новых спонсоров пришло к выводу, что мы сможем безопасно воспользоваться небольшой суммой денег. Наши грандиозные идеи о лечебницах и проповедниках испарились, но мы все еще были совершенно уверены, что нам следует издать книгу, содержащую наш опыт выздоровления. Еще раньше в том же году мистер Рокфеллер выделил определенную сумму в помощь лично Доктору Бобу и мне. Но итог был ясен. Проект по изданию книги, несомненно, требовал средств.

На этом этапе и возник Фонд АА. В мае 1938 года был составлен попечительский договор. Попечителями стали люди, чьи имена названы выше, кроме мистера Скотта и мистера Рокфеллера. К тому моменту мы уже могли положиться на взвешенность их суждений и неослабность интереса. Более того, Содружество очень нуждалось в друзьях – людях, которые могли бы выступить перед широкой публикой и рассказать о том, что они думают о нас. Двумя годами позже мистер Рокфеллер так и поступил.

В связи с формированием Фонда мне вспоминается забавный факт. Никто из алкоголиков, вошедших в новый совет, не был уверен, что сможет остаться трезвым. А если бы все бывшие пьяницы снова сорвались, кто позаботился бы о деньгах Фонда? С мыслями об этой возможной катастрофе мы включили в попечительский договор положение о том, что число неалкоголиков в составе совета всегда должно превышать число алкоголиков на одного человека. Просто на всякий случай!

На протяжении всего лета 1938 года мы, имея в своем распоряжении наилучшие рекомендации, выпрашивали денег для своего новообразованного Фонда. Но это не давало никаких результатов. Поэтому осенью того же года, объединившись под именем издательской корпорации «Воркс Паблишинг», нью-йоркские алкоголики и их друзья – всего сорок девять человек – мобилизовали средства для издания книги «Анонимные Алкоголики». У самого Фонда практически не было денег до самого 1940 года, когда мистер Рокфеллер устроил свой знаменитый обед для Анонимных Алкоголиков, получивший широкое освещение. В результате на протяжении последующих пяти лет Фонд получал приблизительно по три тысячи долларов в год. Позже семья Рокфеллеров ссудила Фонду определенную сумму, чтобы он мог расплатиться с акционерами издательского предприятия АА, ранее вложившими туда наличные, и тем самым полностью завладеть правами на книгу. Это практически все деньги, которые Фонд когда-либо получал из внешних источников.

Тогда же характер Фонда начал меняться. После того, как он приобрел права на книгу, в ведение попечителей успешно перешли отношения АА с общественностью, пожертвования в поддержку Офиса общего обслуживания, а в последние годы – и журнал АА «Грейпвайн», который изначально был основан обособленной группой нью-йоркских членов АА, выступавших в качестве журналистов.

Как видите, то, что создавалось как простой комитет в помощь Доктору Бобу и мне, впоследствии развилось в Совет по обслуживанию АА, ведающий нашими основными делами. Этот Совет, который поначалу занимался лишь денежными проблемами, сегодня трудится главным образом на ниве общей политики АА, а также управления делами Офиса общего обслуживания и журнала «Грейпвайн».

Мы склонны забывать, как сильна оторванность Фонда от средней группы АА. Такое положение дел изменилось только

в апреле этого года с приходом Конференции по общему обслуживанию. Но даже этот орган будет собираться лишь раз в год. В этой уникальной ситуации изоляции неалкоголики раз за разом доказывали свою неизмеримую ценность для АА. Благодаря своей отдаленности от нас они часто демонстрировали более здравые суждения, чем мы – непостоянные, полные предрассудков алкоголики. Они не только стабилизируют работу нашего Штаба; было несколько случаев, когда они просто спасли Фонд от катастрофы. Так можем ли мы воздать им большую дань благодарности, чем эта?

Итак, познакомьтесь с нашими попечителями-неалкоголиками. Вот они:

Джек Александер – автор той самой статьи в «Сэтедэй Ивнинг Пост», вышедшей в 1941 году, которая превратила АА в организацию общенационального масштаба и принесла избавление тысячам людей. Как же мы любим Джека!

Фрэнк Амос – владелец рекламного агентства и газеты; сейчас проживает в Кембридже, штат Огайо. Мы всегда будем с благодарностью помнить о безустанном интересе и мудрых советах Фрэнка в ранние и последующие дни Содружества.

А. Лерой Чипмэн – компаньон мистера Рокфеллера, очень рано вошедший в состав совета; осторожный, добросовестный казначей, чью огромную преданность нашему делу следует лучше знать и ценить.

Фрэнк Гульден – новый человек в Фонде; выдающийся деятель церкви, член совета больницы Святого Иоанна (которая тесно сотрудничает с АА Бруклина), владелец известного продовольственного предприятия, носящего его имя. Мы считаем, что его чрезвычайная проницательность – настоящая находка для нас.

Доктор Джон Норрис – главный врач компании «Истмэн Кодак». Он, недавно ставший членом совета Фонда, пользуется большим уважением в области промышленной медицины. Он известен своим хорошим знанием алкоголиков, и

именно благодаря ему между «Истмэн Кодак» и Анонимными Алкоголиками сложились такие чудесные взаимоотношения.

Фултон Оурслер – главный редактор журнала «Ридерз Дайджест», знаменитый на весь мир автор и эксперт в области связей с общественностью. Тысячи членов АА прочли его «Величайшую историю из всех рассказанных». Более славного и горячего фаната АА, чем Фултон, просто не найти.

Бернард Смит – председатель совета Фонда, известный юрисконсульт, а также исключительно проницательный, полный рвения друг АА. С того самого момента, как впервые была предложена идея о проведении Конференции по общему обслуживанию, он постоянно выступал ее защитником, и потому мы всегда будем благодарны ему.

Доктор Леонард В. Стронг – тот самый человек, чья связь с мистером Виллардом Ричардсоном и привела к созданию Фонда. С тех пор он фактически выполнял обязанности секретаря. Ни один человек не посетил больше собраний, чем Леонард, и никто не трудился больше его над тем, чтобы Фонд достиг своего текущего уровня. Так случилось, что Леонард – мой шурин. В последние дни моего пьянства, возможно, именно его неизменная уверенность и медицинская помощь спасли мне жизнь.

Мистер Виллард С. Ричардсон – попечитель в отставке. Этого доброго друга АА, сейчас ушедшего на покой, все те, кто служил вместе с ним, с любовью помнят как человека, который с самого начала привносил в деятельность нашего Фонда чудесное духовное содержание и прекрасную мудрость. За спиной мы называем его «Дядя Дик». Не правда ли, это о многом говорит?

Леонард В. Харрисон – ни один перечень не был бы полным без него. Он служил в качестве председателя совета Фонда на протяжении тех крайне неопределенных юношеских лет АА, когда мы трепетали от страха при мысли о возможной победе

сил, которые могли бы нас разъединить. В этот чрезвычайно напряженный период твердая рука нашего друга, стоящего у руля Фонда, помогла нам избежать многих скрытых опасностей. Здесь мы выражаем ему свою вечную благодарность.

Вот вы и познакомились с нашими попечителями-неалкоголиками. Что было бы сегодня с Содружеством, если бы не они? Лично я предпочитаю об этом и не думать.

Немного истории: происхождение Двенадцати Шагов *(июль 1953 г.)*

Члены АА постоянно спрашивают: «Откуда взялись Двенадцать Шагов?» Возможно, никто не знает этого точно. Однако некоторые события, приведшие к их формулированию, я помню так же ясно, как если бы они произошли вчера.

Что касается людей, то основных каналов вдохновляющих идей для наших Шагов было три – Оксфордская группа, доктор Вильям Д. Силкуорт из больницы Таунса и знаменитый психолог Вильям Джеймс, которого иногда называют отцом современной психологии. История о том, как эти потоки влияния слились и привели к написанию Двенадцати Шагов, увлекательна, а местами – совершенно невероятна.

Многие из нас помнят, что Оксфордская группа – это современное евангелическое движение, которое процветало в двадцатых и начале тридцатых годов двадцатого века, возглавляемое бывшим священником-лютеранцем доктором Фрэнком Бучмэном. В тот период Оксфордская группа делала большой упор на личную работу одного члена с другим. Двенадцатый Шаг АА происходит из этой жизненно важной практики. Моральную основу Оксфордской группы составляли: абсолютная честность, абсолютная чистота, абсолютное бескорыстие, абсолютная любовь. Кроме того, ее члены практиковали своего рода исповедь, которую называли «разделением», а также возмещение причиненного ущерба. Они глубоко верили в свое «время покоя» – медитацию, практикуемую как группами, так и отдельными людьми, в которой они искали Божественного руководства для каждого аспекта жизни, крупного или мелкого.

Эти основополагающие идеи были не новы, и мы могли бы взять их и из иного источника. Но для нас, первых алкоголиков, вступивших в контакт с членами Оксфордской

группы, спасительным оказалось то, что они настойчиво подчеркивали важность именно этих конкретных принципов. Помимо этого, к счастью для нас, эти люди прилагали особые усилия к тому, чтобы не вмешиваться в личные религиозные воззрения других. Их сообщество – так же, как впоследствии наше – считало необходимым ни в коем случае не требовать приверженности определенному вероисповеданию.

В конце лета 1934 года мой школьный товарищ и друг-алкоголик Эбби, которого я очень люблю, познакомился с этими славными ребятами и быстро обрел трезвость. Будучи алкоголиком, и притом довольно упрямым, он не смог принять все идеи и взгляды Оксфордской группы. Тем не менее, его тронула их глубокая искренность, и он испытывал огромную благодарность за то, что их помощь на настоящий момент сняла его одержимость спиртным.

В конце осени 1934-го, когда Эбби прибыл в Нью-Йорк, он сразу же подумал обо мне. В один пасмурный ноябрьский день он позвонил мне. Вскоре он уже смотрел на меня с противоположной стороны кухонного стола в доме 182 по Клинтон-стрит, что в Бруклине, Нью-Йорк. Мне вспоминается, что на протяжении того разговора он постоянно произносил фразы вроде: «Я обнаружил, что не могу управлять собственной жизнью»; «Мне необходимо было быть честным с самим собой и с кем-то другим»; «Я должен был возместить причиненный мной ущерб»; «Мне нужно было молиться Богу о руководстве и силе, хоть я и не был уверен, что Бог вообще существует»; «И после того, как я приложил большие усилия к тому, чтобы сделать все это, я обнаружил, что моя жажда алкоголя прошла». Помимо этого Эбби снова и снова повторял нечто вроде: «Билл, это ничуть не похоже на воздержание от спиртного. Ты не борешься с желанием выпить – ты от него освобождаешься. Раньше я никогда такого не испытывал».

Такова была суть тех идей, которые Эбби перенял у своих друзей из Оксфордской группы и в тот день передал мне. Хоть эти простые мысли были и не новы, меня будто обухом по голове ударило. Сегодня мы понимаем, почему: один алкоголик говорил с другим так, как не смог бы больше никто.

Недели через две-три – если быть точным, 11 декабря – я прибрел в больницу Чарльза Б. Таунса, тот самый знаменитый лечебный центр для алкоголиков, что в Сентрал Парк Уэст, Нью-Йорк. Я и раньше бывал там, поэтому знал и уже любил главного врача – доктора Силкуорта. Именно он вскоре выдвинул великую идею, без которой Анонимные Алкоголики ни за что не преуспели бы в своем деле. Он многие годы утверждал, что алкоголизм – это болезнь, одержимость рассудка вкупе с телесной аллергией. К тому моменту я уже знал, что это – про меня. Кроме того, я понимал, каким убийственным может быть сочетание этих двух людоедов-близнецов. Конечно, раньше я надеялся, что отношусь к тому малому проценту жертв болезни, которые иногда избегают возмездия. Но теперь эта внешняя надежда исчезла. Я почти достиг дна. Тот вердикт науки – одержимость, обрекающая меня на пьянство, и аллергия, обрекающая меня на смерть – вот-вот должен был сбыться. Тут-то и появилось место для медицины в лице этого доброго маленького доктора. Эта обоюдоострая истина, которую держал в своих руках один алкоголик, разговаривая с другим, была подобна кувалде, которая могла вдребезги разбить твердокаменное алкогольное эго до самого основания, тем самым широко распахнув его душу навстречу милости Божьей.

В моем случае кувалдой работал, конечно же, доктор Силкуорт, а мой друг Эбби донес до меня духовные принципы и благодать, которые через три дня в больнице привели к моему внезапному духовному пробуждению. У меня сразу же появилось знание того, что теперь я – свободный человек. С этим потрясающим духовным опытом пришло чудесное

чувство уверенности в том, что настанет день, когда множество алкоголиков получат такой же бесценный дар, что был ниспослан мне.

На этом этапе в мою жизнь влился третий поток влияния. Это произошло через страницы книги Вильяма Джеймса «Разновидности религиозного опыта». Кто-то принес ее в мою больничную палату. После моего внезапного духовного переживания доктор Силкуорт приложил огромные усилия, чтобы убедить меня – это была не галлюцинация. Но Вильям Джеймс сделал даже больше. Он писал, что полученный духовный опыт может не только сделать человека более здравомыслящим, но и буквально трансформировать его таким образом, что он начнет делать, чувствовать и верить в то, что до сих пор было для него невозможным. Не имеет особого значения, было ли такое пробуждение внезапным или постепенным; разнообразие же подобных переживаний практически безгранично. Но главное, что я почерпнул из этой знаменитой книги, заключалось в следующем: в большинстве описанных случаев люди, пережившие трансформацию, были безнадежными. Они потерпели полное поражение в какой-то контролирующей области своей жизни. Что ж, это был в точности мой случай. Абсолютно побежденный, без малейшей надежды и веры, я обратился к Высшей Силе. Я выполнил Первый Шаг сегодняшней программы АА – «Мы признали свое бессилие перед алкоголем; признали, что наша жизнь стала неуправляемой». Я также выполнил Третий Шаг «Приняли решение препоручить свою волю и жизнь заботе Бога, *как мы его понимаем*». Так я обрел свободу. Все было просто, но в то же время загадочно.

Эти открытия были столь волнующими, что я немедленно присоединился к Оксфордской группе. Однако, к их ужасу, я упрямо посвящал свою деятельность исключительно алкоголикам. Это беспокоило членов группы по двум причинам. Во-первых, они хотели способствовать спасению всего мира.

Во-вторых, сами они не добились успеха в работе с алкоголиками. Когда я пришел к ним, они уже работали с кучкой алкоголиков, и результаты действительно разочаровывали. Ходили слухи, что один из них дерзко швырнул свою туфлю в застекленное дорогим цветным стеклом окно епископальной церкви, находящейся через улицу от штаба Оксфордской группы. Кроме того, члены группы не одобряли моих неоднократных заявлений о том, что недалек день, когда все алкоголики мира обретут трезвость с моей помощью. Они справедливо отмечали, что моя самонадеянность все еще огромна.

Примерно через полгода упорной работы с множеством алкоголиков, которых я находил в ближайшей миссии и больнице Таунса, я начал думать, что люди из Оксфордской группы, пожалуй, правы. Я так и не добился ничьей трезвости. Наш дом в Бруклине был вечно полон пьяниц, живущих у нас – иногда одновременно по пять человек. Однажды моя героическая жена Лоис, вернувшись домой после работы, обнаружила, что трое из них явно пьяны. Но оставшиеся двое были в еще худшем состоянии. Они колотили друг друга палками. Несмотря на то, что подобные случаи несколько притормаживали мою деятельность, меня не покидало стойкое убеждение, что путь к трезвости можно найти. Впрочем, было и одно светлое пятно. Мой наставник Эбби, как ни странно, продолжал придерживаться своей новообретенной трезвости.

В чем была причина всех этих неудач? Если мы с Эбби смогли добиться трезвости, то почему этого не могут сделать все остальные? Некоторые из тех, с кем мы работали, безусловно, хотели выздороветь. Мы днем и ночью размышляли, почему с ними не происходит ничего особенного. Может быть, они не могут идти в ногу с четырьмя основами духовного Абсолюта Оксфордской группы – честностью, чистотой, бескорыстием и любовью? Действительно, некоторые из

алкоголиков заявляли, что проблема в этом. Настойчивое давление, оказываемое на них с целью заставить их мгновенно стать хорошими, приводило к тому, что они несколько недель старались, а потом – уныло срывались. Также они жаловались на другую форму принуждения – то, что Оксфордская группа называла «руководством для других». «Команда», состоящая из членов группы, не являющихся алкоголиками, должна была заняться определенным алкоголиком и после «времени покоя» предоставить ему точные инструкции на тему того, как именно он должен распорядиться собственной жизнью. Несмотря на то, что мы были очень благодарны своим друзьям из Оксфордской группы, иногда эту идею было очень трудно принять. Несомненно, она имела отношение к тем массовым неудачам, которые все продолжались.

Однако это были еще не все причины провала. Через несколько месяцев я понял, что проблема заключается, главным образом, во мне самом. Я стал очень настойчивым, очень самоуверенным. Я много говорил о собственном внезапном духовном опыте, как будто он был чем-то совершенно особенным. Я играл одновременно две роли – учителя и проповедника. В своих проповедях я совершенно забывал о медицинской стороне нашей болезни и игнорировал необходимость глубинного подавления эго, которую подчеркивал Вильям Джеймс. Мы не пользовались медицинской кувалдой, которую нам на счастье дал доктор Силкуорт.

Наконец, доктор Силкуорт вернул меня на землю. Однажды он сказал: «Билл, может, хватит тебе так много говорить об этом своем потрясающем духовном опыте? Это звучит слишком уж безумно. Хоть я и убежден, что алкоголики могут по-настоящему выздороветь только через повышение своей нравственности, я все же думаю, что ты ставишь телегу впереди лошади. Дело в том, что алкоголики не примут все эти моральные увещевания, пока не убедятся в том, что должны

это сделать. На твоем месте я бы работал с ними в первую очередь на медицинской основе. Когда я сам рассказывал им о смертельности их болезни, с этого не было никакого толку, однако, если эти плохие новости им преподнесешь ты, некогда безнадежный алкоголик, результат может быть совершенно иным. Благодаря своему естественному отождествлению с другими алкоголиками ты, возможно, сможешь проникнуть туда, куда не могу я. Сначала дай им медицинские факты, и притом в жесткой форме. Тогда они, может быть, смягчатся и примут те принципы, которые помогут им действительно выздороветь».

Вскоре после этого исторического разговора я оказался в Акроне, штат Огайо, куда отправился для осуществления одного делового предприятия, которое быстро потерпело крах. Находясь в этом городе один, я до смерти боялся напиться. Я больше не был ни учителем, ни проповедником. Я был просто алкоголиком, который знал, что ему нужен другой алкоголик – нужен так же сильно, как, возможно, тому, другому, нужен я. Движимый этой острой необходимостью, я вскоре уже беседовал с Доктором Бобом. Сразу же было видно, что он знает о вещах духовного порядка больше, чем я. Он также имел связь с членами Оксфордской группы в Акроне. Но у него почему-то просто не получалось обрести трезвость. Следуя совету доктора Силкуорта, я воспользовался кувалдой медицины. Я рассказал ему, что такое алкоголизм и к какому роковому исходу он может привести. Это явно повлияло на Доктора Боба. 10 июня 1935 года он протрезвел и никогда больше не пил. Когда в 1939 году в книге «Анонимные Алкоголики» впервые появилась его история, он выделил один из ее параграфов курсивом. Говоря обо мне, он отметил: *«Гораздо важнее было то, что он был первым человеком из тех, с кем я когда-либо разговаривал, который знал, о чем говорит, рассматривая алкоголизм на основе реального опыта»*.

Доктор Силкуорт поистине снабдил нас связующим звеном, без которого цепочка принципов, вылившаяся в наши Двенадцать Шагов, была бы неполной. Именно тогда была выбита искра, которой суждено было превратиться в Содружество Анонимных Алкоголиков.

На протяжении последующих трех лет после выздоровления Доктора Боба наши растущие группы в Акроне, Нью-Йорке и Кливленде разработали так называемую устную программу раннего периода Содружества. Начав оформляться в отдельное от Оксфордской группы сообщество, мы начали излагать свои принципы приблизительно следующим образом:

1. Мы признали свое бессилие перед алкоголем.
2. Мы стали честными перед самими собой.
3. Мы стали честными перед другим человеком в доверительной обстановке.
4. Мы возместили ущерб, причиненный другим людям.
5. Мы работали с другими алкоголиками, не ища ни престижа, ни денег.
6. Мы молились Богу, прося Его помочь нам делать эти вещи как можно лучше.

Несмотря на то, что каждый из нас отстаивал эти принципы в соответствии с собственными прихотями и предпочтениями и что в Акроне и Кливленде они все еще были связаны с основами Абсолюта – честности, чистоты, бескорыстия и любви, выдвинутыми Оксфордской группой, в них заключалась сущность идей, которые мы предлагали приходящим к нам алкоголикам вплоть до 1939 года, когда наши Двенадцать Шагов были изложены на бумаге в своем текущем виде.

Я прекрасно помню вечер, когда были написаны Двенадцать Шагов. Я лежал в постели, совершенно удрученный, страдая от одного из своих мнимых приступов язвы. Четыре главы книги «Анонимные Алкоголики» были написаны в черновом варианте и зачитаны на собраниях в Акроне и Нью-Йорке. Быстро

выяснилось, что каждый хочет быть одним из авторов. Шли ужасающие препирательства на тему того, что следует включить в книгу. К примеру, некоторые хотели, чтобы книга была чисто психологической и привлекала алкоголиков, не отпугивая их. А о своих идеях насчет Бога мы могли бы рассказать им потом. Несколько человек под предводительством нашего чудесного друга с Юга Фитца М. хотели, чтобы это была книга явно религиозной направленности, вдохновленная некоторыми догмами, которые мы переняли у церквей и миссий, пытавшихся нам помочь. Чем больше разгорались подобные споры, тем больше я чувствовал себя не при делах. Похоже было, что я вообще не буду автором. Мне, видимо, предстояло лишь играть роль третейского судьи, решающего, каким будет содержание книги. Впрочем, это начинание все равно вызывало у нас горячий энтузиазм. Возможность нести наши идеи всем тем бесчисленным алкоголикам, которые еще не знают о нас, вызывала у каждого из нас глубокое волнение.

И вот дошло до написания пятой главы. По-видимому, давно пора было рассказать, в чем, собственно, заключается наша программа. Я помню, как перебирал в уме те устные фразы, которыми мы тогда пользовались. В общих чертах они сводились к шести вышеперечисленным. Затем мне в голову пришло, что нашу программу следует изложить более точно и ясно. Далекие читатели должны иметь в своем распоряжении набор конкретных принципов. Учитывая способности алкоголика все рационализировать, необходимо было написать нечто, не допускающее неоднозначных толкований. Нельзя было позволять, чтобы читатель домысливал, что ему вздумается. Кроме того, более полный ряд утверждений помог бы нам в будущих главах, где нужно будет продемонстрировать, как именно следует работать по программе выздоровления.

Наконец, я принялся писать в своем дешевом желтом блокноте. Я раздробил нашу устную программу на более мелкие части, при этом значительно расширив ее охват. И удивился

тому, что, хоть и не чувствовал вдохновения, но за короткое время – около получаса – сформулировал определенные принципы, которых набралось двенадцать. По какой-то необъяснимой причине я добавил во Второй Шаг идею Бога, выдвинув ее на передний план. Помимо этого я в большом количестве внес упоминания о Боге и в другие Шаги. В одном из Шагов я даже предложил новичку стать на колени.

Когда этот документ был представлен нашему собранию в Нью-Йорке, многие громко запротестовали. Наши друзья-агностики вовсе не одобрили идею коленопреклонения. Другие высказали мнение, что мы вообще слишком много говорим о Боге. К тому же, зачем нам Двенадцать Шагов, если мы сделали пять-шесть? Слышались призывы: «Давайте не усложнять!»

Бурные дискуссии такого рода продолжались сутками. Однако все это вылилось для Анонимных Алкоголиков в крупный успех. Наш агностически настроенный контингент под предводительством Хэнка П. и Джима Б., в конце концов, убедил нас, что мы должны облегчить принятие программы для подобных им людей путем использования таких терминов, как «Высшая Сила» и «Бог, как мы Его понимаем». Эти выражения, как нам теперь хорошо известно, оказались спасительными для множества алкоголиков. Они позволили тысячам из нас начать работу по программе в тех случаях, когда это было бы невозможно, если бы мы оставили Шаги в том виде, в каком я изначально их написал. К счастью для нас, в исходный черновой вариант больше не было внесено никаких изменений, и число Шагов осталось прежним – двенадцать. Тогда мы едва ли догадывались, что наши Двенадцать Шагов скоро получат широкое одобрение со стороны священников всех религиозных течений и даже наших более поздних друзей – психиатров.

Этот маленький исторический эпизод должен убедить даже самых отъявленных скептиков в том, что никто не изобретал Содружество Анонимных Алкоголиков.

Оно просто росло – по милости Божьей.

Еще немного истории: сестра Игнатия и доктор Боб *(февраль 1954 г.)*

Было 13 декабря 1953 года. Шло празднование первой годовщины открытия Розари-Холла – отделения по лечению алкоголизма нового образца в знаменитой кливлендской благотворительной больнице Святого Винсента. Это было грандиозное собрание АА. Маленький зал был битком набит алкоголиками и их друзьями. То же самое было на балконе. И вот тысяча человек поднялась, бурно рукоплеща.

Хрупкая фигура монахини в сером облачении неохотно приблизилась к микрофону кафедры. Шум удвоился; но как только маленькая монахиня начала выражать свою благодарность, он мгновенно утих. Она была смущена, ведь в программе этого мероприятия, которую она помогла написать, было ясно сказано: «Сестры милосердия и члены Содружества Анонимных Алкоголиков, внесшие свой вклад в работу, отказываются от любых персональных почестей». Анонимность сестры Игнатии, которую она пыталась сохранить, была полностью раскрыта, потому что никто из присутствующих на этот раз не желал давать ей возможность увильнуть. В любом случае в этой части мира Анонимных Алкоголиков она была так же анонимна, как бейсбольная команда «Кливленд Индианс». Это была дань благодарности ей, которая назревала много лет.

Пока я сидел, наблюдая за этой сценой, мне живо вспомнилось, как Доктор Боб трудился над созданием в Акроне «группы АА номер один» и что для этого сделала эта дорогая нашему сердцу монахиня вместе со своими сестрами милосердия из монастыря Святого Августина. Я попытался нарисовать в своем воображении все те громадные последствия, которые с тех пор имела их работа, выполненная в период становления АА. Я вспомнил, как Доктор Боб, ища возможности лечения для найденных им потенциальных членов Содружества, обращался во все лечебные учреждения Акрона

с просьбой принять их. Две больницы какое-то время пытались этим заниматься, но, в конце концов, оставили это дело в пользу людей со сломанными ногами, больными желчными пузырями и так далее – по-настоящему больных людей!

Тогда добрый доктор в отчаянии подумал о сестре Игнатии, той скромной, но лучезарной монахине, которая заведовала приемным покоем в акронской больнице Святого Фомы, где он иногда оперировал. Соблюдая некоторую секретность, он сделал ей это предложение. Результат был мгновенным. Эта редкостная парочка без промедления тайно провела в крошечную двухместную палату трясущегося алкоголика. Поскольку новый пациент бурно возмущался по поводу такого вопиющего отсутствия уединения в его-то деликатном состоянии, сестра Игнатия перевела его в больничный изолятор. Там Доктор Боб и монахиня оказывали помощь новенькому, который вскоре покинул свою постель, чтобы вернуться во внешний мир, где ему предстояло привести в порядок свою разрушенную жизнь.

Через сестру Игнатию и Боба Бог создал чудесный тайный союз медицины, религии и АА, благодаря которому трезвость стала доступна более чем пяти тысячам алкоголиков, прошедших через алкогольное отделение больницы Святого Фомы до смерти Доктора Боба в 1950 году. Но в 1939 году, когда тот первый трясущийся пациент приходил в себя в изоляторе, попечители больницы едва ли догадывались, что она стала первым религиозным заведением, открывшим свои двери для АА.

Незадолго до кончины Доктора Боба меня попросили сделать надпись на табличке, которая всегда будет висеть на стене того алкогольного отделения, напоминая о произошедших там великих событиях.

Через два года после смерти Доктора Боба орден, к которому принадлежит сестра Игнатия, перевел ее в кливлендскую благотворительную больницу.

Однако рассказ о деятельности церковных больниц в этом регионе будет неполным, если не упомянуть о том, что происходило в этой благотворительной больнице на протяжении многих лет до ее прибытия сюда.

Ветераны АА помнят ту великолепную рекламу, которую создала нам кливлендская газета «Плэйн Дилер» осенью 1939 года. На момент выхода в свет ее заметок, посвященных нам, во всем городе не набралось бы и двух десятков членов АА. Поскольку такие заметки сопровождались убедительными редакционными статьями и публиковались около десяти дней подряд, они невероятно взволновали город. На маленькую кучку местных алкоголиков, некоторые из которых были трезвы только несколько месяцев, обрушились сотни звонков и отчаянных просьб о помощи. «Плэйн Дилер» сказала добрым жителям Кливленда: «Идите же и попробуйте!» И люди так и сделали.

Этот поразительный рост возвестил начало совершенно нового этапа в истории АА. Первопроходческая деятельность велась с 1935 года, книга «Анонимные Алкоголики» уже увидела свет. Однако темпы развития АА в Акроне и Нью-Йорке были разочаровывающе низкими. Горстка кливлендцев обрела трезвость благодаря контакту с алкоголиками Акрона, но до начала 1939 года у них не было собственных собраний. В то время было распространено мнение, что только «старики» могут позаботиться о новичках. Разумеется, в Кливленде было мучительно мало опытных членов АА. Что они могли сделать с накатившей на них лавиной из сотен алкоголиков? Возможно ли массовое производство трезвости?

Первые члены АА в Кливленде доказали, что возможно. Алкоголиков волей-неволей запихивали в больницы по всему городу. Никто не знал, будут ли оплачены их счета за лечение. Затем у постели новенького появлялся член АА, вытаскивал его наружу и вел на собрание. Вслед за тем новичок бросался с радостной новостью к постели какого-нибудь другого

больного. Выяснилось, что абсолютные новички могут приискать в Содружество свежих людей почти так же хорошо, как и другие. Из этой беспорядочной свалки скоро родилась великая идея организованного личного спонсорства для каждого нового человека в АА, будь то мужчина или женщина.

Тем временем число членов АА в Кливленде буквально за месяцы подскочило до сотен. Так, зимой 1939 года кливлендцы доказали, что массовое производство трезвости – утешительный факт. Поэтому кливлендская группа имеет полное право считаться одной из групп-первопроходцев.

Однако для этой грандиозной работы потребовалась помощь со стороны больниц города. Иначе невозможно было бы достичь таких поразительных результатов. Как и в Акроне, после того, как общее волнение утихло, некоторые больницы Кливленда устали от пьяниц. Но только не местная благотворительная больница. С 1940 года она принимает алкоголиков, выделяя для них специальное отделение. Хоть Кливленду и не хватало какого-нибудь «Доктора Боба», но алкогольное отделение этой больницы все-таки значительно преуспело в своем деле благодаря руководству и преданному интересу сестры Викторины и отца Нэйгла, капеллана больницы. Невзирая на то, что они могли уделять алкоголикам лишь часть своего времени, а у отца Нэйгла было слабое здоровье, они все же продолжали эту деятельность так результативно, что их работа всегда будет сияющей вехой в наших анналах. Кливлендская больница Святого Иоанна также на какое-то время предоставляла для этих целей двухместную палату, находившуюся в ведении верной своему делу сестры Мерсэд, которую, в конце концов, перевели в Акрон, где она стала взаимодействовать с сестрой Игнатией и Доктором Бобом.

С прибытием сестры Игнатии в кливлендскую больницу милосердия в 1952 году начало происходить гораздо больше чудесных вещей. Внезапно тысячи членов АА – как из близлежащих мест, так и издалека, – которые обрели трезвость

в стенах этих замечательных заведений, начали осознавать свой давний долг благодарности. Было получено разрешение полностью переоборудовать обшарпанное отделение благотворительной больницы. Сестра Игнатия принялась за работу с помощью руководства больницы и сестер своего ордена, а также пользуясь поддержкой комитета энтузиастов из числа членов АА. На этот проект обильно поступали деньги. Получив особое разрешение соответствующих профсоюзов, плотники, водопроводчики и электрики, являющиеся членами Содружества, работали до поздней ночи. Когда они закончили, отделение просто сияло; в нем появились всевозможные современные устройства. Не забыли и о двух незаменимых помощниках – часовне и кафе! Один водопроводный инспектор, увидев эти изумительные результаты, подытожил: «Это была не профессиональная работа. Ребята, которые трудились над этим, вложили сюда свое сердце». На этот срочный труд любви было потрачено более шестидесяти тысяч в денежных средствах и ночной работе.

Всего за один короткий год, который прошел с момента прибытия сестры Игнатии в эту благотворительную больницу, около тысячи алкоголиков увидели здесь свет своего нового дня. Сестра Игнатия, которая поддерживает связь со многими из этих людей, полагает, что в настоящее время примерно семьсот человек из них трезвы.

Так стоит ли удивляться, что собрание в честь годовщины открытия Розари-Холла превратилось в наше объяснение в любви сестре Игнатии и всему ее труду? Если бы тот водопроводный инспектор присутствовал на этом знаменательном мероприятии, он бы снова воскликнул: «Это не профессиональная работа. Это идет от сердца».

Йельская переписка Билла У. *(февраль 1978 г.)*

В начале 1954 года Билл У. отказался от почетной степени доктора юридических наук, предложенной ему Йельским университетом. Далее приводится переписка между Биллом и Рубеном А. Хольденом, тогдашним секретарем университета. Обмен письмами последовал за личным визитом, который нанесли Биллу мистер Хольден и профессор Селден Бэкон в январе 1954 года.

21 января 1954 г.

Уважаемый мистер У.!

Прилагаю ориентировочный текст объявления о награждении, который может быть использован при присвоении Вам предлагаемой почетной степени 7 июля.

Если Ваши попечители одобрят его содержание, то я затем хотел бы представить его на рассмотрение Йельской корпорации.

Словесные формулировки могут быть значительно усовершенствованы. Мы будем работать над этим в течение следующих нескольких месяцев, в каждом случае заручаясь Вашим безоговорочным одобрением.

Благодарю Вас за Ваше гостеприимство во вторник и за Ваше внимание к нашему предложению.

С огромным уважением,
Рубен А. Хольден

«В.У.:

Один из основателей Анонимных Алкоголиков. На протяжении двадцати лет это Содружество оказывает человечеству выдающиеся услуги. Победа в нем достигается через капитуляцию, слава – через анонимность, и десятки тысяч человек благодаря ему вновь обрели и возродили свое эмоциональное, физическое и духовное «я». Это непрофессиональное движение, поднявшись из глубин острого страдания и всеобщего позора, не только показало путь к преодолению

болезни тела, разума и души, но и оживило индивидуальную, социальную и религиозную жизнь нашего времени.

Йель испытывает гордость, выражая свое уважение этому великому анонимному объединению мужчин и женщин путем присвоения Вам, достойному представителю его высокого предназначения, степени доктора юридических наук, которая наделяет Вас всеми соответствующими правами и привилегиями».

2 февраля 1954 г.

Уважаемый мистер Хольден!

Позвольте мне выразить свою глубочайшую благодарность членам Йельской корпорации за то, что они сочли меня достойным степени доктора юридических наук.

Только после тщательнейших консультаций с друзьями и с собственной совестью я теперь чувствую себя обязанным отклонить этот знак отличия.

Если бы я принял его, то в краткосрочной перспективе это, вне всякого сомнения, принесло бы значительную пользу Анонимным Алкоголикам и миллионам людей, которые все еще страдают нашей болезнью, во всемирном масштабе. Я уверен, что такое убедительное признание весьма ускорило бы повсеместное одобрение АА широкой общественностью. Поэтому только самая веская причина могла заставить меня принять решение лишить Анонимных Алкоголиков такой благоприятной возможности.

Эта причина заключается в следующем. Традиции Анонимных Алкоголиков – наше единственное средство самоуправления – призывают каждого члена избегать любой формы личной известности или отличия, которая могла бы в сознании широкой общественности связать его имя с нашим сообществом. Двенадцатая Традиция АА гласит: «Анонимность – духовная основа всех наших Традиций, всегда напоминающая нам о том, что принципы важнее личностей».

Поскольку мы уже имеем богатый практический опыт в связи с этим важнейшим принципом, сегодня каждый задумывающийся об этом член АА считает: если мы всегда будем практиковать анонимность *без исключений*, это будет гарантировать наше единство и эффективность нашей деятельности, твердо сдерживая порывы тех, для кого общественные почести и знаки отличия – ни что иное, как естественные ступени к доминированию и личной власти.

Как и другие мужчины и женщины, мы, члены АА, с глубоким опасением взираем на грандиозную борьбу за власть, ведущуюся вокруг – борьбу, имеющую миллиард форм, проникающую на каждый уровень, раздирающую общество на части. Думаю, нам повезло, потому что мы остро осознаем: подобные силы никогда не должны править среди нас, иначе мы все погибнем.

Традиция о личной анонимности и отсутствии общественных почестей – наш защитный щит. Мы не осмеливаемся встречать искушение властью оголенными.

Конечно же, мы прекрасно понимаем огромную ценность почестей вне нашего Содружества. Нас всегда наполняет воодушевление, когда они заслуженно даруются и смиренно принимаются в знак выдающихся достижений служения. Мы говорим, что только из-за наших особых обстоятельств с нашей стороны было бы неблагоразумно принимать их за достижения АА.

Приведу пример. Моя собственная жизнь на протяжении многих лет вращалась вокруг непрестанной гонки за деньгами, славой и властью, которая прервалась из-за того, что я чуть не утонул в море алкоголя. Несмотря на то, что я пережил эти злоключения и выжил, я хорошо понимаю, что ужасный невротический зародыш этой заразы – стремления к власти – также выжил во мне. Он просто дремлет, но может снова разрастись и разорвать меня – и АА тоже. Десятки тысяч моих товарищей по Содружеству имеют

схожие наклонности. К счастью, они об этом знают, как и я. Вот откуда идет наша Традиция анонимности, и вот почему я, безусловно, обязан отказаться от этой выдающейся чести, невзирая на все удовольствие и прямую пользу, которые она принесла бы нам.

Предложенный Вами прекрасный текст, в котором я описан как «В.У.», действительно защищает мою анонимность на настоящий момент. Тем не менее, в более поздних исторических сводках, несомненно, будет указано, что я принял степень доктора юридических наук. И тогда общественность узнает об этом. Поэтому, хотя я мог бы принять эту степень, на сегодняшний день, оставшись в рамках Традиций АА, тем самым я бы непременно подготовил почву для нарушения духа Традиций в будущем. Я уверен, что это означало бы создать опасный прецедент.

Может быть, это будет нововведением, но не могла бы Йельская корпорация рассмотреть возможность того, чтобы адресовать это объявление о награждении самому Содружеству АА, при этом, не присваивая мне степени? В таком случае я в любое время с радостью приеду, чтобы получить его от имени нашего сообщества. Если Вы сочтете необходимым обсудить такую возможность, я незамедлительно прибуду в Нью-Хейвен.

С благодарностью,
Вильям Г.У.

8 февраля 1954 г.

Уважаемый мистер У.!

Я подождал с ответом на Ваше письмо от 2 февраля до совещания Комитета по почетным степеням, которое теперь состоялось. Хочу Вам сообщить от имени всех членов комитета, что, заслушав Ваше восхитительное письмо, они более чем когда-либо, преисполнились желанием наградить Вас этой степенью, которая, впрочем, на наш взгляд, и наполовину недостаточно хороша для Вас.

Комитет попросил меня со всей возможной искренностью рассказать Вам о том, как глубоко он ценит тот факт, что Вы обдумали данное предложение столь тщательно и без эгоизма. Мы прекрасно понимаем Ваше отношение к этому, и нам очень хотелось бы, чтобы для нас существовал какой-либо способ выказать свое глубокое уважение Вам и АА. Обязательно настанет день, когда у нас появится такая возможность.

В то же время я должен Вам доложить, что комитет также пришел к следующему выводу: почетные степени, подобно рыцарским титулам, даруются отдельным лицам, и, поскольку традиция такова, будет логично, если мы вместо награды в виде почетной степени рассмотрим иные пути выражения того признания, которым мы хотели бы наградить Вашу организацию в соответствии с предложением, внесенным Вами в последнем параграфе своего письма. Надеюсь, что будет возможно.

Шлю Вам самые теплые приветствия президента Йельского университета и всей корпорации и заверяю Вас в нашем искреннем восхищении и добрых пожеланиях в связи с тем вкладом в благополучие нашей страны, который Вы продолжаете вносить.

Искренне Ваш,
Рубен А. Хольден

1 марта 1954 г.

Уважаемый мистер Хольден!

Я с огромным облегчением и благодарностью прочел Ваше письмо от 8 февраля, в котором Вы сообщаете о позиции Йельской корпорации касательно моего отказа от степени доктора юридических наук. Я всегда буду хранить это письмо.

Ваше быстрое волнующее понимание жизненно важной потребности АА пресечь порывы будущих претендентов на власть; Ваше хорошее мнение обо мне; Ваша надежда на то,

что Йельская корпорация через какое-то время, возможно, найдет подходящий способ выразить Анонимным Алкоголикам общественное признание – все это вызвало у меня величайшую радость.

Прошу Вас, передайте президенту Йеля и каждому члену совета выражение моей глубокой признательности.

Искренне Ваш,
Билл У.

Почему анонимные алкоголики анонимны
(январь 1955 г.)

Как никогда раньше, цивилизацию раздирает борьба за власть, влияние и богатство. Человек против человека, семья против семьи, группа против группы, нация против нации.

Почти все, кто вовлечен в это яростное соревнование, заявляют, что их цель – мир и справедливость для них самих, их ближних и их наций: «дайте нам власть, и у нас будет справедливость»; «дайте нам славу, и мы подадим великий пример»; «дайте нам деньги, и мы будем довольны и счастливы». Люди по всему миру глубоко верят в это и действуют соответственно. На этом ужасающе крутом повороте общество, похоже, движется по тупиковой дороге. На знаке остановки черным по белому написано: «Катастрофа».

Какое отношение это имеет к анонимности и Анонимным Алкоголикам?

Нам, членам АА, следует знать это. Почти все из нас прошли такую же тупиковую дорогу. Подогреваемые алкоголем и самооправданием многие из нас преследовали миражи собственной важности и денег вплоть до знака остановки с надписью «Катастрофа». Затем возникло Содружество АА. Мы огляделись и обнаружили себя на новой широкой дороге, где на указателях не было ни слова о власти, славе и богатстве. Новые знаки говорили: «Это дорога к здравомыслию и спокойствию; цена – самопожертвование».

В нашей новой книге «Двенадцать Шагов и Двенадцать Традиций» сказано: «Анонимность – лучшая защита для нашего сообщества». Кроме того, там говорится, что «духовной основой анонимности является жертвование».

Давайте обратимся к двадцатилетнему опыту АА и посмотрим, как мы пришли к этому убеждению, которое теперь выражается в наших Одиннадцатой и Двенадцатой Традициях.

Сначала мы пожертвовали алкоголем. Мы вынуждены были это сделать, иначе он убил бы нас. Но мы не могли избавиться от алкоголя, не принеся других жертв. Должны были уйти хвастовство и самообман. Пришлось выбросить в окно самооправдание, жалость к себе и гнев. Мы вынуждены были выйти из сумасшедшего соревнования за личный престиж и большие счета в банке. Мы должны были взять на себя ответственность за собственное жалкое состояние и прекратить винить в нем других.

Было ли это жертвами? Да, было. Чтобы обрести достаточное смирение и самоуважение, да и просто выжить, нам пришлось отказаться от того, что на деле было для нас самым дорогим – своих амбиций и излишней гордыни.

Но даже этого было недостаточно. Жертвование должно было зайти гораздо дальше. Другие люди также должны были получить от этого пользу. Так мы взяли на себя некоторую часть работы по Двенадцатому Шагу; мы начали распространять идеи АА. Мы жертвовали для этого своими временем, энергией и деньгами. Мы не могли сохранить то, что у нас было, не отдавая его.

Требовали ли мы чего-либо от потенциальных членов Содружества? Просили ли мы у них власти над их жизнями, славы за нашу хорошую работу или хоть цента из их денег? Нет, мы этого не делали. Мы обнаружили, что, если будем требовать чего-либо подобного, наша работа по Двенадцатому Шагу будет бессмысленной. Так что пришлось пожертвовать и этими естественными желаниями; в противном случае наши потенциальные члены получали мало трезвости или не получали ее вовсе. Впрочем, как и мы.

Так мы узнали, что жертвование приносит или двойную пользу, или весьма малую. Мы начали познавать способ отдачи себя, не имеющий ценника.

Когда образовалась первая группа АА, мы вскоре узнали об этом гораздо больше. Мы обнаружили, что каждый из нас

должен охотно приносить жертвы ради самой группы, жертвы ради общего блага. Группа, в свою очередь, уяснила, что должна отказаться от многих собственных прав ради защиты и благополучия каждого члена и АА в целом. Эти жертвы должны были быть принесены, иначе Содружество не смогло бы дальше существовать.

Из этого опыта и знаний начали оформляться и наполняться значением Двенадцать Традиций Анонимных Алкоголиков.

Постепенно мы увидели, что единство, эффективность работы и даже выживание АА всегда будут зависеть от нашего постоянного желания жертвовать личными амбициями и желаниями ради общей безопасности и благополучия. Подобно тому, как жертвование означает выживание отдельного члена, оно же означает единство и выживание группы и всего Содружества АА.

В этом свете Двенадцать Традиций АА сводятся к списку жертв, которые, как учит нас опыт двадцати лет, мы должны принести, индивидуально и коллективно, чтобы Содружество оставалось живым и здоровым.

В наших Двенадцати Традициях мы противостоим почти всем тенденциям внешнего мира.

Мы отказали себе в личной власти, профессионализме и праве говорить, кем должны быть члены нашего Содружества. Мы отринули погоню за успехом, реформизм и авторство. Мы отказываемся от благотворительности извне и предпочитаем самостоятельно оплачивать свои расходы. Мы готовы сотрудничать практически со всеми, но отклоняем любые предложения об объединении нашего сообщества с каким-либо другим. Мы воздерживаемся от участия в общественных дискуссиях и не ссоримся между собой по поводу тех вещей, которые так раскалывают общество — религия, политика и реформы. У нас лишь одна цель: нести идеи АА больному алкоголизмом, который в них нуждается.

Мы принимаем эти взгляды вовсе не потому, что претендуем на особую добродетель или мудрость; мы делаем это потому что горький опыт диктует нам, что мы должны это делать – если хотим, чтобы Содружество выжило в современном разобщенном мире. Кроме того, мы отказываемся от прав и приносим жертвы потому, что так следует делать, и, что еще лучше, потому что сами этого хотим. АА – сила, большая, чем любой из нас; она должна продолжать жить, иначе бесчисленные тысячи нам подобных будут обречены на верную смерть. Мы это знаем.

А как в эту картину вписывается анонимность? Что это вообще такое? Почему мы думаем, что она – сильнейшая защита для АА? Почему она – наш главный символ личной жертвы, духовный ключ ко всем нашим Традициям и всему нашему образу жизни?

Я искренне надеюсь, что следующий экскурс в историю АА даст ответ, которого мы все ищем.

Много лет назад один знаменитый игрок в мяч достиг трезвости с помощью АА. Поскольку его возвращение было просто блестящим, его успехи на все лады расхваливала пресса, и Анонимным Алкоголикам приписывали в том значительную заслугу. Миллионы фанатов видели его имя и фотографию как члена АА. Нам это принесло огромную пользу; алкоголики толпами потянулись к нам. Мы были в восторге. Я был особенно воодушевлен, ведь это давало мне новые идеи.

Скоро я отправился в дорогу, радостно давая личные интервью и разрешая фотографировать себя. К моему восхищению, я обнаружил, что могу, как и он, попасть на первые страницы газет. Кроме того, он не мог поддерживать свою популярность, а я мог поддерживать свою. Мне нужно было только продолжать путешествовать и говорить. Местные группы АА и газеты делали остальное. Недавно я был изумлен, просмотрев эти старые газетные статьи. Полагаю, в течение двух или трех лет я был главным нарушителем анонимности АА.

С тех пор я не могу винить ни одного члена АА за попадание в поле зрения прессы. Много лет назад я сам подал главный пример этого.

В то время это казалось нужным. Оправдываясь так, я наслаждался этим. Как у меня захватывало дух, когда я читал эти цветистые статьи, занимающие две колонки, о «Билле-Брокере», с указанием полного имени и фотографией, парне, спасающем пьяниц тысячами!

Затем на ясном небе показались небольшие тучи. До меня доходили слухи о том, что скептики в АА говорят: «Этот Билл загребает себе всю славу, а Доктору Бобу не достается ее доли». Или: «А что, если вся эта слава ударяет ему в голову и он опьяняется за наш счет?»

Это ошеломило меня. Как они могут порицать меня, когда я делаю столько хорошего? Я говорил своим критикам, что мы живем в Америке, и разве они не знают, что я имею право на свободу слова? И разве эта страна и все другие не управляются яркими лидерами? Может быть, анонимность хороша для среднего члена АА. Но основателям следует быть исключением. У публики, определенно, есть право знать, кто мы такие.

Реальные двигатели АА (жадные до престижа люди, в точности такие же, как я) быстро подхватили инициативу. Они тоже собирались быть исключениями. Они говорили, что анонимность перед лицом широкой общественности – удел робких; всем более храбрым и твердым духом, как они сами, следует предстать в свете софитов и позволить себя пересчитать. Такая смелость скоро покончила бы с позорным клеймом на алкоголиках. Общество сразу увидело бы, в каких прекрасных граждан могут превратиться выздоровевшие пьяницы. Итак, все больше и больше членов Содружества раскрывали свою анонимность, и все на благо АА. Ну и что с того, что алкоголика сфотографируют вместе с губернатором? И он, и губернатор заслуживают этой чести, не так ли? Так мы и неслись по своей тупиковой дороге!

Следующее достижение нарушения анонимности казалось еще более чудесным. Моя близкая подруга по АА захотела заняться просветительством об алкоголе. Отделение известного университета, интересующееся проблемой алкоголизма, пригласило ее выступать перед широкой аудиторией с рассказом о том, что алкоголики – больные люди и для решения этой проблемы многое можно сделать. Моя подруга была искусным оратором и писателем. Можно ли ей было сказать широкой публике, что она – член АА? А почему бы и нет? Используя имя Анонимных Алкоголиков, она привлекла бы внимание общественности к хорошей просветительской программе об алкоголе, а заодно и к АА. Я счел это отличной идеей и дал ей свое благословление.

«АА» уже становилось известным и ценным именем. Благодаря этому имени и ее личным большим способностям результат не замедлил проявиться. В скором времени ее полное имя и фотография, плюс великолепные отчеты о ее образовательном проекте, а также об АА появились почти в каждой крупной газете Северной Америки. Улучшилось понимание обществом проблемы алкоголизма, позорное клеймо алкоголиков уменьшилось, в АА появились новые члены. Конечно, в этом не могло быть ничего плохого.

Однако оно было. Ради этих кратковременных достижений мы брали на себя будущие обязательства огромных угрожающих размеров.

Немного времени спустя некий член АА начал выпускать воинственный журнал, посвященный движению за принятие сухого закона. Он считал, что Анонимным Алкоголикам следует помогать делу тотального отрезвления мира. Он говорил о себе как о члене АА и свободно пользовался именем АА, идя в атаку на злую силу виски и тех, кто его делает и пьет. Он заявлял, что тоже является «просветителем» и что его метод просвещения – «правильный». Что касается вовлечения АА в общественные дискуссии, он думал, что

там нашему Содружеству и место. И он деловито использовал в этих целях имя АА. Разумеется, он нарушал свою анонимность, чтобы способствовать развитию своего драгоценного дела.

Затем последовало предложение торгового объединения, занимающегося алкоголем, о том, чтобы член АА взял на себя «просветительскую» работу. Людям нужно было объяснить, что слишком много алкоголя им вредно, а некоторым алкоголикам – его вообще не следует пить. Что здесь могло быть не в порядке?

Ловушка была в том, что наш товарищ по АА должен был нарушить свою анонимность; каждое высказывание в печати и литературе должно было содержать ссылку на его полное имя и принадлежность к Анонимным Алкоголикам. Естественно, это создало бы у общества четкое впечатление, что АА благоволит к «просвещенному» питию.

Хотя эти два начинания и не зашли далеко, но то, что они подразумевали, было ужасным. Они говорили за нас. Подрядившись служить другому делу, а затем, объявив широкой публике о своем членстве в АА, любой член Содружества мог втянуть Анонимных Алкоголиков практически в любое объединение или дискуссию, хорошие или плохие. Чем более ценимым становилось имя АА, тем больше возрастало искушение.

Вскоре появилось дальнейшее подтверждение этому. Другой член Содружества начал вовлекать нас в рекламный бизнес. Одна страховая компания поручила ему выступить с серией из двенадцати «лекций» об Анонимных Алкоголиках по радио. Разумеется, это послужило бы рекламой страховой компании и Анонимным Алкоголикам – и, естественно, самому нашему товарищу, – и все это в одном привлекательном пакете.

В Штабе АА мы прочли предлагаемые лекции. В них было около 50 процентов идей Содружества и около 50 процентов

личных религиозных убеждений нашего друга. Это могло создать у публики ложное представление о нас. На религиозной почве поднялась бы волна предубеждения против АА. Поэтому мы не согласились на это предложение.

Наш товарищ прислал в ответ письмо, в котором в горячих выражениях объяснял, что чувствует «вдохновение» читать эти лекции и нам лучше не препятствовать реализации им своего права на свободу слова. Несмотря на то, что за эту работу ему собираются заплатить, он думает только о благе АА. И если мы не знаем, что хорошо для нас, это очень плохо! Мы и совет попечителей АА можем катиться к черту. Лекции выйдут в эфир.

Это был трудный вопрос. Одним лишь нарушением анонимности и использованием имени АА в собственных целях наш друг мог вмешаться в наши связи с общественностью, вовлечь нас в религиозные распри, втянуть в рекламный бизнес, и за все эти добрые дела страховая компания заплатила бы ему приличные деньги.

Означало ли это, что любой заблудший член Содружества мог подобным образом поставить под угрозу наше сообщество в любое время и в любом месте, просто нарушив анонимность и говоря себе, как много хорошего он собирается для нас сделать? Мы представили себе, как каждый работающий в сфере рекламы член АА будет искать коммерческого спонсора, пользуясь именем АА, чтобы продавать что угодно – от пуговиц до сливового сока.

Необходимо было что-то делать. Мы написали нашему другу, что Содружество также имеет право на свободу слова. Мы не собирались публично вступать с ним в конфронтацию, однако давали гарантию, что его спонсор получит тысячи писем с возражениями от членов АА, если программа будет запущена на радио. И наш товарищ отверг проект.

Однако наша плотина анонимности продолжала протекать. Члены АА начали впутывать нас в политику. Они начали

говорить государственным законодательным органам – конечно же, публично – о том, чего хочет Содружество в сфере здравоохранения, финансов и просвещения.

Таким образом, из-за указания полных имен, а часто – и публикации фотографий, некоторые из нас превратились в лоббистов. Другие члены Содружества сидели на скамье вместе с судьями и давали рекомендации, кого из пьяниц следует отправить в АА, а кого – в тюрьму.

Затем появились сложности в денежных вопросах, связанные с нарушением анонимности. К этому времени большинство членов Содружества решили, что нам следует прекратить публично изыскивать фонды для нужд АА. Однако тем временем просветительская программа моей подруги, сотрудничающей с университетом, процветала. Ей нужны были деньги, и много, на совершенно правильные и законные вещи. Поэтому она обращалась к публике с просьбами о финансовой помощи, энергично работая в этом направлении. Поскольку она была членом АА и продолжала им представляться, многие жертвователи были введены в заблуждение. Они думали, что АА – некое просветительское образование или что само Содружество производило сбор средств, в то время как на самом деле оно было тут ни при чем, и не хотело этого.

Итак, имя АА использовалось для добычи денежных средств в тот самый момент, когда мы пытались сказать людям, что АА не нужны пожертвования извне.

Видя, что происходит, моя подруга, будучи прекрасным представителем Содружества, постаралась восстановить свою анонимность. Из-за того, что ее деятельность была так известна обществу, это было трудно и потребовало многих лет. Но она принесла эту жертву, и здесь я хочу выразить ей глубокую признательность от лица всех нас.

Этот прецедент запустил в движение разнообразные общественные инициативы членов АА по сбору денег для общин

трезвенников, заведений, работающих по программе Двенадцати Шагов, пансионатов АА, клубов и т.п., вдохновляемых главным образом нарушением анонимности.

Следующим ошеломляющим открытием для нас было то, что мы оказались втянутыми в некие политические игры, на этот раз – ради выгоды одного человека. Претендуя на общественный пост, член Содружества в рамках своей предвыборной кампании пользовался тем фактом, что он является членом АА и, следовательно, завзятый трезвенник! Поскольку АА пользовались популярностью в его штате, он думал, что это поможет ему победить на выборах.

Вероятно, лучшая история такого сорта – о том, как имя АА было использовано, чтобы выиграть дело о клевете. К члену Содружества, чьи имя и профессиональные достижения известны на трех континентах, попало письмо, которое, по ее мнению, наносило ущерб ее профессиональной репутации. Она посчитала, что с этим нужно что-то делать, и ее адвокат, также член АА, согласился с ней. Они решили, что и широкая публика, и АА воспылают праведным гневом, если эти факты всплывут. Вскоре в нескольких газетах красовались заголовки о том, как Анонимные Алкоголики горой встали на защиту одной из членов – разумеется, называлось ее полное имя, – чтобы помочь ей выиграть дело о клевете. Через короткое время после этого знаменитый радиокомментатор рассказал то же самое своим слушателям, число которых, по оценкам, доходило до 12 миллионов человек. Этот случай еще раз показал, что имя АА можно было использовать в сугубо личных целях – на этот раз, на национальном уровне.

Старые архивы Штаба АА хранят записи о многих примерах подобных нарушений анонимности. Большинство из них указывают на одни и те же уроки.

Они говорят нам, что мы, алкоголики – величайшие рационализаторы в мире; что, прикрываясь оправданием, мы приносим АА огромную пользу; мы можем путем нарушения

анонимности возобновить старую катастрофическую погоню за личной властью и престижем, почестями и деньгами – теми же настоятельными потребностями, которые когда-то, не будучи удовлетворенными, заставляли нас пить – теми же силами, из-за которых мир сегодня трещит по швам. Более того, эти примеры ясно дают понять, что однажды стараниями нарушителей анонимности все наше сообщество может провалиться в ту же пропасть, что и они.

Поэтому мы уверены, что, если такие силы когда-либо будут править нашим Содружеством, мы погибнем так же, как погибали другие общества на протяжении всей истории человечества. Давайте же ни минуты не будем думать, что мы, выздоровевшие алкоголики, намного лучше или сильнее, чем другие люди, или что, раз за двадцать лет с АА ничего не случилось, то никогда ничего не может произойти.

Мы очень надеемся, что весь наш опыт как алкоголиков и членов АА, наконец, заставил нас осознать безграничную способность этих сил к самоуничтожению. Благодаря этим горьким урокам мы преисполнились желания приносить любые личные жертвы, необходимые для сохранения нашего драгоценного Содружества.

Вот почему мы видим анонимность *при общении с широкой публикой* в качестве своей главной защиты от нас самих, гаранта всех наших Традиций и величайшего символа самопожертвования из всех известных нам.

Конечно же, нет нужды соблюдать анонимность в семье, с друзьями и соседями. В таком общении раскрытие своего членства в АА, как правило, идет на пользу. Нет особой угрозы и при выступлениях на собраниях групп или открытых собраниях, при условии, что в репортажах пресса будет указывать только имена, а не фамилии.

Однако при контактах с широкой публикой – посредством прессы, радио, кино, телевидения и т.д. – называть полное имя и показывать лицо опасно. Это – излюбленная лазейка

страшных разрушительных сил, все еще таящихся в нас. В этом случае дверца может и должна быть закрыта.

Теперь мы ясно осознаем, что стопроцентная личная анонимность перед лицом общественности так же необходима для жизни АА, как и стопроцентная трезвость – для жизни каждого члена АА. Это нам подсказывает не страх, а разумный голос долгого опыта. Я уверен, что мы будем прислушиваться к нему и приносить любые требующиеся жертвы. На самом деле мы делаем это. Сегодня осталась лишь горстка нарушителей анонимности.

Я говорю это со всей искренностью; я говорю это, потому что знаю, что такое искушение славой и деньгами. Я могу это утверждать, потому что когда-то тоже был нарушителем анонимности. Я благодарю Бога за то, что много лет назад мой опыт и уговоры мудрых друзей заставили меня свернуть с того гибельного пути, на который я мог бы увлечь все наше сообщество. Так я узнал, что временное или кажущееся благо часто бывает смертельным врагом постоянного и наилучшего. Когда дело касается выживания АА, ничто не будет достаточным, кроме самого лучшего, что у нас есть.

Мы хотим сохранять стопроцентную анонимность еще и по другой важной причине, о которой часто забывают. Вместо того чтобы увеличить популярность нашего Содружества, повторяющиеся случаи самопроизвольного нарушения анонимности могут серьезно навредить тем чудесным отношениям, которые у нас сейчас сложились как с прессой, так и с общественностью. Все может закончиться тем, что пресса будет иметь к нам мало доверия, а общественность – и вовсе никакого.

На протяжении многих лет новостные каналы по всему миру с неиссякаемым энтузиазмом освещают деятельность АА, уделяя ей гораздо больше внимания, чем было бы достаточно, чтобы просто сообщить новости. Редакторы объясняют, почему. Они выделяют для нас дополнительное

эфирное время, потому что полностью уверены в АА. Они утверждают, что эта высокая степень доверия основывается именно на том факте, что мы всегда настаиваем на сохранении личной анонимности при контактах с прессой.

До этого новостные программы и эксперты по связям с общественностью никогда не слышали об обществе, категорически отказывающемся рекламировать собственных лидеров и членов. Для них это странное и свежее явление всегда служило доказательством того, что в АА все равны, и никто никем не правит.

Именно в этом, по их словам, заключается главная причина их благожелательного настроя. Вот почему они продолжают нести идеи выздоровления АА всему миру.

Если бы из-за постоянного нарушения анонимности мы, в конце концов, заставили бы прессу, общественность и самих наших потенциальных членов задуматься о наших мотивах, то, несомненно, потеряли бы этот бесценный актив, а с ним несметное число потенциальных членов. Тогда репутация Анонимных Алкоголиков не была бы больше такой хорошей; она бы ухудшалась, и наша деятельность получала бы меньшее освещение. Поэтому ясно, что написано на стене. Поскольку большинство из нас уже видят надпись, а скоро увидят и остальные, я абсолютно уверен, что наше сообщество никогда не постигнет такая беда.

Долгое время и Доктор Боб, и я делали все возможное, чтобы поддержать Традицию анонимности. Перед его смертью кто-то из друзей Доктора Боба предложил воздвигнуть в его честь и в честь его жены Анны подходящий памятник или мавзолей – нечто, чтобы почтить память основателя. Доктор Боб поблагодарил, но отказался. Позже, рассказывая мне об этом, он усмехнулся и сказал: «Ради Бога, Билл, почему нельзя похоронить тебя и меня как всех людей?»

Прошлым летом я побывал на кладбище в Акроне, где лежат Боб и Анна. На простом могильном камне – ни слова

об Анонимных Алкоголиках. Я был так рад, что заплакал. Не слишком ли далеко зашла эта чудесная пара в своем стремлении к личной анонимности, когда так категорически отказалась от слов «Анонимные Алкоголики» хотя бы на собственной могиле?

Лично я так не думаю. На мой взгляд, этот великий последний пример самоотречения будет для АА большей непреходящей ценностью, чем любая показная известность или прекрасный мавзолей.

Нам нет нужды ехать в Акрон, штат Огайо, чтобы увидеть памятную плиту Доктора Боба. Истинный памятник ему – долгое существование и широкое распространение АА. Давайте снова взглянем на то, что действительно на нем написано... лишь одно слово, написанное нами, членами АА. Это слово – жертвование.

О деньгах *(ноябрь 1957 г.)*

Здесь, в Штатах, сейчас время Благодарения. Члены АА во всем мире воспринимают этот праздник как повод с благодарностью порадоваться тем благам, которые нам даровало Содружество. В эти дни мы также традиционно анализируем свои успехи как Содружества. Мы окидываем взором свое сообщество и задаемся вопросом: «Как идут наши дела?»

Двенадцать Традиций АА – вот те мерки, которыми мы пользуемся. Первостепенный вопрос в каждую неделю Благодарения звучит так: «Насколько хорошо мы соблюдаем Двенадцать Традиций?» С каждым годом мы все яснее понимаем, что верность нашим традиционным принципам, выработанным с таким трудом – основа нашего единства и эффективного распространения наших идей, и что безразличие, непонимание или сопротивление по отношению к этим принципам могут привести к повсеместным распрям, а возможно, и к гибели АА. Мы остро осознаем, что соблюдение Двенадцати Традиций так же необходимо для выживания АА в целом, как выполнение Двенадцати Шагов – для выживания и трезвости каждого члена АА.

Журнал «Грейпвайн» попросил меня в этом выпуске написать о Традициях. Соответственно, я выбрал те из них, в которых говорится о таком зачастую не понимаемом и иногда непопулярном вопросе, как деньги – их использовании и злоупотреблении ими. В наших Традициях содержится два коротких и простых утверждения по этой теме. Седьмая Традиция гласит: «Каждой группе АА следует полностью опираться на собственные силы, отказываясь от помощи извне». В Восьмой Традиции сказано: «Содружество Анонимных Алкоголиков должно всегда оставаться непрофессиональным объединением, однако наши службы могут нанимать работников, обладающих определенной квалификацией».

В этих немногих словах заключено огромное значение. Они – результат грандиозных споров и борьбы в период становления АА, когда мы знали, что Содружество должно выработать разумную работоспособную финансовую политику, иначе его деятельность не будет давать должного результата или даже потерпит полный крах. Если какой-нибудь вопрос и воспринимался всерьез, так это денежный.

В тот период по этой теме велись ожесточенные дискуссии между двумя крайними полюсами. Консерваторы считали, что Содружеству как таковому не следует пользоваться деньгами вообще. Собрания можно проводить у кого-нибудь дома, а идеи АА распространять в устной форме. Тогда не было бы публичности, литературы, казначеев, комитетов, интергрупп, попечителей. Не было бы оплачиваемых работников, а значит, никакой армии бюрократов и никакой возможности для появления системы управления. Благодаря отказу от сбора денег мы бы совершенно не занимались бизнесом. Все делалось бы спонтанно; каждый член Содружества руководствовался бы собственной совестью. Консерваторы восклицали: «Не вводите нас в искушение! Давайте не будем усложнять!»

По другую сторону находились радикалы-подстрекатели. Они говорили, что нам нужны огромные суммы денег. Мы должны нанимать пресс-агентов; нам нужна отличная литература. Нам необходимо владеть сетью лечебниц, иметь массу всевозможных оплачиваемых работников, включая даже оплачиваемых миссионеров, которые несли бы наши идеи в отдаленные города и районы. По мере продвижения вперед нам нужно устраивать грандиозные общественные мероприятия. Команды членов АА на больших грузовиках колесили бы по стране. Знаменитые на весь мир мужчины и женщины, вступившие в наши ряды, с радостью поднимались бы на небоскребы, чтобы прокричать добрую весть. И тогда идеи АА, чистые и неискаженные, облетели бы вокруг света так же

быстро, как герой Жюля Верна – всего за восемьдесят дней! Для радикально настроенных ни одна фантазия не выглядела слишком невероятной, ни одна идея не была слишком грандиозной. Откуда они собирались брать деньги? Разумеется, у широкой публики; богачи присылали бы нам миллионы.

Сегодня мы понимаем, что консерваторы своим бездействием довели бы Содружество до загнивания. С другой стороны, подстрекатели непременно разрушили бы его своими попытками сделать все сразу.

Процесс отделения здравого смысла от сумасбродства был долгим и болезненным. Мы пребывали в глубоком замешательстве, ведь никто не обладал монополией на здравый смысл. Консерваторы, по-видимому, были правы в своей осторожности, когда говорили, что нам опасно иметь крупные суммы денег. Однако, когда, идя на поводу у страха, они настаивали на полном отсутствии денег и каких бы то ни было служб, это выглядело сущей глупостью. Их программа привела бы лишь к путанице и крайне замедлила бы развитие. Радикалы были не лучше. В своем энтузиазме они иногда предлагали опасные схемы. Тем не менее, они часто проявляли мудрость.

Молоты радикалов ударяли по упрямым наковальням консерваторов, и так потихоньку вырабатывались наши две «денежные» Традиции.

Сначала мы сделали определенные уступки радикалам. Мы признали, что, несмотря на отсутствие общей организационной структуры, нам необходимо создать комитеты или советы по обслуживанию АА, чтобы обеспечить функционирование Содружества и распространение наших идей, а на региональном и международном уровнях – иногда нанимать некоторое количество сотрудников, которые работали бы полный день. Для этого потребовались бы определенные денежные средства, но не много, поэтому в будущем не возникло бы больших проблем из-за искушения деньгами.

Однако в связи с этой явной необходимостью вставал вопрос о профессионализации. Вначале среди нас были широко распространены вполне обоснованные опасения, что в Содружестве будет верховодить класс людей, выполняющих платную работу по Двенадцатому Шагу – людей, которые захотят получать плату за распространение идей АА путем личной беседы. Нам не потребовалось много времени, чтобы понять, такое нововведение непременно уничтожило бы духовную сущность всей нашей деятельности. Двенадцатый Шаг никак нельзя было продавать за деньги.

Страх перед профессионализацией сопровождал нас даже тогда, когда мы нанимали уборщика или повара из числа членов АА. И он вдвойне терзал нас, когда, в конце концов, пришлось нанять несколько членов Содружества на полный рабочий день, чтобы они служили в качестве региональных и международных секретарей. Какое-то время они несли на себе ужасное клеймо профессионализма. Мы говорили, что они делают деньги на АА. Хотите – верьте, хотите – нет, но многие боязливые добродетельные члены Содружества избегали личного общения с ними. Даже те комитеты и советы, на которые они работали, зачастую относились к ним как, к своего рода, необходимому, но еретическому злу. В них мы «смешивали материальное с духовным». Чтобы удерживать этих сомнительных «профессионалов» в надлежащем «духовном состоянии», мы вовлекали в это дело как можно меньше денег, то есть платили им наименьшее жалованье, за которое они соглашались работать.

Тем не менее, радикалы частично победили. Содружеству действительно нужны были оплачиваемые работники, пусть даже и немногочисленные. Мы, в конце концов, поняли, что эти люди получают деньги, в первую очередь, за то, что делают возможной эффективную работу по Двенадцатому Шагу. Сегодня они вовсе не рассматриваются как профессионалы, и мы стараемся хорошо им платить. Они – одни из

самых преданных общему делу членов АА, известных нам. Поэтому Восьмая Традиция говорит: «Содружество Анонимных Алкоголиков должно всегда оставаться непрофессиональным объединением, однако наши службы могут нанимать работников, обладающих определенной квалификацией».

Но консерваторы также в чем-то одержали победу, когда мы, наконец, приняли решение воздвигнуть плотину против вторжения пожертвований извне. Мы начали отказываться от всех таких даров, как крупных, так и мелких. Наши службы никогда не разбогатели бы от пожертвований членов АА, тогда как друзья Содружества, имеющие самые благие намерения, своими дарами и оставлением наследства могли бы наделить нас огромными суммами.

Если бы мы начали принимать пожертвования такого рода, то потом не смогли бы остановиться. Вполне способные самостоятельно оплачивать свои небольшие счета по затратам на обслуживание, мы, тем не менее, начали бы принимать громадные благотворительные взносы. Что еще хуже, богатые советы по обслуживанию АА принялись бы за всевозможные излишние и рискованные начинания. Несомненно, сформировалась бы многочисленная оплачиваемая бюрократия, и сбылись бы наихудшие страхи консерваторов. Их подход к дарам был в высшей степени мудрым. Так родилась наша Седьмая Традиция: «Каждой группе АА следует полностью опираться на собственные силы, отказываясь от помощи извне».

Вскоре после того, как была написана эта Традиция, попечители АА отклонили посмертный дар в размере десяти тысяч долларов как раз в тот момент, когда Содружество остро нуждалось в деньгах. Это было время, когда группы АА не оплачивали значительную часть затрат собственного всемирного Штаба.

Однако наши попечители сразу же законопатили эту первую наметившуюся течь в нашей недавно построенной плотине против соблазна принять деньги извне. Было решено,

что отныне Содружество будет либо самостоятельно обеспе чивать собственные службы, либо обходиться без них. Это решение до сих пор вызывает у меня волнение. То был один из величайших поворотных моментов в нашей истории.

В заключение скажу следующее. Наш духовный образ жизни будет в целости и сохранности для будущих поколе ний, только если мы как сообщество устоим перед искуше нием принимать деньги извне. Но это означает, что мы несем определенную ответственность, и каждый член АА дол жен это понимать. Мы не должны скупиться, когда казначей нашей группы пускает по кругу шляпу. Наши группы, регио нальные объединения и АА в целом не смогут функциониро вать, если наши службы не будут достаточно развитыми, а их счета – оплаченными.

Столкнувшись с соблазном принять крупный дар и пре одолев его, мы лишь проявляем благоразумие. Когда же мы щедро жертвуем «в шляпу», то тем самым показываем, что благодарны за дарованные нам блага, и доказываем свое горячее желание поделиться обретенным со всеми, кто все еще страдает.

Проблемы помимо алкоголя *(февраль 1958 г.)*

Возможно, на свете нет страданий более ужасных, чем химическая зависимость, особенно если она вызвана морфием, героином или другими наркотиками. Такие вещества искривляют разум человека, а мучительный процесс отказа от них просто терзает тело страдальца. По сравнению с бедой наркомана наш алкоголизм выглядит просто мелочью. Злоупотребление барбитуратами приводит к почти столь же плачевным последствиям. Среди членов АА есть люди, успешно освободившиеся как от бутылки, так и от иглы. Также среди нас очень много тех, кто испытывал или до сих пор испытывает зависимость от «колес» и даже новых транквилизаторов.

Следовательно, проблема наркомании в ее различных формах близка всем нам. Она вызывает у нас глубочайший интерес и сочувствие. В окружающем мире мы видим миллионы мужчин и женщин, которые пытаются решить свои проблемы или убежать от них с помощью наркотиков. Многие члены АА, особенно те, кто сам страдал такой же зависимостью, задаются вопросом: «Что мы можем сделать по отношению к наркотикам – как в Содружестве, так и вне его?»

Поскольку уже в полном разгаре несколько проектов по оказанию помощи зависимым от лекарств и наркотиков – проектов, в которых используются Двенадцать Шагов АА и активно участвуют члены АА, – возникает целый ряд вопросов касательно того, как правильно связать эти начинания, уже приносящие немалые результаты, с группами АА и Содружеством в целом.

Если говорить конкретно, эти вопросы таковы: 1) Может ли стать членом АА человек, не являющийся алкоголиком, но страдающий зависимостью от лекарств или наркотиков? 2) Можно ли привести такого человека как гостя на открытое собрание АА, чтобы он получил там помощь и воспрянул духом? 3) Может ли человек, страдающий зависимостью от лекарств или наркотиков, но также имеющий и опыт

проблем с алкоголем, стать членом АА? 4) Могут ли члены АА, страдавшие и алкоголизмом и наркоманией, образовывать специальные группы, чтобы помогать другим членам АА, имеющим проблемы с наркотиками? 5) Может ли такая специальная группа называть себя группой АА? 6) Могут ли быть членами такой группы также и неалкоголики, зависимые от наркотиков? 7) Если да, то следует ли способствовать формированию у этих наркоманов-неалкоголиков убеждения, что они стали членами АА? 8) Есть ли какие-либо возражения против того, чтобы члены АА с двойной зависимостью становились членами сторонних групп – например, Анонимных Наркоманов?

В некоторых из этих вопросов уже практически заключен ответ; с другими же это не так. Но я думаю, что все их легко можно разрешить к всеобщему удовлетворению, если окинуть пристальным взором соответствующие Традиции АА, а также наш обширный опыт в отношении групп специального назначения, в деятельности которых члены АА сегодня активно участвуют – как внутри нашего сообщества, так и вне его.

Есть определенные вещи, которые Содружество АА не может делать ни для кого, независимо от наших индивидуальных желаний и симпатий.

Наша первостепенная обязанность как сообщества заключается в обеспечении собственного выживания. Поэтому нам необходимо избегать отвлекающих моментов и многоцелевой деятельности. Группа АА как таковая не может брать на себя все личные проблемы своих членов, не говоря уже о проблемах всего мира.

Единственная цель группы АА – трезвость, то есть свобода от алкоголя, достигаемая через изучение и применение на практике Двенадцати Шагов. Группы неоднократно пытались заниматься иными видами деятельности, но всегда терпели неудачу. Мы также усвоили, что невозможно превратить

неалкоголика в члена АА. Круг членов Содружества должен быть ограничен исключительно алкоголиками, а группы АА должны ограничиться единственной целью. Если мы не будем придерживаться этих принципов, то почти наверняка распадемся. А если мы распадемся, то не сможем помочь никому.

Для иллюстрации давайте рассмотрим некоторые типичные случаи из нашего опыта. Много лет назад мы надеялись сделать членами АА своих близких и некоторых друзей-неалкоголиков, которые нам очень помогали. У них тоже были свои проблемы, и мы хотели видеть их в наших рядах. Но, к сожалению, обнаружили, что это невозможно. Им нечего было сказать непосредственно по проблемам, составляющим суть АА; к тому же они, за редким исключением, не могли отождествить себя с новичками. Следовательно, они не смогли бы последовательно работать по Двенадцатому Шагу. Как бы ни были близки нам эти славные люди, нам пришлось отказать им в членстве. Мы могли лишь радушно принимать их на своих открытых собраниях.

Вот почему я не вижу никакого способа превращения людей с неалкогольной зависимостью в членов АА. Опыт ясно говорит нам, что мы не можем делать никаких исключений, даже невзирая на то, что наркоманы и алкоголики – в некотором роде близкие родственники. Если мы будем упорствовать в этих попытках, то, боюсь, это плохо отразится как на самих наркоманах, так и на АА. Мы должны принять тот факт, что ни одного неалкоголика, какой бы ни была его беда, нельзя трансформировать в алкоголика и члена АА.

А теперь предположим, что к нам обратился наркоман, также имеющий опыт проблем с алкоголем. Было время, когда такого человека не приняли бы в АА. Многие из первых членов АА имели почти комичное убеждение, что они – «чисто алкоголики», то есть просто пьяницы без каких-либо иных серьезных проблем. Когда же на пороге впервые возникли алкоголики из числа бывших заключенных и те, кто

также имел наркотическую зависимость, было много хан жеского негодования. «Что о нас подумают люди?» – причи тали «чистые алкоголики». К счастью, такие глупые мысли уже давно испарились.

Один из лучших известных мне членов АА – человек, кото рый до прихода в АА семь лет сидел на игле. Но еще раньш он страдал тяжелейшим алкоголизмом, и его история это доказывала. Поэтому он вполне подходил для членства в АА Присоединившись к Содружеству, он помог многим членам и некоторым не членам АА, имеющим проблемы с лекарс твами и наркотиками. Разумеется, это сугубо его личное дело, а никак не дело той группы АА, к которой он принадлежит В своей же группе он – один из ее членов, потому что он на самом деле алкоголик.

Итак, мы подвели итог тому, чего Содружество АА *не может* делать – ни для наркоманов, ни для кого-либо еще.

А что же мы *можем* сделать? Очень действенным решением для проблем помимо алкогольной всегда были группы специального назначения. Одни функционируют в рамках АА, другие – вне их.

Первая такая группа была создана еще в 1938 году. Содру жество нуждалось в бюро всемирного обслуживания и некото ром количестве литературы. У нас имелись проблемы с обслу живанием, которые не могла решить группа АА как таковая Поэтому мы сформировали совет попечителей (Фонд АА) чтобы он занимался подобными вопросами. Среди попечите лей были и алкоголики, и неалкоголики. Очевидно, что груп пой АА они не были. Это была группа из членов и не членов АА, которые посвятили себя выполнению особой задачи.

Другой пример. В 1940 году нью-йоркским членам Содру жества стало скучно, и они организовали свой клуб. В нем было свое руководство и члены АА, которые платили член ские взносы. Долгое время члены и руководство клуба считали *себя* группой АА. Но затем выяснилось, что сам по

себе клуб ничуть не волнует многих членов Содружества, посещающих проходящие в нем собрания. Следовательно, ведение дел клуба (для целей социального характера) необходимо было полностью отделить от ведения дел той группы АА, члены которой приходили туда, чтобы проводить свои собрания. Потребовались годы споров, чтобы доказать: нельзя вовлекать группу АА в клубный бизнес и объединять ее с ним. Сегодня администрация и вносящие взносы члены подобных клубов повсеместно считаются группами специального назначения, а не группами АА.

Та же самая ситуация сложилась и с вытрезвителями и «домами Двенадцатого Шага», которыми управляют члены АА. Мы никогда не рассматриваем их как группы АА, а расцениваем исключительно как деятельность отдельных заинтересованных людей, которые ведут полезную и зачастую очень ценную работу.

Несколько лет назад многие члены АА стали образовывать особые группы с религиозным уклоном. Поначалу они собирались называть себя группами АА различной специфики. Но вскоре поняли, что этого делать нельзя, так как их группы имели двойную цель: и АА, и религия.

Также было время, когда некоторые члены АА захотели заняться просвещением в области алкоголизма. Я был одним из них. Мы присоединились к некоторым неалкоголикам, также заинтересованным в этом. Неалкоголикам нужны были члены АА, потому что они нуждались в нашем опыте, философии и общих тенденциях. Все шло прекрасно, пока некоторые из членов АА публично не раскрыли факт нашей принадлежности к определенной просветительской группе. У общественности сразу же сложилось впечатление, что это конкретное образовательное направление и Анонимные Алкоголики – одно и то же. На то, чтобы изменить это мнение, потребовались годы. Зато теперь, когда положение исправлено, многие члены АА сотрудничают с этой замечательной просветительской группой, и мы рады этому.

Так было доказано, что как частные лица мы можем нести опыт и идеи АА в *любые сферы деятельности вне Содружества*, при условии, что будем сохранять анонимность и отказываться от использования имени АА в целях сбора денег или рекламы.

Я твердо уверен, что этот опыт вчерашнего дня может стать основой для разрешения сегодняшних недоразумений в связи с проблемой наркомании. Этот вопрос для нас нов; однако опыт и Традиции АА, с помощью которых можно его решить, существуют уже давно и проверены временем. Думаю, подытожить вышесказанное можно следующим образом.

Мы не можем предоставлять наркоманам-неалкоголикам членство в АА. Но, как и всех остальных людей, их следует допускать к посещению определенных открытых собраний АА – разумеется, при условии, что сами группы этого хотят.

Желающих членов АА следует поощрять к тому, чтобы они объединялись в специальные группы, в центре внимания которых находились бы проблемы с таблетками и наркотиками. Однако им не следует называть себя группами АА.

По-видимому, нет никаких причин, в силу которых несколько членов АА не могут, если желают, присоединиться к группе «чисто наркоманов», чтобы вместе решать и алкогольные, и наркотические проблемы. Очевидно, что такая группа, имеющая двойную цель, не должна ни настаивать на том, чтобы называться группой АА, ни использовать имя АА в своем названии. Также не следует формировать у ее членов из числа «чисто наркоманов» убеждение, что в результате подобного объединения они стали членами АА.

Определенно, есть веские причины для того, чтобы заинтересованные члены АА участвовали в деятельности сторонних групп, работающих над проблемой наркомании, при условии соблюдения Традиций анонимности и отказа от поддержки посторонних движений.

В заключение я хочу сказать, что на протяжении всей истории АА большинство наших групп специального назначения добивалось просто чудесных результатов. Есть все основания надеяться, что те члены АА, которые в настоящее время работают в мрачной сфере зависимости от наркотиков, достигнут таких же успехов.

В АА для группы существуют строгие ограничения, зато их практически нет для отдельного члена. Помня о Традициях анонимности и отказа от поддержки посторонних движений, член АА может нести идеи Содружества в любые проблемные области нашего крайне проблемного мира.

Конференция по общему обслуживанию 1958 года единодушно отвергла голосованием предложение о выпуске Большой Книги в мягкой обложке. Полагая, что все члены АА должны ясно понимать, почему это было сделано, Билл попросил журнал «Грейпвайн» опубликовать отрывки письма, написанного им одному своему старому другу по этой теме, которая давно вызывала споры.

Проявим благоразумие – практическое и духовное
(август 1958 г.)

Дорогой ..... !

Так приятно опять получить весточку от тебя. Мы, ветераны, все больше отдаляемся друг от друга. У меня частенько бывает ностальгия о старых днях, и письма, вроде твоего, снова ее вызывают.

Ты поднял давно обсуждаемый вопрос: «Как насчет дешевого издания книги «Анонимные Алкоголики» – например, в бумажной обложке по цене пятьдесят центов?» В связи с этим вопросом возникает немало других, имеющих как практическое, так и духовное значение.

Прежде всего, давай вспомним ранний этап истории вопроса. После того как в 1939 году Большая Книга вышла в свет и ее начали продавать за три с половиной доллара, на протяжении нескольких лет велись серьезные напряженные дискуссии по поводу того, стоит ли выпускать дешевое или более дорогое издание книги. В тот период большинство членов АА были убеждены, что она должна стоять один доллар. Когда же мы объявили цену в три с половиной доллара, реакция была очень бурной (и в некоторой степени неразумной): «Билл подвел АА», «Это слишком дорого для бедных пьяниц», «Раз все в АА бесплатно, почему бы не отдавать книгу даром?», «Если АА – организация некоммерческая, то почему группы и нью-йоркский Штаб должны получать доход?» Что же до авторских гонораров Доктору Бобу и мне, то некоторые поговаривали, что это делает нас спекулянтами, если не вымогателями.

С точки зрения многих членов АА, это были весомые аргументы. Бесплатная книга представлялась им истинно духовным начинанием. А на томик в приличной обложке, продаваемый по цене в пределах нормального рыночного диапазона – томик, который помог бы покрывать расходы Штаба АА

они смотрели как на страшное зло. Поэтому я тогда столкнулся с жесточайшей критикой в мой адрес за всю мою жизнь в Содружестве.

Тем не менее, история АА доказывает, что большинство тех дней, порой идеалистичное, ошибалось. Если бы не доходы от продажи книги, которые шли Штабу и в качестве авторских гонораров Доктору Бобу и мне, то Содружество развивалось бы совершенно иначе, что, вероятно, привело бы к катастрофе. Доктор Боб и сестра Игнатия не смогли бы позаботиться о тех пяти тысячах алкоголиков в ходе своей новаторской деятельности в акронской больнице. Мне пришлось бы прекратить работать полный день еще пятнадцать лет назад. Наша книга была бы в руках стороннего издательства. Не было бы ни Двенадцати Традиций, ни Конференции по общему обслуживанию. Штаб, лишенный возможности успешно функционировать из-за недостатка финансов, не смог бы распространять идеи АА по всему миру. На деле он, возможно, совсем закрылся бы.

Все это было бы реальностью, если бы прибыль от продаж Большой Книги не компенсировала дефицит пожертвований на нужды Штаба от групп, часто весьма крупный. К примеру, в период между 1945 и 1950 годами я был свидетелем того, как объем нашего резервного фонда за три лихорадочных года сократился со ста тысяч долларов до сорока. В тот период было время, когда общий дефицит средств Бюро общего обслуживания и журнала «Грейпвайн» достигал трех тысяч долларов в месяц. И именно благодаря доходам от книги мы удерживались на плаву, а также смогли реорганизовать Бюро и ввести в действие сегодняшнюю Конференцию по общему обслуживанию. Издание дешевой Большой Книги было бы огромной ошибкой с практической и духовной точки зрения. Тогда идеи АА были бы донесены лишь до небольшого числа людей – вместо того, чтобы нести их множеству. В этом нет ни малейшего сомнения. Каждому, кто

сейчас ратует за продажу книги в мягкой обложке по цене в пятьдесят центов, следует серьезно поразмыслить над этой частью истории Содружества.

Попечительский орган АА, наш Совет по общему обслуживанию имеют резервный фонд, медленно накапливаемый на протяжении многих лет из доходов от продажи книги. Объем средств фонда равняется сумме, необходимой для поддержания работы Штаба в течение одного года. Мы полагаем, что это – наша основная защита от кризисов и возможного значительного сокращения пожертвований от групп. Даже в хорошие времена их пожертвований часто не хватало на покрытие крупной части расходов Штаба. Если бы мы действительно собирали пожертвования с каждого выздоровевшего члена АА, то для каждого из них вносимая сумма составила бы всего-навсего один доллар в год. На практике, мы просим каждого члена Содружества пожертвовать два доллара, но средняя величина гораздо меньше. В 1957 году Офис общего обслуживания АА имел дефицит средств в размере пятнадцати тысяч долларов, а журнал «Грейпвайн» – в размере десяти тысяч. Если учесть, что такая ситуация нередка в хорошие времена, то что с нами будет в тяжелые?

Несомненно, в трудные времена члены АА и их группы позаботятся о себе сами. Но насколько успешно они заботились бы в таких обстоятельствах о Штабе? Поскольку мы никогда не переживали такого периода, никто этого не знает. Мы не можем даже сделать обоснованное предположение. Мы просто знаем, что наш Штаб все еще испытывает дефицит средств. Мы также знаем, что треть всех групп АА, представляющая пятьдесят тысяч членов, вообще не присылает Штабу пожертвований, даже в период экономического расцвета. Поэтому у нас нет оснований верить в Санта Клауса. Вот почему мы продолжаем настаивать на накоплении резервного фонда. В нем заключается наша главная защита от ухудшения или даже прекращения деятельности общих служб

АА – тех самых, которые распространяют добрые вести об АА по всему миру и которые мы в любых условиях должны поддерживать в полноценном состоянии.

Некоторые думают, что книга за пятьдесят центов не окажет серьезного влияния на продажи издания по цене четыре с половиной доллара. Но так ли это? В Штабе мы видим много способных служителей-добровольцев. Один из них – вице-президент крупного издательства. Он понимает принципы книжного рынка – как внутри Содружества, так и вне его. И он горячо подчеркивает, что сверхдешевые книги АА, в особенности – в мягкой обложке, нанесли бы огромный ущерб нашим текущим продажам и прибыли. В связи с этим разве не мудро будет задаться вопросом: «Можем ли мы сейчас позволить себе эти самые дешевые книги?»

Кое-кто надеется, что объем продаж книги за пятьдесят центов на общественном рынке будет столь громадным, что у нас не будет больших денежных потерь. Однако это одна из ситуаций, которым невозможно дать надежную оценку. Так как члены АА не могут заниматься распространением литературы в киосках и аптеках, нам пришлось бы поручить эту работу стороннему издательству. Такое издательство было бы единственным источником поставок. Даже если бы оно продавало по миллиону экземпляров книги в год, то соответствующий доход нашей издательской корпорации «АА Паблишинг» – в авторских гонорарах и прибыли – составил бы не более десяти тысяч долларов. Разумеется, вполне возможно, что эта цифра слишком оптимистична. Предварительное исследование, проведенное в издательской сфере, показывает, что возможность таких продаж – под вопросом. Здравый смысл говорит то же самое.

На главном рынке сбыта для дешевых изданий в мягкой обложке доминируют бывшие бестселлеры, детективы, любовные романы, научная фантастика и тому подобное. Крупномасштабные и устойчивые продажи возможны благо-

даря огромному интересу со стороны публики. Книга «Анонимные Алкоголики» продается в книжных магазинах вот уже почти двадцать лет. Содружество АА и его Большая Книга получили широчайшее освещение во всех средствах массовой информации, которое продолжается до сих пор. Тем не менее, наши продажи широкой публике всегда были мизерными; в среднем они не доходят и до полутора тысяч экземпляров в год. Так как же можно быть уверенными в том, что, если мы начнем распространять пятидесятицентовую книгу через киоски и аптеки, то продажи внезапно подскочат с полутора тысяч до миллиона, или ста тысяч, или хотя бы десяти тысяч? По-видимому, никто не может с уверенностью предсказать, как проявит себя специализированный учебник, которым является наша книга, оказавшись в одном ряду с дешевыми детективами и научной фантастикой в подобных городских точках продаж. Если нам не удастся продавать большое количество книг, то это будет означать, что нам, по большей части, не удалось выполнить свою духовную задачу – нести другим людям идеи АА. В сравнении с той широкой известностью, которой уже пользуется Содружество, эффект от дешевой книги в любом случае будет незначительным.

А теперь спросим себя, наблюдается ли в АА настоящая нехватка книг и других материалов для чтения. Также поразмыслим о том, действительно ли беднейшие из членов Содружества лишены возможности пользоваться Большой Книгой, потому что у нас до сих пор нет ее издания за пятьдесят центов. Кроме этого, зададимся вопросом: не способна ли наша отличная литература в форме брошюр при необходимости успешно удовлетворять потребности бедных новичков? Как нам известно, уже распространено триста пятьдесят тысяч книг, и каждый год полмиллиона хороших брошюр находят своих хозяев в АА. Кто из нас знает хотя бы одного члена Содружества, которому не дали книгу и который не может на время взять ее у кого-нибудь, купить у своей группы в рас-

рочку или же найти в местной библиотеке? Практически любой человек имеет возможность прочесть нашу книгу, приложив хотя бы небольшие усилия к тому, чтобы ее достать. Естественно, есть некоторые исключения, но мы предпринимаем меры, чтобы их не было – например, мы уже рассылаем подарочные экземпляры Большой Книги тюрьмам и группам при различных учреждениях.

Возможно, дешевые книги имели бы определенные преимущества в духовном отношении; однако они также имели бы определенные отрицательные последствия духовного же характера.

Встает вопрос: у кого больше возможностей для того, чтобы оплачивать какую-либо форму служения – в данном случае, проект издания дешевой книги? У отдельных членов АА, у групп или же Содружества в целом? Очевидно, что истинный запас и источник денег – в общем благосостоянии и доходе отдельных членов АА. Совокупный доход всех алкоголиков, обретших трезвость в АА, легко достигает миллиарда долларов в год. В сравнении с этой суммой деньги, поступающие в казну наших семи тысяч групп – лишь тонкая струйка. А по сравнению со средствами, которые получает казна АА на местах, пожертвования в пользу Штаба АА – лишь капля в море. В нашей международной казне и резервном фонде не наберется и доллара на каждого алкоголика, выздоровевшего в Содружестве. К тому же эти алкоголики не пополняют данные фонды – это делают люди, покупающие нашу книгу. Вероятно, половина всех алкоголиков, выздоровевших в АА за прошедшие годы, никогда не посылали Штабу ни цента – ни напрямую, ни косвенным образом. Возможно, для кого-то финансовые отчеты Штаба ассоциируются с большими деньгами. Однако эти средства представляют собой лишь мизерную долю от общего благосостояния и финансовых возможностей членов Содружества. Штаб АА – если тебе угодно, Содружество в целом – можно сказать, беден, как

церковная мышь. Так, неужели Штаб, беднейшая часть АА, должен брать на себя обязательства по оказанию финансовой помощи самой богатой части Содружества – его отдельным членам – путем издания книги за пятьдесят центов?

Есть ли в этом смысл – практический или духовный?

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: 1958 – 1970 гг.

К 1961 году, когда Билл объявил о своем окончательном уходе с лидерских позиций в АА, он пришел к убеждению, что уже выполнил все основные задачи, которые ему нужно было выполнить для Содружества. В своем выступлении на Конференции по общему обслуживанию 1961 года (см. статью «Снова на распутье», с. 324) Билл подчеркнул важность принципа ротации и объяснил, что ему необходимо отстраниться от лидерства и позволить групповому сознанию АА управлять делами Содружества. Заявив о своем намерении отойти в сторону, он, тем не менее, выразил желание продолжать писать для журнала «Грейпвайн»:

«... Еще остается широко открытым один из главных каналов общения – моя писательская деятельность для «Грейпвайна». Это дело я непременно хотел бы продолжить. К примеру, как раз сейчас я работаю над серией статей под заголовком «Применяя эти принципы во всех наших делах». Возможно, позже этот материал можно будет расширить до полноразмерной книги, в которой будет предпринята попытка рассмотреть общие проблемы жизни с точки зрения членов АА. Если выйдет так, что я смогу ее написать, такая книга, возможно, станет непреходящей ценностью.

Есть и еще один фактор, повлиявший на мое решение. Как и у любого другого члена АА, у меня есть прямая обязанность – стать гражданином окружающего мира... Поэтому я уже изучаю определенные сферы деятельности вне Содружества, в которые, может быть, смог бы внести полезный и, возможно, значительный вклад».

В число этих сторонних областей деятельности входили, помимо прочего, возвращение к работе на Уолл-стрит (с некоторыми ограничениями) и интерес к лечению никотиновой кислотой. Полноразмерная книга, которую надеялся написать Билл, так и не была завершена – частично из-за того, что он все больше занимался различными делами вне АА, а

также из-за того, что на протяжении 60-х годов 20 века его заболевание эмфиземой прогрессировало. Статьи, о которых он говорил (с. 251, 254, 259), были представлены в журнале «Грейпвайн» как часть серии публикаций на тему «Применяя эти принципы во всех наших делах». Иных статей для книги подобрано не было; тем не менее, многие из приведенных здесь материалов посвящены непосредственно ее теме.

Раздел 1: Во всех наших делах

Величайший из всех даров *(декабрь 1957 г.)*

Величайший дар, который только может получить человек духовное пробуждение. Без сомнения, каждый успешно выздоровевший алкоголик в Содружестве АА мог бы твердо заявить об этом.

Так в чем же заключается это самое «духовное пробуждение», этот «перерождающий опыт»? Как его получить и что он с нами делает?

Прежде всего, духовное пробуждение – наш способ обретения трезвости. А для нас, членов АА, трезвость – это сама жизнь. Мы знаем, что духовный опыт – ключ к выживанию алкоголика и что для большинства из нас этот ключ – единственный. Мы должны пробудиться, иначе погибнем.

Поэтому мы пробуждаемся и трезвеем. Так что же, трезвость – это все, чего мы должны ожидать от духовного пробуждения? И снова слышен голос Содружества. Нет, трезвость – только самое начало, только первый дар первого пробуждения. Для того чтобы мы получили еще больше даров, наше пробуждение должно продолжаться. Если оно действительно продолжается, мы обнаруживаем, что способны мало-помалу отказаться от прежнего образа жизни – того, который не работал – ради нового, который работает при любых условиях. Независимо от успеха или провала в делах житейских, от боли и радости, от болезни и здравия и даже от самой смерти, мы можем прожить новую жизнь, полную безграничных возможностей, если будем готовы к продолжению нашего пробуждения.

Один новичок вскоре после своего прихода в АА подошел ко мне и сказал: «Я трезв, и это очень похоже на чудо. Я признал, что потерпел поражение, посетил несколько собраний, начал быть честным с самим собой и своим спонсором. И

внезапно меня оставила ужасная одержимость спиртным. Борьба с выпивкой прекратилась; желание пить просто испарилось, и я пока еще не могу понять, почему и как именно это произошло. Здесь, в АА, люди просто чудесные. Они заботятся о тебе и все понимают. Для меня это – совершенно новый мир». Затем мистер Новичок продолжил: «Однако я до сих пор в полном недоумении. Я не понимаю, как эти Божественные дела на практике вписываются в реальную жизнь. Когда другие говорят о «новой жизни вместо старой», я не могу принять все это. Конечно, я трезв, и это – нечто новое. Но теперь, когда я уже бывший алкоголик, почему бы мне не попытаться жить прежней своей жизнью? С ней было все в порядке, пока меня не подкосило спиртное. Я успешно продвигался по карьерной лестнице, стремясь сколотить себе состояние. Дома дела тоже шли не так уж плохо – до тех пор, пока жена не прокричала, что с нее хватит, и не ушла от меня. Все, что мне нужно – это трезвость, и Содружество может и дальше давать мне ее. А я теперь могу заняться своими делами. Уверен, на этот раз я смогу лучше преуспеть в них».

Четыре года спустя я встретил этого же самого «новичка». «Ну, Джо, – спросил я, – тебе уже удалось сколотить себе состояние? Вернулась к тебе жена?»

Джо с полуулыбкой пристально посмотрел на меня и ответил: «Нет, Билл, ничего подобного. Целый год мне было чертовски трудно. Тот факт, что я остался трезвым – еще большее чудо, чем предшествующее обретение мною трезвости. Я думал, что мне необходимо достичь материального процветания и вернуть жену, иначе я буду несчастен. Да я, на деле, и был несчастен. Но мало-помалу у меня открывались глаза, и я начал осознавать, что, возможно, Бог подарил мне земную жизнь не для того, чтобы я имел столько денег, престижа и любовных отношений, сколько смогу осилить. Наконец, я вынужден был взглянуть в лицо тому факту, что мне придется довольствоваться меньшим, гораздо меньшим.

Я понял, что, если не смогу принять это, то, вероятнее всего, снова начну пить.

Итак, я перестал произносить нашу Молитву о спокойствии механически и действительно начал пользоваться ею. Я снова и снова повторял: «Боже, дай мне спокойствие принять то, что я не в силах изменить, мужество изменить то, что могу, и мудрость отличить одно от другого».

По мере того, как я медленно учился принятию, моя боль стихала. Я начал пробуждаться и смотреть вокруг. Я начал понимать, что моя скромная работа – это средство для жизни и служения обществу. Более солидная и хорошая работа больше не могла оставаться моей главной целью. Потом я задумался об АА. Что я сделал для Содружества, которое спасло мне жизнь? Я вынужден был признать, что сделал очень мало. И я начал ходить на собрания с совершенно иным настроем. Я прекратил завидовать материально обеспеченным членам АА и начал внимательно слушать их. Я узнал, что они больше не считали свои деньги символом престижа; теперь это был доверительный фонд, который нужно использовать наилучшим образом. Они также показали мне, что соблазны богатства порой могут быть хуже страданий бедности. Кроме того, я обнаружил, что член АА *не бывает* «невезучим» – если, конечно, это истинный член АА. Если он болен, то может служить прекрасным примером, вдохновляющим и больных, и здоровых. Если карманы его пусты, он часто может быть духовно богатым, старательным работником и слугой нашего сообщества.

Теперь я осознаю, что пробуждение и рост никогда не должны останавливаться и что не нужно бояться сопутствующих росту страданий – при условии, что я полон готовности узнать через них правду о самом себе.

Недавно один давний член АА подал мне пример, который я никогда не забуду. Джек – настоящий ветеран. Фактически именно он положил начало АА в моем городке. Раньше я завидовал ему, потому что он был миллионером.

Мне сказали, что он лежит в местной больнице, смертельно болен, почти при смерти. С одной стороны, мне ужасно не хотелось идти туда, ведь это было так грустно. Но, войдя в его палату, я увидел, что она полна членов АА, и все они – в прекрасном расположении духа. Они были счастливы, потому что Джек был счастлив. Он рассказывал веселые истории о пьянках, время от времени вытирая кровь, которая стекала по его подбородку изо рта, пораженного раком. Он сидел прямо, свесив ноги с босыми ступнями с края кровати. Вошла медсестра и стала уговаривать его прилечь. Сделав ей знак удалиться, он сказал: «Если я лягу пластом на эту кровать, то, может быть, умру прямо сейчас. А это было бы очень плохо, потому что на следующей неделе я хочу поехать на съезд АА нашего штата». Мы видели, что это была не бравада – он действительно говорил то, что думал.

Немного погодя Джек снова заговорил о смерти. Он признался, что прожил чудесную жизнь. Алкоголь принес ему огромные страдания, но в итоге Содружество подарило ему огромную радость. С его «пробуждением» в АА пришло твердое убеждение – на деле, точное знание, – что «в доме моего Отца много дворцов». Все присутствующие видели, что для Джека смерть – лишь новое пробуждение. Он так и не попал на тот съезд АА.

Но Джек знал, и мы тоже знаем, что это неважно, потому что он в полной мере владел «величайшим из всех даров».

В этой статье изложено содержание письма, которое Билл написал одному своему близкому другу, тоже страдающему мучительными депрессиями.

Следующий рубеж: эмоциональная трезвость
(январь 1958 г.)

Думаю, многие ветераны АА, которые подвергли наше «лекарство от пьянства» жесткой, но успешной проверке, все еще обнаруживают, что им зачастую не хватает эмоциональной трезвости. Возможно, они положат начало следующему крупному усовершенствованию в АА – развитию гораздо более подлинной зрелости и равновесия (а значит – смирения) в наших взаимоотношениях с самими собой, с окружающими и с Богом.

Те подростковые устремления, которые имеют многие из нас, к всеобщему признанию, абсолютной безопасности, идеальной любви, вполне уместны в семнадцатилетнем возрасте, но оказываются невозможным путем жизни, когда нам сорок семь или пятьдесят семь.

С момента возникновения АА я терпел грандиозные поражения во всех этих областях, поскольку так и не смог повзрослеть эмоционально и духовно. Боже мой, как болезненно продолжать требовать невозможного и как мучительно, наконец, обнаружить, что мы все это время ставили телегу впереди лошади! А затем приходит высшая мука – мы видим, в каком ужасном заблуждении пребывали, но все равно не можем сойти с карусели эмоций.

Как превратить правильные мысленные убеждения в правильные эмоциональные результаты, а значит, в легкую, счастливую и хорошую жизнь – что ж, это проблема не только невротиков; это проблема самой жизни для всех тех из нас, кто дошел до точки, когда возникает подлинная готовность придерживаться правильных принципов во всех наших делах.

И даже тогда, когда мы изо всех сил стараемся их соблюдать, покой и радость могут все же ускользать от нас. Очень многие из нас, ветеранов АА, дошли до этого момента. А

этот момент ой как непрост. Как же нам привести свое подсознательное – из которого до сих пор проистекают столь многие из наших страхов, компульсивных стремлений и ложных желаний – в соответствие с тем, во что мы действительно верим, что знаем и чего хотим?! Нашей главной задачей становится убедить своего немого, непримиримого, скрытого «Мистера Хайда».

Недавно я поверил, что этого можно достичь. Я так считаю, потому что вижу, как многие из приунывших – таких, как мы с тобой – начинают получать определенные результаты. Прошлой осенью депрессия, для которой не было совершенно никакой разумной причины, едва не довела меня до лечебницы. Я начал бояться, что это выльется в еще один долгий период обострения моей хронической болезни. Учитывая все те страдания, которые мне приносили депрессии, это была невеселая перспектива.

Я постоянно спрашивал себя: «Почему Двенадцать Шагов не могут облегчить депрессию?» И все время ломал голову над Молитвой Святого Франциска... «Лучше утешать, чем быть утешаемым». Хорошо, вот нужная формула. Но почему же она не работает?

Внезапно я осознал, в чем дело. Моим основным недостатком всегда была зависимость – почти абсолютная – от людей и обстоятельств, которые должны были давать мне престиж, безопасность и тому подобные вещи. Мне не удавалось получить их в том количестве, которое соответствовало бы моим перфекционистским мечтам и требованиям, и я боролся за них. Но потерпел поражение, и вместе с ним пришла депрессия.

У меня не было никакого шанса превратить лучезарную любовь Святого Франциска в действенный и радостный способ жизни до тех пор, пока эти фатальные, почти абсолютные зависимости не будут пресечены.

Поскольку с годами я достиг небольшого духовного развития, *абсолютность* этих пугающих зависимостей никогда

ранее не была столь очевидна для меня. Поддерживаемый благодатью, какую смог найти в молитве, я пришел к выводу что должен приложить всю свою волю и способность действовать к тому, чтобы пресечь эти ложные эмоциональные зависимости от людей, от АА и вообще от каких бы то ни было внешних обстоятельств. Только тогда я смог бы обрести свободу любить, как Святой Франциск. Я понимал, что удовлетворение эмоциональных и инстинктивных потребностей – это, на деле, побочный результат обладания любовью, предложения любви и выражения любви, которая соответствует каждой взаимосвязи в жизни.

Было ясно, что я не смогу пользоваться Божьей любовью до тех пор, пока не буду способен возвращать ее Ему, любя других так, как он любил бы меня. А я никак не смогу этого делать, пока нахожусь во власти ложных зависимостей.

Ибо моя зависимость означала требование – требование владения и управления окружающими меня людьми и условиями.

Слова «абсолютная зависимость» могут показаться неким злорадством, однако именно они способствовали моему освобождению, благодаря чему я достиг текущей степени своей устойчивости и спокойствия разума – качества, которые я теперь пытаюсь усилить, предлагая другим любовь независимо от того, чем они отвечают мне.

По-видимому, первостепенная цепь исцеления такова: получающаяся любовь Божьего мироздания и его людей, посредством которой мы добиваемся его любви к нам. Более чем очевидно, что настоящий поток не сможет течь, пока наши парализующие зависимости не будут разрушены, и притом до самого основания. Только тогда мы, возможно, сможем увидеть проблеск истинной взрослой любви.

Говорите, это – духовный расчет? Ничуть. Понаблюдайте за любым членом АА с полугодовым стажем, работающим по Двенадцатому Шагу с новым потенциальным членом. Если

этот человек говорит ему: «Иди ты к черту!» – член АА лишь улыбается и обращается к другому человеку. Он не чувствует себя ни расстроенным, ни отвергнутым. Если следующий человек, с которым он работает, откликается и, в свою очередь, начинает давать любовь и внимание другим алкоголикам, но при этом не вознаграждает ими своего спонсора, то спонсор все равно доволен. Он все равно не чувствует себя отвергнутым; вместо этого он радуется, что его бывший кандидат трезв и счастлив. А если следующий, с кем он работает, позже становится его лучшим другом (или возлюбленным), то спонсор испытывает огромную радость. Однако он прекрасно знает, что его счастье представляет собой побочный продукт – дополнительные плоды, которые приносит безвозмездное дарение.

Что действительно дало ему устойчивость, так это наличие у него любви и предложение ее тому незнакомому пьянице на пороге его дома. То был Святой Франциск за работой – сильный и практичный, без зависимости и требований.

В первые полгода своей трезвости я упорно работал со многими алкоголиками. Ни один из них не откликнулся. Однако эта работа поддерживала мою трезвость. Вопрос был не в том, дадут ли мне что-нибудь эти алкоголики. Моя устойчивость проистекала из попыток давать, а не из требований о получении чего-либо.

Итак, я полагаю, что это может сработать и с эмоциональной трезвостью. Если мы проанализируем все свои тревоги – и большие, и маленькие, – то обнаружим, что они уходят корнями в некую нездоровую зависимость и связанную с ней нездоровую потребность. Давайте же с Божьей помощью постоянно отказываться от этих запросов, затрудняющих наше движение. Тогда мы сможем освободиться, чтобы жить и любить, и, возможно, сможем посредством Двенадцатого Шага вести себя самих и других людей к эмоциональной трезвости.

Разумеется, я не предложил вам никакой истинно новой идеи – только уловку, которая уже начала основательно расшивать некоторые из моих собственных «злых чар». Теперь мой мозг перестал компульсивно метаться между восторгом, претенциозностью и депрессией. Я получил спокойное местечко под яркими лучами солнца.

Сделайте Одиннадцатый Шаг *(июнь 1958 г.)*

Что касается практического применения Одиннадцатого Шага – «Стремились путем молитвы и размышления углубить свой сознательный контакт с Богом, как мы Его понимали, молясь лишь о знании Его воли, которую нам надлежит исполнить, и о даровании силы для этого», – я уверен, что все еще во многом нахожусь на уровне начинающего; у меня наблюдается почти что задержка развития.

Вокруг себя я вижу многих людей, которые гораздо больше меня преуспевают в установлении контакта с Богом. Конечно, я не должен говорить, что за все эти годы не добился совершенно никакого успеха; я просто признаюсь, что не добился того успеха, какого мог бы добиться, с учетом того, какими возможностями я располагал и располагаю до сих пор.

Скоро наступит моя двадцать четвертая годовщина в АА; за все это время я ни разу не выпил. На деле, я едва ли вообще испытывал такое искушение. Этот факт в какой-то мере доказывает, что я, должно быть, сделал Первый Шаг – «Мы признали свое бессилие перед алкоголем, признали, что наша жизнь стала неуправляемой» – и с тех пор следовал ему. Первый Шаг был для меня легким.

Затем мне в самом начале повезло пережить грандиозное духовное пробуждение, благодаря которому ко мне «пришло осознание Божьего присутствия» и «вернулось здравомыслие», по крайней мере, в отношении алкоголя. Поэтому у меня не было трудностей и со Вторым Шагом АА – в моем случае его содержание было подарено раз и навсегда. Четвертый и Пятый Шаги, в которых речь идет о самоанализе и признании своих недостатков, также были не слишком трудны.

Разумеется, мой самоанализ частенько был несовершенным. Иногда я не признавался в своих изъянах тем, кому нужно было; иногда я признавал их недостатки вместо своих

собственных; а иногда мое признание дефектов своего характера скорее походило на громкие жалобы на обстоятельства и проблемы своей жизни.

Как бы то ни было мне, полагаю, обычно удавалось проделать весьма тщательную и основательную работу по распознанию и признанию своих личностных недостатков. Насколько мне известно, на данный момент у меня нет ни одного изъяна или насущной проблемы, которых я не обсуждал бы с близкими мне людьми-советчиками. Однако такое удачное положение дел – не повод для того, чтобы восхищаться собой. Когда-то давно мне посчастливилось понять, что я должен непрерывно продолжать самоанализ, иначе совершенно потеряю контроль над собой. Невзирая на то, что это непрерывное саморазоблачение перед самим собой и другими было вызвано явной необходимостью, оно было горькой пилюлей. Но годы повторений значительно облегчили этот труд. Девятый Шаг – возмещение нанесенного ущерба – был во многом сходен с ним.

Двенадцатый Шаг – донесение идей АА до других людей для меня стал почти сплошной огромной радостью. Мы, алкоголики, народ деятельный, и я – не исключение. А в Содружестве действие окупается так, что неудивительно, что Двенадцатый Шаг – самый популярный и самый легкий для большинства из нас.

Эта небольшая зарисовка моего собственного «паломничества» призвана проиллюстрировать, где мне, а, возможно, и множеству других членов АА, все еще недостает чего-то чрезвычайно важного. Из-за недостатка дисциплинированного внимания, а иногда из-за нехватки правильной веры многие из нас год за годом остаются в довольно легком духовном детском саду, только что описанном мной. Однако у нас почти неизбежно появляется чувство неудовлетворения, и нам приходится признать, что мы застряли в неудобной и, возможно, очень болезненной точке.

Работа по Двенадцатому Шагу, выступления на собраниях, истории из времен пьянства, признание наших недостатков и рассказы о проделанной с ними работе – все это больше не делает нашу жизнь свободной и полноценной. Зачастую отсутствие у нас роста обнаруживается в момент неожиданного бедствия или сильного эмоционального потрясения. А может, мы срываем финансовый джек-пот и удивляемся тому, что это практически ничего не решает: мы все так же скучаем и несчастны.

Так как обычно мы в таких ситуациях не напиваемся, друзья с горящими глазами говорят нам, что мы прекрасно справляемся.

Но в душе мы знаем, что это не так. Мы знаем, что достигнутого нами прогресса недостаточно. Мы все еще не можем справляться с жизнью, как она есть. Должно быть, в нашей духовной работе и развитии есть какой-то серьезный изъян.

Так в чем же он?

Более чем вероятно, что мы свяжем свою проблему с непониманием либо невыполнением нами Одиннадцатого Шага, в котором речь идет о молитве, размышлении и Божьем руководстве. Другие Шаги помогают большинству из нас оставаться трезвыми и хоть как-то функционировать. А Одиннадцатый Шаг, если мы изо всех сил стараемся и постоянно работаем над ним, способствует нашему дальнейшему росту. Если мы будем уделять Одиннадцатому Шагу хотя бы пять процентов того времени, которое по привычке (и это правильно) щедро тратим на Двенадцатый, это может принести замечательно богатые плоды. Таков практически одинаковый опыт тех, кто постоянно практикует Одиннадцатый Шаг.

В этой статье мне хотелось бы еще более развить тему Одиннадцатого Шага – ради скептика, того невезучего человека, который не может поверить, что этот Шаг вообще имеет какую-либо ценность.

Полагаю, для многих людей первым большим препятс-

нием оказывается фраза «Бог, как мы Его понимаем». Скептик склонен говорить: «По-видимому, никто не способен понять, что такое Бог. Я наполовину верю, что есть какая-то Первопричина – нечто, а может, Некто. Но пойти дальше я не могу. Думаю, люди обманывают сами себя, когда утверждают, что могут. Даже если этот Некто и есть, то с какой стати ему беспокоиться обо мне, таком маленьком, когда у него, направляющего всей Вселенной, и так полно дел? А что до тех ребят, которые заявляют, что Бог говорит им, где искать нефть и когда чистить зубы, – они просто утомляют меня».

Этот наш друг, очевидно, верит в существование некоего Бога – «Бога, как он Его понимает». Но он не верит в возможность более глубокого представления о Боге или более глубоких чувств по отношению к Нему. Поэтому он рассматривает углубленное размышление, молитву и поиск Божественного руководства всего лишь как средства самообольщения. Так что же наш испытывающий затруднения друг может с этим поделать?

Он может в порядке эксперимента попробовать усиленно заняться углубленным размышлением, молитвой и поиском Божественного руководства. Он может обращаться к какому угодно Богу, который, по его мнению, существует. Или же, если он думает, что Бога нет, то может в экспериментальных целях признать, что, возможно, заблуждается. Это крайне важно. Как только он будет способен занять такую позицию, это будет означать, что он перестал играть роль Бога сам и что его разум раскрылся навстречу новому. Подобно любому хорошему ученому, трудящемуся в своей лаборатории, наш друг может принять определенную теорию и молиться некой «высшей силе», которая, *возможно*, существует и, *возможно*, готова помогать ему и вести его. Он продолжает экспериментировать – в данном случае, молиться – на протяжении долгого времени. И опять-таки старается поступать как ученый, как экспериментатор, который не должен сдаваться, пока есть хоть малейший шанс на успех.

По мере продолжения молитва приносит ему все больше результатов. Если он проявит настойчивость, то почти наверняка обретет большее спокойствие и большую терпимость, а его страх и гнев уменьшатся. Он приобретет своего рода спокойное мужество, которое не будет вызывать в нем напряжения. Он сможет разглядеть, что на самом деле представляют из себя так называемые «поражение» и «успех». Он начнет воспринимать проблемы и бедствия как обучение, а не разрушение. Он почувствует себя более свободным и здравомыслящим. Мысль о том, что он, возможно, гипнотизирует себя путем самовнушения, станет ему смешна. Усилится его чувство цели и направления. Напряжение и беспокойство начнут ослабевать. Вполне вероятно, что улучшится и его физическое здоровье. С ним начнут происходить чудесные необъяснимые вещи. Непостижимым образом наладятся испорченные отношения в его семье и вне ее.

Даже если произойдет лишь немногое из этого, он все равно обнаружит, что владеет великими дарами. Столкнувшись с трудной ситуацией, он способен смело встретить ее и принять. Теперь он может принять самого себя и окружающий мир. Он может это сделать, потому что теперь принимает некоего Бога, который есть Все Сущее – и который любит всех. Теперь, произнося слова: «Отче наш, сущий на небесах, да святится имя Твое», наш друг глубоко и смиренно вкладывает в них именно этот смысл. Пребывая в состоянии глубокой медитации, благодаря которой он освобождается от мирской суеты, он знает, что находится в руках Божьих и что его судьба в полной безопасности – и в этой жизни, и в иной.

Один великий богослов как-то заметил: «Молитву критикуют, главным образом, те, кто никогда не пытался практиковать ее в достаточной мере». Это – хороший совет, который я стараюсь еще серьезнее принимать на свой счет. Многие из нас уже долгое время стремятся улучшить свой сознательный контакт с Богом, и я надеюсь, что вскоре гораздо большее число членов АА присоединится к этой мудрой компании.

Я только что закончил перечитывать главу из нашей книги «Двенадцать Шагов и Двенадцать Традиций», посвященную Одиннадцатому Шагу. Она была написана почти пять лет назад. И я был изумлен, когда осознал, как мало времени, на деле, уделял собственным простым советам по размышлению, молитве и поиску Божественного руководства – практикам, которые я так горячо рекомендовал всем остальным!

Вероятно, я далеко неединственный, кто уделял этому недостаточно внимания. Но я знаю: такая нерадивость может привести к тому, что мы упустим самый прекрасный опыт в своей жизни, а также серьезно замедлить тот рост, которого мы, как надеется Бог, можем достигнуть здесь, на земле – в этот великий день в школе, самом первом из множества дворцов нашего Отца.

Язык сердца (июль 1960 г.*)

** Из книги «АА сегодня» журнала «Грейпвайн», изданной по случаю двадцать пятой годовщины АА*

Моя мастерская находится на холме за нашим домом. Окидывая долину взглядом, я вижу здание сельской общины, где собирается наша местная группа. А за пределами моего горизонта лежит целый мир АА: восемь тысяч групп, четверть миллиона человек. Так как же Содружеству удалось стать таким, как сейчас, за двадцать пять лет? И к чему мы движемся теперь?

Я часто ощущаю глубокое значение феномена Анонимных Алкоголиков, но никак не могу познать всю его глубину. К примеру, почему Бог решил ниспослать столь многим из нас свою целительную благодать именно в этот конкретный момент истории человечества? Кто может сказать, что на самом деле представляет собой это взаимодействие, такое загадочное и в то же время практичное? Мы можем лишь частично осознать, что получили и что полученное значит для каждого из нас.

Мне пришло в голову, что каждый аспект такого глобального развития событий можно связать с одним ключевым словом. И это слово – *общение*. Происходит спасительное общение между нами самими, с окружающим миром и с Богом.

С самого начала общение в АА не было просто обычной передачей полезных идей и взглядов. Оно было необычным, подчас уникальным явлением. Благодаря нашему родству в страдании, а также тому факту, что наши общие средства избавления эффективны для нас только тогда, когда мы постоянно несем их другим, наши контактные каналы всегда заряжались *языком сердца*. Что же это такое? Попробую частично рассказать вам, что это значит для меня.

Мне сразу же вспоминается мой собственный доктор Вильям Дункан Силкуорт и то, как он помогал мне в последние сокрушительные годы моего алкоголизма, используя язык

сердца. Он владел волшебством любви, с помощью которой и совершил чудо: донес до затуманенного сознания алкоголика мысль о том, что есть человек, который его понимает и проявляет о нем безграничную заботу. Он охотно делал для них все возможное, а в случае необходимости (которая возникала часто) – сопровождал до самого конца. К тому времени он уже пытался помочь более чем двадцати тысячам алкоголикам, и почти все попытки оказались безуспешными. Лишь изредка этот унылый труд, не приносящий плодов, возвещало подлинное выздоровление. Люди удивлялись, как он может продолжать и при этом все еще верить, что хроническим алкоголикам можно помочь. Однако доктор действительно непоколебимо верил в это и постоянно говорил: «Когда-нибудь мы найдем решение».

Он излагал некоторые собственные идеи касательно болезни алкоголиков. Он считал, что у них наблюдается *одержимость* спиртным – настоящее разрушительное помешательство. Подмечая, что их организм больше не может переносить алкоголь, он говорил об этом как об *аллергии*. Одержимость заставляет их пить, а аллергия дает гарантию, что, если они будут продолжать, то сойдут с ума или умрут. Вот извечная дилемма алкоголика, описанная современными терминами. Доктор знал, что единственный выход – полное воздержание. Но как его добиться? Если бы он только мог лучше понимать алкоголиков и в большей степени отождествлять себя с ними, то его просветительская информация, возможно, проникла бы в те странные закоулки их мозга, где укоренилась слепая тяга к спиртному.

Так этот маленький доктор, любивший алкоголиков, и продолжал работать, не переставая надеяться, что следующий же пациент, возможно, каким-то образом прольет свет на решение проблемы. Когда я пришел к нему, его более поздние идеи и тактика уже начали приносить немного больше результата. Поэтому он воспрянул духом и взялся за мой случай с

энтузиазмом и надеждой молодого доктора, лечащего своего первого тяжелобольного. Он рассказал мне, как коварен алкоголизм и чем вызвана эта болезнь. Он ничего не обещал и даже не пытался скрыть плачевную статистику выздоровления. И тогда я впервые увидел и ощутил всю серьезность своей проблемы. Кроме того, я впервые узнал, что болен – эмоционально и физически. Сейчас любому члену АА известно, что знание этого способно принести огромное облегчение. Мне больше не нужно было считать себя, по сути, глупцом или тряпкой.

Это новое видение ситуации вкупе с рассказом маленького доктора о нескольких примерах успешного выздоровления из его практики всколыхнули во мне надежду. Но больше всего моя уверенность опиралась на понимание, интерес и заботу, которые он так щедро мне дарил. Я больше не был один на один со своей проблемой. Вдвоем мы с ним могли с ней справиться. Невзирая на несколько приводящих в уныние срывов, я довольно долго искренне в это верил, как и мой доктор.

Однако, наконец, настал момент, когда он понял: я не стану одним из его исключительных случаев, и ему придется сопровождать меня и мою жену Лоис на том самом последнем пути. И тогда он, что для него характерно, нашел в себе мужество мягко, но откровенно поведать нам всю правду: моего пьянства не остановить ни моими силами, ни его, ни какими-либо другими из известных ему; в течение, может быть, года либо меня закроют в больнице, либо я погибну, либо у меня обнаружится повреждение мозга.

Такой вердикт я не принял бы ни от кого другого. Доктор же говорил со мной на языке сердца, и я смог воспринять изложенную им правду. Но эта правда была ужасной и безнадежной. Он говорил от имени науки, которую я глубоко уважал, и казалось, что сама наука вынесла этот приговор. Кто еще мог бы внедрить в мое сознание этот совершенно необходимый принцип, от которого зависит любое выздоровление? Очень сомневаюсь, что кто-либо иной смог бы это сделать.

Сегодня каждый член АА внушает новому потенциальному члену, с которым работает, именно ту мысль, которую доктор Силкуорт так прочно вселил в меня. Мы знаем, что новичок должен достичь самого дна; в противном случае ничего особенного не произойдет. Будучи «понимающими алкоголиками», мы можем использовать идею «одержимость плюс аллергия», как кувалду – мощный инструмент, способный разрушить эго новичка до самого основания. Только так можно убедить его в том, что без помощи со стороны у него мало или совсем нет шансов.

В ноябре 1934 года я пребывал в точности в таком же состоянии внутреннего краха, когда мне нанес визит Эбби. Он был моим старым другом, алкоголиком и будущим моим спонсором. Почему же ему удалось наладить со мной взаимодействие в таких сферах, которые не мог затронуть даже доктор Силкуорт?

Ну, во-первых, я уже знал, что случай Эбби столь же безнадежен, как и мой. В тот год, несколько раньше, я слышал, что он – тоже кандидат на попадание в закрытое учреждение. Как бы то ни было, теперь он стоял передо мной, трезвый и свободный. И теперь его способность передавать свои мысли была столь велика, что ему за считанные минуты удалось убедить меня, что он действительно ощущает себя освобожденным от навязчивой тяги к спиртному. Эбби ничуть не был похож на человека, который воздерживается от употребления алкоголя просто потому, что напуган. И он дал мне такое ощущение и такое свидетельство возможности выздоровления, каких не мог дать даже доктор Силкуорт. *Один алкоголик говорил с другим*. Так у меня на самом деле появилась надежда.

Эбби рассказал мне свою историю, подробно описывая случаи из последних лет своего пьянства. Тем самым он еще больше приблизил меня к себе. У меня не осталось сомнений в том, что раньше он жил в том же странном и безнадежном

мире, где я до сих пор оставался. Этот факт позволял ему *отождествлять* себя со мной. Наш канал общения, наконец, широко распахнулся, и я был готов воспринять его идеи.

В чем же они заключались? Это знают все члены АА: чес тность с самим собой, ведущая к бесстрашному анали дефектов своего характера с точки зрения морали; раскры тие этих недостатков перед другим человеком – первые ро кие, нерешительные шаги прочь от чувства изоляции и вин готовность встретиться с теми, кому мы нанесли ущерб, сделать все возможное для его возмещения. Предписывало провести тщательную генеральную уборку, и тогда мы буде готовы посвятить себя служению другим, используя поним ние и язык сердца и не ища никакой выгоды или наград Помимо этого Эбби говорил еще и о важнейшем принци доверия к Богу, или некой высшей силе.

На самом деле, идеи Эбби были для меня не новы. Все э я слышал и раньше. Но теперь они, поступающие через е мощную линию передачи, ничуть не были похожи на то, что иных обстоятельствах я воспринял бы как стандартные пов денческие клише для доброго христианина. Они предста передо мной как живые истины, *которые, возможно, смогу освободить меня так же, как освободили его*. Ему удало проникнуть в самые глубины моей души.

Однако в одном вопросе я все еще упирался. Я не мог ус ремить свои помыслы к Богу, потому что не верил, что О вообще *есть*. Остальные свои идеи Эбби внушил мне моме тально – но только не эту. Я не мог разделить его веру, хот и вынужден был признать, что она дает совершенно очеви ный результат.

Итак, я оказался в тупике, в который после меня попада тысячи членов АА.

В моем случае это был точно такой же глубоко засевши барьер, какой мы сегодня так часто видим в новичках, назы вающих себя атеистами или агностиками. Их желание н

верить столь сильно, что они, по-видимому, скорее предпочтут встретиться с сотрудником похоронного бюро, чем заняться непредубежденными поисками Бога опытным путем. К счастью для меня – а также для большинства мне подобных, с тех пор пришедших в АА, – те созидательные силы, которыми пользуется наше Содружество, почти всегда преодолевают это колоссальное сопротивление. Совершенно побежденные алкоголем, мы, столкнувшись с живым доказательством освобождения и окруженные людьми, способными говорить с нами по душам, в конце концов, капитулировали. И тогда, как ни парадоксально, очутились в новом измерении, настоящем мире духа и веры. Достаточно готовности, достаточно восприимчивости – и вот оно!

Когда, наконец, настало мое время для восприимчивости и капитуляции, этот самый новый мир духа обрушился на меня во вспышке непреодолимой убедительности и силы. В результате – свобода от одержимости, вера в Бога и осознание Его присутствия, которые с тех пор всегда оставались со мной, невзирая на все последующие превратности судьбы. Дар веры вселился в меня в одно мгновение. Моя гордыня заплатила за это очень дорогую цену. Преисполненный отчаяния, я воскликнул: «Теперь я готов сделать что угодно. Если Бог есть, пусть он покажет себя!» Так и произошло. Это был мой первый сознательный контакт, мое первое пробуждение. Я попросил от всей души и получил ответ.

В этом просветлении ко мне пришел образ возможной цепной реакции – работы одного алкоголика с другим. Я был убежден, что могу дать собратьям по несчастью то же, что дал мне Эбби, и на протяжении последующих месяцев пытался донести эти идеи до других людей. Однако никто из них не обретал трезвости, и я получил из этого опыта замечательный урок: с болью уяснил, *как не следует общаться*. Сколь бы правдивы ни были мои слова, глубокого общения быть не могло, если сказанное и сделанное мной окрашивалось

гордыней, заносчивостью, нетерпимостью, обидой, неблагоразумием или жаждой личного признания – несмотря на то, что сам я обычно не осознавал, что проявляю их.

Сам того не ведая, я весьма серьезно впадал в эти грехи. Мой духовный опыт был столь внезапным, ярким и мощным, что я почувствовал уверенность в том, что мне суждено наставить на путь истинный чуть ли не всех пьяниц в мире. Это была гордыня. Я постоянно заводил волынку о своем таинственном пробуждении, что неизменно отталкивало мою клиентуру. Это было неблагоразумие. Я начал настаивать на том, что каждый алкоголик должен испытать точно такой же «ослепительный духовный подъем», как и я. Я игнорировал тот факт, что Бог приходит к людям многими путями. По сути, я начал говорить своим подопечным: «Вы должны быть такими же, как я, верить, как я, и делать то же, что и я». Такой неосознанной заносчивости не перенесет ни один алкоголик! Я начинал яркими красками расписывать грехи своих кандидатов (главным образом, конечно же, грехи, которых у меня самого, как мне казалось, не было), они обижались, и я тоже обижался. А когда они напивались, я просто выходил из себя. Это опять-таки была уязвленная гордость.

Мои новые друзья из Оксфордской группы (религиозной группы, в которой Эбби достиг своего первого, но не последнего, выздоровления) возражали против идеи о том, что алкоголизм – болезнь. Поэтому я перестал говорить об аллергии вкупе с одержимостью. Я жаждал одобрения новых друзей, но, стараясь быть смиренным и полезным, не был ни тем, ни другим. Как и большинство из нас, я медленно усваивал: когда эго становится поперек дороги, оно блокирует общение.

Мне нужна была еще одна большая доза лекарства для уменьшения эго, и я ее получил. До меня дошло, что за полгода я совершенно ничего не добился. И тогда доктор Силкуорт дал мне блестящий совет: «Перестань читать проповеди и

разглагольствовать о своем непонятном духовном опыте. Расскажи собственную историю. А потом донеси до этих алкоголиков, как безнадежна их болезнь с точки зрения медицины. Сначала тебе нужно достаточно смягчить их. И уж тогда они, может быть, поверят тому, что ты на самом деле хочешь им сказать. Ты ставишь телегу впереди лошади».

Моя встреча с Доктором Бобом в Акроне стала моим первым успешным контактом с другим алкоголиком. Я в точности последовал совету доктора Силкуорта. Доктор Боб не нуждался в духовных наставлениях. Он уже получил их даже больше, чем я. Но ему нужны были серьезное уменьшение его и понимание, которое может дать алкоголику только другой алкоголик. Мне же были необходимы смирение до самоизбвения и чувство родства с другим человеком, подобным мне. И я благодарю Бога за то, что Он дал все это.

Одним из первых наших с Доктором Бобом неожиданных озарений было то, что любое подлинное общение должно быть основано на взаимной нужде. Мы осознали, что не должны говорить свысока ни с кем, а тем более – со своими собратьями по несчастью. Мы поняли, что каждому наставнику следует смиренно признавать собственные потребности столь же четко, как и потребности своего подопечного. Так был заложен фундамент Двенадцатого Шага АА, в котором мы несем идеи Содружества другим.

Следующим нашим большим событием в плане общения была книга «Анонимные Алкоголики». За четыре напряженных года наша деятельность привела к появлению трех маленьких групп и выздоровлению менее чем сотни человек. Мы знали, что способны общаться с людьми с глазу на глаз. Но дело продвигалось очень медленно. В процессе подготовки книги все мы задавались вопросом: «Сможет ли записанное слово передавать наши идеи?» Сможет ли книга говорить на языке сердца с читающим ее алкоголиком? Мы этого не знали; мы просто надеялись. Но теперь мы знаем ответ.

Книга «Анонимные Алкоголики» вышла в свет в 1939 году. К тому времени в АА выздоровело сто алкоголиков. В то же время в одной лишь Америке было пять миллионов алкоголиков с семьями, которые даже и не слышали об Анонимных Алкоголиках. В других частях света насчитывалось, возможно, еще двадцать миллионов страдальцев. Как нам было донести благую весть хотя бы до некоторой доли всех этих людей? Теперь существовала книга об АА, но за пределами Содружества почти никто об этом не знал.

Стало очевидно, что нам будет необходима помощь прессы и радио и потребуются всевозможные средства связи. Но проявят ли СМИ подлинную заинтересованность? Дружелюбно ли они отнесутся к нам? Смогут ли показать алкоголику, а также его семье и друзьям истинный образ АА?

Ответом на эти вопросы стало «да». Осенью 1939 года Элрик Дэвис, прекрасный репортер, написал в кливлендской газете «Плэйн Дилер» серию статей о нас. Эти публикации содержали поистине чудесное видение того, что на самом деле представляет собой Содружество АА и что оно может сделать. В считанные дни *несколько сотен* алкоголиков с семьями буквально завалили маленькую кливлендскую группу АА просьбами о помощи. В следующем году Джек Александер написал для «Сэтедэй Ивнинг Пост» свой знаменитый очерк об Анонимных Алкоголиках, который был опубликован в 1941 году. Так мы впервые увидели, что может значить общение на языке сердца в масштабах целой нации.

Эта статья оказала огромное влияние на американских алкоголиков, их семьи и широкую публику. За ней немедленно последовал поток обращений за информацией и просьб о помощи – не сотни их, а тысячи. Мы были ошеломлены. Стало очевидно, что наши идеи можно распространять по всей стране – если мы будем делать свою часть работы.

Когда наше Содружество вступило в период быстрого роста, постепенно стали обретать форму Традиции АА.

Как Двенадцать Шагов передают наши принципы выздоровления, так Двенадцать Традиций передают наши принципы единства. Традиции демонстрируют, как члену АА лучше всего строить отношения со своей группой, группе с другими группами, а Содружеству в целом – с окружающим миром. Они показывают, что означает членство в АА; отражают опыт Содружества в отношении власти и денег; защищают от опасных связей, профессионализации и нашей вполне естественной жажды публичного признания наших личных заслуг. Двенадцать Традиций медленно развивались в эпоху, когда широкая известность приводила к появлению все новых групп, растущих как грибы после дождя. В те дни среди нас безудержно властвовал эгоизм, и именно Традиции, в конце концов, привнесли порядок, согласованность и функциональную эффективность в ту шумную анархию, которая на протяжении некоторого времени угрожала нам крахом.

Двенадцать Традиций – это не правила, не предписания и не законы. Их не соблюдение не ведет ни к каким санкциям или наказаниям. Возможно, эти принципы не имели бы успеха ни в одной другой сфере общества. Однако в нашем Содружестве алкоголиков Традиции, не имеющие законной силы, несут в себе силу большую, чем сила закона. За все прошедшие годы мы редко сталкивались с серьезным отступлением от них. Пример тех очень не многих людей, которые упорно игнорировали Традиции, не заставил других последовать за ними. Мы соблюдаем Традиции добровольно, потому что нам необходимо выживание АА. Мы их соблюдаем, потому что нам следует так поступать и потому что мы этого хотим. Может быть, секрет их силы в том, что эта живительная информация проистекает из жизненного опыта и уходит корнями в жертвенную любовь.

С самых ранних дней существования АА мы постепенно убеждались: недостаточно одного лишь сходства, существующего между людьми, которые серьезно страдают

алкоголизмом. Мы поняли, что для преодоления определенных барьеров нужно расширять и углублять наши каналы общения. К примеру, практически все первые члены АА принадлежали к числу тех, кого мы сегодня называем людьми «на последнем вздохе» или «с низким дном». Поэтому, когда к нам начали приходить люди со слабой формой алкоголизма или «с высоким дном», они часто говорили: «Но мы же никогда не попадали в тюрьму, не лежали в психиатрических клиниках и не делали таких ужасных вещей, о которых вы, ребята, рассказываете! Может быть, АА не для таких, как мы».

Многие годы мы, ветераны, просто не умели общаться с такими людьми. Позже, благодаря богатому опыту в этом отношении, у нас развился новый подход. В разговоре с каждым новым человеком «с высоким дном» мы начали подчеркивать медицинскую точку зрения, согласно которой алкоголизм – смертельная *прогрессирующая* болезнь. Мы стали сосредоточиваться на более ранних периодах истории своего пьянства. Мы вспоминали, как, выпивая несколько рюмок, были уверены в том, что «в следующий раз сможем себя контролировать». Или о том, как наше пьянство приводило к неприятным обстоятельствам и отрицательно влияло на поведение других людей.

Затем мы знакомили новичка с эпизодами из своей жизни, доказывающими, как коварно и непреодолимо развитие нашей болезни. Мы показывали ему, как за многие годы до того, как осознать это, на деле, опускались гораздо ниже рубежа возврата в том, что касается наших собственных ресурсов силы и воли. При этом мы постоянно указывали на то, насколько правы врачи в своих оценках этой болезни.

Медленно, но верно такая стратегия начала приносить свои плоды. Люди «с низким дном» начали тесно общаться с людьми «с высоким дном». А последние начали беседовать друг с другом. Как только сообщество АА в каком-либо

районе принимало в свои ряды хотя бы немного пьяниц «с высоким дном», наш прогресс в отношении этого класса страдальцев очень ускорялся и облегчался. Вероятно, около половины сегодняшних членов АА избежали тех последних пяти, десяти или даже пятнадцати лет полного ада, которые слишком хорошо познали мы, алкоголики «с низким дном».

В самом начале прошло целых четыре года, прежде чем Содружество принесло устойчивую трезвость хотя бы одной женщине-алкоголичке. Как и пьяницы «с высоким дном», женщины тоже говорили, что отличаются от нас. Но по мере углубления общения – главным образом, усилиями самих женщин, – картина менялась. Сегодня наших сестер по АА тысячи.

Бродяга говорил, что он не такой, как мы. То же самое, только еще громче, заявлял и человек, занимающий видное положение в обществе (или пропойца с Парк Авеню). Это же говорили представители различных профессий и ремесел. А также богатые, бедные, религиозные, агностики, индейцы, эскимосы, фронтовики, заключенные. Но так было много лет назад. Теперь все они утверждают: в экстренной ситуации мы, алкоголики, очень похожи.

К 1950 году без ответа оставался один большой вопрос: сможем ли мы наладить контакт с другими странами? Сможет ли Содружество АА преодолеть расовые, языковые, религиозные, культурные и военные барьеры? Что насчет норвежцев, шведов, датчан и финнов? А что с голландцами, немцами, французами, англичанами, шотландцами и израильтянами? А африканцы, буры, австралийцы, латиноамериканцы, японцы, индусы и мусульмане?

В тот год мы с Лоис много размышляли над этим, направляясь в Европу и Англию, чтобы лично это выяснить. Но, как только мы прибыли в Норвегию, *мы сразу поняли, что АА может проникнуть куда угодно и будет это делать*. Мы не знали по-норвежски ни слова. Пейзажи и обычаи этой страны

были для нас непривычными и странными. Однако с первого момента общение было просто изумительным. Нас переполняло невероятное ощущение общности, и мы чувствовали себя совершенно как дома. Норвежцы были для нас своими людьми. Норвегия тоже была нашей страной. И они чувствовали то же самое по отношению к нам. Это было написано на их лицах.

Путешествуя далее из страны в страну, мы снова и снова переживали такое же восхитительное чувство родства. В Англии мы встретились с самой чудесной любовью и пониманием. В Ирландии мы ощущали свое единодушие с ирландцами. И повсюду, повсюду было точно так же. Это было что-то намного большее, чем радушие одних людей по отношению к другим. И не просто интересное сравнение опыта и устремлений друг друга. Нет, это было нечто гораздо более значительное – общение от сердца к сердцу, полное восхищения, радости и бесконечной благодарности. Теперь мы с Лоис знали, что АА может обогнуть весь шар земной – и так и случилось.

Бог, как мы его понимаем: дилемма безверия
(апрель 1961 г.)

Фраза «Бог, как мы Его понимаем» – возможно, самое важное словосочетание во всем словаре нашего Содружества. Эти пять многозначительных слов охватывают все возможные виды и степени веры, а также подтверждают, что каждый из нас может выбрать свою собственную. Не менее ценны для нас и дополняющие эту фразу выражения – «Высшая Сила» и «Сила, более могущественная, чем мы сами». Для всех тех, кто отрицает существование некой божественной силы или серьезно сомневается в нем, эти слова создают открытую дверь, через порог которой неверующий может сделать свой первый легкий шаг в доселе неизвестную ему реальность – царство веры.

В АА подобные прорывы – явления повседневные. Они тем более примечательны, если поразмыслить о том, что едва ли не половине нынешних членов Содружества, насчитывающего уже триста тысяч человек, действующая вера раньше казалась чем-то абсолютно невозможным. Ко всем этим скептикам пришло великое открытие: как только они смогли препоручить свою главную зависимость некой «высшей силе», пусть даже собственной группе, – то сразу же завернули за тот самый поворот с плохой обзорностью, который всегда мешал им увидеть открытую для них большую дорогу. И с этого момента – при условии, что они со спокойным и восприимчивым разумом изо всех сил старались применять на практике и всю остальную программу АА, – в их жизни неизменно появлялась, порой самым неожиданным и зачастую чудесным образом, все углубляющаяся и расширяющаяся вера, этот истинный дар.

Мы очень сожалеем, что эти факты из жизни АА непонятны огромному множеству алкоголиков в окружающем нас мире. Многих из них сбивает с толку ужасающая уве-

ренность в том, что стоит им только приблизиться к АА, как на них тут же начнут давить, принуждая присоединиться к какому-то особому направлению веры или теологии. Они не осознают, что вера отнюдь не обязательна для членства в АА, что трезвости можно достичь с помощью минимума веры, который легко принять, и что наши представления о некой высшей силе и Боге, как мы его понимаем, дают каждому почти неограниченную свободу выбора в плане духовных убеждений и действий.

Как передать другим эту благую весть – вот одна из наших наиболее сложных проблем в общении, для которой не может быть быстрого радикального решения. Возможно, наши службы по информированию общественности могли бы начать более активно акцентировать внимание на этом исключительно важном аспекте жизни АА. А мы, рядовые члены Содружества, вполне могли бы вырабатывать в себе более сочувственное понимание того чрезвычайно трудного положения, в котором находятся эти по-настоящему одинокие отчаявшиеся страдальцы. В деле помощи им мы можем применять наилучший из возможных подходов и самые изобретательные действия, которые только можем предпринять.

Кроме того, мы можем посмотреть свежим взглядом на проблему «безверия», которая присутствует прямо на пороге Содружества. Несмотря на то, что за последние двадцать пять лет триста тысяч человек все-таки выздоровели, возможно, где-то еще полмиллиона приходили к нам, но потом ушли. Несомненно, некоторые были слишком больны для того, чтобы хотя бы начать. Другие не могли или не хотели признать себя алкоголиками. Третьи не смогли взглянуть в лицо своим скрытым личностным недостаткам. Многие уходили по каким-то иным причинам.

Тем не менее, мы не можем удовольствоваться мыслями о том, что все эти неудачные попытки выздоровления – целиком вина самих новичков. Может быть, очень многие из них

просто не получили наставничества в том виде и объеме, которые им были так остро необходимы. Мы не поддерживали с ними связь, когда могли бы это делать. Так что это мы, члены АА, потерпели с ними неудачу. Возможно, даже чаще, чем нам кажется, мы по-прежнему не налаживаем глубокого контакта с теми, кто страдает от дилеммы безверия.

Вне всякого сомнения, никто не обладает большей чувствительностью к самоуверенности, гордыне и напористости в вопросах духовности, чем они. Я уверен, что мы слишком часто забываем об этом. В первые годы существования АА я чуть было не загубил все дело из-за такого неосознанного высокомерия. Я считал, что Бог, как *я* его понимаю, *должен* существовать для всех. Порой моя напористость была едва заметной, а порой – грубой. Однако она в любом случае причиняла вред – возможно, смертельный – многим неверующим. Разумеется, это явление не ограничивается работой по Двенадцатому Шагу. Оно очень даже склонно проникать в наши отношения со всеми людьми вообще. Даже сейчас я ловлю себя на том, что распеваю все тот же старый припев, возводящий барьеры: «Делай, как *я*, верь, как *я*, а не то...»

Вот недавний пример того, какой ценой обходится гордыня в духовных вопросах. Одного потенциального члена с весьма материалистическим складом ума привели на его первое собрание АА. Первый из выступавших говорил главным образом о своем пьянстве. Было похоже, что новичка это впечатлило. Однако оба следующих оратора (а может, лектора) говорили на тему «Бог, как *я* его понимаю». Это тоже могло бы сработать, но определенно не сработало. Проблема заключалась в их подходе – в том, как они преподносили свой опыт. Они прямо-таки источали высокомерие. Последний из выступавших слишком уж увлекся, разглагольствуя о своих личных религиозных убеждениях. Оба они с безукоризненной точностью повторяли мои ошибки прошлых лет. Во всем, что они говорили, сквозила одна и

та же идея, пусть и не выраженная словами: «Друзья, *слушайте нас*. Именно *мы* представляем вам единственное истинное направление в АА, и лучше бы вам принять его!»

Новичок сказал, что с него хватит – и он действительно выслушал достаточно. Его наставник возразил и попытался объяснить, что это – не настоящее АА. Но было слишком поздно – после этого никто уже не смог достучаться до того новичка. Кроме того, у него появилось первоклассное оправдание для очередного запоя. Последнее, что о нем слышали, было то, что он, похоже, преждевременно станет клиентом похоронного бюро.

К счастью, столь грубая напористость во имя духовности сегодня встречается нечасто. И даже из такого редкого печального эпизода можно извлечь пользу. Мы можем спросить себя: возможно, мы более подвержены приступам духовной гордыни, чем нам казалось – пусть и в менее явной, но все же разрушительной форме. Я уверен, что, если постоянно работать над этим, никакой другой вид самоанализа не был бы более полезным. Не было бы более надежного средства для расширения наших контактов друг с другом и с Богом.

Много лет назад один так называемый неверующий заставил меня очень четко это осознать. Он был доктором медицины и притом превосходным специалистом. Я познакомился с ним и его женой Мэри в доме некоего друга в одном городе на Среднем Западе. То была чисто светская вечеринка. Я говорил исключительно о нашем Содружестве алкоголиков и завладел практически всем разговором. Тем не менее, доктор и его дама, похоже, искренне заинтересовались, и он задавал мне много вопросов. Однако один из этих вопросов вызвал у меня подозрение, что этот человек – агностик, а может, и атеист.

Это сразу же подхлестнуло меня, и я вознамерился обратить его в свою веру прямо здесь и сейчас. С чрезвычайно серьезным видом я, по сути, хвастался тем захватывающим

духовным опытом, который пережил годом раньше. Доктор в мягкой форме выразил сомнение – а не был ли тот опыт чем-то иным, нежели я полагал? Это сильно меня задело, и я попросту начал грубить. Особого повода для этого не было – доктор оставался неизменно вежливым, добродушным и вел себя даже почтительно. Без тени зависти он заявил, что часто испытывает желание тоже обрести твердую веру. Однако было ясно, что я ни в чем его не убедил.

Три года спустя я вновь посетил своего приятеля на Среднем Западе. Его зашла навестить Мэри, жена того самого доктора, и я узнал, что ее муж умер неделей раньше. Очень разволновавшись, она начала о нем рассказывать.

Он происходил из известной бостонской семьи, получил образование в Гарварде. Блестящий студент, он мог бы стать знаменитым в своей профессии. Он мог бы иметь обширную практику и вести светскую жизнь в кругу старых друзей. Но вместо этого он настоял на том, чтобы стать врачом на предприятии в терзаемом внутренними распрями промышленном городке. Когда Мэри порой спрашивала его, почему бы им не вернуться в Бостон, он брал ее за руку и отвечал: «Может, ты и права, но я не могу заставить себя уехать. Думаю, ребята из моей фирмы действительно нуждаются во мне».

Затем Мэри вспомнила, что никогда не слышала, чтобы ее муж всерьез на что-либо жаловался или кого-либо резко критиковал. Хотя выглядел доктор совершенно здоровым, последние пять лет своей жизни он стал менее энергичным. Когда Мэри пыталась вытащить его куда-нибудь по вечерам или заставить вовремя появляться в офисе, он всегда находил правдоподобную вежливую отговорку. И только когда он в последний раз внезапно занемог, она узнала, что все это время он страдал болезнью сердца, от которой мог умереть в любой момент. Никто и не подозревал об этом, кроме одного-единственного врача из его же персонала. Когда же

она стала упрекать мужа по этому поводу, он просто сказал ей: «Понимаешь, я не видел смысла заставлять людей за меня волноваться – и особенно тебя, дорогая».

Это была история человека огромных духовных достоинств. Признаки были налицо: юмор и терпеливость, мягкость и мужество, смирение и самоотверженность, бескорыстие и любовь – качества, которых я сам, возможно, никогда не смогу проявлять. И этого человека я когда-то журил и поучал! Вот каков был «неверующий», которого я позволил себе наставлять на путь истинный!

Мэри поведала нам его историю более двадцати лет назад. И тогда до меня впервые дошло, насколько мертвой может быть вера, если она не подкреплена ответственностью. Доктор непоколебимо верил в свои идеалы, но вместе с тем на практике демонстрировал смирение, мудрость и ответственность – великолепное подтверждение своей веры.

Мое собственное духовное пробуждение дало мне веру, ставшую неотъемлемой частью меня – истинный дар. Однако я не был ни смиренным, ни мудрым. Кичась своей верой, я забывал о своих же идеалах. Их место занимали гордыня и безответственность. Выключая тем самым свет самому себе, я мало что мог дать своим собратьям-алкоголикам. Поэтому моя вера для них была мертва. Наконец-то я понял, почему многие из них уходили – и иногда навсегда.

Следовательно, вера – не просто наш величайший дар; делиться ею с другими – вот в чем наша величайшая ответственность. Так пусть же члены АА непрестанно стремятся к той мудрости и той готовности, с помощью которых мы можем оправдать безграничное доверие, вложенное нам в руки дарителем всех самых совершенных даров.

Смирение на сегодня *(июнь 1961 г.)*

У нас, людей, не бывает абсолютного смирения. В лучшем случае, мы можем лишь мельком увидеть значение и величие такого совершенного идеала. Как говорится в книге «Анонимные Алкоголики»: «Мы не святые... мы претендуем лишь на духовный рост, а не на духовное совершенство». Только сам Бог может являть собой Абсолют; нам же, человеческим существам, приходится жить и развиваться в царстве относительности. Мы ищем смирения на сегодня.

Отсюда – вопрос практического характера: что мы подразумеваем под «смирением на сегодня» и как определить, что мы его обрели?

Нам едва ли нужно напоминать, что чрезмерное чувство вины и дух неповиновения ведут к духовной нищете. Однако нам потребовалось очень много времени, чтобы понять: духовная гордыня еще более разрушительна. Когда мы, первые члены АА, заметили первые намеки на то, насколько надменными можем быть в духовном отношении, у нас родилось такое выражение: «Не пытайся стать ужасно хорошим к четвергу!» Это наставление из старых времен может показаться еще одним удобным оправданием, прикрываясь которым, можно не стремиться к наилучшему результату. Но если присмотреться к этому предупреждению внимательнее, то обнаруживается совершенно противоположное. Так Анонимные Алкоголики предостерегают от слепой гордыни и воображаемых достоинств, которыми мы на самом деле не обладаем.

Теперь, когда мы больше не относимся к числу постоянных клиентов баров и борделей, приносим домой зарплату, ведем очень активную деятельность в АА, а люди поздравляют нас с этими признаками прогресса – что же, вполне естественно, что и мы начинаем поздравлять самих себя. Но при этом возможно, что до смирения нам еще далеко. Как часто, имея благие намерения, но поступая нехорошо, я говорил или думал: «Я прав, а ты ошибаешься», «Мой план правилен, а твой

нет», «Слава Богу, твои грехи – не мои», «Ты вредишь АА, но я тебя остановлю», «Бог меня направляет, так что он на моей стороне»... И так далее до бесконечности.

Тревогу вызывает та легкость, с которой находятся оправдания для подобной слепой гордыни. Однако нетрудно разглядеть, что эта обманчивая разновидность самооправдания – универсальный разрушитель гармонии и любви. Она настраивает человека против человека, нацию против нации. С ее помощью можно сделать так, чтобы любая форма безумия и жестокости выглядела чем-то правильным и даже достойным уважения. Разумеется, не наше дело это порицать. Нам нужно лишь изучать самих себя.

Как же именно мы можем делать все больше и больше для уменьшения своего чувства вины, духа неповиновения и гордыни?

Когда я составляю опись таких недостатков, мне нравится рисовать рисунок и рассказывать себе историю. На моем рисунке изображена Дорога к Смирению, а рассказ представляет собой аллегорию. По одну сторону от своей Дороги я вижу большое болото. Край Дороги граничит с неглубокой топью, которая постепенно переходит в ту грязную трясину вины и неповиновения, где я так часто барахтался. Там затаилось в ожидании саморазрушение, и мне это известно. Зато местность по другую сторону Дороги выглядит прекрасной. Мне видны манящие лужайки, а за ними – величественные горы. Бесчисленные тропы, ведущие в этот славный край, кажутся безопасными. И я думаю, что будет легко найти обратный путь.

И вот вместе с большой группой друзей я решаю пойти немного в обход. Мы выбираем тропинку и радостно устремляемся по ней. Вскоре кто-то, ликуя, произносит: «А может, на вершине вон той горы мы найдем золото?» Потом мы, к своему удивлению, действительно находим золото – но не самородки в ручьях, а уже отчеканенные монеты. На лицевой

стороне каждой из них – надпись: «Чистое золото – двадцать четыре карата». Разумеется, мы думаем: это наша награда за то, что мы терпеливо и с таким трудом двигались вперед там, в вечном блеске той самой Дороги.

Однако вскоре мы замечаем надписи на обратной стороне своих монет, и нас охватывают странные дурные предчувствия. На некоторых монетках надписи довольно привлекательны: «Я – сила», «Я – всеобщее одобрение», «Я – достаток», «Я – справедливость». Другие же выглядят очень странно, например: «Я – господин», «Я – благодетель», «Я – правое дело», «Я – Бог». Это нас сильно озадачивает; тем не менее, мы кладем их в карман. Но потом видим монеты, надписи на которых нас просто шокируют: «Я – гордыня», «Я – месть», «Я – разлад», «Я – хаос». Затем мы переворачиваем одну-единственную монету, на которой написано: «Я – сам дьявол». Некоторые из нас приходят в ужас, и мы кричим: «Это золото для дураков и рай для них же! Сматываемся отсюда!»

Но многие не хотят идти с нами обратно. Они говорят: «Давайте останемся и рассортируем эти проклятые монеты. Выберем только те, что с удачными надписями – например, «сила», «слава», «справедливость». А вы, друзья, еще пожалеете, что не остались с нами». Неудивительно, что пройдут многие годы, прежде чем эта часть нашей первоначальной компании вернется на Дорогу.

По возвращении они рассказали нам историю тех, кто поклялся не возвращаться никогда. Те люди заявили: «Эти деньги – настоящее золото, и не убеждайте нас, что это не так. Мы соберем все, что только сможем. Конечно, нам не нравятся эти дурацкие девизы. Но ведь здесь полно дров. Мы просто переплавим все монеты в хорошие слитки чистого золота». Затем прибывшие позже нас добавили: «Вот так нашими братьями завладело золото Гордыни. Когда мы уходили, они уже ссорились из-за своих слитков. Кто-то был ранен, а несколько человек уже умирали. Они начали уничтожать друг друга».

Эта символическая картина наглядно показывает мне, что я могу достичь «смирения на сегодня» только до такой степени, чтобы избежать попадания в болото вины и неповиновения, а также и в тот прекрасный, но обманчивый край, изобилующий монетами гордыни. Так я смогу отыскать Дорогу к Смирению, лежащую между ними, и остаться на ней. Поэтому мне постоянно нужно проводить самоинвентаризацию, которая будет показывать, не сбился ли я с пути.

Конечно, наши первые попытки такого самоанализа имели тенденцию оказываться очень далекими от реальности. Прежде я был чемпионом по *нереалистичной* самооценке. Мне хотелось рассматривать только ту часть своей жизни, которая казалась хорошей. К тому же я, бывало, изрядно преувеличивал те добродетели, которых, как мне представлялось, достиг. А потом поздравлял себя с проделанной грандиозной работой. Так мой неосознанный самообман никогда не подводил меня, превращая мои немногие хорошие качества в серьезные недостатки. Этот удивительный процесс всегда был приятным. И, естественно, вызывал страстное стремление к еще большим «достижениям» и еще большему одобрению. Я опускался обратно, прямиком к стилю жизни времен своего пьянства. Я преследовал все те же старые цели – власть, слава, аплодисменты. Вдобавок у меня было наилучшее из всех известных алиби – духовное. Благодаря тому факту, что я действительно ставил перед собой духовную цель, вся эта полнейшая бессмыслица выглядела чем-то совершенно правильным. Я не мог отличить хорошую монету от плохой; это была духовная выплавка золотых слитков в его худшем проявлении. И потому я всегда буду сожалеть о том вреде, который наносил окружающим. На самом деле я до сих пор содрогаюсь при мысли о том, что мог сделать с АА и его будущим.

В те дни я особо не волновался о тех сторонах жизни, в которых у меня наблюдался застой, ведь у меня всегда имелось алиби. «В конце концов, – говорил я себе, – я слишком занят

куда более важными вещами». Это было моим почти идеальным рецептом самоуспокоения и удовлетворения собой.

Однако временами я просто вынужден был разбирать определенные ситуации, где с первого взгляда было видно, что я поступил очень плохо. И тут же во мне поднимался все возрастающий протест. Затем я начинал бешено подыскивать себе оправдания. «А ведь на самом-то деле, – бывало, восклицал я, это ошибки хорошего человека». Когда же этот мой излюбленный прием, в конце концов, подводил меня, то я думал: «Ну, что ж, если бы только эти люди вели себя правильно по отношению ко мне, то мне не пришлось бы так поступать». За этим следовала такая мысль: «Богу отлично известно, что у меня бывают действительно *жуткие компульсивные побуждения*. Вот это побуждение я просто не могу побороть, так что ему придется освободить меня от него». Наконец, наступал момент, когда я выкрикивал: «*Так* я уж точно делать не буду и даже не стану пытаться!» Само собой, противоречия во мне продолжали нарастать, потому что я был попросту перегружен оговорками и отнекиваниями.

Когда же эти неприятности достаточно изматывали меня, оставалась еще одна лазейка: я начинал барахтаться в болоте вины. Здесь гордыня и протест уступали место депрессии. Вариаций было множество, но основная тема моих терзаний всегда была такой: «Боже, как я ужасен!» Точно так же, как до того я преувеличивал свои скромные достижения из-за гордыни, теперь я преувеличивал свои недостатки через чувство вины. Я носился туда-сюда, исповедуясь во всем (и даже в гораздо большем!) любому, кто готов был меня выслушать. Хотите – верьте, хотите – нет, но я принимал это за проявление великого смирения со своей стороны и считал единственным своим оставшимся достоинством и утешением!

В этих схватках с чувством вины я никогда не испытывал подобающего сожаления о том вреде, который нанес, и никогда всерьез не задумывался о том, чтобы возместить

ущерб, насколько смогу. Мне и в голову не приходило попросить прощения у Бога, не говоря уже о том, чтобы простить самого себя. И, разумеется, я совсем не анализировал свой действительно крупный недостаток – духовную гордыню и высокомерие. Я просто загородил тот свет, который мог бы мне позволить это разглядеть.

Думаю, сегодня я могу проследить четкую связь между своим чувством вины и своей гордыней. И то, и другое определенно было средством привлечения внимания. В гордыне я мог сказать: «Посмотрите на меня – я великолепен!» А испытывая вину, я, бывало, стенал: «Я ужасен!» Следовательно, чувство вины на самом деле – обратная сторона монеты гордыни. Вина направлена на самоуничтожение; гордыня же – на уничтожение других.

Вот почему «смирение на сегодня» я вижу как тот самый безопасный и надежный срединный путь между этими жестокими эмоциональными крайностями. Это спокойное место, где я могу охватывать взглядом достаточно широкий горизонт и в то же время сохранять достаточно равновесия, чтобы сделать следующий маленький шажок по четко размеченной дороге, ведущей к вечным ценностям.

Многие из нас переживали гораздо более острые эмоциональные перепады, чем я; другие же, напротив, менее острые. Но время от времени они случаются у всех нас. Тем не менее, я думаю, что нам нет нужды сожалеть об этих конфликтах с самими собой. Похоже, они – неотъемлемая часть эмоционального и духовного роста. Это то сырье, из которого приходится создавать значительную часть нашего прогресса.

Кто-то спрашивает, не является ли АА всего лишь тошнотворной ямой боли и противоречий? Ответом будет: «Конечно, нет». По большому счету, мы, члены АА, действительно обрели умиротворение. Хоть мы и спотыкались на пути, но все же смогли достичь все возрастающего смирения,

наградой за которое стали покой и законная радость. И сейчас мы уже не пускаемся в обход так часто и так далеко, как раньше.

В самом начале этих размышлений выражалась мысль о том, что абсолютные идеалы лежат далеко за пределами нашей досягаемости и даже нашего понимания и что мы проявили бы прискорбный недостаток смирения, если бы действительно считали, что можем добиться чего-то подобного абсолютному совершенству за короткий промежуток своего земного существования. Такая самонадеянность, несомненно, была бы пиком духовной гордыни.

Рассуждая так, многие люди вообще будут избегать стремления к абсолютным духовным ценностям. Как говорится, перфекционисты либо полны тщеславия, так как воображают, будто бы достигли какой-то неосуществимой цели, либо погрязли в самоосуждении, потому что им это не удалось.

И все-таки я думаю, что нам не следует придерживаться таких взглядов. Великие идеалы не виноваты в том, что порой ими злоупотребляют, превращая в пустые оправдания для вины, неповиновения и гордыни. Напротив, мы не сможем добиться значительного роста, если не будем постоянно пытаться представить себе эти самые вечные духовные ценности. Как гласит Одиннадцатый Шаг программы выздоровления АА: "Стремились путем молитвы и размышления углубить соприкосновение с Богом, как мы понимали Его, молясь лишь о знании Его воли, которую нам надлежит исполнить, и о даровании силы для этого". Это, несомненно, означает, что нам следует рассматривать Божественное совершенство, скорее, как ориентир, а не как цель, которой нужно достичь в обозримом будущем.

Например, я уверен, что мне следует отыскать наиболее точное определение смирения, какое я только смогу себе представить. Это определение не должно быть абсолютно идеальным – от меня требуется всего лишь постараться.

Предположим, я выберу вот такое: «Совершенным смирением было бы состояние полной свободы от самого себя, ото всех притязаний, которые предъявляют мои недостатки характера и которые так сильно давят на меня. Совершенным смирением была бы полная готовность выявлять и исполнять Божью волю всегда и везде».

Размышляя над таким видением смирения, мне не стоит тревожиться из-за того, что я никогда его не достигну, равно как не стоит и важничать в предвкушении, что в один прекрасный день все его достоинства станут моими.

Единственное, что мне нужно делать – сосредоточиться на самом этом видении, позволяя ему расти и все больше заполнять мое сердце. А сделав это, я смогу сравнить его с результатом своего последнего самоанализа. Тогда я получу здравое и полезное представление о том, в какой точке Дороги к Смирению нахожусь на самом деле. И я вижу, что мой путь к Богу только начался. Так я вновь возвращаюсь к своим истинным габаритам, и тогда моя забота о себе и важничанье становятся просто смешными. А затем рождается вера в то, что для меня все-таки есть место на этой Дороге и что я могу идти по ней с чувством все более глубокого умиротворения и уверенности. Я снова осознаю, что Бог добр и что мне не нужно бояться никакого зла. Это великий дар – осознание того, что у меня действительно есть свое предназначение.

Продолжая размышлять о Божественном совершенстве, я открываю для себя еще один источник радости. Когда еще ребенком я услышал первую в своей жизни симфонию, то буквально вознесся на крыльях ее неописуемой гармонии, хотя слабо понимал, каким образом и откуда она исходила. Так и сегодня, внимая Божественной музыке сфер, я то и дело слышу небесные аккорды, которые говорят мне, что Великий Композитор любит меня – а я люблю Его.

Проблема честности *(август 1961 г.)*

Проблема честности затрагивает практически каждую сторону нашей жизни. К примеру, существует такой распространенный и удивительный феномен как самообман. Имеют место и довольно жестокие виды безрассудной правдивости, которым так часто недостает благоразумия и любви. Кроме того, есть еще бесчисленные жизненные ситуации, в которых помогает только абсолютная честность – как бы нас ни искушали страх и гордость, ведущие к полуправде и непозволительному запирательству.

Давайте для начала посмотрим, как влияет на нашу честность самообман.

Я хорошо помню, какое утешение находил в преувеличенной убежденности в собственной честности. Моя родня в Новой Англии как следует приучила меня к мысли, что любые деловые обязательства и контракты – это святое. Они твердили: «Мужчина – хозяин своего слова». Я восхищался историей о Линкольне, повествующей о том, как Честный Эйб однажды прошел шесть миль, чтобы вернуть какой-то бедной женщине шесть лишних пенсов, которые по ошибке взял с нее в своей бакалейной лавке. После такой тщательной обработки честность в бизнесе всегда давалась мне легко, и я проявлял ее неизменно. Даже на Уолл-стрит, где я обосновался много лет спустя, я ни разу никого не обманул.

Однако эта малая часть легко обретенной добродетели породила и некоторые мои любопытные недостатки. Я до смешного гордился своими деловыми принципами и потому не упускал случая вставить презрительное замечание о тех коллегах по Уолл-стрит, которые были склонны обманывать клиентов. Одно уже это было проявлением высокомерия, но последующий самообман оказался еще более страшной вещью. Моя столь высоко ценимая честность в бизнесе в скором времени превратилась в удобную маску, под которой я мог прятать множество серьезных пороков, осаждавших другие сто-

роны моей жизни. Поскольку я был уверен в наличии у себя этого одного хорошего качества, легко было заключить, что мне присущи и все остальные. Многие годы это мешало мне взглянуть на самого себя пристальнее. Вот самый обычный пример той потрясающей способности к самообману, которую временами демонстрируем почти все мы. Кроме того, склонность обманывать других практически всегда уходит корнями в самообман.

В качестве дальнейших иллюстраций мне в голову приходят два крайних случая. Один показывает самообман в очень явной форме – то есть, явной для всех, кроме самой его жертвы. Другой же представляет собой более изощренный вид самообмана, от которого никто из людей не может быть абсолютно свободным.

Один из моих хороших друзей когда-то был взломщиком сейфов. Он поведал мне такую разоблачительную историю: «Знаешь, Билл, раньше я считал себя своего рода революционером-одиночкой, восставшим против общества. Я видел, как по всему миру «неимущие» отбирают у «имущих». И это казалось мне вполне обоснованным. В конце концов, эти чертовы «имущие» просто не желали делиться своим богатством. Революции, которые отнимали его у них, чаще всего встречали широкое одобрение. Что до ребят вроде меня, которые тоже могли заставить «имущих» делиться, то мы таких оваций не вызывали. Через какое-то время я сообразил: просто никто не любит грабителей. Революции – да, а вот грабителей – нет. Как бы то ни было, в своем занятии я не видел ничего дурного – кроме возможности быть пойманным. Даже после долгих лет в тюрьме я не изменил своего мнения. И только когда в моей жизни появилось АА, до меня медленно стало доходить: есть революции хорошие, а есть – плохие. Мало-помалу я осознавал, насколько дурачил самого себя. И понял, что был просто сумасшедшим. Никак иначе я не могу объяснить, как мог быть *таким* тупым».

Теперь расскажу о другом своем приятеле по АА, человеке добром и мягком. Недавно он вступил в один крупный религиозный орден, члены которого ежедневно проводят много часов в размышлениях. Таким образом, у моего друга куча времени для самоанализа. И чем больше он ему предается, тем больше обнаруживает бессознательного самообмана. При этом его все больше изумляет тот сложный хитроумный механизм, который служил ему для самооправданий. Он уже пришел к заключению, что надменная добродетельность «хороших людей» зачастую может быть столь же разрушительна, как и бросающиеся в глаза грехи тех, кто якобы не настолько хороши. Каждый день он заглядывает внутрь самого себя, а затем обращает взор наверх, к Богу, чтобы лучше постичь, на какой ступеньке находится в вопросах честности. И из каждого такого размышления неизменно выносит твердую уверенность в одном: ему все еще предстоит долгий путь.

Одно уже то, как и когда мы говорим правду – или же храним молчание – часто показывает разницу между истинной честностью и ее полным отсутствием. Девятый Шаг программы АА настойчиво предостерегает нас от злоупотребления правдой: «Лично возмещали причиненный этим людям ущерб, где только возможно, кроме тех случаев, когда это могло повредить им или кому-либо другому». Поскольку этот ценный принцип указывает на тот факт, что правду можно использовать как во благо, так и во вред, он, несомненно, имеет широкое применение в вопросах развития честности.

К примеру, в АА мы много говорим друг о друге. Если при этом у нас исключительно благие намерения, то тут нет ничего плохого. Но вредящие сплетни – совсем другое дело. Конечно, подобные пересуды могут иметь под собой фактические основания. Но такое злоупотребление фактами невозможно повернуть так, чтобы оно напоминало честность. Никак нельзя утверждать, что эта своего рода внешняя честность может принести пользу хоть кому-нибудь.

Поэтому необходимость самоанализа остается для нас очень актуальной. Посплетничав, мы вполне можем спросить себя: «Почему мы сказали то, что сказали? Потому что просто старались быть полезными и передать информацию? А не хотели ли мы испытать чувство собственного превосходства, говоря о грехах другого? А может, нашей истинной целью было навредить ему из страха или неприязни?» Это было бы честной попыткой разобраться в самих себе, а не в другом человеке. Здесь видна разница между применением правды с пользой и злоупотреблением ею. Именно так мы и начинаем вновь обретать некогда утраченную честность.

Впрочем, иногда наши подлинные мотивы установить не так просто. Бывает, нам кажется, что мы должны раскрывать особо опасные факты, чтобы пресечь бесчинства неких злодеев. И тогда нашим боевым кличем становится: «Все ради блага АА!» – или чего угодно еще. Вооруженные этим оправданием, зачастую ложным, мы бросаемся в атаку, преисполненные чувства собственной правоты. Да, возможно, действительно необходимо исправить некое угрожающее положение. Да, возможно, нам приходится воспользоваться некоторыми неприятными фактами. Однако настоящая проверка заключается в том, как мы управляем собой. Мы должны всегда быть твердо уверены, что не обвиняем других в том, в чем сами грешны. Поэтому целесообразно задавать себе такие вопросы: «Действительно ли мы понимаем людей, имеющих отношение к этой ситуации? Уверены ли мы, что знаем все факты? В самом ли деле необходимы какие-то наши действия или критика? Точно ли мы не боимся и не злимся?» Только такой тщательный анализ может дать нам уверенность, что мы будем действовать осторожно с проницательностью и с любовью, которые всегда необходимы для сохранения нашей собственной честности.

Есть и еще одна сторона проблемы. Очень даже возможно, что мы воспользуемся предполагаемой нечестностью других

как исключительно благовидным предлогом для того, чтобы не выполнять наши собственные обязательства. У меня самого был такой период. Некоторые мои друзья, довольно-таки предубежденно настроенные, призывали меня никогда не возвращаться на Уолл-Стрит. Они были уверены, что царящие там неистовый материализм и двурушничество наверняка остановят мой духовный рост. Это звучало так возвышенно, что я по-прежнему избегал заниматься единственным делом, которым умел.

Наконец, когда моя семья осталась без средств к существованию, я осознал тот факт, что просто был неспособен мужественно встретить перспективу своего возвращения к работе. Итак, я все-таки вернулся на Уолл-Стрит и ни разу не пожалел об этом. Мне необходимо было заново открыть для себя, что в финансовом мире Нью-Йорка много прекрасных людей. Кроме того, мне нужен был опыт сохранения трезвости в том самом окружении, где меня сразил алкоголь. И я действительно получил все это благо, и даже гораздо больше. На самом деле прямым результатом моего неохотно принятого решения вернуться в бизнес стало одно событие колоссального значения. Именно в ходе деловой поездки в Акрон, штат Огайо, в 1935 году я и познакомился с Доктором Бобом будущим со-основателем АА. Так что само рождение АА, на деле, было обусловлено тем фактом, что я старался выполнять свои обязанности добытчика.

А теперь давайте оставим увлекательную тему самообмана и рассмотрим некоторые трудные жизненные ситуации, которые мы должны встречать с открытым забралом. Предположим, мы хотим устроиться на работу, и нам вручают анкету, содержащую вопрос: «Вы когда-либо страдали алкоголизмом, и если да, то проходили ли лечение в больнице?» В этом случае мы, члены АА, с уверенностью можем хорошо себя зарекомендовать. Мы практически все до единого верим, что в подобных ситуациях уместна только чистая правда.

Большинство работодателей уважают наше Содружество, и им нравится такая суровая честность, особенно когда мы раскрываем свое членство в АА и его результаты. Разумеется, точно такой же прямолинейности требуют и многие другие житейские проблемы. В большинстве своем ситуации, в которых необходима абсолютная честность, ясны и легко опознаваемы. Нам просто нужно встречать их смело, невзирая на свой страх и гордыню. В противном случае мы наверняка будем страдать из-за растущих противоречий, разрешить которые можно только с помощью полной честности.

Тем не менее, бывают случаи, когда опрометчиво рассказанная правда может вызвать обширные разрушения и сильно навредить другим людям. Если это кажется нам возможным, то мы, вероятно, будем в действительно неловком положении. Мы станем разрываться между двумя искушениями. А когда совесть измучает нас, мы вполне можем плюнуть на всякое благоразумие и любовь. И, возможно, попытаемся купить себе свободу, рассказав всю жестокую правду – независимо от того, кого это ранит и насколько. Но обычно искушение заключается в ином. Гораздо более вероятно, что мы бросимся в другую крайность: нарисуем себе совершенно нереальную картину ужасного вреда, который можем причинить другим, и, претендуя на великое сострадание и любовь к своим предполагаемым жертвам, готовы будем говорить Большую Ложь – и при этом чувствовать себя вполне комфортно.

Когда жизнь преподносит нам столь мучительную ситуацию, нас никак нельзя винить, если мы находимся в замешательстве. По сути, первая наша обязанность – признать, что мы *действительно* растеряны. Возможно, нам придется признаться в том, что в настоящее время мы утратили всякую способность отличать хорошее от дурного. Кроме того, с большим трудом дастся признание того, что мы не можем быть уверены в получении Божественного руководства,

потому что принятие желаемого за действительное создает сильные помехи нашим молитвам. Несомненно, в такой момент мы должны обратиться за советом к своим лучшим друзьям. Больше идти некуда.

Если бы Бог не подарил мне мудрых и любящих советчиков, то я, может быть, уже давно бы сломался. Когда-то один доктор спас меня от смерти от алкоголизма, заставив взглянуть в лицо тому факту, что эта болезнь беспощадна. Позже другой врач – психиатр помог мне сохранить здравомыслие, подтолкнув к тому, чтобы я выявил некоторые свои глубоко сокрытые недостатки. У одного священника я перенял те самые правдивые принципы, по которым мы, члены АА, теперь стараемся жить. Однако эти бесценные друзья не просто поделились со мной своими профессиональными знаниями, а сделали гораздо больше. Я понял, что могу обратиться к ним с любой проблемой. Их мудрость и честность были в моем распоряжении, стоило только попросить. Точно такие же отношения у меня сложились со многими из самых моих близких друзей по АА. Часто они были способны помочь там, где не могли помочь другие – просто потому, что были членами АА.

Конечно, мы не можем рассчитывать на то, что друзья будут разрешать все наши затруднения. Хороший советчик никогда не станет обдумывать за нас все. Он знает, что, в конечном счете, выбор всегда должны делать мы сами. Поэтому он помогает нам избавиться от страха, беспринципности и самообмана, давая возможность принимать решения, полные любви, мудрости и честности.

Выбор такого друга – дело крайней важности. Нам следует найти человека, обладающего глубоким пониманием, и внимательно слушать то, что он говорит. К тому же, мы должны быть уверены, что наш потенциальный советчик сохранит рассказанное нами в строжайшей тайне. Если он – священник, врач или адвокат, то это можно считать само собой разумеющимся. Если же мы советуемся с другом по АА, то следует

напомнить ему о том, что нам необходима полная секретность. В нашей среде задушевные беседы обычно настолько откровенны и естественны, что советчик из АА порой может забывать, что от него ожидали молчания. Никогда не нужно нарушать ограждающую святость этих самых целебных человеческих взаимоотношений.

Такое особенное общение имеет неоценимые преимущества. В нем мы находим для себя идеальную возможность быть настолько честными, насколько умеем. Нам нет нужды ни думать о возможном причинении вреда другим людям, ни бояться насмешек и осуждения. Вдобавок для нас это наилучший шанс выявить самообман.

Если мы сами себя дурачим, то знающий советчик быстро это увидит. И по мере того, как он выводит нас из мира фантазий, мы с удивлением обнаруживаем, что у нас остались лишь немногие из обычных побуждений защищаться от неприятных истин. Нет другого пути, который позволил бы с такой же легкостью избавиться от страха, гордыни и невежества. И через какое-то время мы осознаем, что твердо стоим на новехоньком фундаменте честности.

Так давайте же продолжать отслеживать в себе самообман, и большой, и маленький. Давайте старательно смягчать честность благоразумием и любовью. И давайте никогда не уклоняться от полной откровенности, когда этого требует ситуация.

Нам, членам АА, хорошо понятно, как правда делает нас свободными. Именно она разрубила цепи, некогда приковывавшие нас к алкоголю. Не сосчитать, от скольких конфликтов и несчастий она продолжает нас избавлять. Правда изгоняет страх и одиночество. Единство нашего Содружества; любовь, которую мы испытываем друг к другу; уважение, с которым к нам относится мир – все это плоды той честности, которой нам, волей Божией, посчастливилось достичь. Так пусть же усилится наше стремление к еще более совершенной честности и расширится ее применение во всех наших делах.

Проблема страха *(январь 1962 г.)*

В книге «Анонимные Алкоголики» сказано: «Страх – это ржа, он разъедает душу, как ржавчина. Все наше существование пронизано страхом». Несомненно, страх – преграда для благоразумия и любви, и, конечно же, он неизменно подпитывает гнев, тщеславие и агрессию. Он лежит в основе плаксивого чувства вины и парализующей депрессии. Президент Рузвельт однажды сделал важное замечание: «Нам нечего бояться, кроме самого страха».

Это – суровое обвинение, которое, возможно, носит слишком обобщающий характер. Несмотря на всю обычную разрушительность страха, мы обнаружили, что он может послужить отправной точкой для чего-то более хорошего. Он может стать «мостиком», ведущим к осторожности и подобающему уважению по отношению к другим. Страх может направить на путь ненависти, но также и на путь справедливости. И чем больше в нас уважения и справедливости, тем больше мы начинаем находить любви – возможно, связанной с большими страданиями, но все же отдаваемой безвозмездно. Так что страх не всегда разрушителен, ведь уроки, извлеченные из его последствий, могут вести нас к позитивным ценностям.

Достижение свободы от страха – дело всей жизни, которое нельзя завершить до конца. Сталкиваясь с жестоким нападением, серьезной болезнью или же иными обстоятельствами, представляющими большую опасность, все мы реагируем на них – хорошо или плохо, смотря по ситуации. Лишь тщеславные люди заявляют о своей совершенной свободе от страха, хотя сама их претенциозность, на деле, коренится именно в страхах, о которых они на время забыли.

Следовательно, проблема избавления от страха имеет два аспекта. Нам необходимо стремиться к максимально возможной для нас свободе от него. Далее, нам нужно будет обрести мужество и благодать, чтобы конструктивно разобраться

с оставшимися страхами. Попытка понять собственные и чужие страхи – это только первый шаг. Встает вопрос более сложный: как и куда нам двигаться дальше?

С момента возникновения АА я был свидетелем того, как тысячи моих товарищей все более успешно разбирались в своих страхах и перерастали их. Пример этих людей – неисчерпаемый источник помощи и воодушевления. Возможно уместно будет поделиться кое-каким моим опытом в плане страха и его уменьшения до обнадеживающей степени.

В детстве я пережил некоторые достаточно тяжелые эмоциональные потрясения. Глубокий разлад в семье, собственная физическая нескладность и тому подобное. Разумеется, другие дети тоже испытывают такие эмоциональные трудности и выходят из них невредимыми. Но у меня было не так. Очевидно, я был чрезмерно чувствительным и потому чрезмерно пугливым. Как бы то ни было, у меня развилась настоящая фобия: мне казалось, что я не такой, как другие подростки, и никогда не стану таким, как они. Поначалу это ввергло меня в депрессию, а затем изолировало от людей.

Однако эти детские горести, порожденные страхом, стали настолько непереносимыми, что я превратился в очень агрессивную личность. Думая, что я никогда не «впишусь», и, поклявшись никогда не смиряться с положением «второсортного», я считал, что мне просто необходимо доминировать во всем, чем бы я ни занимался – будь то работа или игра. Когда эта привлекательная формула хорошей жизни начинала приносить мне успех (в моем тогдашнем понимании этого слова), я становился безумно счастливым. Но когда время от времени какая-нибудь моя затея все же проваливалась, меня переполняла обида, и я впадал в депрессию, излечиться от которой можно было лишь очередным триумфом. Поэтому я очень рано начал оценивать все исключительно в категориях победы или поражения – все или ничего. Я знал только один способ удовлетворения – побеждать.

Это было моим ложным противоядием от страха и той самой моделью поведения, все более укоренявшейся, которая преследовала меня на протяжении школьных лет, Первой мировой войны, моей лихорадочной алкогольной карьеры на Уолл-Стрит, и так все дальше вниз, вплоть до последнего часа моего полного краха. К тому времени невзгоды уже не оказывали на меня стимулирующего действия, и я не зал, чего боюсь больше – жить или умереть.

Мой основной вид страха очень распространен; но, разумеется, есть и много других. На самом деле проявления страха и связанные с их пробуждением проблемы так многочисленны и сложны, что в этой короткой статье невозможно подробно описать хотя бы некоторые из них. Можно лишь рассмотреть те духовные ресурсы и принципы, с помощью которых мы могли бы обрести способность смотреть в лицо любым разновидностям страха и разбираться с ними.

В моем конкретном случае краеугольный камень свободы от страха – вера. Та вера, благодаря которой я, невзирая на всю суетную видимость обратного, верю, что живу во Вселенной, исполненной смысла. Для меня это означает веру в Создателя, являющего собой абсолютную силу, справедливость и любовь; в Бога, который предназначил для меня цель, смысл и участь развиваться, пусть понемногу и с остановками, приближаясь к Его образу и подобию. До появления у меня веры я жил, словно пришелец в космосе, который слишком часто казался враждебным и жестоким. В нем для меня не могло быть внутренней безопасности.

У доктора Карла Юнга, одного из трех основателей современного психоанализа, имелось глубокое убеждение относительно этой великой дилеммы сегодняшнего мира. Перефразируя, вот что он говорил по этому поводу: «Любой человек, который дожил до сорока лет, но так и не нашел пути постижения того, кто он есть, где находится и куда направляется, неизбежно становится в той или иной степени неврастеником.

И это не зависит от того, удовлетворена ли его юношеская жажда секса, материальных благ и достойного места в обществе». Доктор выразился мягко – «становится неврастеником», но мог бы сказать и «становится одержимым страхом».

Вот почему мы, члены АА, так подчеркиваем необходимость верить в некую Высшую Силу, как бы мы ее для себя ни определяли. Нам нужно обрести жизнь в мире благодати и духовности, а для большинства из нас это, конечно, новое измерение. Удивительно, но поиски этой сферы существования оказываются для нас не слишком трудными. Наш сознательный вход в нее обычно начинается сразу же, как только мы искренне признаем себя бессильными идти дальше в одиночку и обратимся к любому Богу, который, по нашему мнению, существует – или может существовать. В результате мы получаем дар веры и осознание некой Высшей Силы. По мере роста нашей веры растет и наша внутренняя защищенность. Огромный глубинный страх перед небытием начинает ослабевать. Таким образом, выясняется, что главное противоядие от страха для нас – духовное пробуждение.

Так уж случилось, что у меня духовное познание было внезапным, подобно удару тока, и абсолютно убедительным. Я моментально стал частью – пусть всего лишь крошечной – некой вселенной, управляемой справедливостью и любовью в Божьем лице. И это было истиной независимо от того, какими были последствия своеволия и невежества с моей стороны или со стороны моих спутников в земной жизни. Вот какую новую четкую уверенность я обрел, и она никогда меня не покидала. Мне дано было узнать, хотя бы на время, что такое отсутствие страха. Естественно, дарованная мне вера, по сути, не отличается от того духовного пробуждения, которое с тех пор познало неисчислимое количество членов АА – просто у меня это произошло более неожиданно. Но даже эта новая система координат, при всей ее решающей важности, лишь ознаменовала мое вступление на длинную

дорогу, ведущую прочь от страха по направлению к любви. Старые, глубоко врезавшиеся следы беспокойства не стерлись моментально и навсегда. Конечно, они возникали вновь и порой вызывали тревогу.

Неудивительно, что после получения такого яркого духовного опыта начальный этап моей жизни в АА отличался изрядной долей гордыни и властолюбия. Мне все еще были очень свойственны жажда обладать влиянием на людей, получать их одобрение, желание быть *тем самым* лидером. И, что еще лучше, теперь такое поведение можно было оправдывать все во имя добрых дел!

К счастью, за этим периодом моей довольно-таки явной напыщенности, продлившимся несколько лет, последовала полоса неприятностей. Мои притязания на одобрение, которые, очевидно, основывались на страхе его недополучить, начали натыкаться на точно такие же черты в поведении моих товарищей по АА. Поэтому мы были целиком поглощены одним занятием: они спасали Содружество от меня, а я спасал его от них. Само собой, все это выливалось в гнев, подозрения и разнообразные пугающие происшествия. В эту знаменательную и теперь уже кажущуюся довольно забавной эпоху нашей деятельности чуть ли не каждый из нас вновь и вновь начинал изображать из себя Бога. В течение нескольких лет люди, формирующие АА, не знали удержу. Однако из-за этой угрожающей ситуации и были разработаны Двенадцать Шагов и Двенадцать Традиций АА. Это были, главным образом, принципы, призванные уменьшить наше эго, а значит, и наши страхи. Те самые принципы, которые, как мы надеялись, будут обеспечивать наше единство и все возрастающую любовь друг к другу и к Богу.

Постепенно мы начали обретать способность принимать не только добродетели своих собратьев, но и их грехи. Именно в этот период у нас появилось очень действенное и значимое выражение: «Давайте всегда любить в других самое хорошее

– и никогда не бояться в них самого плохого». Через десятки лет стараний внедрить в жизнь Содружества этот вид любви, а также усмиряющие эго инструменты Шагов и Традиций АА, ужасные опасения за выживание АА просто исчезли.

Применение Двенадцати Шагов и Двенадцати Традиций АА в нашей собственной жизни также принесло невероятное освобождение от всевозможных страхов, несмотря на широкую распространенность громадных личных проблем. Если же страх сохранялся, то мы его распознавали и, милостью Божьей, обретали способность с ним справляться. Мы начали рассматривать каждую неприятность как данную Богом возможность развить в себе то мужество, что рождается не из бравады, а из смирения. Так мы научились принимать себя, обстоятельства своей жизни и своих собратьев. Милостью Божьей, мы даже обнаружили, что можем умереть благочинно, с достоинством и верой, зная, что «дела творит Отец».

Сейчас мы, члены АА, живем в мире, которому присущи такие разрушительные страхи, каких в истории человечества еще не бывало. Но, тем не менее, в нем мы видим огромные области веры и колоссальное стремление к справедливости и братству. И все же ни один пророк не осмелится предсказать развязку для нашего мира – будет ли это полнейшая гибель или же, по замыслу Божьему, начало самой блестящей эры изо всех доселе известных человечеству. Уверен, мы, члены Содружества, хорошо понимаем всю эту картину. Каждый из нас в своей жизни уже переживал точно такое же состояние пугающей неопределенности, пусть и куда в меньших масштабах. Мы безо всякой гордыни можем сказать, что не боимся исхода мира, каким бы он ни оказался. Причина в том, что мы обрели способность глубоко прочувствовать и сказать: «Да не убоимся мы зла – да исполнится воля Твоя, не наша!»

Следующая история, хоть и часто рассказываемая, заслуживает повторения. В день, когда на нашу страну обрушилась

ошеломительная катастрофа Перл-Харбора, друг АА, одна из величайших духовных фигур, которые когда-либо будут нам известны, шел по улице города Сент-Луис. Конечно, это был всеми нами любимый отец Эдвард Даулинг из ордена иезуитов. Хоть сам и не алкоголик, он был одним из основателей и главных вдохновителей борющейся за существование группы АА в своем городе. Так как многие из его обычно трезвых друзей уже взялись за бутылку, чтобы залить мысли о трагедии в Перл-Харборе, отец Эд, понятное дело, мучился опасениями, что дорогая его сердцу группа вряд ли удовольствуется этим. По его мнению, одно уже это стало бы само по себе наисерьезнейшей катастрофой.

Тут к нему приблизился некий член АА со стажем трезвости менее года и завязал с ним оживленную беседу, в основном об АА. К своему облегчению, отец Эд видел, что его спутник абсолютно трезв. При этом он ни словом не обмолвился о произошедшем в Перл-Харборе.

В радостном недоумении отец Эд поинтересовался: «Как же так? Неужели вам нечего сказать по поводу Перл-Харбора? Как вы справляетесь с таким ударом?» – «Знаете, – ответил ему тот парень, – мне прямо удивительно, что вам это непонятно. Каждый из нас, членов АА, уже пережил свой личный Перл-Харбор. Так скажите же мне, с чего это мы, алкоголики, должны сломаться именно из-за этого несчастья?»

Что такое принятие *(март 1962 г.)*

Один из способов постичь смысл принципа принятия – размышлять над ним в контексте широко используемой молитвы АА: «Боже, дай мне спокойствие принять то, что я не в силах изменить, мужество изменить то, что могу, и мудрость отличить одно от другого».

По сути, это означает просить о ресурсах благодати, с помощью которой мы в любых обстоятельствах смогли бы духовно развиваться. В этой чудесной молитве особо подчеркивается потребность в такой мудрости, которая разграничивает возможное и невозможное. Стараясь применять этот ценный принцип, мы также увидим, что огромная масса жизненных огорчений и проблем требует множества различных уровней принятия.

Иногда нам приходится искать подходящий вид принятия на каждый день. Иногда нам нужно развивать в себе принятие того, что может произойти завтра, и опять-таки мы должны будем принять положение дел, которое, может быть, никогда не изменится. Далее, часто необходимо правильное и реалистичное принятие вопиющих изъянов в нас самих, а также серьезных недостатков в окружающих нас людях – дефектов, которые, возможно, не будут полностью исправлены многие годы, а то и вовсе никогда.

Все мы будем терпеть неудачи, и поправимые, и непоправимые. Часто будем переживать поражения – порой случайные, порой вызванные нами самими, а порой и нанесенные нам несправедливостью и жестокостью других. Большинство из нас столкнутся с определенной долей житейского успеха, и тогда проблема правильного принятия будет по-настоящему сложной. Будут еще болезни и смерть. На самом деле, как мы сможем все это принять?

Всегда следует учитывать, насколько грубо можно злоупотреблять хорошим словом *«принятие»*. Его значение можно извратить, чтобы оправдать практически любые проявления

слабости, сумасбродства и глупости. К примеру, мы можем «принять» неудачу как хроническое состояние, из которого невозможно извлечь пользу и которое нельзя исправить. Мы можем «принять» свой успех в свете с гордостью, как будто он – целиком наша заслуга. Мы также можем «принимать» болезнь и смерть как бесспорное свидетельство враждебности и безбожности Вселенной. Мы, члены АА, имеем богатый опыт таких искажений понятия *«принятие»*. Поэтому мы стараемся постоянно напоминать себе, что эти ложные толкования – лишь ухищрения для самооправдания, заведомо безнадежная игра, в которой мы – чемпионы мира, или, по крайней мере, были ими.

Вот почему мы так ценим нашу Молитву о Спокойствии. Она несет нам новый свет, способный рассеять нашу давнюю и едва на доведшую нас до гибели привычку дурачить самих себя. В сиянии этой молитвы мы видим, что поражение, если его правильно принять, не обязательно должно быть катастрофой. Теперь мы знаем, что нам не нужно убегать и не следует снова пытаться преодолеть неприятности очередным бульдозерным наездом, который лишь нагромождает перед нами препятствия быстрее, чем мы успеваем их ликвидировать.

Придя в АА, мы получаем совершенно иной опыт. Наш новый способ оставаться трезвыми в буквальном смысле основан на утверждении, что «сами по себе мы – ничто, дела творит Отец Небесный». В Первом и Втором Шагах нашей программы выздоровления эти идеи разъяснены особо: «Мы признали свое бессилие перед алкоголем, признали, что наша жизнь стала неуправляемой», «Пришли к убеждению, что Сила, более могущественная, чем мы, может вернуть нам здравомыслие». Мы не смогли одолеть алкоголь собственными силами, оставшимися у нас, и потому приняли тот факт, что эту доселе невыполнимую работу можно проделать, если положиться на некую Высшую Силу (хотя бы на свою группу АА).

Как только мы смогли полностью принять эти два факта, началось наше освобождение от алкогольной зависимости. Достижение этого принятия потребовало от большинства из нас массу усилий. Нам пришлось отбросить всю свою философию самодостаточности, которую мы хранили как сокровище. Это было достигнуто не с помощью старозаветной силы воли; вместо этого нам нужно было выработать у себя готовность *принять* эти новые факты существования. Мы не убегали и не боролись, а просто *приняли*. И тогда обрели свободу. Никакого непоправимого бедствия не случилось.

Такое принятие и такая вера способны дать стопроцентную трезвость. На деле, обычно так и бывает, да и должно так быть – иначе мы бы вообще не смогли жить. Но, как только мы переносим такой подход на свои проблемы эмоционального характера, выясняется, что здесь возможны лишь относительные результаты. Никто не может, например, стать абсолютно свободным от страха, гнева и гордыни. Следовательно, в этой жизни мы не достигнем ничего похожего на идеальное смирение и любовь. Так что в случае с большинством своих проблем нам придется довольствоваться лишь постепенным прогрессом, порой перемежающимся серьезными неудачами. Мы должны будем отказаться от своего прежнего принципа «все или ничего».

Вследствие этого наша первоочередная задача – принять нынешние обстоятельства своей жизни, себя самих и окружающих такими, какие они есть. Это означает усвоить реалистичное смирение, без которого невозможно даже начать настоящее движение вперед. Нам нужно будет снова и снова возвращаться к этой отправной точке, требующей правдивости. Это упражнение в принятии мы можем с пользой практиковать каждый день. При условии, что мы будем старательно избегать превращения такого реалистичного анализа явлений жизни в надуманные оправдания для апатии или пораженчества, он может стать надежным фундаментом

ия строительства более крепкого эмоционального здоровья, а значит, и духовного роста. По крайней мере, об этом говорит мой собственный опыт.

Я практикую и другое упражнение: стараюсь составить полный перечень дарованного мне, а потом стремлюсь к правильному принятию этих многочисленных даров – как мирских, так и духовных. При этом я стараюсь достичь состояния радостной благодарности. Когда такого рода благодарность многократно подтверждается и осмысливается, она, в конце концов, может вытеснить мою естественную склонность поздравлять себя с любым успехом, которого мне дано было добиться в определенных областях жизни. Я изо всех сил стараюсь твердо придерживаться той истины, что широкое и благодарное сердце не может лелеять больших тщеславных устремлений. Когда оно наполнено благодарностью, с его биением обязательно будет излучаться любовь – самое прекрасное чувство из всех, которые нам дано познать.

В самые трудные периоды часто повторяемое благодарное принятие того, что мне даровано, также способно принести мне часть спокойствия, о котором говорится в нашей молитве. Всякий раз, когда я оказываюсь под сильным давлением, я продлеваю свои ежедневные прогулки и медленно повторяю Молитву о Спокойствии в ритме своих шагов и дыхания. Если я ощущаю, что моя боль отчасти вызвана другими людьми, то стараюсь повторять: «Боже, дай мне спокойствие любить лучшее в них и не бояться худшего в них». Этот благотворный целительный процесс повторения, который иногда необходимо продолжать на протяжении многих дней, почти всегда возвращает мне, по меньшей мере, рабочее душевное равновесие и перспективу.

Еще один полезный шаг – постоянно подтверждать то понимание, которое может дать боль. В самом деле, боль – один из наших величайших учителей. Несмотря на то, что мне до сих пор трудно принимать сегодняшнюю боль и тревогу со

сколь-либо значительной долей спокойствия – как это похоже, способны делать те, кто более продвинут в духовном смысле, – я все же могу, если постараюсь, благодарить за испытываемую сейчас боль. Я обретаю готовность это делать, размышляя над уроками, извлеченными из прошлых страданий – уроками, которые привели к благословениям, ниспосланным мне сейчас. Если напрячь память, я могу припомнить, как часто мучения алкоголизма, боль сопротивления и уязвленная гордость направляли меня к Божественной благодати и тем самым – к новой свободе. Поэтому, прогуливаясь, я повторяю еще и другие фразы, такие как: «Боль – пробный камень развития», «Не бойся зла», «И это тоже пройдет», «Этот опыт можно обратить на пользу»...

Эти отрывки молитвы приносят мне гораздо больше, чем просто успокоение. Они удерживают меня на пути правильного принятия; рассеивают мои навязчивые темы для размышлений – вина, депрессия, бунтарство, гордыня; а иногда – дарят мне мужество изменить то, что я могу, и мудрость отличить одно от другого.

Тем, кто никогда по-настоящему не отрабатывал эти действенные упражнения в принятии, я настоятельно рекомендую их проделать в следующий же раз, когда «припечет». А если уж на то пошло, то в любое время!

Когда вступает в дело сила воли *(май 1962 г.)*

Проблема приложения силы воли всегда вызывала многс путаницы. Двенадцать Шагов гласят: «Мы признали свое бессилие перед алкоголем...», и тем самым мы подтверждаем то, что всегда было истиной в отношении нашей болезни – а именно, что лобовая атака силой воли по желанию выпить почти никогда не работает.

Этот суровый факт – предпосылка, с которой мы должны начинать; признание того, что подлинное безумие нельзя преодолеть прямолинейной силой воли. Видит Бог, алкоголики изо всех сил пытаются сделать именно это, но в основном терпят поражение. Никто бы не ожидал особых результатов, если бы каждый клептоман дал зарок не воровать, ведь клептоман донельзя маниакально помешан на воровстве. У алкоголика это навязчивое состояние признается не столь широко, так как употребление спиртного – действие социально приемлемое; тем не менее, правда в том, что он практически настолько же помешан. Поэтому в нашем Первом Шаге, говорящем, что мы бессильны бороться со злыми чарами алкоголя собственными ресурсами и волей, звучит голос реализма.

Однако даже Первый Шаг АА требует готовности – готовности признать, что наша сила воли, прилагаемая напрямую, не поможет. Но это – лишь пусковое средство. Все остальные Шаги потребуют и готовности, и силы воли. Они определенно имеют отношение к религиозным и моральным ценностям.

Например, для проведения морального самоанализа мы должны сначала обрести готовность. Далее, достигнув значительной ее степени, мы обязательно должны собраться с силами, чтобы на деле его осуществить. Можно преисполниться готовности поверить в эффективность Двенадцатого Шага АА – распространения наших идей среди других людей. Но когда нас будят в двенадцать часов ночи ради того,

чтобы мы навестили кого-то в рамках работы по Двенадцатому Шагу – дело другое, ведь нам может потребоваться много силы воли, чтобы действительно нанести этот визит.

Другой пример. От атеиста и агностика особо требуется, чтобы он непредвзято подошел к теме Бога. А это представляется делом, для которого необходимы по-настоящему большие усилия. Если же мы затем предлагаем ему обратиться к размышлении и молитве к тому Богу, существование которого он может допустить, то обычно он обнаруживает, что для этого, даже в целях эксперимента, нужно много дисциплины.

В конечном итоге, приложение готовности и силы воли к проблемам жизни в целом все-таки приводит к освобождению от желания пить; при этом обходится без серьезного напряжения силы воли применительно к самой проблеме алкоголизма. Точного объяснения, почему к большинству из нас приходит это освобождение, нет. Но наше здравомыслие *действительно* возвращается, если мы подготовим себя к дару его восстановления – или, выражаясь религиозными терминами, притоку Божьей благодати, избавляющему нас от одержимости.

Похоже, также не важно, как мы определяем для себя Божью благодать. Если нам так нравится, то мы можем по-прежнему утверждать, что мобилизовали какие-то скрытые, ранее не использовавшиеся ресурсы. Нам нет нужды формулировать, каково их происхождение. Или же мы можем верить, – к чему, в конце концов, приходит большинство из нас, – что воспользовались ресурсами Бога, существующего в нас и во всей Вселенной. Никто из нас не может точно знать, каким образом это получается.

Разумеется, я не говорю, что прикладывать силу воли для решения проблемы алкоголя не стоит никогда. В первые два года своей трезвости я два-три раза испытывал сильнейшее искушение выпить. Но благодаря исправной работе по

программе АА я в эти моменты способен был в полной мере осознавать, к каким последствиям привел бы срыв. Обычным ослепляющим рационалистическим объяснениям здесь не было места. Мое здравомыслие в отношении алкоголя было восстановлено. Как бы то ни было, мне приходилось делать выбор. Впрочем, в таких условиях это было нетрудно. Но выбор этот все же требовал чуточку силы воли. Или готовности выбирать правильно.

Думаю, в период, когда у человека идет процесс освобождения от проблемы зависимости в общих чертах, подобное проявление силы воли уместно и необходимо. Но после большой работы по программе АА вполне возможно полное освобождение от этой проблемы. Я это знаю, потому что с самого возникновения АА испытывал огромное эмоциональное напряжение. С 1943 года по 1955 годы я страдал невротической депрессией, от которой так до конца и не отошел. На протяжении примерно трех лет этой депрессии у меня были мысли о суициде. Однако мое освобождение от алкоголя было столь капитальным, что за весь этот тягостный период у меня ни разу не было искушения снова запить.

Такова сущность курса АА, как его вижу я. Но, уверяю вас, вам не обязательно придерживаться таких же взглядов. Многие люди отличаются от меня и все равно сохраняют трезвость. Тем не менее, опыт большинства из нас, похоже, подтверждает сказанное мной. По-моему, те, кто пытаются работать по программе иными способами, и притом успешно, остаются трезвыми ценой куда больших усилий. Впрочем, в АА «общепринятость», если можно так выразиться, – это всего лишь то, о чем говорит опыт большинства. А выбирать вам!

Духовные переживания *(июль 1962 г.)*

Журнал «Грейпвайн» намерен время от времени публиковать рассказы о разных духовных переживаниях, и мне бы хотелось сделать маленькое вступление к этому интересному проекту. Наблюдается вполне естественная тенденция особо выделять те случаи духовного пробуждения, которые внезапны, ярки или же сопровождаются видениями. Любое упоминание о подобном всегда вызывает у слушателей смешанную реакцию. Одни воскликнут: «Вот бы и мне испытать такое!» Но другие подумают, что все это для них слишком уж отдает мистикой и вообще смахивает на галлюцинации, и скажут: «Я просто не в состоянии это принять. Не понимаю, о чем говорят эти люди!»

Как известно большинству членов АА, в 1934 году мне довелось пережить поразительный мистический опыт – озарение. Оно сопровождалось ощущением яркого белого света, внезапно дарованной мне верой в доброту Бога и глубокой убежденностью в его присутствии. Поначалу я, само собой, считал, что этот случай выделяет меня как совершенно особенного человека.

Однако сейчас, вспоминая это грандиозное событие, я испытываю лишь огромную благодарность. Теперь для меня очевидно: этот мой духовный опыт был особенным только в том, что он произошел неожиданно и молниеносно и сразу же наполнил меня ошеломляющей убежденностью.

Тем не менее, я уверен, что во всех остальных отношениях мое пробуждение ничуть не отличается от того, которое получает каждый член АА, упорно работающий по нашей программе выздоровления.

На собраниях мы часто слышим, как выступающий заявляет: «Но я еще не добился духовного прозрения!» А ведь перед этим он описал чудесное превращение, случившееся с ним – не только освобождение от алкоголя, но и кардинальную перемену своего отношения к жизни и всего образа жизни в целом. При этом почти всем присутствующим ясно,

что он уже получил великий дар, который никак не укладывается в рамки того, чего можно было бы ожидать от простой деятельности в АА – признания себя алкоголиком и выполнения Двенадцатого Шага. И мы, слушая его, улыбаемся и говорим себе: «Да ведь этот парень так и пышет духовным прозрением, только пока этого, похоже, не видит!» Мы прекрасно знаем, что через полгода-год этот сомневающийся будет нам рассказывать, что наконец-таки обрел веру в Бога. Более того, вполне возможно, что к тому времени он будет демонстрировать такие «духовные качества» и результаты, каких я никогда не смог бы повторить – невзирая на пережитый мной духовный опыт. Поэтому сегодня, когда члены Содружества приходят ко мне в надежде выяснить, как добиться такого же пробуждения, я просто говорю им, что они, по всей вероятности, уже испытали ничуть не худшее пробуждение, и что у нас они были одинаковы – просто у них оно было более растянуто во времени. А потом я говорю им: если бы пережитое ими в АА превращение, занявшее шесть месяцев, сжалось бы до шести минут – тогда они бы тоже увидели звезды!

Подводя итог этим наблюдениям, я не вижу особой разницы между внезапными прозрениями и постепенными – несомненно, они одной природы. А вот надежный тест для любого такого опыта: «По плодам их узнаете их».

Вот почему я считаю, что нам не следует подвергать сомнению чью-либо трансформацию – резкую ли, постепенную ли... Не следует нам и просить для себя такого же пробуждения, как у кого-то другого, ведь наш личный опыт говорит: мы получаем именно то, что нам наиболее полезно.

В 1961 году, оставив позицию лидера АА, Билл взялся за дело, которым давно хотел заняться – выразить признательность АА тем людям, которые когда-то поспособствовали возникновению Содружества. Одним из них был доктор Карл Юнг, которому Билл 23 января 1961 года написал письмо.

Переписка Билла У. и Карла Юнга *(январь 1963 г.)*

Дорогой доктор Юнг!

Это письмо-благодарность очень запоздало.

Позвольте мне для начала представиться: Билл У., со-основатель Общества Анонимных Алкоголиков. Вы наверняка слышали о нас, но я сомневаюсь, что Вам известно о том, что один разговор, состоявшийся у Вас еще в начале 30-х годов с одним из пациентов, мистером Роландом Х., сыграл важнейшую роль в создании нашего Содружества.

Роланд Х. уже давно умер, но воспоминания о его примечательном опыте, полученном во время лечения у Вас, определенно стали частью истории АА.

Вот что мы помним из рассказов Роланда.

Приблизительно в 1931 году, исчерпав все прочие средства против алкоголизма, он стал Вашим пациентом. По-моему, Вы заботились о нем около года. Он безгранично восхищался Вами и по окончании лечения чувствовал глубокую уверенность в себе.

К его огромному ужасу, вскоре он снова начал пить. Убежденный в том, что Вы – его последняя надежда, он снова вернулся под Ваше крыло. И тогда между вами состоялась беседа, которой суждено было стать первым звеном в цепи событий, приведших к формированию Содружества Анонимных Алкоголиков.

С его слов я помню следующее. Прежде всего, Вы честно сказали ему, что его ситуация безнадежна с точки зрения дальнейшего медицинского и психиатрического лечения. Вне всякого сомнения, именно это Ваше откровенное и смиренное заявление и стало тем самым краеугольным камнем, на котором впоследствии было построено наше Общество.

Эти слова из Ваших уст – уст человека, которому Роланд так доверял и которым так восхищался, – произвели на него огромное впечатление.

Затем он спросил у Вас, есть ли для него какая-нибудь дру-

ая надежда, и Вы ответили: возможно, при условии, если он получит некий духовный или религиозный опыт – короче говоря, истинное перерождение. Вы подчеркнули, что это могло бы дать ему новую мотивацию, когда все остальное уже бессильно. Однако Вы предупредили его: хотя подобные переживания порой и приносят алкоголикам выздоровление, но имеют место сравнительно редко. И порекомендовали Роланду окружить себя религиозной атмосферой и надеяться на лучшее. Полагаю, в этом и была суть Вашего совета.

Вскоре после того мистер Х. присоединился к Оксфордской группе – евангелическому движению, которое в то время было в Европе на пике успеха. Несомненно, Вам знакомо это общество, и Вы помните, что его члены делали большой акцент на принципах самопознания, исповеди, возмещения ущерба другим людям и служения ближнему. Они подчеркивали важность медитации и молитвы. В этой среде Роланд Х. все-таки обрел трансформирующий опыт, на время освободивший его от навязчивой тяги к алкоголю.

По возвращении в Нью-Йорк он начал активную работу с местной «Оксфордской группой», которой тогда руководил епископальный священник – доктор Самюэль Шумейкер. Доктор был одним из основателей движения; его сильная личность отличалась замечательной искренностью и способностью убеждать.

К этому времени (1932-1934 годы) Оксфордская группа уже принесла трезвость ряду алкоголиков; и Роланд, чувствуя свою особую близость с этими страдальцами, посвятил себя делу помощи другим таким людям. Так случилось, что одним из них стал мой старый школьный товарищ по имени Эдвин Т. («Эбби»). Ему угрожало заключение в стенах некоего учреждения, но мистер Х. и другие бывшие алкоголики из «Оксфордской группы» добились его условного освобождения и помогли ему обрести трезвость.

А я тем временем шел дорогой алкоголизма, и мне самому

угрожало заключение. К счастью, я попал на лечение к доктору Вильяму Д. Силкуорту, который обладал чудесной способностью понимать алкоголиков. Однако он махнул на меня рукой точно так же, как Вы на Роланда. По его теории, у алкоголизма две составляющих: навязчивая тяга, принуждающая страдальца пить вопреки собственной воле и интересам, и некое нарушение обмена веществ, которое он тогда называл аллергией. Навязчивая тяга гарантирует, что пьянство алкоголика будет продолжаться, а аллергия – что его состояние будет ухудшаться и он, в конце концов, лишится рассудка или умрет. Несмотря на то, что поначалу он считал меня одним из немногих, кому можно помочь, позже он был вынужден сказать мне, что я безнадежен и меня тоже придется запереть. Для меня это было сокрушительным ударом. Так же, как Вы подготовили Роланда к перерождению, мой замечательный друг доктор Силкуорт подготовил меня.

Узнав о моем тяжелом положении, мой товарищ Эдвин Т. пришел навестить меня дома, где я пьянствовал. Шел ноябрь 1934 года. Я уже давно считал Эдвина безнадежным алкоголиком. И вот он появился передо мной в явно «освобожденном» состоянии, которое никак нельзя было объяснить одной лишь его кратковременной связью с Оксфордской группой. Как бы то ни было, его состояние так бросалось в глаза и так отличалось от обычной депрессии, что это было крайне убедительно. Так как Эдвин был моим собратом по несчастью, он мог говорить со мной очень откровенно. Я сразу же понял, что должен пережить такое же духовное прозрение, иначе умру.

Я снова вернулся на лечение к доктору Силкуорту, где можно было еще раз отрезветь и окинуть более ясным взглядом опыт выздоровления моего друга, а также контакт Роланда Х. с ним.

В очередной раз очистившись от алкоголя, я погрузился в ужасную депрессию. По-видимому, причиной была моя неспособность вернуть себе хоть чуточку веры. Эдвин Т.

снова посетил меня и повторил простые формулы Оксфордской группы. Вскоре после его ухода я впал в еще большую депрессию и в полном отчаянии воскликнул: «Если Бог есть, пусть он покажет себя!» И тут на меня снизошло озарение колоссальной силы. Позже я попытался описать это явление в книгах «Анонимные Алкоголики» и «АА взрослеет» и наших основных текстах, которые я Вам посылаю.

Мое освобождение от одержимости алкоголем было мгновенным. Я моментально понял, что стал свободным человеком.

Вскоре после этого мой друг Эдвин пришел ко мне в больницу и принес книгу Вильяма Джеймса «Разновидности религиозного опыта». Из нее я почерпнул понимание того, что большинство случаев духовного перерождения, при всем их разнообразии, имеют общую черту – глубокое сокрушение эго. Личность сталкивается с неразрешимой дилеммой. Мою безвыходную ситуация породило компульсивное пьянство, а доктор Силкуорт безмерно усугубил мое чувство безнадежности. Оно еще более обострилось, когда мой товарищ-алкоголик поведал мне о Вашем вердикте насчет неизлечимости Роланда Х.

Вслед за духовным пробуждением ко мне пришло видение некоего сообщества алкоголиков, каждый из которых отождествляет себя с другим и передает ему свой опыт – подобие цепной реакции. Если каждый страдалец будет нести потенциальному члену сообщества весть о неизлечимости алкоголизма с научной точки зрения, то он, возможно, сможет подготовить новичка, чтобы душа его открылась для духовного перерождения. Эта идея стала основой последующего успеха Анонимных Алкоголиков. Благодаря этому духовная трансформация – практически все ее виды, перечисленные Джеймсом – стала почти массовым явлением. За последние четверть века число прочных выздоровлений среди нас достигает трехсот тысяч. На сегодняшний день в Америке и по всему миру насчитывается восемь тысяч групп АА.

Этой огромной милостью мы обязаны Вам, а также доктору Шумейкеру из Оксфордской группы, Вильяму Джеймсу и моему доктору Силкуорту. Как Вы теперь знаете, эта удивительная цепь событий, на самом деле, началась давным давно в Вашем кабинете, и в основе ее лежат Ваши смирение и глубокая проницательность.

Очень многие из вдумчивых членов АА изучают Ваши работы. Вы завоевали нашу особую любовь благодаря своему убеждению, что человек – нечто большее, чем просто интеллект, эмоции и набор химикалий на пару долларов.

О том, как наше Общество развивалось, разрабатывало свои Традиции ради единства и структурировало свою деятельность, рассказывается в литературе, которую я Вам посылаю.

Вам также будет интересно узнать, что, помимо «духовных переживаний», многие члены АА сообщают о самых разнообразных психических феноменах, совокупный вес которых весьма значителен. Другим нашим собратьям – после выздоровления в АА – очень помогли специалисты, работающие по Вашим методам. Некоторых заинтересовала «Книга перемен» и Ваше замечательное вступление к этому труду.

Уверяю Вас: Вы занимаете совершенно уникальное место в наших сердцах и в истории нашего Содружества!

С благодарностью,

Вильям Г.У., со-основатель Содружества Анонимных Алкоголиков

30 января 1961 г.

Дорогой мистер У.!

Мне было очень приятно получить Ваше письмо.

Я больше не получал вестей от Роланда Х. и часто спрашивал себя, как сложилась его судьба. Наша с ним беседа, о которой он правдиво Вам рассказал, имела один аспект,

который был ему неизвестен. Я не мог поведать ему всего, потому что в то время мне приходилось быть чрезвычайно осторожным в своих словах. Я уже усвоил, что меня понимают совершенно неправильно. Потому я говорил с Роландом очень аккуратно; однако мои истинные мысли были плодом богатого опыта наблюдения за людьми, ему подобными.

Его жажда алкоголя была низкоуровневым эквивалентом стремления нашего духа к целостности, или, говоря средневековым языком, к единению с Богом.

Как можно сформулировать подобное представление таким образом, чтобы его не истолковали превратно в наши дни?

Единственный верный путь к такому перерождению – чтобы это реально произошло с тобой, а возможно это только тогда, когда идешь по дороге, ведущей к высшему пониманию. Этой цели можно достигнуть через акт Божьего милосердия, через искреннее тесное общение с друзьями или через высшее просвещение разума, выходящее за рамки чистого рационализма. Из Вашего письма я вижу, что Роланд Х. избрал второй способ, который в его обстоятельствах, очевидно, был наилучшим.

Я глубоко убежден, что зло, преобладающее в нашем мире, обращает неосознанную духовную потребность в вечные муки, если ему не противостоит истинное религиозное понимание или защитная стена человеческого сообщества. Обычный человек, не защищенный свыше и живущий в изоляции от людей, не может сопротивляться силе зла, которую впору называть Дьяволом. Однако использование таких слов вызывает столько ошибок, что остается лишь избегать их, насколько возможно.

Вот почему я не мог объяснить все это Роланду Х. Но я рискую говорить об этом с Вами, так как из Вашего очень хорошего и честного письма заключаю, что Вы приобрели угол зрения, превосходящий обманчивые банальности, которые мы обычно слышим об алкоголизме.

Видите ли, по-латински алкоголь – «spiritus»; а ведь этим же словом мы обозначаем и самую развращающую отраву, и самый высокий религиозный опыт (англ. «spirit» означает также «дух». – *Прим. перев.*). Поэтому здесь помогает формула: «Spiritus contra spiritum».

Еще раз благодарю Вас за Ваше доброе письмо!

Искренне Ваш,

К.Г. Юнг

Следующая статья содержит отрывки из речи Билла на 33 годовщине АА, организованной нью-йоркской интергруппой. Он был третьим и последним оратором; перед ним выступили Джим из Лонг-Айленда и Кирстен из Скарсдэйла.

Доктор Юнг, доктор Силкуорт и АА *(январь 1968 г.)*

Как только что очень остро подметил Кирстен, «годы, опустошенные саранчой, закончились»... И, как очень просто сказал Джим, «есть Бог и есть благодать»...

Сегодня мне хочется поведать вам свою личную историю, во-первых, в аспекте «опустошенных лет» и теперь понятных мне причин этого, в самом начале моей жизни поспособствовавших моему алкоголизму; и, во-вторых, в аспекте моей веры, что «есть Бог и есть благодать», и плодов этой веры для меня и для стольких многих людей.

Наш председатель сегодня упомянул о чудесных друзьях, которые были у АА с самого начала. Можно было бы даже сказать, что эти чудесные друзья были у нас еще до того, как в глазах кого-либо из нас мелькнул первый проблеск АА!

Задолго до моей трезвости, задолго до рождения идеи о нашем пути самопомощи для алкоголиков некоторые мужчины и женщины уже приобретали навыки и представления, которым спустя годы суждено было изменить нашу жизнь. Все эти первые наши друзья, подарившие нам свои способности и мудрость, отличались вот чем: каждый был *духовно ориентированным, вдохновленным духовностью.*

Сегодня мне хотелось бы поведать об одной из тех исторических ситуаций, из которых и выросло наше Содружество. Многие из вас уже слышали часть этой истории – о том, как Роланд Х., американский бизнесмен, все глубже погружался в пучину алкоголизма; он проходил один курс лечения за другим, но безрезультатно. В конце концов, отчаявшись, он отправился в Европу и буквально бросился под опеку доктора-психиатра Карла Юнга, впоследствии оказавшегося великим добрым другом АА.

Как вы помните, доктор Юнг был одним из трех пионеров искусства психиатрии. От своих коллег, Фрейда и Адлера, он отличался тем, что был вдохновлен духовностью, и

благодаря этому изменилась вся жизнь каждого из присутствующих здесь, как будет и со всеми будущими членами Содружества...

Я не осознавал, насколько великим человеком был Карл Юнг в духовном плане, пока в 1961 году не написал ему очень запоздалое письмо с благодарностью за ту роль, которую он сыграл в возникновении нашего сообщества Анонимных Алкоголиков.

То был последний год жизни доктора Юнга. Он был стар. И все же он сел и написал мне ответ. Похоже, он напечатал его на машинке одним пальцем. Теперь это письмо – одна из самых драгоценных моих вещей. Лоис вставила его в рамочку, и оно всегда будет с нами.

Нам следует очень тщательно отметить, что сказал доктор Юнг в своем письме, явно написанном с глубокой любовью и пониманием – на языке сердца. Его видение того, что именно необходимо для выздоровления от алкоголизма – видение, пришедшее ко мне через Роланда и Эбби в критический момент моего падения – определило всю судьбу АА, когда оно было еще в зародыше. Смиренная готовность говорить правду, даже если это означает разоблачение ограниченных возможностей его искусства – в этом был весь он.

Был еще один вдохновленный духовностью человек – доктор Вильям Д. Силкуорт, который внес вклад в развитие АА параллельно с доктором Юнгом. В отличие от Юнга, Силкуорт не был знаменит, но он тоже был духовно ориентированным – ему приходилось! После двадцати лет почти полного провала в своих попытках помочь алкоголикам он продолжал заявлять всем приходящим к нему, что все равно любит алкоголиков и хочет по-прежнему работать с ними и для них. Каждый алкоголик, который у него лечился, чувствовал эту любовь. Выздоровели очень немногие. Доктор считал, что я тоже мог бы. Но настал день, когда ему стало ясно: я не выздоровею, не смогу.

К этому времени доктор Силкуорт выработал определение алкоголизма как болезни эмоциональной вкупе с болезнью телесной, которую он расплывчато описывал как аллергию. Эти его слова мы читаем в предисловии к Большой Книге «Анонимные Алкоголики» – под заголовком «Мнение доктора»; в промежуточные годы они использовались в формулировке общих взглядов АА.

Как Юнг сказал Роланду, что его случай безнадежен, и ни медицина, ни психиатрия не могут больше ничего для него сделать, так и Силкуорт сказал Лоис в один судьбоносный день летом 1934 года: «Боюсь, Билла придется закрыть. Я ничем не могу ему помочь и не знаю, что вообще могло бы помочь». Это были слова настоящего профессионала, преисполненные смирения.

Со страху я продержался трезвым два месяца, но потом снова запил. Однако идеи доктора Юнга и Оксфордской группы, которыми поделился со мной Эбби, и приговор, вынесенный мне доктором Силкуортом, все так же занимали мои мысли во всякий час бодрствования. Мною овладела обида. Сначала доктор Силкуорт, определивший "алкоголизм как одержимость, обрекающую вас на пьянство наперекор собственной воле и истинным интересам, вплоть до гибели, и реакцию организма, гарантирующую вам сумасшествие и смерть, если продолжите пить", а потом еще и доктор Юнг, подтвердивший через Роланда и Эбби, что врачи не знают решения проблемы. Мой бог, наука – единственный бог, который у меня тогда был – объявил меня безнадежным.

Но Эбби ведь принес и надежду. Довольно скоро я снова очутился в больнице на попечении доктора Силкуорта после запоя, оказавшегося для меня последним. Эбби опять пришел меня навестить. Я попросил его еще раз повторить то, что он говорил в моем доме в Бруклине, сидя со мной за кухонным столом, когда впервые рассказывал о том, как обрел трезвость. Он ответил: «Ну, короче, нужно быть

честным с самим собой; заниматься самоанализом; обсуждать проблемы с другим человеком; перестать жить в одиночестве и начать налаживать отношения с окружающим миром через возмещение нанесенного ему ущерба; попробовать давать, не требуя за это награды в виде одобрения, славы или денег; просить некую высшую силу, чем бы она ни была – хотя бы просто в порядке эксперимента – помочь тебе обрести благодать, чтобы избавиться от алкоголизма».

Эбби говорил с улыбкой, и в его устах все звучало совсем просто и прозаично. Но суть была такова. Наконец, он ушел. И вот тогда-то я по-настоящему почувствовал на себе железную хватку дилеммы. Я впал в небывалый ступор. Могу только предположить: к тому моменту у меня исчезла малейшая частичка веры в то, что я смогу хоть что-то сделать для себя самостоятельно. Я ощутил себя ребенком, который совсем один в полной темноте. И я закричал, как ребенок, мало чего ожидая – на деле, ничего не ожидая – простые слова: «Если Бог есть, пусть он покажет себя!» И тут мне было ниспослано одно из тех мгновенных озарений, которые просто не поддаются описанию. Меня охватила огромная радость и экстаз, который невозможно выразить словами. В воображении я видел, будто бы стою на высокой горе. Я не взбирался на нее – меня туда подняли. И тогда на меня снизошла чудесная мысль: «Билл, ты свободен! Это Бог Святого Писания». Меня наполнило осознание божественного присутствия. Мной овладело глубокое умиротворение. Не знаю, как долго это продолжалось.

Но потом вмешалась темная сторона и сказала мне: «Билл, может, у тебя галлюцинации? Лучше вызови доктора». Мой доктор пришел, и я, запинаясь, поведал ему о пережитом. Ответом мне стали великие слова для Анонимных Алкоголиков. Этот маленький человек выслушал меня, добродушно глядя на меня своими голубыми глазами, а потом произнес: «Билл, ты не сумасшедший. Я читал о таких случаях, но

никогда не слышал о них из первых рук. Не знаю, что именно ты пережил, Билл, но это, должно быть, какое-то большое духовное событие, и тебе лучше держаться за него, ведь это намного лучше, чем то, что у тебя было всего лишь час назад».

Итак, я держался. Теперь я знал, что есть Бог и есть благодать. И после всего, что было, я продолжаю считать, – если мне позволительно так говорить, – что я это действительно знаю.

Позже я, будучи, в некотором роде, аналитиком по профессии, естественно, начал спрашивать себя: почему это произошло со мной? И почему так редко происходило с алкоголиками до меня? Почему это не становится достоянием любого алкоголика? Пока я размышлял об этом, Эбби снова пришел на следующий день, держа в руках послание еще одного великого человека – Вильяма Джеймса. Это послание пришло ко мне в виде книги «Разновидности религиозного опыта». Я прочел ее от корки до корки и, само собой, нашел примеры переживаний, соответствующих моим. Но нашел я и описания иных озарений – медленных, постепенных. Также я прочел о подобных случаях без каких бы то ни было религиозных ассоциаций.

Однако почти все такие события, способные трансформировать мотивации, имели общие знаменатели вне любых объяснений, связанных с ассоциациями, общей дисциплиной, верой и чем угодно еще. В основе всех этих благодатных даров – и стремительных, и постепенных – лежала безнадежность. Получили их люди, которые в определенной контролируемой сфере жизни столкнулись с ситуацией, непреодолимой никакими путями. Они потерпели полное поражение, как и я.

Раздумывая о своем поражении, я осознал, какую роль сыграл в нем мой бог – наука в лице докторов Юнга и Силкуорта. Они сообщили мне очень скверную новость – что мои шансы

выздороветь своими силами или с помощью одной лишь медицины равны нулю. Мое эго было сокрушено до самой глубины, и это подготовило меня к принятию дара.

На самом деле, хотя это было величайшее переживание в моей жизни, сейчас я вовсе не считаю его чем-то высшим и в сути своей особенным по сравнению с тем трансформирующим опытом, который получают все члены АА – духовным пробуждением. Все это проистекает из одного и того же источника – божественного порядка.

Итак, с пережитым мной опытом пришла возможность цепной реакции. Я понял: со мной ничего такого не происходило, пока другой алкоголик не передал мне определенные идеи, поразившие меня до глубины души. Вот и возникла мысль, что алкоголики могли бы беседовать друг с другом так же, как члены Оксфордской группы – на языке сердца. Возможно, это могло бы действовать как ременная передача. И я начал работу с алкоголиками.

Я ходил на собрания Оксфордской группы, в миссионерские организации. Доктор Силкуорт, рискуя своей репутацией, позволил мне поработать с несколькими пациентами в больнице. И – о чудо! Ничего не происходило! А все потому, что ко мне вернулась часть былого величия – я ведь считал свой опыт чем-то совершенно особенным. Мое старое эго вновь начало разрастаться. Мне казалось, что мне суждено исцелить всех пьяниц мира – весьма трудная задача!

Естественно, ничего не получалось, пока мое эго не было сокрушено вновь. Это случилось в Акроне, в отеле «Мэйфлауэр», в тот день, когда у меня впервые после больничного опыта возникло искушение выпить. Тогда-то я и понял: мне самому нужны другие алкоголики, чтобы выжить и сохранить дарованную мне трезвость. Проблема была уже не в том, чтобы пытаться *помочь* другим. Теперь я *вынужден был* искать других алкоголиков, чтобы работать с ними ради поддержания моей собственной трезвости. Поэтому моя первая

беседа с Доктором Бобом с глазу на глаз очень отличалась от прежних. Я сказал ему: «Боб, я говорю с тобой, потому что ты нужен мне так же, как я, возможно, нужен тебе. Я вот-вот могу свалиться обратно в канаву».

Вот и вся история. Сущность болезни, разъясненная доктором Юнгом и доктором Силкуортом – и алкоголик, рассказывающий другому алкоголику, как он обрел трезвость, положившись на милость Божью.

Раздел 2: Взгляд в будущее

Лидерство в АА как извечная насущная потребность *(апрель 1959 г.)*

Ни одно сообщество не способно эффективно функционировать без умелого руководства на всех его уровнях, и АА – не исключение. Тем не менее, нужно сказать, что мы порой тешим себя мыслью о том, что можем обойтись безо всякого руководства вообще. Мы склонны искажать традиционную идею «принципы выше личностей» до такой степени, что в лидерстве совсем не остается места для «личности». Но тогда это были бы не лидеры, а, скорее, безликие роботы, старающиеся угодить всем и каждому.

И напротив, бывает, мы столь же склонны требовать, чтобы лидерами в АА были непременно люди самых безукоризненных суждений и моральных качеств, преисполненные воодушевления, великие деятели, высший пример для всех, практически непогрешимые.

Конечно же, реальным нашим лидерам приходится вести свою деятельность где-то между этими абсолютно вымышленными полюсами желанного совершенства. Несомненно, в АА нет ни одного безликого лидера, как нет и ни одного идеального. К счастью, наше сообщество благословлено неограниченным числом *настоящих* лидеров – тех, кто уже активен сегодня, а также потенциальных лидеров завтрашнего дня – новых поколений способных людей, вливающихся в наши ряды. Среди нас есть множество мужчин и женщин, чьи самоотверженность, надежность, проницательность и особые навыки позволили бы им справиться с любыми задачами по обслуживанию. Нам нужно лишь отыскать таких людей и вверить им обслуживание Содружества.

Где-то в нашей литературе встречается утверждение вроде «Наши лидеры не командуют нами – они ведут нас своим

примером». По сути, мы говорим им: «Действуйте за нас, но не распоряжайтесь нами».

Следовательно, лидер в служении АА – это человек, который лично может воплощать принципы, планы и стратегии на деле так преданно и эффективно, чтобы остальные члены Содружества захотели поддержать его и помочь ему в его работе. Если лидер слишком уж нами «рулит», мы бунтуем; но если он становится безропотным исполнителем, не имеющим собственного мнения, то он и не лидер вовсе.

Хорошее руководство разрабатывает планы, стратеги и идеи по совершенствованию нашего Содружества и его служб. Однако по новым и важным проблемам оно широко консультируется с другими, прежде чем принять решение и действовать. Хорошее руководство всегда помнит, что отличный план или идея может прийти от кого угодно и где угодно. Потому оно часто будет отказываться от собственных взлелеянных планов ради чужих, которые лучше, при этом отдавая должное их источнику.

Хорошее руководство никогда не сваливает ответственность на других. Однажды убедившись, что в достаточной мере пользуется общей поддержкой или может ее получить, оно свободно принимает решения и сразу реализует их – разумеется, при условии, что такие действия не выходят за оговоренные рамки его влияния и ответственности.

«Политикан» – это тот, кто вечно старается «дать людям желаемое». А политик – это человек, хорошо разбирающийся в том, когда нужно что-то делать и когда *не нужно*. Он осознает, что даже подавляющее большинство может порой круто заблуждаться, если оно сильно взволнованно или плохо информировано. Когда возникает такая нестандартная ситуация, а на кону стоит нечто крайне важное, то руководство, даже если оно выступает в меньшинстве, всегда обязано выстоять против бури, используя все свое влияние и силу убеждения, чтобы изменить положение.

Однако ничто так не гибельно для руководства, как оппозиция ради самой оппозиции. Нельзя говорить: «Или сделаем по-нашему, или вообще никак». Такое сопротивление часто продиктовано слепой гордыней или же раздражением, которое заставляет нас испытывать желание заблокировать что-то или кого-то. Бывает и так, что оппозиция просто заявляет: «Нет, нам это не нравится», а подлинных причин не называет. Так не годится. Руководство, если его спросят, должно всегда приводить свои доводы, и притом весомые. Кроме того, лидер должен понимать: даже очень надменные и сердитые люди могут иногда быть абсолютно правы, а спокойные и более скромные – ошибаться.

Эти пункты – практические иллюстрации тех видов проницательности и самокритического анализа, которые истинный лидер всегда должен стараться практиковать.

Еще одно качество, которым должен обладать лидер – способность охотно идти на уступки всегда, когда подходящий компромисс может повернуть ситуацию в направлении, которое кажется верным. Нам, алкоголикам, склонным жить по принципу «все или ничего», компромиссы даются трудно. Как бы то ни было, мы не должны забывать, что прогресс почти всегда характеризуется *рядом компромиссов ради улучшения*. Но не можем мы и вечно уступать. Время от времени действительно необходимо твердо стоять на своем до тех пор, пока вопрос не будет урегулирован. В таких ситуациях нужно тщательно рассчитывать время и очень внимательно разбираться в ситуации, чтобы определить, какой курс избрать.

Лидерам часто приходится сталкиваться с резкой критикой, порой продолжительной. Это жесткое испытание. Всегда есть конструктивные критики, наши истинные друзья. Нам следует всегда внимательно их выслушивать. Мы должны быть готовы к тому, что они подкорректируют наши взгляды или даже кардинально их изменят. Зачастую нам также придется не соглашаться с ними и отстаивать свою позицию, не теряя

их дружбы. Потом, есть еще те, кого мы могли бы назвать своими «деструктивными» критиками. Они давят на нас, политиканствуют, обвиняют. Возможно, они полны ярости и злости. Они распространяют слухи, сплетничают, чтобы добиться своего – само собой, все это во благо АА! Впрочем, мы, в конце концов, усвоили, что эти ребята, которые, возможно, больны немного сильнее, чем остальные в Содружестве, совсем не обязательно наносят реальный вред – по крайней мере, в АА. Все целиком зависит от того, как мы поведем себя с ними.

Для начала нам следует очень внимательно их выслушать. Иногда они говорят чистую истину; иногда в их словах лишь часть истины. Но чаще всего в своих рассуждениях они просто доходят до абсурда. Если мы в пределах досягаемости, то нас может одинаково задеть и чистая правда, и полуправда, и даже полное отсутствие правды. Потому-то и нужно слушать внимательно. Если в их речах есть хотя бы доля истины, то нам лучше, несмотря ни на что, поблагодарить их и углубиться в самоанализ, признав, что мы были неправы. Если же они говорят бессмыслицу, мы можем их проигнорировать. Или выложить все карты на стол и попытаться их убедить. В случае неудачи нам остается лишь сожалеть, что они слишком больны, чтобы нас услышать, и постараться забыть обо всем этом. Лишь немногие из известных нам инструментов для самоанализа и развития истинной терпимости действуют эффективнее, чем те упражнения, которые дают нам эти наши сумасбродные собратья, обычно имеющие благие намерения. Это всегда дело трудное; иногда нам не удается справиться с ним самостоятельно. Но нужно обязательно продолжать попытки.

Далее следует качество первостепенного значения – дальновидность, на мой взгляд, – это способность верно оценивать вещи в аспекте как ближайшего будущего, так и отдаленного. Кому-то такие устремления могут показаться в некотором

роде ересью – ведь мы, члены АА, постоянно говорим себе «Шаг за шагом!» На самом же деле, этот столь ценимый нами принцип относится лишь к нашей эмоциональной жизни и означает только то, что нам не следует ни сожалеть о прошлом, ни фантазировать и мечтать о будущем. Как отдельные люди и как Содружество мы, несомненно, пострадаем, если оставим доброму Провидению всю работу по планированию завтрашнего дня. Бог наделил человека хорошей способностью к предвидению и, очевидно, ожидает, что мы будем ее применять. Поэтому важно различать мечты о счастливом будущем и сегодняшнее использование нашей способности к вдумчивой оценке – такой, которая, по нашему упованию, принесет будущий прогресс вместо непредвиденной беды. Следовательно, дальновидность – это самая суть рассудительности, очень здоровая добродетель. Конечно, мы часто будем ошибаться в расчетах относительно будущего – полностью или частично. Но все равно это будет гораздо лучше, чем совсем отказаться думать о нем.

Оценивание имеет несколько аспектов. Сначала мы окидываем взглядом прошлый и настоящий опыт, чтобы составить свое мнение о том, что он означает. На этой основе строим ориентировочную идею или стратегию. Потом размышляем о том, как она могла бы сработать в ближайшем будущем. Произведя такую оценку, задаемся вопросом, как наши стратегии и идеи работали бы в различных условиях, могущих возникнуть в более отдаленном будущем. Если идея кажется выигрышной, испытываем ее – по возможности, в порядке эксперимента. Через какое-то время снова оцениваем положение и спрашиваем себя, сбывается ли наша оценка или, может, сбудется вскоре.

Примерно на этом этапе нам, возможно, придется принять окончательное решение. Наша стратегия или план может до сих пор выглядеть прекрасно и приносить явные плоды. Тем не менее, нам следует очень тщательно обдумать, какими

будут долгосрочные результаты. Не обернутся ли сегодняшние близкие преимущества большими трудностями в будущем? Почти всегда будет искушение ухватиться за непосредственную выгоду в настоящем, совершенно позабыв, что тем самым мы, быть может, даем ход опасным прецедентам и последствиям.

Это отнюдь не фантастические теории. Мы уяснили, что должны постоянно применять эти принципы оценки, особенно на уровне всемирного обслуживания, где ставки высоки. К примеру, во взаимоотношениях с общественностью нам нужно оценивать реакцию и групп АА, и широкой публики как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. То же самое – в отношении нашей литературы. Также необходимо рассчитывать наши финансы и планировать траты. Мы должны рассматривать свои нужды в плане обслуживания в их взаимосвязи с общими экономическими условиями, возможностями групп и их готовностью вносить пожертвования. По многим подобным проблемам нам очень часто приходится думать на целые месяцы и даже годы вперед.

По сути, все Двенадцать Традиций АА изначально были вопросами оценки и предвидения будущего. Много лет назад у нас медленно зарождалась идея о самообеспечении АА. Там и сям возникали сложности в связи с дарами извне. Они все усугублялись, и потому мы начали вырабатывать политику непринятия таких подарков. У нас возникло подозрение, что крупные суммы денег будут толкать нас к безответственности и отвлекать от основной цели. В конце концов, нам стало ясно: в будущем поступающие извне средства могут совершенно разрушить наше Содружество. И тогда то, что до сих пор было лишь идеей или общим курсом, прочно утвердилось в виде одной из Традиций АА. Мы поняли, что должны пожертвовать быстрой и близкой выгодой ради своей будущей безопасности.

Через это же мы прошли и в связи с проблемой анонимности. Поначалу был ряд случаев публичного раскрытия анонимности, и это казалось полезным. Но со временем пришло понимание того, что множественные нарушения анонимности привели бы к хаосу в наших рядах. Так формировалась наша концепция во имя завтрашнего дня – сначала проблеск идеи, затем экспериментальная стратегия, твердый курс и, наконец, глубокая убежденность. Таков наш процесс оценки будущего. Наше ответственное руководство в области всемирного обслуживания всегда должно быть особенно искусным в этом жизненно важном деле. Такие способности оставляют желать лучшего, в особенности среди наших попечителей, и я считаю, что большую часть из них следует выбирать исходя из дара прогнозирования, уже проявленного ими в своей деловой и профессиональной карьере.

Нам всегда будет необходимо, чтобы лидеры служб АА всех уровней обладали многими из этих самых качеств, насколько это возможно. Принципы лидерства практически неизменны, какой бы ни была сфера деятельности.

На первый взгляд, эти рассуждения о лидерстве могут показаться попыткой выделить некий привилегированный высший тип членов АА. Но это совсем не так. Мы просто признаем, что наши таланты очень разнообразны. Дирижер оркестра не обязательно хорош в финансовом деле или прогнозировании. Еще менее вероятно, что отличный банкир мог бы сделать успешную карьеру музыканта. Таким образом, говоря о лидерах в АА, мы лишь утверждаем, что нам следует их выбирать по наиболее подходящим талантам, какие только сможем отыскать, и стараться поручать конкретному человеку именно то дело, где его талант принесет нам наибольшую пользу.

Хотя изначально эта статья замышлялась применительно к руководству нашим всемирным обслуживанием, вполне

возможно, что многие из ее рекомендаций будут полезны любому, кто ведет активную деятельность в нашем сообществе.

Это особенно верно в отношении непосредственной работы по Двенадцатому Шагу, которой почти все мы занимаемся с большим рвением. Каждый наставник неизбежно является лидером. Ставки здесь огромны, ведь на весах лежит человеческая жизнь, а обычно и счастье целой семьи. Что наставник делает и говорит, насколько правильно он оценивает реакции подопечных, насколько удачно выбирает время для презентаций и насколько хорошо их проводит, насколько успешно справляется с критикой, насколько увлекает подопечного своим личным духовным примером – эти лидерские качества могут решить исход дела. Часто от них зависит жизнь и смерть.

Слава Богу, что Анонимные Алкоголики благословлены таким количеством способных лидеров во всех великих делах Содружества!

Общение в АА преодолевает все барьеры *(октябрь 1959 г.)*

Нужно признать: мы, члены АА – невероятно везучие люди! Нам повезло, что мы, столько выстрадав, теперь можем так великолепно познавать, понимать и любить друг друга – ведь такие качества и добродетели вряд ли относятся к тем, которые можно выработать у себя. На самом деле большинство из нас отлично осознают: это – редкие дары, чей истинный источник – в нашем родстве, порожденном общими страданиями и общим спасением милостью Божьей. Благодаря этому мы имеем привилегию общаться друг с другом так хорошо, что живущие вокруг нас друзья-неалкоголики не так уж часто общаются между собой лучше.

С первых дней существования АА успех нашей работы с каждым новым потенциальным членом всегда напрямую зависел от нашей способности отождествлять себя с ним в плане опыта, языка и особенно чувства – того глубокого чувства друг к другу, которое проникает глубже слов. Именно это мы и имеем в виду, говоря о «беседе одного алкоголика с другим».

Тем не менее, через годы мы поняли, что зачастую мало одного лишь родства, порожденного страданиями из-за тяжелой формы алкоголизма. Чтобы преодолеть все барьеры, нам нужно расширять и углублять свои каналы общения.

Практически все первые члены АА были, как мы говорим сегодня, страдальцами «на последнем издыхании» (или «с низким дном»). Мы, ветераны, по большей части находились уже на самом краю пропасти. Когда же среди нас начали появляться те, кого болезнь еще не настолько поразила (алкоголики «с высоким дном»), они обычно говорили: «Ребята, но мы ведь никогда не попадали в тюрьмы и психушки и никогда не делали таких ужасных вещей, о которых вы рассказываете! АА явно не для таких, как мы».

Многие годы мы, ветераны, просто не умели общаться с такими людьми. Как бы то ни было, нам необходимо было увеличить количество и мощность линий передачи, связывающих нас с ними. В противном случае мы ни за что не добились бы успеха. Наконец, на основе обширного опыта был разработан соответствующий метод.

Каждому новичку «с высоким дном» мы втолковывали вердикт известных докторов: «Алкоголизм – *прогрессирующая* смертельная болезнь». А потом возвращались к тому раннему периоду своего пьянства, когда тоже были «умеренно пьющими», или, как казалось, страдающими не слишком серьезной формой алкоголизма. Мы вспоминали, как были уверены, что «в следующий раз» сможем себя контролировать после нескольких стаканов. Или как преклонялись перед бытующим представлением о том, что необузданное потребление спиртного время от времени – в конце концов, ничто иное как грех настоящего «самца». Или как на следующей стадии винили в своем пьянстве неудачные обстоятельства или расстраивающее нас поведение других людей.

Достигнув данной степени отождествления, мы начинали потчевать новичка историями, показывающими, каким коварным и неотвратимым было развитие нашей болезни; как за много лет до того, как это осознать, мы фактически зашли гораздо дальше «точки невозвращения» в том, что касается наших собственных ресурсов силы воли. При этом мы постоянно подчеркивали, насколько правы были врачи.

Медленно, но верно такая стратегия начала оправдывать себя. Благодаря авторитету медицины и лучшему представлению наших идей алкоголики «с низким дном» начали теснее общаться с алкоголиками «с высоким дном». Однако нам не пришлось вечно продолжать этот трудоемкий процесс с его редкими результатами. К своей радости, мы обнаружили: когда в округе появляется хотя бы небольшая группа

алкоголиков «с высоким дном», мы начинаем все быстрее и все легче добиваться успехов в работе с этим классом наших собратьев. Сегодня нам известно, почему: просто алкоголик «с высоким дном» может говорить с себе подобным так, как не сумеет никто другой. Этот сегмент Содружества все рос и рос. В настоящее время, вероятно, половина всех членов АА избежала тех последних пяти, десяти или даже пятнадцати лет кромешного ада, который так хорошо знаком нам, алкоголикам «с низким дном».

С тех пор как эти первые основные проблемы общения разрешились, АА стало популярным и успешно ведет диалог с каждой сферой жизни и быта, где обитают алкоголики.

К примеру, в самом начале прошло целых четыре года, прежде чем Содружество принесло устойчивую трезвость хотя бы одной женщине-алкоголичке. Как и пьяницы «с высоким дном» женщины тоже говорили, что отличаются от нас и что АА не для них. Но по мере углубления общения – главным образом, усилиями самих женщин, – картина менялась. На данный момент по всему миру насчитывается, должно быть, около тридцати тысяч наших сестер по АА.

Этот процесс отождествления и передачи информации все продолжался и продолжался. Бродяга говорил, что он не такой, как мы. То же самое, только еще громче, заявлял и человек, занимающий видное положение в обществе (или пропойца с Парк Авеню). Это же говорили представители различных профессий и ремесел. А также богатые, бедные, религиозные, агностики, индейцы, эскимосы, фронтовики, заключенные.

Но сегодня все они, как и множество других людей, трезвы и утверждают: мы, алкоголики, очень похожи, когда признаем, что ситуация, наконец, стала критической, и видим, что наша деятельность во всемирном Содружестве «общего страдания и общего избавления» – в прямом смысле вопрос жизни и смерти.

А вот наш ежегодный международный выпуск журнала АА «Грейпвайн». В нем мы отражаем новости и убеждения наших многочисленных драгоценных групп за границей, сегодня вдвойне возвращающих нам то вдохновение, которое мы старались слать им много лет назад. В то время проблема коммуникации действительно существовала. Возможно ли было для нас отождествлять себя с ними через переписку, нашу литературу (переводов которой тогда не хватало) и случайных путешественников из АА, бывающих за границей?

В 1950 году мы вовсе не были в этом уверены. Поэтому в тот чудесный год я и Лоис, направляясь в Европу и Великобританию, чтобы убедиться во всем сами, очень сомневались. Сможет ли АА преодолеть все эти громадные барьеры расовых, языковых, религиозных и культурных различий; все шрамы, оставшиеся после войн – и недавних, и древних; все виды гордыни и предубеждения, доля которых, как мы знали, присутствует и у нас, американцев? Как насчет норвежцев, шведов, датчан, финнов? А голландцы, немцы, французы, англичане, шотландцы, израильтяне? А африканцы, буры, австралийцы, латиноамериканцы, японцы, индусы, мусульмане и, конечно же, эскимосы? Сможет ли АА, в конечном итоге, перешагнуть через те самые барьеры, которые разделяют и раскалывают современный мир, как никогда ранее?

Как только мы прибыли в Норвегию, то поняли: АА может пройти и пройдет куда угодно. Мы не знали ни одного слова по-норвежски, а переводчиков порой не хватало. Местные пейзажи и обычаи были для нас новыми и чуждыми. Но, несмотря на все это, с первой секунды установилось чудесное взаимопонимание. Возникло невероятное ощущение единства, и мы почувствовали себя как дома – норвежцы стали нашим народом, Норвегия стала нашей страной. Они чувствовали то же самое по отношению к нам. Их лица светились от этого, и они затронули наши сердца.

Мы продолжили путешествие по разным странам, и повсюду было так же. В Британии нас приняли как британцев, в Ирландии мы были единодушны с ирландцами. Так было везде, везде! Это была не просто теплая встреча умов, не просто интересное сравнение общего опыта и устремлений. Это было нечто гораздо, гораздо большее: образование связи между сердцами, наполненное изумлением, радостью и безграничной благодарностью. Мы с Лоис поняли тогда, что АА сможет облететь весь мир. Так оно и вышло!

Нам не нужно других доказательств. Если же у кого-то из АА еще есть сомнения, ему стоит послушать милую трогательную историю, которую мне рассказали буквально на прошлой неделе.

Это история о маленькой англоязычной группе АА в Японии. Точнее, о двух ее членах – японцах, не понимающих ни слова по-английски. Также следует упомянуть, что остальная часть группы не знает ни слова по-японски. Абсолютный языковой барьер. Вероятно, эти двое японцев прочли перевод Двенадцати Шагов, и все. И вот уже много месяцев эти японцы не пропускают ни одного собрания. При этом они сохраняют полную трезвость. Когда они сидят на собрании, их лица сияют улыбками. Они очень внимательно слушают каждого выступающего, и все выглядит так, будто они смакуют и понимают каждое слово. Эти английские слова как таковые все еще не имеют для них значения. Однако и выступления, и само собрание в глазах японцев полны глубокого смысла. Все мы знаем, почему. Ораторы говорят отнюдь не на простом английском, а на универсальном языке таинственного крепкого братства – языке сердца. Некогда одинокие, живущие в изоляции японцы больше не одни – теперь они видят, чувствуют и понимают. Слава Богу, все остальные в АА – тоже!

Двадцать пять лет спустя *(март 1960 г.)*

Так чудесно знать, что большинство наших юбилейных мероприятий по всему миру во многом разделят с нами наши семьи и преданные друзья – те, кто нас поддерживали, следили за нами и так много сделали, чтобы помочь нам выйти из мрака алкоголизма к яркому свету АА.

Для меня и Лоис, как и для всех членов АА, эта двадцать пятая годовщина – время для теплых, счастливых воспоминаний; для благодарности за трезвость и новую жизнь, которую последняя четверть века дала столь многим из нас, некогда безнадежным; для благодарности за все растущую возможность служить людям и Богу, которая потребует от нас все более глубокой преданности нашим драгоценным принципам выздоровления, единства и служения – эти темы нашего двадцать пятого юбилея сейчас у всех на устах.

Кроме того, мы всерьез задумываемся обо всех тех страдальцах, кому еще предстоит прийти в АА – несомненно, их тысячи, а то и миллионы. Мы хотим, чтобы в попытке вернуться к вере и к жизни нашли в АА все то, что нашли мы, и даже больше, если это только возможно. Поэтому с нашей стороны никакая забота, никакая бдительность, никакие старания сохранить постоянную эффективность и духовную силу АА не будут лишними, чтобы поддерживать нас в состоянии полной готовности ко дню их прихода.

Когда я думаю о скромном, незаметном зарождении нашего Содружества каких-то двадцать пять лет назад, когда вспоминаю борьбу, неопределенность и опасности раннего периода существования АА, то нахожу одновременно невероятной и бесконечно волнующей мысль о том, что в следующем июле наступит кульминация всего этого, когда мы с Лоис встретимся лицом к лицу со многими тысячами из вас на нашем Международном съезде в Лонг-Бич, Калифорния. А до того мы, несомненно, будем повторять друг другу: «Воистину, вот что творит Бог!» Это полное смысла восклицание будет

постоянно напоминать нам, что АА – и впрямь Божье творение. Содружество Анонимных Алкоголиков не было изобретено кем-то одним из нас или отдельной группой алкоголиков. Размышляя обо всей совокупности событий, произошедших за эту четверть века, мы видим: Он творил через послушные сердца, умы и руки тысяч людей. По этой причине мы с Доктором Бобом часто испытывали сожаление, когда нас называли со-основателями, ведь такие титулы могут создать впечатление, будто мы с ним в значительной степени разработали, структурировали и распространили АА без какой бы то ни было помощи.

На самом деле, это очень далеко от истины. Для иллюстрации можно коротко разобрать главные идеи, лежащие в основе нашей программы выздоровления, а затем задуматься, как эти идеи к нам пришли, и кто же их принес.

Первый Шаг программы гласит: «Мы признали свое бессилие перед алкоголем, признали, что потеряли контроль над собой». Он просто означает, что всем нам приходится опуститься на самое дно, причем жестко и долго. Но мы редко способны сделать такое всеобъемлющее признание в собственной безнадежности до тех пор, пока в полной мере не осознаем: алкоголизм – тяжелая, часто смертельная болезнь тела и психики; это одержимость, обрекающая нас на пьянство, вкупе с физической аллергией, обрекающей нас на сумасшествие и даже смерть.

А как нам вообще стало известно, что алкоголизм – такой страшный недуг? Кто дал нам эти бесценные сведения, от которых так сильно зависит эффективность Первого Шага? Это был мой доктор, «маленький доктор, любивший алкоголиков», Вильям Дункан Силкуорт. Более двадцати пяти лет назад, в нью-йоркской больнице Таунс Хоспитал, он объяснил мне и Лоис, что такое алкоголизм на самом деле.

Разумеется, потом мы обнаружили, что это ужасное состояние тела и психики неизменно приводит к третьей фазе

болезни – болезни духа, от которой обязательно должно быть духовное лекарство. Мы, члены АА, признаем это первыми тремя словами Двенадцатого Шага: «Достигнув духовного пробуждения...» В этом Шаге мы называем средство лечения своей тройной болезни – болезни тела, психики и духа и заявляем о необходимости духовного пробуждения.

Так кто же первым поведал нам о том, что нам крайне необходимо это самое пробуждение – опыт, который не только вытесняет одержимость алкоголем, но также делает эффективным и поистине реальным применение духовных принципов «во всех наших делах»?

Эта животворящая идея пришла к нам, членам АА, от Уильяма Джеймса, отца современной психологии. Пришла она через его знаменитую книгу «Разновидности религиозного опыта», которую мой друг Эбби вручил мне в больнице Таунс Хоспитал сразу же после моего собственного замечательного духовного опыта в декабре 1934 года. Уильям Джеймс также настоятельно подчеркивал необходимость дойти до крайней точки. Этим он подкрепил наш Первый Шаг и дал нам духовную основу для сегодняшнего Двенадцатого Шага.

Отчитавшись о Первом и Двенадцатом Шагах, нам, естественно, следует поинтересоваться: «Где первые члены АА нашли материал для остальных десяти Шагов? Откуда мы узнали о моральном самоанализе, возмещении нанесенного ущерба, препоручении своей воли и жизни Богу, медитации, молитве и всем остальном?»

Духовная сущность остальных Шагов АА пришла к нам непосредственно через мою и Доктора Боба более раннюю связь с Оксфордской группой в Америке, которую тогда возглавлял епископальный священник – доктор Самюэль Шумейкер.

Однако на этом этапе в нашем предшествующем опыте не хватало одного звена, притом жизненно важного. Мы все еще не совсем понимали, какое огромное, глубочайшее

воздействие может оказать на алкоголика беседа с другим алкоголиком. Я частично это осознал, когда мой друг и наставник Эбби рассказал мне о своем пьянстве, избавлении от него и принципах Оксфордской группы, благодаря которым избавление стало возможным. Еще большее осознание пришло ко мне во время моего духовного переживания, которое включало видение цепной реакции среди алкоголиков, беседующих друг с другом. Но только встретив Доктора Боба, я понял: он нужен мне так же сильно, как я нужен ему. Это была абсолютная взаимность, совершенное братство. Это был ключевой, конечный ответ. Так было выковано недостающее звено, и каким-то образом мы сразу это поняли.

Мы в неизмеримом и неоплатном долгу перед теми замечательными друзьями, которые таким путем подтолкнули нас с Доктором Бобом к выздоровлению. Но даже эти великие дары ни к чему бы не привели, если бы на протяжении последних двадцати пяти лет их не передавали из рук в руки. Все вы, члены АА, продолжаете выковывать бесчисленные свежие звенья в цепи выздоровления, которая теперь охватывает мир. Именно ваш пример, ваше влияние и, волей Божьей, ваша работа уже принесли надежду, здоровье и счастье миллионам людей – и алкоголикам, и неалкоголикам.

Очень многие из вас хорошо помнят опасности того времени, когда Содружество начало бурно развиваться. Помните, как мы боялись, что слишком уж свойственная человеку борьба за деньги, славу и власть приведет нас к краху? Как страшились любого публичного упоминания имени АА – хоть его членами, хоть посторонними? Как перед нами маячили призраки политических и религиозных распрей, которые могли бы вырваться на свободу и уничтожить нас? Кроме того, мы опасались, что, если мы создадим организацию по всемирному обслуживания АА, то наши слуги, работающие в ней, вскоре могут стать нашими начальниками и обременить нас дорогостоящей и губительной системой

управления. Также мы испытывали тревогу по поводу широкого публичного освещения нашей деятельности – как бы оно не переросло в рекламную шумиху, что могло бы исказить наши идеи и, сделав АА предметом насмешек, оттолкнуть от нас алкоголиков и их близких. Еще мы боялись, что у нас может возникнуть искушение принимать крупные денежные подарки, ведь это сделало бы нас зависимыми от щедрости других, и у нас был бы соблазн безрассудно распылять свою энергию на внешние проекты, с которыми другие справились бы лучше. Помните нашу яростную враждебность по отношению к любому члену АА, который имел безрассудство присоединиться к любым другим начинаниям в сфере борьбы с алкоголизмом? Помните, как мы бранили любого члена АА, получившего хоть цент из наших денег на какие бы то ни было цели? Как до такой степени страшились профессионализма, что не могли набраться смелости и нанять членов АА на полный рабочий день, чтобы они отвечали на звонки в наших территориальных офисах? А главное – помните, как мы содрогались от ужаса, когда пошла первая волна публичных нарушений анонимности членами Содружества – и своекорыстными, и благонамеренными?

Такие у нас были страхи – одни нелепые, другие более чем оправданные. И что же нам было делать? Был долгий тревожный период, когда мы просто не знали, сможем ли жить и работать друг с другом и с окружающим миром. Удастся ли нам сохранить единство на всех уровнях и эффективно функционировать, чтобы нести алкоголикам идеи АА? Мы просто не знали.

Но потом мало-помалу мы начали отстраняться от страха перед растущими проблемами и учиться на таких ситуациях. На место губительного страха пришло истинное благоразумие. В конце концов, из нашего коллективного опыта совместной работы и жизни возникли Двенадцать Традиций Анонимных Алкоголиков – сегодняшняя основа того настоящего

великолепного единства, которое царит среди нас практически повсеместно; фундамент отличной структуры обслуживания, чья эффективность теперь так высока, что потребуется не так уж много лет, чтобы алкоголики всего мира получили прекрасную возможность обрести здравомыслие и трезвость, так хорошо знакомые всем собравшимся здесь. Конечно же, этими замечательными успехами в плане единства и способности распространять идеи АА повсюду мы обязаны не узкому кругу лиц, а многим. На самом деле этими важнейшими дарами мы обязаны труду всех нас.

Такая преданность делу и сплоченность позволили нам постепенно преодолеть практически все барьеры – различия рас, вероисповеданий, национальностей, языка... По сути, мы исподволь учимся справляться с любыми условиями и препятствиями. Мы с радостью наблюдаем, как молодые, еще не слишком серьезно пострадавшие алкоголики, проникаются идеями АА благодаря тому, что мы научились «поднимать дно» и показывать им его, тем самым спасая их от многих лет несчастья. С равным удовлетворением мы наблюдаем спасение и богатейших, и беднейших людей. Сегодня мы видим, как они узнают, что такое подлинное духовное богатство.

Мы с огромным интересом отмечаем, как многие из нас стараются применять принципы АА во всех делах, как поиски эмоционального и духовного роста оживляются и находят свое отражение дома, на работе и в мире вообще. Наши семьи тоже приняли Двенадцать Шагов АА как свои. Их группы Ал-Анон, которых уже более тысячи, развиваются с изумительной скоростью. И опять-таки это отражает успехи многих людей, всех нас.

Вот лишь мимолетный взгляд на необъятную панораму сегодняшнего Содружества. Несомненно, это хороший знак того, что впереди нас ждут еще более прекрасные вещи. Конечно, это перечисление наших прошлых достижений и представлений о желаемом будущем – никак не повод для

самодовольства. Нам отлично известно, что у нас как у отдельных личностей и как у Общества были и еще остаются серьезные недостатки. И мы надеемся, что никогда не перестанем старательно работать над их исправлением.

Так давайте же продолжать развивать в себе смирение и любовь к людям и Богу, чтобы пережить и преодолеть все будущие проблемы и опасности! Так давайте же молиться о том, чтобы и мы сегодняшние, и новые поколения нашего завтра становились все более достойными той счастливой и полезной судьбы, которую Создатель, вне всякого сомнения, уготовил нам всем!

Что такое свобода в АА? *(май 1960 г.)*

Традиции и обычаи Анонимных Алкоголиков представляют собой хартию индивидуальной и коллективной свободы, подобной которой в истории не бывало. У нас нет никакой системы управления, контролируемой людьми.

Жил-был один член АА, которому показалось, что его группа слишком уж важничает и проявляет нетерпимость. А значит, подумал он, слишком уж боится прегрешений и отклонений у своих членов. И тогда он изобрел шуточное лекарство – повесил в комнате для собраний плакат: «Ребята, здесь приемлемо практически все. Но если вам случится присутствовать на собрании в пьяном виде, то постарайтесь особо не шуметь! И пожалуйста, не курите опиум в лифтах этого клуба!»

По правде говоря, чтобы добиться своей цели, наш друг сильно переборщил. На наших собраниях редко увидишь пьяного члена АА, и, вероятно, никто еще не курил опиум в наших клубах. Однако любой из нас может прочесть между строк его плаката нечто полезное.

На самом деле наш озорник хотел сказать каждому респектабельному и боязливому члену группы вот что: «Кабы не милость Божья, это мог бы быть я!» А нарушителям покоя группы – вот что: «Никто не может заставить вас вести себя прилично или наказать за неподобающее поведение. У АА есть Двенадцать Шагов для выздоровления и духовного роста, а также Двенадцать Традиций – для единства каждой группы и всего нашего Содружества. Эти Традиции показывают, каким образом мы все можем оставаться сплоченными, если только захотим. Далее, аренда этого места для собраний стоит денег. Мы надеемся, что вы пожертвуете немного в шляпу, но не хотим заставлять вас. Вы можете нападать на нас, но, вероятно, обнаружите, что большинство из нас не будут давать отпор. Вы можете раскрывать свою анонимность перед широкой публикой или злоупотреблять именем

АА ради собственной репутации и выгоды. Если вы будете предаваться подобной глупости, мы не сможем вас остановить. То же самое – если вы втягиваете имя АА в общественные споры. Но мы надеемся, что вы не будете поступать так с нами и самими собой. Мы просто говорим, что вам придется придерживаться принципов АА, если вы этого захотите, а не потому, что мы на этом настаиваем. Выбор за вами. Это и есть хартия свободы АА».

Для любого другого общества такая неограниченная свобода личности стала бы катастрофой. В два счета воцарилась бы полная анархия. Как же мы, Анонимные Алкоголики, выдерживаем такую степень свободы? Свободы, которая порой выглядит как разрешение делать что угодно – и индивидуально, и коллективно? И потом, что делает возможной эту неслыханную хартию свободы – наши добродетели? Или же ее приводят в действие наши потребности?

На самом деле потребности у нас огромные и крайне настоятельные. Каждый из нас должен благоразумно исполнять Шаги и Традиции АА, иначе мы сойдем с ума или погибнем от алкоголизма. Вот почему у большинства из нас тяга к выживанию и росту становится гораздо сильнее искушения выпить или дурно поступить. Мы в буквальном смысле должны «делать так или умереть». И мы выбираем жизнь. А это, в свою очередь, означает принятие принципов, практик и установок АА, которые способны спасти нас от гибели, гарантируя нам трезвость. Это – наш первый важнейший выбор. Признаться, делаем мы его, когда прямо над нами свистит страшная плеть зеленого змия. Ясное дело, этот первый выбор гораздо более продиктован необходимостью, чем нравственностью.

Однако, миновав этот подъем, мы делаем выбор другого рода. Мы начинаем понимать, что принципы АА – вещь хорошая. И хотя в нас еще остается много бунтарства, практикуем эти принципы более старательно из чувства

ответственности перед собой, своей семьей и группой. Мы повинуемся, потому что чувствуем – нам *следует* повиноваться. Это трудно, но мы видим, что это правильно. Стремясь добиться результата, мы видим, что растем, и испытываем заслуженное удовлетворение. Жизнь по-прежнему нелегка, но уже гораздо лучше. К тому же у нас большая команда. Нас со всех сторон окружают попутчики – отдельные люди и группы. Вместе мы можем сделать то, чего не можем в одиночку.

В конце концов, мы понимаем: есть еще один аспект выбора, которого иногда можно достичь. Дойдя до этой точки, мы принимаем определенные взгляды, практикуем определенные методы и следуем здоровым принципам безо всяких оговорок и возмущения, потому что на самом деле этого хотим. Когда наша готовность и принятие становятся столь совершенными, мы обнаруживаем, что все бунтарство исчезло. Теперь мы подчиняемся, потому что всей душой этого хотим. Или, другими словами, мы желаем лишь исполнения Божьей воли в отношении нас и Его милосердия к нашим собратьям.

Оглядываясь назад, мы видим, что наша свобода – делать плохой выбор – была все-таки не очень-то настоящей свободой. Когда мы делали выбор, потому что «должны», это тоже не было свободой выбора. Однако это подтолкнуло нас в верном направлении. Когда мы делали выбор, потому что нам «следует», все обстояло уже лучше. Тем самым мы зарабатывали некоторую свободу, готовя себя к большему. Но первое представление о совершенной свободе под Богом возникло у нас только тогда, когда у нас время от времени начало получаться проведение правильного выбора с большой охотой – без возмущения, уклонения и борьбы. На самом деле, лишь немногие могут придерживаться этого идеала долгое время; для большинства из нас его постоянное достижение – работа на всю жизнь или даже вечная, что более вероятно. Но мы знаем, что эта высочайшая вершина существует – цель, которой можно однажды добиться.

Вот такие виды свободы есть в АА, и, по-видимому, именно так они работают среди нас. Чтобы все это понять, потребовалось много времени. Мы осмелились изложить Традиции Анонимных Алкоголиков на бумаге только в 1945 году, через десять лет после моей встречи с Доктором Бобом. Был период, когда мы испытывали постоянный страх перед тем, чем могли бы нам навредить заблуждающиеся члены Содружества и внешний мир. Трудно было поверить, что наше групповое сознание может быть надежным советчиком, и потому мы сомневались, разумно ли давать локальную автономию каждой группе АА. Еще больше нас беспокоил вопрос о том, не следовало ли бы нам исключать неудобных и даже неверующих. Дать любому алкоголику мира неотъемлемое право называть себя членом АА по своему желанию – это казалось умопомрачительным решением. Такими были наши страхи в те дни, был у нас соблазн наложить такие ограничения друг на друга. В конце концов, даже самым благодушно настроенным обществам и правительствам приходится накладывать их на своих членов и граждан. С чего бы АА быть исключением?

К счастью, мы не предприняли никаких управленческих мер, а вместо этого выдвинули Двенадцать Традиций АА. Это было поистине выражением нашего целостного группового сознания. Поразительная степень сегодняшнего добровольного их соблюдения вызывает огромное восхищение и благодарность. Теперь мы знаем, что всегда будем следовать этим принципам, во-первых, потому что должны; во-вторых, потому что нам следует это делать; и, наконец, потому что большинство из нас будут всей душой хотеть именно этого. В этом не может быть ни малейших сомнений.

Мы уверены, что нам уже известна суть тех видов свободы, которыми мы обладаем, и что никакое будущее поколение АА не почувствует позыва их ограничить. Наши свободы создают почву для роста истинной любви – любви каждого из нас к другому и всех нас к самому Богу.

Не усложнять – но как? *(июль 1960 г.)*

Этот выпуск журнала «Грейпвайн» будет прочтен во время июльского празднования 25 годовщины АА в Лонг-Бич, штат Калифорния. Это будет преддверие нашего нового будущего. Мы будем радоваться при мысли о дарах и чудесах вчерашнего дня. И, с новым рвением принимаясь воплощать грандиозные обещания нашего завтра, обязательно окинем взором свое сегодняшнее положение. Удалось ли нам «не усложнять АА»? Или же мы невольно сплоховали?

Размышляя над этим, я задумался о фундаментальной структуре АА – принципах, взаимосвязях и подходах, составляющих суть наших Трех Заветов: Выздоровления, Единства и Служения. В Двенадцати Шагах и Двенадцати Традициях содержится двадцать четыре четко изложенных принципа. Третий Завет АА включает в себя устав всемирного обслуживания, дающего тысячи представителей по общему обслуживанию, сотни членов местных комитетов, восемьдесят делегатов Конференции по общему обслуживанию, пятнадцать попечителей Совета по общему обслуживанию, а также специалистов нашего Штаба по юридическим вопросам, финансам, связям с общественностью, редактуре и соответствующий персонал. Эту кажущуюся и без того сложной картину дополняют еще и службы на уровне групп и регионов.

Прошлой весной исполнилось двадцать два года с того момента, когда мы приступили к формированию попечительства для всего Содружества. А до той поры у нас не было ни фиксированных принципов, ни специальных служб. Двенадцати Шагов тогда еще и в проекте не было. Что до Традиций – у нас было всего лишь сорок человек и три года опыта, так что ни о какой «традиционности» говорить не приходится. АА состояло из двух маленьких групп: одна в Акроне, другая в Нью-Йорке. Мы были одной сплоченной семьей. Доктор Боб и я были в ней «папами». То, что мы говорили, передавалось из уст в уста. Собирались мы в гостиных домов.

Вся наша общественная жизнь вращалась вокруг кофейников на кухонных столах. Естественно, мы говорили об алкоголизме как о смертельной болезни, а также о том, что единственная формула для нашего выживания и роста – честность, исповедь, возмещение ущерба, работа с другими и молитва. То были годы безмятежной простоты. В максиме «Не будем усложнять» не было никакой нужды, ведь все и так было просто дальше некуда.

Контраст между тем временем и настоящим достаточно поразителен. Некоторых из нас он даже пугает. Поэтому мы спрашиваем себя: «Действительно ли АА прислушивается к предупреждению Доктора Боба: «Не будем усложнять»? Как можно поставить сегодняшние Двенадцать Шагов, Двенадцать Традиций, Конференции по общему обслуживанию и международные съезды на одну доску с первоначальным наипростейшим АА?»

Лично мне это совсем не трудно. Думаю, подлинную простоту сегодня следует искать в тех принципах, методах и службах, которые способны на постоянной основе обеспечить нам повсеместную гармонию и успешную деятельность. Поэтому нам лучше было сформулировать свои принципы, чем оставить их расплывчатыми; лучше прояснить их применение, чем оставить его неясным; лучше организовать свои службы, чем оставить их развиваться как попало или вообще никак.

С полной определенностью могу сказать, что возвращение в эру кухонных столов не принесло бы нам желанной простоты. Оно означало бы лишь массовую безответственность, дисгармонию и неэффективность. Представим себе такую картину: не было бы четких руководящих принципов, литературы, помещений для собраний, фондов групп, планируемого наставничества, стабильного лидерства, понятных отношений с больницами, здоровых связей с общественностью, местных и всемирных служб... Возвращение к этой

ранней модели простоты было бы столь же абсурдным делом, как продажа руля, бензобака и шин от семейной машины. Конечно, конструкция машины намного упростилась бы, и больше не нужно было бы ни бензина, ни ремонта. Но тогда наша машина просто не смогла бы ездить! Это едва ли упростило бы жизнь семьи, а, напротив, мгновенно запутало и усложнило бы.

На данный момент для Анонимных Алкоголиков было бы недостаточно бесформенной анархии, вдохновляемой одним лишь призывом: «Давайте соберемся вместе!» То, что прекрасно работало для сорока членов АА в 1938 году, никак не годится для более чем двухсот тысяч в 1960 году. Расширение Содружества, а значит, и увеличение его ответственности, влекут за собой переход АА от детства к зрелости. Мы поняли все безумие попыток ухватиться за детский вариант простоты, чтобы уклониться от той ответственности, которая всегда должна быть обращена лицом к принципу «Не будем усложнять» применительно к сегодняшнему дню. Мы не сможем повернуть время вспять, не надо и пытаться.

История изменения наших представлений о «простоте на сегодня» захватывает дух. К примеру, настало время, когда нам пришлось систематизировать – или упорядочить, если вам будет угодно – основные принципы, возникшие из нашего опыта. Многие этому противились, упорно заявляя, что публикация Двенадцати Шагов АА слишком уж усложняет нашу на тот момент простую (хоть и довольно сильно искажаемую) устную программу выздоровления. Говорили, что мы «выбрасываем простоту в окно». Но это было совсем не так. Чтобы понять, стоит только спросить себя: «Каким бы было Содружество сегодня без своих Двенадцати Шагов?» Одному Богу ведомо, сколько хорошего произошло благодаря тщательной формулировке и публикации этих принципов в 1939 году. Систематизация очень облегчила нашу задачу. Кто сейчас мог бы с этим поспорить?

В 1945 году поднялась такая же волна протеста, когда здравые принципы общей жизни и работы были четко изложены в Двенадцати Традициях АА. Согласие по этому поводу было достигнуто с огромным трудом. Зато теперь кто может сказать, что Традиции усложнили нашу жизнь в АА? Напротив, эти точно определенные принципы неизмеримо *упростили* задачу поддержания единства. А ведь для нас, членов АА, единство – вопрос жизни и смерти!

То же самое сплошь и рядом происходило в наших действующих службах, особенно всемирных. Формирование попечительства над АА вызвало серьезное недоверие. Тревога была сильной, потому что это подразумевало определенную долю легализации, власти, денег, а также некоторые деловые операции. До того мы, счастливые, носились вокруг и радовались, что АА удалось «полностью отделить духовное от материального». Поэтому был шок, когда мы с Доктором Бобом предложили создать всемирные службы, настаивая на том, что возглавить их должен некий постоянный совет, а затем заявили, что пришло время – по крайней мере, для этой сферы – когда нам придется учиться делать так, чтобы «материальное» служило духовным целям. Необходимо было, чтобы у руля стоял кто-то опытный, а в бензобаке АА имелось топливо.

Когда наши попечители и их коллеги начали распространять идеи АА по всему миру, наши страхи начали постепенно улетучиваться. В Содружестве не возникло путаницы – напротив, все упростилось. Можете спросить любого из десятков тысяч алкоголиков и их близких, пришедших в АА благодаря нашим всемирным службам. Вне всякого сомнения, их жизнь упростилась. А на деле – и наша.

Когда в 1951 году состоялась наша первая Конференция по общему обслуживанию, мы снова глубоко вздохнули. Для некоторых это событие было настоящей катастрофой. Ведь теперь массовые скандалы и политиканство станут правилом!

Проявятся наши наихудшие черты! Покой попечителей и всех остальных будет нарушен (на самом деле иногда так и бывало)! Это навредит нашей прекрасной духовности и методу излечения! И люди из-за этого запьют (действительно, некоторые запили)! Как никогда громко раздавались возгласы: «Ради Бога, давайте не будем усложнять!» Некоторые восклицали: «А почему Доктор Боб, Билл и попечители не могут напрямую руководить этими службами за нас? Это единственный способ сохранить простоту!»

Но мало кто знал, что Доктор Боб смертельно болен. Никто не задумывался о том, что скоро останется лишь горстка ветеранов, а затем и они исчезнут. Попечители оказались бы в изоляции, без связи с обслуживаемым ими Содружеством, и первая же большая буря вполне могла бы сбить их с ног. Для АА это был бы паралич сердца – жизненно важного центра. Почти с полной определенностью можно сказать, что результатом стал бы непоправимый крах.

По этой причине мы, члены АА, должны были сделать выбор: что действительно окажется более простым? Стоит ли нам созвать Конференцию по общему обслуживанию, невзирая на все затраты и опасности? Или же сидеть дома, сложа руки, и ждать роковых последствий нашего страха и безрассудства? Что будет лучше в долгосрочной перспективе – а значит, и проще? Как показывает история АА, мы решили действовать. Только что прошла десятая ежегодная Конференция по общему обслуживанию Анонимных Алкоголиков. У нас нет сомнений в том, что этот незаменимый инструмент скрепил наше единство и обеспечил выздоровление все возрастающему множеству страдальцев, которым еще предстоит прийти в АА.

Вот почему я считаю, что мы *на самом деле* сохранили верность принципу «Не будем усложнять!» На мой взгляд, так мы сделали АА по-настоящему простым!

Тем не менее, кто-то может спросить: «А все-таки, не отходим ли мы от нашей ранней Традиции, гласящей, что «АА никогда не следует обзаводиться жесткой системой управления»?» Отвечу – нисколько. У нас никогда не будет «системы управления» до тех пор, пока мы не создадим себе правительства; пока не начнем говорить, кто может стать членом АА, а кто нет; пока не наделим свои советы и комитеты по обслуживанию полномочиями назначать нам наказания за несоответствие, невыплату денег или неподобающее поведение. Я знаю: в душе каждый член АА убежден, что такого с нами никогда не произойдет. Мы всего лишь упорядочиваем свои принципы, чтобы они были более понятными, и организуем свои службы так, чтобы живительная сила АА передавалась тем, кто иначе погибнет. Вот вам и вся «система» АА, и ничего большего не будет.

И последний вопрос: «Значит, скромные встречи и тесная дружба исчезли со сцены АА из-за нашей модернизации?» Едва ли. Я знаю одного члена АА из моего родного городка, который трезв уже несколько лет. Он ходит на собрания маленькой группы, где слышит точно такие же разговоры, какие слышали и вели мы с Доктором Бобом у себя в гостиных. По соседству с этим парнем живут с дюжину его приятелей по АА. Он постоянно встречается с ними за чашкой кофе на кухне. Часто он с жаром берется за работу по Двенадцатому Шагу. Для него ничего не изменилось – АА остается точно таким же, как и раньше.

На собраниях мой приятель видит какие-то книги, брошюры, журналы, лежащие на столе, и слышит, как секретарь группы робко объявляет, что они предназначены для продажи. Он считает, что нью-йоркская интергруппа – вещь хорошая, потому что некоторые из его собратьев по АА получили наставничество благодаря ей. Что до всемирных служб, у него нет четкого мнения. Он слышал разные доводы «за» и «против» их существования, но пришел к выводу, что они,

вероятно, нужны. Ему известно, что его группа посылает какие-то деньги на эти цели, и он относится к этому нормально. Кроме того, его группе нужно оплачивать аренду помещения. Поэтому, когда по кругу пускают шляпу, он охотно бросает туда доллар.

В его случае все эти «модернизации» АА не особо отразились на душевном покое и кармане. Они лишь символизируют собой его ответственность перед своей группой, регионом и Содружеством в целом. Он всегда считал, что эти обязательства совершенно очевидны. Если вы попытаетесь объяснить ему, что АА портится из-за денег, политики и избыточной организованности, он просто рассмеется и, вероятно, скажет: «Приходите ко мне домой после собрания, выпьем еще по чашечке кофе!»

АА завтра *(июль 1960 г.*)*

**Из книги «АА сегодня», выпущенной журналом «Грейпвайн» по случаю 25 годовщины АА*

Эта книга дала нам ряд чудесных впечатлений от панорамы АА в действии на двадцать пятом году его существования. Мы изумляемся и радуемся тому, что практически невозможное на самом деле произошло. Несомненно, все это зависело от наших многочисленных каналов общения и нашей замечательной способности ими пользоваться.

А теперь встает вопрос: каковы теперь наши задачи и обязанности в отношении настоящего и будущего?

Ясно, что наш первейший долг перед будущим АА – в полной мере сохранить то, что у нас есть сейчас. Только самая бдительная забота может это гарантировать. Нам никогда не следует впадать в дремоту, поддавшись чувству самодовольства из-за повсеместного широкого признания и успеха Содружества. Это трудноразличимое искушение способно сегодня вызвать застой в АА, а завтра, возможно, привести нас к распаду. Мы всегда объединялись перед лицом бедствий и кризисов, чтобы их преодолеть. Трудности стимулировали нас. А как мы теперь справимся с проблемами успеха?

Продолжим ли мы искать извечные изъяны и пробелы в наших линиях коммуникации? С достаточным воображением, мужеством, самоотдачей и решимостью работать над многочисленными задачами по исправлению и улучшению, к чему нас призывает будущее даже сейчас? Единственный ответ на эти вопросы заключается в еще большей дальновидности и растущем чувстве ответственности.

Так каков же истинный размер и размах наших предвидимых обязанностей? За последние двадцать пять лет стало ясно, что по всему миру алкоголизмом страдают не менее двадцати пяти миллионов мужчин и женщин. Почти все они сейчас больны, сошли с ума или умерли. АА принесло выздоровление где-то двухсот пятидесяти тысячам из них. Остальные

все еще вне нашего поля зрения или уже ушли туда, откуда нет возврата. Прямо сейчас формируется еще более многочисленное поколение алкоголиков. Видя такое чудовищное положение дел, сможет ли кто-то из нас спокойно сидеть и говорить: «Народ, вот они мы! Надеемся, вы услышите о нас и придете. И тогда мы, может быть, сможем протянуть вам руку помощи»?

Конечно же, мы не будем вести себя так. Мы знаем, что будем все шире и шире открывать все мыслимые пути и каналы, через которые можем достучаться до собратьев по несчастью. Мы будем помнить о том, как Доктор Боб и его чудесная коллега сестра Игнатия работали в Акроне, и о том, как Силки (прозвище доктора Силкуорта. – *Прим. перев.*) долгие годы упорно трудился ради нас. Сейчас десятки тысяч членов АА помнят, что буквально обязаны жизнью этим трем людям. Любой из нас помнит собственного наставника – такого, которому было не все равно. Многие ли из нас, наследников такой традиции служения, смогли бы сказать: «Пусть эту работу по Двенадцатому Шагу сделает Джордж – ему же нравится работать с алкоголиками. К тому же, мне некогда»? Уверен, немногие! Халатность для нас недопустима.

У нас может появиться еще одна обширная сфера будущей ответственности. Я размышляю о глобальной проблеме алкоголя и всех тех, кто еще вынужден переживать ужасающие *последствия* алкоголизма. Число таких людей просто астрономическое – сотни миллионов. Вот лишь один из аспектов этой проблемы: из-за своего пьянства большинство из нас нанесло вред собственным детям. Их эмоциональные шрамы должны были бы сделать их «прирожденными» алкоголиками. Однако, как ни поразительно, дети хороших членов АА в подростковом возрасте почти не выказывают признаков будущего алкоголизма. Они выпивают умеренно или не пьют вовсе. Если же некоторые, из наиболее уязвимых, все-таки начинают пьянствовать, что сопровождается

соответствующими симптомами и происшествиями, то большинство в силах остановиться – и останавливаются. Почему так?

Ответ заключается в «антиалкогольном образовании» в стиле АА. Разумеется, мы никогда не говорили своим детям, чтобы они не пили. Но они на протяжении многих лет слышали дома и на собраниях, как реально обстоит дело и что алкоголизм делает с людьми. Они видели своего старика в действии – сначала как алкоголика, затем как члена АА. Без сомнения, такое просвещение уже спасло сотню тысяч наших детей.

Но как же дети других людей, разве нам они безразличны? Конечно же, нет. Хоть мы и понимаем, что само Содружество не может активно участвовать в антиалкогольном просвещении и любой смежной деятельности, связанной с глобальной проблемой, но осознаем, что как особо информированные граждане мы можем и должны сделать многое в данном направлении.

Общество признало алкоголизм одной из самых приоритетных проблем сферы здравоохранения, и потому соответствующие инициативы – правительственные, региональные, частные – возникают повсеместно. И почти каждая такая организация говорит нам, что ее работу вдохновляет пример АА. Настал их черед стать первопроходцами. Естественно, они склонны иногда ошибаться. Мы их прекрасно понимаем. По сути, мы сами любим говорить, что развились в основном методом проб и ошибок. В настоящее время значительное число таких начинаний имеет успех и подает большие надежды. Тем не менее, у меня складывается впечатление, что многие из нас слишком уж зацикливаются на их немногочисленных ошибках, особенно ошибках членов АА, связанных с этими инициативами, и часто не дают этим самоотверженным людям так необходимой им поддержки. Теперь, когда мы так замечательно сплотились вокруг своей единой

цели и Двенадцати Традиций, риск того, что Содружеству могло бы сильно навредить что-либо совершенное в рамках сторонних движений, фактически нулевой.

Вместо этого давайте фокусировать свое внимание на том факте, что в мире еще остается где-то двадцать четыре миллиона семьсот пятьдесят тысяч алкоголиков. Разве более дружелюбное и широкое сотрудничество с другими организациями, в конечном итоге, не привело бы к нам несметное число страдальцев, которые в противном случае будут потеряны? Может, мы начинаем вредить самим себе? Может, мы блокируем общение, у которого огромный потенциал? В таком случае, может, нам следует посмотреть на это свежим взглядом?

Далее, какова ситуация внутри АА?

За последние десять лет количество Семейных групп Ал-Анон подпрыгнуло с горстки до одной тысячи трехсот – это факт, притом совершенно объяснимый. Они энергично работают над одной из серьезнейших проблем, которые только могут быть у алкоголика и его близких – хоть в Содружестве, хоть вне его. Речь идет о той ужасной деформации, к которой мы, алкоголики, толкаем жен (и мужей) своим разрушительным пьянством – пьянством, ведущим нас к ненормально повышенной зависимости от них. Активно пьющие люди зачастую превращаются в непослушных своенравных детей, тем самым вынуждая супругов становиться их защитниками и опекунами – «мамами» и «папами». В результате часто формируется встроенная схема поведения, которую крайне трудно стереть. Обретение алкоголиком трезвости в АА помогает редко. По сути, трезвость порой усугубляет эти условия, зачастую невыносимые.

Семейные группы Ал-Анон, состоящие из жен и мужей алкоголиков, теперь ясно видят эту картину – на деле, гораздо яснее, чем большинство из нас, членов АА. В своих группах они работают над исправлением таких нарушений – вместе с

другими дефектами – через выполнение Двенадцати Шагов АА. Наши партнеры по жизни стремятся «применять принципы АА во всех делах» даже упорнее, чем некоторые из нас. Семейные группы уже значительно повлияли на эту чрезвычайно сложную проблему, и есть признаки того, что в будущем они добьются гораздо большего. Так почему бы нам не дать этому замечательному проекту все понимание и поддержку, на какие мы только способны? И пусть каждый из нас проделает свою долю этой работы у себя дома!

Потом, у нас, членов АА, постоянно присутствует потребность в дальнейшем духовном росте. Здесь большинство из нас демонстрирует острый дефицит, и я тому яркий пример. Такие недостатки выявляются простейшим самоанализом. Например: «Стараюсь ли я «применять эти принципы» во всех своих делах? Или же я расслаблен и вполне удовлетворен духовной подпиткой, как раз достаточной для поддержания моей трезвости? Действительно ли я располагаю духовными ресурсами, чтобы пережить возможные трудности? Или же считаю свой духовный уровень высоким, потому что: а) дома у меня все хорошо; б) получил крупную прибавку к зарплате; в) меня сделали вице-президентом местного профсоюза? Если же дела идут плохо, и я начинаю нервничать, впадать в депрессию, беспокоиться, обижаться, то пытаюсь ли оправдать возникающие чувства вины и жалости к себе обычным невезением или, что бывает чаще, поведением других людей? Не завожу ли я старую песню о том, что я «больной алкоголик» и потому не несу ни за что ответственности?»

Поразмыслив об этом, почти все мы соглашаемся, что нам еще очень далеко хоть до какой-то степени взрослости почти с любой точки зрения. Мы четко понимаем: наша задача как отдельных людей и как Содружества – продолжать расти через постоянное применение Двенадцати Шагов.

Разумеется, можно с уверенностью сказать, что это дело долгое. Но мы также знаем, что нам нельзя ставить перед собой

второсортные цели, оправдываясь слишком медленным прогрессом. Нашей высшей целью может быть эмоциональная трезвость, полная эмоциональная зрелость – и это хорошо. Однако, думаю, большинство из нас предпочтет более широкое, более всеобъемлющее определение. Возможно, во вселенной не может существовать ничего «относительного», если только где-то нет «абсолютного». Для большинства из нас «Абсолют» – это «Бог, как мы Его понимаем». Мы чувствуем, что родились в этом мире, чтобы расти, хотя бы немного приближаясь к Его образу и подобию. Каким бы крошечным и осторожным ни был наш следующий шаг по дороге прогресса, мы, члены АА, никогда не должны устанавливать какие бы то ни было мешающие границы собственной судьбе и судьбе Содружества, как и любви Бога ко всем нам. Нам всегда нужно будет строить во имя будущего – индивидуально и коллективно, структурно и духовно. Мы все еще закладываем фундамент, на котором будут стоять все грядущие поколения АА – возможно, веками.

Нашему Содружеству было дозволено добиться мечты философов о «едином мире», хоть пока и в миниатюре. В мире АА наши взгляды могут резко расходиться, но мы никогда не думаем о расколе или конфликте как о решении. Как Содружество мы не ищем ни богатства, ни власти. Чем лучше мы пользуемся «языком сердца», тем быстрее развиваются наши каналы общения, и вот мы уже благополучно пересекаем все барьеры расстояний, языков, социальных различий, национальностей и вероисповеданий, которые так сильно разделяют современный мир.

Пока мы уверены в том, что наш «единый мир АА» – скорее дар Божий, чем нечто заработанное или созданное нами самими; пока этот «единый мир» охватывает все больше нуждающихся; пока мы говорим на языке любви и стараемся его усовершенствовать – до тех пор мы можем рассчитывать на то, что состоится каждое наше свидание с судьбой, которого желает Бог.

Наши заграничные первопроходцы
(октябрь 1960 г.)

Я только что окончил чтение типографских гранок для этого международного выпуска нашего журнала «Грейпвайн». Здесь есть очень волнующие сообщения из ЮАР, Замбии, Конго, Японии, Индонезии, Новой Гвинеи, Тасмании, Австралии, Кубы, Тринидада, Ямайки, Саудовской Аравии, Западной Германии, Дании, Голландии, Финляндии, Ирландии, Шотландии, Англии ...

Однако этот впечатляющий перечень заграничных плацдармов и баз АА отражает не более четверти всей нашей деятельности в отдаленных уголках мира. На этих дальних рубежах сотни групп и тысячи наших собратьев по АА. Наш язык сердца уже звучит где-то на дюжине различных языков. Таков первопроходческий фронт АА сегодня.

Мы часто говорим об одиночных членах АА, обособленных группах и нескольких крупных заграничных центрах как о плацдармах, базах и фронтах Содружества. Но если взять самые буквальные значения этих терминов, то в этом случае они употребляются неправильно. Несмотря на то, что наши одиночки и группы живут и распространяют идеи АА во многих опасных, неспокойных зонах, нет никаких свидетельств того, что они боятся реакции окружающих, или признаков того, что их присутствие в горячих точках нежелательно. Совершенно ясно, что они абсолютно не агрессивны и имеют лишь одну цель – нести свет новых идей всем страдающим алкоголизмом. Они – плацдармы здоровья и веры, и это видно всем.

Прочтите об одном члене АА, который недавно в ходе миссии мира в одиночку пересек всю Африку и остался невредимым; потом подумайте об одиночках в других районах конфликтов, которые поддерживают собственную трезвость и борются за создание новых групп; вспомните о глубоких

переживаниях того члена АА, который считал, что подвел своего товарища по Содружеству, совершившего самоубийство; поразмыслите о добродушии группы на Среднем Востоке, члены которой встречаются втайне, чтобы не оскорбить военные власти и некоторых из наших друзей-мусульман (они ведь не пьют вообще!). Обратите внимание на приведенное в этих статьях описание проблем быстро растущих зарубежных центров АА, которые в данный момент только минуют начальную стадию развития – как они медленно завоевывали доверие медицины, религии и прессы; как они, наконец, достигли единства благодаря все более старательному применению Двенадцати Традиций; как они старались восполнить отчаянную нехватку переводов литературы на их язык; как они успешно начали преодолевать все барьеры рас, вер и социального статуса. Это и многое другое можно прочесть в тех особенных строках, которые они написали для данного международного выпуска «Грейпвайн», а также между строк.

Вне всякого сомнения, этот восхитительный первопроходческий фронт сегодняшнего АА несет в себе обещание будущего грандиозного развития Содружества по всему миру. Наши заграничные друзья прекрасно понимают, что сейчас не время для самодовольного расслабления; их письма красноречиво говорят об их огромном усердии и преданности общему делу.

А что же тогда можем сделать мы, жители Северной Америки? Мы можем значительно нарастить темп своей текущей деятельности. Давайте рассмотрим лишь небольшую выборку наших зарубежных проектов.

В настоящее время и американцы, и канадцы много путешествуют. Так пусть же каждый путешественник помнит о том, что многие заграничные группы были основаны такими же заезжими членами АА! У нас есть международный справочник – так пусть каждый посланник будет обеспечен этим

ценным инструментом связи! Это может означать невыразимое воодушевление для одиночного члена АА или обособленной группы, которые встречаются во многих местах.

Вот, например, одна из вопиющих текущих потребностей. В то время как данный выпуск журнала выходит в печать, в Париже разразился страшный шум. Одна местная газета публикует серию сенсационных материалов об АА в Америке. Мягко говоря, характерная склонность французов все драматизировать в этом случае зашла слишком далеко. В одной из статей рассказывается о моей первой встрече с моим наставником Эбби в 1934 году. Она снабжена кричащим заголовком высотой в пару дюймов, согласно которому я якобы говорю по телефону: *«Эбби, приходи быстрее, у меня есть джин!»* Несмотря на такое ошеломительное и крайне комичное искажение нашего метода работы по Двенадцатому Шагу, французские алкоголики толпами стекаются под знамена АА. Наша крошечная парижская группа практически переполнена. И едва ли хотя бы один из ее членов говорит по-французски. Так что, путешественники из АА, Париж – это ваш шанс, особенно если вам знаком французский!

Потом, у нас есть люди на кораблях, наши интернационалисты. Так пусть же продолжает расти их число, как и их преданность делу, ведь они сеют и взращивают семена АА по всему миру! Мы все говорим им: «Да преумножатся ваши посевы и да наполнятся закрома АА вашим урожаем!»

А теперь задумаемся о деятельности нашего Бюро общего обслуживания – всемирного Штаба АА. Безусловно, мы можем расширить свои заграничные службы. Чтобы ликвидировать досадное искажение информации, которое годами вредит многим отдаленным группам АА, нам необходимо обеспечить гораздо большее обилие и гораздо лучшее качество переводов основной литературы. Явное непонимание сути Двенадцати Традиций АА регулярно приводит к хаосу во многих районах. Даже книга «Анонимные Алкоголики»

имеет только два полных перевода. Кроме этого, распечатки голого текста книги доступны лишь на еще двух языках. Разумеется, проблему нужно решать, и мы верим, что это скоро случится. Необходимо увеличить весь иностранный отдел нью-йоркского Штаба. Остро требуется расширение штабной работы, что будет означать гораздо более эффективную коммуникацию с другими странами. До недавних пор ни один сотрудник Штаба не посещал ни одной зарубежной группы – за исключением нас с Лоис. Эту поездку мы предприняли десять лет назад и, конечно, всей душой надеемся совершить еще несколько подобных путешествий. Но даже они вряд ли могли бы компенсировать недостаток постоянного личного контакта, потребность в котором однажды возникнет.

Так что, члены АА в Америке, давайте максимально поддерживать наших заграничных первопроходцев. Давайте немедленно начнем давать им свое более живое понимание, еще больше увлеченных путешественников и все формы помощи, информации и вдохновения, которые только можем им послать через океан. В этом отношении ни одно отдельно взятое учреждение не сможет сделать больше, чем наш всемирный Штаб. Любой из нас может внести вклад в его работу. Несколько лишних долларов, пожертвованных нами, могут сыграть здесь огромную роль – об этом мы обязаны помнить каждый раз, когда по кругу пускают шляпу специально ради этой грандиозной и исключительно важной цели.

Я уверен, что вскоре мы значительно нарастим темпы этих и многих других проектов. И тогда наши заокеанские пионеры почувствуют с нашей стороны нечто большее, чем просто заинтересованное одобрение и редкая помощь. Они поймут, что наша постоянная безграничная любовь теперь будет с ними всегда!

Свобода под богом: выбор за нами (ноябрь 1960 г.)

В более глубоком смысле АА есть поиск свободы – свободы под Богом. Естественно, непосредственный объект наших поисков заключается в трезвости – свободе от алкоголя и всех его гибельных последствий. Без этой свободы у нас не будет ничего вообще.

Однако, как ни парадоксально, мы не можем избавиться от одержимости алкоголем до тех пор, пока не преисполнимся готовности разобраться с теми дефектами характера, которые довели нас до такого беспомощного состояния. Даже чтобы просто обрести трезвость, мы должны в какой-то мере освободиться от страха, гнева и гордыни; бунтарства и самоуверенности; лени и безответственности; глупого самооправдания и явной нечестности; ложных зависимостей и разрушительной борьбы за власть.

В этих поисках свободы нам всегда дается три альтернативы. Возмущенный отказ работать над своими грубыми изъянами может стать нашим билетом на тот свет. Или мы можем какое-то время продержаться трезвыми благодаря минимальному самосовершенствованию, успокоившись на удобной, но часто опасной заурядности. Или же можем непрерывно упорно стремиться развить в себе те драгоценные качества, которые способствуют возвышению нашего духа и поступков – истинной, постоянной свободе под Богом, свободе постигать и выполнять Его волю.

Для большинства из нас на самом деле подходит лишь третий вариант; нас никогда не должна ослеплять бесполезная философия, согласно которой мы – просто несчастные жертвы наследственности, жизненного опыта или окружающей среды и только эти силы принимают за нас решения. Эта дорога не ведет к свободе. Мы должны верить, что действительно вольны выбирать.

Подобным же образом все наше Общество и каждая его группа постоянно будет оказываться перед этим самым выбором. Смиримся ли мы с собственной гибелью? Или будем стараться лишь обрести временный комфорт в самодовольной заурядности? Или же будем упорно соблюдать дисциплину, приносить жертвы и терпеть неудобства, которые подготовят нас к тому, чтобы идти по пути, неизменно ведущему к истинному величию духа и поступков?

Эти размышления – предисловие к теме данной статьи, речь в которой пойдет о Двенадцати Традициях Анонимных Алкоголиков.

Традиции АА – мерило, с помощью которого наше Содружество может точно оценить свой прогресс или его отсутствие. В них мы видим мудрость, накопленную нами за четверть века общей жизни и работы. Вне всякого сомнения, эти принципы – вехи пути, по которому нам следует идти.

При пристальном рассмотрении Традиций видно, что они имеют две главные характеристики, каждая из которых усиливает другую.

Первый аспект Двенадцати Традиций – *защита*, второй – *развитие*. Сначала мы получаем напоминание о том, с какими соблазнами реально сталкивается Содружество и какими средствами лучше с ними справляться. Это основа для непрерывного морального самоанализа нашего коллективного поведения – первого шага к активному устранению препятствий на нашем пути. Благодаря положительному аспекту Традиций мы прямо и косвенно учимся лучше применять высокие идеалы жертвования и добровольной ответственности, доверия и любви в своих отношениях друг с другом и с окружающим миром. Из этой практики и проистекает духовная энергия, побуждающая нас продвигаться по дороге к полному освобождению.

Размышляя о *защите*, мы видим, что Традиции предостерегают нас от опасностей публичной славы и власти, большого богатства, вступления в компрометирующие альянсы, профес-

сионализма. Они напоминают нам, что мы не можем отказать в членстве в АА ни одному алкоголику и что мы не должны создавать никакой авторитарной системы управления. Традиции предупреждают, что нам не следует навязывать миру идеи АА агрессивными пропагандистскими способами и что мы должны бояться общественных споров, как самого черта.

Таковы типичные примеры защитного благоразумия, прямо выраженного или ясно подразумеваемого в Двенадцати Традициях. Некоторые заявляют, что эти предостережения всего лишь отражают наши коллективные страхи. Были времена, когда это было правдой. В первые годы жизни АА каждое нарушение этих заповедей, казалось, угрожало самому его существованию. Тогда мы еще сомневались, смогут ли склонные к бунтарству члены Содружества устоять перед всеми этими сильнейшими искушениями. Но мы, *в самом деле*, выстояли и потому выжили. Поэтому на смену вчерашним огромным страхам пришла бдительная осторожность – нечто в корне отличное от неразумной паники.

Разумеется, мы знаем, что нам придется постоянно иметь дело с теми устрашающими силами, которые вырываются на свободу, когда человеческое эго выходит из-под контроля – теми самыми силами, что разрывают на куски современный мир. По этой причине мысль *«Избави нас от искушения»* должна оставаться одной из первостепенных составляющих наших каждодневных установок, практик и молитв. Когда все идет хорошо, нам не следует поддаваться заблуждению, что на нашу голову не может обрушиться никакая большая беда. Не следует и обвинять себя в «негативном мышлении», когда мы настаиваем на реалистичном и эффективном взгляде на разрушительные силы в нас и вокруг нас. Бдительность всегда будет платой за выживание.

Таков защитный аспект Традиций. Однако они призваны давать нам и на самом деле дают гораздо больше, чем просто защиту от заурядности и распада.

Давайте теперь задумаемся о позитивной, прогрессивной стороне Традиций АА – дисциплинированных жертвах и обязанностях, которые нам необходимо взять на себя, а также о той степени взаимного доверия и любви, которые потребуются нам для достижения искомой высшей свободы, если нам суждено ее обрести. Размер статьи не позволит полностью проанализировать все Двенадцать Традиций с этой точки зрения, но приведем несколько примеров для иллюстрации сказанного.

Возьмем Традицию Первую. Она говорит, что общее благополучие АА стоит на первом месте. На деле, это означает, что нужно отставлять в сторону личные амбиции каждый раз, когда они идут вразрез с безопасностью или эффективностью нашего Содружества. Значит, иногда мы должны любить АА больше, чем самих себя.

Вторая Традиция гласит: «В делах нашей группы есть лишь один высший авторитет – любящий Бог, воспринимаемый нами в том виде, в котором Он может предстать в нашем групповом сознании. Наши руководители всего лишь облеченные доверием исполнители, они не приказывают». Это упражнение во взаимном доверии к Богу, себе самим и нашим лидерам служения. Это один из самых прекрасных наших экспериментов, успех которого далеко превзошел все ожидания.

Традиция Третья устанавливает личную свободу члена АА. По сути, она говорит, что любой алкоголик может стать членом АА, только лишь заявив об этом. Никто из нас не может исключить его из Содружества, как бы он себя ни вел. Возможно, ни одно общество еще не предоставляло индивидууму такую беспредельную свободу. Каждый приходящий в АА сразу же ощущает, что его рады видеть, любят и доверяют ему. Мы отлично понимаем его потребности, ведь и у нас они были. Редкий алкоголик нечестно воспользуется этой хартией неограниченной свободы. Мы приняли это решение много лет назад и рады, что это сделали – у нас никогда не было повода для сожаления.

Четвертая Традиция – еще одна уверенная декларация взаимного доверия и любви всех групп АА друг к другу. Мы даем каждой группе полную автономию, право спокойно управлять собственными делами. Чтобы это состояние оставалось неизменным и защищенным, мы гарантировали всем группам АА, что они никогда не будут подчинены какому бы то ни было централизованному управлению или власти. В свою очередь, каждая группа соглашается, что никогда не будет предпринимать действий, могущих навредить всем нам. Действительно редко бывало, чтобы какая-нибудь группа АА забывала об этом драгоценном доверии.

Седьмая Традиция провозглашает наш принцип самообеспечения. В соответствии с ней мы берем на себя обязательство самостоятельно оплачивать все свои затраты по обслуживанию, при этом отклоняя пожертвования извне.

Тот факт, что мы не принимаем денег из внешнего мира, наполняет уверенностью каждого алкоголика, думающего о том, чтобы к нам присоединиться. Мы это знаем. Благодаря этому также улучшилась наша репутация в обществе, потому что людям нравится идея, что некогда безответственные алкоголики теперь стали ответственными. Кроме того, этот здоровый обычай, без сомнения, ведет нас по направлению к большей свободе. Решительно отказываясь от денег извне, предлагаемых частными лицами или правительствами, мы надежно гарантируем себе, что всегда будем сохранять свою свободу действия. Поэтому к нам никогда не будет применима старая поговорка: «Кто платит, тот и заказывает музыку».

Не приходится сомневаться, что сегодня мы могли бы собрать для АА крупные суммы – в смысле, если бы вдруг объявили о такой нужде. Возможно, это стало бы худшей катастрофой, какая только может обрушиться на наше Содружество. Мы моментально освободились бы от благотворной обязанности изыскивать средства на собственные потребности. Имея в своем распоряжении много денег от других людей,

наши товарищи по Содружеству, генерирующие новую идею каждую минуту, конечно же, начали бы затевать бесчисленные благотворительные схемы. В прошлом изредка бывали случаи, когда мы принимали деньги извне, и результат почти всегда был одинаков – отвлечение внимания и споры. По этой причине мы прекрасно знаем, что ответственность за полное самообеспечение несет нам великие духовные и практические блага. Это жертвенная предусмотрительность в своем лучшем проявлении – главный оплот наших драгоценных свобод.

Другой пример. Традиция Десятая настойчиво предостерегает нас от общественных споров. Возможно, эта традиция начала складываться в АА первой. Естественно, мы оставили за собой право спорить между собой по менее важным вопросам, что иногда даже доставляет удовольствие! Но когда речь заходила об ужасных конфликтах, расшатывающих окружающее общество, связанных с политикой, религией, реформами и тому подобными вещами, первые члены АА понимали, что все это совершенно не для них.

Позже всплыл новый аспект той же самой опасности. Самые разные люди и организации просили нас «занять позицию», «высказать мнение» и «бороться со злом» в самых разных смыслах. И снова мы моментально поняли: ввяжись мы в такое дело, оно непременно стало бы нашим концом. Чистые предрассудки оттолкнули бы от АА тысячи алкоголиков. Над нами снова нависла бы старая угроза, на этот раз вломившаяся снаружи. Тогда мы осознали, что обязательно должны жить в мире друг с другом и с окружающим миром. Несомненно, многие свободы человечество завоевало жестокими конфликтами и тяжелой борьбой. Но нам, членам АА, пришлось усвоить: тех свобод, которые мы должны иметь, невозможно добиться силой. Как Содружество мы не можем бороться ни с кем, никогда и нигде. Это уже доказано. Когда мы напрямую атаковали зеленого змия, то потерпели

поражение. Борьба с алкоголем никогда не увенчивалась успехом. А когда мы слишком сильно ссоримся друг с другом, то напиваемся.

Именно поэтому истинное умиротворение всегда будет главной составляющей свободы АА. Но не стоит думать, что мы избегаем крупных конфликтов только лишь из страха. В настоящее время мы верим, что сохраняем мир из любви друг к другу.

Теперь давайте рассмотрим жизненно важную Одиннадцатую Традицию. Речь в ней идет об общественной информации – нашем главнейшем канале связи со все еще страдающими алкоголиками. Эта великая Традиция гласит: «Наша политика во взаимоотношениях с общественностью основывается на привлекательности наших идей, а не на пропаганде; мы должны всегда сохранять анонимность во всех наших контактах с прессой, радио и кино». Поскольку она описывает самое важное применение нашего принципа анонимности и задает тон всем нашим отношениям с обществом, ничто не может быть более насущным. Если в эти отношения вторгнутся личные амбиции, то Содружество будет сильно покалечено, а может, вообще погибнет.

Опасность, разумеется, состоит в возможности того, что однажды мы беспечно откажемся соблюдать принцип личной анонимности на публичном уровне. Такая возможность существует в силу того факта, что многими из членов АА прежде владела и порой еще владеет огромная жажда власти. Часто ее подпитывает почти непреодолимое желание денег, одобрения, общественного признания. Моя собственная история в этом отношении очень показательна. Мне очень понятен постоянный соблазн превратить себя в публичную фигуру. Поэтому я все время, кстати и некстати, настаиваю на том, чтобы мы сохраняли личную анонимность на высшем уровне публичности, каких бы личных жертв нам это ни стоило.

Наша главная надежда на будущее – что эти наши ужасающие побуждения будут сдерживаться самодисциплиной, любовью АА и твердой позицией групп касательно публичности. Пока совместной работы этих мощных созидательных сил более чем достаточно для этого. Мы молим о том, чтобы они всегда были сильнее.

Еще раз окинем взором реальный масштаб искушения. Сейчас планету покрывает огромная коммуникационная сеть, проникая даже в самые отдаленные ее уголки. Несмотря на всю свою колоссальную пользу для человечества, этот безграничный всемирный форум – охотничье угодье для всех жаждущих денег, признания и власти за счет общества. Здесь сходятся в борьбе силы добра и зла. Все самое фальшивое и пагубное состязается с самым лучшим. Поэтому для будущего процветания АА нет ничего важнее правильного обращения с этим гигантом коммуникации. Если пользоваться им бескорыстно и разумно, то результаты могут превзойти все наши фантазии. Если же применять этот инструмент неправильно, то Содружество разрушат эгоистичные запросы его же членов, часто преисполненных самых благих намерений. Жертвенный дух нашей анонимности на высшем уровне публичности – буквально щит АА против всего этого. И опять-таки мы должны быть уверены, что любовь к АА и Богу всегда одержит победу.

Наконец, Двенадцатая Традиция говорит нам: «Анонимность – духовная основа всех наших Традиций, постоянно напоминающая нам о том, что главным являются принципы, а не личности». Этот принцип и его глубокий скрытый смысл затрагивают каждую сторону нашей жизни. Анонимность – это смирение в действии. Для поддержания смирения нашего сообщества мы должны все время критически оценивать свои искушения и изъяны. Дух анонимности призывает каждого из нас к личным жертвам на всех уровнях деятельности АА. Только такие добровольные жертвы позволят нам справляться

со своими обязанностями перед собой, перед жертвами алкоголизма во всем мире и перед обществом в целом. Здесь нам ясно видно, что только жертвованием можно соответствовать ответственности; что только большая ответственность ведет к взаимному доверию; и что только взаимное доверие может быть фундаментом великой любви – любви каждого из нас друг к другу и всех нас к Богу.

Именно в таком духе все присутствовавшие на двадцать пятой годовщине АА в Лонг-Бич подтвердили свою преданность делу обслуживания Содружества. Они знали, что выбор за ними, и сделали его. Вот что они сказали:

«Милостью Божьей мы собрались здесь, чтобы с благодарностью отметить двадцать пятую годовщину основания нашего Содружества.

На этой многозначительной одна четверть вековой отметке мы четко осознаем, что стоим на пороге огромной двери, широко распахивающейся в наше будущее. Нашей судьбой могут стать постоянно растущие обещания и достижения. Наша вера в эту мечту никогда не ослабевала. Но будущее все же не имело бы всей своей пользы и значения, если бы оно не несло нам новые проблемы и даже острые опасности, через которые мы можем развить в себе истинное величие духа и поступков. Этим целям мы посвящаем свою жизнь. Здесь мы снова предназначаем себя все усиливающейся любви друг к другу – любви к чудесному творению, в котором мы живем и служим, и к его высшему творцу – самому Богу.

Вам, членам АА из отдаленных районов, вам, так ярко символизирующим уникальное любящее общение в нашем всемирном Содружестве, мы теперь доверяем повсеместно распространять эти идеи среди собратьев по несчастью, особенно среди всех тех, кто еще о нас не знает, но скоро, если на то будет Божья воля, может быть, выйдет из тьмы на свет».

Образ грядущего *(февраль 1961 г.)*

Первая четверть века существования АА теперь стала историей. В перспективе перед нами лежат следующие двадцать пять лет. Как же нам лучше всего воспользоваться этим новым даром времени?

Возможно, в первую очередь нам следует осознать, что мы не можем стоять на месте. Теперь, когда основные принципы АА, кажется, установлены, а наша деятельность явно успешна и обширна, было бы соблазнительно легко успокоиться на том, что на мировой арене возникла еще одна полезная организация. Мы могли бы прийти к выводу, что «АА прекрасно таким, как есть».

К тому же многие из нас могли бы позволить себе заявить, например: «Итак, я трезв и счастлив. Чего еще я могу желать или делать? Мне и так хорошо». Однако мы знаем, что расплатой за такое самодовольство станет неизбежное соскальзывание вниз, которое в какой-то момент прервется очень резким пробуждением. Нам необходимо расти, чтобы не деградировать. Для нас существующее положение может сохраняться только на сегодня, но ни в коем случае не на завтра. Мы должны меняться; мы не можем останавливаться.

В таком случае, как Содружеству продолжить меняться к лучшему? Означает ли это, что мы должны обновлять базовые положения АА? Стараться усовершенствовать Двенадцать Шагов и Двенадцать Традиций? Ответ, по-видимому – нет. Эти двадцать четыре принципа сначала освободили нас, а затем обеспечили наше единство и позволили нам функционировать и развиваться как отдельные члены АА и как одно целое. Разумеется, абсолютная истина гораздо лучше известна Богу, чем кому-либо из нас. Тем не менее, мы пришли к убеждению, что Шаги и Традиции АА представляют собой относительные истины, необходимые нам для нашей конкретной цели. И чем больше мы их практикуем, тем больше

они нам нравятся. Поэтому едва ли можно сомневаться, что принципы АА сохранят ту же форму, что и сейчас.

Но если наши азы так прочно укоренились, то что нам остается менять или улучшать? Ответ напрашивается сам собой. Нам нет нужды переделывать истины АА, но мы, безусловно, можем еще лучше использовать их применительно к себе самим, к АА в целом и к нашим отношениям с окружающим миром. Мы можем постоянно совершенствовать «применение этих принципов во всех наших делах».

Так давайте же сейчас, вступая в следующий большой этап жизни АА, возьмем на себя все растущую ответственность за наше общее благополучие. Давайте продолжим анализировать себя как Содружество, ища в себе недостатки и открыто признаваясь в них. Давайте займемся исправлением всех дефектных отношений, которые у нас только есть – и внутри АА, и вне его. А самое главное – давайте помнить об огромном множестве все еще страдающих от алкоголизма людей, которые до сих пор живут без надежды. Давайте любой ценой улучшать коммуникацию со всеми ними, чтобы они могли обрести то же, что и мы – новую свободную жизнь под Богом.

Дальние рубежи *(октябрь 1961 г.)*

Вот международный выпуск журнала «Грейпвайн», волнующий в своем подтексте, захватывающий в своем драматизме. В его строчках и между ними мы улавливаем чудесный проблеск сегодняшнего АА из самых отдаленных уголков Содружества. Каждый, кто прочтет этот выпуск, непременно увидит великолепный анонс того, как в будущем будет выглядеть АА во всем мире.

Один из наших южноафриканских авторов, ветеран местного Содружества, завершает свою статью такими странными словами: *«Hamba gahle, hlala gahle»*. Это зулусские приветствия, означающие «идите с миром» и «пребывайте в мире». Несомненно, эти меткие выражения глубоко отражают устремления и желания всего сообщества зулусов.

Безусловно, для нас, членов АА, эти слова столь же актуальны, как и для самих зулусов. Разве это не именно то, чего мы сами всегда искали – сначала как активные алкоголики, а затем как члены АА? Мы всегда хотели покинуть то место, где находились, и отправиться туда, где царил бы мир. История АА – история наших совместных путешествий в поисках лучшего.

Как поведал наш автор, неудивительно, что его друзья-алкоголики из зулусов, банту и индусов, стекаясь в АА из Трансвааля и соседних регионов, обнаруживают, что лелеянные ими надежды сбываются. Они идут по одной дороге с нами и обретают покой.

Распространение АА за рубежом – не что иное, как история физических и духовных странствий членов Содружества. В этом выпуске «Грейпвайн» есть рассказ о трогательном опыте жены одного дипломата. В описательных целях мы называем ее «одиночкой»; однако она пишет, что ничуть не была одинока, когда сначала переехала в Норвегию, а потом в Индонезию. В настоящее время она живет на Гаити и счастлива еще больше.

Другая наша сестра-алкоголичка, англичанка, рассказывает о том, как сорвалась в Сингапуре, что стало необходимой прелюдией к ее теперешней трезвой и счастливой жизни на Мальте, где она вместе с другой женщиной образует группу АА всего из двух человек!

Еще обязательно прочтите историю нашего друга-британца, армейского офицера и отца-основателя местного АА, который описывает, как ему, так называемому «одиночке», удалось сохранить абсолютную трезвость в Малайзии в трудную пору партизанской войны, и разделите с ним то, что он обрел в АА по возвращении в Англию.

Также не пропустите описание АА в Австралии от местного ветерана Содружества. Когда я читал его, у меня дух захватило от волнения, потому что я помню, как двадцать лет назад на этом континенте АА началось с одного единственного письма и экземпляра Большой Книги, присланных из Нью-Йорка.

Еще непременно ознакомьтесь с невероятной работой по Двенадцатому Шагу, недавно проделанной в ЮАР. Автор статьи круглосуточно трудился наставником молодого венгра, который вместе со своей матерью бедствовал в полной изоляции. Поначалу языковой барьер казался непреодолимым. Однако и наставник, и его подопечный немного умели читать Библию по-латыни, и это им помогало. Но барьер был не просто языковым – подопечный оказался глухонемым. И все-таки он обрел трезвость. Рассказ о том, как это было достигнуто, поразителен.

Вообще-то вам следует прочесть этот международный выпуск «Грейпвайн» от корки до корки. Вы наверняка найдете в нем свежие идеи о том, как перейти от своего текущего состояния к еще более умиротворенному. Я уже почерпнул кое-что.

«Hamba gahle, hlala gahle»!

Снова на распутье *(ноябрь 1961 г.)*

У нас, членов АА, повсеместно развивается более острое осознание своей истории и значения ее поворотных моментов. Более того, я полагаю, у нас вырабатывается правильное восприятие собственной истории, что, на самом деле, крайне важно. Прошлое всего мира показывает: многие объединения и нации пали жертвами страха и гордыни или же своих агрессивных намерений. Они утратили чувство смысла, цели, верного направления и потому распались и исчезли. Ни власть, ни слава, ни богатство никак не могли гарантировать им долговременное выживание.

В летописи первой четверти века существования АА мало что указывает на возможность такой судьбы для нас. В своей жизни, а значит, и в самом Содружестве, мы беспрестанно стремимся отбросить в сторону все те тщеславные потребности в славе, власти и материальных благах, которые сгубили стольких из нас в дни пьянства. Этот страшный опыт живо стоит у нас перед глазами, и потому неудивительно, что Двенадцать Шагов АА постоянно напоминают нам о насущной необходимости усмирять свое эго и что Двенадцать Традиций настойчиво предостерегают от опасностей накопления богатства, погони за славой и вечного искушения противостоять и нападать.

К такой мудрости мы пришли не благодаря своим добродетелям – напротив, это углубившееся понимание уходит корнями в наши прежние безумства. В самый критический момент, милостью Божьей, каждому из нас была дарована возможность развить в себе растущее ощущение смысла и цели собственной жизни. Поскольку в этом заключается суть нашего индивидуального опыта, в этом же и суть нашего опыта как Содружества. Мы выстрадали достаточно, чтобы узнать кое-что о любви к Богу и друг другу. Так мы научились выбирать те принципы и методы, благодаря которым

наверняка можно выживать и расти. Таков духовный климат, в котором нам, членам АА, посчастливилось сегодня жить.

Даже наше порой неправильное поведение в трезвости никогда не меняло этой всепроникающей атмосферы смирения и любви. Мы считаем, что именно такие духовные условия привносят в среду АА столь мудрое руководство свыше. Мы всерьез утверждаем, что это не самомнение, а очевидный факт нашего опыта. Достаточно лишь поразмыслить над длинной чередой явно правильных решений, принятых нами за прошедшие двадцать шесть лет – решений насчет принципов Содружества и верных методов их донесения. До сих пор не промелькнуло ни малейшего признака, говорящего о том, что хоть одно из этих важнейших решений было ошибочным. По всей видимости, до сего момента АА выбирало правильный поворот на каждом новом перекрестке. Едва ли это только лишь наша заслуга. Наше Содружество убедительно доказало мудрость старого изречения: «Что для человека крайность, для Бога – возможность». С такой историей за спиной мы безбоязненно можем вступить в следующий час решений, преисполненные уверенности и веры.

Факты говорят о том, что в делах АА сейчас действительно наступил очередной поворотный момент. Это связано с будущим управлением всемирным обслуживанием АА в целом. Поэтому нам необходимо по-новому взглянуть на грядущее. Конкретно на этом перепутье ключевое решение должен принять я. Вот оно:

Я убежден, что теперь мне следует отстраниться от любого активного руководства всемирным обслуживанием АА и передать все свои лидерские полномочия в таких делах попечителям Совета по общему обслуживанию АА.

Идея отнюдь не нова – это просто последний шаг процесса, развивавшегося на протяжении более чем десяти лет. Мы с Доктором Бобом держали эту мысль в голове еще в 1948 году, когда вместе писали для нашего журнала статью под

названием «А можно мы тоже вступим в АА?» Еще больше мы думали об этом в 1951 году, когда в порядке эксперимента была проведена первая Конференция по общему обслуживанию. Наконец, когда в 1955 году в Сент-Луисе все полномочия и ответственность в сфере всемирного обслуживания были переданы нашей Конференции, это было явным предзнаменованием моего отстранения от активного руководства обслуживанием.

Тем не менее, еще осталось кое-что от моего прежнего статуса, и это требует пояснения. После Сент-Луиса было несколько задач, все еще требовавших моего пристального внимания. Но теперь они практически выполнены. В течение последних шести лет я совместно с нашими попечителями осуществлял руководство конкретно этими делами. Несомненно, такое продолжение утвердило меня в глазах многих членов Содружества как неизменный элемент всемирного обслуживания АА и его символ. Это последние остатки моего лидерства в плане обслуживания.

Для таких мер есть веские, даже настоятельные причины. Главная заключается в существующей необходимости строго придерживаться Второй Традиции АА в каждой сфере нашей работы по всемирному обслуживанию. Это означает, что мне не следует больше выступать лидером в служении от имени группового сознания АА. Теперь это должно целиком стать функцией наших попечителей, направляемых делегатами Конференции. Подумайте также о другой очень здравой традиции АА – ротации в лидерстве. Сегодня этот принцип строго соблюдается повсюду – за исключением моего случая. Мне следует ликвидировать этот неуместный пережиток, выйдя из игры и удалившись на места для зрителей, где находятся уже практически все ветераны АА.

Но это еще не все. Возможно, моя бессрочная работа в Штабе АА прикрывает некие непредвиденные изъяны в нашей организационной структуре. Если они есть, им нужно

дать возможность проявиться. К тому же, нынешним прекрасным лидерам, которые есть у нас среди попечителей и в Штабе, следует позволить работать без дальнейшего сотрудничества со мной. Мы знаем, что в долгосрочной перспективе двуглавое руководство – вещь крайне нездоровая. Мое отстранение от активного служения исправит этот дефект.

Есть и очень важные психологические причины. АА во многом подобно семье, духовными родителями которой, само собой, являемся мы, ветераны. Если родитель уходит из семьи, еще не достигшей такого возраста, чтобы она была способна взять ответственность на себя, то он, конечно, предает свой родительский долг. Но родитель, слишком уж задержавшийся на посту, тоже может нанести большой вред. Если он упорно проявляет свою родительскую власть и держит подопечных под своей защитой долгое время после того, как они достигли возраста ответственности, то он просто лишает их бесценного права самостоятельно взглянуть жизни в лицо. То, что было абсолютно правильно в пору их детства и подросткового периода, становится совершенно непригодным, когда они выросли. Поэтому мудрый родитель всегда меняет свой статус в соответствии с этим. Разумеется, он все равно протянет им руку помощи в критической ситуации, если попросят. Но он знает, что должен позволить своим наследникам совершать ошибки и самостоятельно исправлять большую их часть, жить собственной жизнью, развиваться. Вторая Традиция АА глубоко подтверждает эту всеобъемлющую истину, провозглашая: «Есть лишь один высший авторитет – любящий Бог, воспринимаемый нами в том виде, в котором Он может предстать в нашем групповом сознании».

Конечно, я не предполагаю совсем отказаться от участия в служении, а лишь предлагаю изменить мои взаимоотношения с АА. Например, я рассчитываю присутствовать на собраниях попечителей и на Конференциях. А если в нашей существующей структуре обслуживания обнаружатся явные

изъяны, я охотно буду помогать в их устранении, если меня об этом попросят. Короче говоря, я собираюсь быть доступным в случае нужды, но никогда больше не возвращаться «на вершину», и АА надеется, что все ветераны займут точно такую же позицию.

Мое предстоящее удаление на скамейку запасных непременно повлечет за собой и другие перемены. Думаю, мои поездки и выступления прекратятся – за исключением разве что, может быть, одного-двух будущих путешествий за границу и моего участия в различных международных съездах. По сути, у меня больше нет возможности откликаться на сотни поступающих приглашений. Кроме того, очевидно, что продолжение моих выступлений только усиливало бы мое выдающееся положение в АА – в то самое время, когда его, напротив, следует весьма ослабить. Во многом такая же ситуация и с моей чрезвычайно обширной корреспонденцией, которая настолько разрослась, что я больше не могу воздавать ей должное.

Тем не менее, один важнейший канал общения остается широко открытым – мои статьи для журнала «Грейпвайн». Это дело я непременно хочу продолжать. К примеру, прямо сейчас я пишу серию статей под названием «Применять эти принципы во всех наших делах». Возможно, позже эти материалы можно будет расширить до полноразмерной книги, в которой будет предпринята попытка рассмотреть проблему жизни вообще глазами членов АА. Если окажется, что я смогу ее написать, то этот труд, может быть, будет иметь непреходящую ценность.

Есть и еще один фактор, имеющий отношение к моему решению. Как любой член АА, я определенно обязан стать гражданином мира вокруг меня и направить в него полученный в нашем Содружестве опыт жизни и работы. Поэтому я уже исследую некоторые сферы внешней деятельности, в которые, возможно, смогу внести полезный и значимый

вклад. Я впервые чувствую себя свободным следовать конструктивному примеру, уже поданному несчетным числом моих товарищей по АА. Но главная причина, почему я выбираю этот новый курс, заключается, конечно, в моей глубокой и твердой вере в то, что в долгосрочной перспективе такой вариант окажется наиболее отвечающим интересам Анонимных Алкоголиков.

Стоит ли говорить, что я приближаюсь к этому новому перепутью для АА и для меня с комом в горле и сердцем, переполненным благодарностью за все те беспримерные привилегии и дары, которыми я так долго благословлен!

Ответственность – наша тема *(июль 1965 г.)*

В этом месяце, отмечая тридцатый год существования АА, мы проведем в Торонто свой Международный съезд. Ведущей темой этого торжественного события выбрана «Ответственность АА», что очень кстати. На съезде мы вновь окинем взглядом три десятилетия жизни АА, теперь ставшие историей. Взволнованные от невыразимого чувства благодарности, мы будем говорить «спасибо» Богу, чьей милостью мы смогли достигнуть той степени ответственности – индивидуальной и коллективной, – которая привела наше Содружество к нынешнему процветанию и всемирной популярности.

Оглядываясь назад, на прошедшие годы, мы сможешь постичь лишь долю того, что сотворил среди нас Господь. Никто не сможет представить себе всей тяжести страданий, некогда пережитых нами, и всей горечи наших родных и близких. Кто способен по-настоящему осознать внутреннюю природу нашего перерождающего духовного опыта – этих Божьих даров, открывших нам новый мир бытия, действия и жизни? Действительно ниспосланные нам блага превосходят все возможности человеческого понимания.

На грядущем международном собрании мы будем смотреть в новые лица. Слушать выступления множества приехавших издалека на разных языках. И увидим, что солнце над Содружеством никогда не садится, что триста пятьдесят тысяч членов АА уже обрели выздоровление и что мы повсеместно начали преодолевать громадные межрасовые, межрелигиозные и межнациональные барьеры. Это доказательство того, что столь многим из нас удается выполнять взятые на себя обязательства насчет трезвости, роста и эффективного функционирования в этом беспокойном мире, непременно наполнит нас глубочайшей радостью и удовлетворенностью. Однако, будучи людьми, которые почти всегда учатся на собственном горьком опыте, мы, конечно же, не будем

поздравлять себя. Мы будем воспринимать эти вещи как Божьи дары, которым отчасти соответствует наша растущая готовность постигать и исполнять Божью волю в отношении нас.

Кроме того, мы вспомним, как муки болезни буквально вели нас к вступлению в АА, что для большинства из нас было первым ответственным поступком за многие годы. Алкоголизм прямо-таки пинками гнал нас до той крайней черты, когда мы уже готовы были делать все что угодно ради выздоровления; это стало вопросом жизни и смерти.

Движимые этим, мы, в конце концов, пришли в Содружество АА и там впервые увидели проблеск абсолютно нового мира, наполненного пониманием, любовью и заботой. Вскоре мы ознакомились с Двенадцатью Шагами АА, причем многие быстро забыли десять из них, сочтя их ненужными. Мы лишь приняли идею о том, что мы – алкоголики, и поверили, что посещения собраний и помощи новичкам будет достаточно для решения нашей проблемы с выпивкой – а может, и всех проблем вообще. Мы с одобрением относились к милой сердцу избитой фразе: «Пьянство – просто ошибка хорошего человека». Стоит лишь прекратить пить, и жизнь станет сладкой, как мед! Счастливые мы грели руки у костра АА, и казалось, что все хорошо.

Но постепенно стало появляться недовольство определенными вещами – даже собственной группой: она оказалась не такой уж и чудесной, как мы думали поначалу. Возможно, мы наблюдали скандалы с бросанием камней друг в друга или неприятные ссоры из-за того, кто должен быть следующим председателем. В группе были люди, которые просто нам не нравились; а те, кем мы восхищались, не уделяли нам такого внимания, какого мы, по нашему мнению заслуживали. Дома мы тоже переживали шок. Когда розовая дымка рассеялась, домашняя обстановка стала казаться такой же скверной, как и всегда. Старые раны совершенно не затянулись. Банк, хоть

и впечатленный нашей трезвостью, все равно интересовался, когда мы собираемся с ним расплатиться. А начальник жестким тоном требовал, чтобы мы «шли в ногу со временем».

Тогда каждый из нас шел к своему наставнику и потчевал его рассказами об этих горестях. При этом мы заявляли, что причина наших обид, тревог и депрессии, конечно же, кроется в неблагоприятных обстоятельствах и бесцеремонности других людей. Однако, к нашему ужасу, наставников это не убеждало – они лишь усмехались и говорили: «Пожалуй, нам с тобой стоит сесть и хорошенько изучить все Двенадцать Шагов АА. Может быть, ты многое упускаешь из виду – по сути, почти все!»

Тогда мы начинали анализировать себя, а не других. Углубившись в самоанализ, мы, наконец, обнаруживали, каковы наши истинные обязанности в отношении себя самих и окружающих людей. Задача была сложной, но постепенно становилось легче ее выполнять. Мы начали возмещать ущерб, нанесенный другим – поначалу с неохотой, но потом уже с большим желанием. Мало-помалу мы поняли, что всякий прогресс – материальный ли, духовный ли – заключается в том, чтобы выяснить, в чем наши обязанности на самом деле, а затем работать в этом направлении. Такая деятельность начала приносить плоды. Уже с большей готовностью взваливая на свои плечи тяготы жизни и роста, мы уяснили: вовсе не обязательно, чтобы нас всегда *заставляли действовать* только лишь затруднения.

Потом, к своему крайнему удивлению, мы обнаружили, что полное принятие и активные действия в соответствии с любой явной обязанностью почти неизменно ведут к настоящему счастью и душевному покою. Вдобавок, это прочное чувство удовлетворения даже удвоилось, когда мы осознали: благодаря усилившейся готовности для нас стало возможным постигать Божью волю через медитацию. Наконец, мы обнаружили у себя радостное желание вести ответственную жизнь.

Таким был ход наших духовных открытий в АА – если хотите, наше духовное странствие.

Так было не только с каждым членом АА, но и с каждой группой и всем Содружеством в целом. Я часто видел наше сообщество неуверенным и боязливым, сердитым и горделивым, апатичным и равнодушным. Но я также видел, как эти негативные явления исчезают по мере усвоения уроков опыта и их охотного применения.

Вспомним несколько примеров.

На заре истории АА мы были очень робкими и были уверены, что оно должно быть секретным обществом. Мы избегали огласки, потому что все еще мучились из-за клейма алкоголизма и к тому же опасались наплыва так называемых «нежелательных людей». Нас часто злила критика изнутри и из внешнего мира. Как правило, нам гораздо лучше удавалось критиковать самим, чем принимать чужую критику. Порой мы хвастались, выставляя АА всезнающим универсальным специалистом по алкоголизму, и это заставляло друзей отворачиваться от нас. Вполне осознавая все опасности накопления крупных сумм, мы оправдывались этим страхом, когда не оплачивали обыденные расходы своей группы, интергруппы и структуры всемирного обслуживания АА – жизненно важных каналов служения, незаменимых в деле распространения идей АА в мире вокруг нас. Иногда мы плохо выполняли роль наставников, и тогда страдальцы-новички не получали необходимой помощи.

Кроме того, в определенные поворотные моменты истории АА мы, преисполненные гнева или же полного безразличия, сторонились обязанностей, которые следовало бы считать явными. В некоторых случаях нам едва удалось предотвратить катастрофические последствия такого поведения. Ветераны помнят, что книга «Анонимные Алкоголики» могла бы так и не увидеть свет, потому что некоторые заявляли, что она нам не нужна, в том время как другие вздрагивали при мысли

о рисках, связанных с созданием этого бесценного текста. Также многие из нас яростно протестовали против формирования Конференции по общему обслуживанию Анонимных Алкоголиков – того самого незаменимого выборного органа, который сегодня связывает Содружество с попечителями всемирных служб АА. Мы почти не верили в то, что такую связь действительно можно выстроить; многие думали, что даже попытка реализовать подобный проект обернется крахом для Содружества. В результате мы, согнувшись под бременем безразличия, жесткой критики и маловерия, чуть не бросили это крайне необходимое начинание на полдороге.

Однако в определенное Богом время наши духовные качества неизменно преодолевали даже такие серьезные помехи. Идет крупномасштабное выздоровление АА. Применение Двенадцати Традиций на практике изумительным образом сплотило нас. Наши ассоциации интергрупп и Всемирная конференция по обслуживанию сделали возможным широкое распространение идей АА как в нашей стране, так и за рубежом. Поначалу к ответственности нас призывали собственные муки и настоятельные потребности, и мы брали ее на себя с неохотой. Но в более поздние годы в каждом деле Содружества стало появляться все больше радостной готовности и твердой уверенности.

Тем не менее, невзирая на благополучное преодоление вчерашних и сегодняшних трудностей, мы в полной мере осознаем, что наши отрицательные черты все еще живы и всегда будут живы в нас. А значит, нашей постоянной обязанностью должен быть бесстрашный анализ своих дефектов по мере продвижения вперед с тем, чтобы исправлять их эффективнее.

Именно поэтому в Торонто мы зададимся вопросом: «Какое наследие мы оставляем всем будущим поколениям, которые придут в Содружество? Можем ли мы улучшить это наследие? Пока еще есть время, что мы можем сделать для преумножения наших активов и сокращения пассивов?»

Надеюсь, что на фоне этого исследования сегодняшнего состояния АА меня не сочтут безупречным мудрецом-старейшиной, вознамерившимся укорять и увещевать собратьев. Будьте уверены: анализируя слабые места АА, я анализирую и самого себя. Я знаю, что последствия моих прошлых ошибок сказываются до сих пор и что мои сегодняшние недостатки могут дурно отразиться на нашем будущем. И так с каждым из нас.

По этой причине давайте вместе рассмотрим более важные сферы жизни Содружества, где совершенствование всегда будет настоятельной необходимостью.

Нашей первостепенной заботой должны быть те страдальцы, которым мы пока не можем помочь. Для начала давайте смиренно признаем, что на сегодня в мире насчитывается порядка двадцати миллионов алкоголиков, причем пять миллионов из них – в одних только Соединенных Штатах. Разумеется, это огромное число охватывает все стадии болезни. До одних мы не можем достучаться, потому что они еще мало пострадали; до других – потому что они пострадали слишком сильно. У многих жертв алкоголизма психические и эмоциональные осложнения, которые, по-видимому, лишают их шанса на выздоровление. Но, даже оценивая ситуацию с осторожностью, можно утверждать, что в любой конкретный момент в мире есть четыре миллиона алкоголиков, которые способны, готовы и желают исцелиться – если бы они только знали, как! Ясно, что всем им нужно знать, что такое алкоголизм, и осознавать себя его жертвами. После такой подготовки нужно завлечь их в зону досягаемости АА посредством всех ресурсов общественной информации и устного общения, рассказав им о конкретных шагах, которые они могут предпринять, чтобы найти дорогу к выздоровлению. Припомнив, что за тридцать лет существования АА мы установили контакт с менее чем десятью процентами людей, которые могли бы захотеть прийти к нам, мы получаем

представление о беспредельности нашей задачи и об обязанностях, которые всегда будут стоять перед нами.

Эти факты прямо указывают на еще одну нашу обязанность: служить понимающими и любящими наставниками для каждого мужчины и каждой женщины, обращающихся к нам за помощью. Забота и участие, которые мы при этом проявляем – индивидуально и коллективно – могут в корне изменить ситуацию. К тому же это самое замечательное проявление нашей благодарности за то, что получили мы сами. Можно с достаточной уверенностью сказать, что за последние тридцать лет в АА приходило около миллиона алкоголиков. Давайте же поразмыслим об этом здраво и спросим себя, что произошло с шестьюстами тысячами человек, которые не остались с нами. Насколько и как часто мы не оправдывали ожиданий всех этих людей?

Ни при каких обстоятельствах нам не следует считать Содружество Анонимных Алкоголиков всезнающим универсальным специалистом по алкоголизму. В одних только США и Канаде действует, наверное, около ста организаций, занимающихся исследованием этой проблемы, антиалкогольным просвещением и реабилитацией алкоголиков. Научные изыскания уже принесли весомую пользу и в будущем могут принести гораздо большую. А работники просвещения распространяют информацию о том, что алкоголизм – самая настоящая болезнь и что ее жертвам можно помочь. Труд всех этих людей может сделать наши усилия более эффективными. По статистике реабилитационные центры в США и Канаде ежегодно лечат порядка пятидесяти тысяч алкоголиков. Правда, их подход зачастую отличен от нашего – но какая разница, если большая часть таких организаций уже полна желания сотрудничать с АА или может этого захотеть? Думаю, мы слишком часто осуждали и даже высмеивали подобные проекты наших друзей просто из-за того, что наши мнения не всегда совпадают. Нам следует очень

серьезно поразмыслить о том, сколько алкоголиков продолжили пить только потому, что нам не удалось по-доброму сотрудничать с этими многочисленными организациями – хорошими, плохими или нейтральными. Ни один алкоголик не должен сойти с ума или погибнуть всего лишь из-за того, что с самого начала не пошел прямиком в АА.

А теперь поговорим о проблеме критики в адрес АА со стороны окружающего мира. Поразительно, но на протяжении многих лет АА не было мишенью для колкостей, которыми общество обычно реагирует на любые начинания, будь то в социальной, медицинской, религиозной или политической сферах. Поэтому, когда люди находят в АА изъяны, мы впадаем в удивление, шок и гнев. При этом мы склонны до такой степени расстраиваться, что не способны извлечь пользы из конструктивной критики, как не способны и добродушно относиться к критике менее мягкой. Конечно, не у всех из нас такой настрой, но факт остается фактом – многие члены АА реагируют именно так, когда их задевают за живое. Само собой эта обидчивость не способствует дружбе или каким бы то ни было созидательным целям. Несомненно, это один из пунктов, в которых мы можем совершенствоваться.

Анонимные Алкоголики – не религия; Содружество не врачует и не претендует на компетентность в плане бессознательных мотиваций поведения. Однако мы часто упускаем эти факты из виду. Время от времени можно услышать, как кто-то из нас провозглашает АА великой новой религией. Кроме того, мы склонны недооценивать вклад медицины в наше благополучие – не считая строго вытрезвительных процедур. Зная, что психиатрии пока не удается помочь обрести трезвость многим алкоголикам, мы порой расположены думать об этой профессии нелестно. При этом мы опять-таки забываем о том, что обязаны религии и медицине самим своим существованием. Все эти ресурсы сильно повлияли на главные принципы и взгляды АА. Изначально эти

самые принципы и взгляды, сегодня дающие нам возможность жить и идти вперед, были нам даны, главным образом, нашими друзьями. А значит, мы должны в первую очередь уважать всех этих людей, внесших важнейший вклад в развитие АА. Конечно, сформировали Содружество мы – алкоголики, но все его базовые компоненты были предоставлены другими. Здесь нам следует особенно старательно придерживаться максимы: «Давайте будем дружелюбными с нашими друзьями!»

История подтверждает, что практически все объединения людей имеют тенденцию становиться более категоричными; их убеждения и обычаи делаются твердыми, а порой и вовсе застывают. Это процесс естественный и почти неизбежный. Разумеется, все люди должны прислушиваться к зову своих убеждений, и мы, члены АА, не исключение. Более того, все люди должны иметь право озвучивать свои убеждения. Это – хороший принцип и хорошая догма. Но тут есть и слабая сторона. Когда мы имеем убеждения, прекрасно работающие на нас, нам очень легко уверовать в то, что нам известна вся истина. Когда у нас развивается этот вид самоуверенности, мы непременно становимся агрессивными, *требуя*, чтобы с нами соглашались, играя в Бога. А это уже очень плохая догма. Для нас, алкоголиков, подобное удовольствие особенно разрушительно.

Каждый год в АА приходят десятки тысяч новичков. Среди них есть приверженцы чуть ли не всех мыслимых верований и взглядов. У нас есть атеисты и агностики, а также представители почти всех рас, культур и религий. В АА подразумевается, что всех нас объединяет родство общего страдания. Следовательно, в первую очередь мы должны учитывать полную индивидуальную свободу каждого из нас придерживаться любых убеждений, принципов и методов лечения. Так что давайте не будем никому навязывать свою личную и даже коллективную позицию, а лучше будем выказывать друг

другу уважение и любовь, необходимые каждому человеку, когда он пытается проложить себе дорогу к свету. Давайте всегда стараться принимать других, а не отвергать! И давайте помнить, что любой алкоголик среди нас – член АА до тех пор, пока называет себя таковым.

Некоторые более очевидные опасности всегда будут связаны с деньгами, конфликтами внутри АА и извечному искушению бороться за награды, славу и даже власть как в самом Содружестве, так и вне его. Сегодня эти своенравные силы разрывают на части мир вокруг нас. А ведь мы, алкоголики, подвержены этим формам разрушения сильнее, чем большинство других людей. Слава Богу, мы очень глубоко осознаем и, верю, будем и впредь осознавать свою ответственность за самосовершенствование в этом плане.

Однако страх перед этими силами не должен доводить нас до абсурдных самооправданий. Нам не следует прикрываться боязнью богатства и бюрократии, отказываясь оплачивать разумные затраты по обслуживанию АА. В ситуациях, когда нужны оживленные дебаты и решительные действия, нашим лидерам не следует проявлять робость из страха перед конфликтами. А опасения по поводу концентрации престижа и власти не должны мешать нам наделять наших облеченных доверием слуг подобающими полномочиями, чтобы они могли действовать за нас.

Давайте не будем бояться необходимых перемен! Конечно, мы должны различать изменения к лучшему и к худшему. Но мы уже давно уяснили: когда появляется какая-то явная потребность – у одного из нас, у группы или у всего Содружества, – то мы не можем стоять на месте и смотреть в другую сторону. Суть любого роста – в желании меняться к лучшему и в неослабной готовности брать на себя связанную с этим ответственность.

В заключение справедливо будет отметить: мы, члены АА, в большинстве сфер нашей общей жизни смогли существенно

нарастить свою готовность и способность принимать и выполнять обязанности. Наше грандиозное мероприятие в Торонто будет символизировать и иллюстрировать именно это.

Обращая взор в будущее, мы ясно видим, что на пути к предначертанной Богом судьбе ключом к предназначенному Им для нас прогрессу, несомненно, будет наша все возрастающая готовность.

Руководство всемирной деятельностью АА
(январь 1966 г.)

Выступая от имени Совета попечителей АА, наш верный друг и председатель доктор Джек Норрис призвал нас обратить внимание на кое-какую обязанность, чреватую серьезными последствиями. Вне всякого сомнения, будущие историки АА увековечат это событие как один из основных поворотных моментов в ходе развития нашего возлюбленного Содружества. Дело в том, что сейчас нам предстоит пересмотреть и, возможно, перестроить всю сущность и структуру будущего руководства всемирной деятельностью АА. Размышляя над этой проблемой, долго остававшейся нерешенной, полезно будет припомнить: в делах наций и новообразованных сообществ выбор высшего руководства всегда был важнейшей задачей. Об этом говорит вся история человечества.

Доктор Джек прямо предложил нам, Анонимным Алкоголикам – в лице Совета попечителей – взять на себя главную роль в управлении всемирными делами АА. Он представил подробную программу для достижения этого – план, который его товарищи-попечители порекомендовали почти единогласно. Если в 1966 году мы примем эту новую концепцию, то основная доля ответственности за ведение наших дел в общемировом масштабе перейдет от неалкоголиков сегодняшнего совета к попечителям-алкоголикам нового.

В этом случае в состав модифицированного совета вошли бы четырнадцать попечителей из числа членов АА и семь попечителей-неалкоголиков. Семеро из членов АА избирались бы от соответствующих регионов США и Канады исходя из их лидерских качеств. Остальные семеро членов АА избирались бы исходя из их развитых деловых, профессиональных и административных навыков. Так получился бы сбалансированный совет из двадцати одного человека,

где члены АА составляли бы большинство в пропорции два к одному, тогда как сейчас в совете десять неалкоголиков и девять членов АА. Ключевые посты нового совета были бы открыты для входящих в него членов АА в любой момент, когда замена покажется желательной. Даже если руководствоваться чисто практическими соображениями, улучшенный баланс между тремя классами попечителей должен бы нас прельщать.

Однако план попечителей, обрисованный доктором Джеком, подразумевает нечто гораздо большее, чем простую практичность – он несет в себе глубокую духовную ценность. Это призыв к исполнению величайшей обязанности АА. Кроме того, он, по сути, звучит как констатация факта: теперь АА достигло в своем развитии такой точки стабильности и компетентности, что ему больше не обязательно функционировать под эгидой символа попечительской опеки наших друзей-неалкоголиков, действующего еще с 1938 года. Как вам известно, наша текущая структура была создана давным-давно – во времена, когда в АА было всего три группы и лишь сорок членов.

Здесь нам стоит сделать паузу и вспомнить, почему наш Совет по общему обслуживанию изначально был именно таким. Для АА 1938 год был периодом мучительной неуверенности. Не было никаких свидетельств того, что алкоголики могут сохранять трезвость неограниченное время. Не было и убедительных доказательств того, что мы достаточно стабильны в эмоциональном плане, чтобы самостоятельно о себе заботиться даже в трезвом состоянии. К тому же у нас не было никакого авторитета в обществе – люди вообще не знали о нашем существовании. И потом, многие ли из далеких групп АА захотели бы отправлять свои пожертвования совету попечителей, целиком состоящему из нью-йоркских алкоголиков? Тот ранний период был покрыт мраком страха и нерешительности.

Тем не менее, уже тогда стало ясно, что нашему юному Содружеству необходимо какое-то руководство. На вершине нашей растущей членской пирамиды нужно было воздвигнуть некий маяк, чей свет нес бы идеи АА тем, кто еще страдают от алкоголизма. И мы, опасаясь, как бы он не затух однажды из-за наших срывов и безответственности, были уверены, что нам не следует обслуживать этот маяк только лишь своими силами.

Мы должны были иметь надежную защиту. Но какую? В 1938 году было предложено решение, теперь ставшее историей. Мы попросили тщательно отобранных друзей-неалкоголиков составить большинство в нашем предполагаемом попечительском органе и условились, что этот статус будет легализован. Кроме того, мы ввели традицию: председатель и казначей всегда должны быть из числа неалкоголиков. Честно признавая, что АА обязательно нужна такая защита, мы трезво рассудили: даже если все попечители из АА запьют, наш совет все равно продолжит функционировать силами его хранителей-неалкоголиков.

К счастью, сейчас все эти чрезмерные страхи и изощренные меры предосторожности вызывают у нас улыбку. За прошедшие двадцать семь лет алкоголь вывел из строя всего лишь двух попечителей из АА, а тем временем наши идеи распространялись по всему миру, и притом, вне всякого сомнения, весьма эффективно. Вероятно, не будет преувеличением сказать: половиной сегодняшнего состава Содружества и большой долей нашего замечательного единства мы во многом обязаны усилиям слуг АА в сфере всемирного обслуживания – как совету попечителей, так и сотрудникам Офиса общего обслуживания.

Конечно, бывали у нас и эмоциональные штормы, но не серьезнее, чем те, что поражают большинство прочих сообществ. И каждый раз такого рода помехи успешно преодолевались благодаря духу безграничной преданности,

которая всегда пронизывала все уровни наших всемирных служб. Наша история говорит сама за себя. Сегодня мы знаем, что нам нет нужды страшиться алкоголизма и чрезмерной эмоциональной нестабильности.

А теперь давайте разберемся: какова была ценность наших попечителей-неалкоголиков на протяжении всех этих лет? Я могу без колебаний сказать вам, что их ценность просто немыслима. Лишь Бог мог бы подвести итог их заслугам. Поэтому я всей душой надеюсь, что многие из таких друзей останутся с нами и впредь – как и предполагает наш новый план.

В те времена, когда об АА никто не знал, именно попечители-неалкоголики представили нас широкой публике. Они подали нам идеи, которые теперь составляют часть рабочей структуры Штаба АА. Они добровольно проводили многие часы, трудясь бок о бок с нами даже в самых тяжелых обстоятельствах. Они щедро делились своей профессиональной и финансовой мудростью. Время от времени они помогали нам тем, что выступали посредниками в трудных ситуациях.

Одного их присутствия в нашем совете вполне хватало для полного доверия и уважения со стороны многих отдаленных групп, особенно в ранние годы АА. А тем временем они убеждали окружающий мир в ценности Содружества. На деле, они до сих пор оказывают нам эти необыкновенные услуги. Кроме того, именно эти люди держались стойко в волнительный и опасный период между 1940 и 1950 годами, когда единство и коллективная ответственность АА подверглись решающему испытанию – в период, когда из уроков нашего опыта выковывались Двенадцать Традиций.

Я постоянно служил в Штабе АА более четверти века и потому, как никто другой, понимаю, что значили для нас эти верные друзья. С благодарностью изложить в данной статье доказательства их грандиозных заслуг – мой глубочайший, безусловнейший долг. И выражение благодарности было бы

не полным, если бы я не упомянул о неоценимом вкладе в процветание АА, который внес один наш друг и попечитель-неалкоголик. Я имею в виду человека, известного многим из вас – нашего бывшего председателя мистера Бернарда Смита. Во время сильнейшего кризиса за всю историю Содружества именно Берн убеждал нас выполнять наши явные закономерные обязательства.

Надо признать, что как отдельные лица мы, Анонимные Алкоголики, никогда особо не стремились брать на себя серьезные обязанности. Сначала всех нас пригнал в АА хлыст алкоголя. Вскоре, начиная новую жизнь, мы столкнулись с Двенадцатью Шагами и Двенадцатью Традициями. И почти всегда мы принимали их лишь частично. Но время шло, и наше соответствие этим принципам улучшалось. Мы начали их практиковать, потому что знали – нам так нужно, хоть многое и дается тяжело. Однако большинство из нас очень долго шли к той точке, когда смогли принять более трудные обязанности с полноценной, радостной готовностью, которая, наконец, дает нам устойчивую духовную продуктивность.

Также стоит отметить: как и другие люди, мы, члены АА, склонны противиться любым предложениям о крупных переменах – особенно когда кажется, что все идет хорошо. Зачастую такое сопротивление основано на наших страхах, но иногда бывает продиктовано чистой осторожностью. Это качество консерватизма порой предотвращало необдуманные поспешные решения по важным вопросам.

Разумеется, то, что справедливо в отношении каждого из нас в отдельности, относится и к Содружеству в целом. Я отлично помню ярые возражения против создания нашего всемирного попечительского органа в 1938 году и издания нашего учебника «Анонимные Алкоголики» в 1939 году. И меня до сих пор охватывает дрожь при воспоминании о поистине отчаянном сопротивлении в 1946 году, когда впервые была запланирована Конференция по общему обслуживанию

Анонимных Алкоголиков. В те времена большинство членов АА искренне верили, что искушения и риски таких сложных начинаний слишком велики для нас. Но теперь мы можем благодарить Бога за то, что в итоге все же взглянули в лицо этим важнейшим и очевиднейшим обязанностям и приняли их.

Однако в каждом из этих случаев выяснялось: мы должны быть твердо убеждены в абсолютной необходимости перемен. Нужно было прочное ядро личного лидерства – конструктивного и убедительного.

Именно это и дал нам наш замечательный друг Берн Смит, когда в 1950 году, после нескольких лет пустой болтовни, мы никак не могли решиться создать Конференцию по общему обслуживанию АА. Именно его личные лидерские качества спасли положение.

Позвольте мне изложить предысторию события. К 1946 году начали проявляться некоторые факты жизни АА. По мере распространения групп по всему миру наш попечительский орган – тогда называемый Фондом – становился все более изолированным. На самом деле единственным связующим звеном между этим советом и тысячами наших товарищей по Содружеству были лишь несколько без устали трудящихся членов АА из Бюро общего обслуживания, Доктор Боб и я. Самих же попечителей народ практически не знал. Доктор Боб заболел – возможно, смертельно. Наша связь с остальной частью АА была слишком непрочной и могла оборваться. Поэтому некоторые из нас пришли к мысли, что крайне важно без промедления установить прямой контакт между советом попечителей и Содружеством в целом.

Была и другая причина. Большинство групп к тому времени заявили, что больше не собираются жить под покровительством и руководством местных основателей и ветеранов, невзирая на всю свою любовь к ним. Плохо ли, хорошо ли, но группы принимали решение заботиться о себе самостоятельно.

Это была революция АА. Она привела к формулированию Второй Традиции, в которой изложены принципы функционирования Содружества: во всех сферах нашей деятельности высший авторитет – групповое сознание, а от имени групп действуют назначенные ими облеченные доверием слуги.

Конечно, члены совета, так долго работавшие в изоляции, *в самом деле*, были облеченными доверием слугами. Но это не меняло того факта, что у них не было прямой связи с групповым сознанием АА; к тому же они не были непосредственно подотчетны ему. Становилось очевидным: мы здесь в Нью-Йорке до сих пор функционируем как протекторат, а ведь такая структура уже устарела и не согласуется с положениями и духом Второй Традиции.

В результате было предложено созвать Конференцию по общему обслуживанию из делегатов, которые заполнили бы собой эти пробелы. Однако, как только новость об этом проекте начала распространяться, поднялась волна сопротивления. Чем больше одни настаивали на Конференции, тем больше упиралась оппозиция. Многие члены АА были крайне напуганы. Они воображали себе, как их захлестнет борьба за власть, низкие политические интриги, финансовые неурядицы и тому подобное. В такой обстановке многие разумные члены Содружества никак не могли разглядеть настоятельную потребность в радикальных переменах. Видя их протест, наш совет, само собой, пришел к выводу, что Анонимные Алкоголики явно не хотят никакой Конференции. Боюсь, мое непрестанное проталкивание идеи о Конференции лишь обостряло и без того тупиковую ситуацию.

И тут на сцену вышел Берн Смит. С несравненной дипломатичностью и тактом он указал на то, что, по его мнению, реальный риск затеи с Конференцией гораздо меньше, чем риск бездействия – тактики, которая в будущем если и не приведет АА к гибели, то определенно нанесет

Содружеству тяжелую рану в самое сердце служения. Он был глубоко убежден: мы не должны идти на риск краха нашего Штаба, ведь такая катастрофа могла бы стать непоправимой.

Помимо этого, он напомнил нам, что *самоуправление – первейшая обязанность* каждого демократического сообщества, каким объявило себя наше Содружество во Второй Традиции. Как известно, в итоге точка зрения Берна была принята. Я никогда не забуду тот чудесный день в его офисе, когда структурный комитет совета попечителей порекомендовал незамедлительный созыв Конференции по общему обслуживанию АА. Выходит, именно нашему другу Берну мы обязаны существованием ежегодной Конференции.

Несомненно, его история имеет самое прямое отношение к важнейшему вопросу о будущем лидерстве в АА, который снова встал перед нами и обсуждается вот уже десять лет.

Совершенно очевидно, что доктор Джек оказывает нам услуги столь же исключительной важности. Ему и его товарищам-попечителям мы обязаны столь же многим. В значительной степени благодаря мудрому и терпеливому лидерству доктора Джека в эти времена перемен мы и имеем сейчас перед собой план о попечителях, который в случае его принятия ознаменует собой последний решающий шаг в эволюции структуры всемирного обслуживания АА.

Едва ли стоит говорить, что я *горячо* одобряю этот план. Его изложение на Конференции 1965 года стало одним из самых вдохновляющих и радостных событий всей моей жизни в АА.

Наконец, давайте вместе поразмыслим о высоком духовном смысле этого важнейшего плана.

Как нам известно, весь успех АА можно объяснить двумя словами: смирение и ответственность. Все наше духовное развитие можно в точности измерить степенью нашей приверженности этим величественным стандартам. Растущее смирение вкупе с растущей готовностью брать на себя и

выполнять явные обязанности – вот истинный фундамент любого духовного роста. Они показывают нам саму суть правильного существования и правильных поступков. Именно они позволяют нам постигать и исполнять Божью волю.

Так какие же духовные дары предложили нам сегодня наши друзья во имя будущего блага АА? Они предложили сократить их в числе до троих человек. Все еще составляя большинство в Совете и продолжая занимать в нем ключевые посты, наши неалкоголики все эти годы оказывались в роли опекунов АА – а ведь о такой ответственности их никогда не просили. Выходит, этот старый символ защиты уже давно потерял свое значение. Учитывая это, новый план попечителей предполагает, что в будущем наши друзья будут в Совете в меньшинстве и, таким образом, станут просто нашими коллегами. Внося это скромное предложение, они призывают нас взять на себя высочайшую обязанность – направлять нашу собственную жизнь как Содружества, руководствуясь Божьей волей.

Тогда, если так они проявляют свое смирение, то как мы должны проявить свою ответственность? По сути, они сказали нам, как своим только что достигшим совершеннолетия родственникам: «Перед вами простирается будущий мир, и вы прекрасно подготовлены. Выходите же в него и ничего не бойтесь. Мы твердо верим в вас. Идя вперед, к своей судьбе, всегда помните, что Бог в мудрости своей одарил вас тремя драгоценными благословениями: свободой от смертельной болезни; жизненным опытом, позволяющим вам нести эту бесценную свободу другим; и, наконец, все расширяющимся видением Божьей реальности и Его любви».

Так давайте же, Анонимные Алкоголики, всегда оставаться достойными этих трех благодатных даров и высочайших обязанностей, которые теперь принадлежат нам – пока милостивому Богу будет угодно существование АА.

Первое Всемирное собрание по обслуживанию *(октябрь 1969 г.)*

Обязательно наступит время, когда численность членов АА за рубежом превысит число их в США и Канаде. В «Руководстве по Третьему Завету» [теперь это «Руководство по обслуживанию АА»] и других материалах уже озвучивался принцип: когда-нибудь нью-йоркское Бюро общего обслуживания должно стать «головным центром обслуживания» среди множества национальных и региональных центров по всему земному шару.

Такой подход уже доказал свою огромную ценность в нашей зарубежной деятельности. Благодаря ему улетучились любые возможные подозрения о том, что нью-йоркское Бюро общего обслуживания будет заведовать всем миром АА.

Очевидно, что мы на самом деле никак не сможем направлять и вести работу по информированию общественности и сотрудничеству с медициной и религией в Южной Африке, Австралии, Великобритании или где бы то ни было. Что касается литературы, нужны центры по ее распространению, которые улаживали бы проблемы с доставкой, а также языковые. Мы находимся слишком далеко, чтобы заниматься всей этой работой; кроме того, из психологических соображений нам не следует даже и пытаться.

Однако мы можем помогать, делясь с другими странами тридцатилетним опытом нашего Бюро. С 9 по 11 октября 1969 года в Нью-Йорке Содружество сделает гигантский шаг ко всемирному единству АА.

В эти три дня пройдет Всемирное собрание по обслуживанию, в котором примут участие двадцать шесть делегатов от двенадцати зарубежных стран, от центрально-американского региона и от Северо-Американской Конференции. Делегаты будут заседать на совещаниях с попечителями Совета по общему обслуживанию, а также сотрудниками Бюро общего обслуживания и журнала «Грейпвайн».

Разумеется, собрание проводится с одобрения нашего Совета по общему обслуживанию, Северо-Американской Конференции, а также советов и комитетов всех стран-участниц.

Задачи Всемирного собрания по обслуживанию таковы: 1) обсудить будущее развитие всемирных служб; 2) расширить работу по общему обслуживанию, уже ведущуюся за рубежом; 3) увеличить число обслуживающих центров; 4) предложить для них подходящий план развития; 5) способствовать укреплению их самостоятельности.

Мы приветствуем наших друзей-делегатов со всех уголков мира и вместе с ними будем добиваться, чтобы страдающие алкоголики всегда могли получить помощь, где бы они ни жили и на каком бы языке ни говорили.

Раздел 3: Дополнительные статьи этого периода

Противоядие от страха: благоразумие, доверие и вера *(ноябрь 1959 г.)*

Тон этой Конференции задали ведущие идеи – благоразумие, доверие и вера, и весь ее ход был пронизан соответствующими взглядами и их практической реализацией. Это значит, что Конференция имеет успех среди нас; в этом году она прошла практически без тревоги и страха. На самом деле все протекало так спокойно, что нам даже не хватало привычных волнений – горячих споров и «тревожного взора во благо нашему движению».

Однако волнение все равно присутствовало – но оно было более здоровым, абсолютно иного качества и вида. К примеру, я испытывал очень радостное волнение при виде истинного рвения, дисциплинированности и самоотверженности, с которыми участники мероприятия дни напролет разгребали огромную кучу нудной, но такой необходимой рутинной работы. Я был ужасно счастлив, когда слышал, как вы, делегаты, снова и снова отдаете дань уважения тем, кто стоит за вами – сотням членов комитетов и тысячам представителей по общему обслуживанию, чей совместный труд всегда был и должен оставаться главным фундаментом, на котором надежно строится вся структура и деятельность нашего всемирного обслуживания. Вы говорили, что лидерство в служении АА принадлежит не только делегатам и попечителям; оно должно быть в руках широких масс членов Содружества – и оно уже там.

Всех нас также порадовали доклады почти изо всех уголков мира АА о том, что уверенность в наших всемирных службах и слугах и доверие к ним значительно возросли, и о том, что прежние страхи практически испарились. Такие вот новые, здоровые волнения пережили мы на этой замечательной Конференции 1959 года.

Еще свежи воспоминания о том, как здорово мы посмеялись, когда один из делегатов обратился ко мне со словами: «Билл, все мы слышали твою убедительную речь о доверии и вере в тот вечер, когда приехали сюда. Но что бы ты сказал, если бы я поведал тебе, что в моей стране есть у нас один товарищ по АА, который должен был служить казначеем для одного очень крупного и важного мероприятия, но, как только билеты были распроданы и деньги поступили в кассу, у него проснулась страшная жажда, и он сгреб все эти деньги и отправился в путешествие через всю страну, ставшее попойкой длиной в тысячу миль?» Мы помним, как другие делегаты усмехались, пока он говорил, и как все расхохотались, когда он закончил.

А ведь было время много лет назад, когда один такой сбежавший казначей, терзаемый жаждой, мог бы растоптать в прах все наше доверие. Отлично помню первый такой случай! Еще помню, как сам был шокирован и огорчен, когда один из моих лучших друзей нещадно набросился на меня, потому что ему не нравилось, как я действую. Помню первые инциденты с нарушением анонимности на высочайшем общественном уровне и все последовавшие затем яростные споры и страх. Вот, что тревожило АА в ранний период. Мы боялись, что не сможем оставаться трезвыми, что наша группа не выживет, и действительно боялись, что Содружество может рухнуть совсем.

Но как же изменились времена! То, что прежде вызывало ужасный страх, теперь вызывает громкий смех – взять хотя бы ту историю о заблудшем казначее. По-моему, в ней можно разглядеть кое-что чудесное. Вспомните: ведь в том смехе не было ни следа презрения или гнева! Не было ни малейшей мысли о наказании, и, держу пари, ни один из присутствовавших и не подумал бы назвать его вором. За нашим смехом скрывалось сочувствующее понимание и осознание того, что любой из нас все еще способен на подобную глупость. Отлично понимая

это, мы с легкостью прощали его. Конечно, мы смеялись над испуганными участниками того мероприятия, оставшегося без гроша в бюджете, когда они услышали плохую новость. Но мне кажется, что у нашего смеха есть и куда более глубокое значение.

Уверен, на самом деле мы смеялись над собой, над своими былыми надуманными страхами. Мы радовались тому, что они исчезли. Ушел жуткий страх, что ошибка или неправильное поведение отдельно взятого члена АА могли бы серьезно навредить всем нам; ушла давняя боязнь того, что давление и конфликты окружающего мира однажды могли бы проникнуть в Содружество и разрушить его. Думаю, мы смеялись, потому что нас больше не сковывает страх, и мы чувствуем себя свободными. Мы больше не сомневаемся в нашей коллективной безопасности.

Это наводит меня на другую мысль – еще одну причину чувствовать уверенность. В отношении большинства наций и сообществ кажется справедливым утверждение: их коллективное поведение зачастую гораздо хуже индивидуального поведения отдельных их членов. К примеру, в современном мире лишь немногие отдельные люди жаждут войны, однако многие страны стремятся к завоеваниям и вооруженным конфликтам. А государства, славящиеся честностью своих граждан, ведут ложную бухгалтерию, вызывают инфляцию национальной валюты, вешают на людей непосильные долги, занимаются обманной пропагандой и разнообразным мошенничеством. Даже крупные религиозные течения, действуя как организации, иногда идут наперекор собственному учению и проявляют определенную жестокость и фанатизм, которые большинство их приверженцев никогда и не подумали бы имитировать в собственной жизни. Толпа способна на многое такое, на что составляющие ее люди редко пошли бы самостоятельно.

Нам не пристало заниматься моральным анализом внешнего мира с позиций гордыни и превосходства. Однако я

считаю, что будет справедливо и своевременно отметить: до сих пор мы, Анонимные Алкоголики, демонстрировали коллективное поведение, которое, по всей вероятности, намного выше поведения каждого из нас в отдельности. Похоже, в нашем случае целое гораздо лучше суммы его составных частей. Мы очень напоминаем кучку буянов, но Содружество как таковое никогда ни с кем не ссорилось. Мы любим иметь деньги для личных целей, но в АА держим лишь скудный бюджет. Мы любим славу, но как-то ухитряемся оставаться анонимными. Как отдельные личности мы склонны к агрессии, но наше Содружество абсолютно не агрессивно и не лезет в чужие дела.

Короче говоря, мы странным образом контрастируем с окружающим миром и искренне надеемся, что так будет и впредь. В эти опасные времена такое коллективное благоразумие будет для нас постоянной необходимостью. Оно будет для нас лучшим гарантом эффективной деятельности, безопасности и выживания.

Наше коллективное благоразумие в отношении денег, славы и конфликтов, проистекающее, конечно же, из Двенадцати Традиций, продолжает привлекать к АА множество новых друзей и, что столь же важно, не наживает нам врагов. Так пусть же этот благодатный процесс никогда не прекращается – и внутри Содружества, и вне его.

Как великолепно показала эта чудесная Конференция, отсутствие страха освобождает дорогу для мудрости и благоразумия, а благоразумие ведет нас к уверенности, доверию и вере – в своих собратьев, в самих себя и в Божью любовь.

Когда один журнал, критикующий некоторые аспекты АА, поднял вопросы о взаимоотношениях Содружества с медициной, религией и миром в целом, редакторы «Грейпвайн» обратились за консультацией к Биллу. Тогда он предложил перепечатать нижеприведенные отрывки из «АА взрослеет» и «Двенадцати Принципов всемирного обслуживания».

Наши критики могут быть нашими благодетелями
(апрель 1963 г.)

Наше сообщество никогда не должно впадать в чрезмерное тщеславие и воображать, будто мы являемся авторами и изобретателями новой религии. Нам следует смиренно помнить, что все принципы АА, *абсолютно каждый из них*, позаимствованы из древних источников. Мы должны помнить, что мы всего лишь обычные миряне и должны быть открыты к сотрудничеству со всеми людьми доброй воли, независимо от их вероисповедания или национальности.

Что касается меня и Доктора Боба, я должен сказать, что ни у него, ни у меня никогда не было ни малейшего намерения попытаться создать новую религию. У Доктора Боба были определенные религиозные убеждения, есть они и у меня. Это, разумеется, является личным делом каждого члена АА.

Однако ничто так пагубно не отразится на будущности АА, как попытка внедрить собственные теологические воззрения в учение, практику или традиции АА. Если бы Доктор Боб еще был с нами, я уверен, он согласился бы, что нам никогда не следует быть слишком настойчивыми в этом вопросе.

Кроме того, было бы следствием ложной гордости считать, что Анонимные Алкоголики являются универсальным лекарством, в том числе даже против алкоголизма. Здесь мы должны помнить о том, что мы в долгу у врачей. Мы должны быть дружелюбно и, главное, непредвзято настроены ко всем новым открытиям в терапии или психиатрии, сулящим помощь больным людям. Мы всегда должны вести себя дружественно в отношении исследователей проблем алкоголизма, а также медиков, занимающихся реабилитацией алкоголиков и антиалкогольной пропагандой. Мы не должны предпринимать особых действий в поддержку чего-либо, но быть готовыми к сотрудничеству со всеми ними, насколько это в наших силах. Давайте постоянно

напоминать себе, что экспертами в религиозных вопросах являются священнослужители, что лечением должны заниматься врачи, а мы, излечившиеся от алкоголизма, являемся их помощниками.

Существуют люди, предсказывающие, что Анонимные Алкоголики могли бы стать зачинателем всемирного духовного пробуждения. Когда наши друзья говорят такие вещи, это великодушно и искренне с их стороны. Но мы, Анонимные Алкоголики, должны подумать о том, что такая честь и такое пророчество могут вскружить голову большинству из нас, если мы действительно начнем верить в то, что именно это является настоящей целью АА, и начнем вести себя соответственно. Поэтому наше сообщество должно благоразумно следовать своему единственному принципу: нести свои идеи страдающим алкоголикам. Давайте удержимся от горделивого предположения о том, что раз Господь позволяет нам добиваться успехов в одной сфере, то нам суждено стать проводниками спасительной благодати для всех.

С другой стороны, давайте никогда не будем превращаться в закрытую корпорацию; давайте никогда не будем скрывать наш полезный опыт от окружающего мира. Пусть отдельные члены нашего сообщества помнят об этом призыве в любой сфере человеческой деятельности. Пусть они привносят опыт и дух АА во все свои дела ради того добра, которое они могут совершить. Ибо не только Господь спас нас от алкоголизма, но и мир снова принял нас в свои ряды. Но, веря в парадоксы, как мы это делаем, мы должны понимать, что чем больше наше сообщество стремится заниматься только собственными делами и проблемами, тем больше наше общественное влияние, тем меньше степень возможного противодействия нам, тем шире круг, в котором наше товарищество может пользоваться доверием и уважением людей.

«АА взрослеет»

Предположим, что АА все же подверглось острой агрессии или резкому осмеянию со стороны общественности; возьмем тот случай, когда эти нападки имеют мало оснований или вовсе безосновательны.

Практически с полной уверенностью можно утверждать, что в такой ситуации нашей лучшей защитой будет отсутствие защиты вообще – а именно, абсолютное молчание на общественном уровне. Оппозиция только еще больше распаляет неразумных людей. Если же мы, преисполненные доброжелательности, оставим их в покое, то они быстрее успокоятся. А если их нападки продолжаются, и становится ясно, что они плохо информированы, то, возможно, мудро будет пообщаться с ними в сдержанной манере и поделиться информацией – но преподнести все нужно так, чтобы беседа не стала трамплином для новых нападок. Лишь в редких случаях это нужно делать официально, через Конференцию. Чаще всего можно воспользоваться услугами друзей. При этом не следует интересоваться мотивами критикующих – нужно просто давать информацию. Лучше беседовать наедине – иначе, делая это на людях, можно подать новый повод для конфронтации.

Однако, если критика в адрес АА частично или целиком оправдана, то хорошо было бы в личной беседе с критиками признать это и выразить благодарность за нее…

«Двенадцать Принципов всемирного обслуживания»

В будущем мы, разумеется, будем совершать ошибки. Наш опыт показал, что нам не надо бояться этих ошибок при условии, что мы всегда будем готовы признать наши заблуждения и быстро исправить их. Наше личностное развитие всегда находилось в зависимости от этого нормального процесса совершения проб и ошибок. То же самое будет справедливо для развития всего нашего товарищества. Давайте всегда помнить, что сообщество людей обоих полов, неспособное добровольно исправить свои ошибки, непременно придет

в упадок или вообще исчезнет. Таков универсальный закон наказания за неспособность продолжать развиваться. Так же как каждый член АА должен продолжать подводить моральные итоги своей жизни и действовать, сообразуясь с их выводами, так же должно поступать и все наше сообщество, если мы хотим выжить и приносить миру добро и пользу.

«АА взрослеет»

Послание от Билла *(май 1964 г.)*

Меня очень радует, что мы часто говорим друг другу: «Вера без труда мертва; действие – вот волшебное слово!» Я надеюсь, что мы, изобретая более эффективные способы распространения идей АА среди страдающих алкоголиков, также будем стараться формировать у людей более широкое понимание деятельности и нужд всемирных служб Содружества – этого важнейшего узла активности, позволяющего АА функционировать как единое целое. Поскольку эти обширные службы проникают в каждый уголок мира, их прямое положительное влияние зачастую незаметно, а значит, неизвестно.

Без этой глобальной работы Содружество сегодня пребывало бы в весьма жалком и хаотичном состоянии. Проиллюстрирую двумя примерами.

Предположим, что за прошедшие двадцать пять лет АА так и не выпустило бы никакой стандартной литературы – ни книг, ни брошюр. Нетрудно представить: в таком случае к этому времени наши идеи были бы уже безнадежно искажены. Отношения Содружества с медициной и религией разрушились бы. Для всей массы алкоголиков мы были бы посмешищем, а общественность считала бы нас загадкой. Без своей литературы АА неизбежно погрязло бы в неразберихе противоречий и разобщенности.

Как бы то ни было, подходящая литература была разработана. Издание Большой Книги в 1939 году стало нашей самой первой всемирной службой. С того момента стало совершенно ясно, что такое АА, во что оно верит и как работает. Сегодня в обращении находятся миллионы наших брошюр и сотни тысяч книг. Теперь идеи АА уже нельзя исказить – любой желающий легко может узнать о нас все необходимое. И лишь Богу известно, сколько плодов принес один этот проект в плане всемирной коммуникации.

Еще одна иллюстрация. Наше Содружество повсеместно пользуется чрезвычайной благосклонностью общества. Этим

мы во многом обязаны непосредственно службе информирования общественности. Вот уже много лет пресса и прочие СМИ прекрасно отзываются об АА. Однако этот потрясающий успех потребовал от людей, занятых в сфере общего обслуживания, огромного труда, выдающихся навыков и безграничной преданности. Несомненно, именно этот непрекращающийся поток симпатизирующих отзывов привел в АА половину текущих его членов.

Но давайте представим, что эти грандиозные каналы связи были брошены на волю случая или того хуже – никогда не были нами разработаны. При мысли о таком упущении бросает в дрожь – последствия могли бы быть ужасными. Десятки тысяч сегодняшних членов АА до сих пор пьянствовали бы; многие уже сошли бы с ума или погибли.

Уверен, вы уже поняли, что всемирные службы АА крайне необходимы для нашего будущего единства и роста и даже для нашего выживания как Содружества.

Сохранение этих животворных артерий всемирной коммуникации в полной силе и исправности всегда будет одной из первостепенных задач каждого нового поколения АА. А значит, от нас потребуется гораздо большее понимание этой острой потребности и постоянная глубочайшая преданность общему делу.

Сегодня в мире насчитывается ужасающее число алкоголиков – двадцать миллионов мужчин и женщин. Без сомнения, многие из них могли бы начать путь к трезвости и новой жизни, если бы только побывали хоть на одном собрании АА. Опыт показывает, что наши всемирные службы – самый мощный инструмент, посредством которого мы можем помочь множеству страдальцев обрести то, что по счастливому стечению обстоятельств открылось нам самим.

Зная наше Содружество, я абсолютно уверен: мы будем с энтузиазмом брать на себя эту наивысшую обязанность по Третьему Завету и выполнять ее хорошо. Так продолжим же нести идеи АА через все расстояния и границы с помощью языка сердца, и да благословит нас Господь!

Традиция самообеспечения АА *(октябрь 1967 г.)*

Обширная работа по Двенадцатому Шагу – распространение идей АА среди собратьев по несчастью – буквально источник жизненной силы для нашего движения. Без этой крайне важной деятельности Содружество вскоре было бы обескровлено; мы бы просто зачахли или даже погибли.

А как же вписываются в нашу систему ценностей всемирные, региональные и местные службы АА? Почему нам следует обеспечивать их деньгами? Ответ достаточно прост. Каждая из служб создана для того, чтобы расширить и улучшить работу по Двенадцатому Шагу – будь то место встреч группы АА, бюро по организации госпитализации и наставничества или же всемирный Штаб, поддерживающий наше единство и эффективность во всех уголках земного шара.

Для всего этого нужно немного денег, но эти органы совершенно необходимы, чтобы АА продолжало расти и выживало как Содружество. Затраты на них – коллективное обязательство, лежащее непосредственно на всех нас. Оказание нами финансовой поддержки службам на деле равнозначно нашему личному пониманию того, что АА повсюду должно работать в полную силу, а также означает, что, согласно Традиции о самообеспечении, *все мы собираемся сами платить по счетам*.

Мы давно знаем, что Анонимные Алкоголики не нуждаются в благотворительных пожертвованиях из каких бы то ни было источников. Наше Содружество само обеспечивает себя. При этом группы АА не пытаются оплачивать лечение тысячам новичков. Мы уже давно уяснили, что это неразумно.

Вместо этого АА предлагает новичку духовный образ жизни, способный ликвидировать проблему алкоголизма. Справившись с этим, он в компании товарищей по Содружеству сможет приняться за решение своих личных проблем, в том числе финансовых.

Так что группы АА и не принимают благотворительности в свой адрес, и сами не занимаются ею. На первый взгляд такой подход может показаться упрямством и даже черствостью. Однако наш богатый опыт говорит о другом. Денежные дары – как предварительное условие для протрезвления – обычно бесполезны, когда становятся одной из функций группы.

Разумеется, основную благотворительную деятельность Содружества мы видим в работе по Двенадцатому Шагу, которую ведут десятки тысяч из нас, ежедневно делясь идеями АА с новичками. Мы проезжаем миллионы миль, оставляя свои дела и семьи. В совокупности мы выделяем крупные суммы на нужды наших служб. Как частные лица мы, не колеблясь, оказываем временную денежную помощь новичку, если, похоже, что ему сначала нужно обрести трезвость. Вот вам и обширная финансовая благотворительность, но это всегда дело очень личное, при общении с глазу на глаз. Впрочем, может быть, даже это не стоит считать чистой благотворительностью, ведь любая работа по Двенадцатому Шагу несет более прочную трезвость и дополнительный духовный рост самому спонсору.

Оба эти принципа мы отлично понимаем: что АА не нуждается в пожертвованиях извне и что мы сами обеспечиваем свои службы. Понимаем – но иногда забываем.

Рождественское обращение *(декабрь 1970 г.)*

Быть благодарными – чуть ли не прекраснейшая из всех черт, какими только можно обладать. И как же глубоко мы, члены АА, осознаем это в рождественские праздники! Мы вместе пересчитываем и обдумываем наши благословения – в жизни, служении, любви.

В эти смутные времена нам была дарована возможность обрести умиротворение внутри себя, которое постоянно растет. Лоис вместе со всеми сотрудниками Бюро общего обслуживания АА присоединяются ко мне в самых теплых пожеланиях каждому из вас, и мы твердо верим, что грядущий год станет одним из лучших в истории Содружества.

МЕМОРИАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Анна С.
(июль 1949 г.)

Анна С. покинула нас. Она умерла в среду 1 июня. Для сотен тех, кто по-настоящему знал ее, это стало значительным и трогательным событием. С теми же, кто ее не знал, я хочу поделиться вдохновением, которое она подарила Лоис и мне. Анна была женой Доктора Боба, со-основателя Анонимных Алкоголиков. Она в буквальном смысле была матерью нашей самой первой группы в Акроне.

Прекрасные мудрые советы, которые она давала всем; ее упорство в том, что духовное должно быть важнее всего прочего; твердая поддержка ею всех начинаний Доктора Боба – эти добродетели поливали слабое семечко, впоследствии выросшее в Содружество АА. Кто, кроме Бога, может оценить все величие ее вклада? Мы можем только сказать, что он бесценен и огромен. Она в полном смысле слова была одним из основателей Анонимных Алкоголиков.

Никто из людей, знавших Анну, не скажет, что она ушла. Каждый знает: ее неизменная любовь и влияние будут жить вечно. И никто не знает этого лучше Доктора Боба, Лоис и меня, ведь мы видели все это с самого начала. И еще – мы не думаем, что никогда больше с ней не встретимся, потому что, как и почти все наши товарищи по Содружеству, верим: смерти не существует. Просто мы какое-то время не сможем видеть и слышать Анну.

Доктор Боб: Дань восхищения
(январь 1951 г.)

Спокойно сказав своей сиделке: «Кажется, все...», Доктор Боб ушел в мир иной в полдень 16 ноября 1950 года. Таков был конец его изнурительной болезни, во время которой он так хорошо показал нам, как высокая вера способна подняться над тяжкими страданиями. Он умер так же, как и жил – четко осознавая, что в царстве его Отца много дворцов.

Волны воспоминаний нахлынули на всех тех, кто его знал. Но как можно объяснить, что думали и чувствовали те пять тысяч больных, кому он лично помогал и кого бесплатно лечил? Кто смог бы записать размышления жителей его городка, видевших, как он, падая все ниже, едва не ушел в небытие, но поднялся и стал знаменитым в анонимном мире? Как выразить благодарность десятков тысяч семей из АА, которые слышали о нем столько хорошего, но никогда не виделись с ним? Какие эмоции испытывали его близкие, благодарно раздумывая над тайной его возрождения пятнадцать лет назад и всех его грандиозных последствий? Невозможно постичь и малейшей доли этой величайшей милости. Он мог лишь восклицать: «Чудны дела Твои, Господи!»

Однако Доктор Боб не хотел, чтобы мы считали его святым или сверхчеловеком. И он не хотел бы, чтобы мы его восхваляли или горевали из-за его кончины. Легко представить, как он сказал бы: «По-моему, вы, ребята, все усложняете. Не надо относиться ко мне так серьезно. Я был лишь первым звеном в цепи предопределенных обстоятельств, которую теперь называют АА. Мое звено не порвалось по Божьей милости и по большому везению, ведь во многих случаях мои изъяны и ошибки могли привести к такому прискорбному финалу. Я был обычным алкоголиком, пытавшимся выжить под крылом Господа. Забудьте обо мне, но идите и делайте так же. Надежно прикрепите собственное звено к нашей цепи. С Божьей

помощью куйте эту цепь хорошо и правильно». Вот как Доктор Боб оценил бы сам себя и вот что посоветовал бы нам.

В одну из суббот в мае 1935 года неудачное деловое предприятие привело меня в Акрон, где сразу же рухнуло, оставив меня в состоянии шаткой трезвости. В тот день я мерил шагами фойе местного отеля «Мэйфлауэр». Вглядываясь в собиравшуюся у бара толпу, я почувствовал отчаянный страх сорваться. Это было первое сильное искушение после того, как мой нью-йоркский друг в ноябре 1934 года изложил мне идеи, позже ставшие основными принципами АА. В течение полугода после того я был совершенно уверен в прочности собственной трезвости. Но теперь ощущение безопасности исчезло; я чувствовал себя одиноким и беспомощным. В предыдущие месяцы я усиленно работал с другими алкоголиками – точнее, больше поучал их, притом несколько самоуверенно. В этом обманчивом состоянии мне казалось, что я не могу оступиться. Но на этот раз все было иначе. Нужно было срочно что-то делать.

В дальнем конце вестибюля висел церковный указатель; бегло просмотрев его, я наугад выбрал имя одного священника. Позвонив ему, я сказал, что мне необходимо поработать с каким-нибудь другим алкоголиком. Хотя прежде все мои усилия такого рода ни разу не увенчивались успехом, я внезапно осознал, как эта работа удерживала меня самого от желания запить. Священник дал мне список из десяти имен и высказал уверенность, что кто-нибудь из этих людей направит ко мне нуждающегося в помощи. Я почти бегом бросился в свою комнату и схватился за телефон. Но скоро мой энтузиазм угас. Никто из первых девяти человек списка не мог или не желал предложить мне хоть что-то для удовлетворения моей срочной потребности.

В конце списка оставалось всего одно имя – Генриетта Сиберлинг. Я никак не мог набраться храбрости и взяться за трубку; но после того, как я еще раз взглянул на бар внизу,

что-то сказало мне: «Лучше позвони». К моему удивлению, на другом конце провода зазвучал теплый голос южанки. Объяснив, что сама она алкоголиком не является, Генриетта, тем не менее, заверила меня, что понимает проблему, и пригласила прямо сейчас прийти к ней домой.

Этой женщине выдалось столкнуться с другими бедами и преодолеть их, поэтому она по-настоящему понимала мою. Генриетта стала важнейшим звеном в цепи фантастических событий, которые вскоре вылились в рождение и развитие нашего сообщества. Из всех тех людей, на которых любезно указал мне священник, лишь она одна проявила достаточно участия. Здесь мне хочется выразить ей нашу вечную благодарность.

Генриетта сразу же обрисовала мне плачевное положение Доктора Боба и Анны и, подкрепляя слова делом, набрала их домашний номер. Трубку взяла Анна, и Генриетта рассказала ей обо мне как о непьющем алкоголике из Нью-Йорка, который, она уверена, может помочь Бобу. Было похоже, что славный доктор уже безуспешно перепробовал все медицинские и духовные средства. Выслушав, Анна ответила: «Генриетта, твои слова меня очень заинтересовали, но боюсь, что сейчас у нас ничего не выйдет. Сегодня День Матери, и мой дорогой сынок только что принес мне прекрасный комнатный цветок. И вот горшок на столе, а Боб, увы, на полу. Может, постараемся встретиться завтра?» Генриетта тут же пригласила их на обед.

В пять часов следующего дня Анна и Доктор Боб стояли у ее дома. Хозяйка предусмотрительно проводила меня и Боба в библиотеку. Там он сказал мне: «Билл, я ужасно рад знакомству, но так уж получается, что надолго остаться не смогу – пять-десять минут максимум». Я рассмеялся и заметил: «Похоже, тебя мучает жажда?» Он ответил: «Хм, а может, ты и *вправду* разбираешься в том, что касается пьянки!» Таким было начало нашей беседы, продлившейся несколько часов.

На этот раз мой подход был совсем другим. Боязнь напиться наполнила меня смирением, что было куда уместнее. Поведав Доктору Бобу свою историю, я объяснил, насколько остро в нем нуждаюсь. Если он позволит мне помочь ему, то я смогу остаться трезвым сам. Так семечко, из которого затем выросло Содружество АА, начало расти и тянуться к свету. Однако, как верно считала наша дорогая Анна, этот первый росточек был хрупким. Лучше было предпринять практические шаги, и она предложила мне пожить у них какое-то время. Тогда я мог бы присмотреть за Доктором Бобом, а он – за мной. В этом была вся суть. Может быть, вместе нам удалось бы сделать то, чего мы не могли поодиночке. К тому же, я мог бы попробовать возродить свое неудавшееся деловое предприятие.

Следующие три месяца я жил с этими двумя чудесными людьми и всегда буду считать, что они дали мне больше, чем я принес им за все время. Каждое утро мы молились. После долгого молчания Анна читала нам какую-нибудь хорошую книгу. Нашим излюбленным автором был Джеймс. Сидя в своем кресле в углу, она обычно заканчивала чтение тихими словами: «Вера без действия мертва…»

Однако алкогольные мучения Боба еще не завершились. Он должен был поехать на медицинский съезд в Атлантик-Сити, ведь он не пропустил ни одного за двадцать лет. Мы с Анной, волнуясь, ждали его. Вестей не было пять дней. Наконец, рано утром его медсестра с мужем нашли его на вокзале Акрона, мягко говоря, в состоянии замешательства и смущения. И тут перед нами встала страшная дилемма. Всего через три дня Доктору Бобу предстояло провести тяжелую операцию. Его помощник не мог его заменить. Боб просто обязан был это сделать. Но как? Успеем ли мы его подготовить?

Мы с ним спали в соседних кроватях. Начался обычный процесс вытрезвления. Все не высыпались, но он сотрудничал с нами. В день операции, в четыре часа утра,

он повернулся, посмотрел на меня и сказал: «Я это сделаю». – «Ты имеешь в виду операцию?» – спросил я. Он ответил: «Я передал в Божьи руки и операцию, и себя самого. Теперь я сделаю то, что нужно, чтобы протрезветь и остаться трезвым». Больше он не говорил ни слова. В девять часов, когда мы его одевали, он жутко трясся. Мы были в панике. Неужели он сможет? Пьян он или страдает похмельем – разницы мало: одно неверное движение его скальпеля могло лишить пациента жизни. Тогда мы пошли на риск – я дал ему бутылку пива. Это был последний раз, когда он выпил спиртное. Было десятое июня 1935 года. Его пациент выжил.

Потом у нас появился первый потенциальный кандидат; его прислал к нам местный священник. Так как новичок потерял свое жилье, Анна взяла его к себе вместе со всей семьей – женой и двумя детьми. Он оказался трудным случаем. Когда он пил, он просто сходил с ума. Однажды Анна, сидя за кухонным столом, спокойно наблюдала, как он пробует пальцем острие разделочного ножа. Под ее твердым взглядом он опустил руку. Но тогда он не обрел трезвости. Его жена, отчаявшись, уехала к родителям, и он исчез. Однако через пятнадцать лет появился снова – на похоронах Доктора Боба. Там мы увидели его трезвым, здоровым и счастливым благодаря АА. А ведь в далеком 1935 году мы махнули на него рукой. Тогда чудеса не были для нас столь привычны, как сегодня.

Потом на фронтах Двенадцатого Шага наступило временное затишье. В этот период Анна и Генриетта вливали в меня и Боба духовность, которая так была нам нужна. Лоис приехала в Акрон, чтобы отдохнуть от однообразной работы в нью-йоркском универмаге, и это очень подняло наш моральный дух. Мы начали ходить на собрания местной Оксфордской группы в доме Т. Генри Вильямса. Преданность этого доброго человека и его жены своему благородному делу – яркая страница в нашей памяти. Их имена будут на первой странице книги АА о наших первых и лучших друзьях.

Как-то раз Доктор Боб сказал мне: «Как думаешь, может нам стоит отыскать несколько пьяниц и поработать с ними?» И позвонил в акронскую городскую больницу медсестре, отвечающей за прием пациентов, и сказал ей, что у него и еще одного пьяницы из Нью-Йорка есть лекарство от алкоголизма. Однако, услышав ее ответ, мой приятель покраснел и смутился. Медсестра сказала: «Ну, тогда, доктор, вам лучше хорошенько испытать это лекарство на самом себе».

Тем не менее, она нашла для нас клиента. Денди, по ее словам, этот известный в Акроне юрист потерял практически все. За четыре месяца он лежал в городской больнице шесть раз. В тот самый момент он как раз поступил к ним и сбил с ног сиделку, вместо которой ему померещился розовый слон. «Вам такой сгодится?» – поинтересовалась медсестра. Доктор Боб ответил: «Поместите его в отдельную палату. Мы придем, когда ему будет лучше».

Вскоре мы с Доктором Бобом увидели картину, которую с тех пор созерцали десятки тысяч из нас. Перед нами был мужчина на кровати, еще не знающий, что может выздороветь. Мы разъяснили ему природу его болезни и поведали собственные истории пьянства и выздоровления. Но больной покачал головой: «Похоже, вы много пережили, ребята, но вам никогда не было и вполовину так плохо, как мне. Для меня уже все кончено. Я боюсь даже выйти из больницы. Я тоже человек веры; одно время я был в церкви дьяконом и до сих пор верю в Бога. Но, по-моему, Он в меня не верит. Алкоголь одолел меня, и бороться больше нет смысла. Впрочем, приходите повидать меня. Мне хотелось бы поговорить с вами еще».

На следующий день, когда мы снова вошли в его палату, подле него сидела женщина, которая говорила: «Что с тобой произошло, муж? Ты выглядишь совсем другим человеком. Это так радует меня!» Новенький повернулся к нам и воскликнул: «А вот и они! Они меня понимают. Вчера, когда они

ушли, я не мог выкинуть из головы все то, что они мне сказали. Я не спал всю ночь, и у меня возникла надежда. Если им удалось облегчить свое состояние, то, может, и мне удастся? Меня наполнило желание быть честным с собой, исправить свои ошибки и помогать другим алкоголикам. И тогда я сразу почувствовал себя иначе и понял, что поправлюсь! А теперь, дорогая жена, принеси мне, пожалуйста, одежду. Мы уходим отсюда». С этими словами анонимный алкоголик номер три встал с кровати и никогда больше не пил. Семечко АА дало еще один росток на новой почве. Мы этого еще не знали, но Содружество уже расцветало. Мы трое собрались вместе, и возникла акронская группа номер один.

Втроем мы работали с уймой народа. Обращались мы ко многим, но в число избранных попадали очень немногие. Неудачи сопровождали нас ежедневно. Но все же к сентябрю 1935 года, когда я уезжал из Акрона, к нам уже присоединились несколько страдальцев – видимо, навсегда.

Следующие два года были периодом «полета вслепую» в истории Содружества. Доктор Боб, применяя свои прекрасные инстинкты хорошего врача, продолжал лечить и знакомить с нашими идеями каждого нового пациента – сначала в городской больнице Акрона, а позже, более десяти лет, в знаменитой больнице Святого Фомы, где тысячи людей прошли через его заботливые руки и соприкоснулись с АА. Врачебный персонал и медсестры, хоть и не разделяли его веру, но творили чудеса. Их пример любви и самоотверженности – один из самых потрясающих из виденных нами. Спросите у тысяч посетителей и пациентов, которые испытали это лично. Спросите у них, что они думают о сестре Игнатии, о больнице Святого Фомы или о Докторе Бобе. Однако я забегаю вперед.

Тем временем в Нью-Йорке сформировалась своя небольшая группа. На собраниях в Акроне в доме Т. Генри начали бывать визитеры из Кливленда. На этом этапе я приезжал

к Доктору Бобу на недельку, и мы с ним решили пересчитать всех. Сколь многие из сотен алкоголиков задержались у нас? Сколь многие сохраняют трезвость? И как долго? В ту осень 1937 года мы с Бобом насчитали сорок человек со значительным стажем трезвости – может, шестьдесят лет в общей массе! Наши глаза заблестели. Прошло уже достаточно времени в достаточном числе случаев, чтобы можно было говорить о чем-то совершенно новом – возможно, по-настоящему грандиозном. Внезапно наш потолок поднялся. Мы больше не летели вслепую! Для нас загорелся маяк. Бог показал алкоголикам, как можно передавать огонек из рук в руки. Я никогда не забуду тот великолепный, наполнивший нас трепетом час осознания, который мы пережили вместе с Доктором Бобом.

Однако это новое осознание поставило нас перед большой проблемой и необходимостью принять важнейшее решение. Для выздоровления сорока человек потребовалось почти три года. А ведь в одних только Соединенных Штатах, вероятно, около миллиона алкоголиков. Как же нам рассказать им свою историю? Потребуются ли для этого наемные работники, собственные больницы, большие суммы денег? Нам, конечно же, необходим своего рода учебник. Смеем ли мы ползти вперед, как улитки, пока наши идеи будут искажаться, а люди умирать тысячами? Какой же это был трудный вопрос!

Как мы избежали профессионализма, богатства, излишних хлопот с управлением собственностью и как, наконец, появилась книга «Анонимные Алкоголики» – это отдельная история. Но в тот важнейший период именно благоразумные советы Доктора Боба часто удерживали нас от безрассудных затей, которые могли бы замедлить развитие АА на многие годы, если не разрушить Содружество совсем. И мы никогда не забудем самоотверженный труд Доктора Боба и Джима С. (отошедшего в мир иной прошлым летом), когда они собирали истории для Большой Книги. Более половины этих

историй – из одного только Акрона. Особенная сила духа и мудрость Доктора Боба были первостепенными факторами в то время, полное сомнений и трудных решений.

Так радостно, что Анна и Доктор Боб прожили достаточно, чтобы увидеть, как свет, зажженный в Акроне, проникает во все уголки мира, и что они, несомненно, осознавали: в будущем, возможно, миллионы людей пройдут через все расширяющуюся арку, основу которой они так благородно помогали заложить. Но при этом я уверен, что они, в силу своей огромной скромности, никогда до конца не понимали, какое наследие оставили нам и как великолепно справились со своей задачей. Они закончили все, что было необходимо. Доктор Боб даже успел увидеть взросление АА, когда в последний раз выступал перед семью тысячами членов Содружества в июле 1950 года в Кливленде.

Я виделся с Доктором Бобом в последнее воскресенье перед его смертью. А всего за месяц до того он помогал мне составлять план Конференции по общему обслуживанию Анонимных Алкоголиков – Третьего Завета. Это наследство в форме брошюры уже печаталось, когда он покинул нас в следующий четверг. Этот документ как последнее действие и желание Доктора Боба в отношении АА, конечно же, будет иметь для всех нас огромное, совершенно особое значение.

Таких отношений у меня не было ни с одним другим человеком. Самое прекрасное, что я могу выразить словами, заключалось вот в чем: за все напряженное время нашего общения между нами никогда не было неловкости из-за расхождения во мнениях. Его способность быть другом и любить зачастую превосходила мое понимание.

Напоследок позвольте мне поделиться с вами трогательным примером его простоты и скромности. Забавно, но история эта о памятнике – точнее, предложении о памятнике Доктору Бобу. Год назад, когда умерла Анна, мысль о внушительном монументе преобладала в умах многих. Люди настаивали,

что нужно обязательно что-то такое сделать. Когда же Доктор Боб услышал разговоры об этом, он немедленно высказался против того, чтобы члены АА возводили ему или Анне какие бы то ни было осязаемые мемориалы. Эти обычные атрибуты выдающихся людей он отмел одним резким предложением, заявив: «Мы с Анной планируем быть похороненными точно так же, как все остальные».

И все-таки его друзья установили в том отделении больницы Святого Фомы, где он лечил алкоголиков, простую памятную табличку со словами: «С благодарностью: друзья Доктора Боба и Анны Смит с любовью посвящают этот мемориал сестрам и сотрудникам больницы Святого Фомы. В Акроне, колыбели Анонимных Алкоголиков, больница Святого Фомы стала первым религиозным заведением, открывшим двери нашему сообществу. Так пусть же любовь и самоотверженность тех, кто трудились здесь в период становления АА, навеки будет чудесным ярким примером Божьей милости для нас всех».

Он продолжал верить
(ноябрь 1954 г.)

Билл Д., анонимный алкоголик номер три, умер в Акроне в пятницу 17 сентября 1954 года. То есть, говорят, что он умер, но на самом деле это не так. Его дух и труд и поныне живут в сердцах несчетного числа членов АА. Без сомнения, Билл уже живет в одном из множества небесных дворцов.

Этим летом минуло девятнадцать лет с тех пор, как мы с Доктором Бобом впервые увидели его. Билл лежал на больничной койке и удивленно смотрел на нас.

За два дня до того Доктор Боб сказал мне: «Если мы с тобой собираемся оставаться трезвыми, нам лучше чем-нибудь заняться». И тотчас же позвонил в городскую больницу Акрона и попросил позвать к телефону медсестру из приемной. Он объяснил ей, что у него и еще одного человека из Нью-Йорка есть лекарство от алкоголизма. Нет ли у нее какого-нибудь пациента-алкоголика, на ком его можно было бы испытать? Давно знакомая с Бобом, она шутливо ответила: «Полагаю, Доктор, вы уже попробовали его на себе?»

Да, у нее был такой пациент – один франт. Он только что к ним прибыл, но успел подбить глаз двум медсестрам, и его привязали к кровати. Сгодится ли он им? Доктор Боб, прописав необходимые лекарства, приказал: «Поместите его в отдельную комнату. Мы придем, как только его рассудок прояснится».

Как выяснилось, случай Билла был тяжелым. По словам медсестры, он был известным в Акроне адвокатом и членом городского совета. При этом за последние полгода он четырежды оказывался в городской больнице. И каждый раз, выйдя оттуда, он напивался еще до того, как попадал домой.

И вот мы, наконец, беседуем с Биллом – нашим первым «человеком на кровати». Мы рассказали ему о собственном пьянстве и начали вбивать ему в голову мысль о том,

что алкоголизм – психическая одержимость вкупе с телесной аллергией. Мы объяснили, что одержимость заставляет алкоголика пить вопреки его воле, а аллергия непременно доведет его до сумасшествия или смерти, если он продолжит пить. Но как избавить алкоголика от этой смертоносной зависимости и вернуть ему здравомыслие – вот в чем проблема!

Когда Билл услышал эти дурные вести, его опухшие глаза широко распахнулись. Тогда мы выбрали курс на надежду и поведали ему о том, что сделали сами: как стали беспрецедентно честны с самими собой; как обговаривали свои проблемы друг с другом в доверительной обстановке; как старались возместить причиненный другим людям ущерб и как чудесным образом освободились от желания пить в тот самый момент, когда смиренно попросили Бога, как мы Его понимаем, руководить нами и защищать нас.

Казалось, мы не произвели на Билла особого впечатления. С несчастнейшим видом он устало выдавил: «Хорошо, для вас, парни, это работает чудесно, но мне не поможет. Мой случай такой тяжелый, что я вообще боюсь выйти из больницы. И не стоит рекламировать мне религию. Одно время я был в церкви дьяконом и до сих пор верю в Бога. Но, по-моему, Он в меня особо не верит».

Тогда Доктор Боб сказал: «Ладно, Билл, может, завтра тебе будет лучше. Тебе хотелось бы снова нас увидеть?»

«Конечно, хотелось бы, – ответил Билл. – Может, от этого и не будет никакого толка, но мне все равно приятно будет увидеть вас обоих. Вы явно знаете, о чем говорите».

Заглянув к Биллу на следующий день, мы обнаружили, что к Биллу пришла его жена, Генриетта. Он живо указал на нас со словами: «Вот те парни, о которых я тебе говорил; они меня понимают».

Затем Билл поведал нам, что провел почти всю ночь без сна. В пучине депрессии каким-то образом родилась новая надежда. В его мозгу сверкнула мысль: «Если они это могут,

я тоже могу!» Снова и снова он повторял это себе. В конце концов, надежда превратилась в убежденность. Теперь он был уверен, и его охватила огромная радость. Наконец, душа его наполнилась покоем, и он заснул.

Прежде чем мы их покинули, Билл внезапно повернулся к своей жене и сказал: «Принеси мою одежду, дорогая. Сейчас я встану, и мы пойдем отсюда». Билл Д. вышел из той больницы свободным человеком и никогда больше не пил. В тот самый день возникла первая группа АА.

Тот восхитительный пример, который подал нам Билл на заре истории АА, будет сохранять свою силу до тех пор, пока живо Содружество.

Билл продолжал верить – что еще можно сказать?

Доктор А. Вейзе Хаммер
(май 1957 г.)

Этот простой рассказ об одном из прекраснейших хирургов Америки пробуждает воспоминания, которые всегда будут яркой страницей в летописи Анонимных Алкоголиков. Доктор А. Вейзе Хаммер был одним из лучших друзей, какие только могут быть у АА.

Несколько ветеранов из Филадельфии записали полную историю доктора Хаммера и его благодеяний. Вот она в кратком изложении.

Шел февраль 1940 года. Джим, член АА из Нью-Йорка, только что переехал в Филадельфию и пытался уговорить управляющего местным книжным магазином выставить на витрину книгу «Анонимные Алкоголики». Тот протестовал, говоря, что его покупателей такая книга никак не заинтересует. Самому же управляющему эта тема была совершенно безразлична.

Стоявшая неподалеку женщина услышала их и вмешалась в разговор. Она сказала, что выслала книгу «Анонимные Алкоголики» в Лос-Анджелес своему пьющему племяннику. К изумлению всей семьи, проблемный парень тотчас же бросил пить и остается трезвым вот уже месяца три. Это было неслыханно! Но управляющего магазином это не впечатлило.

Однако, когда Хелен Хаммер услышала о стараниях Джима основать группу в Филадельфии, ее восторгу не было предела, и она немедля отвела Джима и одного из его новых подопечных к своему мужу-хирургу.

Доктор Хаммер брался за любое дело с невероятным энтузиазмом. Этот сильный румяный мужчина отличался огромной жизненной энергией, которая бурлила в нем круглые сутки, и он был способен заразить ею чуть ли не любого встречного. Едва лишь услышав рассказ Джима об АА, он сразу же начал

работу на благо нашего сообщества. Как мы увидим далее, она не ограничилась Филадельфией – доктор Хаммер продвигал АА в общенациональном масштабе в период, когда мы крайне нуждались в таком добром друге.

Вот, что сделал доктор: он открыл двери своего дома для всех членов АА; обеспечил группу Филадельфии первым помещением для собраний; представил нас доктору Стоуфферу, также ставшему впоследствии нашим большим другом, который в то время был главным психиатром центральной больницы Филадельфии; обеспечил нам там привилегии в плане лечения и посещения; устраивал выступления членов АА перед медицинским сообществом округа; вместе со своей замечательной женой Хелен многие годы посещал почти каждое собрание АА; бесплатно оказывал медицинскую помощь любому нуждающемуся в ней члену АА; ездил в другие города, чтобы рассказать об АА, при этом оплачивая расходы анонимных алкоголиков из Филадельфии, которых брал с собой; предложил купить для группы Филадельфии ее первый клуб (предложение пришлось отклонить); позаботился о том, чтобы его друг Кертис Бок, владелец газеты «Сэтедэй Ивнинг Пост», заинтересовался АА; наконец, убедил последнего поручить Джеку Александеру написать ту самую знаменитую статью 1941 года, которая превратила Содружество в организацию общенационального масштаба.

Это лишь сокращенный список добрых дел доктора Хаммера для нашего сообщества. Несомненно, о сотнях его благодеяний мы не узнаем никогда. Они известны только отдельным страдальцам, к которым он проявлял исключительную доброту.

Добавлю, что, говоря о докторе Хаммере, не могу не упомянуть с благодарностью и доктора Дадли Сола – еще одного знаменитого врача из Филадельфии, который всегда соперничал с ним в благородном труде ради нас, алкоголиков.

К нашему громадному удивлению – и всегда к нашей огромной выгоде – эти два выдающихся джентльмена упорно состязались друг с другом, изобретая что-то еще большее и лучшее, что они могли бы сделать для Анонимных Алкоголиков. Но это – отдельная длинная история, которую я расскажу как-нибудь потом. Только представьте – как бы АА выжило в ранний период своего существования без таких друзей, как эти врачи из Филадельфии, работавшие плечом к плечу с докторами Тьебу и Силкуортом из Нью-Йорка?

От лица АА я шлю Хелен Хаммер выражение нашего глубочайшего соболезнования и огромной благодарности. И я часто задумываюсь: интересно, что она могла бы припомнить о ранних днях АА?

Отцу Эду: С Богом!
(июнь 1960 г.)

Рано утром в воскресенье третьего апреля Отец Эдвард Доулинг тихо умер во сне. Это случилось в Мемфисе, штат Теннеси. Накануне он, жизнерадостно игнорируя свои проблемы со здоровьем, посетил одну из своих «групп Кана». (Эти группы, излюбленное детище Отца Эда, под эгидой церкви занимаются решением сложных семейных проблем путем применения Двенадцати Шагов АА). То был самый радостный вечер, какой только можно себе представить. Именно так он и хотел бы оставить нас. Отец Эд был одним из самых великодушных людей и самых замечательных друзей, какие только могут быть у АА. Он оставил после себя наследие вдохновения и благодати, которое всегда будет с нами.

Отец Эд планировал посетить наш съезд в Лонг-Бич, который пройдет в июле. Это обещание, которое он теперь уже не сможет выполнить, пробуждает трогательные воспоминания о его участии в международном съезде АА в Сент-Луисе в 1955 году. Мне кажется, будет вполне уместно повторить мою тогдашнюю речь, где я представил его и поведал о том незабываемом впечатлении, которое он на меня произвел в самую первую нашу встречу – фрагмент истории, годы спустя вошедший в книгу «АА взрослеет»:

«С большой радостью представляю вам Отца Эда Доулинга, который живет в доме иезуитов здесь, в Сент-Луисе. Отец Эд, зная, откуда происходит его сила, очень не любит, когда его восхваляют. Тем не менее, я думаю, что некоторые факты из его жизни нужно занести в нашу летопись, чтобы о них могли узнать новые поколения АА.

Отец Эд помог создать первую группу АА в этом городе; он был первым священнослужителем в своей конфессии, который заметил удивительное сходство между «Духовными упражнениями» Игнатия Лойолы (основателя ордена иезуитов)

и «Двенадцатью Шагами Анонимных Алкоголиков». В результате он уже в 1940 году написал для АА первую известную нам рекомендацию от лица католической церкви.

С тех пор его труд для нас – изумительный образец служения. К его рекомендациям прислушиваются по всему миру, но и он сам работает в АА и для АА. Поездки, собрания, мудрые и добрые советы – эта его деятельность измеряется тысячами миль и часов.

Среди всех моих знакомых Отец Эд – единственный человек, от кого я никогда не слышал ни одного возмущенного слова и в чей адрес не слышал никакой критики. Лично для меня он всегда был другом, советчиком, великим примером и источником вдохновения, которое я не могу описать словами.

Отец Эд сделан из того же теста, что и святые»...

«Собравшиеся горячо приветствовали Отца Эда Доулинга, пока он, не обращая внимания на свою сильную хромоту, шел к кафедре. Отец Доулинг из ордена иезуитов Сент-Луиса хорошо известен среди членов АА на тысячу миль вокруг, если не больше. Многие из присутствующих с благодарностью вспоминали, как он служил для них пастырем, помогая в духовном развитии. Ветераны Сент-Луиса вспоминали, как он помогал им организовать группу; так сложилось, что большинство ее членов были протестантами, но его это ничуть не смущало. Некоторым вспомнилась его первая статья об АА, опубликованная в «Квинз Уорк» – журнале его Братства. Он первым заметил, насколько принципы Двенадцати Шагов АА созвучны части «Упражнений» Игнатия Лойолы – базовым духовным положениям ордена. Он смело написал, обращаясь ко всем алкоголикам и особенно – своим единоверцам: «Ребята, АА – это благо. Приходите и воспользуйтесь им!» И люди следовали его совету. Первые написанные им слова стали началом его чудесной благотворной деятельности в пользу Содружества, все значение которой невозможно оценить.

Тем воскресным утром речь Отца Эда блистала юмором и глубоким видением. Пока он говорил, воспоминания о его первом появлении в моей жизни всплыли в моей голове так четко, будто бы это было вчера. Это случилось зимней ночью 1940 года в Нью-Йорке, в старом клубе АА на двадцать четвертой улице. Я лег спать около десяти вечера, отчаянно жалея себя из-за своей воображаемой язвы. Лоис дома не было. По жестяной крыше над моей головой лупил мокрый снег с градом – ночь была ненастная. В клубе было пусто, если не считать старого Тома, отставного пожарника – этого «не ограненного алмаза» недавно спасли из психбольницы Рокленда. Вдруг в дверь позвонили, а через мгновение Том заглянул ко мне в спальню со словами: «Там какой-то бродяга из Сент-Луиса хочет тебя видеть». – «О, Боже! – воскликнул я. – Еще один! И в такой поздний час! Ну, ладно уж, веди его».

Я услышал, как кто-то с трудом поднимается по лестнице. Потом он вошел в комнату, неловко опираясь на палку; в руке он держал потрепанную, заляпанную грязью черную шляпу, бесформенную, как капустный лист. Он опустился в мое единственное кресло, распахнув пальто, и я увидел его пасторский воротник. Затем он отбросил с лица копну белых волос и посмотрел на меня самыми необыкновенными глазами, какие я когда-либо видел. Потом мы говорили о многих вещах; мое душевное состояние все больше улучшалось, и вскоре я начал понимать, что этот человек излучает некую благодать, наполняющую комнату ощущением божественного присутствия. Я почувствовал это очень остро; то был волнующе таинственный опыт. В последующие годы я много раз виделся с этим замечательным другом, и всегда – будь то в боли или в радости – он дарил мне то же самое чувство благодати и присутствия Бога. И мой случай – не исключение. Многие из тех, кто встречался с отцом Эдом, переживали такое же прикосновение к

вечному. Неудивительно, что в то чудесное воскресное утро он, выступая в аудитории Киля, наполнил всех нас своим неподражаемым воодушевлением!»

Каждый из присутствовавших тогда вспомнит знаменитую цитату из речи Отца Эда в Сент-Луисе:

«Агностицизм диктует негативный подход. Таким был подход апостола Петра: «Господи, к кому нам идти?» Сомневаюсь, что в этом зале есть хоть кто-нибудь, кто по-настоящему искал трезвости. Думаю, мы просто пытались убежать от пьянства. По моему мнению, нам не нужно гнушаться отрицания. Мне кажется, если я когда-нибудь и попаду в рай, то именно благодаря тому, что бежал от ада».

В память об Эбби
(июнь 1966 г.)

Двадцать первого марта мой друг и наставник Эбби ушел в мир иной в возрасте семидесяти лет.

В один холодный ноябрьский день 1934 года именно Эбби принес мне весть, спасшую мою жизнь. Но что еще важнее, он был носителем благодати и принципов, которые вскоре привели меня к духовному пробуждению. Это был поистине призыв к новой жизни в царстве духа. Тот вид перерождения, который с тех пор стал самым драгоценным владением каждого из нас.

Когда я смотрел на него, лежащего в полном покое, меня переполняли жгучие воспоминания обо всех годах, на протяжении которых я знал и любил его.

Мне вспоминались наши радостные дни в интернате Вермонта. После окончания войны мы иногда встречались и, разумеется, выпивали вместе. Тогда мы считали, что алкоголь – выход из любых затруднений, истинный эликсир счастливой жизни.

В 1929 году произошел один глупейший случай. Мы с Эбби были в Олбани, кутили всю ночь напролет. И вдруг вспомнили, что в Вермонте – на пастбище около моего родного города – построили новый аэродром, и скоро настанет день его торжественного открытия. И тут у нас родилась головокружительная идея: а что если нам раздобыть самолет и опередить открытие аэродрома на несколько дней, чтобы самим войти в историю авиации! Эбби тотчас поднял с постели своего приятеля-пилота, и мы наняли его вместе с его небольшим самолетом за хорошую плату. Потом мы послали отцам города телеграмму, сообщив о времени своего прибытия, и в разгар утра поднялись в воздух – ликующие и пьяные в стельку.

Нашему подвыпившему пилоту каким-то образом удалось сесть на летном поле. Нашу посадку горячо приветствовала

большая толпа собравшихся, включая местный оркестр и принимающую комиссию. Затем пилот сошел с самолета, но больше никто не появился. Зрители застыли в озадаченном молчании – где же Эбби и Билл? И тут выяснилось ужасное: мы оба валялись в задней кабине в совершенно бесчувственном состоянии. Добрые друзья спустили нас с самолета и поставили на землю. Однако мы, творцы истории, упали плашмя лицом вниз. В довершение позора нас пришлось унести оттуда. Более кошмарное фиаско невозможно было представить. Весь следующий день мы, трясясь, писали письма с извинениями.

В течение следующих пяти лет я редко виделся с Эбби. Но наше пьянство, само собой, продолжалось и продолжалось. В конце 1934 года я испытал страшный удар, когда услышал о том, что Эбби собираются поместить в психиатрическую больницу штата.

После долгого сумасшедшего запоя он съехал с дороги на новом отцовском «Паккарде», при этом проломив стену чьего-то дома, въехав прямиком на кухню и едва не задев перепуганную хозяйку. После чего, стремясь сгладить довольно неловкое положение, Эбби одарил ее самой лучезарной из своих улыбок и произнес: «Дорогая, а как насчет чашечки кофе?»

Естественно, ни на кого из вовлеченных в ситуацию людей его беззаботный юмор впечатления не произвел. Их терпение иссякло, и старейшины города отдали Эбби под суд. По всей видимости, его конечной остановкой должен был стать сумасшедший дом. В моих глазах это означало конец пути для нас обоих, ведь незадолго до того мой врач, доктор Силкуорт, счел необходимым сказать Лоис, что надежды на мое выздоровление нет и что меня тоже придется поместить в закрытое учреждение, иначе я сойду с ума или умру.

Однако у Провидения были другие планы. Вскоре стало известно, что Эбби освободили условно, поручив его опеке друзей, которые на тот момент достигли трезвости благодаря

Оксфордской группе. Они отвезли его в Нью-Йорк, где он попал под благотворное влияние будущего большого друга АА – доктора Сэма Шумейкера, священника епископальной церкви Распятия. Сэм и Оксфордская группа произвели на Эбби огромное впечатление, и он быстро обрел трезвость, а когда услышал о моем тяжелом положении, то сразу же приехал к нам домой, в Бруклин.

При воспоминании об этом перед моими глазами возник поразительно яркий образ Эбби, сидящего за моим кухонным столом. Как известно большинству членов АА, он рассказал мне о своем спасении из безнадежной ситуации (благодаря Оксфордской группе) через самоанализ, возмещение причиненного ущерба, помощь другим людям и молитву. Короче, он предложил мне те самые принципы, которыми я позже воспользовался при разработке Двенадцати Шагов АА.

Так это и произошло. Один алкоголик успешно донес свои идеи до другого. Господь позволил Эбби преподнести мне дар благодати, и он сумел затронуть меня до глубины души, говоря со мной на языке сердца. Он распахнул великие ворота, через которые с тех пор проходят все члены АА на пути к свободе под Богом.

Памяти Гарри
(июль 1966 г.)

К тому времени, когда этот выпуск журнала дойдет до читателей, весь мир АА уже будет знать о смерти нашего возлюбленного друга доктора Гарри М. Тьебу – самого первого психиатра, представившего наше Содружество широкой общественности. Его дары – пример мужества, глубокое понимание наших потребностей и постоянный труд во имя нашего блага – всегда были и будут ценностями непостижимого для нас значения.

А начиналось все так. Шел 1939 год. Книга «Анонимные Алкоголики» вот-вот должна была выйти в печать. Чтобы помочь с окончательной правкой текста, мы выпустили предварительные экземпляры в мультиграфной форме, и один из них попал в руки Гарри. Несмотря на то, что многое в будущей книге тогда не совпадало с его собственными взглядами, он прочел ее с большим интересом. И, что гораздо более важно, сразу же решил показать ее двум пациентам, известным среди нас как Марти и Гренни. Это были наитруднейшие случаи, казавшиеся совершенно безнадежными.

Сначала книга не произвела на эту парочку особого впечатления. Слово «Бог» встречалось в ней на каждом шагу, и Марти так рассердилась из-за этого, что выбросила книгу в окно, сбежала из великолепной лечебницы, в которой находилась, и ударилась в долгий запой.

Что касается Гренни, его мятеж не зашел настолько далеко – он сопротивлялся спокойно.

Когда Марти, наконец, появилась, вся дрожа от похмелья, и спросила у доктора Гарри, что же ей теперь делать, то он просто усмехнулся и сказал: «Лучше бы тебе снова почитать ту книгу!» Вернувшись к себе в палату, Марти заставила себя еще раз ее пролистать, и в глаза ей бросилась одна единственная фраза: «Мы не можем жить с чувством обиды».

Как только она призналась себе в этом, сразу же испытала «преображающее духовное переживание».

Тогда Марти немедленно отправилась на собрание на Клинтон-стрит, в Бруклине, где жили мы с Лоис. По возвращении в Блитвуд она обнаружила сгорающего от любопытства Гренни и с порога воскликнула: «Гренни, мы больше не одни!»

Это стало началом выздоровления для них обоих – выздоровления, длящегося до сих пор. Наблюдая за процессом, Гарри был потрясен. Ведь всего неделей раньше в ответ на все его усилия они оба воздвигали непробиваемые стены сопротивления, а теперь начали свободно говорить! Для Гарри это были реальные факты, причем принципиально новые. Как мужественный человек и ученый, доктор и не подумал от них отмахиваться. Отставив в сторону собственные убеждения насчет алкоголизма и его невротических проявлений, он скоро уверился: в АА что-то есть, и возможно – нечто великое.

С тех пор Гарри всегда поддерживал наше Содружество, хотя часто это было сопряжено с огромным риском для его репутации как профессионала. Если учесть высокий профессиональный статус доктора, это было невероятной смелостью с его стороны.

Приведу конкретные примеры. В одном из своих ранних медицинских трудов – знаменитом материале о «Капитуляции» – он объявил, что этот метод, позволяющий уменьшить эго, составляет не только основу АА, но и, безусловно, фундамент его собственной психиатрической практики. Такое заявление было проявлением смирения и силы духа. Его поступок всегда будет ярким примером для всех нас.

Однако это было только начало. В 1944 году Гарри с помощью доктора Керби Кольера из Рочестера и Дуайта Андерсона из Нью-Йорка убедил Американское медицинское общество штата Нью-Йорк разрешить мне, дилетанту, выступить

с докладом об АА на их ежегодном мероприятии. Пятью годами позже в 1949 году эта же самая троица, опять-таки с Гарри во главе, уговорила Американскую психиатрическую ассоциацию пригласить меня для выступления на их ежегодном съезде в Монреале. К тому времени в АА насчитывалось уже порядка ста тысяч членов, и многие психиатры уже своими глазами видели наше влияние на их пациентов.

Для тех из нас, кто присутствовал на том собрании, настал волнующий час. Моя презентация была посвящена теме «духовный опыт в понимании Анонимных Алкоголиков», и мы думали: конечно, нам ни за что не удастся их этим убедить! К нашему изумлению, аудитория приняла доклад очень благосклонно – по крайней мере, судя по продолжительным аплодисментам.

Сразу после выступления ко мне подошел пожилой джентльмен чрезвычайно благородной внешности и представился бывшим президентом Американской психиатрической ассоциации. А затем, сияя, произнес: «Мистер У., вполне возможно, что я – единственный среди моих собравшихся здесь коллег, кто на самом деле верит в «духовные переживания», как и вы. Когда-то я сам пережил пробуждение, очень схожее с вашим, о котором я рассказал двум близким друзьям, Баке и Уитману».

Естественно, я спросил: «Но ведь вашим коллегам, похоже, понравился мой доклад?» На что он ответил: «Видите ли, мы, психиатры, прекрасно знаем, какие вы, алкоголики, на самом деле трудные люди. Поэтому моих друзей взволновали не тезисы вашей речи, а тот факт, что АА способно давать людям массовую трезвость».

Когда я увидел ситуацию в таком свете, меня еще больше тронуло то щедрое и блистательное признание, которым психиатры одарили АА. Скоро мой доклад был опубликован в «Американском психиатрическом журнале», и ассоциация наделила наш нью-йоркский Штаб правом делать любые

нужные нам перепечатки для распространения. К тому моменту победный марш АА по зарубежью уже начался, и одному лишь Богу известно, какую роль сыграл этот бесценный материал, когда зарождавшиеся в далеких краях группы знакомили с ним местных психиатров. Он в громадной степени ускорил всемирное признание АА.

Я мог бы еще говорить и говорить о Гарри – рассказывая о его деятельности в сфере борьбы с алкоголизмом вообще и о его замечательном служении в Совете попечителей АА, делясь историями о моей восхитительной дружбе с ним, вспоминая его неподражаемое чувство юмора и заразительный смех. Но здесь мне не хватит для этого места…

Сестре Игнатии
(август 1966 г.)

Сестра Мэри Игнатия, одна из самых лучших друзей АА, какие только могут у нас быть, ушла на небеса утром в пятницу второго апреля 1966 года. На следующий день сестры милосердия монастыря Святого Августина открыли двери для посетителей, и за первые два часа в гостевой книге появилось более тысячи подписей. И это были только первые из множества пришедших отдать дань уважения сестре Игнатии в течение двух последующих дней.

В понедельник, в полдень, кафедральный собор Кливленда едва вмещал собравшихся. На службе присутствовали не только ее друзья из самого города, но и приехавшие издалека. Группа сестер милосердия буквально излучала свет веры. Мы, члены АА, прибыли туда с семьями и друзьями, чтобы выразить благодарность за жизнь и труд нашей возлюбленной Сестры. На самом деле, то было время не для скорби, а для благодарения Богу за Его великую доброту ко всем нам.

Та месса, торжественное утверждение веры, блистала невиданной красотой; для многих она была тем более прекрасна, что звучала на английском. Панегирик, написанный и прочтенный близким другом Сестры, был красочным и волнующим описанием ее личности и деяний. Особый акцент был сделан на достоинствах АА и на роли его со-основателя Доктора Боба в грандиозной работе сестры Игнатии среди нас. Нам редко случалось видеть такое яркое подтверждение тому, что людям, пребывающим в духовном братстве, не нужно обращать внимание на барьеры и границы.

Тысячам мужчин, женщин и детей, чью жизнь Сестра лично озарила своим прикосновением, этот рассказ о ней, возможно, и не нужен, ведь они и так лучше всех прочих знают, какой она была и какую благодать несла другим.

Но я надеюсь, что для множества тех, кто никогда не ощущал ее присутствия и любви, это повествование послужит источником особого вдохновения.

Сестра Игнатия родилась в 1889 году в Шэнвилли графства Мейо, что в Ирландии, в семье набожных и свободолюбивых родителей. Знаменитый поэт Итц, родившийся неподалеку, однажды сказал, что необычная красота графства Мейо будто бы специально создана для того, чтобы взращивать поэтов, художников, героев и святых. Не сомневаюсь, что в возрасте шести лет, когда ее родители эмигрировали из Ирландии в Кливленд, Игнатия уже начинала проявлять многие подлинные добродетели.

Вскоре у ребенка обнаружился необыкновенный музыкальный талант в игре на пианино и в пении. Через несколько лет она уже давала уроки в доме родителей. В 1914 году ею овладело страстное желание стать монахиней, и она вступила в общину, так хорошо известную многим членам АА – общину сестер милосердия монастыря Святого Августина. Там она продолжила получать музыкальное образование и давать уроки.

Но уже тогда, как и всю последующую жизнь, Сестра была очень хрупкой и болезненной. К 1933 году нагрузки преподавания стали для нее слишком велики, и у нее наступил очень серьезный упадок сил. Тогда доктор поставил ее перед выбором: «Вам необходимо поберечь себя. Или Вы будете мертвым учителем музыки, или живой Сестрой. Что предпочтете?»

Мэри Игнатия, по словам ее общины, с легкостью согласилась на гораздо более спокойную и менее заметную работу: она стала регистратором в больнице Святого Фомы в Акроне, штат Огайо – заведении, которым заведовал ее орден. В то время ее близкие сомневались, что она сможет справиться даже с такими обязанностями. А уж в то, что она доживет до семидесяти семи лет, не поверил бы никто. И лишь одному Богу было известно, что в будущем ей суждено помочь пятнадцати тысячам алкоголиков и их семей!

Долгое время Сестра спокойно работала в приемном отделении больницы Святого Фомы. Возможно, тогда она еще и не слышала об АА. Хотя акронская Первая группа и нью-йоркская Вторая группа существовали с 1935 года и потихоньку развивались, широкой публике о них не было известно.

Однако в 1939 году картина резко изменилась. Весной того года вышло первое издание Большой Книги, а ранней осенью журнал «Либерти» опубликовал статью о нашем Содружестве. Вскоре последовала целая серия замечательных материалов на редакционной полосе кливлендской газеты «Плэйн Дилер». После этого газету и два десятка тогдашних членов местного АА завалили отчаянными мольбами о помощи. Несмотря на создавшийся хаос за несколько месяцев число анонимных алкоголиков в Кливленде подскочило до нескольких сотен.

Но стремительное пополнение наших рядов принесло с собой некоторые сложности, и главной была нехватка подходящих больничных ресурсов. Лечебницы Кливленда любезно откликались на эту настоятельную потребность, но их интерес естественным образом ослабевал, когда счета за лечение часто оказывались неоплаченными, а бывшие пьяницы строем топали по коридорам, чтобы, по их словам, «поработать по Двенадцатому Шагу» с новыми пациентами, порой буйными. Даже городская больница Акрона, где Доктор Боб помог множеству алкоголиков, выказывала признаки усталости.

В Нью-Йорке ситуация пока обстояла лучше. Там у нас был наш дорогой доктор Силкуорт, а позже и его чудесная медсестра Тедди. В последующие годы они вдвоем «обработали» около двенадцати тысяч пьяниц округа и стали своего рода «коллегами» другой пары деятелей – Доктора Боба и Сестры Игнатии из Акрона.

В 1940 году Доктор Боб, очень обеспокоенный тем, что в плане больничного лечения его регион может оказаться неподготовленным для нового витка популярности АА, решил

навестить больницу Святого Фомы и рассказать ее персоналу об острой потребности в сотрудничестве, которое могло бы стать эффективным на постоянной основе. Он подумал, что, поскольку больница Святого Фомы – заведение религиозное, то трудящиеся там люди, в отличие от других, может быть, увидят в его предложении возможность послужить ближним. И как же он был прав!

Доктор Боб не знал никого из руководства больницы, поэтому просто отправился в приемное отделение и поведал заведующей им – миниатюрной монахине историю АА и его собственного выздоровления. Пока маленькая сестра слушала его, ее лицо засияло. Он глубоко затронул ее чувство сострадания, и, может быть, ее удивительная интуиция уже начинала ей подсказывать: «Вот оно!» Сестра сказала, что, конечно, попытается помочь, но что она может сделать в одиночку? В конце концов, есть же определенные правила, признанные подходы... Алкоголизм ведь считается не болезнью, а лишь крайней формой неумеренности!

Тогда Доктор Боб рассказал Сестре об одном алкоголике, состояние которого было очень тяжелым. Ему просто необходимо найти место! Мэри Игнатия произнесла: «Должно быть, ваш приятель очень болен. Знаете, доктор, это похоже на сильнейшее нарушение пищеварения». Доктор Боб, стараясь сохранить серьезное лицо, ответил: «Вы совершенно правы, у него ужасное несварение!» Сестра подмигнула и тут же предложила: «Так почему бы вам не привести его прямо сейчас?»

Вскоре эти два милосердных заговорщика столкнулись с проблемой: пациент оказался жутко пьян. Любой быстро понял бы, что его «несварение» – лишь побочный симптом. Очевидно, общая палата для него не годилась, нужно было отдельное помещение. Но все одиночные палаты были заняты. Что же им было делать? Сестра призадумалась, а потом расцвела в улыбке и объявила: «Я поставлю кровать в

нашей комнате для цветов. Там он никому не помешает!» Это было тут же проделано, и страдалец был уже на пути к трезвости и здоровью.

Само собой, наших заговорщиков мучила совесть из-за этой уловки. К тому же, долго притворяться с «несварением» просто не получилось бы. Нужно было рассказать кому-то из руководства больницы. Сестра Игнатия и Доктор Боб отправились к настоятельнице и, трепеща, объяснили доброй леди всю ситуацию. К их безграничному восторгу, она поддержала их и через короткое время смело раскрыла новый проект перед попечителями больницы Святого Фомы. Последние, и мы вечно будем благодарны им за это, тоже одобрили идею – настолько, что вскоре самого Доктора Боба пригласили работать штатным врачом их больницы. Яркий пример вселенской духовности!

Немного времени спустя для реабилитации алкоголиков отвели целое отделение, непосредственно заведовать которым назначили, конечно же, Сестру Игнатию. Доктор Боб организовывал размещение новых пациентов в больнице и лечил каждого, ни разу не выставив счета ни одному из них. Что касается платы за пребывание в больнице, она была очень умеренной. К тому же Сестра часто настаивала на том, чтобы принимать пациентов «в кредит», что иногда вызывало у попечителей тихий ужас.

Вместе Игнатия и Доктор Боб знакомили всех, кто соглашался их выслушать, с методом АА, изложенным в недавно вышедшей книге «Анонимные Алкоголики». Реабилитационное отделение было открыто для визитеров из местных групп АА, которые с утра до ночи рассказывали пациентам истории своего пьянства и выздоровления. Никаких расовых и религиозных барьеров здесь не существовало; никому не навязывались ни идеи АА, ни учение церкви.

Так как Сестра почти все свое время и силы отдавала этой работе, она стала центральной фигурой в отделении.

Она попеременно то слушала, то говорила, и всегда с безграничной мягкостью и пониманием. С родными и близкими алкоголиков Игнатия вела себя точно так же. Именно эта сострадательная заботливость и была главной составляющей ее неподражаемого очарования, которое как магнитом притягивало к ней всех – даже самых жестких и строптивых. Но когда кто-то нес сущий вздор, она не всегда бездействовала. Она отлично умела проявлять твердость, когда нужно, а потом, чтобы смягчить сказанное, подключала свой восхитительный юмор. Так, однажды, когда непокорный пьяница хвастал, что в этой больнице его больше никогда не увидят, Сестра парировала: «Ну что же, будем надеяться, что вы *правы*. Но на всякий случай, пожалуйста, помните: если вы *все-таки* появитесь, у нас уже есть пижама вашего размера. Она будет наготове и ждать вас!»

Слава больницы Святого Фомы росла, алкоголики стекались сюда издалека. Пройдя курс лечения, многие на время оставались в Акроне, чтобы усвоить больше опыта АА из первых рук – от Доктора Боба и местной Группы Номер Один. А после их возвращения домой Сестра поддерживала с ними переписку, объем которой все увеличивался.

Мы часто говорим, что наше Содружество зиждется на ресурсах, которые мы позаимствовали у медицины, у религии, а также извлекли из собственного опыта пьянства и выздоровления. И никогда – ни раньше, ни позже – мы не видели более идеального синтеза всех этих целительных сил, чем в тот ранний акронский период. Доктор Боб олицетворял медицину и АА в одном лице; Игнатия и сестры милосердия монастыря Святого Августина также практиковали прикладную медицину, и их труд был в высшей степени вдохновлен поразительной духовностью их общины. Более совершенного сочетания милосердия и одаренности представить просто невозможно.

Нет нужды подробно расписывать все добродетели Сестры

Игнатии и Доктора Боба – замечательных друзей АА на заре истории Содружества. Достаточно будет напомнить: «По плодам их узнаете их».

В 1950 году, выступая в Кливленде на международном съезде АА, Доктор Боб в последний раз окинул нас взором. Его славная жена Анна ушла из жизни еще раньше, и до его собственного ухода в мир иной оставалось лишь несколько месяцев.

С того дня, когда они с Сестрой разместили своего первого страдальца в комнате для цветов, прошло десять лет. В эту декаду чудес они пролечили и духовно вдохновили пять тысяч алкоголиков, большинство из которых обрели свободу под Богом.

В знак благодарности за этот грандиозный труд мы, члены АА, презентовали сестрам милосердия и работникам больницы бронзовую памятную табличку, которую с тех пор можно видеть в том отделении, где Сестра и Доктор Боб творили свои чудеса. Она гласит:

«С благодарностью:
друзья Доктора Боба и Анны С.
с любовью посвящают эту памятную доску
сестрам милосердия и
работникам больницы Святого Фомы.
В Акроне, колыбели Анонимных Алкоголиков,
больница Святого Фомы стала первым
религиозным заведением, открывшим
свои двери для нашего Содружества.
Так пусть же любовь и преданность тех,
кто трудился здесь в период становления АА,
всегда будет чудесным ярким примером
Божьей милости для нас всех».

Сегодня посетители больницы часто удивляются: почему же в памятной надписи нет ни слова о Сестре Игнатии? Все дело в том, что она не позволила бы упомянуть свое имя!

Она категорически отказалась, и это был один из случаев, когда она твердо настояла на своем. Вот блестящий пример ее врожденного, совершенно искреннего смирения. Сестра всем сердцем верила, что не заслуживает особых отличий, потому что ее благими делами люди обязаны лишь Богу и ее общине.

Это было поистине проявлением абсолютного духа анонимности. Те, кто тогда видел это качество Сестры, были глубоко тронуты – особенно Доктор Боб и я. Именно ее влияние убедило нас обоих не принимать каких бы то ни было публичных почестей в свой адрес. Пример Игнатии показал нам: никогда не следует игнорировать духовную сущность принципа анонимности, прикрываясь его формальным соблюдением.

После смерти Доктора Боба многие беспокоились – а позволят ли Сестре продолжать работу? Ведь, как и в других монашеских орденах, распределение поручений между сестрами милосердия довольно часто меняется. Таков древний обычай. Однако какое-то время все оставалось по-прежнему. Сестра Игнатия с помощью местных групп АА продолжала свое дело в больнице Святого Фомы. Но в 1952 году ее внезапно перевели в благотворительную больницу Святого Винсента в Кливленде, где она, к общему восторгу, была назначена заведующей отделением для алкоголиков. В Акроне же вместо нее остался прекрасный преемник, и работа там продолжалась.

Отделение для алкоголиков в благотворительной больнице занимало часть ветхого крыла здания и остро требовало ремонта и обновления. Для тех, кто знал и любил Сестру, это стало очень вдохновляющей миссией. Попечители больницы также согласились с тем, что нужно что-то делать. Для этих целей начали поступать весомые пожертвования. В свое свободное время плотники, слесари и электрики из АА принялись переделывать обветшалое крыло, не беря за услуги никакой платы. Великолепный плод их безвозмездного труда теперь известен как Розари-Холл.

И снова чудеса исцеления от алкоголизма начали преумножаться. За последующие четырнадцать лет десять тысяч алкоголиков – огромное количество! – прошли через двери Розари-Холла, где попали под чары Мэри Игнатии и АА. Более двух третей пациентов выздоровели от своей ужасной болезни и снова стали нормальными людьми. Сестра с утра до ночи дарила свое уникальное милосердие этой бесконечной череде страдальцев. Более того – она ухитрялась находить время, чтобы активно помогать их близким; именно эта ее плодотворнейшая часть работы стала одним из главных стимулов для развития Семейных Групп Ал-Анон всего региона.

Несмотря на ее чудесных работников в больнице и помощников из АА за ее пределами, этот труд был крайне изнурительным для Сестры, чье здоровье все ухудшалось. Мы не перестаем удивляться тому, что Провидение позволило ей пробыть с нами так много лет. Сотни ее друзей проделывали суточное путешествие ради того, чтобы полюбоваться ее неизменным примером высочайшей добродетельности.

Ближе к концу своего долгого служения она не раз соприкасалась со смертью. Когда это случалось, я иногда приезжал в Кливленд, и мне разрешали посидеть у ее постели. В те моменты я видел ее в наилучшем ее проявлении. Во всем, что она говорила – будь наш разговор веселым или серьезным – сквозила ее абсолютная вера и полное принятие воли Божьей. Страх и неопределенность, похоже, были ей вовсе неведомы. Каждый раз, когда я с ней прощался, она светилась улыбкой и выражала надежду, что Господь в ответ на ее молитвы, может быть, позволит ей еще немного поработать в Розари-Холле. А через несколько дней я узнавал, что она вернулась к работе. Эта величественная драма повторялась раз за разом, вновь и вновь. Сама Сестра не видела в этом ровным счетом ничего необычного.

Осознавая, что любой день может стать для нее последним, мы, члены АА, подумали, что правильно будет в частном порядке вручить Сестре какой-нибудь осязаемый символ, который хоть чуть-чуть расскажет ей о глубине нашей любви. Но мы помнили, как она настаивала по поводу той памятной таблички, что не желает по отношению к себе никакого публичного внимания. Поэтому я просто сообщил ей, что хотел бы приехать в Кливленд с визитом, и попутно добавил, что, если ее здоровье позволит, мы могли бы поужинать в компании нескольких ее верных друзей из АА и коллег, тем более что приближалась пятидесятая годовщина ее служения в своей общине.

В назначенный вечер мы собрались в одной из небольших столовых благотворительной больницы. Сестра едва могла ходить, но прибыла и просто светилась от восторга. Все собравшиеся были старожилами, и ужин прошел в рассказах о былых днях. А Сестра Игнатия, в свою очередь, порадовала нас историями о больнице Святого Фомы и драгоценными воспоминаниями об Анне и Докторе Бобе. Это было незабываемо.

Затем, пока Сестра еще не слишком утомилась, мы приступили к реализации нашего главного проекта. Из Нью-Йорка я привез богато украшенный свиток с посланием от имени нашего всемирного Содружества, оформленным в виде моего письма Сестре. Итак, я встал, прочел послание вслух и протянул его ей, чтобы она могла посмотреть. Игнатия, ничего подобного не ожидавшая, от удивления сначала не могла вымолвить ни слова. Наконец, она произнесла: «О! Но это уж слишком – слишком хорошо для меня!»

В тот вечер самой большой наградой стал для нас, конечно же, восторг Сестры. Ее радость не знала предела, когда мы заверили ее, что наш подарок вовсе не обязательно выставлять напоказ и что мы поймем, даже если она захочет спрятать его в свой сундук.

Но на этом памятный трогательный вечер не закончился – было еще одно вдохновляющее событие. Не обращая внимания на собственную огромную усталость, Сестра настояла на том, чтобы мы все пошли в Розари-Холл и совершили последний за день обход отделения. Так мы и сделали, мысленно задаваясь вопросом, увидит ли еще кто-нибудь из нас ее за этой работой – призванием свыше, которому она отдала все. Для каждого из нас это был конец целой эпохи; у меня не выходило из головы меткое выражение, которое она так часто повторяла: «Вечность – прямо сейчас».

То послание, которое мы преподнесли Сестре, сейчас выставлено в Розари-Холле. Вот его содержание:

«В благодарность Сестре Мэри Игнатии по случаю ее золотого юбилея:

Дорогая Сестра!

Мы, Анонимные Алкоголики, считаем Вас прекраснейшим другом и величайшей духовности человеком из всех известных нам.

Мы помним Вашу заботливую помощь в те дни, когда Содружество было совсем еще юным. Ваше сотрудничество с Доктором Бобом в тот период создало для нас бесценное духовное наследие.

На протяжении всех последующих лет мы видели Вас у постели тысяч страдальцев. Наблюдая за Вами, мы ощущали, как на нас льется тот чудесный свет, который Господь всегда посылал нам через Вас, чтобы рассеять нашу тьму. Вы без устали лечили наши раны; Вы подпитывали нас своим неподражаемым пониманием и непревзойденной любовью. Более милосердных даров нам не получить никогда.

От имени членов АА всего мира я желаю: «Да ниспошлет Вам Господь щедрую награду соразмерно Вашим благословенным трудам – отныне и навсегда».

Преданный Вам,

Билл У.»

Сэм Шумейкер
(февраль 1967 г.)

Доктор Сэм Шумейкер был одним из незаменимых друзей АА. Если бы не его помощь в период становления АА, сегодня Содружества просто не существовало бы. Поэтому его недавно опубликованная биография под заголовком «Я стою у дверей», так прекрасно написанная его женой Хелен, очень кстати напоминает о нашем огромном долге перед ним и приятно дополняет наши знания об этом замечательном человеке.

В первую очередь мне хочется познакомить наше молодое поколение с тем «Сэмом», которого мы, ветераны, так хорошо знали в ранние дни АА и в последующие годы. Для этого я, пожалуй, расскажу о появлении Сэма на международном съезде 1955 года в Сент-Луисе. Цитирую наш учебник истории – книгу «АА взрослеет»:

«Доктор Сэм выглядел ничуть не старше, чем почти двадцать один год назад, когда я впервые увидел его и его активную группу в приходской церкви Распятия в Нью-Йорке. Когда он начал говорить, его слова подействовали на собравшихся в аудитории Киля точно так же, как на меня и Лоис много лет назад. Как всегда, он называл вещи своими именами, и его страстное усердие, искренность и кристальная ясность доводили его идеи до сознания слушателей пункт за пунктом. При всей своей пылкости и даре красноречия Сэм ничуть не зазнавался. Перед нами был человек, с равной готовностью говорящий и о *своих* грехах, и о чужих. Он преподносил себя как живое доказательство Божьей силы и любви, как мог бы сделать любой член АА.

Выступление Сэма стало еще одним свидетельством того, что для создания Содружества Анонимных Алкоголиков Провидение использовало множество каналов. И среди них не было более необходимого, чем тот, что открылся через

Сэма Шумейкера и его Оксфордскую группу – наших единомышленников предыдущего поколения. Первые члены АА переняли идеи о самоанализе, признании собственных недостатков, возмещении нанесенного ущерба и работе с другими страдающими непосредственно у Оксфордской группы и Сэма Шумейкера, их бывшего лидера в Америке, и ни у кого иного. В хрониках нашего Содружества Сэм всегда будет человеком, чей вдохновляющий пример и учение сделали больше всего для того, чтобы показать нам, как создать духовный климат, в котором алкоголики могут выживать и даже развиваться. Мы в вечном долгу за все, что Господь послал нам через Сэма и его товарищей в период младенчества АА».

Думаю, любому будет полезно прочесть книгу Хелен Шумейкер «Я стою у дверей». Это живое и трогательное описание Сэма дома, в служении и в общественной жизни – подробный, глубокий портрет одного из прекраснейших людей нашего времени.

Бернард Б. Смит
(октябрь 1970 г.)

Я очень сожалею, что здоровье не позволит мне присутствовать на панихиде по моему старому другу Берну Смиту. Его смерть – огромная личная потеря для меня, ведь я столько лет во многом опирался на него. В любой ситуации я мог получить его мудрый совет – стоило только попросить, а тепло его дружбы всегда согревало меня.

С самого начала Берн Смит понимал духовную основу, на которой зиждется сообщество Анонимных Алкоголиков. Такое понимание редко встретишь у посторонних. Впрочем, Берн, на самом деле, посторонним не был. Он не только понимал наше Содружество, но и верил в него.

Всего лишь месяц назад Берн выступил с замечательной вдохновляющей речью перед одиннадцатью тысячами членов АА, собравшихся в Майами-Бич на праздновании нашей тридцать пятой годовщины. Он говорил о единстве – очень подходящая тема, ведь никто не сделал для единства внутри Содружества больше, чем сам Берн. Он был одним из главных архитекторов нашей Всемирной конференции по обслуживанию, а значит – во многом обеспечил выживание АА.

Берн Смит не хотел бы хвалебных речей от меня, да он и не нуждается в них. Сделанное им для Анонимных Алкоголиков говорит гораздо громче любых моих слов. Всем нам будет очень не хватать его мудрости и проницательности.

Могу только добавить, что я потерял старого дорогого друга, а Содружество – замечательного, преданного слугу.

СТАТЬИ О ЖУРНАЛЕ «ГРЕЙПВАЙН»

Редакционная статья: «Образ будущего» *(июнь 1944 г.)*

В книге «Анонимные Алкоголики» есть глава под названием «Заглянем в ваше будущее». И вот, когда я недавно ее просматривал, мой взгляд остановился на удивительном параграфе, написанном лишь пять лет назад:

«Мы надеемся, что когда-нибудь каждый путешествующий алкоголик сможет отыскать членов Содружества в любом месте. В какой-то степени это уже становится реальностью. Среди нас есть коммивояжеры, разъезжающие по стране. Благодаря контактам с нашими двумя основными центрами в других регионах появились небольшие группки по два-три-пять человек...»

Не веря своим глазам, я перечитал эти строки, и у меня комок подступил к горлу. «Всего пять лет назад! – подумал я. – Тогда было лишь два крупных центра, группки по несколько человек и путешественники, надеявшиеся, что однажды смогут найти нас в любом месте...»

Возможно ли, что только вчера были лишь проблески этой надежды – крошечные группки, маячки, за мерцанием которых мы наблюдали с таким беспокойством, но которые так и не погасли? А сегодня сотни центров озаряют теплым светом жизни тысяч людей, рассеивая тьму мрачных пропастей, куда свалились разбитые и безнадежные, и лучи этого света уже достигают наших плацдармов в других странах.

И вот зажегся другой маяк – маленький журнал под названием «Грейпвайн». Так пусть же его лучи надежды и опыта всегда освещают течение жизни Содружества, а когда-нибудь проникнут и в каждый темный уголок алкогольного мира. Устремления его редакторов, соавторов и читателей хорошо выражены в заключительных словах той главы из Большой Книги:

«Препоручите себя Богу, как вы Его понимаете. Признайте свои недостатки перед Ним и ближними. Расчистите завалы прошлого. Щедро делитесь с другими тем, что обрели, и присоединяйтесь к нам. Мы будем вместе в нашем Содружестве Духа, и вы обязательно встретите некоторых из нас на нелегком Пути к Счастью. Да благословит вас Господь и да хранит Он вас до той поры».

«Грейпвайн»: Прошлое, настоящее, будущее
(июль 1945 г.)

Журналу «Грейпвайн» только что исполнился один год. В редакцию приходит множество восторженных писем со всех концов Соединенных Штатов и даже из-за рубежа. Их авторы поздравляют сотрудников журнала и просят их продолжать свой полезный труд.

К прочим посланиям мне хочется прибавить и свое. Эта команда добровольцев бесплатно проделала огромную работу, не жалея на нее времени и сил. А некоторые вкладывали и свои деньги, ведь из ничего журнала не создать. Уходящим в отставку волонтерам я вместе со всеми подписчиками говорю: «Поздравляю и благодарю!»

Как же возник «Грейпвайн» и что его ждет в будущем?

Прошлым летом несколько нью-йоркских членов АА решили, что группам их региона пора завести себе какое-нибудь ежемесячное печатное издание. Поначалу обсуждался вопрос о том, как бы заручиться надлежащей поддержкой местных групп, Фонда АА или еще чьей-либо. Но никто не мог поддерживать журнал, который еще даже не появился. Тем не менее, создатели «Грейпвайна» начали действовать, исходя из теории: если их детище получится достаточно хорошим, то станет популярным, а если окажется слишком банальным и скучным – то вскоре само собой увянет на корню. Как говорила редакция журнала, люди могут «принять его или проигнорировать».

В порыве гордости за свой регион команда «Грейпвайна» разослала первый выпуск всем группам США. Никакого навязывания и клянченья денег – журнал просто разослали почтой. И отовсюду начали стекаться заявления на подписку. Сегодня это уже не тонкая струйка, а целый поток. Теперь у журнала есть подписчики во всех сорока восьми штатах и даже за рубежом.

Несколько месяцев назад сотрудники «Грейпвайна», предвидя более обширную деятельность, любезно спросили меня, не заинтересуюсь ли я этим начинанием в будущем году. Они сказали мне, что, по их мнению, журнал можно расширить до общенациональных масштабов и что его, в конечном счете, нужно будет зарегистрировать и, может быть, прикрепить к Фонду АА, который, как известно практически всем членам Содружества, спонсирует наше Центральное бюро и все наши общенациональные начинания.

Этот разговор прекрасно прояснил: хотя бригады волонтеров с меняющимся составом могут всегда так же добывать и редактировать материалы для «Грейпвайна» и участвовать в формировании его курса, вскоре, несомненно, потребуются постоянные наемные сотрудники и более солидная база для работы. Они попросили меня помочь это организовать, а также, по возможности, иногда писать статьи для журнала. Я согласился в этом участвовать, насколько позволит здоровье.

Сейчас, помимо волонтеров, мы можем похвастаться одним секретарем, которого наняли на неполный рабочий день для помощи в текущих делах. Однако объем этой работы продолжает расти, как и объем потенциального материала для редактуры. Вероятно, понадобится больше наемных работников, и, может быть, возникнет необходимость увеличить размер журнала, а для всего этого потребовалось бы немного поднять тариф на подписку. В настоящее время «Грейпвайн» обеспечивает себя сам, и такое положение дел следует сохранять всегда, вместо того чтобы зависеть от дотаций и даров, с тем чтобы гарантировать надлежащее постоянство, качество и обслуживание.

Хоть журнал и молод, но у него уже появляются собственные традиции. Каждый сотрудник «Грейпвайн» стремится сделать издание истинным голосом АА. Для всех нас очень важна идея о том, что журнал не должен быть нацелен на какую-то одну группу читателей или принимать чью-либо

сторону по любому спорному вопросу. Он должен постоянно говорить о людях, но при этом, излагая новости и взгляды, никогда никого не превозносить и не принижать, не позволять использовать свое имя в коммерческих целях и не становиться выразителем ничьих интересов – даже Центрального бюро или Фонда АА. Конечно, время от времени любой из нас будет видеть в журнале статьи, с которыми будет не согласен. Поэтому всегда надо понимать, что они отражают мысли и чувства своих авторов, но вовсе необязательно – редакции «Грейпвайна». Чтобы эти традиции и принципы воплощались в жизнь, просим вас присылать чуть больше материалов со всех концов страны.

В то же время мы просим вас не ожидать от нас слишком многого слишком быстро. У нас все еще не хватает сотрудников, и мы физически не можем отвечать на все ваши письма и запросы. Боюсь, то же самое и со мной – я не смогу вести личную переписку с вами. Я могу лишь время от времени писать статьи для всех вас.

Если подписчики не против, в будущих выпусках «Грейпвайна» мне хотелось бы обсудить с вами такие темы как анонимность, лидерство, отношения с общественностью, использование денег в АА и тому подобные. В таких вопросах наши традиции и практические меры еще совсем не установились. Как и большинство ветеранов АА, я вполне полагаюсь на способность наших групп выработать правильные принципы, когда у них будет достаточно опыта. Поэтому мои будущие статьи будут нацелены на то, чтобы показать читателям текущие наши мысли и все «за» и «против» по этим острым проблемам. Но такие материалы будут лишь наводить на мысли. Их задачей будет, скорее, не заявить о новых принципах, а стимулировать дальнейшие обсуждения.

Мы, команда «Грейпвайна», еще раз подтверждаем, что наш журнал – ваше периодическое издание. Он будет проводником ваших мыслей, чувств, опыта, устремлений – стоит

вам только захотеть. Конечно, мы сможем опубликовать лишь часть поступающего к нам материала, но вы можете быть уверены, что мы будем стараться производить отбор самым справедливым образом. Стремясь отражать жизнь АА и только, «Грейпвайн» всегда будет считать своим идеалом служение без диктатуры и командования. Так помогите же нам сделать журнал истинным голосом Содружества!

Что такое наш «Грейпвайн»?
(декабрь 1946 г.)

Сотни членов АА еще не видели журнала «Грейпвайн» и даже не слышали о нем. Другие спрашивают: что это такое? Каковы его идеалы? И меня попросили разъяснить.

«Грейпвайн» – это наше главное ежемесячное издание. Он посвящен интересам Анонимных Алкоголиков и ничему больше. Он старается освещать новости Содружества и отражать взгляды членов АА отовсюду. Его задача – показывать все разнообразие наших мыслей и действий. Журнал уже приобрел известность во всех частях Америки, а теперь его начинают читать и за границей. Среди пяти тысяч шестисот подписчиков есть и неалкоголики, живо интересующиеся нашими успехами и философией.

В двух словах, «Грейпвайн» быстро становится «коллективным голосом Анонимных Алкоголиков». Как и все прочие хорошие вещи, наш журнал развился естественным образом, а не через пропаганду. Подобно знаменитой Топси из «Хижины дяди Тома», «он просто рос».

А сейчас позвольте мне вспомнить прошлое и подробнее рассказать вам, почему и как возник «Грейпвайн».

Десять лет назад наше Содружество было слабым хилым зародышем – лишь несколько алкоголиков, отчаянно цепляющихся за некий идеал и друг за друга. Они и стали инициаторами движения Анонимных Алкоголиков. Потом число его членов начало расти, и новички, само собой, обращались к ветеранам за помощью и примером. Старожилов называли лидерами, а Доктора Боба и меня окрестили звучным словом «основатели». Поскольку на самом деле у АА много основателей, мы с ним хотели бы, чтобы нас так не именовали. Но так уж сложилось – мы думаем, просто потому, что мы были первыми по времени и потому имели наиболее длительный опыт.

Вот так и получилось, что в представлении наших товарищей по АА мы приобрели довольно уникальный статус. Он никогда не был официальным, формальным, но все-таки существовал. Члены Содружества начали считать Боба и меня представителями своего коллективного сознания в вопросах принципов и политики. Кроме того, они начали считать нас своеобразным ядром движения АА, пропускающим через себя непрерывный поток возникающих проблем и трудностей и выдающим нужные решения. Потом, когда мы с ним разъезжали, навещая развивающиеся группы, нас просили вещать с трибун об АА перед все более широкими аудиториями. Так мы и стали «коллективным голосом АА». По словам одного друга, «это была колоссальная миссия»!

Мы с Бобом согласны с ним. Это слишком грандиозная задача для любых двух алкоголиков. Мы слишком подвержены ошибкам! Но даже если бы мы были непогрешимы, мы все равно не вечны. Поэтому мы с ним уже давно ведем процесс передачи этих функций – сознания, ядра и голоса АА – другим.

Когда-то мы помогали основать Фонд АА, чьи попечители стали хранителями общих активов Содружества, а с недавних пор, по обычаю и общему согласию, все больше считаются блюстителями Традиций и общей политики АА. Попечители – не орган власти. Они просто выступают в качестве своеобразного комитета по общему обслуживанию для всего Содружества. В первую очередь они – смотрители и посредники. В связи с этим группы начинают рассматривать их как представителей нашего коллективного сознания. Доктор Боб и я надеемся, что такое отношение к ним сохранится. По-видимому, люди начинают лучше понимать, кто такие попечители и каковы их обязанности.

В апреле 1939 года, через год после создания Фонда АА, вышла в свет книга «Анонимные Алкоголики». Она также была инициативой группы членов АА, которые считали, что

наш опыт нужно систематизировать и изложить на бумаге. Эта группа изыскивала средства, разрабатывала варианты, подбирала истории. Нам с Бобом была отведена задача решить, что именно войдет в книгу. Мне было поручено написание ее текста. Издание Большой Книги стало историческим моментом для АА, когда первые члены Содружества, включая Боба и меня, через это новое средство коммуникации передали свой опыт широкому кругу алкоголиков, который все растет и обещает стать обширным миром.

Центральное бюро АА в Нью-Йорке возникло одновременно с выходом книги. Сегодня его сотрудники отвечают на тысячи запросов, заботятся о наших глобальных отношениях с общественностью, пишут ободряющие письма новым и изолированным группам, следят за печатью и распространением списков групп, брошюр, литературы и книги «Анонимные Алкоголики». Несколько лет назад попечители Фонда АА приобрели всю полноту прав на Большую Книгу и в то же время приняли на себя обязанность надзора над деятельностью Центрального бюро, финансовое обеспечение которого постепенно берут на себя группы путем добровольных пожертвований в Фонд. Благодаря работе Центрального бюро тысячи новичков нашли дорогу в АА, сотни групп получили помощь в проблемах своего развития, миллионы людей узнали об АА. Мало-помалу Бюро начинают считать ядром Содружества. Оно пропускает через себя запросы и проблемы и, по мере возможностей, выдает информацию и решения. Таким образом, идет процесс передачи в руки его сотрудников еще одной функции основоположников АА. Центральное бюро уже почти стало сердцем АА!

Вы можете сказать: «Ладно, но какое это имеет отношение к «Грейпвайну»?» А вот какое. Подобно Фонду, Большой Книге и Центральному Бюро, которые когда-то возникли усилиями отдельных групп активистов, наш журнал два года назад появился по инициативе нескольких членов

АА, считавших, что нам нужно свое ежемесячное периодическое издание. Ради успеха журнала они готовы были вложить немного денег и массу труда. Поначалу у этой команды не было никаких особых полномочий. Они просто засучили рукава и взялись за дело – да так хорошо, что к концу первого года их детище уже распространилось по всей стране. Не было ни спонсирования, ни пропаганды. Подобно Большой Книге, Центральному Бюро и Фонду АА, «Грейпвайн» стал начинанием общенационального масштаба благодаря собственным стараниям и заслугам.

Тогда создатели журнала пришли к попечителям, чтобы обсудить будущее своего издания. Кроме того, они попросили меня написать для них несколько статей и обратиться к группам с вопросом, захотят ли они принять журнал как главное печатное издание АА. Сотни групп и отдельных подписчиков с энтузиазмом ответили: «Да!» Едва ли был хотя бы один несогласный. Исходя из этого, «Грейпвайн» был зарегистрирован, право собственности на него было передано Фонду АА, и теперь журналом управляет объединенный комитет в составе двух попечителей, двух членов волонтерской команды и редактора. «Грейпвайн» пока не полностью самоокупается, но мы надеемся, что вскоре будет. И вот мы видим еще один процесс: журнал становится голосом Анонимных Алкоголиков.

Как недавно сказал один из его сотрудников: «Мы думаем, что «Грейпвайну» следует стать «голосом Анонимных Алкоголиков», передавая нам новости друг о друге через огромные расстояния и всегда описывая то свежее, что рождается в огромном живительном источнике, именуемом «опытом АА». Никогда не принимать чью-либо сторону в спорных вопросах религии, реформ и политики, не искать выгоды, не позволять использовать имя журнала в целях коммерции или пропаганды, всегда помнить о нашей единственной цели – нести идеи АА страдающим от алкоголизма – вот наши идеи для «Грейпвайна».

Доктор Боб и я всем сердцем разделяем это мнение. Мы надеемся, что члены АА повсюду почувствуют, что это – их журнал; что наши способные авторы будут много писать для «Грейпвайна»; что все группы будут присылать новости о своей деятельности, которые могут быть интересны всем; и что все члены Содружества скоро буду считать «Грейпвайн» одной из наших важнейших общих служб – наряду с Фондом, Большой Книгой АА и Центральным Бюро.

Видите ли, дорогие наши товарищи, у нас с Доктором Бобом есть не совсем явный мотив: ведь, когда наши изначальные функции – совести, ядра и голоса АА – полностью перейдут к этим более новым, лучшим и долговечным органам, то мы, ветераны, наконец, сможем уйти со сцены!

Зеркало АА *(ноябрь 1950 г.)*

Это будет рекламная вставка о команде «Грейпвайна» и труде этих людей. Дай им Бог долголетия и процветания!

Обычно человек смотрится в зеркало, чтобы напудриться, побриться или полюбоваться собой. Но добросовестный член АА склонен смотреть глубже. Каждое утро он благодарит за свое трезвое спокойствие, просит прощения за оставшееся чувство обиды и надеется, милостью Божьей, прожить наступающий день хорошо. А перед сном снова заглянет в зеркало и скажет: «Ну что, друг мой, как мы сегодня справились? Спасибо тебе за привилегию быть живым!»

Таким образом, зеркало АА отражает не макияж, а благодарность; не тщеславие, а смирение; не пустяки, а реальность. Оно отражает бесценный опыт.

Чтение «Грейпвайна» – схожая вещь. Но наш журнал – зеркало гораздо больших размеров. Благодаря ему мы можем заглянуть через плечо ближнего своего, предающегося размышлениям, и это нас вдохновляет. Какое-то волшебство переносит нас к нашим братьям и сестрам со всех краев. Мы чувствуем, что мы с ними едины. Такого не было даже с Алисой в Стране Чудес! Через зеркало АА мы радостно странствуем по огромному дворцу, который подарило нам Провидение – этому невероятному Дому Свободы под названием «АА».

Все дело в том, что «Грейпвайн» – действительно ваш и мой журнал. Месяц за месяцем его содержание составляют ваши мысли, ваши идеи – об АА или о чем угодно. Каждый месяц в среднем около двухсот из вас присылают что-нибудь для печати. Журнал пишет не кучка интеллектуалов в гордом уединении нью-йоркского офиса – его пишете вы.

В каждом выпуске вы видите, как искусно подбираются лучшие из ваших статей – и как умело они подаются в нашем журнале, которым может гордиться любой из нас. Может, вы

задавались вопросом, каким образом эта работа выполняется так хорошо каждый месяц? Как и большую часть прочей работы в АА, это делают наши товарищи по Содружеству – внося свой вклад безо всяких мыслей о вознаграждении, просто желая помочь. Им не платят, их заслуг не воспевают – так, может, они уже достаточно потрудились в полнейшей анонимности, даже в кругу своих товарищей?

Может быть, вам хочется познакомиться с «грейпвайнерами»? Ведь именно они собирают для вас эти драгоценные образы. Каждый месяц они передают вам самые свежие картины, тона и впечатления Содружества в движении. «Грейпвайн» – волшебный ковер, на котором вы можете облететь весь мир АА.

Сначала представлю вам Эла, редактора. Эл считается усердным автором текстов для новостных программ, но никто не может сказать, когда он действительно работает для телевидения, потому что большую часть времени он проводит в офисе «Грейпвайна», готовя журнал для печати. Эл отлично выполняет все обязанности редактора. Почитайте журнал – и вы со мной согласитесь.

А теперь познакомьтесь с Клайдом, Полом, Родом и Сигом. Первый – известный редактор литературной рубрики; второй – первоклассный литературный обработчик газетных статей; третий – творческий рекламный работник; четвертый – специалист по связям с общественностью. Эти ребята, вероятно, проверяют работу Эла и, конечно же, помогают ему. Время от времени они сами пописывают статьи.

А вот наши оформители – Бад и Глен. Тоже очень деятельные ребята – но они и должны быть такими. Они – превосходные художественные редакторы и иллюстраторы. Вы видели в последнее время оформление журнала? Полюбуйтесь им, а еще лучше – подпишитесь!

А сейчас я представлю вам экспертов «Грейпвайна» по финансам – Майка и Бада (еще одного). В том, что журнал

имеет дефицит средств, вовсе нет их вины. В обычной жизни они оба – управляющие финансами издательских домов. Майк также служит казначеем «Грейпвайна». Не так давно он сменил в этой унылой и неблагодарной работе Дика С. (не кливлендского Дика С.). Бад же выступает как спонсор и старейшина – ведь он, как вы должны знать, один из основателей нашего журнала. Кроме того, для полной уверенности в том, что все гайки закручены плотно, в команде есть еще двое великолепных финансистов – это попечители Фонда АА, Джонас и Леонард, которые принимают участие в заседаниях руководства «Грейпвайна».

«Грейпвайн» и мы с вами *(июнь 1957 г.)*

У журнала «Грейпвайн» есть кое-какие планы, которые мне хочется обсудить с вами. В эти планы входят и мои частые статьи – в следующем году я постараюсь писать что-нибудь для всех вас каждый месяц.

Это решение продиктовано несколькими соображениями. Прежде всего, дело в том, что мы с Лоис больше не можем путешествовать, чтобы видеться с вами лично. Признаться, мы уже не так молоды. Если мы и можем посетить многие места, то, по справедливости, следовало бы посещать все. Но теперь «все места» АА – обширная территория. Она включает Северную Америку, семьдесят наших плацдармов за рубежом и двести тысяч членов АА. Если бы мы объезжали все эти места, чтобы увидеться со всеми вами, то, пожалуй, никогда бы не вернулись домой! Так что это очень веская причина, почему я хочу каждый месяц болтать с вами через «Грейпвайн». Журнал лучшего всего сможет заменить частые поездки.

Есть и другая причина. По мере роста АА в ширину и глубину должен расти и «Грейпвайн», ведь это наше самое большое зеркало, отражающее текущие мысли, чувства и деятельность АА. И благодаря своим преданным сотрудникам и авторам нашему журналу всегда удавалось развиваться.

Периодически «Грейпвайн» прилагает особые усилия в этом направлении. Сейчас происходит очередной такой прорыв. Мы хотим не отставать от всемирного Содружества Анонимных Алкоголиков во всех его новых захватывающих аспектах и разветвлениях. Вдобавок мы хотим наверстать упущенное по отношению к ветеранам, которые иногда думают – и, может быть, они правы – что у нашего журнала слишком большой уклон в сторону проблем новичков.

Так что же мы с вами можем с этим поделать? Во-первых, исправить серьезный недостаток. Чтобы получить более объемный, усовершенствованный журнал, придется

расширить его наемный и волонтерский штат: наемный – немного, волонтерский – значительно. «Грейпвайну» давно не хватает сотрудников в подписном и редакционном отделах.

Факты таковы, что наша команда уже долгое время безуспешно борется с инфляцией. Цена на журнал – двадцать пять центов – не менялась уже лет двенадцать. Это, наверное, единственный в мире товар, который не подорожал – кроме, разве что, конфеток «Лайф сэйверз». А тем временем затраты на издание подскочили, как и все остальное. Даже после недавнего горячего призыва к подписке «Грейпвайн» все еще не может свести концы с концами. Такое положение дел в долгосрочной перспективе очень ненадежно и препятствует любым крупным улучшениям в плане объема и качества – хоть сейчас, хоть в будущем.

В связи с этим цену обязательно нужно поднять до тридцати пяти центов за выпуск, или три с половиной доллара в год. Конечно, мы знаем, что каждый будет рад отдать лишние десять центов ради «Грейпвайна». Предварительный опрос в полной мере это подтверждает. Такая мера ликвидирует преграду, которую наши «грейпвайнеры», при всей их самоотверженности, не могут одолеть.

Но, кроме этого, мы с вами можем помочь еще во многом. Журнал планируется увеличить на шестнадцать страниц, добавив несколько разделов – новостной, о деятельности Ал-Анона и другие. Редакция хочет сделать его более интересным для товарищей, имеющих пять-десять лет трезвости. Команда усиленно ищет новые многообещающие идеи, которые можно было бы взять на вооружение.

Несомненно, мы с вами могли бы подкинуть им что-нибудь эдакое. Так почему бы лично вам не написать мне о своих идеях? Это не обязательно должны быть полноценные статьи. «Грейпвайну» важно, чтобы вы рассказали, каким хотели бы видеть журнал. Вы могли бы предложить новые рубрики,

список новых тем для освящения, актуальные заголовки для новых статей, которыми могла бы заняться редакция... и было бы очень полезно, если бы вы указали, о чем вам хотелось бы прочитать в моих статьях в течение следующих двенадцати месяцев.

С вашей стороны это будет бескорыстным трудом, преисполненным анонимности. Уверен, ваших писем будет очень много, и я не смогу на них ответить. Но я знаю, что вы подадите «грейпвайнерам» и мне множество великолепных мыслей.

Дорогие читатели, только подумайте, о каком великом деле идет речь! Если бы мы наняли всех этих ребят за полную плату, которую они берут с людей за свои услуги вне АА, то нам бы приходилось ежемесячно платить им тысяч десять. Но ради Анонимных Алкоголиков они просиживают ночи напролет, трудясь над журналом абсолютно безвозмездно! А вы так смогли бы?

Но не будем обольщаться! Не стоит поддаваться иллюзии, что для издания «Грейпвайна» денег не требуется. Когда тираж журнала достигает двадцати трех тысяч, возникают проблемы, которых не было, когда читателей было всего несколько сотен. Даже наши усердные волонтеры не могут оторвать от своей основной работы по добыванию хлеба насущного достаточно времени, чтобы выполнить все необходимое.

Нам нужны офисы. Нужны папки и пространство для архивирования. Нужно вести учет, чтобы ваша подписка не затерялась. Закупать дорогостоящее оборудование. Отвечать на письма и звонки. Поэтому у «Грейпвайна» *должны быть* и сотрудники, занятые полную рабочую неделю – наемный штат (неалкоголики), который делал бы девяносто процентов всей работы. Редактор утверждает, что эти трудолюбивые ребята занимаются всеми рутинными делами, а он со своими алкоголиками потом просто приходит и пожинает лавры. Так что давайте не будем недооценивать наемных сотрудников или относиться к ним снисходительно. Позвольте мне представить их вам.

Итак, у нас есть добросовестная Китти. Она с помощью двух девушек и одного юноши трудится в подвальном помещении в деловой части города, где-то под бруклинским мостом. Далее, продвигаясь в жилые кварталы, в главный офис, мы встречаем там еще двоих ребят. Вот Джон в своем кабинетике склонился над машинкой «Варитайпер». Этот парень не может позволить себе ни одного похмелья, и ему приходится быть правильным все время. Говорят, так и есть!

А вот Вирджиния, генеральный менеджер. В «Грейпвайне» это означает трудягу, готового выполнять любую работу, которую не могут или не желают делать остальные. Четыре из пяти статей поступают в журнал из других регионов. Если ваша статья слишком уж банальна, Вирджиния постарается смягчить ваше разочарование. Она отправит вам приятное письмо с благодарностями от всей команды «Грейпвайна», в котором признается, что отложила вашу статью в заветное хранилище, называемое ею «холодильником», и выразит надежду, что когда-нибудь она им, возможно, пригодится. Вирджинии приходится сокращать и править всех. Вы ведь знаете, как многословны алкоголики! Поэтому она вынуждена урезать наш поток слов, чтобы втиснуть его в рамки журнала. Она и со мной так поступает! Обычно ей удается заставить авторов уложиться в сроки или отложить печать, не доводя никого до бешенства. (Когда волонтеры с гордостью сдают милый их сердцу «Грейпвайн» на подписание в печать – что означает, что они пережили мучительные часы полировки окончательного варианта – Вирджиния откидывается на спинку кресла и иронично улыбается). По-видимому, волонтерам ошибки сходят с рук, но только не ей. Если что-нибудь неправильно, если выпуск снова не подпишут в печать – виновата будет Вирджиния! Но она все равно обожает такую жизнь в среде «Грейпвайна». И каждый сотрудник скажет вам то же самое. Для них это по-настоящему любимое дело. Иначе невозможно объяснить то, что эти ребята совершают для нас двенадцать раз в год.

Как думаете, чего «грейпвайнеры» хотели бы от нас с вами? Благоприятных отзывов? Само собой! Новых материалов? «Конечно, присылайте!» – хором призывают они. Заявок на подписку? Тут они сразу оживают и восклицают: «Брат, вот теперь ты дело говоришь!»

Эл, редактор журнала, недавно предупредил меня: «Сейчас «Грейпвайн» в трудном положении. Затраты взлетели до небес: печать, почтовые издержки, аренда, зарплаты – буквально все. Ничего не поделать: придется или наполовину урезать журнал, или поднять цену на него. Первое просто немыслимо, а второе – плохие новости. Фонд АА не может вечно восполнять нашу нехватку средств. Так что же нам делать?»

Тогда я спросил у него: «А что, если бы подписчиков стало гораздо больше?» Эл задумчиво потер подбородок и ответил: «Еще десять тысяч подписчиков к Рождеству – этого могло бы хватить».

Возможно, мой последний взгляд в зеркало АА был излишним – я больше не могу сопротивляться уговорам Эла. А вы?

Давайте читать – и благодарить Бога
(октябрь 1958 г.)

Это первый международный выпуск «Грейпвайна», и я ужасно рад видеть, как он уходит в печать.

Это событие напомнило мне о том, что изначально устав журнала написал один юрист из АА, ныне отошедший в мир иной. Он был прекрасным юристом, поэтому составил этот документ квалифицированно и в надлежащей форме. Но наш покойный друг был еще и членом АА, обладавшим глубоким видением – видением того, каким может стать Содружество в будущем и какую роль может сыграть «Грейпвайн» для исполнения этой мечты.

Когда он писал раздел устава об «общих целях», то совсем отставил юридический стиль и с огромным энтузиазмом принялся рисовать картину задач и перспектив журнала – да такую, что большинству из нас в том первом, 1944, году его замыслы показались абсолютно неправдоподобными.

Одна его фраза прочно засела в моем сознании. Он описал «Грейпвайн» как «волшебный ковер» АА, способный моментально перенести любого читателя в бесчисленные города и селения, а также в одинокие форпосты на дальних берегах, где когда-нибудь расцветет наше Содружество.

Этот международный выпуск лучше всего показывает, что мечта нашего друга сбылась. За какие-то четырнадцать лет после того, как он написал первый устав журнала, его предсказания значительно превзошла восхитительная реальность того, что на самом деле происходит среди нас.

Так давайте же прочтем этот выпуск от корки до корки – и возблагодарим Бога!

Письмо к годовщине *(июнь 1959 г.)*

Этот выпуск «Грейпвайна» знаменует собой пятнадцатую годовщину основания журнала.

Я всегда буду помнить некоторые из первых редакционных совещаний. Сидя вокруг стола в крохотной мрачной комнатушке где-то в глубине делового квартала, основатели сосредоточенно изучали только-только написанные материалы для первых выпусков. В те дни эти энтузиасты делали буквально все. Они не только занимались оформлением и писали большую часть статей, но также вели бухгалтерию, платили за печать, печатали адреса на каждом экземпляре и, наконец, сами наклеивали все марки. В таком вот радостном сумбуре каждый месяц рождался «Грейпвайн», впоследствии ставший главным периодическим изданием всего нашего Содружества.

Сегодня тридцать пять тысяч читателей видят в каждом выпуске журнала отражение мыслей, чувств и деятельности всего мира Анонимных Алкоголиков. «Грейпвайн» – наше великое средство связи друг с другом, «волшебный ковер», на котором любой из вас может облететь далекие края и понаблюдать, как наши новые братья и сестры выходят из тьмы к свету.

По случаю этой радостной годовщины я шлю читателям и сотрудникам журнала свои самые теплые пожелания. Да благословит Господь наш «Грейпвайн» во веки веков!

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

«spiritus contra spiritum» 438
АА:
новое человеческое общество 36, 108
алкоголики в действии 160
в четырнадцать лет 115
изменения 307, 321-322, 331-334
взросление 117-124, 166-170
ключевая методика – беседа одного алкоголика с другим 84-298
критика 91, 332, 345-347
«панацея» 43, 346
глубинный смысл 243-244
ранние страхи 298-299
будущее 308-312, 331-334, 347
управление 40-42
в Канаде 191
на международном уровне 250, 292-296, 312-315, 322-324, 341
«оно просто росло» 202
зрелость 115-116
общенациональное объединение 65, 181
1941 г. 65
1951 г., самоанализ 135
никаких «должен» 76
не религия 122, 332-333, 345-346
главная духовная цель 83
социальные изыскания 136, 346
духовные ценности 330-331
рост методом проб и ошибок 20-21
образ жизни 151
«штука для янки» 152
место рождения АА 122
«АА взрослеет» 168, 279

абсолютная зависимость 238
автономия 80-81
авторитет:
людей 7, 40-42
охотного согласия 8
не является основой АА 42
агностика:
ее влияние на Двенадцать Шагов 201
восприимчивость разума 273
Адлер, Альфред 282
Акронская городская больница 357-358
Акронская группа 142-143
Анна С. 353
первая группа 57, 358
Ал-Анон 300, 310, 377
и Канада 191
Александер, Джек 63, 148-149, 182, 194, 248
алкоголизм:
«причины» 184
хроническая болезнь 190
последствия 309
сфера борьбы с ним 184-190
прогрессирующее заболевание 249
тоска по Богу 280
алкоголизм и власть 209-210
«Алкоголики и Бог» (Марки) 145, 180
алкоголь:
как тиран 34
эффект смешения с таблетками 104

Американская медицинская ассоциация 174, 190
Американская общественная
ассоциация здравоохранения 157
одобрение 136

Американская психиатрическая ассоциация 99, 156, 173, 370
«Американский журнал по психиатрии» 156
«Американский психиатрический журнал» 371
Американское медицинское
общество штата Нью-Йорк 370
Амос, Фрэнк 60-61, 106, 143, 192
анархия 7, 32-34, 81, 305
Андерсон, Дуайт 370
Анна С. 119, 356-357, 360
хроника событий 353-354
см. Смит, Анна
анонимность 13-16, 17-20, 23, 43-46, 83, 205-209, 209-218, 291
как противоположность власти 209-218
нарушение анонимности 45-46, 92, 157, 212-216
в группе 19
история 13-14
инструмент национальной политики 18
без исключений 212-218
в статьях «Грейпвайн» 393
принципы выше личностей 13, 17-18, 205-209
защита анонимности 207, 210
на уровне общественности 19, 216
жертвование 209-218
духовная основа 92-94, 207
духовное значение 13, 18, 23-24, 210-218
также см. Традиция Одиннадцатая, Традиция Двенадцатая
«Анонимные Алкоголики»
(Большая Книга) 9-12, 20-21, 30, 37, 58-59, 63, 65-66, 105-108, 127, 133, 144, 148-149, 167, 247, 279
банкротство 107, 124

споры о содержании 200
издание в бумажной обложке 226-229
сопротивление изданию 338
«Анонимные Алкоголики Нью-Йорка», корпорация..... 48
Анонимные Наркоманы 222
антиалкогольное просвещение 43-45, 184, 186-190, 309-310
А/я № 459 152
А/я № 658 147
бармены 29
безрассудная правдивость 263
Берт Т. 62, 65
бессилие перед алкоголем 273
Библиотека Конгресса..... 107
Билл Д. (Анонимный Алкоголик номер три)..358, 360-362
Билл У.:
как нарушитель анонимности 94, 212, 216
Балтиморский опыт 35-36
«Билл-Брокер» 212
случай с хлоральгидратом 103
отказ от Йельской степени 205-209
«разнорабочий Штаба АА» 165
знакомство с Доктором Бобом..... 199, 247, 355-357
возможная последняя книга..... 327
заявление об уходе.....325-327
разговор с Силкуортом 199
медленный духовный прогресс 239-240
духовное пробуждение..... 197, 246, 267, 278, 284
см. Уилсон, Вильям Гриффит
благодарность 36, 271
благоразумие.....342-345, 346
Благотворительная больница Святого Винсента....202-205
Благотворительная Больница 376-378
Блэкуэлл, Эдвард 145

Бобби Б. 66, 152, 169
Бог:
АА как Его дар 312
сознательный контакт с Ним 78, 239-242
Творец 266
положиться на Него 7, 108, 245-246
вера 122
Первопричина 241
Божья милость 83, 86, 116, 197
главный авторитет 80, 77-78
Он повсюду 241-242
Божья воля 40, 78, 259
богатство:
опасность 83-84
не является основой АА 42
Бог как мы Его понимаем 201, 251-254, 311
Бог как я Его понимаю 252
Божья милость 273
Бок, Кертис 181, 63
болезнь духа 297
боль как учитель 272
Больница Никербокер 117, 156, 176
Больница Святого Иоанна 194, 204
больница Святого Фомы ... 122, 156, 203, 358, 372-376, 378
больница Таунса 175, 197, 297
больницы:
взаимоотношения с АА 52-54, 156
государственные больницы 53-54
«больницы АА» 30
сопряженные опасности 55
Большая Книга – *см.* «Анонимные Алкоголики»
БОО: *см.* Бюро общего обслуживания
Бруклинские АА 194
Бучмэн, Фрэнк (доктор) 196

Бюро общего обслуживания.....6, 23, 30, 37, 41-42, 64-66, 74, 108, 111, 126-127
нарушители анонимности..... 157
затраты..... 159
члены АА берут на себя ответственность за Бюро . 125
зарубежные службы..... 314
оплачиваемые работники.....86-87
головной центр обслуживания 341
всего лишь слуги 41-42
обмен опытом групп через переписку..... 147
сотрудники, поименно 157, 158, 162, 169
Бэкон, Селден (доктор)..... 189
Уайли, Филип 97-99
Вашингтонское движение.....4-5, 7, 11, 43
вера 251-254, 266
наша величайшая обязанность 254
«Величайшая история из всех рассказанных»..... 183, 194
вера без труда.....129, 348-349
Веси-стрит..... 63
Вильямс, Т. Генри..... 142, 357, 359
вина.....257-258
властолюбцы.....212-218, 267-268
вопросы, не имеющие отношения к деятельности АА:
мнений не высказываем..... 23
см. разногласия
восприимчивость разума 246, 273
Восьмая Традиция.....86, 93, 218-221
врачи 174-176
все еще страдающие алкоголики 331-332;
см. АА: будущее
Всемирная организация здравоохранения..... 135, 190
всемирное обслуживание 129-130, 134
Всемирное собрание по обслуживанию..... 341
вторая группа (Нью-Йорк): *см.* нью-йоркская группа

Вторая Традиция 77-78, 80, 93, 165, 318, 326, 339
Второй Завет 121, 137
Второй Шаг..... 239, 270
Вуд, Джон Е.Ф. 61
выбор жить.....301-302
выздоровление 127, 137
двойная ответственность 100
высокомерие..... 252
Высшая Сила 24, 35, 176, 198, 201, 241, 251, 267
Высшая Сила 3, 27, 77-78
высший авторитет 33
«Выход есть»: предлагавшееся название
Большой Книги..... 13, 107
Генри Г.: «сделай это сейчас»..... 157
Генриетта Д. 362
Гораций С. 65, 108
гордыня.....256-257
госпитализация.....51-56
готовность 223
граждане мира 100
«Грейпвайн»..... 23, 57, 66, 85, 125, 168, 227
коллективный голос АА.....387-389
регистрация юридического лица..... 154
дефицит 138-139
происхождение.....384-386
Гринвич-Виллидж: истоки..... 153
идеи и инфляция 392-394
«волшебный ковер» 395, 396
зеркало жизни АА 42, 127
лучи надежды..... 384
сотрудники, поименно..... 154, 391
Гренни 369
групповое сознание.....21, 78, 80-82
индивидуальные взаимоотношения.....32-36

единственный авторитет 165
Двенадцать Традиций 303
также см. Традиции; Двенадцать Традиций
группы:
анонимность 19
«все можно» 301
автономия 80-81
бизнес-начинания 72
цикл развития 77-78
проблемы роста 37-38
дома – первые места собраний 47
регистрация юридических лиц 72-74
члены групп 79, 223
«право на ошибку» 81
ротация в лидерстве 23, 41, 78, 109
правила 37, 38
обязанности в служении 132
единственная цель 223
особая цель 225
духовные образования 26
группы в психбольницах 53
группы Кана 364
группы по переписке 63
группы с двойными задачами 222-224
группы специального назначения 225
«группы с религиозным уклоном»: двойные задачи 224
Гульден, Фрэнк 194
дальновидность как качество лидера 290-291
дары ..... 29-32, 221; ..... *см.* самообеспечение
Даффи, Клинтон (надзиратель в Сен-Квентине).... 118-119
«две Мекки» 58
Двенадцатая Традиция 93-94, 207, 210, 320
Двенадцатый Шаг 27, 29, 64, 86-87, 121, 210, 223, 238, 240, 272, 297-298

АА не имеет монополии 174
основа Двенадцатого Шага 247
никаких взносов 23
истоки 195-201
«основная благотворительная деятельность» 350
главная цель АА 160
«Двенадцать пунктов для обеспечения нашего будущего» 22-24, 67-71
Двенадцать Традиций 32-34, 40-41, 67-71, 92-94, 167-168, 211, 218, 268
принятие 121
поправки? 321-322
свобода под Богом 315-321
уроки опыта 299-300
принципы единства 248-249
прогресс 317-321
защита 315-316
также см. группы; Традиции
Двенадцать Шагов 8, 34-35, 38, 40, 46, 94-96, 126-127, 268, 311
влияние агностицизма 201
поправки? 321-322
происхождение 195-202, 297-300
письменное изложение 200
споры о формулировках 200-201
также см. отдельные Шаги
«Двенадцать Шагов и Двенадцать Традиций» 210, 242
Девятая Традиция 88, 93
Девятый Шаг 240, 261
демократия 33-34
деньги 24-28, 28-32, 57-61, 83-84, 124-125, 218-221
подход к деньгам 134
пагубное влияние 84
покупка трезвости? 31

сбор средств 74
корень зла? 24
также *см.* самообеспечение
депрессия 236-238
причина – зависимость 236
Десятая Традиция 89, 93, 318
дефекты характера 239, 256, 315
Джейк Х. 118
Джеймс, Вильям 175-176, 196-197, 199, 279, 284, 298
Джеллинек, Элвин М. (доктор) 100, 188
Джим Б.: агностик 201
Джим С. 359
Джон Ячменное Зерно 34, 77, 109
Джордж: американский норвежец 123
диктаторство 33-34
«доктора» АА 29
Доктор Боб 58, 60-61, 63-64, 67-68, 107-110, 120, 122, 125-126, 128, 137, 140, 142, 168, 193, 199-200, 202-203, 227, 247, 262, 286, 345-346, 353-354, 355-357
и сестра Игнатия 373-376
хроника событий 354-360
дом под залогом 143
смертельная болезнь 160
предлагаемый памятник 217, 360
духовность 199
см. Смит, Роберт Холбрук (доктор)
«дома Двенадцатого Шага» 224
Дон Г. 158
друзья: доверенные советники 263-264
духовная гордыня 252, 255
духовная ценность: сила примера 253-254
духовное пробуждение ..... 233-236; *также см.* Билл У.
духовные переживания 274-276

духовный угол зрения 275
дьявол 281
Дэвис, Элрик Б. 180, 248
Дэйв М. 118
Единство – один из Заветов АА 137;
также см. Традиции; Двенадцать Традиций
«Ежеквартальный журнал исследований по проблеме алкоголя» 188
Епископальная церковь Распятия 368
жалость к себе 7, 35
женщины-алкоголики 119, 249-250, 294
жертвование 209-218
«Живи и давай жить другим» 42
журнал «Либерти» 62, 145, 180, 373
журнал «Фортьюн»: статья в феврале 1951 г. 136
журнал «Харперз» 143-144
«завязка» 51
«Заглянем в Ваше будущее» (Большая Книга) 383
за рубежом: *см.* АА на международном уровне
Зельтцер, Луи 118
«золото дураков» 255
избавление от желания пить 273-274
Издательство АА:
    скидки 138-140
    экономические аспекты 157, 227-229
имя АА:
    в рекламе 214
    в общественных кампаниях 75
интергруппы/центральные бюро 50, 132-133
информирование общественности: *см.* связи с общественностью
исследования по алкоголизму 43, 187-190
Исследовательский совет по проблеме алкоголя 187
«И-Цзин» (Книга Перемен) 280

Йельская школа исследований по проблеме алкоголя . 188
Йельский университет 45, 100, 187
предложенная почетная степень 205-209
«каждый раз – только один день» 290
Канада..... 191
капитуляция 246
Карлсон, Антон (доктор) 187
«Квинз Уорк», журнал 365
Кеннеди, Фостер (доктор) 62
клеймо 9-10
Кливленд 62-63
«Кливленд Пресс» 118
кливлендская группа 204
кливлендские индейцы 202
кливлендская газета «Плэйн Дилер»...62-63, 146, 180-181, 248, 373
реклама АА..... 203
клуб Лиги профсоюзов (Нью-Йорк)..... 146
клуб Манхэттена: *см.* клуб на 24-й улице
клуб на 24-й улице.....47-49
клуб номер один..... 147
клуб художников и иллюстраторов..... 47
клубы 71-75
Ал-Ано 73
Алк-Анон..... 73
уставы 74
«возня с преступниками» 88
желательность 46-49
финансирование.....71-72, 74-75
юрисдикция 73-74
управление.....72-75
членство..... 73
поддержка.....
«тринадцатый шаг» 46

Книга Иова 178
книга опыта – *см.* «Анонимные Алкоголики» (Большая Книга)
книжная компания АА – *см.* «компания «Воркс Паблишинг»
Колвин, Дэвид Ли 188
«колеса» 103-105, 222
Кольер, Керби (доктор) 156, 370
коммуникация 243, 251, 292-296, 348-349
основанная на взаимной потребности 247
компания «Воркс Паблишинг» 62, 64-66, 106
истоки 106
активы 106, 144
компания «Истмэн Кодак» 194
компания «Ю.С. Стил» 118
компромисс: качество лидера 289
Коннектикутская комиссия по проблеме алкоголизма . 189
консерваторы 10-12, 88, 219
Конференция – см. Конференция по общему обслуживанию
Конференция по общему обслуживанию 111, 166-170, 306
рождение 162-165
заключительные речи 324-327, 342-345
последнее великое решение 137
происхождение 159-160
предложение 126-128, 169
неприятие Конференции 338-339
двойная система 163
«Корнуолл Пресс» 145
критика 289, 332, 345-347
Каррель, Алексис (доктор) 105
«лекари АА» 29, 86
лидерство 287-292
«действуйте за нас, но не командуйте нами» 288

ротация 23, 41, 78, 109, 326
деятель 288-289
дальновидность 290
также см. личное управление; авторитет людей
Линкольн, Абрахам 260
литература: потребность в стандартизированной литературе 127, 133, 348
Литл Рок, Арканзас 64
личное управление 40-42
ложная гордыня 68
Лоис У. ..... 198, 283, 354; ..... см. Уилсон, Лоис Бернхэм
любовь 42, 268
свобода любить 237, 238
МакКарти, Рэй 189
Мандерз, Деннис 157
Марки, Моррис 145, 180
Марти М. 100-101, 369
Национальный совет по алкоголизму 189
материализм 30-32
материальное: отделяем от духовного 49
мать алкоголика: советы для нее 101-102
медитация 269
медицина: взаимоотношения с АА ... 156, 174-176; .. также см. больницы
Медицинский съезд в Атлантик-Сити 356
медицинское лечение: поиски 54-56
Медицинское сообщество Нью-Йорка 155
места для вытрезвления 7, 30, 54-55, 56, 75, 132
«миссионеры» 58
мистер Хайд 237
«Мнение доктора» (Большая Книга) 283
Молитва о спокойствии 235, 269-271
молитва ..... 241-242; *также* см. Одиннадцатый Шаг
моряки АА (интернационалисты) 48, 314

наркоманы как члены АА? 222-225
наркотики и алкоголь 103-105, 222-225
нарушители анонимности 92, 157, 212-216
наставничество 52
научная психологическая методика 98
научные теории 117
Национальный комитет по антиалкогольному просвещению: *см.* Национальный совет по алкоголизму
Национальный совет по алкоголизму 45, 100, 189
неверующий 253-254
Неделя Благодарения и Традиции АА 95
Неделя Традиций 124
«*Некоторые* алкоголики – очаровательные люди» 182
«Не суди» 76
«неторопливые» ..... 11-12; *см.* консерваторы
«Не усложнять»:
структура АА 303-307
Большая Книга 133
новички 39, 233-235, 333
Норрис, Джон Р. (доктор) 194, 334-335, 340
нью-йоркская группа 142
«Нью-Йорк Таймс» 145
обзор Большой Книги 107
обед с Рокфеллером 146, 155, 177
влияние на судьбу АА 60
список участников 63, 66
обида 369
облеченные доверием слуги 339
общее благо 32-36, 76-77, 80, 93, 317
Одиннадцатая Традиция ..... 6, 91-93, 210, 319; *см.* анонимность
Одиннадцатый Шаг 239-242, 258
пренебрежение им 240-241
см. Медитация

«одиночки».....7, 127, 312, 323-324
Оксфордские группы 196-199, 247, 277-279, 285, 298, 357, 368
принципы.....198-200
практики 196
организованность 303-307
как можно меньше организованности 88-89
основная цель 82-83
«Основные методы Анонимных Алкоголиков» (Тьебу). 99
ответственность..... 309-312, 312-313, 328-334
отель «Мэйфлауэр» 285
отец Доулинг, Эдвард 179, 268-269
хроника событий.....364-366
отец Нэйгл 204
отождествление себя с алкоголиками повсюду 292-296
«отпустить ситуацию и оставить ее на волю Бога»..... 141
Оурслер, Фултон..... 145, 180, 182, 194
влияние АА 183
редакционная коллегия «Грейпвайн» 182-183
попечитель.....183
«Очаровательные – вот как можно описать алкоголиков» (Оурслер).....182
пансионаты.....55
Первая группа (Акрон): *см.* Акронская группа
Первая Традиция 32, 76-78, 80, 93, 317
Первый Шаг..... 51, 239, 270, 273, 297
Перл-Харбор 268-269
подстрекатели 10-12, 88, 219
подход «все или ничего».....271
пожертвования: покупка трезвости? 31
см. деньги; самообеспечение
«полет вслепую».....9-12
Пол С. 60
политика: гибкость.....9

политиканы 289
положительное направление: *см.* Высшая Сила
попечители-неалкоголики 192-195, 334-340
«правила» в АА 6-9, 37, 38
«превращения» 277-279
их необходимость (Юнг)..... 277
их полнота 279
премия Ласкера..... 136
пример: его сила 253-254
принцип «родителям виднее» 168
принцип привлекательности идей 91-92
принципы выше личностей 205-209, 287;
также *см.* анонимность
принятие.....269-271
присоединение.....43-46
проблема безверия..... 252
Провидение 105
программа АА 195-202, 297-300
ее духовная ориентация 7-8
просвещение 186-190
участие АА 187
«просвещенное питие»..... 213
просьбы о финансировании 85-86
публичные 30-31
использование имени АА..... 75
профессионализация 24, 26-29, 55, 60, 220
профессионализм?.....100-101
консультирование за плату..... 23
«профессионалы АА» 86-87
психиатрические лечебницы..... 54
психиатры: взаимоотношения с АА 171-174
психическая одержимость..... 102, 175, 197, 243
психические феномены 379
публичность: *см.* связи с общественностью

публичные споры 23, 89-90, 93, 318
пьющие по принципу «все или ничего» 289
«пьяницы, которые понимают»..... 244
пьяницы, которыми мало интересуются 59
Пятая Традиция 82, 93, 116
Пятнадцатая годовщина: взросление 117
Пятый Шаг 239
работа по Двенадцатому Шагу..... 238, 252
профессиональная? 86-87
«разговоры о Боге».....38, 234-236
«Разновидности религиозного опыта»..... 197, 279, 284
разногласия 89-90, 93, 318
распространение идей АА.....10, 58, 86-87, 150-160, 160-162, 204
Резервный фонд.....138-139, 227
религия: отношение АА..... 127
реформаторы..... 100
«Ридерз Дайджест» 180, 183, 194
неудача со статьей.....144-145
Рикенбэкер, Эдди..... 36
Ричардсон, Виллард С. («Дик»).. 59, 61, 142, 177, 192, 195
родители АА 167
«Розари-Холл» 202, 205
Рокфеллер, Джон Д.-младший ... 61, 66, 105, 143, 146, 149, 192-193
обед в 1940 году 62
Рокфеллер, Нельсон 62-63, 146
Рокфеллер:
Центр 59
семья 148, 177
Роланд Х.....276-279, 282-283
ротация: *см.* группы, ротация в лидерстве
Рузвельт, Франклин Д. 265
«Руководство по обслуживанию АА» 142-165, 341

«Руководство по Третьему Завету»:
см. «Руководство по обслуживанию АА»
самоанализ ..... 135, 256-258, 271; ..*см.* также честность
самообеспечение ...25, 57-61, 62-66, 124-125, 291, 349-350
подарки и посмертные дары 29-32
«деньги за книгу» 159
пожертвования извне 30-31
1948 85-86
принцип самообеспечения 30-32, 350
Традиция о самообеспечении 72, 85
также см. деньги
самообман 260-261
«всяк сверчок знай свой шесток» 82
«сбавить обороты» 54, 56
«набрать обороты» 56
сбор средств 22-23
«сверхъестественный символ» 98
свобода под Богом 315
свобода 300-303, 315-321
связи с общественностью 3-6, 6-9, 157, 348
и Бог 8-9
и Провидение 91
анонимность – краеугольный камень 7
привлечение 91-92
«полет вслепую» 9-10
хорошие новости об АА 167
добро против зла 319-320
вредоносные ранние попытки 213-215
история 6
стратегия 3-6, 6-9
Святой Игнатий 365
Святой Франциск 237-238
молитва 237
священнослужители 177-179

Седьмая Традиция 72, 85, 93, 218, 221;
также см. самообеспечение
Сент-Луис: 20-й международный съезд 140-141
сессия под названием «О чем вы думаете?» 164
сестра Викторина 204
сестра Игнатия 156, 202-205, 227, 309
хроника событий 371-379
сестра Мерсэд 204
сестры милосердия из
монастыря Святого Августина 202, 371-372, 375-376
Сиберлинг, Генриетта 355-357
сила воли 272-274
сила: поиски 209-210
Силкуорт, Вильям Дункан (доктор) .. 60, 104-105, 117, 142,
156, 196-200, 278-279, 282-286, 297
идея об одержимости и аллергии 243
язык сердца 243-244
работа по Двенадцатому Шагу 176
словесный портрет 175-176
Скотт, Альберт 60, 192
скромность 3-5, 10, 23
службы 129-130, 131-134, 150-160, 161, 348-349, 350
особые службы 88-89
духовные плоды 131
служение:
ядро АА 41-42, 129-130
определение служения 160
Завет о служении 137
также см. Третий Завет
служить, а не управлять 93
случаи «с высоким дном» 249, 293-294
случаи «с низким дном» 249, 293
СМИ: взаимоотношения с АА 157, 180-183;
также см. анонимность

смирение 7-8, 10, 68, 96, 254-259
смирение и совершенствование 258-259
предшествующее успеху 71
проблемы роста.....235
дорога к смирению 254-255
Смит, Анна: *см.* Анна С.
Смит, Бернард Б.....168, 194, 337-339
хроника событий.....380
Смит, Роберт Холбрук (доктор): *см.* Доктор Боб
собственность: споры 31
Совет по общему обслуживанию Анонимных Алкоголиков: *см.* Совет попечителей
Совет попечителей 23, 30, 63-66, 74, 105, 108, 111, 126-127, 224
собственность на Большую Книгу.....65-66
запрос о регистрации журнала «Грейпвайн» 154
история 57-59
попечители-неалкоголики.....192-195
реорганизация (изменение состава).....334-339
Резервный фонд 138-139, 227
современное общество: сухой запой 95
Сол, Дадли (доктор) 363-364
со-основатели:
как члены АА 108-109
титул, вызывающий сожаление.....297
бренность.....126-128
сорвавшиеся.....38, 54, 117
повторение прежних ошибок 34
сотрудничество:
с духовенством.....177-179
с медиками.....132, 174-176
с профессионалами.....184-190
с психиатрами 171-173
со сферой общественного просвещения 100

социальные изыскания 136
специальные службы 29, 88-89
старейшины, духовные родители АА.....326-327
Стейнвэй-Холл..... 172
сторонние организации.....22, 43-46, 55, 72, 76
анонимность.....44-46, 213
без поддержки 213-214
также см. алкоголизм, сфера борьбы с ним; клубы; сотрудничество
Стоуффер (доктор) 363
страх 265-269
противоядие от страха.....342-345
сила страха 35
Стронг, Леонард В.-младший (доктор).....60, 142-143, 192, 195
структура АА 137, 303-307
структура АА 137, 303-307,
супруги: «забытые люди»..... 119-120
сухой запой 95, 98
съезд, посвященный 25-й годовщине296-300, 320, 364-366
съезд, посвященный 30-й годовщине..... 328
«Сэтедэй Ивнинг Пост».....63-65, 148-149, 181, 194, 248, 363
лавина писем 149
в центре внимания всей нации 150
таблетки.....103-105
Таунс, Чарльз Б. 106, 144, 148, 180
Тексон, Мейер (доктор) 117
терапия: сопротивление ей 184
«Тише едешь – дальше будешь» 42
Традиции 90, 117
безразличное принятие 155
авторство 155
кодекс общих принципов 154-155, 305

фундаментальные заповеди 94
также *см.* группы; Двенадцать Традиций
Традиции АА об отношениях – *см.* Двенадцать пунктов для обеспечения нашего будущего
трезвость:
новое начало 234-236
эмоциональный аспект 238
массовое явление 10, 204
Третий Завет 126-128, 130, 135, 160-165, 349
Третья Группа (Кливлендская) 57
Третья Традиция 79-80, 93, 317
Три Завета 126, 141
Тринадцатый «Выход» 107
Тьебу, Гарри (доктор) 99, 156
хроника событий 369-370
о духовном опыте 99
Тэдди (медсестра) 156, 176
Тюрьма Сен-Квентин: группа АА 118
тяготы развития ..... 47-48, 153; *также см.* группы
Уилсон, Вильям Гриффит: *см.* Билл У.
Уилсон, Лоис Бернхэм: *см.* Лоис У.
«Упражнения» (Св. Игнатий): параллель с Двенадцатью Шагами 365
условие для членства в АА 79
успех:
опасности 82-83
Божья воля 68
проблемы 68, 308-310
высшее испытание 31
физическая аллергия 175, 197, 243
Филадельфия:
первая возникшая группа (1940 г.) 363
история Джима 363
центральная больница 363

Фитц М. 14, 107, 200
Фонд АА:
формирование 61
причины переименования 165
см. Совет попечителей
Фосдик, Гарри Эмерсон 62, 145-146
обед с Рокфеллером 177
Францисканцы 42
Фрейд, Зигмунд 282
Хаггард, Говард У. (доктор) 187-190
Хаммер, А. Вейзе 362-364
Хаммер, Хелен 363-364
Харрисон, Леонард В. 168, 195
Хендерсон (доктор) 187
химическая компания «Дюпон» 118
Хок, Рут 63-64, 107, 144-145, 147, 152
Хольден, Рубен А. 205-209
христианство: первое столетие 60
Хэнк П. 106, 108, 144
агностик 201
«человек на кровати» 361
«Человек. Неизвестное» (Каррель) 105
честность 259-264
Четвертая Традиция 80-82, 93, 317
Четвертый Шаг 239
Чипмэн, А. ЛеРой 59-60, 148, 192
«чистые алкоголики» 223
членство 33, 37-39, 79, 223
включаем, но не исключаем 333
также *см.* Третья Традиция
членство в АА 33, 37-39, 223
единственное условие для членства 79-80, 93, 317
члены АА:

«привилегированный народ» 35
занятые в сфере борьбы с алкоголизмом..... 29, 100-101
Шаги: *см.* Двенадцать Шагов
Шестая Традиция 71, 83-84, 93
Шумейкер, Сэмюэл (доктор).... 177-178, 277, 279, 298, 368
хроника событий..... 379-380
Шумейкер, Хелен 379
Эбби Т..... 196-197, 245, 278-279, 283-284, 298
хроника событий..... 367-368
эго: сокрушение до самой глубины 244, 247
эгосцентричность 40
Эксман, Юджин 143
эмоциональная трезвость 236-238
«эра кухонных столов» 304-305
Юго-восточный региональный съезд 67
Юнг, Карл 98, 266-267, 281-286
Юнг, переписка 276-281
юридические лица..... 71-76; ..... *см. также* клубы
язык сердца 242-250, 311, 349
«Я стою у дверей» (Шумейкер) 379

ISBN 978-5-85271-592-0
Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 999 экз.
Заказ № ВЗК-04738-15.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати — ВЯТКА» в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов.
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

ISBN 978-5-85271-592-0